

АЛЬМАНАХ ЧАЙКА

Избранное

2015-2020

**Составитель и редактор
Ирина Чайковская**

Оформление - Алекс Марин

CHAYKA – BEST OF

2015-2020

Copyright © 2020 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya
Layout: Alex Marin

Printed in the United States of America
Lulu Press, Inc., Morrisville, NC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN 978-1-716-26424-5

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
Выходит два раза в год

Специальный Выпуск

ЧАЙКА

Избранное

2015-2020

Проза
Стихи
Статьи
Эссе
Интервью

Редактор-составитель
ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

Содержание

Предисловие редактора	10
Бауржан Тойшибеков. Десять максим	12
Часть 1. Сегодня в Америке	13
Роман Солодов. Страна на перепутье	14
Григорий Писаревский. «Кто виноват» и «Что делать» на земле Америки.....	20
Из нашей почты. Время крыс	28
Элиэзер Рабинович. Где наша Америка пошла неверным путём, или почему Трамп, возможно, проиграет выборы?	33
Александр Сиротин. Культура и история США – жертвы эпидемий	43
Наум Клейман. Письмо друзьям	46
Соня Тучинская. Белый «гилт» и черные бунты.....	53
Михаил Голубовский, Григорий Яблонский. Роковой коронавирус. Факты. Уроки. Вопросы	61
Адольф Берлин. Экспоненциальные технологии 21-го века	75
Михаил Голубовский. Одолевая корону-19	92
Часть 2. Мрачные годы: Война, Холокост, Террор	101
Лариса Миллер. И в черные годы блестели снега	102
Юлий Зыслин. Война моего детства	103
Александр Экмекчи. Вера	113
Итана Карпишпан. Блокадный Ленинград и первый в мире водородный двигатель. Борис Щелищ	121
Роман Солодов. Памяти Холокоста. Судьба Феликса Зандмана	126
Владимир Темкин. Колымская сага	134

Даша Кашина. Не забудь выпустить птичку. По воспоминаниям Льва Майорова	146
Азарий Мессерер. И один в поле воин. На смерть Петра Патрушева	150
Часть 3. Из архивов памяти	159
Юлия Добровольская. Мемуар в трёх частях	160
Валентина Синкевич. Евгений Евтушенко в XXI веке	165
Никита Кривошеин. Дважды Француз Советского Союза	172
Наталья Роскина. О Корнее Чуковском. Из неопубликованного. Публикация Ирины Роскиной	183
Ирина Роскина. Об Александре Галиче. К 100-летию со дня рождения А.А. Галича	193
Инна Шифанова. Цветочный остров памяти: Немцов мост ...	204
Часть 4. Россия и Америка	211
Вадим Массальский. Челищев. Маэстро калифорнийского каберне	212
Лиана Алавердова. Продажа российских сокровищ	230
Анастасия Антонова. Пермские зарисовки	235
Элеонора Мандалян. Илон Маск: империя будущего.....	239
Лазарь Фрейдгейм. Питиё на земле российской.....	253
Часть 5. Из исторической тетради	263
Александр Булгаков. Рубка леса. По следам Русско-Кавказской войны	264
Лев Бердников. Загадка автографа. Владимир Бурцев	271
Елена Пацкина. Василий Ключевский. История не учительница, а надзирательница... ..	280
Семен Резник. Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время. Глава из книги.....	284
Элиэзер Рабинович. Колыма как родина страха. Комментарий к фильму Юрия Дудя	297

Ирина и Жиль Марк Фужерон. Неизвестные деятели русской культуры: Сергей Карцевский	306
Часть 6. Литература, Кино, Театр	313
Анатолий Валуженич. Бренд «Лиля Брик»	314
Бенгт Янгфельдт. Об Анатолии Валужениче, Осипе Брикe и Владимире Маяковском.....	320
Владимир Солунский. Песни — стихи Михаила Щербакова	324
Лейла Александер-Гарретт. Стокгольм Андрея Тарковского	338
Элеонора Мандалаян. Кинообозрение от Элеоноры Мандалаян. Величайший шоумен мира	343
Нина Аловерт. Юрский – чтец. Отрывок из воспоминаний.....	354
Александр Сиротин. Жизнь и смерть еврейского театра. Факты семейной биографии (в сокращении)	358
Борис Казинец. Как это делается в Америке. Байка-быль	370
Борис Голубицкий. Уроки Эфроса	378
Анна Белокопытова. «Машина Мюллер» Кирилла Серебренникова как Манифест равнодушия в действии.....	385
Ирина Чайковская. Гум. Пьеса для двоих	389
Часть 7. Изобразительное искусство и музыка	401
Самуил Кур. Блистательный Бакст и его эпоха.	402
Игорь Волошин. Эпизод из жизни еврейского художника Уильяма Гроппера	428
Вера Чайковская. Новый взгляд. Ноктюры солнечного Лентулова.....	432
Ольга Трифонова-Танган. Подарок Шагала	439
Сергей Голлербах. Русский романтик вне России. Памяти художника и поэта Владимира Шаталова. К 100-летию художника	460
Руфь Деминг. Шаталов	464

Григорий Куперштейн. Однажды в Нью-Йорке. Миша Эльман, Давид Ойстрах и Натан Мильштейн (из цикла «Одесские ребята»)	468
Лев Гуревич. Моисей Вайнберг. Судьба и музыка	480
Часть 8. Наука	487
Александр Рабинович. Фантомы общей теории относительности	488
Часть 9. Проза	497
Ольга Дунаевская. За что любят мужчины	498
Олег Пряничников. Свадебный гость	502
Серафима Лаптева. Баклажаны маринованные.....	505
Сергей Кузнецов. Амиго	508
Александр Романов. Любовница	511
Яков Фрейдин. Тени забытых предков	516
Макс Неволошин. Шла Шаша по соше	528
Лия Припштейн. Смерть моего обидчика	539
Михаил Моргулис. Итальянец в Вене	542
Вера Чайковская. Клеопатра.....	545
Анатолий Петрушин. Явка с повинной.	552
Кира Белостоцкая. Два рассказа про С. П. Королева	560
Лев Визен. Москва 1941-го. Забытый октябрь. Из повести "Метель из лиц вождей"	564
Евсей Цейтлин. Эмиграция как сон. Из дневников этих лет ..	579
Илья Прозоров. Конец августа	602
Николай Боков. Ванна ветра	610
Наум Белог. Свадьба. Из Одесских историй	613
Валерий Бохов. В электричке.....	620
Юлия Вертела. Кебабная	623
Часть 10. Поэзия	625

Михаил Мейлах. Из тюремной тетради	626
Ксения Хрусталева. 66-й сонет Шекспира. «Завет» Редьярда Киплинга	631
Валентина Синкевич. Пение	634
Галина Ицкович. Из Билли Коллинза. Гранд Централ. Борис Лихтенфельд. Прямой наводкой	636
Саша Немировский. Папе.....	638
Николай Боков. Ты ленилась вставать	640
Валерий Скобло. Память. Дело Зильберберга	641
Саша Зеленская. Не снимай пальто	643
Людмила Свирская. В Лондоне. Я не сильная женщина.....	644
Татьяна Парсанова. Не цветами – лебедой. Выключаю разум.....	646
Зоя Бобкова. Зазнобило ветром изо всех-то щелей и щёлочек.....	647
Михаил Синельников. Серебряный век	649
Лариса Миллер. А вдруг Господь меня читает	650
Борис Марковский. Прощай, просодия ветвей	651
Татьяна Белянчикова. Меркуцио.....	651
Виктор Голков. Встреча	653
Валентин Нервин. Отчего я сегодня с утра. По дороге на Черную речку	655
Евгений Сливкин. И осталось от города Питера. Пациент.....	657
Владимир Спектор. Запах «Красной Москвы»	658
Юрий Хейфец. Необратимость событий лишь кажется таковой.....	659
Александр Шиварг. Листопад	660
Владимир Ханан. Если сможешь представить – представь себе эту беду	661
Елена Кутина. Знаешь, там, за плечом Моны Лизы... ..	663

Марина Мичурина. Ты выбрал меня.....	664
Ирина Рувинская. Два стихотворения. Возле дома, который снесли. Привычка эта, словно сеть	665
Елена Литинская. В моей гостиной все как двадцать лет назад	666
Часть 11. Детский альбом	667
Вадим Чирков. Три коротких сказки.....	668
Александр Ралот. Тарелочки.....	670
Олег Лузанов. Дед Мороз	675
Виолетта Гребельник. За что мы любим лето	682
Владимир Резник. Бумка	683
Часть12. Юмор	685
Евгений Обухов. Страшное существо	686
Александр Матлин. Войти в реку времени	688
Григорий Яблонский. Есть такая партия! Новое о Владимире Ильиче Ленине	694
Сергей Кузнецов. Байки. То-то было весело при Тоталитаризме. Из жизни советских писателей	699
Сведения об авторах	712

Предисловие редактора

Альманах ЧАЙКА выходит в Большом Вашингтоне (на платформах AMAZON и LULU) каждые полгода уже пять лет, с 2015-го по 2020-й. Сборники, объемом более 400 страниц, включают лучшие материалы всех жанров, напечатанные за шесть месяцев в нашем электронном русскоязычном журнале ЧАЙКА. Зимой 2020 года мы выпустили юбилейный 10-й номер.

Представляем на читательский суд «Альманах ЧАЙКА. Избранное».

Вы найдете в нем произведения 103 авторов из 17 стран мира. Страны нужно перечислить: Америка, Россия, Украина, Казахстан, Узбекистан, Эстония, Канада, Австралия, Израиль, Германия, Франция, Англия, Швеция, Италия, Испания, Швейцария, Чехия. Мы сохранили традиционную структуру наших Альманахов. «Альманах ЧАЙКА. Избранное» включает 12 частей, это: Сегодня в Америке, Мрачные годы (Война, Холокост, террор). Из архивов памяти, Россия и Америка, Из исторической тетради, Литература, Кино и театр, Изобразительное искусство и музыка, Наука, Проза, Поэзия, Детский альбом, Юмор.

В нашем Альманахе соседствуют произведения давних друзей ЧАЙКИ, членов ее редколлегии - Элеоноры Мандалаян, Александра Сиротина, Евсея Цейтлина, а также таких маститых авторов, как Азарий Мессерер, Юлия Добровольская, Валентина Синкевич, Николай Боков, Сергей Голлербах, Ксения и Никита Кривошеины, Семен Резник, Нина Аловерт, Самуил Кур, Ольга Трифонова-Тангян, Лариса Миллер, Вера Чайковская – с произведениями авторов начинающих и даже дебютантов: Елены Кутиной, Александра Романова, Ксении Хрустальной. Надеемся, что читателю будет интересно познакомиться с сочинениями молодых и не очень молодых талантливых авторов, у нас дебютировавших.

В этот раз мы решили начать Альманах с рассказа о тех событиях, которые сегодня сотрясают Америку и, похоже, оставят след в ее будущем. Мы постарались рассказать о них сбалансированно, голосами авторов с разными политическими и этическими воззрениями.

Обращу внимание читателей на две публикации, это статья «Бренд «Лиля Брик» Анатолия Валюженича из Казахстана, комментарий к которой написал известный шведский ученый-русист, исследователь Маяковского и его эпохи, Бенгт Янгфельдт, а также на статью дочери писателя Трифонова и внучки художника Нюренберга Ольги Трифоновой-Тангян «Подарок Шагала». Но и все остальные

наши материалы, вы в этом убедитесь, – интересны и уникальны, они написаны специально для нас и прежде нигде не были опубликованы.

Содержательными получились отделы Прозы и Поэзии, в первом отделе представлен в основном жанр короткого рассказа-новеллы, во втором стихи малого формата, взятые из нашего постоянного журнального раздела «Одно стихотворение». Понятно, что стихи, представленные в этом разделе, взвешиваются на очень чутких весах.

В отделе НАУКА помещена статья московского ученого, доктора физ-мат наук Александра Рабиновича «Фантомы теории относительности», вызвавшая при своем появлении в журнале большой интерес и наплыв читателей. Заканчивается Альманах традиционным разделом ЮМОР. Все три рассказа, помещенные в нем, «Страшное существо» Евгения Обухова, «Войти в реку времени» Александра Матлина и «Есть такая партия» Григория Яблонского непременно вызовут у вас улыбку, а может быть, и громкий смех.

Оформлен наш Альманах репродукциями с картин, помещенных в качестве иллюстраций к 10 нашим предыдущим Сборникам. Художники самые разные, как классические – Павел Федотов, Карл Брюллов, Федор Толстой, так и современные – Аристарх Лентулов, Николай Акимов, Семен Агроскин, Лев Саксонов, Лев Табенкин... Они, бесспорно, украсили наш сборник.

Благодарю всех замечательных авторов, принявших участие в этом проекте, всех моих помощников – Александра Марина, Евсея Цейтлина, Марка Мейтина. Наш «Альманах ЧАЙКА. Избранное» летит к читателям. Да сопутствует ему читательский интерес!

Ирина Чайковская

15 сентября 2020 года

Большой Вашингтон, США

Бауржан Тойшибеков

Алматы, Казахстан

Десять максим

Мне 60 лет, по образованию историк, живу в Казахстане (г. Алматы), в настоящее время работаю истопником в сауне.

Культура – это когда человек является мерой вещей, а цивилизация – это когда вещи являются мерой человека.

Богач боится обеднеть, бедняк боится обнищать, а нищий ничего не боится.

Я, как и всякий человек, наделён знанием и верой – знанием, что я умру, и верой, что я бессмертен.

Одна партия в государстве – всё равно что одна извилина в голове.

Дважды два в арифметике не может равняться ничему, кроме четырёх, а в жизни может равняться всему, кроме четырёх.

В искусстве высота – это продолжение глубины ввысь, а глубина – это продолжение высоты вглубь.

Идея – это то, что рождается в голове, например, идея гильотины, а мысль – это то, что рождается в сердце, например, мысль о Боге.

Иногда овца считается паршивой лишь потому, что отбилась от стада.

Да, люди – это Божьи дети, но мир – это всё-таки не детский сад.

Власть тьмы – это когда тьма власти сосредоточена в одних руках.

Часть 1. Сегодня в Америке

//newsyou.info

Роман Солодов

Нью-Джерси, США

Страна на перекутье

Меньше ста дней осталось до судьбоносных выборов очередного американского президента. Трамп или Байден? Продолжит ли наша страна курс нынешнего президента, либо свернет с этого пути и постепенно вернется на проторенную дорогу, по которой шла десятилетиями. Эта дорога привела Штаты к неоспоримому мировому лидерству, начиная со второй половины XX века. Кто-то станет оспаривать это утверждение, указывая на пример СССР, который добился паритета в ядерной гонке. А в чем еще он сравнялся с Америкой?

И вот пришел Трамп. Его лозунг «Снова сделать Америку великой» был фальшивым с самого начала. Но народ проголосовал (в меньшем числе, чем за Хиллари Клинтон) за этот лозунг и мы получили, мягко говоря, странного президента. Перечислю только некоторые из его странностей, даже объяснить их очень трудно.

Начнем хотя бы с Северной Кореи. Начал с угроз, с демонстрации силы, флот близко подошел к берегам этой страны, потом начались личные встречи, объятия и даже объяснения в любви. Кореец его переиграл начисто, потому что условия нормализации отношений его никак не могли устроить – отказ от ядерного оружия. На сегодняшний день это единственное надежное средство от большой войны. Для

корейца - это единственное средство, позволяющее ему выжить. Надо быть самоубийцей, чтобы отказаться от бомбы.

Создалось впечатление, что Ким издевался над Трампом. Во время их «любви» он проводил испытания атомной бомбы и нужных ему ракет. Не выпустил из лагерей ни одно политзаключенного. Это был феноменальный провал политики Трампа.

Второй пример – выход из договора с Ираном. При том, что Иран скрупулёзно придерживался каждой буквы этого соглашения. Что получили? Постоянную угрозу того, что Иран работает над созданием атомной бомбы. Насколько он продвинулся, никто не знает. Но, когда был договор, он не делал ее. Сейчас Трамп уже не в первый раз заявляет о своем желании встретиться с руководством Ирана и каждый раз получает отказ. У иранцев собственная гордость.

Третий пример - отношения с Путиным. Скандальные заявления в Хельсинки, что он больше верит русскому лидеру, нежели собственной разведке. И санкции, накладываемые на Россию, которые больше напоминают шлепки по рукам проказливого школьника. Америка их выполняет формально, если вообще выполняет. Несмотря на громкие заявления Трампа, что он самый крутой по отношению в России в плане санкций, его администрация тихо саботировала исполнения этих санкций в течение последних двух лет, то есть фактически санкции были усунены.

Торговые переговоры с Китаем пока что ни к чему не привели, разве что президент посадил фермеров из Айовы практически на вэлфер, компенсируя им из американской казны потерю рынка сбыта соевых бобов. Предательство по отношению к курдам и вызванная этим шагом отставка Министра обороны войдут в анналы американской истории как пример предательства верных союзников.

Сколько еще было провалов? Этой теме можно посвятить труд, объемом не в один том. Были и экономические успехи, хотя надо заметить, что часть экономистов отказывает ему даже в этом, утверждая, что все его достижения выросли на Обамовских дрожжах. И действительно, если посмотреть на кривые роста производства и падения безработицы, то видно, что никаких скачков нет после прихода Трампа. Сейчас, правда, сложилась особая ситуация в связи с коронавирусом. И трудно винить Трампа в этом чудовищном падении экономики. Хотя...

Надо заметить, что вина президента в колоссальном количестве жертв неоспорима. Достаточно вспомнить все его высказывания по поводу пандемии. Думаю, что у каждого читателя они в памяти. Каждое такое высказывание, отрицание пользы масок, в частности, - это дополнительные сотни, если не тысячи, смертей наших граждан. И сегодня он продолжает отрицать очевидное. На что рассчитывает? Что коронавирус сам уйдет? На чудодейственную вакцину? Пока что мы, простые граждане, просвета не видим в этой стене.

Теперь вопрос: а что будет со страной, если Трамп выиграет? Представим себе такой вариант, что он выигрывает и вместе ним выигрывает Конгресс его партия. Маловероятно, что республиканцы вернут себе больше двадцати мест в Конгрессе, но рассмотрим эту возможность.

В свое время в разговоре с друзьями после поражения Маккейна на президентских выборах 2008 года я сказал им: «Америка Джона Уэйна ушла в прошлое». Ничего личного против этого актера я не имел, но для меня он воплощал дух белого человека со всеми сопутствующими этому образу реалиями. Кстати, в общественной жизни он был достаточно консервативен.

И вот пришел Трамп, который воплощал дух белого американца, силой сметающего на своем пути любые препятствия. И часть белого народа поддалась на обман, не соглашаясь с переменами, происходящими в стране, не

принимая их, желая вернуться в прошлое, когда черные и вообще нацмены знали свое место. Думаю, что в случае победы, Трамп продолжит свою политику разделения нации.

Вряд ли ему удастся сломать триаду, на которой держится американская демократия – независимость трех ветвей власти, но то, что он пошатнет ее с креном в пользу исполнительной, у меня нет сомнений. Друзья припомнили мне мои слова сегодня, сказав: «Ты его рано похоронил. Джон Уэйн вернулся». Хотелось бы (это мое личное пожелание), чтобы он ушел в прошлое навсегда.

В заключение о загадке, которую задал Трамп своим высказыванием о том, кто заплатит за пресловутую стену на границе с Мексикой. Трамп ответил предельно просто: «Мексика заплатит». Для меня это осталась тайной, которую я никогда не разгадаю. Я помню дружный крик толпы «Мексика!» в ответ на его вопрос: «Кто заплатит за стену»? Почему столько народа поверило в этот бред? Этот феномен я отношу к массовому помешательству. Оно порой охватывает одновременно достаточно много народа.

Должен признать, что Трамп умеет довести толпу до состояния истерики своими непрерывными повторами одного и того же, жестами, модуляцией голоса... У него много приемов. Но такого наглого обмана тысяч людей - «Мексика заплатит» - я никогда не видел. Чем это закончилось? Часть построенной стены оплатила наша армия, остальное мы, прямые налогоплательщики. Кстати, армию тоже мы снабжаем деньгами. По поводу армии можно задать вопрос: зачем мы выделяем ей столько денег, если она в них не нуждается, ибо отдает их на строительство стены?

Сегодня подавляющее большинство комментаторов предсказывают победу Байдена. Преимущество его перед Трампом растет из месяца в месяц. По всем опросам у Трампа нет шансов. Но это опросы – не голосование. Чем закончилось голосование в 2016 году, страна надолго запомнит. Потому надо быть предельно осторожным в прогнозах. Что на стороне Байдена? Его невиновность в пандемии. Здесь вина его соперника очевидна. Даже объяснять не надо. Второе: политический опыт как в международных делах, так и в управлении страной.

Восемь лет вице-президентства при Обаме, который провел эти годы без единого скандала, дорогого стоят. Он достаточно

крут - я видел, как в течение нескольких минут, он показал чиновникам Украины, кто есть кто, когда речь о зашла о коррумпированном прокуроре Украины, на снятии которого настаивали ВМФ, Обама и банки. И слетел прокурор. Сейчас на этом пытается (пытался) состряпать дело Джулиани, но есть такое ощущение, что сторонники Трампа сегодня отказались от этой идеи. Может, они вернуться к ней, если победит Трамп. Я слушал его речь, где он излагал свою экономическую программу.

Должен заметить, что напрасно Трамп приклеил к нему кличку «спящий» (sleepy). Полагаю, что во время дебатов с Байденом Трампа ждет такой же разгром, что учинила ему Клинтон во время дебатов. Байден, например, сказал, что он мечтает встретиться с ним в дебатах. Теперь кратко об экономической программе Байдена. Полтора миллиарда на ремонт обветшалой инфраструктуры.

Видит Бог, наши дороги и мосты в этом нуждаются. Подъем минимума зарплаты до 15 долларов в час. Расширение прав профсоюзов, подъем налогов на корпорации до 28%— то есть, возвращение налоговой системы в дотрамповское состояние. К средним бизнесам это не относится. Не слышал ничего о снятии налогов с жителей прибрежных штатов, они их стали платить в результате налоговой реформы Трампа. А жаль...

Борьба за сохранение окружающей среды с помощью создания рабочих мест и новых профессий. Во время его выступления я забыл, что Байдену будет 78 лет, когда и если он вступит в должность президента. Он был энергичен, быстр в жестах, хорошо артикулировал и не делал ошибок в произношении сложных слов. В этом последнем его так любят обвинять сторонники Трампа.

В международной политике нас тоже ждут большие перемены, если победит Байден. Во-первых, он хочет вернуть нашу страну в договор с Ираном. То есть плясать под дудку Нетаньяху он не собирается. Но посольство в Иерусалиме останется на месте – что сделано, то сделано. Безопасность Израиля остается приоритетом нашей страны, как это было при всех других президентах.

Особо надо сказать об отношениях с Россией. Если победит Байден, Россию ждут нелегкие времена. Как выразился бизнесмен Дерипаска, страну ждут «санкции из ада». Но дело не только в них, хотя скрупулезное выполнение санкций не

сулит Москве ничего хорошего. При Байдене изменится ситуация с Украиной, которая получит значительно большую поддержку новой американской администрации.

Под вопросом окажется окончание строительства газопровода «Северный поток-2», потому что новый проект о санкциях против России, уже одобренный Сенатом, войдет в силу при Байдене почти со стопроцентной вероятностью. Одним словом, легкой жизни у России при Байдене не будет, как не будет никаких заигрываний с Северной Кореей.

Много зависит от того, кого Байден пригласит на должность Вице-президента. Он обещал, что это будет женщина. Слово не воробей, вылетело - не поймаешь. Но мне кажется, что давать обещания такого рода – привязывать должность к полу - является несколько опрометчивым заявлением. Впрочем, Байдену наверняка виднее.

Буквально сегодня Байден еще раз выступал со своей экономической программой. Вкратце я ее изложил. А потом он отвечал на вопросы. Один из них был таков: «Почему вы идете на президентство»? Ответ Байдена не оставил никаких сомнений в его отношении к Трампу. «Я выдвигаюсь на эту должность, потому что сегодня президентом является Трамп». Добавлено было еще что-то про экономику... Но главное было сказано. Даже краткосрочного перемирия между соперниками ожидать не приходится.

Можно рассматривать варианты, когда выборы выигрывает Трамп, но проигрывает Конгресс в полном составе. Если демократы завоюют Сенат, что теоретически вполне возможно, то тогда они свяжут Трампа по рукам и ногам и не дадут ему заниматься авантюрами как на внутри страны, так и вне ее. Например, ему не удастся поставить еще одного Кавано на должность судьи в Верховном Суде.

Демократы простым большинством голосов заблокируют его кандидатуру. Президенту придется прибегать к президентским указам, а они не могут быть гарантией долговечности и оспариваются в судах различных инстанций.

Если же выборы выигрывает Байден, то за его спиной почти наверняка будет, по меньшей мере, палата Представителей и, может быть, ему удастся воплотить в жизнь часть его замыслов. В случае полной победы Байдена, я не вижу причин, почему бы не воплотить в жизнь то, что он задумал. Есть проблема: ему в наследство может достаться волнующаяся страна.

Уже свыше 60 дней толпы демонстрантов заполняют улицы и не всегда (реже теперь) они, эти толпы, являются мирными. Надо будет что-то делать. Причем у Трампа есть план – навести порядок, прибегая даже к жестким мерам. У Байдена я ничего подобного не слышал. Надеется, что с его выбором все само собой придет в норму и воды войдут в свои берега? Не уверен. Но это все гадания.

Многие говорят о возможности Гражданской войны. Особенно в случае отказа Трампа признать результаты голосования 3 ноября. Мол, откажется он покидать Белый дом и призовет своих сторонников – а они, как правило, вооружены - защитит их президента. Но не будем забывать, что точно так же вооружены и сторонники Байдена. Они не мирные овечки. Вооруженное противостояние с полным основанием можно будет назвать Гражданской войной, даже без вмешательства армии, что всегда было отличительным признаком такого рода войн в прошлом. На улицу будет страшно выйти. Как сложится ситуация на самом деле, знает, наверно, только господь Бог.

Григорий Писаревский
Нью-Джерси, США

«Кто виноват» и «Что делать» на земле Америки

Огромное множество статей и в русскоязычной, и в англоязычной печати посвящены неприглядным событиям, происходящим в современной Америке. Т.н. «расовые

протесты», происходящие по всей стране после смерти Джеймса Флойда, перехлестнули все рамки нормальности и здравого смысла. Нанесён материальный ущерб на миллиарды долларов, но ещё больший ущерб причинен законности и морали, вере американских граждан в правопорядок и неотвратимость наказания. И может быть, главное - это то, что нанесён урон душевному спокойствию десятков миллионов людей, стабильности и престижу великой страны.

Происходят «неуправляемые» бунты и разрушения, уничтожаются памятники, людей призывают на коленях каяться в не совершенных ими преступлениях, в ряде мест отказывающихся подвергают моральному осуждению или даже увольняют с работы. Никогда не имевшие рабов просят прощения у тех, кто никогда не были рабами... Многие ведущие компании, и не только в Силиконовой Долине, публично поддерживают демонстрантов, оправдывают бунтовщиков, меняют названия продукции и рекламу, если в них имеются слова типа «белая» или «белый».

Подвергаются запрету книги и кинофильмы. Возникают требования переименовать города, отменить старые праздники и ввести новые. Демократические мэры городов, позабыв свои прямые обязанности, шагают в рядах демонстрантов. Полицейских обвиняют в гибели чёрных нарушителей закона, и звучат провокационные призывы уменьшить финансирование полиции или даже распустить ее совсем. Кое-где это уже произошло. Во многих местах страны, и в особенности в крупных городах, полиция деморализована. Граждане не верят, что им, как это всегда бывало в прошлом, придут на помощь люди в голубом, если возникнет необходимость защитить их от преступников. Резко увеличилась продажа оружия - многие решают защищать себя сами.

Все вышеперечисленное прекрасно известно каждому американскому читателю. Повторил же я эту информацию единственно как прелюдию к тому, чтобы констатировать - вот и в благословенной Америке возникли извечные русские вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?».

Итак, кто виноват?

Не следует связывать эти события с попыткой ареста чёрного правонарушителя в Миннеаполисе. Не будь этой повторяющейся на телеэкранах сцены ареста Флойда, лидеры «протестующих»,

как это уже не раз бывало, нашли бы другой повод устроить массовые беспорядки.

Волнения, бунты и поджоги произошли по всей стране - только чрезвычайное положение было объявлено в 92-х городах. Стало очевидным, что существуют достаточно мощные организации, с гигантским финансированием и иерархической структурой управления и оповещения, которые оказались в состоянии привлечь к участию в демонстрациях, бунтах и разбоях сотни тысяч людей.

Не подлежит сомнению, что та, достаточно незначительная часть чернокожего населения (в этом месте многие со мной не согласятся), которая привыкла к постоянным подачкам, вэлферу, наркотикам и прочим привилегиям, охотно вышла на улицы побуйнить и прибарахлиться на дармовщину. Однако все, кто смотрел телевизионные передачи, конечно же, обратили внимание, что в демонстрациях, акциях протеста, нередко переходящих в хулиганство, поджоги и вандализм, в уничтожении памятников и т. п. в основном принимают участие молодые люди с белой кожей. По оценкам экспертов, чёрные составляют лишь 16-17% участников событий, т.е. их число примерно пропорционально общему числу чернокожих в стране (13%). Это означает, что недовольство охватило широкие круги молодёжи.

Чем вызвано такое явление? Многие объясняют его социалистически ориентированным промыванием мозгов, которое десятилетиями производят университетские профессора - марксисты и троцкисты разнообразных мастей. Это безусловно верно, но верно лишь отчасти. Такое рода оболванивание, конечно же, оказывает пагубное влияние на университетскую молодежь. Однако по мере вступления в реальную жизнь повзрослевшие выпускники университетов должны были бы в какой-то мере «протрезветь». С некоторыми так и случается, однако большинство продолжает оставаться при своих социалистических или даже марксистских воззрениях. Почему же это происходит?

Восемь лет президентства Барака Хусейна Обамы отрицательным образом сказались на расовых и социальных отношениях в стране. Достаточно привести пример того, что ассоциируя себя с чернокожим нарушителем закона - как это было в случае с Трейвоном Мартином, - Обама эффективно

стимулировал нездоровые эмоции в стране - гнев у представителей чёрной общины и негодование у белых.

Разумеется, вашингтонское «болото» и прочие лидеры демократов сразу же после выборов 2016 г. ополчились против Трампа, чувствуя угрозу своему безбедному существованию. В этой борьбе они не брезгают никакими уловками и готовы воспользоваться любым поводом, который поможет им дестабилизировать ситуацию в стране и вернуть утраченную власть. Это в их штабах были составлены планы волнений, и это они выступили в роли продюсеров отвратительного спектакля. В качестве штурмовых отрядов, атакующих полицию, демократы используют молодчиков из Антифа и BLM, функция поджигателей отведена хулиганствующим элементам чёрного населения, а толпу создают экзальтированные белые девицы и молодые люди, не знающие истории и не подозревающие, куда ведут страну их абсурдные требования и «протестные» эксцессы.

Однако имеются и серьезные внутренние, «органические» причины беспорядков, как социально-идеологические, так и вполне материальные. Попытаюсь остановиться на некоторых из них.

Во-первых, большинство людей, даже не вполне осознающих это, постоянно и отчаянно нуждается в лидерах. В большой мере роль лидеров перетягивают на себя СМИ, как правило, стоящие на крайне левых позициях. Пользуясь давно отработанными методами пропаганды, они ежедневно вдалбливают в сознание населения лево-либеральные идеалы, столь привлекательные в молодости. Утверждается не демократический принцип равенства возможностей, а ложноутопический, открыто провокационный идеал равенства образа жизни для всех. Капитализм объявляется расистской системой. Как не раз бывало в истории, тысячекратно повторенная ложь постепенно становится извращённой «правдой». Так происходило в Советском Союзе, гитлеровской Германии, полпотовской Камбодже, Китае времён культурной революции и других странах, шедших, да и продолжающих идти, как Венесуэла и Северная Корея, по незавидному пути крайних форм социализма. Разумеется, в конце концов люди распознают эту ложь, да только иной раз на это уходят жизни целых поколений...

Во-вторых, свою разрушительную роль играют «звезды» Голливуда, эта суррогатная «знать» Америки, играющая в нашей демократической (в позитивном смысле) стране ту роль, которую в старину играла «родовая знать». Дико слышать некоторые заявления прошлых кумиров публики, таких как Джордж Клуни, Том Хэнкс, Барбара Стрейзанд, Дэнни ДеВито и другие. Они верят, что достигли всего исключительно благодаря собственным талантам - как будто это не страна Америка и ее народ позволили этим давно уже погасшим звёздам «заработать» их огромные состояния. Эти люди настойчиво призывают призрак социализма, опрометчиво полагая, что сами они всегда будут богаты, востребованы - и невредимы.

В-третьих, прекраснодушные американские либералы, «полезные идиоты», по меткому выражению классика, не знавшие лишений и вкусившие прелести хорошей жизни на протяжении 3-4-х поколений, считают что и все кругом заслужили такую жизнь - способные и не очень, трудолюбивые и лентяи, образованные и безграмотные, граждане страны и нелегальные иммигранты, законопослушные и преступники. Без исключений!

А если Америка не даёт всем, кому угодно, этих незаработанных благ, значит, Америка должна быть разрушена. Да вот только никогда ещё процесс разрушения не приносил пользы никому, в том числе и самим яростным разрушителям. Ни рабам Древнего Рима, ни французским санкюлотам конца 18 века, ни социал-революционерам (эсерам) царской России, ни поголовно уничтожившим их коммунистам, ни приверженцам социализма иного рода - национал-социалистам Гитлера. Не принесёт и сейчас.

Однако существуют и сугубо материальные причины недовольства, и одной из них является резкое имущественное неравенство - как бы некоторым из нас такое неравенство ни казалось вполне оправданным. И речь не идёт о миллиардерах - основателях известных компаний, хотя и зачастую поддерживающих нынешних американских, а вернее, анти-американских хунвэйбинов. Я имею в виду высшее руководство многих организаций - президентов, старших и исполнительных вице-президентов, членов совета директоров и т.п. Нередко, хотя и далеко не всегда, эти люди много и эффективно работают. К тому же они принимают важные, порой судьбоносные для многих решения. Но значит ли это, что они

должны зарабатывать в 100-200 раз больше рядовых работников, в том числе и достаточно квалифицированных?

Далее затрону тему, не особенно популярную у консерваторов - тему белого расизма. Не государственного, или как ещё говорят, институционального или «системного» расизма - такового в Америке, вопреки утверждениям левых либералов и их ударных отрядов - боевиков Антифа и BLM, в прямом виде не существует. А если крайне редко он и проявляется себя, то является частной инициативой отдельных личностей. И практически в каждом случае встречает заслуженное противодействие, а нередко и уголовное наказание.

Но как это ни трудно признать, на личном уровне расизм по отношению к чернокожим всё-таки имеет место. Можно сколько угодно оправдывать его высоким уровнем чёрной преступности, значительным количеством чернокожих получателей пособий, квотами для малоквалифицированных представителей чёрного населения при приеме в университеты и найме на государственную работу и т.п. Однако нельзя признать нормальным, когда вполне законопослушных чернокожих граждан, иной раз врачей и других специалистов или людей, занимающих высокие посты в государственных и частных структурах, останавливают для проверки на дорогах, в магазинах или других местах только на основании цвета кожи.

Во избежание недоразумений хочу отметить, что меня, как и многих, беспокоит достаточно широко распространённый чёрный расизм по отношению к белым, проявления которого все меньше наказываются в судебной системе и почти никогда не отмечаются в СМИ.

Ещё одной причиной нынешних волнений является предъявление так называемыми меньшинствами (нередко, составляющими большинство в целом ряде городов) претензий на более крупную долю общенационального «пирога». При этом не имеет значения, насколько и какими именно группами небелого населения эта доля реально заработана. Возбужденные «меньшинства», к тому же активно подзуживаемые и поддерживаемые демократами - ожесточёнными противниками Трампа, оказались достаточно сильны, чтобы предъявить счёт более обеспеченным слоям населения. Такое нередко случалось в истории. Можно вспомнить, к примеру, плебеев Древнего Рима или «третье сословие» времён абсолютных монархий.

Нельзя сбрасывать со счетов и интересы крупнейших недругов Америки на мировой арене, в первую очередь Китая, России и Ирана. Нет никакого сомнения, что их правящие режимы заинтересованы в дестабилизации американской политической и экономической системы и делают все возможное для достижения своих целей. Сюда входят фейковые вбросы сообщений в социальных сетях, хакерские атаки и соответствующий настрой как американских и мировых СМИ, так и общественных течений в третьих странах. Трудно себе представить, чтобы методы работы упомянутых режимов не содержали и ощутимой финансовой поддержки движений и СМИ, подрывающих международный авторитет и само могущество США.

Всей стране, кроме членов немалого числа ангажированных антиамериканских группировок и организаций, вполне очевидно, что т.н. протесты приняли крайне уродливую форму и сопровождаются многими абсурдными перехлестами. К сожалению, у протестующих отсутствуют лидеры типа Мартина Лютера Кинга-мл. Взамен их предводителями выступают крайние антирамписты Барак Обама, Клинтон, Чарльз Шумер, Нэнси Пелоси, Адам Шифф, мэры Миннеаполиса, Сиэтла и др., не в меру старательно исполняющие «левый марш» и неустанно прославляемые коррумпированными СМИ. Но даже те из этих деятелей, кто в угоду смутьянам отверг свои прежние, относительно умеренные позиции, могут оказаться сметёнными следующей волной бунтов и заменены экстремистами типа Окасио-Кортес, Эрика Холдера и лидеров Антифа и BLM.

Многие авторы статей сетуют на ситуацию с чернокожей общиной, утверждая, что последняя не лучшим образом вписывается в западную цивилизацию и играет роль неугасающего катализатора волнений. Сочувствую, но как на это следует реагировать? Представители афроамериканской (именно американской!) общины составляют 13% населения страны, т.е. более 40 млн человек. Даже оставив в стороне моральные и этические факторы, их никак не переселишь на историческую родину и не выделишь в отдельное государство...

Хочу напомнить два старинных выражения (цитирую по памяти):

- Изменяя то, что ты можешь изменить; измени свое отношение к тому, чего ты изменить не в силах; и адекватно распознавай обе эти ситуации;

- Эволюция сохраняет не самых сильных и не самых умных, а тех, кто в состоянии адаптироваться к постоянно происходящим изменениям.

Что делать?

На этот вопрос каждый должен будет ответить самостоятельно. Некоторые стали всерьёз рассматривать вариант переезда в Европу, Израиль или даже возврат в Россию. Но ведь протесты и вандализм происходят и в Европе, к тому же в ряде стран там имеется сильный исламистский компонент. Может быть, для кого-то лучше подойдет Восточная Европа, скажем, Болгария или Чехия? А вот в Израиле левые либералы мало чем отличаются от своих американских единомышленников. И существует ли любезная нашим сердцам свобода или хотя бы реальная возможность благополучной жизни в России?

А трудности оформления вида на жительство, переезда и адаптации в любую страну - и для тех, кто работает, и для пенсионеров?

Большинство, однако собирается оставаться в стране. При этом немало людей приняли срочное решение поменять место жительства. Мне известны семьи, которые покидают Нью-Йорк, где они прожили по тридцать-сорок лет. Даже Нью-Йорк Таймс, чрезмерно лояльная к «протестующим» и резко враждебная к Трампу, сообщает, что около 420 тыс жителей покинуло город с марта по май нынешнего года. Позволю себе предположить, что сравнимое количество людей покинуло «Большое Яблоко» и в июне. Конечно, весьма ощутимый вклад в этот гигантский эксodus внёс и коронавирус...

Нет сомнения, что подобная ситуация проявляется и в других городах, переживших бунты и поджоги.

Многие люди откровенно выражают своё отношение к происходящему в социальных сетях. Другие, и их немало, покупают личное оружие. Проходят сообщения, что некоторые группы граждан договариваются о действиях коллективной самозащиты. Утверждают, что целый ряд тех, кто был на стороне демократов, передумали отдавать им голоса на ноябрьских выборах. А некоторые сторонники Трампа, напротив, перестали поддерживать своего кумира - одни за нерешительность в пресечении хаоса и бунтов, другие полагают

- не будет Трампа, не будет и беспорядков. Это наивность или ощущение реальности?

В целом ряде мест прошли акции в поддержку полиции - жители городов выражают солидарность с людьми в голубом, устраивают демонстрации, встречи и выступления, приносят в полицию ланчи, кофе и цветы.

Вместе с тем имеются и такие, кто с той или иной степенью искренности стали на сторону «протестующих». Некоторые из этих людей давно уже прониклись левыми взглядами, другие «благоразумно» поступают по принципу «If you can't beat them, join them» (если не можешь их победить, переходи на их сторону).

***

В завершение хочу привести опасение известного антиамериканиста, «документального» режиссера и «активиста» Майкла Мура, высказанное им во время недавнего интервью на крайне левом телеканале MSNBC: «Мы с вами (т.е. «либеральные» единомышленники Мура) склонны недооценивать нарастающий гнев белых мужчин».

Помните слова американского гимна? Давайте их чуть изменим. It's the Land of the Free only because it's the Home of the Brave (это - Земля Свободы только потому, что здесь живут Отважные Люди).

Из нашей почты. Время крыс

Когда шесть лет назад мне пришлось остаться в Америке (возвращаться в родной Донецк тогда было опасно – начались военные действия на востоке Украины), помню, я в то лето поехала на океан с семьей дочери.

Тогда мне было мало известно, куда везут, главное - океан увижу! Однажды, когда отдыхали на пляже, в небе зарычали военные вертолеты, направляясь группой в сторону от моря.

Помню внутренний страх, и я тихо спросила у дочери: «На Украину летят?» Глупость этого вопроса была чуть ли не поднята на смех. ««Да это с военных баз летят, они тут близко. На учениях были». Но мне все равно было страшно – кто прочувствовал, что такое война, даже издали, ему будет мерещиться война повсюду.

Как-то я первый раз поехала самостоятельно в Филадельфию, просто на экскурсию (дочь живет в кантри возле Поттстауна). Первые впечатления, как правило, самые яркие, все бросается в глаза, потому что - «не наше». И я, приехав домой, написала большую статью «Привет, Америка!» Получилась она большая, на два разворота. Позвонила в пару газет, и вот в одну статья прошла и была напечатана.

Я живу в Нью-Йорке уже 4 года. Немного подробностей о начале.

Несмотря на мое консерваторское образование, мне пришлось начать работать тогда home attendant. Кейс был очень хороший - старая москвичка, 93 года, не вредная, много спала и дружила со мной.

Это были первые месяцы в Нью-Йорке. И это время совпало как раз с теледебатами двух кандидатов в президенты. Мы смотрели передачу, не понимая ни одного слова, но, переговариваясь, отметили наличие красного цвета в нарядах Клинтон и галстука у Трампа. Я вспомнила, как моя певица, с которой мы много работали, на концерт приготовила ярко-алое платье.

Концерт был ответственный, приглашены были ТВ и журналисты. И тогда мне моя певица объяснила – красный цвет отталкивает врагов, он блокирует плохую энергию. Я тогда вспомнила этот факт и поделилась, на что моя подопечная ответила со смешком: «Ну, Трампу же не выходить в красном пиджаке. Значит, Хиллари побаивается за успех...».

Как все потом развернулось - у всех в памяти. И мне, далекой от политики, особенно в Америке (считала себя еще гостем) было все равно. Я путала еще партии, их направленность, почему да как, слушала краем уха в разговорах, - а история равнодушно катилась по своему руслу. ТВ я не смотрю, на английском газет не читаю, мой источник информации - интернет.

А вот новостей собиралось все больше и больше...

Меня задевало, почему так много «собак» вешают на Трампа? Вот не просто в лоб и с работающими доказательствами, а как бы «подкусывают» - то за то, то за это... А он невозмутимо несет свою харизматичную челку и криво и пренебрежительно улыбается. Козырь, что скажешь...

Импичмент слово липкое - так и старается пристать к кандидатуре. Тут я впервые стала «неравнодушна» - получится?

Импичмент, связанный с Клинтоном, знала хорошо по разжеванной информации еще в России. Просто сериал. Признает? Повинится? И Хиллари держалась железной леди. Нет, проехали.

Со временем настало больше разговоров о партиях - больше понимания и выстраивания уже личного выбора. Но Америка своей политикой, мне, только нос сюда сунувшей, не «мешала».

И тут пандемия. Стоп кадр почти всей планеты, т.е. не стоп, а перезагрузка, обнуление, переосмысление. Да как хочешь называй – сиди дома, не гуляй - и думу думай, как жить дальше. Информация настолько разная, что в один день хочется заслониться от всего мира защитными средствами, на другой – пойти раскрытым и смеяться над «людьми в намордниках».

А дальше пошло еще интересней. Я увидела кадры в интернете, когда несчастный, черный человек, пойманный полицейским, хрипел: «Я не могу дышать...». Жалко, конечно, человека. Только я удивилась - как можно так натуралистично снимать и НИЧЕГО НЕ ПРЕДПРИНИМАТЬ - ну самому ПОМОЧЬ, ПОЗВАТЬ НА ПОМОЩЬ... Ах, если бы не этот снятый ролик, разошедшийся повсюду, как суперреклама по всем каналам! Первые впечатления, конечно: «Ну как так можно?» Жалко дяденьку....

А оказалось очень даже можно, хорошая закваска для безмерного пирога, который жуют уже две недели, смакуя и угощая друг друга, приглашают в компанию «покушаемых и незащищенных». И громко так возмущаются, и чтоб им, бедным, не обидно было, можно разграбить магазин, залезть в кассу. Вот вам, белые! Мат в два хода. И, как известно, аппетит приходит во время еды.

Шизофрению происходящего повторять не будем. Борьба черных против белых... Кстати, любезные, сейчас многое доходит до абсурда. Уже появились «хохмы»: «А не сократить ли количество черных клавиш по отношению к белым?». «Игру в шахматы отменить, или переокрасить фигуры, например, в белый и красный цвета. Символика, как раз столетней давности».

А теперь, позвольте спросить, – чего хотят правые и левые? Республиканцев заботит их страна, которую они СТРОЯТ, и в чем-то восстанавливают, они имеют план возврата в устойчивое прошлое, когда Америка была №1, и лозунг «сколько потопаешь, столько и полопаешь» - это к тем, кто создает

Америку своим трудом и мозгами. Трамп выводит войска с мест военных действий – хватит воевать на чужой территории, займитесь своей безопасностью и своими землями.

Но кто-то слева скрипит зубами «Так война - это ж денежки!"

«Кто не работает – тот не ест!» - лозунг коммунистов («ах, опять Россия, опять Путин»?) Но кто сидит днями с детскими колясками в социальных офисах и просит велфер для семьи? Мужчины, да встаньте с кровати и пойдите на работу! Что вы все время детей делаете?

Кстати, в районе, где я живу, продается марихуана. Вечерами там часто дежурит полицейская машина. Но ночью им спать после смены хочется, и тут наступает другая пора – молодчики не белого цвета кожи, как только стемнеет, начинают играть «в войнушку» - то в одном, то в другом дворе раздаются взрывы петард и летят ракеты. Забавно, правда? И так до 2-3-х ночи! Ну, им же на работу не идти! И может их «ночной патруль» кем-то уже оплачен? Дорогие все же игры в петарды.

И вот смотрю я на это безобразие, случайный эмигрант, и вижу, что нет у бастующих граждан, кроме перетяжки одеяла с белого плеча на черное, никаких идей. «Нет шума без огня» - здесь как раз и шум, и огонь и ни-ка-кой идейной платформы. Пошумим! Может, поэтому все пропускают мимо ушей (ну, почти невозможно!) и переживают детей заигравшихся?

А если представить все по-серьезному – раскачивание лодки еще не означает, что можно скинуть самого капитана - тот найдет, за что или за кого держаться. А что, кроме хаоса,

предлагаете вы, левые мои соседи? ПОЛЬЗОВАТЬСЯ? Легко, А что вы собираетесь созидать?

Как вы собираетесь тушить пламя, которое раздули? Брать на страх? Но тут немного разочарований. Вас не боятся, пока просто пережидают, когда дурной дух выдохнется. И он немного выпускается.

А потому что нет идеи, а потому что нет настоящих умных лидеров, а потому что зависть и лень - не двигатели прогресса. А потому что надо было книжки читать, а не попкорн жевать в кинотеатрах. А потому что страну свою любить надо и стараться для нее, как для своей любимой женщины, – работать и дарить, гордиться, а не поливать ее грязью и искать компроматы.

И ничего у вас не выйдет, господа! И те, кто заказывает музыку сейчас, и те, кто ее исполняет. Нестройно, не профессионально. Толпа - и все дела. Имела тут развернутую беседу с молодым соседским демократом. Оказывается, это нормально, когда переписывается история. «Вот,-говорит,-на примере нашей страны, совковой. Пришли революционеры, свергли старый порядок, такой, казалось бы, незыблемый и уничтожались старые памятники, да много чего уничтожалось, и возводились свои. Новая история сменяет старую». Ну, блин, не поспоришь. Я только мало себе представляю, что нынешнее поколение (не только черное - уже смешанное), может предложить взамен? Тоже - ограбить и поделить?

Да, я не представляю здесь политический разбор и не привожу весомые факты. Это дело профессионалов - политиков и журналистов. Я тот обыватель, которому завтра идти на работу, который не спит полночи, потому что «левые бесятся». Потому, что мне хочется жить спокойно и не переживать новую войну на чужой земле. Мне хочется доверять и верить этой могучей стране, что она не сдуется и что «Вашингтон не падет», как бывший Рим.

И вот в конце просто картинка, подмеченная сегодня. Считаю, очень правильно иллюстрирующая наступившую действительность. Вечер, возвращаюсь домой. Дорога с припаркованными машинами, вокруг мусор, много выброшенной еды. Вижу - крыса. Жирная такая, не проскальзывает как молния при виде человека, как раньше, а важно так двигается в своем направлении, по-хозяйски. Бардак и запущение собирают новых хозяев. Время крыс...

Ирина Х-ва, жительница Нью-Йорка, июль 2020

Элиэзер Рабинович
Штат Нью-Йорк, США

Где наша Америка пошла неверным путём, или почему Трамп, возможно, проиграет выборы?

Утопий было много в течение пяти тысяч лет, о том, как бы нам лучше обустроиться в жизни – минимум: не голодать, быть одетыми, иметь крышу над головой. Организованное государство с минимумом инициативы и самостоятельности.

Весь двадцатый век человечество провело в испытаниях на живых людях самых разных форм социализма – жестоко-кровавых, мягких, без потери демократии – все провалились, как минимум, в экономике, но ещё больше в гуманитарном плане. Одновременно родилась и развилась рыночная экономика, которая до сих пор остаётся единственной, способной накормить и даже подать десерт на третье.

Вначале капитализм был жёстким и не благоприятствовал неудачникам. Постепенно он сумел провести необходимые социальные реформы и создать лучшее общество на земле среди людей, желающих работать. Оно, на сегодня, и наиболее гуманное. Америку мы всегда считали наиболее удачным выражением капитализма.

Пришёл двадцать первый век и, похоже, что социализм начинает повторное шествие по Земле. Прежде всего, он победил в университетах, откуда вышли индоктринированные[1] студенты. Ярким примером является недавно умерший профессор Массачусетского колледжа, Ноэль Игнатъев, сын еврейских иммигрантов из России, коммунист в

третьем поколении, который использовал свой статус постоянства, чтобы продолжать проповедовать самый ортодоксальный коммунизм – в Америке! Израиль он считал расистским государством.

Самым удивительным для группы иммигрантов из бывшего СССР является почти поголовная потеря их собственных взрослых детей в политическом отношении. Это очень странное явление: один говорит, что о рабстве вообще надо забыть, а потому следует сносить памятники, другой – что он хочет быть уверен, что ему не надо бояться полиции, хотя за 40 лет жизни здесь он ни разу не имел неприятного столкновения, а только помощь от полиции. Они совершенно не понимают расовых отношений и видят их в самом примитивном подходе всеобщего равенства. Упоминание генетики взрывает их и доводит до обвинений собеседника в расизме. При таком понимании они, живя во лжи, никогда не смогут помочь в решении проблем рас. Это поразительно, насколько жизненный опыт предыдущего поколения оказывается непередаваемым.

Что сказать относительно текущих событий? Будет ли переизбран Трамп? Он пришёл к власти на волне консерватизма, с лозунгом: «Мы сделаем Америку опять великой!» Главные успехи его правительства состоят в росте экономики – вот только небольшой список достижений:

Четыре миллиона рабочих мест было создано и почти столько же американцев могли отказаться от программы помощи с покупкой еды. Безработица – самая низкая за полстолетия среди всех групп населения, а среди чёрных американцев – самая низкая в истории. Налоговая реформа понизила как индивидуальные налоги, так и налоги на бизнес, часть которого вернулась в страну. Розничная торговля в результате сильно возросла. Понижены ставки, которые больницы могут взимать с пенсионеров. Добыча нефти достигла самого высокого уровня в истории, экспорт угля и газа резко увеличен.

Читатель из-за границы будет удивлен, что в этом перечислении, взятом с сайта Белого дома, я в первую очередь говорю о внутренней политике. Но так, в первую очередь, устроен наш избиратель – внешняя политика всегда была на втором месте. Но не забыто и выполнение многолетних обещаний американских президентов о перенесении посольства в Иерусалим, заключены новые торговые соглашения, в частности с Китаем, которые помешают краже

интеллектуальной собственности. Началось строительство стены на границе с Мексикой, чтобы противостоять нелегальной иммиграции и торговле наркотиками.

Как можно не переизбрать такого президента? Но демократы построили вокруг него стену ненависти и три года провели в травле. Это поразительно, сколько битв он выдержал с честью: комиссия Мюллера о несуществующем сговоре с Россией, импичмент за расследование возможной коррупции Байдена и его сына в Украине. Некоторые полагают, что и пандемия, в которой житьё в возглавляемых демократами штатах оказалось «более смертельным», чем в штатах с республиканским руководством, была бы хуже, если бы не действия Трампа. До убийства полицией Джорджа Флойда, переизбрание Трампа казалось почти гарантированным, особенно на фоне старческих явлений, ясно видимых на Джо Байдене.

И вдруг демократам подвернулась удача – ошибка полиции – преступлением не назову до рассмотрения дела в суде, потому что официальное вскрытие показало, что Флойд умер не от удушья, а от сердечно-лёгочной недостаточности – в его крови были обнаружены следы 13 наркотиков. Хотя гибель от рук полиции никак не может быть одобрена, уголовник и наркоман никак не подходит для роли национального героя, каким его сделали демократы и движение «Жизни чёрных важны». (Журналист, который заметил вслух, что «все жизни важны» был уволен.) Между 1997 и 2005 Флойд был ВОСЕМЬ раз приговорен к разным срокам заключения за воровство, и хранение наркотиков. В 2009 году Флойд был одним из шести человек[i], которые в Хьюстоне ворвались в дом женщины Араселы Генрикес и её мужа, с ребёнком одного года, он приставил пистолет к её животу, чтобы заставить перейти в другую комнату. Возможно, Арасела была беременна в это время. Флойд был приговорен к 5 годам заключения за вооруженный грабёж.

Нашего героя похоронили в золотом гробу, а лидеры демократов в Конгрессе простояли на одном колене 9 минут - время, которое офицер держал своё колено на шее Флойда. Вот в каком мире тотальной лжи мы стали жить!

Они развернули революцию против якобы преобладающего в стране расизма. К 22 июня не менее 24 человек, белых и чёрных,

гражданских и полицейских, были убиты в т.н. «мирных» протестах. Рушатся памятники отцам-основателям за то, что они владели рабами; Калифорния, в которой рабства никогда не было, намерена законодательно заплатить репарации за рабство. Белая Америка стоит на коленях (на одном или двух – совершенно неважно). Грабёж, вандализм, проводимый и белыми, которые воспользовались моментом.

Больше нет хороших, тем более великих людей в американской истории. Имя Вудро Вильсона – президента Принстонского университета, а позднее США – снимается со школы международных отношений Принстона. Хаос и разрушение памятников. Чем-то «либералам» не понравился Теодор Рузвельт, создатель системы национальных парков страны, и они пытаются свергнуть его бронзовый памятник на коне у Музея Естествознания.

Демократы ставят Америку на колени. Почти вся пресса и телевидение, возглавляемые NY Times и CNN, против президента. Только Fox News с ведущими Таккером Карлсоном и Сином Хэннити твёрдо стоят за него. Огромное число информации, выливаемой на нас, - ложь. Еще год назад это явление не было настолько очевидно. А пару десятилетий назад не существовало.

На колени, Америка! Лидеры демократов в Конгрессе.
Смотреть иначе жизнь велит на вещи нам
И не роптать на горькую судьбу.
Пырнул ножом беременную женщину.

А похоронят - в золотом гробу...

.....

Профессора из Гарварда и Принстона,
Те, кто с восторгом Ленина читал,
Студентов ваших озарила истина!
Они с толпой штурмуют пьедестал...
Раиса Сильвер[ii]

27 июня Трамп сказал, что Чикаго стало подобно Афганистану по опасности. И это то, из-за чего он может проиграть выборы.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

Правительство и главнокомандующий Трамп не сумели нас защитить. Я специально проверил, имеет ли право президент использовать армию для подавления мятежа. Имеет. Помимо армии, есть и федеральная полиция. Я уверен, что стрелять бы не пришлось: погромщики и «революционеры» сбежали бы, только увидев армию – они трусы. Могло быть куда меньше жертв, чем двадцать четыре.

Но всё оставлено местным властям и во многих городах мэры запретили полиции выезжать в ответ на экстренные звонки. Стал популярен лозунг: “Defund Police” – «Уменьшить финансирование полиции». Миннеаполис и Атланта закрыли свои полицейские участки. 30 июня мэр Нью-Йорка ди Блазио объявил об уменьшении бюджета полиции на один миллиард долларов с шести.

Я еще помню этот город в 1975 году, когда я его впервые посетил и когда почти любой уголок Манхэттена был опасен, особенно, ночью. Казалось, ничто не спасет город. Но потом последовательность хороших мэров от обеих партий сделали этот замечательный город почти безопасным. Ди Блазио возвращает его к периоду бандитизма.

В центре Сиэтла погромщики и анархисты установили отдельное «государство», мэрия боится. Граждане без защиты.

Республиканская партия никак себя не проявляет. Поразительно отсутствие сопротивления и защиты со стороны правительства. Только 26 июня Президент подписал распоряжение об усилении уголовной ответственности за разрушение монументов. Я помню давнюю статью Дэвида Рокфеллера, который удивлялся, как легко ушла от власти, а потом и влияния, американская элита, основавшая и построившая страну; она называлась WASP (White Anglo-Saxon Protestants – белые англо-саксонские протестанты). Теперь аналогично беззащитно ведет себя основная консервативная сила страны – Республиканская партия, находящаяся у исполнительной власти (любопытно, как меняются понятия: когда-то консервативными были демократы – до такой степени, что именно под их эгидой был образован Ку-Клукс-Клан.)

Но судьба WASP становится более ясной, если мы вспомним, какую драматическую ошибку совершили отцы-основатели: ввели в современной стране рабство типа того, которое в древнем мире было уже уничтожено более полутора тысяч лет назад. В Конституцию, по которой мы продолжаем жить, они право на владение рабами не включили. Сегодня разноцветная Америка, в большинстве всё же оставшаяся белой, может расплатиться за ту - первоначальную - ошибку разрушением страны, такой дорогой им и нам. Результаты опроса, проведенного Pew Center 30 июня, показывают, что гордый народ напуган и боится жить в своей стране. При этом он может вознаградить демократов передачей им власти. Что-то похожее на ситуацию в пьесе Ионеско «Носорог» (1959).

Pew Center, 30 июня 2020 года. Большинство очень недовольно -71%, в страхе – 66%, Надеются – 46% и горды своей страной – 17%.

Правда ли, что полиция строже к чёрным, чем к остальным?

Нет. Будь я полицейским, я был бы в страхе быть строже, зная из прошлого, что последует. Тем более что в черных районах, большинство полицейских тоже черные. Я не понимаю, кто может идти на эту опасную и малооплачиваемую работу.

Андрей Илларионов собрал данные ФБР о том, кто убивает афроамериканцев[iii]

Все погибшие и погибшие от рук полицейских по расовым/этническим группам, 2018 год

Источники: Database of every fatal shooting in the United States by a police officer in the line of duty

Данные о числе погибших людей по расовым группам предоставляет ФБР; последняя дата, для которой обнародованы соответствующие данные, – это 2018 год.

	Все	Белые	Испаноязычные	Черные	Азиаты, индейцы, аляскинцы, гавайцы
Все погибшие	6570	2088	923	3177	207
Погибшие от рук полиции	992	451	165	229	40
Удельный вес погибших от рук полиции в общем числе всех погибших, %	15.1	21.6	17.9	7.2	19.3

Нетрудно видеть, что из этого ряда сильно выпадает лишь показатель удельного веса чернокожих жителей США (7,2%), который оказывается вдвое ниже, чем в среднем по стране (15,1%) и примерно в три раза ниже, чем для любой иной крупной расовой и этнической группы – белых, азиатов и испаноязычных (17,9 – 21,6%). Таким образом, появляется дополнительное подтверждение высказанного ранее наблюдения о наличии институционального расизма наоборот – чернокожие преступники пользуются, очевидно, привилегированным положением со стороны американской полиции.

Поскольку на американскую полицию приходится лишь чуть более 7% от общего числа погибших афроамериканцев, то, естественно, встает вопрос о том, кто является причиной гибели их большей части, почти 93%? Преимущественно они гибнут от рук других афроамериканцев.

Роланд Фрайер, профессор экономики, стал самым молодым афроамериканцем, получившим в 30 лет статус постоянного в Гарварде. Он провёл и опубликовал интересное исследование^[iv] о расовых различиях при применении полицией силы. Он установил, что в случае летального столкновения чёрных и испаноязычных с полицией нет разницы

с белыми. С другой стороны, в не летальных случаях чёрные и испаноязычные испытывают в полтора раза более частое применение силы, чем белые. Недостаток этого исследования состоит, по моему мнению, в том, что автор смешивает две довольно различные группы, что видно из таблицы выше. Сам проф. Фрайер не уверен, насколько его результаты важны для оценки расового неравенства в Америке.

Массовое шельмование муниципальной полиции приведёт к хаосу и убийствам в городах.

Мультикультурализм и культурное многообразие

«Либералы» учат нас, что все культуры равны, и они изобрели новое слово «мультикультурализм», которому их и наши родители нас не учили. Дело даже не в том, что его и произнести невозможно, а в том, что оно лишено всякого смысла. «А что, только Западная культура имеет значение?» - спрашивают меня оппоненты.

Только.

Где-то пять тысяч лет назад в Месопотамии, Египте, Иудее зародилась Западная культура, которая от Троянского коня и до коня, на котором сидит бронзовый Теодор Рузвельт в Нью-Йорке, идет, со многими отклонениями, более или менее в последовательности, за которой можно уследить. Где-то в первой трети этого периода были написаны Десять Заповедей и заложены основы иудео-христианской морали. В некотором смысле мы продолжаем быть подданными Римской империи.

Каждый компонент этой культуры имел национальное происхождение. Ренессанс случился в Италии и в течение 300 лет распространял своё влияние на Европу. Есть понятие – человек Возрождения, это человек широких взглядов, знаний и способностей, давайте употребим с иронией это слово: мультикультурный. Потом Франция собирала художников: Пикассо и Ван-Гог были французскими художниками, хотя один был испанец, а второй - голландец. Великие географические открытия донесли Возрождение до Америк. Этой культуры не было бы, без её надёжной и доступной регистрации в книгах, искусстве, памятниках истории, раскопках. Их разрушение возвратит нас в эпоху питекантропов.

Повторим вопрос: «Только Западная культура?»

Конечно, нет. Но живя в плавильном котле Америки, мы все встречали индусов, китайцев, корейцев, японцев – людей высоких культур. Скажите, к кому-нибудь из нас они приставали с мультикультуризмом? Упрекали в европоцентризме? Нет. Как сказал вице-президент Лабораторий Белл, где я работал, физик индус д-р Кумар П., можно иметь две культуры – одну для дома, а другую для общества. Мы ходим в музеи восточных культур, не пропускаем выставки японских гравюр, смотрим спектакли японского театра, с удовольствием в космополитическом Нью-Йорке посещаем азиатские рестораны. Конечно, это очень поверхностное, но значительное для нас взаимодействие культур.

Есть русская культура, представителями которой являемся мы – авторы и читатели этого журнала. Мы вписываемся в культуру Запада.

Так что же такое «мультикультуризм»? Левая идеология, побеждающая сейчас в Америке, требует, чтобы мы признали равенство Европейской культуры с «великой» Африканской культурой.

Таковой нет.

Кроме как в Египте и, возможно, в Эфиопии. Учитель в школе для черных рассказывает, как ученики прыгают по столу, кричат и отказываются учиться. Он жалуется директорше: «Это у них культура такая, – слышит в ответ. – Вы должны её уважать». Уважать здесь нечего. «Либералы» дошли до того, что запрещают чёрный и даже коричневый театральный грим. Искусственно затемнённая кожа Аиды – Анны Нетребко – расизм, за который директор оперы Питер Гелб уже извинялся.

И слушая этих левых, можно подумать, что у черных больше ничего нет. Что нет у них ученых, писателей, профессоров, актеров – людей, выросших на европейско-американской культуре и сумевших внести в неё свой вклад.

Консервативный профессор Томас Соуэлл, сейчас в Гуверовском институте Стэндфордского университета, более левый заведующий кафедрой социологии Гарварда профессор Орландо Паттерсон, каждый из них автор пары дюжин книг и по общей культуре, и по истории рабства в Америке. Одна из книг профессора Паттерсона называется «Свобода в современном

мире». В ней он утверждает, что концепция личной свободы могла развиваться только в Западном мире, где большую роль играли женщины, рабы и другие «аутсайдеры» и в котором «христианская идея духовной свободы вела к оправданию социальных иерархий». Я поставил эту книгу в список для собственного чтения».

Но оба профессора и многие высококультурные люди из чёрной общины с горечью утверждают, что движение за гражданские права не сумело интегрировать чёрных в структуру американской жизни. «Великое общество», которое задумал Линдон Джонсон, не состоялось, несмотря на огромные расходы. За 40 лет, что я наблюдаю это общество, оно очень стремилось к интеграции, но сегодня само-сегрегация общества выше, чем она была 50 лет назад. И уж совершенно страшное наблюдение проф. Паттерсона («Уолл-Стрит Журнал», 5 июня с.г.), что дети из черных семей большей части среднего класса испытывают социальное движение вниз.

Я не знаю, как следующие поколения будут решать эту проблему. Если они вообще останутся жить в рамках американской свободы, какой мы её успели узнать...

-----
[1] Индоктрина́ция (англ. indoctrination от лат. in — внутрь и doctrina — учение, теория, доктрина) — передача фундаментальных положений системы верований (прим. ред.).

[i] <https://www.snopes.com/fact-check/is-this-really-aracely-henriquez/>

[ii] Получено в частном письме, будет опубликовано.
Цитируется с разрешения автора.

[iii] <https://echo.msk.ru/blog/aillar/2657356-echo/>

[iv] Roland G. Fryer J. An Empirical Analysis of Racial Differences in Police Use of Force. Journal of Political Economy.
<https://scholar.harvard.edu/fryer/publications/empirical-analysis-racial...>

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

Культура и история США – жертвы эпидемий

Я не случайно поставил в заголовок слово «эпидемии» во множественном числе. Мы переживаем не одну, а несколько эпидемий. Помимо коронавирусной, нас охватила эпидемия злости, взаимной ненависти, жажды разрушений. Этот вирус пострашней Ковида-19, ибо разрушает не лёгкие, а мозг.

«Станет ещё хуже, прежде чем станет лучше. It'll Get Worse Before It Gets Better». Так любят говорить американцы. И это правда. Во всяком случае, пока особых улучшений не видно, особенно в сфере культуры. Театральные продюсеры объявили, что в целях борьбы с распространением коронавирусной инфекции театры будут закрыты как минимум до января 2021 года. Это означает, что 160 тысяч только членов актёрских профсоюзов почти год без работы. К этому надо добавить рабочих сцены, гримёров, костюмеров и т.д. Сколько зданий театров на замке!

Сколько репетиционных помещений пустуют! Это огромная индустрия. Плюс концертные залы и оркестры! Год без работы! Знаменитейший, лучший в мире Цирк Дю Солей с 40 трупами объявил банкротство, чтобы спастись от кредиторов. Почти 4 тысячи работников, включая 1300 артистов из 50 разных стран

уволены. Как им прокормить свои семьи? Вторая профессия американских актёров в период простоя – работа официантами в ресторанах. Но и рестораны в некоторых городах всё ещё закрыты, либо работают не с полной нагрузкой.

Когда театры откроются, в первую очередь будут восстанавливать старые, уже завоевавшие популярность спектакли. Но рано радоваться: постановки, не отвечающие новым требованиям сторонников движения БLM, будут либо вообще не возобновлены, либо претерпят серьёзные изменения, и их уже делают продюсеры разных телесериалов.

Например, в мультипликационном сериале «Симпсоны» озвучивать небелых персонажей будет разрешено только небелым актёрам. Если персонаж индус – его будет озвучивать актёр индусского происхождения, если персонаж мексиканец – пригласят актёра-мексиканца, темнокожего будет озвучивать темнокожий... Из сериала «Золотые девочки» будет исключён эпизод, когда две героини появляются в грязевых масках для лица.

Теперь, мол, это может быть истолковано как проявление расизма. Отсутствие работы, то есть незанятость плюс сидение дома, в изоляции, привели к накоплению избыточной энергии, которая, в поисках выхода, ведёт к агрессии то ли в рамках семьи, то ли в рамках общества. Но агрессию легко направить в нужное русло, что и делают политики и радикальные лидеры.

Продолжается война против произведений литературы, живописи, скульптуры и против городских памятников. Попытки свалить, разрушить или заставить власти города или штата убрать памятники историческим личностям не останавливают даже указы президента страны.

Дональд Трамп объявил, что акты вандализма, направленные против федеральных памятников, мемориалов и статуй, повлекут за собой уголовное наказание вплоть до длительного тюремного заключения. Если власти городов не обеспечат сохранность памятников истории и культуры страны, это повлечёт за собой лишение таких городов федерального финансирования.

Такова реакция президента на намерения «мирно протестующих» разбить памятники президентам США, включая Вашингтона и Линкольна. Они наметили в качестве жертвы и знаменитый на весь мир национальный мемориал на горе Рашмор в штате Южная Дакота.

Мемориал на горе Рашмор. Южная Дакота

Это скала с выбитыми на ней гигантскими портретами президентов Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна. Губернатор Южной Дакоты республиканка Кристи Ноем заявила, что не позволит разрушить главную туристическую достопримечательность штата.

Не стоит ожидать, что радикальные протесты и варварские действия прекратятся после победы на ноябрьских выборах того или иного кандидата в президенты США. Вряд ли сторонники одного и противники другого смогут смириться с поражением своего лидера. Пока не удастся вернуть людей на работу и направить их энергию на пользу стране, «станет ещё хуже, прежде чем станет лучше. It'll Get Worse Before It Gets Better».

Наум Клейман
Мичиган, США

Письмо друзьям

«Люди так боятся сделать шаг навстречу новой жизни, что готовы закрыть глаза на всё, что их не устраивает. А это ещё страшнее – проснуться однажды и осознать, что рядом всё не то, не то, не то...»

Бернард Шоу

Дорогие Рита и Миша!

Каждый раз удивляюсь, когда получаю письма из Москвы в течении 1 – 2 х минут – когда-то на это уходили месяцы. Да, здорово изменились времена, а, следовательно, и мы с ними.

Вы пишете, что ситуация в России за последнее время сильно изменилась в худшую сторону, и вы, беспокоясь о будущем детей, стали серьёзно задумываться об иммиграции. Руководство страны вмешивается во все локальные конфликты в мире, тратя на это безумные деньги, и рассорилось из-за этого со всеми странами мира. Санкции душат и так слабую экономику. Страна, по сути, пока торгует только нефтью и газом, не развивая промышленность и новые технологии, что лишает ваших детей всякой перспективы. Незаконные изменения конституции, для продолжения до бесконечности власти правителя, превращают всё в какой-то дурно пахнущий водевиль. Вы просите моего совета.

Попробую проанализировать ситуацию на сегодняшний день, но дать совет не могу, так как это ваша жизнь, и решать, где и как жить, только вам.

Ещё несколько месяцев назад я бы советовал ехать в США, но за последнее время произошли события, которые заставляют сильно задуматься.

25 мая в Миннеаполисе вспыхнули протесты: людей возмутила смерть 46-летнего афроамериканца Джорджа Флойда в ходе задержания полицией. На получившем широкую огласку видео белый полицейский сдавливает коленом шею лежащего на земле афроамериканца, он продолжает это делать даже после того, как мужчина говорит, что ему трудно дышать. Кто же он, Джордж Флойд? Почему после его смерти начались демонстрации и погромы почти по всей стране? Почему этого человека - наркомана с несколькими судимостями хоронили в золотом гробу и с большими почестями? Почему демократические члены Конгресса в его честь стали на одно колено, несмотря на то, что многие из них это сделали с большим трудом, ввиду очень солидного возраста?

В ночь с 28 на 29 мая протесты переросли в погромы.

Арестованы до 2000 человек в десятках городов, где местные власти ввели комендантский час, в том числе в столице Вашингтоне.

Массовые протесты, переходящие в грабежи и даже убийства, продолжились по всей Америке на прошлой неделе. Мэр Нью-

Йорка Билл ди Блазио, более известный среди русскоязычного населения под ласковой кличкой "де Бил", наотрез отказался от помощи Национальной гвардии и сказал, что в городе — 36 тысяч полицейских, которые прекрасно с этими протестами справятся. Его либеральное сознание не смогло построить простую логическую цепочку, согласно которой участники протестов, требующие немедленного роспуска полиции, вряд ли подчинятся требованиям ненавидимой ими в данный конкретный момент организации. Разумеется, объективная реальность не заставила себя ждать, введённый Де Билом комендантский час совершенно никого не напугал, и народ продолжал крушить и громить Нью-Йорк, сметая всё на своем пути, а полиция стояла, в основном, в стороне и довольно грустно на всё это смотрела.

Такого не было в истории, чтобы среди бела дня, почти две недели разоряли и грабили людей и страну на глазах у властей, и никто не вмешивался.

Конечно, сам Джордж явился только поводом для демонстраций и погромов, и судьба Флойда, на самом деле, мало кого интересовала.

А вот что происходило в далёкой России более ста лет тому назад...

Картина Ивана Владимировича «Погром винного склада». Художник был очевидцем революционных событий.

Первый штурм Зимнего дворца, в ночь с 25 на 26 октября 1917 г., прочно вошёл в историю. А вот про то, что спустя несколько дней дворец вновь атаковали солдаты, матросы и рабочие, в СССР предпочитали не вспоминать.

Объектом штурма на этот раз стали винные погреба Зимнего дворца, где хранилась пятая часть всего алкоголя Петрограда. Там хранились редкие коллекционные вина, коньяки и другие спиртные напитки на многие миллионы золотых рублей - 100 тыс. бутылок!

Здесь были массандровские, французские, испанские, итальянские вина, редкие коллекционные коньяки и ликёры, виски элитных марок, отборные водка и пиво. В эти-то погреба с лозунгом «Допьём романовские остатки!» и устремились разгромившие Зимний дворец революционные массы. Охранявшие вход в винную сокровищницу солдаты Преображенского и Павловского полков упились вместе с ликующим народом.

Манящий винный дух без труда перебил революционный дух «победившего пролетариата», толпы ринулись опустошать царские склады. И если при самом взятии Зимнего погибло несколько человек, то при погроме его винных погребов упилось до смерти и утонуло в разлившемся вине куда больше людей.

Не правда ли, много общего?

Перейдём к истории вопроса... Размеры письма заставляют меня быть кратким.

Почему мы решили уехать из России? Я сразу отвечу – для свободы. С раннего детства я узнал, что быть евреем в СССР — это быть человеком второго сорта. Я прошёл тяжёлый путь от бомжа и манекенщика одежды до главного инженера проектов, а затем довольно успешного бизнесмена. Ненавидел социализм с его уравниловкой, парткомами, месткомами, социалистическими обязательствами с детства. А дальнейшее познание истории государства только усиливали ненависть. Человек в этом государстве был никем, разменной монетой. Впоследствии ответственность перед детьми, их будущим, ещё усилило желание уехать из страны. Так получилось, что мы уехали в США. Страну я представлял в основном по рассказам и романам Фолкнера, Стейнбека, Фитцджеральда, Джека Лондона и, конечно, Хемингуэя.

Большую часть этой жизни мы ещё застали, но страна быстро менялась и не в лучшую сторону. Что же происходит в Америке?

Картина Ивана Владимирова того же времени сегодняшней погром и грабёж в США вам не напоминает?

Вот как объясняет ситуацию Марк Зальцберг: «Та самая демократия, которая стала основой богатства и могущества этой страны, которая в течение 220 лет была образцом государственного устройства, на моих глазах превращается в то, чему еще нет и названия. Впрочем есть! Диктатура... нет не пролетариата, а бессовестного, наглого, бездарного меньшинства! Но меньшинства, поддерживаемого теперь все большим и большим количеством американцев, оболваниваемых наглой идеологией голливудских либералов, лидеров чёрного населения и бездарных университетских профессоров. Без поддержки большинства коммунизма не построишь! Точно, как писал Шаляпин о большевизме: "Равенство привело к принижению всякого, кто смеет поднять голову выше уровня болота"».

Гибель Флойда была лишь поводом показать силу и закрепить своё влияние, а если повезёт, то и захватить власть.

Вот один из типичных примеров. Как сообщила французская газета "Фигаро", американским "борцам с расизмом" показалось мало войны с памятниками и они обратились к оперному искусству, в частности, к опере Верди "Аида". Точнее, к той её постановке, которая была сделана в США на сцене "Метрополитен-опера" (2018 год) и теперь доступна для просмотра на сайте этого театра. Той самой, где роль эфиопской принцессы исполняет российская певица Анна Нетребко.

Теперь и она, и сам этот театр, оказались под прицелом борцов за политкорректность, которым новейшее движение Black Lives Matter, похоже, придало новые силы и аргументы.

"Проступок" Нетребко состоит в том, что она, дабы быть похожей на эфиопку, прибегла к гриму и сделала цвет своей кожи отчасти более "насыщенным".

А это - нельзя. Это - "блэкфейс", деяние, в котором чернокожие граждане видят нечто для себя обидное, сродни карикатуре, а, значит, неpolitкорректное.

Кампания с осуждением Театра и Нетребко была начата в твиттере, где один из его пользователей написал в адрес Метрополитен-опера следующее послание: "Вы не хотите убрать с вашего сайта постановку этой оперы с "блэкфейсом" Анны Нетребко? И это - самое меньшее, что вы можете сделать".

Разумеется, друзья этого пользователя хотят большего. Была составлена петиция в адрес театра, в котором содержится требование убрать из его репертуара все спектакли, где есть этот самый "блэкфейс".

Вы скажете, что это маразм, и я с Вами соглашусь, но либеральная Америка поддерживает погромщиков. Погромщики могут в любой момент превратить любого нормального человека в прокаженного, шельмовать и линчевать, сломать жизнь ему и его семье, заставить его публично каяться, ползать на животе, а затем выбросить его на помойку и пойти за следующей жертвой.

Такие примеры можно приводить до бесконечности. Местная власть и полиция в некоторых городах, которыми руководят демократы, парализованы. Ну и чем это не революционная ситуация? В октябрьские дни в 1917 году в Петрограде, по воспоминаниям очевидцев, было что-то подобное.

Марк Зальцберг: «Благополучное американское общество, точно, как когда-то русское, заболело чувством вины перед "меньшей братией". Все общество, от героев Джека Лондона, на

примере которых воспитывались поколения американцев, повернулось к социальной помойке, из которой и черпает теперь представление о том, как "делать жизнь с кого".

Стыдно быть успешным, стыдно быть нормальным. Нельзя уроду назвать уродом, идиота – идиотом, гомосека – дефективным. Нельзя чёрного назвать чёрным, белого-белым и, Боже упаси, заговорить о том, что не все равны, не все одинаково талантливы, не все одинаково полезны для общества.

В чём дело? Куда делся американский герой - стойкий, работающий индивидуалист, надеющийся только на себя? Герой, до изнеможения работающий, учащийся и знающий, что выживает сильнейший. Ведь именно эти люди создали самую богатую и мощную страну в мире! Именно такие люди более 200 лет тянулись в Америку со всех континентов, зная отчетливо, что тут, говоря по-русски, отнюдь не собес! Все они тяжело работали и учились с тем, чтобы занять соответствующее место на социальной лестнице этой великой страны. Они надеялись только на себя. Увы, герои Джека Лондона, да и он сам, утекли в социальную дыру».

Уравнивание людей привело к катастрофе в России, а сейчас это происходит в США и Европе, и даже в Израиле, к большому сожалению. Я уверен - чем выше уровень социальной защиты, тем ниже эффективность экономической деятельности общества.

Но, не всё так плохо. Во многих городах местное население вышло на улицы с оружием и защитило магазины от погромщиков, показав, всем, кто хозяева страны, что вселяет большую надежду.

Проникновение социализма во все страны напоминает мне распространение коронавируса, но с худшими последствиями. Может быть, усилить карантин???

Ну вот и всё. Постарался описать ситуацию сегодняшнего дня у нас в США – выводы за вами.

Обнимаю и желаю удачи!

Соня Тучинская
Сан-Франциско, США

Белый «гилт» и черные бунты

Но вас, кто меня уничтожит,
встречаю приветственным гимном.
В. Брюсов

Мой сиеэглский знакомец прислал мне домашнее видео, на котором в деталях рассказывается, как банды черных мутантов начали грабить богатые residential areas в Квинсе (спальные районы одного из районов Нью-Йорка), «опуская» попутно их насельников. Видимо, на дочиста обнесенной ими Мэдисон Авеню им уже все приелось. Так что, в Квинс они двинули для разнообразия ощущений. Но не только. Безнаказанная экспроприация экспроприаторов подтверждает уверенность в том, «кто в доме хозяин». В нашем общем американском доме.

Наши робин гуды знают, что даже если их изловят, то по новому закону, в тот же день и выпустят. Ведь им нечем платить за bail. Нечем, понимаете. «Дурь» дорожает. Велфера на главное не хватает, даже с добавкой на Корону, от Трампа. А тут на "bail" выкупайся.

Кстати, в теле нового национального героя Америки, Джорджа Флойда, как показало официальное, а не заказанное сородичами покойного вскрытие, было обнаружено много

разнообразной «дури». Среди этого «многого» – «кристалл», употребленный незадолго до «Я не могу дышать». Он же, метамфетамин, он же «мет». Страшный химический наркотик, поражающий мозг и сердце. Так как первый орган у пострадавшего от жидов, в смысле, от белых расистов, отсутствует, как таковой, вся пагуба могла сублимироваться в область сердечной мышцы.

Кстати, у Джорджа, задолго до последнего ареста было большое, более чем вероятно, именно «кристаллом» и подорванное сердце. Единственную причину смерти установить не удалось. Поэтому в официальном протоколе вскрытия она определена как совокупность атеросклеротической и гипертонической болезни сердца с наличием в крови уже известного вам «кристалла» и других наркотиков, - короче, совокупностью всего этого с тем фактом, что колено полицейского восемь с половиной минут сдавливало горло Джорджа Флойда. Не знаю, поможет ли это арестованному полицейскому, но умер несчастный не под кованым ботинком белого изверга, а в медицинском центре.

Ни один человек не заслуживает садистского обращения от какого бы то ни было представителя действующей власти, тем более – от полицейского. Тем не менее, было бы лицемерием не привести криминальный «рекорд» пострадавшего. Он содержит многочисленные аресты, ограбления, разбойные нападения, в

том числе, на беременную женщину, торговлю наркотиками, и прочие безобразия, за часть которых Джордж Флойд отсидел в хьюстонской городской тюрьме 4 года.

А вы заметили, что когда в этой стране один белый становится виновником убийства черного, да и то, под вопросом, — полстраны заходится в истерике по поводу «systemic racism». А когда десятки тысяч черных грабят, убивают и терроризируют белых, — ни в коем случае нельзя делать никаких обобщений относительно общей для преступников расы. В противном случае, тебя мгновенно записывают в злостные расисты, а то и инкриминируют тебе «hate speech», за который легко можно схлопотать в сегодняшней Америке «небо в шашечку».

Все, что вы сейчас прочли, вторую неделю обсуждается «на кухнях» вменяемой части американцев, однако, в общественном пространстве не решается произнести никто. Никто, даже Tucker Carlson, самый отважный представитель центристского FOX'a. О CNN и прочих марионетках Дем. Партии, и упоминать не стоит. Их «говорящие головы», грудью вставая на защиту «мирных демонстрантов», 24/7 подливают бензин в разгорающийся костер черного бунта. Не уверена, насчет бессмысленного (хаос поможет свалить Трампа), но, что беспощадного — спору не выйдет.

«Безгрешный холуй, запасайся камнями, разучивай загодя праведный гнев!» — скандировал бы сводный левый фронт, если бы знал тексты нашего Галича. Но «холуи» и без Галича стараются. Кроме случайных прохожих, ими убиты и ранены десятки полицейских. В том числе и черных. Но жизни ЭТИХ черных не важны, они не стоят и полушки. Никто не оплакивает их, не помнит их имен. Гунны, подстрекаемые лево-либеральной медиа, не украшают их профилями murals, не помещают их на билборды и баннеры, не хоронят их в позолоченных гробах, и не пишут об них «жития святых», как делают все вышеперечисленное в память о поспешно возведенном в ранг святого Джордже Флойде, уголовнике и наркомане.

К незавидной судьбе Джорджа Флойда или к борьбе за гражданские права черных (хотя здесь вроде бы достигнут предел возможного), все эти фальшивые сантименты, якобы увековечивающие его память, не имеют никакого отношения. Если вы этого сходу не поняли, то вас можно только пожалеть.

Все это имеет единственной и конечной целью не допустить переизбрания Трампа. Для этого страну нужно держать в

состоянии перманентного карантина и анархического хаоса как можно дольше, в идеале — до дня выборов. В достижении этой священной цели разного рода бандообразования, черные ли, как BLM, или, белые, как Антифа, при всем их различии, играют роль боевых отрядов, верных опричников Дем. Партии, Сороса и прочей элиты, потерявшей покой, сон и способность к рациональному мышлению после победы Трампа в 2016 году. Но эта другая тема. Нас именно «отряды» в данный момент интересуют, и именно – черные.

«8½» Феллини, с Матростяни и Анук Эме, помните? Этот шедевр мировой киноклассики исчезнет из памяти потомков, если оперативно снять и запустить в прокат фильм под названием «8½ минут, которые разрушили Америку». Категория: политический триллер. Финальные кадры – руины американских городов проходят замедленным кадром под музыкальную «тему Рока» из «Пятой» Бетховена, и бегущая надпись на весь экран - In loving memory of George Floyd – незабвенной памяти Джорджа Флойда посвящается.

Итак, что же произошло 25 мая в городе Миннеаполис штата Мичиган.

46-летний Джордж Флойд, купив в лавке пачку сигарет, расплатился за нее фальшивой двадцатидолларовой купюрой (Невольно приходит на память рассказ-притча Толстого для народа «Фальшивый купон», о том, как малое зло рождает большое). Полиция приехала на вызов хозяина лавки, и после вроде бы оказанного Флойдом сопротивления заковала его в наручники. Вот в этом обезвреженном состоянии и надо было забросить его в мигалку и отвезти в «обезьянник», как в СССР называли загон для задержанных в милицейском участке. Но этого, к сожалению, не произошло.

И теперь, свихнувшаяся на «белом гилте» либеральная Америка, а с ней и все «прогрессивное человечество», свято верят, что эти роковые «8½ минут» сгубили здорового работающего черного парня, гордость страны, пример для подражания школьникам и студентам. Верят, идиоты непуганые, что негров, «жертв полицейского произвола», линчуют убивают в Америке исключительно из расовых предубеждений, и будь на их месте белые, этого бы не случилось. Эти заявления содержат ложь гомерического масштаба, опровергаемую статистикой, которую каждый может легко отыскать в сети. Белые полицейские в мегаполисах, вроде Лос-Анджелеса, Нью-Йорка,

и прочее, давно уже не являются большинством. А большинство — это как раз черные и латино. В мире узаконенного абсурда именно им и придется предъявлять претензии в расизме против черных и латино.

Участники черных бунтов, должно быть, от души веселились над благоглупостью своих белых компатриотов. Ведь они лучше нашего знают, что они, если и "жертвы", то т.н. "корректирующего расизма". То есть целой системы государственных привилегий и льгот по обеспечению черных жильем, образованием, государственной работой и прочее. Короче, расовая дискриминация против черных существует только в воспаленном воображении белой интеллигенции, нередко проживающей в самых дорогих районах американских мегаполисов.

Исключительно эти же белые интеллектуалы-недоумки с дипломами университетов «лиги плюща», да плюс к ним, нестареющие душой берклийцы, из поклонников или соратников старого троцкиста Берни Сандерса, могут по сей день верить, что поджигателям церквей и синагог, осквернителям военных мемориалов, мародерам, растащившим по домам все, от найки кроссовок и винтажного шампанского до чемоданов Луи Виттон, - что такого рода существам есть дело до своего несчастного соплеменника, Джорджа Флойда, именем которого они не устают клясться. Очевидно, что он для них лишь очередной повод побузить, пограбить, поставить на колени белых. На этот раз в самом буквальном смысле этого слова. Но об этом ниже.

Пройти с поджогами и грабежами через зоны проживания законопослушных обывателей, на налоговые отчисления которых и существует Америка, — отличная идея для усиления направленного против белой Америки режима устрашающего террора. «Против них» - это против нас, трусливых тварей, боящихся выходить из своих домов и бизнесов навстречу погромщикам, чтобы не превратиться в тех самых «злых людей», из заходеровского: «Плачет киска в коридоре, у неё большое горе, злые люди бедной киске не дают украсть сосиски!»

То, что Трамп не может остановить односторонний террор деклассированного быдла против своих выборщиков, может обойтись ему в потерю второй каденции. Даже он, «наш бесстрашный Рыжий», пасует перед шантажом черных бандитов. Ведь любое его неосторожное слово они могут

использовать как повод для очередного витка насилия, жертвами которого вновь станут невинные люди.

Так кто же победит в этом противостоянии, полуграмотные мародеры или законно избранный Президент? Буквально в последние дни стали возникать отряды народной самообороны, встающие на защиту своих жилищ и бизнесов. Это плохой знак. Ведь в любом демократическом сообществе право на насилие для защиты гражданского населения и недвижимости должно оставаться исключительной прерогативой Государства. Обыватели организуются в отряды самообороны, когда перестают рассчитывать на органы исполнительной власти.

Масштаб противодействия террору подразумевает НАСИЛИЕ, ПРЕВОСХОДЯЩЕЕ размер того зла, с которым борется. Без этого Америка сгорит дотла, в прямом и переносном смысле этого слова. Но эти рассуждения легко даются тем, кто не должен принимать решения. Позавидовать Президенту, обязанному сделать единственно правильный выбор в столь страшное для страны время, может только безумец.

У нас в Bay Area сегодня дикие грабежи и поджоги. Клади «праведные бунтовщики» болт на «комендантский час». Это, как и карантин (или карнавал?) с масками, эксклюзивно для нас, законопослушных граждан. К нам приехал вчера из другого города (час по фривею) парикмахер мой (салон его из-за безумных распоряжений левейшей сволочи, губернатора Калифорнии, откроется только в середине июля), чтобы подстричь нас с мужем, заросших за последние четыре месяца на манер мальтийских болонок. Он страшно нервничал, чтобы успеть вернуться домой до 8 вечера, т.е. до начала комендантского часа. Кстати, он посоветовал нам купить «BB Gun Air Pistol», для приобретения которого не нужна лицензия. Но если так пойдут дела, то имитацией оружия, даже, самой умелой, не обойдешься. А между тем, все магазины по продаже настоящего оружия закрыты на карантин. Они не вошли, по мнению властей, в число жизненно необходимых, как, например, ликеро-водочные, по продаже табака и... марихуаны. Лечебной, разумеется.

I have a dream, чтобы, рыская по Сан-Франциско в поисках «чего б такого пограбить», чернокожие поклонники итальянских и французских кутюрье, заглянули в район под названием «Pacific Heights», где в недоступных по стоимости домах живут их страстные защитники. Так вот, мечта моя состоит в том,

чтобы их звероподобные подопечные разобрались со своими бледнолицыми шефами и их недвижимостью, нашпигованной заманчивыми для дикарей игрушками по полной. Это было бы одновременно и справедливо, и поучительно.

Кстати, и бутиков дорогих, столь полюбившихся мародерам, в этом «Pacific Heights for chosen whites» хватает. И пускай, проснувшись, жители этого привилегированного «района для белых» обнаружат, что их прелестные магазинчики обнесли и загадили «не зарегистрированные покупатели». Ведь слово «мародеры» (looters) уже всерьез предлагается заменить каким-то другим, не столь задевающим обостренные расовые чувства этих самых мародеров. Ну, примерно в том же гуманном духе, как грубое «нелегалы» было на наших глазах заменено политкорректным «не задокументированные иммигранты».

Людей, на которых держится благополучие и процветание Америки, владельцев ресторанов, парикмахерских, фитнес-клубов, бутиков, нещадно штрафуют или арестовывают за их попытки открыть свои малые бизнесы раньше, чем официально закончится карантин. А грабящих эти самые бизнесы вандалов, если и задерживают, то ненадолго, и отпускают мародерствовать дальше, совершенно не озабочиваясь тем, что на них нет масок. Вот так преступники и их жертвы поменялись местами в глазах местной власти. Надо заметить, что происходит эта кафка, орвел и айн рэнд, ставшие былью, только в штатах, городах и весях, где исполнительная власть представлена демократами, как в Лос-Анджелесе, к примеру.

Порадуемся за истинно свободных граждан Америки – погромщиков города Лос-Анджелеса, перед которыми мэр публично, на площади (Родя Раскольников!) преклонил недавно колена. Для них, и только для них, COVID-карантин уже закончился. Коленопреклонённый мэр, приносящий извинения за учрежденный белыми институт рабства, был в маске, а огромные черные гоблины, плотно обступившие его толстомясой толпой - без.

Как мудро. Ведь если он, спаси Господь, COVID-инфицированный, маска на его бледной физиономии типичного потомка американских рабовладельцев (с итальянской фамилией), защитит погромщиков от китайской заразы. Они останутся здоровы и смогут продолжать беспрепятственно осквернять синагоги, жечь банки, и, конечно же, грабить

дорогие магазины в формально подвластном мэру Городе Ангелов.

К слову, десятки, если не сотни тысяч опасных криминальных сидельцев были месяца два назад выпущены на улицы американских городов, с целью оградить их от Короны, могущей поразить переполненные тюрьмы. Угадajte с третьего раза, погнушаются ли эти внезапно обратившиеся в вольняшек криминалы примкнуть к разбойничьим шайкам своих соплеменников? А будут ли на них во время грабежей маски для защиты от Короны?

Какой чиновник-микроцефал принял это дикое и преступное решение по разгрузке тюрем, лишив нас при этом возможности приобретать оружие? Ну, короче, «кто виноват», — постепенно вырисовывается, а вот «что делать» — остается в туманной неопределенности.

Постскриптум:

Когда мы идем к избирательным урнам на выборах любого уровня, хорошо держать в голове, что от тебя, от твоих личных политических предпочтений, от твоей персональной одержимости опасными утопиями, вроде «белого гилта», зависит, чтобы Китайская Народная Республика времен Великого Кормчего Мао не была обустроена в Америке 21-го века.

Можно в этой же связи припомнить и о судьбе лучших представителей либеральной российской интеллигенции (Горький) и бизнеса (Савва Морозов, содержащий большевистскую партию), с их обостренным чувством вины перед трудовым народом. В колымских лагерях, охраняемых с вышек этим самым народом, у них было достаточно времени подумать о своем личном вкладе в дело гибели России.

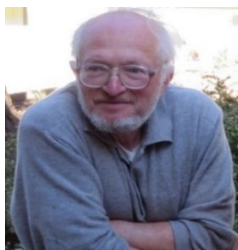
А во времена Великой Французской Революции, предтечи Октябрьской...Нет, этот экскурс в историю уведет нас слишком далеко от обозначенной в заголовке темы.

А чтобы вернуться к ней, как раз подоспел самый последний апдейт:

«Глава городского совета города Миннеаполиса внесла на голосование предложение о полном расформировании полицейского управления подвластного ей города. Если оно пройдет, жертвы преступных действий криминалов взамен полицейских будут вызывать на помощь социальных работников, представителей группы поддержки, и т.д.».

Михаил Голубовский
Беркли, Калифорния, США

Григорий Яблонский
Сент-Луис, США

Роковой коронавируса. Факты. Уроки. Вопросы

«Я не раз вспоминал, как некое зловещее предзнаменование, когда на меня мягко метнулась крупная летучая мышь.. я даже при свете спички ясно увидел ее мерзкую, темную бархатистость и ушастую похожую на смерть хищную мордочку».

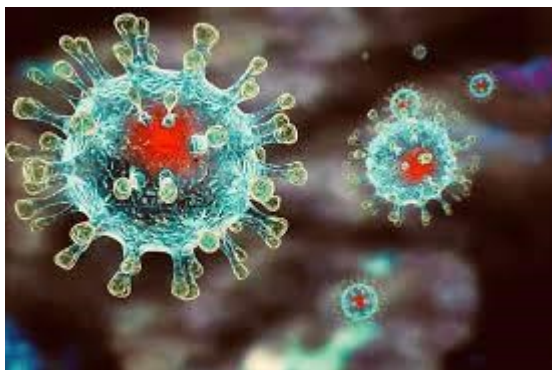
И. Бунин. «Натали»

«Жизнь без начала и конца / Нас всех подстерегает случай» /
Над нами сумрак неминуемый..».

А. Блок. «Возмездие»

Этот текст написан двумя специалистами в области динамических процессов - биологом-генетиком (М. Голубовский), который многие годы изучал вспышки мутаций в природных популяциях, и физико-химиком (Г. Яблонский),

имеющим опыт анализа взрывных химических процессов. Мы решили объединить наши усилия, чтобы поделиться нашим пониманием столь сложного биологического и социального явления, как эпидемия COVID-19.

1. Не грипп, но его сводный брат и похож

Пандемия, вызванная уханьским коронавирусом, COVID-19, вовсе не уникальна. Возьмем сходные респираторные вирусные эпидемии гриппа, которые сотрясали человечество весь XX век и начало XXI-го. «Испанка» 1918 -1920 гг. (вариант H1N1) - 20-50 миллионов смертей. Азиатский грипп 1957-1958 гг. (вариант H2N2) – 2 миллиона. Гонконгский грипп 1968-1969 гг. (вариант H3N2) - 1 млн. В 2009 г произошло удивительное событие - возвращение модифицированного варианта H1N1 («свиной грипп»), который вновь вызвал пандемию. Феномен возвращения моды на ту или иную мутацию в природе был исследован одним из авторов статьи.

В 2009-2010 гг. инфекцию свиного гриппа перенесли 11-21% мировой популяции, т.е. от 700 млн до 1.4 млрд. человек. Смертность была относительно низкой, около 0,01% заболевших (в случае «испанки» 2-3%), но в целом от осложнений умерли 150-575 тысяч. В США, согласно данным CDS, «свиным гриппом» в этот год переболело 61 млн., 274 000 человек были госпитализированы, 12 469 человек умерли.

После начала новой пандемии гриппа, «прошлый» вариант вируса гриппа годами остается в популяции, вызывая сезонные эпидемии. В США он ежегодно инфицирует около 20 миллионов. В период 1979 – 2001 гг. сезонные эпидемии гриппа уносили в среднем жизни 41 400 человек, или 3 450 в месяц.

В 2017-2018 году жатва смерти была больше: сезонная эпидемия гриппа в США унесла около 70 000 человек, или 5 830 чел. в месяц (Wikipedia:list of epidemics).

Ежегодные летальные исходы от пневмонии, вызванной предшествовавшим гриппом, варьировались в пределах 150 – 180 человека на 1 миллион населения (годы 2006-2010). Эти величины очень важны для сопоставления их со смертностью от коронавируса-19. Примем их за условный стандарт потерь от сводного брата вируса гриппа – COVID-19.

2. Коронавирус в США

Теперь сравним смертность от гриппа с эпидемико-демографической ситуацией в США. На 17 апреля 2020 г. в США было протестировано на вирусоносительство около 3 460 000 человек. Громадное число! Это - несомненное свидетельство слаженной - несмотря на кризис - организации работы и федерального правительства, и администрации штатов. Из общего числа протестированных около 710 000 несли вирус. Умерло от вызванных вирусом осложнений (преимущественно пневмонии) 37 150 человек (5.2%). Оценка числа смертей на один млн. населения (deaths/1M population), принятая в эпидемиологии, составляет для США около 109. Это меньше потерь, чем в среднем от эпидемий гриппа (150-180). Конечно, отдельные штаты сильно отличаются по величине смертности. Их можно условно разделить на три группы. В абсолютном большинстве штатов смертность варьирует от 3-х до 80-и человек на 1 млн. популяции. Но в четырех штатах (Массачусетс, Мичиган, Коннектикут и Луизиана) смертность равна 206-289 на млн. человек. Этот уровень превышает среднюю летальность при гриппе.

Особняком стоят два соседних штата - Нью Йорк и Нью Джерси. Смертность здесь (873 и 432 чел. на миллион населения) гораздо выше средних цифр летальности от гриппа (в 3-5 раз). На эти два штата приходится 20 935 смертей (17-е апреля 2020) - более половины всех потерь в США, 56%. В будущем предстоит детально разобраться, в чем причины этой трагической аномалии.

В остальных 48-и штатах, вместе взятых, за два с половиной месяца эпидемии (с февраля по 17 апреля) общая смертность составляет 16 200 человек, около 6 500 в месяц. Напомним, что смертность от сезонной эпидемии гриппа в 2017-2018 г. была 5

830 человек в месяц. Таким образом, в настоящее время, по оценкам на 17-е апреля 2020 г., уровень потерь в стране от коронавируса-19 выше (на 11%) смертности от сезонных эпидемий гриппа - его сводного брата в семействе РНК-овых вирусов. Однако, весьма вероятно (см. анализ далее), что к середине апреля уже достигнут пик, а точнее плато эпидемии, и происходит снижение смертности. Тогда – следующий шаг-можно полагать, что финальная оценка смертности от COVID-19 в США будет сопоставима с уровнем смертности сезонных эпидемий гриппа.

В Канаде, где тестировано уже около полумиллиона человек, выявлено 32 000 зараженных, но уровень смертности весьма низок – 35 чел. на миллион населения.

3. Коронавирус в Европе и парадокс Германии

Величина смертности от коронавируса в Европе варьирует в разных странах, как и в американских штатах. Примем и здесь за условный стандарт смертность в период сезонных эпидемий гриппа в США (150-180 на один млн. населения). Цифры смертности в больших странах Европы таковы: Бельгия – 445, Испания – 428, Италия - 376, Великобритания – 215, Польша – 221, Нидерланды - 202. Эпидемиологическая ситуация здесь сходна с группой «неблагополучных» штатов США. Однако, в ряде европейских «малых стран» уровень смертности гораздо ниже: Швейцария – 153, Швеция – 139, Ирландия – 107, Португалия – 64, Дания – 53, Австрия – 46, Норвегия – 31, Румыния – 19, Венгрия – 16, Чехия – 16. Удивительно, к примеру, что Португалия – самый близкий сосед Испании, имеет в 6-7 раз меньшую смертность. В чем дело?

Главный парадокс европейской пандемии – самая большая страна Европы, Германия с численностью 83 миллиона человек. Здесь смертность равна 50 человек на один миллион, или в 5-9 раз меньше, чем в других больших европейских странах. Эта низкая смертность весьма удивительна. Немецкие вирусологи и эпидемиологи предлагают три основных причины этого парадокса. Первая связана с коллективным иммунитетом. Любые эпидемии в природе и в истории человечества, даже такие страшные, как чума, несравненно опаснее гриппа и коронавируса, возникают, развиваются и постепенно сходят со сцены. Причина их ослабления и ухода в том, что в зараженной популяции растет число переболевших людей, которые

становятся иммунными к данному паразиту и тем самым ставят заслон его распространению. Число возможных жертв инфекционного агента понижается: возникает коллективный («стадный») иммунитет. В случае коронавируса, в отличие от гриппа, иммунная система детей и молодых людей, по еще неясным причинам, довольно успешно отражает атаки коронавируса-19. Иммунитет возникает обычно через 1-2 недели инфекционной атаки. После чего организм освобождается от вируса и становится далее, как правило, невосприимчив к заражению.

Так получилось, что в Германии множество молодежи накануне введения карантина устремилось на горнолыжные курорты и разного рода отпускные тусовки. Одной из них был карнавал в Баварии. До того, как ввели карантин, в некоторых районах страны около 15% лиц этой группы уже перенесли инфекцию практически безболезненно, возник коллективный иммунитет. В Германии тестирование на вирусоносительство происходило не только на присутствие РНК вируса, но в ряде поселений и на основе анализа антител - молекулярных следов прошлого присутствия вируса, когда самого вируса в организме уже нет. Это более надежная оценка устойчивости к вирусу на уровне популяции. Кстати, после вынужденного карантинного отсиживания дома и выхода на волю, все равно придется претерпеть атаки вируса, и может возникнуть вторичная вспышка. Но ее действие на уровне популяции гораздо легче нейтрализовать, ибо уже возник коллективный иммунитет, накоплен врачебный опыт терапии и госпитали начеку.

Вторая причина германского парадокса – хорошая организации здравоохранения. Там заранее подготовили экстренные графики работы медперсонала, инфекционные койки, защитный инструментарий, заказали своим фирмам необходимое число аппаратов искусственной вентиляции легких. Так что потом немецкие клиники даже приняли на лечение до 200 тяжелых пациентов из других стран. Ну и третья причина – исторически сложившаяся социальная дисциплинированность немцев.

В Голландии выбрали вариант упования на коллективный иммунитет. Здесь исходили из знания, что, кроме пожилых людей, в других возрастных группах примерно 70-80% случаев контактов с вирусом происходит без симптомов или в легкой форме недомогания. В популяции растет коллективный

иммунитет. Такой подход рекомендовал директор национального центра Голландии по борьбе с инфекциями, доктор Яал ван Диссель. Его рекомендация была одобрена правительством. Хотя школы, бары, рестораны закрыли на карантин до конца апреля, жителей, особенно пожилых, призывали ограничить социальные контакты, но не заставляли это делать административно. При таком мягком карантине коллективный иммунитет возрастал быстрее, и возникала надежная естественная защита от вируса. В итоге, если в конце февраля, когда происходил резкий рост вспышки, один больной пациент передавал вирус в среднем трем людям, то уже в начале апреля заражаемость была в десять раз меньше (0,3). К 17-му апреля в Голландии, с ее населением в 17 миллионов, число погибших оказалось ниже по сравнению с другими большими странами Европы. Это - важный социально-эпидемиологический опыт.

4. Эксперимент. Океанские круизы как модель эпидемий

Эпидемии коронавируса на океанских круизах предоставляют естественный и печальный опыт возникновения эпидемий и их последствий.

Итак, три круиза... Корабль «Diamond Princess» вышел 20 января 2020 г. из японского порта Йокогама в круиз по странам Юго-Восточной Азии. На его борту было 2666 пассажиров и 1045 членов экипажа, всего 3711 человек. В Йокогаме на корабль сел 80-летний китаец. Он сошел на берег в Гонконге 25 января, а через 6 дней обратился в госпиталь Гонконга: у него обнаружили коронавирус. 4-го февраля, на корабле нашли вирус у 10 человек, которые почувствовали недомогание. Корабль вернулся в исходный порт, где простоял на карантине около месяца. 7 февраля вирус обнаружили у 64-х пассажиров, к 10 февраля - их число достигло 135, к 17 февраля - 454 человек, из них 33 – члены экипажа. В марте все 3711 человек были протестированы. 712, или 19,2 % оказалось заражено. Из 712 носителей вируса 331 (46,5%) не имели никаких симптомов. Остальные в большинстве имели легкое недомогание. 37 человек прошли интенсивную терапию и выжили, но 9 пассажиров умерли в период от 20 февраля до 28 марта. Из 712 носителей вируса 145 были члены команды, 567 – пассажиры, их средний возраст - 69 лет. Потом выяснилось, что «Алмазная

Принцесса» не имела специальных вентиляционных фильтров, которые с 99%-ой вероятностью задерживают частицы от трех микрон и устанавливаются на самолетах. Судно оказалось ловушкой и распространителем вируса.

Другой круиз, «Grand Princess», вернувшись в Сан-Франциско из Мексики, на следующий день 21 февраля 2020 г. отплыл во второй рейс, на Гавайи. На судне было 3553 человек, 1111 членов команды и 2422 пассажира. После отплытия выяснилось, что на борту есть 68 пассажиров из первого рейса, которые могли быть вирусоносителями. 4-го марта все они были помещены на карантин в их каютах. 6-го марта обнаружили коронавирус у 19 членов команды и 2-х пассажиров. 8-го марта корабль пришвартовался в Окленде, и все люди были помещены на карантин, пассажиры - наземно, члены команды - на корабле. В конце марта селективно были тестированы 1103 пассажира, из них 103 оказались вирусоносителями. 2 пассажира (возраст около 60 лет) и один член команды умерли от осложнений коронавируса.

Еще худшая судьба постигла круиз на корабле этого же класса, «Ruby Princess» - 2700 пассажиров и 1100 членов экипажа. Он курсировал в водах Австралии и Новой Зеландии. В середине марта на корабле были выявлены вирусоносители. К началу апреля 662 человек (17, 4%) оказались заражены. 18 из них умерли к 13-му апреля.

Итоги: в замкнутом пространстве, с числом людей как в небольшом городке (3-4 тысячи), один носитель вируса способен инфицировать всю популяцию. Спустя три недели уже 15-20% популяции оказывается зараженными. Свыше 40% из них не имеют никаких симптомов. Около 10% вирусоносителей нуждаются в интенсивной терапии. И умирают в основном, люди старше 65 лет. Причем, смертность здесь усилилась сильнейшим стрессом: неожиданная принудительная изоляция в тесных каютах плюс неясности судьбы.

5. Два сценария: ложь партийной диктатуры - паника демократии

В конце декабря 2019 г китайский врач-офтальмолог Ли Вэнлян (Li Wenliang) из Центрального госпиталя Ухани сообщил в Интернете о случаях болезни, сходной по своему проявлению с предыдущей коронавирусной вспышкой в Китае острого респираторного синдрома SARS (severe acute respiratory

syndrome). 3-го января 2020 г. Ли Вэнлян был вызван в полицию и предупрежден о распространении в Интернете фальшивых сведений. Отважный доктор продолжал работать, но заразился в госпитале коронавирусом и умер 7 февраля 2020 г. в возрасте 33-х лет. Впоследствии власти Китая признали его правоту и выразили сожаление его семье. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) также выразила сожаление. В июле 2017 г. Генеральным директором ВОЗ был избран Тедрос Гебрейесус, бывший министр здравоохранения Эфиопии, микробиолог.

Сенат США почтил память доктора-героя Ли и принял резолюцию, призывая власти Китая к открытости и кооперации в борьбе с эпидемией. Недавно был опубликован краткий обзор, свидетельствующий о дезинформации властей КНР и неадекватности директора ВОЗ (перевод см. echo.msc.ru от 13-го апреля). 11-го января комиссия здравоохранения Уханя заявила что «на сегодняшний день ни одного случая заражения медицинского персонала обнаружено не было, и нет никаких доказательств того, что вирус передается от человека к человеку». Этот тезис 14 января был повторен и усилен авторитетом ВОЗ: «Предварительное расследование, проведенное властями Китая, не обнаружило никаких свидетельств передачи нового коронавируса, выявленного в Ухани, от человека к человеку». 19-го января ВОЗ подтвердил свое заявление об отсутствии «достаточных данных» о том, как передается вирус, его клинических особенностях и степени распространения. 22-го января директор ВОЗ очень позитивно оценил свои контакты с властями Китая и их действия по предотвращению эпидемии.

21 января CDC (Center Disease Control) сообщил о первом случае заражения у человека, вернувшегося из Китая. Президент Трамп 22 января в интервью в Давосе упомянул об этом одном случае и, видимо, был тогда вправе высказать оптимизм, что все под контролем. Но эпидемия стала стремительно развиваться («нас всех подстерегает случай»). 23-го января, когда в Китае умерло 17 человек и были выявлены случаи заражения в других странах, власти Китая объявили карантин в Ухане, городе с населением 11 млн. человек. Уже 29-го января администрация президента Трампа заявила о создании штаба по борьбе с эпидемией. 31-го января была объявлена чрезвычайная ситуация в стране в области здравоохранения (public health emergency) и введены

ограничения на все полеты в Китай. 30-го января дирекция ВОЗ также высказала международную озабоченность эпидемией, но лишь 11-го марта 2020 г.(почти через полтора месяца) официально декларировала пандемию.

После встречи с лидерами Китая Тедрос Гебрейесус заявил в феврале 2020 , что в рамках всего мира (глобально) не следует вводить меры, которые «без необходимости ограничивают международные путешествия и торговлю». Конечно, такие ограничения были в то время нежелательны для лидеров Китая, которые до конца января пытались скрыть сам факт начавшейся в ноябре 2019 эпидемии, а потом уменьшить ее эффект (по некоторым оценкам в 20 раз). Нам это хорошо известно: в СССР во всех научных институтах был 1-й отдел. В Китае это практикуется до сих пор. 13-го апреля корреспонденты сайта CNN из Гонконга сообщили, что Китай ввел строгую цензуру на все научные статьи о коронавирусе. Китай создал впечатление, что он жёстко, по-партийному, по-военному, справился с бедой.

По сравнению с Китаем, Запад, да что Запад, весь остальной мир повёл себя панически, когда «сумрак неминуемый» стал очевидным. На страницах газет и экранах TV забушевал и бушует до сих пор Апокалипсис. Систематические сравнения с гриппом и другими эпидемиями почти не публикуются. Мы смотрим «Хронику Судного Дня».

На самом деле, мы не знаем, что произошло и происходит в Китае: начало, статистику, меры, происхождение вируса. Мы ещё узнаем, что рекламируемые успехи скрывали реальность и, конечно же, панику начальства.

Вообще, переплетение паники и лжи - это мировое явление. Но в Китае - это монополия власти, на Западе – монополия СМИ.

6. Как развивается эпидемия, как предвидеть?...

Легендарный Йоги Берра, бейсболист и мыслитель, знаменитый в США, как Черномырдин в России, сказал: «Предвидеть трудно, особенно трудно предвидеть будущее». Это исключительно верно для COVID-19.

В полной количественной модели надо учесть многие факторы, и то, что заражение стартует от путешественников - из Китая, европейских стран, «круизников», и различие в плотности населения (сверхгорода и «одноэтажная Америка»), и заражение родственников, всех, кто рядом "stay at home". Модель зависит от цели, и простейшая модель имела 2 цели:

первое - оценить пик скорости роста числа инфицированных за день и второе - оценить максимальное число инфицированных. Такие зависимости для США и многих европейских стран строились с 23-го марта 2020 г. бельгийским математиком, проф Денисом Консталесом (Гентский Университет), и одним из авторов (Г. Яблонский). В столь сложной ситуации надо было начинать с простой модели, которая могла адаптироваться в зависимости от развития событий. Использовалось базовое предположение, что число инфицирований пропорционально числу «столкновений» между носителями вируса и «не-носителями». Такая модель («сигмоидная») предсказала, что максимум скорости роста числа инфицированных за день придёт где-то на 29-30 марта, и он составит примерно 18-20 тысяч в день.

Так это и было. Но после 30-го марта ситуация резко изменилась: модель перестала быть адекватной. Она не отразила резкий рост числа инфекций. Тогда модель была изменена. Она стала «двухсигмоидной», предсказав пик скорости роста числа инфицированных на 5-7 апреля. И это тоже наблюдалось. Пик равнялся примерно 34 тыс. инфицированных в день. А потом пошло что-то вроде плато с флуктуациями, с некоторым снижением роста, в среднем до 28-29 тыс в день. Модель, к сожалению, не отражает это плато и нуждается в уточнении. Впечатление такое, что мы как будто прошли через пик (плато) роста, но не знаем, сколь долго мы будем скользить по уклону. Ситуация всё ещё неопределённая...возможна и новая волна...

УРОКИ

1. Это повторится...

Это повторится...COVID-19 - тренировка человечества. В природе геномы каждого вида регулярно подвергаются атаке самых разных вирусов. Для защиты от них и патогенных микроорганизмов (бактерий) организмы имеют эшелонированную иммунную систему. Но время от времени вирусам и бактериям удается прорваться через иммунную защиту или обмануть ее. В итоге возникают инфекции и пандемии.

Эпидемии будут и в XXI-м веке, и в XXII-ом

2. Научиться жить с риском...Цивилизация - это риск

Цивилизация - это, конечно же, комфорт. Но сохранить комфорт всегда рискованно.

Более того, конечность жизни - это плата за её сложность. Бессмертны только атомы, и то нет, если учесть радиоактивный распад.

Надо научиться жить с риском. Точнее, вспомнить об этом. Цивилизованный мир потерял этот навык, прожив 70 лет благополучного мира после 2-ой Мировой войны. Исчезновение Советского Союза - это не такая уж геокатастрофа, все континенты остались на своих местах. Строго говоря, мы уже давно живём с риском и не собираемся отказываться от достижений прогресса. Ни один американский автомобилист не согласится с предельной скоростью 25 миль в час. Она, кстати сказать, рискованна: другие будут ехать намного быстрее. Американский анекдот начала авиационной эры: «Почему вы не летаете? На земле гораздо больше опасностей. Мой знакомый недавно ехал на автомобиле, и ему на голову упал самолёт».

Заметим, что смертность в год от автокатастроф в США составляет около 36 000 человек, или 3 200 человек в месяц. Но никакие известия о чудовищных авто- и авиакатастрофах не заставят нас перестать ездить и летать. Нам просто надо расширить зоны риска. Общество должно продолжать жить и работать, понимая эти риски и минимизируя их - насколько возможно.

Во многих ситуациях здравый смысл лучше ложной компетентности. В отношении эпидемии COVID и ей подобных рекомендуют пока простой рецепт: чаще мыть руки и не хвататься за лицо, своё и чужое. «Пир во время Чумы»? Почему бы и нет. Но - без распространения Чумы!

3. Опасная позиция - «Трамп хуже коронавируса»

Голда Меир, в своих воспоминаниях заявила, что мир на Ближнем Востоке станет возможным, когда арабы будут больше любить своих детей, нежели ненавидеть Израиль. Андре Морюа, близкий к лидерам Франции, накануне ее поражения в 1940 г., вспоминал о частых и резких столкновениях между П. Рейно, премьер-министром и Э. Даладьё, министром иностранных дел. Недоумевая, он услышал от Рейно, что Даладьё, конечно,

желает победы Франции, «но еще сильнее он желает моего поражения».

Три последних года, начиная с победы Трампа на выборах, ни на день не стихает идеологическое и иррациональное давление на президента, противодействие ему со стороны лидеров демпартии и ориентированной на них СМИ. Оно далеко выходит за сложившиеся рамки нормальных политических дискуссий. Эта ситуация губительна для страны.

Президент Трамп ввел в свою команду по противодействию эпидемии Антония Фаучи, который десятилетия возглавляет Национальный институт аллергии и инфекционных болезней. Его высказывания и действия отличает открытость и честность, даже если он не согласен с президентом. Фаучи так высказал свое кредо: «Не надо разрушать доверие к вам. И следует отказаться от желания идти войной на президента... Надо стремиться находить тонкий баланс, будучи уверенным, что вы продолжаете говорить правду». С этим подходом можно полностью согласиться.

Президент уже с 31 января ограничил все полеты в Китай. Но против этой меры выступили многие члены Конгресса - демократы. Они ссылались на заявление директора ВОЗ и на то, что данное ограничение ведет, якобы, к этнической дискриминации, ксенофобии. В феврале спикер палаты представителей Нэнси Пелоси демонстративно посетила Chinatown в Сан-Франциско в знак несогласия с президентом. И вот результат. По оценке исследования, которое процитировала влиятельная "Нью-Йорк Таймс (4-го апреля), накануне Нового 2020 года и в январе 2020 года прямыми рейсами из Китая в США прибыло 430 000 человек. Причем многие тысячи приезжали рейсами прямо из Ухани, очага пандемии. Хотя у пассажиров из Ухани, а потом и у всех пассажиров из Китая, стали проверять, нет ли у них повышенной температуры или явных признаков заболевания, в то время было еще неизвестно, что не менее 25% вирусоносителей бессимптомны...

Пресс-секретарь Белого дома имел все основания заявить в начале апреля, что введенное президентом ограничение всех полетов в Китай, - вопреки позиции ВОЗ и критике Демпартии, - демонстрирует «твердые решительные действия, которые, по мнению профессионалов-медиков, спасли множество жизней».

Прекрасно, что удалось достичь компромисса и согласовать в обеих палатах Конгресса единогласно принятый кризисный план

экономических мер. Они приняты для выживания людей, оставшихся без работы, и для спасения экономики, парализованной карантином. Регулярные брифинги президента и его команды информируют народ о текущих мерах, и о том, что у страны есть оптимистичный лидер, который среди хаоса и паники берет на себя ответственность за принятые решения. И может менять их, если ситуация изменилась (подобно опытному шахматному гроссмейстеру).

Президент заявил: «Лекарство не должно быть хуже болезни». Вполне разумный подход. Конечно, возникший кризис выявил удивительные «дисбалансы» Америки. С одной стороны, уже объявлены сроки полета на Марс, а с другой - вопиющая нехватка масок, вентиляторов, аппаратов искусственной вентиляции легких. Таковы, видимо, самые очевидные издержки политики глобальной экономики. На это постоянно указывал президент Трамп в своей предвыборной программе. И он последовательно проводит экономическую политику приоритета своей страны и ослабления зависимости от иллюзий и практики глобализма.

ВОПРОСЫ

Их много, вопросов без ответа. Мы многого не знаем.

Мы не знаем, а может, никогда и не узнаем, как это началось. С летучей мыши? С утечки в спецлаборатории? *

См. версию Американского совета по науке и здоровью на его сайте от 13-го апреля.

(<https://www.acsh.org/news/2020/04/13/best-evidence-yet-coronavirus-came-...>)

Гибридно?

Мы не знаем, почему дети и молодые люди обладают повышенным иммунитетом к коронавирусу.

Мы не знаем, почему смертность в Португалии на порядок ниже, чем в соседней Испании.

Трудно понять, почему Генеральный директор ВОЗ медлил с объявлением угрозы эпидемии и пандемии.

Мы хотели бы понять, как и почему возникла мировая паника и почему отдельные страны не теряли спокойствия.

Мы не знаем, чем кончится небывалый социальный эксперимент по самоизоляции - «домашний арест» сотен миллионов.

И - главное - не знаем, когда развеется «сумрак неминуемый» и наступит ясность.

Закончим притчей, о ней напомнил в своем недавнем интервью директор Медицинского центра МГУ, врач-вирусолог Симон Мацкеплишвили. Во время страшной эпидемии праведник встретил Чуму и спросил: «Сколько жизней она унесет?» Чума ответила: «Пять тысяч». Прошло время, болезнь закончилась, и оказалось, что умерло 15 тысяч человек. И вот праведник опять встречает Чуму и спрашивает: «Как же так? Ты говорила про пять тысяч». Чума подумала и ответила: «Да, я забрала только пять тысяч. Остальные умерли от страха».

Все будет хорошо!

-----
* «16 апреля 1928 года, вечером, профессор зоологии IV государственного университета и директор зооинститута в Москве Персиков вошел в свой кабинет, помещающийся в зооинституте, что на улице Герцена. Профессор зажег верхний матовый шар и огляделся. Начало ужасающей катастрофы нужно считать заложенным именно в этот злосчастный вечер, равно как первопричиной этой катастрофы следует считать именно профессора Владимира Ипатьевича Персикова». Так начинается феерическая сатира Булгакова «Роковые яйца». Ученый изобрел лучи, которые помимо его желания вырвались из-под контроля. Вместо куриных яиц невежды облучили «роковые» яйца анаконды. По удивительной случайности, именно 16 апреля, мы - в основном - кончили писать заметки о пандемии рокового коронавируса COVID-19.

Адольф Берлин
Миннеаполис, США

Экспоненциальные технологии 21-го века

На наших глазах появились прекрасные устройства и технологии, которые так круто изменили наш привычный мир. А многие из нас ещё помнят жизнь до появления холодильников, ламповых радиоприёмников, магнитофонов, чёрно-белых телевизоров, видеомагнитофонов, ЭВМ. Уже не все помнят, что за этой аббревиатурой скрывались громадные электронно-вычислительные машины размером с большую комнату, вычислительные возможности которых были меньше, чем у современного скромного настольного компьютера. А у некоторых тогда же в доме не было даже водопровода, канализации и круглосуточного электричества. Как говорил Михаил Жванецкий, "...я ж так жил многие десятилетия! Вот только не знал, что это экстрим. В родном одесском доме... туалет во дворе, на три очка... зимой минус двадцать может быть запросто".

А что бы вы подумали, если бы лет 10 – 15 назад прочли, что некто предсказывает: к 2030 году безнадёжно устареют автомобили с двигателями внутреннего сгорания? Вдобавок к этому солнечная энергетика вытеснит получение электроэнергии из угля, нефти, а также за счёт энергии деления тяжёлых ядер, и даже сделает ненужным поиск технологии управляемых термоядерных процессов.

Такое предсказание сделал человек по имени Тони Себа (Tony Seba). Он является предпринимателем в сфере развития бизнеса и стратегического планирования, педагогом, мыслителем,

автором нескольких книг: "Чистый прорыв" (Clean Disruption), "Солнечные триллионы" (Solar Trillions), "Победитель получает всё" (Winner Takes All). Он сотрудничает с такими крупными известными компаниями, как Microsoft, Visa, Netscape и Sun Microsystems.

Такого же мнения придерживается и группа крупных ученых, инженеров и технологов, которые объединились в 2009 году в прогностический Университет Сингулярности (Singularity University) под эгидой NASA и Google.

В этой научно-популярной статье мне хотелось бы не только привлечь внимание заинтересованного читателя к взглядам Тони Себа и его приверженцев на экспоненциальное* развитие некоторых технологий и связанных с ними рынков в 21-м веке, но и собрать в ней последние публикации в смежных областях.

Современная цивилизация пережила несколько промышленно-технологических революций, каждый раз кардинально изменяющих наш уклад, быт, привычки. Но никогда раньше эти изменения не происходили так быстро и так всеобъемлюще, как в настоящее время. Это происходит потому, что страны и континенты, благодаря Интернету и развитию транспорта, стали намного ближе друг к другу, так что события, открытия, новости в одном конце нашего глобального мира быстро становятся известными и доступными людям почти в любом другом его уголке.

Стремительность этих изменений связана с экспоненциальным характером развития соответствующих отраслей и связанных с ними рынков, когда рост происходит не постепенно, а ускоряется с каждым шагом. Чтобы пояснить это, придётся сделать небольшую экскурсию в математику. Те, кто "силён в математике", могут без ущерба для понимания дальнейшего пропустить несколько следующих параграфов.

Что же такое экспоненциальное изменение какого-то параметра? Рассмотрим рис.1. Если здесь 'x' – это время, а 'y' отражает изменение какого-то параметра (например, скорости процесса, быстродействия, производительности и пр.), то, как видно из рисунка, для экспоненты характерно относительно медленное увеличение параметра на начальном участке и стремительный рост на последующих отрезках времени.

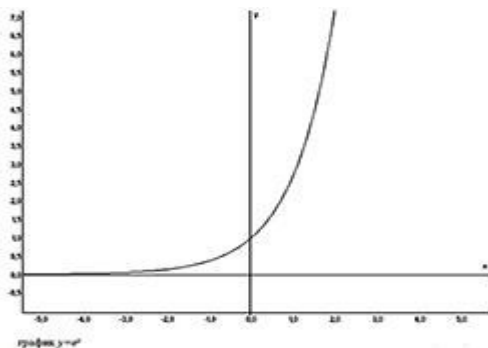

Рис. 1. График экспоненциальной функции $y = \exp(x)$

К примеру, так происходил рост валового внутреннего продукта Соединённых Штатов с 1890 г. до начала 2000-х годов (см. рис. 2).

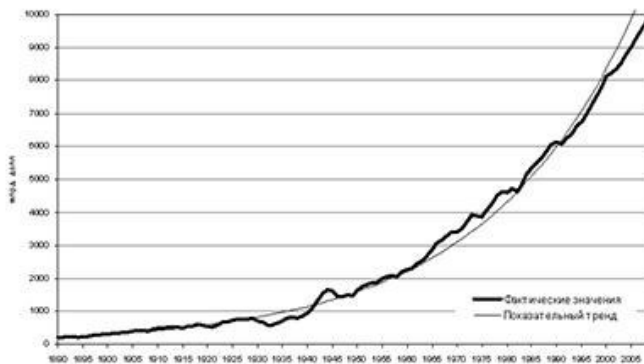

Рис. 2. Реальный рост валового внутреннего продукта Соединённых Штатов по годам (жирная кривая) и соответствующая этим данным экспоненциальная кривая (rusnauka.com)

Как видно из этого графика, экспоненциальная кривая хорошо описывает реальные данные.

Одним из первых на такие закономерности обратил внимание вскоре после изобретения интегральной схемы один из основателей компании Intel Гордон Мур (Gordon Moore), сформулировавший свои наблюдения в виде эмпирического

закона Мура (Moore's law). Он заметил, что каждые 24 месяца удваивается количество транзисторов, размещаемых на кристалле интегральной схемы.

Рост числа транзисторов на кристалле микропроцессора показан на следующем графике, где точки соответствуют наблюдаемым данным для указанных на графике процессоров, а прямая проведена по закону Мура.

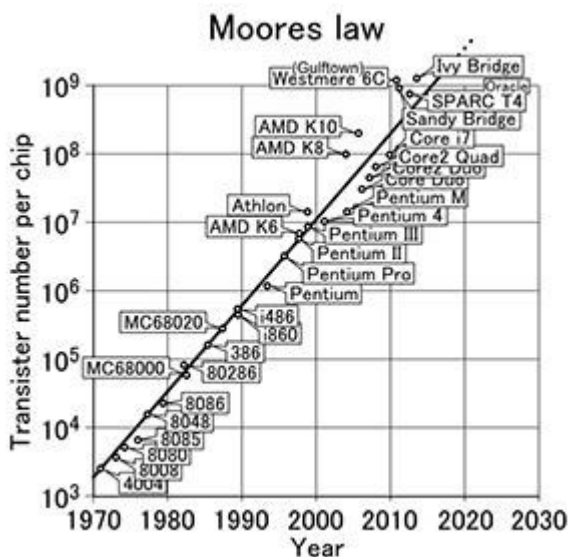

Рис. 3. Зависимость количества транзисторов в чипе по годам: вертикальная ось имеет логарифмическую шкалу, поэтому экспонента по закону Мура на графике выглядит как прямая линия (hsto.org)

В качестве примечания отметим: Мур в 2007 году признал, что экспоненциальный рост физических величин невозможен в течение длительного времени, а должен стремиться к некоему пределу. Так что такие процессы должны описываться S-образными кривыми, имеющими экспоненциальный характер до точки перегиба кривой, после чего наблюдается насыщение (в случае микропроцессоров оно происходит из-за атомарной

природы транзисторов, ограничения возможности отвода выделяющейся теплоты и пр.).

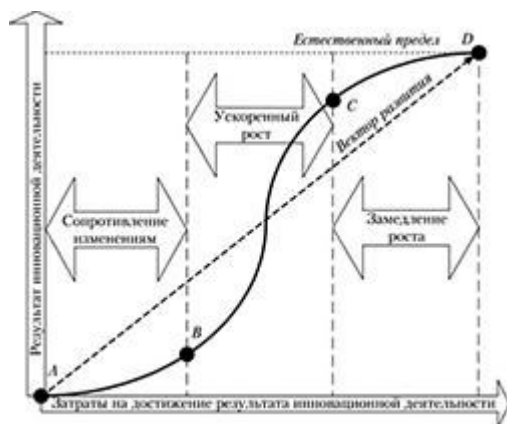

Рис. 4. S-образная кривая для инновационной деятельности (studme.org)

Тони Себа справедливо заметил, что прорывы в технологии и рынке случались и ранее, но именно в 21-м столетии сложились благоприятные условия для их проявления во многих отраслях. Он останавливает внимание на следующих из них: аккумуляторах, солнечных батареях, электромобилях, автопилотных автомобилях. Но вначале он приводит пример транспортного прорыва в самом начале XX века, публикуя ставшие знаменитыми фотографии пятой авеню Нью-Йорка, сделанные в 1900 и в 1913 годах.

На первой из них в море конных экипажей с трудом можно разглядеть один автомобиль. Тогда число конных экипажей в городе вызывало опасение, что скоро улицы будут завалены навозом. Как видим, этого не случилось: менее чем через полтора десятка лет на этой же авеню уже трудно отыскать один конный экипаж в плотном автомобильном потоке. Такой прорыв в городском и междугородном транспорте стал возможным благодаря внедрению Генри Фордом конвейера при массовом производстве автомобилей, что привело к экспоненциальному росту их числа и автомобильного рынка.

Easter morning 1900: 5th Ave, New York City. Spot the automobile.

Source: US National Archives.

Рис. 5. 5-я авеню Нью-Йорка (1900). Где же автомобиль?
(static5.businessinsider.com)

Рассмотрим два широко известных примера из недавнего прошлого. Буквально на наших глазах появление цифровых фотоаппаратов напрочь вытеснило использование и производство плёночных аналогов, так что фирма Кодак (Kodak), не уловившая этой тенденции, выпала с рынка. Она в 1998 году продавала 85% всей фотобумаги в мире и имела 170 тысяч сотрудников, но обанкротилась.

В 1980-х годах начала развиваться технология мобильной связи. Как всегда бывает вначале, было трудно уловить тенденции роста этого нового рынка. Известная фирма Маккензи и Ко (McKenzie & Co) по заказу компании AT&T изучала перспективы развития спроса на мобильные телефоны. Фирма проэкстраполировала рост выпуска продукции мобильной связи, ошибочно считая, что этот показатель будет увеличиваться линейно. Она пришла к выводу, что спрос будет менее 1 миллиона в ближайшие 15 лет.

Рис. 6. 5-я авеню Нью-Йорка (1913). Где же конь? (mobilityhouse.com)

А он оказался в 120 раз выше этого прогноза, то есть произошёл именно экспоненциальный рост (на ранних стадиях экспоненциальной кривой она кажется медленно растущей прямой – см. рис. 1). В результате компания AT&T потеряла шанс попасть на многомиллиардный рынок мобильной связи.

Всё это свидетельствует о важности надёжного прогнозирования, особенно в условиях постиндустриальной экономики.

Аккумуляторы, накопители энергии

В современной бытовой технике (мобильники, ноутбуки, планшеты, фотоаппараты, видеокамеры) используют аккумуляторы, чаще всего литий-ионные, появившиеся в 1991 году (корпорация Sony). Они же применяются в качестве накопителей энергии в энергосистемах и в электромобилях. Увеличение спроса на них привело к тому, что рост ёмкости и удешевление этих аккумуляторов происходит экспоненциально в среднем со скоростью 16% в год.

Илон Маск (Elon Mask) сумел снизить стоимость производства литий-ионных аккумуляторов в течение трех лет на 30-50%, просто исключив огромные транспортные расходы. Ранее литий добывали в Южной Америке и в Австралии, его глубокую очистку проводили в Китае, собирали аккумуляторы в Японии или Корее, а окончательную сборку энергопакетов, состоящих из тысяч аккумуляторов каждый, проводили в США. При этом в

них встраивают контроллер заряда для защиты от превышения напряжения заряда и температуры, ограничивая глубину разряда и ток потребления. Фирма Илона Маска Тесла (Tesla) всю эту цепочку соединила в одном месте, в штате Невада.

Эта фирма строит там Гигафабрику (Gigafactory) с производством продукции ёмкостью 35 гигаватт-часов (35 GWh) и с перспективами расширения. Её энергопакеты можно использовать не только в электромобилях, но и в жилых и офисных помещениях и на предприятиях. Для этого служат аккумуляторные системы Tesla Energy в двух модификациях Powerwall и Powerpack.

Powerwall (мощностью 7 - 10 кВт, с габаритами 0.18*0.86*1.3 м) идёт в комплекте с системой поддержки контроля обогрева дома. Подзарядка аккумулятора производится от любого источника электроэнергии. При этом её можно производить в ночные часы, когда стоимость энергии ниже, а использовать в более "дорогое" время пиковых нагрузок. Это позволяет сэкономить порядка 30 – 50 % стоимости электроэнергии. За первые две недели после анонса выпуска Powerwall фирма Маска получила предзаказов на сумму около 1 миллиарда долларов.

Powerpack лучше всего использовать на предприятиях: пакеты мощностью в 100 кВт можно сгруппировать в системы от 500 кВт до 10 МВт. По мнению Маска, потребности США составляют 160 миллионов энергопакетов, а общемировой спрос – около 2 миллиардов.

В перспективе накопители энергии позволят исключить необходимость в пиковых газовых генераторах, которые включают только при росте пикового потребления. Такие генераторы составляют в США около трети всех мощностей генерации, а используются всего 6% времени, что не рационально. В Техасе накопление энергии экономически оправдано при цене хранения 350 долларов за киловатт-час. А уже сейчас она ниже, так что планируют строительство системы стоимостью 5 миллиардов долларов.

К производству новых аккумуляторов и накопителей энергии присоединились и другие крупнейшие корпорации: LG Chem, BYD, Foxconn, Samsung SDI.

Рис. 7. Аккумуляторная системы Tesla Powerwall

Солнечная энергетика

Это самый чистый вид энергии. Она подешевела с середины 1970-х годов в 200 раз. Эффективность солнечных батарей непрерывно растёт, каждые два года удваивается количество установленных батарей, так что налицо экспоненциальный рост. Ископаемые источники энергии (углеводородные, уголь) подорожали с 1970-х годов в 6-16 раз, а солнечная энергия по сравнению с углём и нефтью подешевела в тысячи раз.

В солнечной батарее объединены полупроводниковые устройства – фотоэлементы, прямо преобразующие солнечную энергию в электрический ток. Их размеры варьируются от встраиваемых в калькуляторы до занимающих крыши зданий. КПД фотоэлементов непрерывно растёт (от 9 –24 % для кремниевых до 44,4 % на индиево-галлий-арсенидной основе).

Первые солнечные кремниевые батареи создали специалисты компании Bell Laboratories в 1954 году. А уже в 1958 году сначала в США, а через два месяца в СССР были запущены спутники с такими батареями. В 2017 году во Франции для обеспечения электроэнергией уличного освещения деревни Tougouvre-au-Perche была открыта дорога, оборудованная 2880 солнечными панелями с годовым производством энергии 280 мегаватт-час (стоимость строительства 5 миллионов евро).

Компания SolarCity разработала специальное покрытие для домов со встроенными солнечными батареями (может быть, нечто наподобие солнечной черепицы). Илон Маск объявил о покупке этой компании за 2,6 млрд. долларов, чтобы приступить к выпуску принципиально нового продукта – “солнечной крыши” вместо установки солнечных батарей поверх неё. При этом цена солнечной крыши будет ниже стоимости обычной крыши из черепицы.

Рис.8. Солнечная крыша Tesla

В Соединённых Штатах появились компании, которые согласно так называемой модели Нулевых Вложений (Zero Investment) бесплатно устанавливают панели поверх или вместо крыши дома, обслуживают их и владеют ими. Владелец же дома лишь оплачивает потребляемое электричество. Это выгодно и владельцу дома, и компании.

Когда дописывались эти строки, пришло сообщение из австралийского университета Ньюкасла (University of Newcastle) о том, что группа исследователей во главе с Полом Дастуром (Paul Dastoor) создала новые солнечные панели. Они предназначены для размещения на крышах и в 30 раз дешевле, чем их аналоги – панели Тесла. Панели Дастура представляют собой прозрачные легкие, гибкие и дешёвые пластиковые пленки с солнечными модулями. Последние напечатаны электронными чернилами методом обычной печати. Активный слой на пленке в тысячу раз тоньше человеческого волоса.

Затем модули покрывают дополнительным слоем защитного пластика. Эти панели также пригодны для повторной переработки.

Дойче Банк (Deutsche Bank) полагает, что к концу 2018 года цены электроэнергии солнечной энергетики и традиционных электростанций уравниются для 80% мирового рынка. А затем солнечная энергетика будет удешевляться со скоростью 41% в год, то есть экспоненциально. Так что к 2030 году она сможет удовлетворить все мировые потребности в электроэнергии.

Дешёвое электричество, в свою очередь, обеспечит изобилие доступной питьевой воды, исключив современные страхи возникновения войн за источники пресной воды.

Электромобили

Потребность в электромобилях диктуется техническим прогрессом. Эффективность двигателя внутреннего сгорания составляет около 20%, так как 80% энергии теряется на обогрев двигателя и окружающей среды. Эффективность электромоторов же достигает 95%. При этом стоимость 1 километра пробега электромобиля на порядок ниже, чем автомобиля с двигателем внутреннего сгорания.

Электрический мотор в таком электромобиле намного меньших размеров по сравнению с двигателями внутреннего сгорания и состоит только из ротора и статора, контактирующих лишь в подшипниках. Электромотор, используя прямой привод, исключает необходимость в трансмиссии. Благодаря этому динамические характеристики электромобиля, например, Tesla Model S сравнимы с таковыми для гораздо более дорогих автомобилей (Mercedes S класса или BMW 7-й серии). После краш-тестов Tesla Model S по безопасности оценён высшим рейтингом в 5 звезд и признан самым безопасным автомобилем 2013 года.

Следует учесть, что в автомобиле с двигателем внутреннего сгорания имеется порядка 2-х тысяч движущихся изнашивающихся частей; а, например, в электромобиле Tesla Model S их только 18. Это гарантирует резкое падение расходов на обслуживание электромобиля.

Компания Tesla пошла на беспрецедентный шаг раскрытия своих патентов на технологии электромобилей с разрешением на их свободное использование.

Рис. 9. Электромобиль Tesla Model S

Прогнозируют, что уже скоро электромобили станут дешевле аналогичных автомобилей с двигателем внутреннего сгорания, на порядок экономичнее по топливу и в десять раз – в обслуживании. Очень вероятно, что к 2030 году электромобили вытеснят автомобили с двигателями внутреннего сгорания, по крайней мере, в развитых странах. Последние прекратят выпуск автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, а также грузовиков, автобусов и даже тракторов. Правительство Германии уже решило запретить продажу дизельных и бензиновых автомобилей с 2030 года. Нидерланды и Норвегия рассматривают похожие законодательные инициативы с запретом продаж новых автомобилей с двигателем внутреннего сгорания с 2025 года.

Интенсивно ведут исследования в области ускоренной зарядки электромобилей, чтобы она проходила не дольше, чем заправка обычного автомобиля. Также некоторые компании, например, французская фирма Рено (Renault), изучают возможности беспроводной зарядки электромобилей на ходу с использованием вмонтированного в дорожное полотно оборудования. Система для беспроводной зарядки, разработанная американской компанией Qualcomm, способна передавать электромобилю до 20 киловатт энергии.

Испытательный полигон в рамках европейского проекта FABRIC построили неподалеку от Парижа.

Такие крупные автогиганты, как GM и Ford, вкладывают в электромобили миллиарды долларов. В эту гонку уже вступили не только автопроизводители, но и компании компьютерной и прочих отраслей (Apple, Google, Foxconn и другие), в том числе европейские. Они имеют в виду создание на базе электромобилей беспилотных автомобилей, являющихся по существу компьютерами на колёсах.

Беспилотные автомобили

Личные автомобили простаивают 96% времени в гаражах и на стоянках, требующих немалых затрат владельцев автомобилей. Отсюда возникло стремление увеличить эффективность использования личных автомобилей выше смехотворных 4%.

С одной стороны, интересный подход предложил сервис Убер (Uber), являющийся примером новых бизнес-моделей. У него – новый принцип эксплуатации личных машин “Автомобиль как сервис”. Учитывая достижения мобильной связи и спутниковой навигации (позволившие любому водителю успешно конкурировать с таксистом в поиске нужного пункта назначения) и не владея собственным таксопарком, Убер привлёк к обслуживанию населения транспортными услугами сеть личных автовладельцев. Клиент по телефону заказывает автомобиль, Убер выступает в роли диспетчера и направляет по указанному клиентом адресу водителя из списка желающих выполнять работу шофёра. Экономится время ожидания прибытия такси и снижается стоимость услуги, так что возникает серьёзная конкуренция традиционным такси.

Ещё более повышается эффективность использования автомобилей с переходом на беспилотники, которые будут проводить в движении не 4%, а 80% своего времени. Число машин на улицах городов при этом должно резко уменьшиться, вместе с чем исчезнут пробки и переполненные уличные парковки.

Беспилотный автомобиль обеспечивает безопасность движения за счёт обзора окружающей среды с помощью лидара, делающего миллионы замеров в секунду на 360 градусов вокруг. Анализирует эти данные компьютер на борту автомобиля. Лидар – это аббревиатура названия “Light Identification Detection and

Ranging” (световое обнаружение и определение дальности). Стоимость лидара снизилась в 70 раз за три года (2012 – 2014), достигнув 1 тысячи долларов, а его размеры и цена уменьшаются с каждым годом. Прогнозируют стоимость твердотельного лидара порядка 100 долларов при размере с почтовую марку в ближайшие годы.

Полагают, что уже в ближайшие годы владение личным автомобилем будет не нужно: проще и дешевле будет вызвать машину по телефону. Она самостоятельно приедет и отвезет клиента по назначению. Такая поездка станет гораздо безопаснее, исчезнет надобность в парковках, пустующих значительную часть времени. Во время поездки можно будет работать с документами и компьютером.

Это изменит и вид городов, так как парк машин уменьшится на 90-95%, атмосфера станет чище и здоровее. Резко снизится аварийность на дорогах: с одной аварии каждые 100 тысяч километров сейчас до одной аварии на 10 миллионов километров, то есть в 100 раз. Так что автостраховка подешевеет в 100 раз. Скорее всего, автомобильное страхование практически исчезнет.

* * *

Экспоненциальное развитие науки и технологии в 21-м веке открывает новые подходы и возможности и в других областях, например, в медицине. В связи с пандемией COVID-19 возникла проблема поиска вакцины и лекарств от этого вирусного заболевания. На разработку таких лекарств от не известного ранее заболевания по правилам научного поиска обычно требуется от 5 до 15 лет. Но объявить карантин и останавливать экономику на такой срок в ожидании нужных лекарств не может себе позволить ни одна страна. И здесь вся надежда на научный прорыв в этой области, базирующийся на новых достижениях в медицине и генетике.

Раньше противовирусные вакцины готовили, используя мёртвые или живые, но ослабленные вирусы; при введении таких препаратов в организм он вырабатывает специфические антитела, которые связываются с поверхностными белками вируса, не позволяя ему проникать в клетку организма. В целях большей безопасности было предложено использовать не сами вирусы, а их естественные поверхностные белки или же

модифицированные белки для усиления выработки иммунитета. Считаются также перспективными молодые направления использования вирусоподобных наночастиц или же синтетического генетического материала вируса (РНК-вакцины), чтобы после вакцинации организм человека сам синтезировал белки вируса и сам же вырабатывал антитела к нему.

Американская компания Moderna, получившая 483 миллиона долларов из государственного бюджета, провела первые испытания РНК-препарата от коронавируса mRNA-1273 на людях, продемонстрировавшие высокую эффективность. Она приступила уже к третьему этапу испытаний в сотрудничестве с Национальным институтом здравоохранения США (NIH), что позволит выяснить, может ли препарат mRNA-1273 предотвратить заражение коронавирусом SARS-Cov-2. Эксперименты одобрены Управлением по контролю за продуктами и лекарствами США (FDA). Moderna готовится производить от 500 млн. до 1 миллиарда доз в год.

Четвёртая промышленная революция

Мы живём в эпоху постиндустриальной экономики, где грядущие перемены часто называют Четвёртой промышленной революцией. Она связана с массовым внедрением кибернетических систем в производство и обслуживание человеческих потребностей, включая труд, быт и досуг.

По мнению сотрудников McKinsey Global Institute может быть автоматизирована работа, на которую расходуется около 49% времени. Это приведёт к росту производительность труда на 0,8–1,4% в год. Исследование, проведенное Cornerstone Capital Group, показало, что в течение следующих 10 лет та или иная форма автоматизации может привести к потере миллионов существующих рабочих мест.

Роботизация и автоматизация проще всего осуществляется в видах деятельности, легко поддающихся алгоритмизации. Роботы будут выполнять большую часть монотонных операций в сфере промышленного производства, вытеснив около 64% всех занятых. Роботизация, скорее всего, затронет такие сферы деятельности, как грузоперевозка и складское хранение, розничная торговля. Это коснётся также офисных работников, персонала на кухнях. В промышленном производстве не останется места для технического персонала среднего и

низшего звена. Автоматизация кардинально изменит сельское хозяйство, что позволит заменить в нём около половины рабочих мест.

В эту новейшую промышленную революцию неожиданно вмешался новый фактор: пандемия COVID-19. Революция, рассчитанная на годы, произошла за несколько недель, особенно на рынке труда и образования. Например, не только работники, но и работодатели поняли выгоды удалённой работы из дома. Это повышает производительность труда за счёт ликвидации лишних совещаний, перерывов на кофе и перекуры, сокращает затраты на содержание дорогих офисов, вместо которых можно ограничиться арендой зала заседаний для обсуждения трудовых вопросов. Люди избавляются от дальних поездок, что сокращает рабочий день.

Переход образования в онлайн-режим должен был занять годы, а вследствие COVID-19 произошёл стремительно. Наличие инфраструктуры позволило университетам и колледжам быстро перевести все занятия в цифровой режим. Это повышает гласность образовательного процесса, выявляя его недостатки. Многие направления обучения вскоре заменятся новыми.

Использование "интеллекта" компьютера, программ-ботов может вытеснить таких профессионалов, как банковские работники, юристы, правоведа. К примеру, алгоритмы автоматического трейдинга уже позволили инвестиционному банку Goldman Sachs резко сократить штат трейдеров по ценным бумагам. А юридическую консультацию во многих областях гораздо быстрее получить, пользуясь программами IBM Watson (с 90%-ной точностью по сравнению с 70%, сделанную юристом).

Ещё один пример. Joshua Browder (Джошуа Браудер), студент Стэнфорда, создал робота-юриста и основал сайт DoNotPay. Тот помогает своим пользователям-водителям решать различные юридические проблемы (споры по штрафам за парковку, компенсация за отмену рейсов и пр.). После ответов на ряд вопросов, клиент выясняет, есть ли у него основания для апелляции. В случае положительного ответа он получает готовый документ для подачи иска. Сайт привлек 175 тысяч пользователей, которые выиграли иски на 5 миллионов долларов. В январе 2017 года этот ресурс запущен в США (Сан-Франциско).

Широкое использование таких достижений приведёт к исчезновению многих профессий уже в ближайшие годы. Это вызовет вымывание среднего класса и увеличение разрыва между сверхбогатыми владельцами роботизированных производств и миллионами людей, чей труд обесценится, так что останется фактически два класса общества. Произойдёт постепенное сокращение рабочей недели до 30 часов, потом до 20, чтобы дать части людей время переучиться. Но рабочих мест на всех всё же не хватит.

Комитет по юридическим вопросам Европарламента рассматривает законопроект создания компаниями реестра своих роботов, декларирования сэкономленных за счет их работы средств и обложения их владельцев социальным налогом за эксплуатацию "электронного человека". Часть этих средств и должна пойти на компенсацию для тех, кто потерял из-за этого работу.

Поэтому всё чаще раздаются предложения о введении так называемого гарантированного безусловного (или базового) дохода, который выплачивают всем членам сообщества независимо от уровня дохода и без необходимости выполнения работы. Введение базового дохода призвано обеспечить людям достойную жизнь, освободить время для творчества и образования и заменить забюрократизированную систему государственного социального обеспечения.

Такой эксперимент уже проводят в Финляндии, планируют провести в Канаде и некоторых других странах. Население Швейцарии на референдуме (2016) отказалось от планов введения безусловного базового дохода во многом из-за опасения массового притока мигрантов.

Так как свободными останутся только творческие должности, требующие принятия нестандартных решений, то часть людей заполнит своё время участием в социальных сетях, кто-то с увлечением займётся компьютерными играми и прочими подобными видами деятельности. Но вряд ли это способно решить все проблемы. Многие люди без работы могут потерять самоуважение и смысл жизни, так как не все способны выполнять творческую работу.

Известны также примеры длительного существования больших сообществ, члены которых не работают, живут, правда, бедно, но не ощущают себя несчастными, будучи всецело

погружёнными в религиозную жизнь (например, ортодоксальные общины Израиля).

Широкое использование автоматизации и роботов, несмотря на привлекательность улучшения качества жизни, несёт в себе риски повышения нестабильности мировой системы вплоть до возможного коллапса. Так что здесь ещё много работы для психологов, социологов, общественных и политических деятелей.

А у всех нас появился повод, а может быть, и цель жизни дождаться 2030 - 2040-го года, чтобы убедиться в правильности приведенных выше прогнозов. Или же иметь законное право отметить, что вновь эти провидцы сели в лужу. А мы так ... (надеялись или боялись – вставить вместо точек нужное слово).

Пророка нет нигде.
Не важно, угадал он,
ошибся ль, – быть беде;
всё кончится скандалом.

-----
* Экспоненциальные – изменяющиеся по экспоненте, взрывные (прим. ред.)

Михаил Голубовский
Беркли, Калифорния, США

Одoleвая корону-19

Среди множества статей о пандемии коронавируса удивительно мало информативных рассказов или интервью с

людьми, которые переболели ковид-19. Это важно знать из первых рук. Ибо вирус не остановил свое злое деяние и «нас всех подстерегает случай». Ниже представлены три описания такого рода: каковы были начальные симптомы, когда заболевшие обратились к врачу, как проходило лечение и выздоровление.

Заболели и вылечились. Три случая личного опыта

Случай 1. Известие о болезни и выздоровлении писателя Бориса Акунина (64 года), проживающего сейчас в Лондоне, было, пожалуй, одним из первых свидетельств. Оно быстро распространилось в сети. Странное занятие рассказывать, как болеешь гриппом, но так «много народу боится этого чёртова коронавируса», - заметил писатель и решил поделиться личным опытом в интернете.

«Заболел я в середине дня в пятницу, 13 го марта. Собственно, заболели мы оба, я и жена. Но у неё была форма совсем лёгкая: день небольшой температуры, потом два дня головной боли, и ещё начисто пропало обоняние (есть там такой симптом). У меня форма средней тяжести. Это как паршивый затяжной грипп с высокой температурой. Разница в том, что улучшения не происходит. Температура доползает до 39С, сбиваешь её парацетамолом. Завтра опять. И опять. Этим «днём сурка» я наслаждался дней десять. Лежал дома, слушал аудиокниги.

Знал, что опасаться нужно только проблем с дыханием - в этом случае придет «скорая». Проблем с дыханием не возникало, поэтому настроение было злобное, но спокойное. Мне не повезло, что я был из ранних и в первые дни болезни никакого лечения ещё не было. На одиннадцатый день наконец появился врач с успешным опытом и прописал мне курс антибиотиков. Ну и постепенно стало лучше. Вот, собственно, весь рассказ».

Случай 2. Станислав Золотарев (С.З.), зам. директора АО «Алтайвагон». Возраст около 55 лет. Заразился в Москве, в апреле, когда в городе был введен режим самоизоляции. С.З. во время карантина ни с кем не общался, лишь выходил выгуливать собаку. Заражение могло случиться в подъезде или при контакте с собачьим поводком. У всех в семье из 4-х человек появились симптомы легкой простуды. По просьбе С.З., участковый врач взял анализы и оказалось, что все члены семьи имели вирус. Врач назначил принимать антибиотики от возможного воспаления легких. Однако через три дня у С.З температура

повысилась до 39 С, появилась слабость, затруднение дыхания. Позвонили в неотложку и его привезли в больницу №52 Москвы. Там сделали ЭКГ, компьютерную томографию. Установили диагноз пневмонии средней тяжести и госпитализировали. В приемном покое С.З. подписал бумагу о неразглашении методов и характера лечения. Врач объяснил, что поскольку нет вакцины от коронавируса, то больной соглашается на имеющиеся методы лечения, которые не гарантируют 100-процентный результат. Лечили активно. Каждые 2 часа капельницы, уколы в вену. Сначала положили в обычную палату для двоих пациентов. На второй день перевели в палату с кислородной маской. Приходилось по 16 часов в день лежать на животе, ибо так кислород легче проникает в легкие. На 7-ой день температура понизилась до 37,2 С. Врач подождал еще 3-4 дня, когда температура станет нормальной, и затем еще несколько дней до выписки. Кормили хорошо и часто, завтрак, второй завтрак, обед, полдник и ужин. Первые дни С.З. почти ничего не ел из-за слабости. Стал поправляться. Выписали 3 го мая, после 11-дневной госпитализации. Находился дома на карантине 14 дней. Во время карантина никаких лекарств не прописали.

Случай 3. В конце марта заболел коронавирусом мой двоюродный брат Михаил Игдалов (М.И.), живет в Филадельфии, возраст 68 лет. Я попросил М.И. подробнее рассказать о ходе болезни и выздоровлении. Вот его обстоятельный рассказ.

«После работы, вечером 23 марта 2020 г., я почувствовал себя не комфортно, лег спать и на следующее утро поднялась температура до 38С. Было то холодно, то жарко и озноб. Позвонил лечащему врачу и переговорил с ней по телефону, так как в Пенсильвании приемы врачей в офисах уже были отменены. Получил инструкцию: много пить воды и принимать тайленол (Tylenol), чтобы сбить температуру. Так и делал два дня подряд.

Начался кашель, в основном ночью, и рвотные рефлексы. Есть ничего не хотелось. Вечером в среду 03.25.вызвали медицинскую помощь по 911. Приехали двое храбрых молодцов и сказали, что у меня симптомы гриппа, предложили ехать в госпиталь. Я отказался. Ночью было очень тяжело, не могу переносить высокую температуру 38,5С. Утром температура спала, но жена настояла на поездке в госпиталь. Там меня

осмотрели, сделали рентген грудной клетки и отпустили домой с рекомендацией: много пить воды и принимать тайленол, чтобы сбить температуру. Сообщили из госпиталя моему врачу, она позвонила и направила меня на ковид-тест.

Всю неделю была высокая температура и сильный кашель по ночам. Через четыре дня позвонили из медицинского офиса и сказали, что результат теста положительный и что они не знают, как мне помочь и чем лечить. Я попросил назначить антибиотик, получил отказ: не рекомендуют, и нет рекомендации, какой антибиотик нужен.

Жена повезла меня 31-го марта опять в тот же госпиталь - Jeans Hospital in Philadelphia, (15 мин. езды от дома). После 3-х - 4-х часов обследования и рентгена меня положили в госпитальную палату с диагнозом: вирусная пневмония. Условия в госпитале были прекрасные: отдельная палата с большим окном, туалет, все чисто и удобная медицинская кровать, TV на стенке (все программы платные, помню, кажется, \$6.00 /день)

Сразу за меня мощно взялись: регулярно мерили температуру и давали тайленол.

Три раза в день измеряли уровень сахара в крови (у меня диабет). Поставили капельницу с антибиотиком, потом с физраствором. Это продолжалось в течении всего моего пребывания в госпитале. Периодически делали рентген легких прямо в кровати при помощи специальной переносной рентгеновской установки. Лечили с помощью гидроксихлорохина (Hydroxuchloroquine . 200mg по две таблетки в день). Постоянно измеряли артериальное давление и через нос подавали кислород.

Меню скудное, но три раза в день, я не ел ничего – не хотелось, но пил чай и воду. За время болезни похудел на 10кг. Медсестры были очень активны и все выполняли на высшем уровне. Они были одеты как космонавты в скафандры: костюм, маска, иногда защитный пластиковый щит на лице. Если кто-то ко мне подходил, я должен был обязательно надевать маску. Врача видел только два раза: первый раз в начале лечения, второй - перед выпиской, и еще он мне потом звонил домой, тоже два раза. В госпитале я был 5 дней. Сказали быть дома на карантине две недели.

Первые пару дней после госпиталя я чувствовал себя плохо: был сильный кашель, принимал Benzonatate (дали таблетки с собой). В течение последующих двух недель гулял, дышал и все

нормализовалось, слабость прошла. Сейчас все нормально. У меня образовались антитела, не знаю как надолго этот иммунитет. Жена и сын не болели, антител у них не нашли. Пока болел, меня уволили с работы и теперь получаю пособие, начал искать новую работу, но в 68 лет задача не простая. Если не найду ничего подходящего, буду учиться жить на пенсию. Медицина в США на высоком уровне и, если не будут проведены социалистические преобразования, то еще потопчем эту грешную землю» (05.26.20).

Итак, три семейных истории людей, которые проживают в разных странах и вылечились от ковид-19. Можно отметить сходные симптомы в начале заболевания: повышение температуры, слабость, кашель, хрипота, головная боль, временная утрата обоняния. Наконец, затруднение дыхания – прямой признак начала пневмонии. В случае ее подтверждения – вызов «неотложки» и госпитализация. Основное лечение – уколы с антибиотиком, капельницы и кислородная поддержка.

Вероятность заражения и его исход явно зависят от пола: у женщин инфицирование проходит нередко бессимптомно или с легким недомоганием. Либо вирус вовсе не приживается, несмотря на семейный контакт. Так, у жены М.И. вирусный тест был негативный, да и антитела к вирусу не были найдены. Это совпадает с данными исследователей разных стран. Среди больных корона-19 около 2/3 мужчин и 1/3 женщин.

Страсти по гидроксихлорохину

При лечении М.И. в госпитале Филадельфии успешно применяли гидроксихлорохин (ГХХ) – антималярийное лекарство. Оно обладает жаропонижающим и противовоспалительным действием и применяется также при аутоиммунных заболеваниях. Позитивный терапевтический эффект ГХХ при ковид-19 наблюдали врачи в ряде клиник во Франции, Италии, США. Однако некоторые клиницисты сомневались в этом или отрицали. Различие врачебных практик при лечении одной и той же болезни – обычное явление. Врачевание, особенно при неизвестных ранее заболеваниях, включает не только данные и прописи медицинской науки, но и искусство, интуицию, настоящую на личном опыте и наблюдениях. Извлекаемый из коры хинного дерева хинин – целительное средство против малярии, - был открыт сотни лет

назад индейцами племени кечуа из Перу и Эквадора. Хинин использовался для лечения малярии до середины XX века. Затем были открыты и стали применяться синтетические аналоги хинина - хлорохин и ГХХ.

Неожиданно изучение и использование ГХХ в профилактике и терапии ковид-19 приняло острую политическую окраску. Это произошло в марте, когда президент Трамп на очередном брифинге сообщил, что, по совету своего врача, принимает ГХХ. Тут же во многих СМИ последовали статьи-инвективы, что президент рекламирует непроверенное лекарство, прием которого может иметь ужасные осложнения. 22 мая авторитетный британский медицинский журнал Lancet опубликовал статью, представленную компанией Surgisphere из Чикаго. Среди авторов были клиницисты из разных университетов. Суммировались данные многих госпиталей с охватом 96 тысяч пациентов. Был сделан конечный вывод о негативном эффекте ГХХ. После выхода этой статьи Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) тут же остановила клинические испытания применения ГХХ при корона-19.

Однако, статья оказалась фальсификацией, «липой». 29 мая 2020 г. газета New York Times опубликовала письмо более 100 ученых и клиницистов к редактору журнала Lancet Ричарду Хортону. Ставилась под сомнение подлинность данных, отмечалось отсутствие сведений о конкретных больницах и критиковалась вся методика. К примеру, в статье приводились данные заболевания ковид-19 в Австралии в одном стационаре, но было указано больше случаев смерти, чем во всей стране за весь период эпидемии. 4 июня Lancet отозвал статью, признав ее "monumental fraud", грандиозным обманом. Три соавтора написали покаянное письмо с рефреном: «если б знали мы, если б ведали»...».

Обман такого уровня я - за многие годы работы в генетике и истории науки - могу сравнить лишь с опубликованной в американском журнале Science в 2005 г. фальсификацией репродуктолога Хвана (Hwang) из Сеула о получении 11 линий эмбриональных стволовых клеток человека путем пересадки ядер из взрослых клеток. Каковы же мотивы фальсификации о негативном действии ГХХ? Неужели лишь в желании якобы со стороны «медицинской науки» показать несостоятельность заявления президента? Интересно, что спустя месяц после этой горькой истории 3 июля в Международном журнале

инфекционных болезней (Intern. J. Infectious Diseases) появилась статья из клиники в Мичигане с выводом: применение ГХХ на ранних стадиях (!) заболевания корона-19 , уменьшает смертность на 13% в сравнении с контрольной группой, не принимавшей лекарство..

Новое в понимании эпидемиологии ковид-19

Остается много неясного, дискуссионного и даже мистического в нашествии корона-19 . Существенные изменения сделаны в оценках степени зараженности и характере иммунного ответа на уровне организма и популяции. При массовом тестировании на вирусоносительство тесты определяют наличие или отсутствие у данного индивида вирусной ДНК (реакция ПЦР). Однако эти тесты преуменьшают степень заражения. Ибо, если у человека до ДНК-теста уже произошел контакт с вирусом и его иммунная система выработала защитные антитела, то вирус исчезает из организма, а ДНК- тест оказывается негативным. Стало быть, число людей, преодолевших заражение, занижено. Насколько? Возможно, не менее чем в 7 -10 раз. Это хорошая новость.

В эпидемиологии используют два количественных показателя: летальность и смертность. Первый из них - IFR (Infection Fatality Rate), показывает , какой процент зараженных лиц , включая бессимптомных, ожидает летальный исход. Смертность – доля смертельных случаев на 100 000 или на 1 миллион в данной популяции. В феврале 2020 г ВОЗ сообщила, что IFR равен 4-6 %, то есть ожидаемый летальный исход 40-60 человек на 1000 инфицированных. Нынешняя оценка – 0,6 % или 6 случаев летальности на 1000. Эпидемиологи Германии еще в начале эпидемии оценили реальный показатель летальности в 0,26%.

Около 80 % людей переносят попавший к ним вирус без всяких симптомов или с легкими признаками простудного недомогания. У 15% людей возникают простудные симптомы, но они могут перенести болезнь дома , некоторым понадобится госпитализация, и около 5% больных попадают в отделение интенсивной терапии. Для этих трех групп используют термины case – заражение или вирусоносительство, active case и serious case. Заболевают и попадают в госпитали в 77-80% случаев пожилые люди, старше 65 лет. Это резкое отличие корона-19 от пандемии вируса гриппа 2009, когда страдали в основном дети и молодежь.

В журналистских публикациях постоянно приходится встречать путаницу: всех инфицированных людей (cases) называют больными. Это неграмотно, недопустимо и вольно или невольно создает панику. За пять месяцев эпидемии в 40-миллионной Калифорнии среди жертв эпидемии в возрасте до 18 лет не зарегистрировано ни одного летального случая! В возрасте 18-34 года смертность составляет 1.5 % Ю а в возрасте 35-49 лет – 5.7% .

И. Кармели, глава кафедры эпидемиологии в Тель-Авивском университете назвал свое интервью 15 июня 2020 г. : «До 50 лет нечего бояться». Он оценил, что в возрасте до 50 лет на каждого диагностированного приходится от 10 до 50 человек, которые подверглись воздействию вируса, но развили иммунитет и не болели. Реальная смертность от короны-19 для лиц до 50 лет равна 1: на 10 000 – 50 000. Отсюда следует, что нет серьезных оснований не возобновлять занятия в школах, колледжах, университетах.

Меры карантина в начале пандемии были оправданы необходимостью уменьшить резкую нагрузку на госпитали, подготовить персонал клиник и условия для лечения. Когда был накоплен врачебный опыт, то рост числа инфицированных вовсе не сопровождался таким же ростом смертности. Это хорошо видно на представленном еженедельном графике эпидемии по Калифорнии. С увеличением тестирования с апреля до начала июля росло число инфицированных лиц (cases). Однако, уровень смертности стабилизировался на одном уровне. То же самое будет происходить в конечном счете и для второй волны эпидемии.

К сожалению, наступление второй волны инфицирования в большинстве СМИ, близких к демократической партии, представляется в панической тональности: « США не могут справиться с вирусом». А могут ли США управлять торнадо, ураганами, тайфунами - явлениями сходного масштаба? К этой реальности Природы надо привыкнуть. Пандемия корона-19 вовсе не уникальна. В природе геномы каждого вида постоянно подвергаются атаке самых разных вирусов и бактерий. Инфекцию свиного гриппа в 2009-2010 г. перенесли 11-21% населения мира, от 700 млн. до 1.4 млрд человек. По данным CDS, в осенне- зимний сезон 2019-2020 г. гриппом переболели 38 -56 млн человек, госпитализированы более полумиллиона и умерло около 40 000 человек.

Критики президента Трампа и губернаторов ряда штатов полагают, что вторая волна произошла вследствие преждевременной отмены карантина. Вовсе нет. Она наблюдается в самых разных странах в силу самой «природы вещей». Эпидемиологи ясно сознавали, что после режима изоляции и выхода на волю трудно избежать новых атак вируса. Однако паника излишня. Возрос коллективный иммунитет, накоплен опыт терапии и госпитали отнюдь не переполнены .

Борис Акунин свой рассказ о болезни корона-19 закончил пожеланием: «Больше всего меня беспокоит не вирус, а психоз вокруг него ...Пожалуйста, не запугивайте себя. Это очень опасно. Не постите всякие ужасы, которыми переполнен Интернет. Все эти «фотографии лёгких, поражённых коронавирусом», «гробы в Бергамо», описания ужасов одинокой смерти и т.п. Подумайте о том, сколько вокруг впечатлительных, мнительных, нервных людей. Психоз и самовнушение – вот сейчас главная опасность». В другом интервью Акунин высказался еще резче: «Я считал и считаю, что вся эта мировая истерическая ситуация, связанная с пандемией, преувеличена. И потери от гипертрофированной реакции гораздо больше, чем от самой эпидемии». Правильность вывода писателя выяснится с абсолютностью уже к концу года, когда улягутся волны паники и массовой истерии. Кончу на мажорной ноте. От переболевшего корона-19 Михаила Игдалова я вчера получил известие, что он нашел новую работу. Это позитивное известие – хороший знак нормализации экономики в США.

Часть 2. Мрачные годы: Война, Холокост, Террор

Лев Табенкин. Вознесение. 1992

Лариса Миллер
Москва, Россия

И в черные годы блестели снега

Тамаре Петкевич

И в черные годы блестели снега,
И в черные годы пестрели луга,
И птицы весенние пели,
И вешние страсти кипели.
Когда под конвоем невинных веди,
Деревья вишневые нежно цвели,
Качались озерные воды
В те черные, черные годы.

1989

Юлий Зыслин
Вашингтон, США

Война моего детства

Мой дед Ицик-Мендл Зислин был простым еврейским гением, родившимся в середине XIX века. Судите сами. Набожный хасид и безграмотный торговец он придумал свою азбуку (еврейский Кирилл и Мефодий в одном лице). Это произошло, когда его сыновья выросли и стали совершать деловые поездки. Они освоили эту азбуку и с её помощью с ним переписывались.

По семейной легенде, Ицик (или его отец) был сиротой. Когда надо было его как-то записать, ему дали фамилию Зислин, т.к. он был племянником единственной своей родственницы тёти Зисли (Зысли), что жила за рекой. Как будто это было где-то под Ригой.

Дед снабжал царское правительство мясом. Во дворе его дома был большой и глубокий погреб со льдом. В Петербурге жил купец, который это мясо у него покупал. Однажды (а это было в начале 1900-х годов) этот купец привозил деда в Петербург, и он тогда даже взял с собой мою маму, которая была младшей в большой семье. Мама вспоминала, что этот купец повёл её в шикарный магазин игрушек, где их было множество, и мама выбрала маленькую простую уточку. Всю жизнь над ней по этому поводу сёстры посмеивались. Так навсегда мы остались скромными и непритязательными...

22 июня 1941 г. в 12 часов дня мы с мамой и все наши московские родственники должны были вместе выехать на поезде в Ригу для посещения могилы дедушки, который умер за год до моего рождения, т.е. в 1929 году.

По рассказам взрослых, немцы вошли в Ригу 27 июня (это застряло у меня в памяти, а было мне тогда неполных 11 лет).

Могила дедушки находилась в г. Краслава под Ригой (у нас дома всегда говорили о местечке под названием Креславка). В Креславке родилась моя мама Фрума, три её сестры Эйда, Пера, Бетя и четыре брата Натан, Шмерль, Юдл и Янкель. Они рано осиротели, т.к. их мама трагически погибла после революционных событий 1905 года.

Мама Фрума первая приехала в Москву в 1921 г., после Гражданской войны. Потом две мамини сестры, Пера и Бетя, тоже стали москвичками. Два брата, Натан и Юдл, которые знали дедушкину азбуку, погибли от петлюровцев в 1919 г. в Киеве, где они, по семейной легенде, торговали хлебом. Остальные жили в Креславке и Риге.

Юлик Зыслин, 1941 г.

По воспоминаниям Баси Цин («Все круги ада»), 25 июня прошёл слух, что через 2-3 дня немцы займут Креславку. Власти городка уже сбежали. Многие евреи бросились из города, но фашисты настигали их и гнали назад. Вскоре евреев собрали в одной из синагог местечка и заперли. Здесь, по слухам, их собирались сжечь, но позже построили в колонны и погнали «догнивать» (слова местных латышских полицейев) в гетто в

Двинск (по-латышски, Даугавпилс) родину великого еврейского актёра Соломона Михоэлса.

И начались массовые расстрелы евреев. Акция следовала за акцией...

Евреев расстреливали и в самой Креславке, и в Риге.

В этом аду погибли дети моего деда Ицик-Мендела и их семьи.

Четыре семьи. 15 человек. Назову их имена. Сегодня они выписаны на нашем семейном монументе в Вашингтоне: Шмерл, Роза, Белла, Юдифь, Залман, Рая, Янкель, Соре-Мусел, Роха, Ноте.

Эйда, Симен, Либа, Юдл-мл., Ицик-Мендл-мл.

К счастью, не все прибалтийские потомки Ицик-Мендела Зислина погибли тогда.

Его внуки, жившие в Риге, Мэри и Гольда, как комсомольцы были вывезены на автобусах в Россию ещё до 27 июня (креславчанин Меер ещё до войны был призван в армию и позже воевал, а Мэри и Гольда работали в военно-санитарных поездах). Они даже не смогли забежать домой, чтобы попрощаться с родителями. Песя пережила двинское гетто (она пряталась в течение двух лет в яме). У меня в компьютере есть её воспоминания на русском и английском языках в переводе с иврита.

Недавно из Израиля внучка Мэри прислала мне фотографию 10-ти (из 16-ти) внуков Ицик-Мендела, что жили до 1941 года в Латвии. Это мои двоюродные братья и сёстры.

Справа налево: Pesya, Rachel, Luba, Golda, Izik, Meri, Nota, Bela, Yudel, Yitzhak. Выжили только четверо: Песя, Гольда, Айзик и Мэри.

Все они в своё время поселились в Израиле. Айзин прожил 78 лет, Песя и Гольда больше 90-та. Мери ещё жива. Ей в декабре исполнилось 95 лет.

Москва начала войны

Не поехав 22 июня 1941 г. в Латвию, мы, москвичи с буквой «ы» после «з» в написании нашей фамилии, минули фашистскую мясорубку, а ведь могли попасть в самое пекло. Я хорошо помню, как утром этого дня говорил о войне Молотов по радио. Я прильнул к репродуктору-тарелке, по которому обычно слушал музыкальные (особенно песенные) и детские передачи.

Однако в Москве война тоже стала чувствоваться очень быстро.

Уже в июне была объявлена первая воздушная тревога. Я был в этот день и последующие дни на Арбате у тети Перы. Это огромный дом №35 напротив театра им. Евгения Вахтангова, недалеко от места рождения Булата Окуджавы.

Мы спустились в бомбоубежище. Люди были очень встревожены. Начались разговоры один другого страшнее. Кто-то уже видел, как разбомбили метро «Арбатская». Когда объявили отбой, и мы вышли на улицу, оказалось, что тревога была учебной...

Потом воздушные тревоги пошли регулярно. Уже не учебные.

Вот тогда-то одна бомба упала-таки рядом с метро «Арбатская» и разворотила находящийся там рынок. В театр имени Вахтангова тоже угодила бомба. Здание устояло, но театр закрыли. Говорили, что у тётиного дома треснула стена. Но этого не было видно.

И всё это неслучайно: Кремль, куда метили немецкие летчики, был совсем недалеко от Арбатской площади и улицы Арбат.

Я воочию помню замаскированные Большой театр и Кремль, а также стратостаты на бульварах и, прежде всего, в конце Чистопрудного бульвара, вблизи метро «Кировская» (ныне «Чистые пруды»). Каждый вечер они поднимали в воздух специальные сетки, так как немецкие самолёты бомбили Москву по ночам.

Всё это создавало тревожное состояние. В мою детскую душу опустилась тогда какая-то тень, которая не ушла оттуда до сегодняшнего дня.

Муж тёти Перы, дядя Мотя (я его звал папой), пошёл в ополчение.

Их дочь Лялю, студентку ИФЛИ (Институт философии, литературы и искусства), послали под Смоленск на рытьё окопов, мама пропадала на заводе «Манометр», моя школа № 657 отправила своих учеников младших классов куда-то под Подольск (я только что окончил 3-й класс). Через много лет я прочёл в журнале «Юность», что немцы могли свободно пройти в Москву осенью 1941 года как раз где-то здесь. Их остановили курсанты Подольского военного училища.

В этом школьном лагере под Подольском было очень скучно и тоскливо. Полностью отсутствовала какая-либо информация, и не было связи с родными. Наверно, через месяц мама меня оттуда забрала и отвезла на дачу к знакомым в подмосковную Мамонтовку. Хозяин этой дачи дядя Боря Савчук пошёл в московское ополчение и погиб. На соседнем участке была вырыта щель в земле, куда загоняли детей ближайших дач во время воздушных тревог. Мы, конечно, оттуда выбегали на волю и смотрели на немецкие самолёты, видимые в лучах наших прожекторов. Однажды мы даже наблюдали, как один такой самолёт, который попал в перекрестие двух прожекторов, был сбит зенитками и упал с большим грохотом где-то недалеко (говорили, что на Клязьме). Мы ощутили при этом сотрясение земли. А ведь мог упасть и прямо на нас...

Эвакуация

В первых числах августа мамина сестра тетя Пера уезжала в эвакуацию в г. Новосибирск и мама отправила меня с ней, а сама осталась в Москве.

В Новосибирске нас сначала поселили в маленьком доме. Никогда не забуду печальное интеллигентное лицо хозяйки дома: её муж, видный сибирский революционер-партизан, был несправедливо и незаслуженно репрессирован и расстрелян...

Здесь я пошёл в 4-й класс местной начальной школы. Школа была деревянная, рубленая, хотя и располагалась недалеко от центра города. Очень скоро нас переселили в избу около вокзала с большой квадратной комнатой в пять окон (три окна на улицу и два во двор) и с проходной кухней с русской печкой.

В общем, половина большой избы с отдельным входом. Здесь мы были сами себе хозяева. Первую же хозяйку мы очень стесняли, комнаты там были маленькие, узкие и проходные.

Рядом с нашей избой находилась каменная школа (бывшее царское военное училище) и пересыльная тюрьма с высоким деревянным забором.

Мимо окон школы и окон нашей избы по многу раз в день проводили под конвоем бесконечные партии заключённых. Эта ужасная картина всегда со мной, и я унесу её с собой в могилу. Об этом была публикация в журнале «Чайка» (<http://www.chayka.org/node/6410>).

От мамы долго не было никаких известий.

Она появилась в Новосибирске в середине ноября с маленьким самодельным матерчатым салатного цвета рюкзаком, с тем самым, с которым я ездил в подольский школьный лагерь.

Вот что я узнал от неё через много лет и что осталось у меня в памяти.

Где-то 15 октября 1941 года на Московском заводе «Манометр» было собрание. Объявили, что Москву сдают и завод закрывается. Предложили уезжать из Москвы, кто как может и побыстрее. Зарплату за два месяца обещали выдать на следующий день. Когда мама пришла за зарплатой, в кассу стояла огромная очередь. Один знакомый рабочий ей шепнул: «Фрума, уходи: рабочие настроены агрессивно и готовы устроить еврейский погром». Мама осталась без зарплаты, пошла на вокзал, села в первый попавшийся поезд. Вагон был неотапливаемым, системы «метро», а зима в этот год была лютая. У неё с собой был батон белого хлеба. Где-то по дороге она перебралась в теплушку, из которой её пытались вышвырнуть за её еврейскую картавость...

Мама ехала в Новосибирск около месяца, и всё это время я ничего о ней не знал...

В Новосибирске мы прожили два года под опекой тёти Перы. Вокруг неё в нашей избе постепенно собралось несколько семей родственников из Москвы, Донецка и Риги. Бывало, что гостили и знакомые, особенно фронтовики, ехавшие в тыл по ранению или по болезни. В отдельные дни и недели у нас здесь жило до 13 человек.

В школе со мной сидел за одной партой рыжий мальчик из местных. Его дом-изба была недалёко от нашей. У Мошкиных была большая семья. К избе примыкал хлев с бурёнкой. Мне

нравилось к ним ходить, слушать мычание коровы, играть в лото с его сёстрами. Один его брат был уже убит под Москвой, другой – вернулся с перебитой рукой.

Однажды летом я пошёл в гости к креславским подругам моих латвийских сестёр. Те, пожив у нас, сняли комнату в беленьком домике у хозяйки. Во дворе росли огромные яблони, усыпанные маленькими ещё не спелыми яблочками. И я, давно не видящий фруктов, сорвал одно такое яблочко. Площадную ругань хозяйки я слышу до сих пор...

Не забыть и похороны десятиклассника нашей школы, которого пырнули ножом местные хулиганы (их называли урками). Говорили, что он был лучшим учеником школы и очень хорошим интеллигентным юношей.

Прекрасно помню фильмы, которые смотрел в Новосибирске: «Иван Иванович сердится» с Зоей Федоровой, «Актриса» с Бабочкиным, «Секретарь райкома» с Ваниным, «Концерт фронту» с Лемешевым, «Котовский» с Мордвиновым.

В Новосибирск была эвакуирована Ленинградская государственная филармония и объединена с Новосибирской. Я помню это полукруглое угловое здание. Мне кажется, что 7-ю («Ленинградскую») симфонию Дмитрия Шостаковича я слышал в первый раз именно здесь. Афишу этого концерта я точно видел.

Вот ещё два мальчишеских новосибирских бытовых воспоминания. Первое – это коромысло. В любые сибирские мороз и жару я ежедневно с большой гордостью носил два больших ведра с водокачки, целый блок по скользкой, никогда не убираемой улице. По этой же уличной скользи мальчишки катались зимой на коньках. Мы прикручивали железки коньков к валенкам, подшитых плоской подошвой («пимы»), с помощью специальных верёвочек и двух палочек (для пятки и для носка; был вариант и со одной палочкой). Специальным крюком (крюк был у каждого мальчишки) цеплялись за задний борт проезжавшего мимо грузовика. Дух захватывало от езды, тряски, ветра и мороза...

Мы возвращаемся в Москву

Осенью 1943 года мы собрались возвращаться в Москву. Я только что перенёс брюшной тиф, в школу не ходил, был не в лучшей форме. Меня вписали в документы тёти Перы, а мама поехала «зайцем». Мы заняли целое купе. В Ярославле была

проверка документов на возврат в Москву, и маму высадили из вагона на перрон.

Я опять остался без мамы...

В Ярославле находился бывший директор завода «Манометр» Борис Киселёв. Он взял маму на работу.

В Москве я снова оказался на Арбате в том же доме № 35, что и в первые дни войны (сейчас в этом доме Министерство культуры Российской Федерации и Дом Актёра).

В этом огромном арбатском доме не топили. Посередине большой комнаты, тётинной коммуналки, была поставлена железная печка-«буржуйка» (она потом стояла у нас в домике на садовом участке в 1960-х годах). Труба была выведена в окно.

На этой буржуйке тётя Пера готовила еду и обогревала комнату. Дрова хранились в коридоре. Рядом с печкой ставили корыто для купания. Однажды во время такого купания, балуясь, я упал плечом на раскалённую печку...

Не успел ещё мало-мальски освоиться в новой для меня школе (бывшая гимназия в Плотниковом переулке), как пришлось ходить на перевязки и пропускать уроки.

Зато я много гулял по Старому Арбату и напевал песню «Тёмная ночь». Только что вышел фильм «Два бойца», который я несколько раз смотрел в кинотеатре на Арбате. Кажется, это был «Арс». Голос Марка Бернеса, его тёплую человечную манеру исполнения я слышу и сегодня.

Конец войны и День Победы

В 1944-1945 годах мама отправляла меня каждое лето в пионерский лагерь на станции «Удельная» под Москвой.

В 1949 г., когда я уже учился на первом курсе института, появилась и первая своя песня, а потом ещё и ещё. Среди моих песен есть несколько о войне и Победе: «А всё-таки мы победим!», «Медсестра», «Баллада о пяти журавлях», «Монолог обелиска», «Помню», «Воспоминание о еврейском местечке». Они неоднократно исполнялись мною и разными артистами и ансамблями.

В каждую годовщину Победы я неизменно вспоминаю, как в ночь на 9 мая 1945 года наша коммуналка не спала. Мы – подростки, я и сосед по коммуналке Лёша Юнович, услывав в 2 часа ночи соответствующее сообщение по его ламповому приёмнику, который у его семьи государство отбирало в начале

войны, а теперь вернуло, выскочили во двор, а потом и на Чистопрудный бульвар – и стали истошно кричать нашему сонному шестиэтажному дому и пустому бульвару: «Победа! Победа! Победа!»...

С мамой

Вечером 9 мая был салют. И мы ликовали вместе со всеми на Красной и Манежной площадях Москвы...

Но война на этом не кончилась.

В День Победы 9 мая 1995 года по Тверской улице недалеко от нашего нового жилища прошла колонна русских неонацистов с лозунгами «Бей жидов – спасай Россию!» Это шествие даже показали по телевизору в тот же день.

В Латвии же подняли голову латышские легионеры СС.

Мама дала согласие на выезд в Америку, куда стремились мои дети.

19 апреля 1996 года мы выехали в Америку.

Кладбище, где был похоронен дедушка Ицик-Мендел Зислин, и место расстрела евреев в Креславке мы с женой посетили 9 мая 1981 года, а наши дети двумя-тремя годами раньше. Могилу деда мы не нашли, а у мемориала я тогда даже выступил.

Сестра Песя, которая ещё до войны была сионисткой, работала в первых рижских кибуцах, пережила Двинское гетто и бежала с мужем оттуда, – рассказала мне, когда я её посетил в Хайфе, как в 1929 г. торжественно и любовно хоронили нашего

голубоглазого деда в синагоге, которую он выстроил вместе с другом на своей же улице.

Песя поставила на могиле деда в Креславке новый камень.

Кроме неё, в Израиле поселились и похоронены ещё его внуки: Мейер, Айзик, Гольда, Ляля. Все прожили больше 80-и лет. Некоторые больше 90-а. Младшая из всех его внуков, Мэри, что немного старше меня, находится уже в Доме престарелых. Ей 92 года. Она пережила своих сыновей. В своё время работала в министерстве абсорбции Израиля и посадила в Яд Вашем 33 дерева в память всех Зислиных и родных её мужа Мейчика Друя. Мэри соблюдала все еврейские правила.

Недавно из Вашингтонского музея Холокоста мне сообщили, что Шмерль, отец Голды и Мэри, второй по старшинству сын деда, погиб в конце войны в Бухенвальде, а их мама Роза – в 1941 г. в Риге, куда мы, москвичи, должны были приехать к ним 22 июня 1941 г.

Среди потомков неграмотного хасида Ицик-Мендела Зислина два профессора (один гебраист, другой физик), кандидаты наук, педагоги, художники, архитектор, врач, музыкант, артист, редактор и другие специалисты в разных областях деятельности.

Песя Анतिकоль-Зислина и Фрума Зыслина оставили подробные воспоминания. Дочь Песи Софья недавно побывала в Двинске и написала свои комментарии о гетто. У меня есть аудиозаписи разговоров с Песей в Хайфе и -видео и аудиосюжеты о маме.

Не удалось фашистам стереть с лица земли зислинский клан. Дедушкины внуки имеют уже не только своих внуков, но кое-кто даже и правнуков. Мама дожила до 4 правнуков, а я – до 7. Мы с ней создали семью, в которой сейчас 22 человека.

Жизнь продолжается...

Вечная память нашим истокам!

Вера

К нам в редакцию была прислана рукопись рассказа, найденного дочерью после смерти отца, участника войны.

Я шёл по болоту, прыгая с кочки на кочку и ежеминутно проваливаясь то по колено, то по пояс в покрытую обманчивым зелёным покровом почву. Моросил въедливый дождик и беспрерывно стучал своими каплями по плащ-палатке, стекая тонкими ручейками на землю. Наконец, мокрый, грязный, усталый я выбрался в лес. И чем дальше я шёл вперёд, тем сильнее гремела вокруг стрельба. Вскоре же послышалась трескотня пулеметных очередей, а снаряды стали рваться совсем близко, обдавая градом слякоти и грязи. Я падал, полз, поднимался, наконец, бежал все время согнувшись, в непрерывном напряжении, готовый каждую минуту снова броситься на землю.

Наконец, я добрался до тщательно замаскированного небольшого сруба командира роты – старшего лейтенанта Гардина. О нем говорили, что это один из лучших командиров в дивизии, человек большой храбрости и силы воли. Зайдя же в сруб, я увидел почти юношу с лицом усталым, почерневшим, но очень привлекательным, благодаря необычно глубокому взгляду черных, как ночь, глаз.

Я представился, он очень радушно принял меня. Мы сперва побеседовали о деле, по которому я пришёл, а потом разговорились. Вскоре выяснилось, что оба мы закончили почти в одно и то же время Ленинградский университет, но только я годом позже него. Оба учились там в аспирантуре. И это сразу сроднило нас. Мы стали вслух вспоминать и захватывающие лекции Тарле о Наполеоне, и шумные защиты диссертаций, и волнение перед экзаменами, и споры с пеной у рта о жизни, любви, и научные кружки, свои доклады на них об учении Джона Локка или же о строении внутриатомного ядра, и громадный зал Публичной библиотеки с сотнями склоненных над книгами голов. Всё это, заслоненное двумя годами войны, физического и духовного напряжения, всяческих невзгод, потерь и страданий, казалось теперь чем-то очень далеким, даже порою не верилось, что всё это было в действительности; и в то же время именно благодаря тому, что эта студенческая жизнь так внезапно сменилась сырыми землянками, тяжелыми лишениями, каждодневной угрозой смерти, именно поэтому теперь она стала для нас во сто крат больше, значительнее и показалась такой прекрасной и неоценимо дорогой.

Под влиянием всех этих воспоминаний каждый из нас почувствовал, что мы не случайно познакомившиеся люди, а чуть ли не старые закадычные друзья, которые очень давно не виделись и которым надо бесконечно многим поделиться, многое вспомнить, и не только надо, а действительно необходимо.

Вдруг длинной очередью загредел немецкий шестиствольный миномёт, и один за другим, как бы торопясь и перегоняя, где-то совсем рядом разорвались пущенные им мины.

– Опять заревела корова, – сказал Гардин (так называли у нас этот миномет). – Что -то они заактивничали сегодня.

Он вышел из сруба, чтобы отдать некоторые приказания, но вскоре вернулся, и мы продолжили нашу беседу.

Совсем незаметно разговор перешёл на темы литературы, искусства, и мы с жадностью изголодавшихся людей стали перебирать в памяти любимые произведения сперва скульпторов, потом художников, вспоминали большие, с застекленными потолками залы Русского музея, Брюлловскую «Помпею», «Девятый Вал» Айвазовского и даже начали спор о том, с какой стороны – справа или слева – входит в комнату

вернувшийся после ссылки народоволец из картины Репина «Не ждали». Потом долго рассуждали, где и на каком именно месте висит Суриковский «Меньшиков в Берёзове» и какое там выразительное лицо у Меньшикова – воплощение отчаяния и силы.

Как маленькие дети, мы радовались каждый раз, когда общими усилиями вспоминали какую-нибудь забытую черту, штрих.

– Вы знаете, – начал Гардин, – когда вот так на минутку закроешь глаза и подумаешь о том, как много хорошего, бесценного создано на этом свете, то становишься неопишимо горд именно потому, что ты человек, что всё это создано подобными тебе и ты можешь познать красоту, силу, грандиозность души и разума людей. Как много вечно юного и прекрасного создано человеком.

– В одном месте, не помню в какой книге, Генрих Гейне, – а это один из моих любимых поэтов, – говорит приблизительно так, эти слова почему-то отчетливо и ярко запечатлелись в моей памяти: «Илиада, Платон, Венера Медицейская, Страсбургский собор, Французская революция, Гегель – всё это отдельные счастливые мысли в творческом сне бога». Сказано хорошо, но вы чувствуете, с какой грустью и болью. Я сказал бы примерно так же, но несколько перефразировав: «Всё это лишь лучшее в творческом деянии человека» ...

Он неожиданно остановился. Вокруг стояла тяжелая напряженная тишина. Мы ждали молча и думали каждый о том, как это хорошо в обстановке бессонниц, непролазной грязи, непрерывного огня, смерти, когда не имеешь времени и возможности ни писать, ни читать, ни, зачастую, даже думать о чем-нибудь отвлеченном, вдруг внезапно там, где никогда не ожидал, встретить человека, с которым можно поговорить абсолютно обо всем, погрузиться с ним в беспредельные дебри человеческой мысли, в неиссякаемые источники человеческого духа и как-то особенно, по-новому ощутить величие человека и его творений.

Вдруг Гардин живо вскочил, лукаво засмеялся и сказал:

– А у меня что-то есть для вас совершенно необыкновенное. Спорю на что угодно, – не угадаете!

Он с той же живостью протянул мне свою большую узловатую руку, чтобы заключить спор. Мы, смеясь, обменялись крепким рукопожатием, потом он подбежал к своему вещевому мешку, стал там что-то старательно искать. И внезапно, словно

созданная волшебством, в его руках появилась большая бутылка настоящего Французского шампанского. Я замер от удивления.

Фото из архива Елены Экмекчи

– Вы поражены? – засмеялся он. - Эта бутылка имеет за собой целую историю. Ещё под Спасской Полесью мы напали на один немецкий штаб, и фрицы так поспешно удирали оттуда, что забыли целый ящик хороших выдержанных французских вин, награбленных где-нибудь в Бургундии или в Шампани. Раньше я читал о них лишь в романах, а тут, представляете, целый ящик. Ну, мы, конечно, попробовали их изрядно, а несколько бутылок я всё же припас к празднику или же для редкого гостя. Вот осталась последняя. Так что придется распить по случаю нашей встречи, – и он торжественно понёс бутылку к столу.

В это мгновение снова усилилась стрельба, и наш сруб закачался, как лист, треплемый ветром. Гардин вышел, а я тем временем внимательно рассмотрел этикетку на бутылке и окончательно восхитился, прочитав, что вино ещё марки 1903 года. Вскоре вернулся Гардин, сказал, что, к счастью, только поцарапало осколком одного сержанта, выругал немцев, которые почему-то не хотят понять, что у него сегодня гость и продолжают свои обстрелы. После этого он вытащил непонятно откуда два добротных стакана, сделанных из стреляных снарядных гильз. Мы с благоговением открыли бутылку, пробка с треском выскочила, и бурлящее, словно пена морская у берега, шампанское было разлито по стаканам. Когда мы подняли их

вверх и задумались в замешательстве над тостом, то, как это часто бывает, вдруг нас обоих, независимо друг от друга, осенила одна и та же мысль, и мы задекламировали в один голос Пушкинские:

Поднимем бокалы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Эта здравица в честь солнца и проклятие тьме прозвучала по-настоящему юно и искренне. Хотя вслух мы этого не сказали, но каждый из нас подумал, сидим мы сейчас не в университетской аудитории, не в кругу друзей в студенческом общежитии и не на бархате театральных кресел именно потому, что боремся за сияние этого самого солнца, за уничтожение нависшей над миром адской тьмы.

Я взглянул на часы, к своему удивлению, увидел, что прошел незаметно почти целый день, и собрался уходить. Гардин, удерживая меня, убеждал, что становится темно и поэтому идти бессмысленно, что немцы усиливают в это время стрельбу, да и вообще здесь ходить ночью не рекомендуется. Когда же я всё же попытался возражать и делать какие-то потуги к тому, чтобы уйти, он начальственно безоговорочным тоном заявил, что здесь командир он, а посему запрещает мне идти, и никаких больше разговоров по этому поводу быть не может. После такого категорического заявления я уже больше не осмелился спорить и остался на ночлег. Поужинав, мы легли на нары, покрытые вместо матраца хвоей, обернутой в плащ-палатку, закурили по толстой сигарке, потушили коптилку, сделанную всё из той же универсальной снарядной гильзы, накрылись шинелями и заговорили о жизни и смерти. Вернее, говорил Гардин, а я слушал, изумленный неожиданно открывшимся передо мной богатством чистоты и веры. Как часто проходим мы мимо людей, не зная о том, какая великая сокровищница -душа перед нами!

— Вот, я на войне, — говорил Гардин, сначала медленно, как бы раскачиваясь, а затем все более и более воодушевленно, — почти с самого первого дня и беспрерывно, за исключением двух

«вынужденных посадок» в госпиталь, на передовой. В каких только переделках не приходилось бывать! Раньше мне всё это казалось возможным лишь в книгах, а теперь же я убедился, что жизнь выдумывает подчас значительно более сложные положения, чем любая, даже самая замечательная из книг.

— Достаточно вам сказать, что я сначала рядовым красноармейцем был в окружении под Кингисеппом, потом в сентябре 1941 года, когда немцы рвались к самому Ленинграду, был в Петергофе, а потом на всех этих так называемых «пяточках» и «долинах смерти» — на Невской Дубровке, под Мясным Бором, у Синявино... Ну, словом, в таких местах, где бывали случаи, когда от нашей роты оставались в живых по пять человек, а то и меньше.

Он замолчал, и огонёк вспыхнувшей сигарки осветил в полумраке его бледное от волнения лицо.

— И всё же, — продолжал он, — несмотря на то, что было уже много случаев отправиться, как говорится, «в мир иной», я, как видите, жив: хожу, дышу и даже мыслю. И, знаете, я уверен, что, быть может, придется побывать и в ещё больших переделках, но я всё равно буду жить.

Он остановился, и мне казалось, я почувствовал в темноте неугасимый огонь, сверкавший в его глазах.

— Да, буду, обязательно буду жить. Можно было уже десятки раз стать фаталистом, сама жизнь толкала на это, иногда чудом спасая от смерти, и я часто вспоминал «Тамань» Лермонтова. Это, я сказал бы, словно высеченное из цельного куска мрамора, воплощение неотвратимости судьбы, и все-таки я не верю, не хочу верить в неё! Есть, — вы наверно помните, — одна латинская пословица, она звучит, если не ошибаюсь, так: «*Ducum volentum fata, nolentum trahunt*» — «Покорного судьбы ведут, сопротивляющегося тащат насильно». В этой поговорке — сгусток психологии, пессимизма и пассивного отношения к жизни: хочешь не хочешь, а все равно над тобой довлеет нечто высшее — судьба, и решает она, а не ты. Этот взгляд, по-моему, отражение лишь слабости человека, того, что ещё не понял или не смог понять до конца — своего назначения быть покорителем природы, а значит, и всяческих судеб. Я же считаю, наоборот, что жизнь наша — это арена активной борьбы, где человеку предоставляется возможность применить все его силы и способности, арена, на которой он, в сменяющихся своих

поколениях взбирается на вершину познания и господства над миром.

С режущим свистом пролетел снаряд и плюхнулся, не разорвавшись, в болото. В нашей конуре стоял непроницаемый мрак, и слова Гардина падали уверенно, с достоинством, как бы рассекая эту тьму и прокладывая себе широкую дорогу в свет. Я спросил его:

– А почему у вас всё же такая уверенность в своей счастливой звезде?

– Почему? Да очень просто. Я себя убедил в том, что не должен погибнуть, обязан жить, чтобы отстоять всё, без чего немыслимо существование: Родину свою, народ, науку. Не может, не должно быть моей смерти. После войны мне ещё очень много сделать надо: и неоконченную диссертацию написать, и всякие мои мысли по физике проверить опытами, и книг сколько прочесть, и потом... Вы понимаете, я ещё совершенно не жил, а у меня, должен признаться, есть любимая девушка, которая ждёт меня, да и вообще много всего. И вот это убеждение, которое постепенно превратилось в непоколебимую уверенность, даёт мне силы, побеждает страх смерти, помогает идти сквозь все опасности... Быть может, говоря откровенно, здесь есть кое-что и от самообмана, но, если бы я не считал так, то, пожалуй, нелегко было бы выдержать эти два года. Однако, я верю: вот запомните – мы с вами ещё обязательно встретимся после войны в Ленинграде, обязательно.

Он так убеждал своими словами, своей дышащей силой и страстью, верой, что я уже не мог представить себе, что он может быть убит, так же, как и все мы, особенно на войне.

Наутро по-дружески распрощались, долго и крепко жали друг другу руки, решив, что по окончании войны во что бы то ни стало увидимся и вспомним нашу замечательную встречу. Снова согнувшись, под грохот орудий и непрерывную стрельбу, то ползком, то, наоборот, бегом, я возвращался в КП дивизии. Когда я, наконец, пришёл туда, то в нескольких шагах от землянок встретил одного из работников штаба.

– Вы откуда? – спросил он.

Я ответил, что возвращаюсь от Гардина и что там всё в порядке. Тогда он как-то сокрушенно посмотрел на меня и сказал:

– Вы, видимо, не знаете, только что звонили по телефону. Полчаса назад Гардин убит при отражении атаки противника.

Я остолбенел. И если в обстановке непрерывной опасности, когда вокруг погибают часто десятки знакомых людей, острота смерти обычно притупляется, то сейчас, наоборот, она обрушилась на меня всей своей давящей и страшной тяжестью. Ведь только что, изумленный необыкновенной силой его веры в жизнь, я был готов поклясться, что человек такой души просто не может погибнуть. И вдруг... Да, сама жизнь заставляет быть фаталистом. Судьба — это страшное чудовище, которое только и подстерегает удобный момент, чтобы схватить свою жертву, и никто не уйдёт от её цепких и злых щупальцев. Мне вспомнилась и латинская пословица, которую так незаслуженно осмеял Гардин, и не помню чьи слова: «Давно спутаны страницы в книге судеб, никто не знает, какими удивительными путями придёт он к своей гибели». Стало грустно, и казалось вот-вот подступят к глазам слёзы.

Прошло несколько дней. Мне неожиданно надо было ехать в командировку. Когда я добрался до железнодорожной станции, то узнал, что никаких поездов сейчас нет и не предвидится, кроме санитарной летучки, которая пойдёт через полчаса. Я бросился туда, упорно и долго упрашивал, чтобы меня взяли с собой. Наконец, надо мною, видимо, сжалились и пустили в поезд.

В пути я скоро разговорился и даже подружился с главным врачом — пожилой, очень симпатичной женщиной. А вечером она пригласила меня пройти вместе с ней в обход по вагонам для раненых. Зайдя в один из вагонов, я услышал, как кто-то тихо-тихо зовёт меня. Это был Гардин. Улыбка играла на его губах, и он даже попытался протянуть мне руку.

— Неправда ли странная встреча? — сказал он.

Только услышав его голос, я понял, что это не бред, а действительность. Тогда я бросился к нему:

— Вы живы! Как это хорошо! А ведь сообщили у нас о вашей смерти!..

— О моей смерти!? Я же говорил вам, что обязательно останусь в живых и мы с вами ещё обязательно встретимся в Ленинграде. Нет, меня не могут, не должны убить!

И всё тем же неугасимым пламенем веры горели его глаза, наполняя всё вокруг чувством бодрости и уверенности, великим чувством жизнеутверждения.

13-17 октября 1943-го года

Итана Карпишпан

Роквилл, штат Мэриленд, США

Блокадный Ленинград и первый в мире водородный двигатель. Борис Шелищ

Блокадный Ленинград. Сентябрь 1941 года. Не стало бензина.

Для спуска и подъема аэростатов заграждения, которые были одной из главных составляющих противовоздушной обороны города, не позволявшей вражеским самолетам снижаться до высот, обеспечивающих прицельное бомбометание, использовались автомобили – полуторки ГАЗ-АА с установленными лебедками с приводом от автомобильного двигателя. Когда закончился бензин, автомобили остались без горючего. Это лишило боеспособности части аэростатов заграждения и существенно увеличило потери города и фронта от авиабомб.

В этой ситуации техник лейтенант Борис Исаакович Шелищ сумел найти и в кратчайший срок реализовать уникальное техническое решение – перевести более 400 автомобильных двигателей частей аэростатов заграждения Ленинградского фронта на использование отработанного аэростатами водорода. При первом испытании двигателя на водороде произошел взрыв газгольдера, изобретатель был контужен, но сумел быстро найти решение, гарантирующее безопасность предложенной им технологии. За ее внедрение он в декабре 1941 г. был награжден орденом Красной Звезды.

В представлении к ордену отмечено, что «изобретение тов. Шелища Б.И. имеет огромное оборонное и народно-хозяйственное значение». С осени 1941 г. до снятия блокады Б.И. Шелищ ездил на легковом автомобиле ГАЗ-М1, заправляя двигатель водородом из размещенных в багажнике баллонов.

Станция с лебёдкой: полуторка и аэростаты заграждения.

В 1942 г. он был командирован в Москву для внедрения своей технологии в московских частях ПВО, где он передавал свой опыт при переводе на водородное топливо 300 автомобильных двигателей, что и здесь обеспечило значительную экономию бензина. В 1944 г. Б.И. Шелищ получил авторское свидетельство на «Способ эксплуатации установок с аэростатами заграждения» (опубликовано в 1945 году), обеспечившее СССР всемирно признанный приоритет в использовании водорода в качестве топлива для автомобильных двигателей.

После войны появилось достаточно бензина, и об изобретении забыли надолго. Но напомнили выхлопные газы транспорта, использующего бензин и загрязняющего атмосферу. В развитых странах начались разработки водородных двигателей. Известные японские, американские и европейские фирмы уже начали выпуск автомобилей с водородными двигателями. Сбывается мечта Бориса Шелища.

Даниил Гранин, и Алесь Адамович, авторы «Блокадной книги» (1984) взяли интервью у изобретателя. Вот цитата из их книги:

«Происходили истории иного порядка, но столь же характерные, удивительные, свидетельствующие о творческих возможностях человека. Борис Исаакович Шелищ служил техником-лейтенантом в полку аэростатов заграждения.

Он рассказывает: «У нас не было топлива. Чтобы выбрать аэростаты, то есть опустить их из воздуха для перезарядки, надо было включать автомобильные моторы, а бензина не было. Ведь сотни аэростатов висели над городом, они не давали фашистским самолетам снижаться, мешали пикировать, вести прицельное бомбометание. Попробовали мы вручную выбирать (мужчины еще были в сентябре 1941 года), но десять человек расчета не смогли их выбрать.

Водородный двигатель начальство демонстрирует генералу Говорову. Борис Шелищ на заднем плане за машиной, генерал второй справа.

Таким образом, боевые операции данного вида оружия прекращались: со временем водород тяжелеет, аэростат снижается, вместо трех-четырёх тысяч метров висит низко и преграды для самолета не представляет. Встал вопрос – как быть? Мне пришло в голову выбирать аэростаты лифтовой лебедкой. Раздобыл я такую лебедку, привез, но к этому дню не стало электрической энергии.

Фотография Бориса Исааковича Шелища в декабре 1941 уже с орденом Красной Звезды.

И тогда я вспомнил «Таинственный остров» Жюль Верна. С детства запомнилась мне глава „Топливо будущего». Достал эту книгу. Перечитал. Там было прямо написано: что заменит уголь, когда его не станет? Вода. Как вода? А так – вода, разложенная на составные части, водород плюс кислород.

Я думаю – не пришло ли это время? Ведь мы что делали – выдавливали оболочку азростата, выпускали так называемый грязный водород, а это все равно что выливать на землю бочку бензина. Думаю: сейчас, когда у меня есть под руками грязный водород, это же топливо. То самое, про которое Жюль Верн писал...

Я договорился с командиром. Сделал просто: шланг от азростатной оболочки сунул во всасывающую трубу двигателя. Чувствую, двигатель работает. Даю обороты, он обороты принимает. И вдруг ЧП! Выхлоп! Обратная вспышка, взрыв, газгольдер сгорел. У меня контузия. Руки опустились. Но бензина-то нет! И тут я понял, что надо сделать затвор. Разрывать цепь автоматически.

Для этого ничего лучше воды быть не может. Взял я огнетушитель и сделал в нем гидрозатвор. Двигатель сосет водород через воду. Обратная же вспышка через воду не доходит. Дали разрешение испытать. Приехали генералы. Посмотрели. Все хорошо.

Приказали за 10 дней перевести все аэростатные лебедки на новый вид топлива. Собрали по городу огнетушители. Шестьсот штук понадобилось. Достали шланги. Короче говоря – все аэростаты выбирать стали на новом топливе, на водороде. Лучше работали, чем на бензине. Я вам скажу, почему лучше. Потому что в холод двигателя на бензине плохо заводятся. Надо их прогревать. На водороде же и при морозе с пол-оборота заводятся».

Двигатели на водородном топливе демонстрировали на выставке Ленфронта, потом Б.Шелища отправили с ним в Москву. Он совершенствовал свою конструкцию, отвечал на вопросы специалистов. «Если б был бензин, я бы не довел свою идею до конца. И вообще, я скажу вам, мне многое в голову не пришло бы, если бы не блокада. А тут приходило. Знаете, я тогда перечитал про эпопею челюскинцев. Как они высадились на лед, как жили в таких условиях. Может, извлечь что можно... Мы ведь тоже были как на льду. Не помню, чтобы в нормальных, мирных условиях я работал с такой энергией и так соображал бы. А вообще я думал, что никогда уже не смогу быть сытым».

О лейтенанте Шелище был сделан документальный фильм к 100-летию его рождения – «[Водородный Лейтенант](#)».

Фотопортрет с блокадной фотографии Б.И. Шелища 1941-го года вывешен в штаб-квартире Международной ассоциации водородной энергетики в Майами (США). Российской национальной ассоциацией водородной энергетики в его честь выпускалась памятная медаль. Международной конференцией по водородной энергетике (Москва, 2008) в преддверии его 100-летия была принята резолюция с призывом увековечить память Б.И. Шелища. Но, увы, за истекшие 11 лет ничего не изменилось.

Борис Шелищ рано овдовел. Его память свято хранят его дочь, сын, внуки, семь правнуков. А два праправнука пока малы, но когда подрастут, узнают о своем изобретательном прапрадедушке Боре, который опередил будущее в далеком 1941 военном году.

Роман Солодов
Нью-Джерси, США

Памяти Холокоста. Судьба Феликса Зандмана

Этого человека уже нет среди нас. Феликс Зандман ушел из жизни в 2011 году, прожив 84 года. Его имя навсегда вошло в историю создания современных средств коммуникации. Благодаря этому изобретателю мы пользуемся сегодня мобильниками, а фраза «я позвоню тебе из леса» воспринимается сегодня совершенно нормально. Президент Буш, вручая ему Почетную медаль за успехи в электронике, сказал, что вклад изобретателя в развитие современных средств связи поистине огромен. Феликса Зандмана могли убить бесчисленное количество раз, начиная с июня 1941 года и до середины 1944-го. Только за то, что он был евреем. Но он скромно говорил, что избежал смерти только восемь раз, когда ощущал ее дыхание.

Его «счастливое» детство проходило в городе Гродно. Он в то время был польским городом, потом после «Освободительного» похода Красной армии стал белорусским, а на следующий день после начала Великой Отечественной войны был оккупирован немцами.

До войны его почти каждый день избивали польские школьники, по выходе из костела, потому что еврей. Антисемитизм в Польше был на высоком уровне. Но все же евреев не убивали.

Феликс Зандман

Однако катастрофа обрушилась на них с приходом немцев: от 29 тысяч евреев этого города к моменту появления Советской армии осталось сто человек. Включая Феликса Зандмана.

До этого произошло событие, не отмеченное ни в каких хрониках, в силу его малой значимости. Одна из прислуг в доме Зандманов Анна Пухальская – да будет благословенна ее память – обратилась к бабушке Феликса с просьбой о помощи. Она должна была рожать и ждала осложнений. Бабушка вошла в положение – определила Анну в роддом, оплатила лечение (роды прошли успешно), и поселила всю семью в одном из дачных домиков за городом. И еще подарила пять золотых. Насколько значительна была сумма в те времена, неизвестно, но она запомнилась Феликсу.

Многочисленная семья Зандманов играла с немцами в смертельную игру под названием «кошки-мышки». Почти все члены его семьи эту игру проиграли. Нет смысла подробно описывать, как они проигрывали, и как каждый раз выигрывал ее Зандман. Он убежал из синагоги, в которую затолкали его вместе с родителями и остальными евреями – их было много. Каждый день уводили людей оттуда на расстрел. Он говорил потом, что чувство вины перед убитыми сопровождает его всю жизнь. Однажды он уходил от немцев по подвалу их дома, зная, что выхода нет, и приготовился к смерти, но чудо спасло его:

кто-то выломал с внешней стороны стену и унес все из тайника, где они прятали одежду и еду. Вместо глухой стены он увидел отверстие. С трудом пролез в него и спасся от очередной облавы.

Потом они оборудовали убежище на чердаке. Заперли его снаружи, но малолетних детей взять с собой не могли. Знали наверняка, что малыши своим плачем привлекут внимание немцев. Детей было трое, их матери сходили с ума от того, что оставляют их на смерть. И тогда дедушка Феликса остался с ними, чтобы детям не было так страшно, когда их заберут. Он мог уйти в убежище, но выбрал смерть вместе со своими внуками. Зандман потом говорил, что он на всю жизнь запомнил запах щеки деда, когда, прощаясь, поцеловал его. Деда и детей забрали в тот же день и увезли в один из лагерей уничтожения. Совсем маленькие и старик – никакой пользы от них Рейху.

Феликс спустился по водосточной трубе, не в силах выносить страданий своих теток, которые настояли на том, чтобы он отыскал их детей. Сил подняться назад у него уже не было. А убежище было раскрыто, когда он нашел какое-то пристанище на стороне. Все попали в гетто, все погибли, когда это гетто было ликвидировано. А он ушел из города и в феврале 1943 года пришел к Анне Пухальской. Она продолжала жить в бабушкином дачном домике со своими пятью детьми и мужем Яном.

Он попросил у нее еды и убежища на один только день. Потом уйдет. Знал, что ожидало семью за укрывательство евреев. Но Анна ответила ему, что его послал им Бог. Она выжила благодаря его бабушке, она получила жилье, и он будет здесь до тех пор, пока все это не закончится. А как же дети? Они разделят нашу судьбу, ответила Анна. Потом, когда кто-то задал ему вопрос, в присутствии дочерей Анны (это было в восьмидесятых, во время их встречи), сделал бы он то же самое, приди к нему Анна, он ответил. Будь я одинок, наверно, но с пятью детьми – нет. Слезы текли по его щекам. И его сестры (он этим католичкам еврейский брат) сидя рядом с ним на диване, держали его за руки. Мы – одно целое, сказала одна из них. Забегая вперед, можно добавить, что внук Анны Пухальской является вице-президентом его компании.

В итоге их оказалось пятеро в яме размером 1.5x1.7 метра и высотой в метр двадцать. Он, его дядя, семейная пара совсем молодых ребят, и женщина. Ее выкинули из семьи мужа за ее национальность («благородные» люди – не сдали немцам). Раз

в день Анна или Ян приносили им еду и поднимали вверх ведро с нечистотами. Соседи Анны стали поговаривать, что она закупает слишком много хлеба, у нее маленькая семья, зачем ей столько. Уж не укрывает ли она жидов? Приходилось ловчить, покупать хлеб на стороне... Она ангел, говорил Зандман. Так люди не поступают.

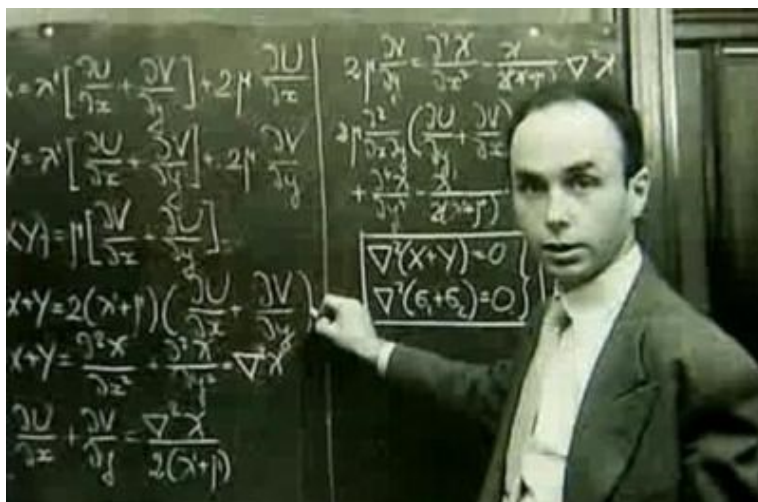
Многие хотят быть героями, но большинство предпочтет заплатить за это не очень большую цену. Пухальские заплатили самую высокую. Они ходили по острию ножа полтора года, но не дрогнули.

Пять человек в крошечном убежище. Как не сойти с ума в этих условиях? И тут на высоте оказался дядя Феликса, установивший жесткие правила. Благодаря им они и выжили в течение 17 месяцев! Не дней, не недель, но почти полтора года! Вот эти правила: каждые два часа меняться местами – четверо лежат, один (одна) сидит на поганом ведре. Каждый раз один раз в день разный человек делит пищу на пять частей и забирает свою долю последним. Все достаточно молоды – но никакого секса быть не может. Иначе они погибнут. И еще: Феликс будет учиться. И подросток учился. Уже тогда дядя понял, что имеет дело с высокоталантливым учеником. Математика, физика – все давалось парню легко. Дядя писал уравнение – мальчик почти сразу выдавал устный ответ. Как потом говорил сам Феликс, все его патенты, открытия, будущие учебники начались в этой яме.

Однажды пришел немец с собакой, которая сразу же учуяла запах людей и пошла к люку. Анна высыпала у нее перед носом перец, и собака отошла. Но она же стала обходить дом с другой стороны и наткнулась на собаку Пухальских. Псы обнюхались, и немец увел собаку. Смерть еще раз прошла мимо.

А потом наступил главный момент, когда все могло оборваться. Фронт пришел летом 1944 года. Как раз это место немцы превратили в мощный укрепрайон. И стали выселять всех жителей. Анна кричала, что их выселяют, что они не хотят!.. И узники ее услышали. Они просидели два дня без еды, без воды, с переполненным поганим ведром, и ночью стали уходить из этого дома. Патруль их сцапал через двадцать метров. Кто такие, откуда? Бежим от большевиков, живем за три километра отсюда... Ночь спасла их, не разглядели немцы, в каком виде стояли перед ними евреи. Отпустили. Закончился ужас. Остались в прошлом его почти все погибшие родственники. Он закончил школу в Гданьске, пройдя три класса за год. Но Польша

превратилась для Феликса в кладбище почти всех его родных. И на нем весьма часто добивали выживших в Холокосте евреев. Он уехал во Францию в 1946 году.

Феликс Зандман в годы учебы во Франции

Началось стремительное восхождение талантливого юноши.

Потом он признавался, каким потрясением было для него увидеть целующуюся на улице Парижа парочку. Он ощутил нечто неизведанное, совсем ему неизвестное – атмосферу свободы, которую никогда не ощущал за всю свою жизнь. Практически не зная французского, он поступил в университет в Нанси и закончил его в 1949 году, получив звание «Студент века»! Диссертацию защитил в Сорбонне, разработав новый метод и уникальную технологию измерения напряжений. Тогда же начался этап изобретательства. Патент на нахождение слабого места в конструкции...Его имя становилось известным. Он был награжден высшей наградой Франции, став Рыцарем Почетного Легиона. Но главное его открытие было впереди.

Он переехал в США и начал работать в одной из компаний, когда его осенило, как можно увеличить величину сопротивления, не увеличивая его размеров. Он записал свою мысль на... да, да! На салфетке, которая столько раз использовалась гениями и жизни и в кино. Но в отличие от легенд, эта салфетка материальна, и ее можно видеть под

стеклом в музее Смитсоновского института. Она «стоит» 350 миллионов долларов.

Так было оценено промышленностью изобретение Зандмана... Родился «Вишей» (Vishay Intertechnology, Inc.)! Компания, чьи заводы сегодня разбросаны по всему миру, компания входящая в десятку крупнейших компаний США, чей оборот миллиарды долларов. Вишей, это местечко в Литве, откуда родом была бабушка Зандмана. Там было много евреев до войны. Теперь их там нет. Во время немецкой оккупации литовцы в этом местечке убили их всех, включая его бабушку, в ближайшем лесу.

На идее Зандмана были создан прецизионный тонкопленочный резистор, миниатюрные конденсаторы. Без них сегодня невозможно представить себе работу мобильных телефонов, ПК, компьютеров, различных электронных систем, которыми начинены самолеты и ракеты... В каждом мобильнике находятся сегодня сотни деталей, созданных на заводах Зандмана.

Отдельного разговора заслуживает создание завода «Вишей» в Израиле. Когда он пришел с этой идеей в Израиль, то все его компаньоны и друзья отговаривали его от этого проекта: завод в пустыне? Ты сошел с ума! Кто туда поедет? А ты знаешь, что такое еврейская бюрократия? Но Зандман был уже не последним человеком в этом молодом государстве. Помимо того, что он был мультимиллионер, он был известен тем, что безвозмездно принял участие в доработке пушки танка «Меркава», что позволило сделать ее намного более точным оружием в борьбе с танками врага. Этот танк в то время был признан лучшим танком мира.

Позволю себе небольшое отступление. Я работал на телевидении в Останкино в 1973 году во время войны Судного дня. Там мы получали хронику западных каналов, тогда недоступную для советских граждан. В одной из таких хроник корреспонденты показали огромное пустынное поле, на котором стояли подбитые советские танки. Это было впечатляющее зрелище! И страшное. Теперь я знаю, что большая заслуга в этом принадлежит Феликсу Зандману. Он говорил: я должен использовать каждый день для того, чтобы сделать что-либо доброе для своего народа. А что такое мой народ? Это народ Израиля.

По приезду в Израиль Зандман натолкнулся на израильских бюрократов. Бюрократы везде одинаковы. Приходите через три недели, сказал ему высокопоставленный чиновник в

министерстве, которым руководил легендарный Шарон. И Зандман начал заниматься своими делами. Он отложил их в сторону, потому что в его кабинет вошел сам министр. И сказал, что документы будут готовы не через три недели, а через полчаса. Он только тогда пойдет домой, когда их подпишет. – Когда ты уезжаешь, Феликс? – спросил Шарон. – Завтра, – ответил Зандман.

– Завтра у тебя будут все нужные бумаги. Сегодня на заводе в Димоне работают 2200 человек. Возглавляют этот филиал его сын вместе с зятем, унаследовавшие дело их великого отца. Дочь Зандмана, врач, приехала в Израиль во время войны Судного дня, чтобы помочь своему народу, и осталась там жить.

В 1964 году на австрийской границе таможенники задержали человека, который показался им подозрительным. Их подозрения были не беспочвенны. Задержанным оказался Курт Визе, бывший глава гестапо в Гродно. Тот самый Визе, который собственноручно убивал людей, стегал их плетью, отдавал приказы о расстреле несчастных, о депортации их в лагеря смерти. Зандман выступал свидетелем по делу Визе, и, по его словам, ему удалось заглянуть в глаза гестаповцу. И он увидел мерзавца, мелкую дрянь, трусливого лгуна, неспособного ответить за свои преступления. В обычной жизни такие Визе недостойны внимания. Он понял, какие метаморфозы происходят с ничтожеством, когда оно получает в руки оружие и власть. Зандман говорил, что Визе до этого процесса снился ему каждую ночь! Все двадцать лет! После того, как он заглянул ему в глаза, все прошло. Ни разу больше у него не было ночного кошмара. Он избавился от этого.

Но вершиной своей блестящей карьеры Зандман считает покупку предприятия, которое было символом технической мощи Третьего рейха. Речь идет о компании «Телефункен». Во время войны она обеспечивала связью всю военную машину Германии. В свое время она была выкуплена нацистским режимом у семейства Ратенау. Можно предположить, что именно выкуплена, потому что после войны наследники не потребовали возмещения за грабеж. А, может быть, что они это возмещение получили. Так или иначе «Телефункен» долго оставался дочерней компанией «Даймлер Бенц», когда владельцы сообщили правительству, что не могут больше содержать эту «дочку».

Зандман купил «Телефункен». Немецкое правительство очень хотело, чтобы он это сделал, соглашаясь со всеми его условиями. Ведь речь шла о тысячах рабочих мест. Зандман сказал тогда, что он, отправляясь подписывать договор, впервые надел ермолку. Подписав бумаги, он громко восславил Всевышнего, прекрасно понимая символику этого шага. Он благодарил Бога за то, что тот держал над ним руки и не дал его врагам восторжествовать.

Дело было не в деньгах – он уже давно был миллиардером, и человеком не первой молодости. Но он, гонимый этим народом, который уничтожил всю его семью, теперь дает работу потомкам убийц его родителей малолетних сестер и его деда, поведшего малышей на смерть, чтобы им не было так страшно, потомкам тех, кто убили миллионы и миллионы его соотечественников. Он дает им работу! Они будут работать на него. Разве этот не прекрасная месть? Мечь не через смерть, но через жизнь и работу!

В наше дни часто приходится слышать о том, что хватит говорить о Холокосте. Ну, сколько можно об одном и том же. Пора переступить через эту печальную страницу и заняться сегодняшними проблемами. Разве не страдают палестинцы от действий израильской военщины? Да, евреев убивали, но мир не стоит на месте, прогресс очевиден...

В том то и дело, что от Холокоста пострадали не только евреи, но и весь мир. Еще как! Дело ведь не том, что убивали евреев, хотя это, само собой, беспрецедентное преступление. Но убивая евреев, нацисты наносили удар по всему человечеству. Если один только Зандман изменил наш мир в области коммуникации, то сколько таких Зандманов ушли в газовые камеры, были закопаны или сожжены заживо, не говоря уже о «просто» расстрелянных? Кто сосчитает ущерб от того, что человечество не досчиталось сотен тысяч ученых, врачей, деятелей искусства... Кто знает, может быть, сегодня человек уже победил бы рак, Альцгеймер, Паркинсон и еще десятки хворей, от которых пока что нет спасения. Может, сегодня человечество научилось бы укрощать ураганы и торнадо, предсказывать землетрясения с точностью до минуты, освоило бы термояд... Но дети, из которых могли выйти новые Хавкины (доктор, спасший мир от чумы) ушли в небо, как ушли туда будущие Ландау и Оппенгеймеры, ученые в самых разных областях человеческой деятельности. Сколько Кисиных и Гидонов Кремеров не

досчитались люди? Скольких Поланских, Спилбергов и Михоэлсов лишились зрители? Сколько художников, поэтов, писателей люди не посмотрели, не прочитали? Тем и страшен Холокост, что в XX веке евреи, получившие равные права со всеми народами, могли, наконец, развернуть свой талант во благо всех народов, а их тупо убили.

Вторая половина XX века была прорывом в области техники. Мир никогда не знал такого стремительного прогресса. Представьте, что выросшие еврейские дети, приняли в этом участие. Сколько среди тех, кого потерял мир, было гениев? Мы никогда этого не узнаем. Но каким бы сегодня был наш мир! Разве не гении двигают общество к прогрессу? Уберите их из истории – и сегодня мы бы жили в пещерах в лучшем случае. Нацисты уничтожили сотни гениев (евреи талантливы, этого даже антисемиты не отрицают и потому боятся их) и тем самым затормозили прогресс на десятилетия, если не на века! Они нанесли страшный удар по всему человечеству. Им нет и никогда не может быть прощения.

Феликс Зандман умер в США и похоронен в Израиле – как еврей и гражданин этой страны.

Владимир Темкин

Чикаго, США

Колымская сага

Истории этой в 2017 году исполнилось ровно 80 лет. Круглая, можно сказать, дата. Юбилейная, но не праздничная, как многое из того, что брало начало в 1937 году. Давно почил в бозе главный её герой. Даже дети его уже ушли из жизни. Остались иные потомки, которые уже и не смогут вспомнить столь

отдаленных во времени событий, происходивших когда-то в жизни их забытых пращуров. И хотя многое из нашего с вами прошлого усиленно напоминает о себе, настойчиво не даёт забыть себя, есть вещи, которые, к сожалению, памятны лишь немногим.

Этот мой сотрудник, человек разумный, спокойный и уравновешенный, регулярно поражал меня своими неординарными суждениями. Изредка он «стрелял» у меня сигаретку и, стоя с нами в курительном углу, потягивал её как-то необычно бережно, с нескрываемым удовольствием, закрывая при этом глаза. А когда я поинтересовался, что его в процессе курения настолько привлекает, он ответил мне странными и загадочными словами:

– Ощущение мимолётного счастья. И тем выше оно, чем большее перенесённое перед этим. А в жизни полезно научиться сие чувствовать и ценить.

Мне редко доводилось встречать людей столь мощной жизненной силы и упорства. В свои семьдесят два года этот человек и выглядел молодцом – кряжистый, с шеей борца, уверенный в себе и устойчивый. И мало кто мог выдерживать, не отводя глаз, его прямой и цепкий взгляд. А руководство наше его уважало и ценило, интересовалось его мнением при решении крупных проблем. Годы это были – семидесятые, самая середина. Лабораторию, в которую я пришел пять лет назад, он возглавлял ещё за пять лет до этого, и давно уже, выйдя на пенсию, работал консультантом-полставочником. А я, молодой заведующий, с удовольствием выслушивал повествования из его производственного опыта, помогающие мне лучше ориентироваться и вживаться в своё теперешнее непростое положение. Иногда по вечерам, задержавшись после конца работы, мы с ним позволяли себе расслабиться, опрокинув по рюмочке коньячку и, по этой причине – засиживались вдвоем допоздна. А однажды, совсем незадолго до своей неожиданной смерти, он вдруг, разговорившись, поведал мне тридцатипятилетней давности свою историю.

Судьба его была настолько необычной, что я до сих пор, по прошествии уже более чем сорока лет, испытываю внутренний трепет, а иногда ощущаю комок в горле, перебирая в памяти его повествования или более поздние, уже после ухода Марка

Соломоновича, рассказы его вдовы и случайно встреченного на поминках старого товарища, каторжанина.

Фамилия: *Зарецкий.*

Имя: *Марк.* Отчество: *Соломонович.*

Дата рождения: *1904 год.*

Национальность: *еврей.*

Семейное положение: *женат.*

Происхождение: *из мещан.*

Партийность: *член ВКП(б) с 1924 года.*

Так примерно начинали заполнять дело о вредительстве, заведённое на него в Белорусском НКВД осенью 1937-го года. В свои 33 года должность Марк Соломонович исполнял по тем временам немалую – главный инженер Минской районной электростанции. А в тот обычный рабочий день, как всегда перед уходом домой, решил Зарецкий обойти станцию. Прошел к центральному пульту, постоял за спиной у двух тамошних диспетчеров, посмотрел на уровень загрузки генераторов и частоту сети и уже почти было двинулся дальше, как на табло 4-го генераторного блока на несколько секунд вспыхнула красная лампочка, сигнализирующая о несоответствии его выходных параметров их сетевым значениям. Сигнал был кратковременным, положение почти мгновенно нормализовалось, но засечку в памяти Марк Соломонович себе сделал. Заглянув по дороге на выходную трансформаторную подстанцию, прошел он в машинный зал. Дежурный мастер вышел ему навстречу, и Зарецкий спросил у него:

– Егорыч, ты на четвёртый агрегат давно наведывался?

– А что с ним такое?

– Да на табло в диспетчерской сигнал десинхронизации иногда вспыхивает. Что бы это могло быть?

– Сейчас схожу, посмотрю.

– Пойдем вместе.

Подойдя к 4-му агрегату, они постояли около него, прислушиваясь к звуковому тону рабочего гула машины. Слышным было характерное потрескивание. Мастер открыл крышку щёточного блока подвозбудителя, и оба они увидели, что под щётками полыхает довольно сильная искра, явно превышающая по мощности и размеру допустимый правилами уровень. Оставлять подвозбудитель в таком состоянии не

следовало, и Зарецкий, подумав, посоветовал для начала слегка почистить коллектор, сделав это на ходу тонкой мягкой пемзой, обычно используемой для таких целей. Егорыч пошел распорядиться и вернулся, приведя с собой кого-то из механиков. Парень был незнакомый, по-видимому, новенький. Он поздоровался, порылся в глубоком кармане комбинезона и достал оттуда небольшой кусок желтовато-буроватой пемзы. После этого, засучив правый рукав, просунул руку в люк и стал прилаживаться со своей пемзой к коллектору. Что-то ему там помешало, и он достал другой рукой и из другого кармана здоровенные пассатижи. Покопавшись внутри люка, прихватил пемзу грубыми губками и коснулся ею быстровращающейся поверхности коллектора.

Зарецкий, как правило, оставив любое служебное распоряжение рабочим эксплуатационных служб, уходил, чтобы не стоять над душой и не смущать исполнителей. И сейчас он уже было отвернулся, чтобы пройти дальше по машинному залу, но вдруг парень, неловко дёрнувшись и ойкнув, уронил внутрь тяжелые пассатижи, которые пролетев несколько раз по кругу раздробили к чёртовой матери весь комплект угольных щеток подвозбудителя.

Защита отреагировала мгновенно, и автоматика отключила четвертый агрегат. Завыла сирена, сигнализирующая о случившейся поломке, и система управления сразу начала перераспределять нагрузку станции между оставшимися в работе машинами. Возникшая ситуация была неприятной, но штатной и управляемой. Выскочившие из дежурки электрики катили уже к месту аварии рабочий стол и шкафчик с приспособлениями и инструментами, когда к Зарецкому решительно и твердо подошёл начальник спецотдела, являющийся ещё и уполномоченным НКВД на станции.

– Что случилось?

– Да тут вот... – Зарецкий коротко объяснил произошедшее и отошёл, заглядывая через спины рабочих в коллекторный люк.

– А кто конкретно это сделал? – обратился уполномоченный к мастеру.

– Да вот он тут, Павлосюк его фамилия. Да, бывает такое, товарищ Петерсон. Случается. Щетки, они ведь слабые, угольные, прессованные. И сами по себе развалиться могут. Мы сейчас всё устраним. Не волнуйтесь. Тут на полчаса делов всего – то. Тренировка, будем считать, чтобы навыки не терять!

– Пойдём со мной! – крутанул ладонью уполномоченный, и Павлосюк, всем своим видом изображающий раскаяние, переходящее в тоску и уныние, поплелся следом за ним к выходу из машинного зала.

Что у них там был за разговор, никто не знает, но вернулся Павлосюк от начальства лишь к концу смены, затравленный и угнетенный, и, никому ничего не сказав, переоделся и ушёл домой.

А под утро за Марком Соломоновичем пришли... Судили его вместе с мастером, Николаем Егоровичем. Все показания, поддерживающие линию обвинения, предъявившую суду полный набор, то есть и диверсию, и шпионаж, и групповую террористическую деятельность, дал в суде лопухий и косорукий Павлосюк. Был он запуган и затравлен уполномоченным Петерсоном, которому как раз выходило представление к новому званию и срочно требовалась поэтому яркая и продуктивная демонстрация личных «боевых» успехов и достижений.

А дальше пошло–поехало. Тюремным вагоном до временной Московской пересылки, оттуда во Владимирскую, а уже там загнали бедных эзков в телячьи столыпинские вагоны. И целый месяц стучали эти вагоны колесами по рельсовым стыкам и стрелкам Великой Транссибирской магистрали, пока в конце пути не уткнулся состав в стопорные упоры на берегу Тихого Океана. А там уже перегрузили их всех в смрадные и душливые корабельные трюмы и, как рабов в давние древние времена, повезли на Север. Дело шло к зиме. Рейс был одним из последних в сезоне. От скученности, истощения и болезней ээки мёрли как мухи. Трупы после активирования сбрасывали по ночам тайком прямо за борт. И уже в Магадане остатки партии когда–то сильных и здоровых мужчин полуживыми повыгоняли на берег.

У причалов их пересчитали, рассортировали, построили, распределив по приискам, изобразили краской на ватниках белое тавро, как на скотине, и пошагали понуро эти несчастные навстречу собственной судьбе.

Здоровьем Марк Соломонович обижен не был смолоду, да и возрастом был в самой крепкой поре, поэтому все передрыги нелёгкого этого пути выдержал. А дальше – барак, перекличка

на морозе или в комарином «дыму», конвой с рвущимися с поводка и роняющими пенную слюну псами, кайло в руки и в шахту. А там уже как повезёт, потому что и вагонетки с породой по кривым рельсам плечами толкать ему приходилось тоже. Но и тут всё он вынес и сдюжил.

Называлось это «на общих работах». Среднестатистического зэка хватало на них примерно на полгода. Но в какой-то момент, уже, видимо, после начала войны, начальство энкавэдэшное почувствовало запах жареного. И «всё для фронта, всё для победы» зазвучало для него жёстким указанием на вдвое увеличенный план золотодобычи. Прямо над их головами из Америки через Аляску и Чукотку сотнями гнали истребители «Аэрообра», бомберы «Бостон» и «Митчелл». Были и другие поставки: редкие металлы, алюминий, химия всякая и боеприпасы, тушенка и яичный порошок, сгущенка и сухое молоко. И за многое из этого списка платилось чистым золотом, потому как ничего другого страна Россия, загнанная как старая лошадь одуревшими от власти большевиками, не производила и производить не могла. А увеличить количество зэков в условиях, когда из-за бездарности военно-политического руководства безвозвратные солдатские потери на западных фронтах подсчетам не поддавались, стало совершенно невозможно. И пошло в ход в здешнем командно-вертухайском обиходе громкое, до боли в ушах и спазмов в животе, крикливо-надрывное выражение:

– Ты, майор, у меня что, на фронт захотел? Так ты у меня живо там окажешься!

И такое мощное проявление воли руководства мобилизовывало и укрепляло вертухаям боевой дух. Но вот для реализации данного требования, в части двойного увеличения эффективности и производительности труда, потребовались ещё и трудовые навыки, и знания, кои у офицеров НКВД редкостью были исключительной. И как всегда в таких случаях брошен был клич – искать «спецов». И сделали вертухайи то единственное, до чего способны были додуматься. Перекопали, перелопатили они кадровые документы на весь оставшийся в живых контингент и выявили людей, «скрывавшихся» среди ещё остававшихся в живых, технически грамотных и дело своё знающих. Нашли они их, и задачи им поставили, и харчей в миски зэкам подбросили. Всё ведь для фронта, всё для Победы. Но так, чтобы только самим на этот фронт не загреметь.

И стал Марк Соломонович, с его-то образованием и головой, большим человеком, главным энергетиком управления золотодобычи, то есть объединения группы шахт. Спал Зарецкий по-прежнему в бараке, кормился из общего котла вместе со всеми ээками, но вот за проволоку его уже выпускать стали. И не боялись, что в бега он уйдёт. Во-первых, куда ему бежать-то? Тысячи километров гор да скал, тундры и болот. А во-вторых, он же не ворюга – блатной, он ведь коммунист в душе, и ему можно до бесконечности мозги полоскать и морочить Родиной, которая в опасности. Он же так воспитан, что всё за неё отдать должен. И ведь при правильном подходе-таки отдавал!

Умер Марк Соломонович внезапно. Зимой поехал подлечиться в подмосковный санаторий и там, сидя в телефонной будке и дозваниваясь домой, уронил вдруг голову на руки. И всё. А дома у него соседка, зашедшая позвонить, телефонную трубку на рычаги плохо опустила. И он, стоя в очереди и пытаясь связаться с женой, очень, как сказали очевидцы, беспокоился, что там с ней случилось, и нервничал. Короче, сердце...

После похорон собрались помянуть, и, когда я вышел на лестницу покурить, то поднялся на полпролёта к открытому окну, где стоял невысокий, субтильной комплекции мужчина. Одет он был в неброский костюм с галстуком, а выглядел очень пожилым и нездоровым. Внимание моё к нему привлёк свёрнутый бумажный кулёчек, куда он аккуратно ссыпал сигаретный пепел. Все остальные тут стряхивали его прямо на пол. И держался этот человек так, будто бы изо всех сил старался оставаться незаметным и занимать как можно меньше места. Голову держал опущенной и периодически ею кивал, вторя каким-то своим мыслям. О чём-то задумался. И были мы с ним на этой площадке только вдвоём.

Вдруг он как-то неожиданно по-детски всхлипнул, закрыл рукой лицо и замер.

– Что с вами? Вам помочь? – забеспокоился я. В ответ он молча замотал головой.

И только после нескольких минут молчания, на мгновение быстрым движением подняв глаза, человек этот, с трудом выговаривая слова, произнёс:

– Марик! Он мой самый близкий друг. Вместе с ним мы были там, – и он при этом как-то странно взметнул руку к правому

верхнему углу окна. И заговорил быстро, сбивчиво, не останавливаясь.

– Случилось оно там у нас, нечто неожиданное, сгорел японский генератор и остановилось заморское американское оборудование внизу в шахтах. А вся ремонтная бригада только разводила руками, потому что схема обмотки у него была невероятно сложна! А ведь ещё и ремонтный комплект деталей отсутствовал, который энкавэдэшники эти долбаные не заказали, сэкономив тем самым «аграмадные» государственные средства и победно об этом отрапортовал. А год-то на дворе 1942-й. Стоим мы с опущенными руками. Крантец полный. Выхода никакого! И только начальство туда-сюда ходит и глаза свои зверские на нас щурит. Но не признавать же ему свою мудаковатость и недотяпистость. И вот в это самое время стали они на нас отрабатывать новые воспитательные методы и средства. Для убеждения и принуждения, так сказать.

Вывели нашу электробригаду во главе с Зарецким из генераторной на воздух свежий, к сараю складскому спиной поставили, а насупротив выстроили караульный взвод с винтовками. Сержант проорал: «Заряжай!» Вертухаи затворами проклацали, в прорези прицелов смотрят. И ряд штыков ихних, в горло нам нацеленных, в глазах у всех нас колышется.

А майор, заместитель командира лагеря нашего, тот между нами и ними ходит, сапогами по снежку поскрипывает. Смелость демонстрирует. Ну, прям, как под пулями идёт, не пригибаясь. К Марку подошёл и с ехидной такой подковыркой спрашивает:

– Ну, что, Зарецкий! Долго ты ещё Советской власти голову морочить намерен! Или пора пришла пускать тебя в расход?!

А Марик, всегда выдержанный и спокойный, неожиданно так грязно выругался, плюнул майору в морду и заорал как сумасшедший:

– Да стреляй же ты, сволочь! Сколько можно над людьми глумиться! – и после таких его слов те, кто послабже в бригаде были, и я в том числе, мы уже даже рукавицами драными своими лица позакрывали. Ну, кому так уж охота со смертью своей взглядом встречаться...

Сильный человек был Марк, крепкий, мужественный! Но рано он себе легкого конца возжелал. И неправ он был, обругав майора сволочью. Не просто сволочь был майор, а редкая, редчайшая мразь. И поэтому вытер он с лица плевком платочком, нехорошо так улыбнулся в глаза Марику, и, повернув голову в

сторону расстрельной команды, спокойно скомандовал: «Отставить. К ноге». И караул опустил винтовки, пристукнув прикладами по промерзшей земле.

– Над людьми глумиться, говоришь? А кто тебе сказал, что ты человек? Это во-первых. А во-вторых, Зарецкий, забыл ты, наверное, что твоя жена, Софья Ароновна Зарецкая, и сын твой, Юрий Маркович Зарецкий, 38-года рождения, проживают в эвакуации в г. Игарке, подселенцами в доме номер 16 по Шпальному проезду, и ты, Зарецкий, недавно получил от них оттуда письмо. И зачем мне, скажи, на провокацию твою поддаваться и электробригаду расстреливать. А pošлю-ка я лучше вот прямо сейчас срочную радиogramму в Красноярское управление, опишу им в ней геройское твоё поведение, а уж они там и сами знают, что положено делать с Членами Семьи Изменников Родины, ЧСИР – по-нашему. Ну, что ты мне на это скажешь? И через недельку-две пришлют они мне фотографии с отчетом о проделанной работе... Авиопочтой. И тогда-то мы с тобой их и посмотрим... И бабки пододъём...

А мы стоим всей бригадой и слушаем. И спину бригадирскую видим, в один миг в припадке бессильной ярости осогбенившуюся и рыданиями сотрясаемую. И рукавицы с лица мы все уже опустили. И каждый себе думает:

– Ох, трудна, Маркуша, доля твоя! Ну, почти непосильна! Но на то ты и Главный, на то ты и бугор-бригадир, и кликуха твоя – Мудрило. Мы, сам понимаешь, ребята технические и сделать можем много! И руки, и спины ломать – это наша прямая обязанность. Но вот голову свою об эту самую генераторную схему гнобить и уродовать, это вот, мужик, твоё теперешнее дело. Да и видим мы, убедил тебя майор... Нашёл он слова, «тёплые и дружественные», до твоего сердца дошедшие. Ведь дошли? И душу твою они, похоже, тоже тронули? А это значит, что обыграл он тебя в эти вот шашки-шахматы. С ферзёй в рукаве, но обставил! А по-простому говоря, сломал он тебя как палку, через колено. У нас, у всех на глазах, в назидание!

И, постояв из сочувствия у Марка за спиной, дав тем самым ему немного успокоиться, начинаем мы, бригада, пугливо оглядываясь, расходиться. А я тяну его за рукав и приговариваю:

– Ну, идём. Идём, Маркуха! Вон старшина караульный нам от щедрот майора аккордную оплату тащит, каждому по две пачки махорки. И доппаёк к этому ещё накинёт, гад ползучий. Так что

малость и подхарчимся ещё в эти дни нелёгкие! А сейчас пойдём, друган. Пойдём и свернём по козьей ножке, посидим ладком, подымим дымком. И там уж оттаешь и душу отведёшь. Крепко он тебе засадил, сочувствуем горю твоему, но помочь тут тебе просто некому. Тут, ты ведь знаешь, каждый за себя. Закон тундры. А пока ты, Мудрило, над схемой мудрить-думать будешь, мы генератор-то этот долбаный разберём, обмотку погорелую где смотаем, где вырубим, и пазы в сердечнике прочистим...

К исходу первых суток Марк мне сказал, и так я его понял, что схему самураи настолько уж непростую и мудрёную намотали, в которой разобраться так быстро ему просто не под силу. Школа другая. И решение он принял такое, от которого у иного бы и ноги-то подогнулись, и плечи хрустнули б, ношу эту не потянув. Просто и спокойно Марик объяснил нам, на какой тонкой нити жизнь наша сейчас подвешена.

– Вот он сердечник, вот пазовое пространство, а вот он – я, Зарецкий, Марк Соломонович. И надо мне трехфазную обмотку на 380 вольт напряжения сюда вот воткнуть, прорисовав и просчитав предварительно. Книг нет, но голова есть. Инженер ведь, значит, придумаю! Но и у вас, мужики, права ошибиться при укладке тоже не будет. Никакого! Попутаете что, всем хана!

И не спал Марик толком почти пятеро суток. Так, на ходу прихватывал, на одной ноге... Как лошадь – стоя! И ел на бегу да всухомятку, где и как придётся. Пока в изумлении не увидел, что закрутился генератор и дал нужные ток и напряжение. А мы рядом с ним стояли и глазам не верили. А кто-то сзади тихо сказал: «Охренеть можно! Опять обнесла костлявая!»

И поползли транспортёры в забоях, и клеть заработала, и лебедка отвальная тоже. И ожила шахта, и пошло золотишко. А случайно встреченный нами потом у клуба майор улыбнулся вполне дружелюбно и даже назидательно так произнёс нечто о том, что, мол, зря ты бузотёрил, Марк Зарецкий, у каждого из нас – своя служба. У вас одна, а у меня другая. И, главное, чтобы каждый нёс её как положено! Исполнял бы по всей правде и по всей совести. И тогда Победа будет за нами!

И так оно и вышло, так оно и случилось, но были они, Победа эта и Правда, у каждого своя! А про Совесь я уже не говорю, потому как разговор это уже другой, отдельный... – друг Зарецкого замолчал и, обжигая пальцы, стал слюной гасить в кулечке свою сигарету ПАМИР.

– Спасибо, брат, за то, что выслушал! Просто душу выворотило, за всю прошедшую жизнь нашу с ним разом! Святой человек был Марик! Земля ему пухом...– договорил он, протянул мне руку и, выловив из прихожей своё пальтецо, ушел вниз по лестничным маршам. Ушёл не прощаясь, не оборачиваясь! Как уходило из нашей жизни всё то несчастливое поколение.

А Марк Зарецкий, как я помню из его повествований, отбатрачил на зоне до конца 1944 года, когда где-то там высоко, в Судебном Поднебесье, пересмотрено было его дело о вредительстве и шпионаже. Причиной пересмотра стало то, что служивший у немцев полицаем Павлосюк, был пойман, изобличён и осуждён, а заодно, как говорится, дядя-прокурор прошёлся ретроспективно по всем делам и приговорам, вынесенным по его, гада, гнусным оговорам и наветам. В порядке прокурорского своего надзора выявил он там множество людей, оклеветанных этим фашистским прихвостнем, и дал ход процессу по их реабилитации.

– Важное это дело было! – вспоминал Зарецкий. – Я, понятно, про тех, кто дожил, говорю. Их было совсем немного. Так что и работа у судейских, она, в общем, получилась небольшая! Больше-то вышло тех, кто – посмертно. А там всех делов-то на два листочка – постановление о закрытии дела да справка родным. Так что и за то – спасибо!

И Марка Соломоновича Зарецкого перевели на «беспривязное» содержание. И жить он стал уже в поселке вне колючей проволоки, расконвоированным. Комнатуху с казённой мебелишкой выделили. И даже паёк какой-то как вольнонаёмному дали. Но в остальном горбатился он там же и так же, как и все эти восемь лет. И даже телогрейку старую, эковскую, менять на новую не стал. Свитерок какой-то под неё надевал, конечно, но вот от друзей по зоне себя никак не отделял тем самым.

Потом пришла долгожданная Победа. И, как Зарецкий любил говаривать, «враг был нами разбит, а они победили». И сразу же снижение потребности в солдатах на фронтах войны, ощутилось там на Колыме, в лагерях. Заработал старый, как мир, закон сохранения. И если там, в армии, мужиков в сапогах поубавилось, здесь в тундре их вполне ощутимо начало прибавляться. Смена состава произошла! И пошли они сплошной чередой – военнопленные и с оккупированных территорий. Ох,

и умела Советская власть из людей «врагов народа» лепить. Миллионами! Сколько рабов бессловесных ей понадобится, столько шпионов и вредителей она разоблачит.

Но герой наш в этом круговороте уже не участвовал. И к началу навигации 46-го года ждал он с нетерпением приезда с Большой Земли жены с ни разу не виденным им сыном, родившимся через пять месяцев после его ареста. И ведь дождался. Правда, за сутки до этого залило паводком новую шахту в 20 километрах от базового поселка, в котором Марк Соломонович проживал сейчас, и пришлось ему ехать туда и организовывать откачку воды и энергоснабжение. Поехал, организовал, но вот к прибытию парохода малёк припозднился, прибежав уже через час после того, как судно отшвартовалось и разгрузилось. Жена ждала его на пристани, возле смайнованных краном в грузовой сетке вещей – двух старинных сундуков да фибрового чемодана.

Он долго стоял, припав к ней, прижав её к груди, задыхаясь от прихлынувшего к истосковавшейся душе счастья, не представляя, как это можно будет теперь выпустить её из рук. И вдруг его как окатило:

– А сын? Где сын!

– Сейчас позову! – и жена было повернулась в сторону игравших в футбол мальчишек.

А он схватил её резко за руку:

– Я сам... Сам... Я сам угадаю... – и, представьте себе, угадал!

Но дать этому человеку пережить такое вот разрывающее душу счастье и в такой неповторимой форме могла только единственная в мире власть, – советская, самая, пожалуй, гнусная и подлая из всех в этот период существовавших на белом свете.

Даша Кашина

Киев, Украина

Не забудь выпустить птичку. По воспоминаниям Льва Майорова

Лев Майоров (1919–2008) – сын Ильи Майорова, левого эсера, арестованного в 1937-м, расстрелянного в 1941-м. Льва арестовали в 1937 как «сына врага народа», с 1938 по 1945 находился в ГУЛАГе на Колыме, работал на прииске «Ударный». В 1949-м был повторно арестован в Казани, где учился в Сельскохозяйственном институте. Ссылку отбывал в Красноярском крае; после освобождения вернулся в Казань. Реабилитирован в 1959-м. Лев Майоров умер в июле, в больнице, не придя в себя после третьего инсульта.

Люди страдают. Люди умирают. Погибают целые экосистемы, – начала свою речь Грета Тунберг на саммите ООН.

Люди любят фантастику и верят в нее. Почему не поверить в фантастический сюжет о том, что планета может разрушиться от энергетики страданий человечества, а не от технологических выбросов в атмосферу?

Посмотрите на маску скорби Эрнста Неизвестного на Севере. Я не знала о ней, хоть и была в мастерской Эрнста Неизвестного когда-то в Сохо, где у самого входа на полу стоял портрет Горбачева с акцентом на родимое пятно на голове. Оно – будто предвидение бывших или будущих тревог. Об особенностях монумента я прочла на днях в рукописи дожившего до наших дней узника лагерей*:

«Монумент расположен на высоте 200 метров над уровнем моря. Высота его 15 метров, площадь постамента 56 кв.м.. Сооружен он из монолитного бетона. К лестнице он обращен левым боком. Верхняя часть его головы покрыта масками человеческих лиц различных размеров и форм, а несколько ниже (в зоне уха) квадратное отверстие (окно камеры одиночки). С лицевой стороны, обращенной к морю, он выполнен в виде скорбной маски человеческого лица. Вернее, только левой части лица и подбородка. Причем из левой глазницы стекает слеза, выполненная из мелких масок человеческих лиц. Чуть правее носа походит вертикальный брус простого креста, поперечины которого выполняют, как бы, функцию бровей.

На месте правого глаза – зарешеченный сквозной оконный проем, в котором помещен бронзовый колокол, отбивающий при ветре скорбными ударами память о безвинных страданиях, а снизу ведет в тюремную одиночку винтовая железная лестница от основания монумента.

Внутри задней части монумента изображена подвальная одиночная камера, на полу которой бронзовая фигура рыдающей женщины, стоящей на коленях и закрывшей лицо руками. Над ней в верхней части закреплен большой крест с неканоническим распятием – мужская фигура, прикрепленная к кресту при помощи трех наручников (ноги соединены вместе). Вследствие этого все тело обвисло, а мышцы вздулись.

Сопка, на которой размещена «Голова», символизирует Курган над братской могилой всех оставшихся в Колымской земле. «Голова», в свою очередь символизирует (опираясь на новые научные изыскания) совокупность «аур», погибших людей и в результате потенциальной энергии их «электромагнитных полей», сконцентрировавшихся в макушке сопки и над ней, как бы не вынося накопившейся скорби душ, возникла над вершиной братской могилы, раздвинув гранитные глыбы, находившиеся в ее вершине в результате чего вокруг шеи головы образовалось нечто вроде воротника.

Одноглазый взгляд монумента со слезой из посмертных масок обращен на пустующую бухту, в которую в течение ряда десятилетий приходили пароходы с теми, к памяти о которых она взывает».

Так увидел монумент человек, с восемнадцати лет просидевший в лагерях, – Лев Майоров. Он вырос в семье

революционерки Марии Спиридоновой, на которой был вторым браком женат его отец.

На допросах его спрашивали об отце. Ну что он мог рассказать?

«Сколько я помню отца, тот всегда был в ссылке. Отец присылал книги о природе, птицах, животных. Купил велосипед. Я принял участие в велопробеге, где стал вторым. Наверное, отец и его жена ничего не знали о реальной жизни. Потому, что однажды, прочитав газету, Спиридонова сказала: «Какая сволочь этот Радек!».

В восьмидесятые годы Лев Майоров лежал в больнице рядом с человеком, утверждавшим, что все репрессированные были наказаны справедливо. «Интересно, кем же он был?» – подумал автор воспоминаний. Получается, что люди были виновны в том, что выезжали за границу, или вернулись из эмиграции, или общались с иностранцами. И разве они представляли опасность для страны в такой степени, чтобы их вывозили и расстреливали массово в лесах, с кляпами во ртах?

Чижевский тогда выдвинул версию, что такие периоды человеческого помешательства бывают связаны с какими-то пятнами на Солнце. Мемуары Майорова построены так, что перечисляется огромное количество фамилий людей, которые были с их автором, Львом Майоровым, на соседних нарах в разных тюрьмах и лагерях. Лев Майоров хотел, чтобы помнили. Я подумала об этом, когда узнала о ликвидации центра «Мемориал» и оправдании властями действий сталинистов. Я еще раз открыла мемуары, так и не напечатанные на бумаге:

«Ночью в квартире прозвенел звонок. Мама быстро оделась и пошла, открывать дверь. Андрюша проснулся, и чувство непонятного страха и физической слабости мгновенно пронзили его. Резко отворилась дверь, и в комнату вошли двое мужчин, за ними согбенная Надежда Дмитриевна Роганова, соседка из шестой квартиры. Один из вошедших был в форме, татарин, второй – в гражданском. Дрожащими руками мама зажгла лампу и прикрыла постель. Андрюше велели одеться, затем предъявили ордер на арест».

Андрей и его мама онемели от неожиданного известия. Андрей побледнел и почувствовал произвольную мелкую дрожь во всем теле, особенно в конечностях. Пытался, было, совладать с нею, но, как только забывал об этом усилии, она снова овладевала им. Слез не было, слезы и какие-то тихие

причитания исходили от мамы, которая сидела на своей кровати. Обыск начался с кровати, видимо, по инструкции, предполагавшей хранение под подушкой или матрацем оружия и других компрометирующих материалов. Также была осмотрена его одежда, которую он потом надел. Перерыли более или менее все. Отложили кучку дореволюционных журналов «Нива». Его выписывал мамин папа еще в Турминском, где, овдовев, в возрасте сорока лет, содержал семью, состоящую из старушки-матери, четырех дочерей и троих сыновей, а потом и маленького внука. В отобранных журналах Представителей Власти интересовали групповые снимки военных разных чинов – участников войны с Японией и Германией. Может быть, им было дано задание установить скрывающихся от советской власти врагов народа? Эта мысль мелькнула в голове Андрюши после того, как один из оперативников спросил его, не знает ли он кого-нибудь из лиц, изображенных на этих снимках в журналах?

Взяли также небольшой микроскоп, которым пользовался отец, страшный любитель энтомологии. Он был сделан в форме подозрительной трубы малого диаметра на небольшом кронштейне. Взяли карманные серебряные часы фирмы «Мозер» с цепочкой, которые подарил Андрюше дедушка после ареста своего сына, отца Андрея. Был взят также узбекский небольшой нож в форме русского косаря в ножнах с отломанной ручкой.

Когда Андрюше предложили собраться, он попросил разрешения взять с собой школьный задачник по геометрии Рыбкина, тетрадь в клеточку и карандаш, на что получил разрешение.

Прощание с мамой было кратким, но очень тяжелым. Она безудержно рыдала, он весь дрожал и во время прощального объятия не смог сдержать слез, незаметно смахнув их рукавом. При выходе из комнаты Андрей сказал: «Мама, не забудь выпустить птичку». Над его кроватью на оконной раме висела клетка с чижигом...

-----

* Л.И.Майоров «По паутине памяти Колымчанина», Уфа, 2007 г. (музей смог издать только пять экземпляров).

Азарий Мессерер
Нью-Йорк, США

И один в поле воин. На смерть Петра Патрушева

В издательстве M-Graphics, Boston, вышла книга «Я разговариваю с ними» нашего постоянного автора Азария Мессерера¹. С одним из 44-х очерков, составляющих эту книгу, мы знакомим читателей.

... С ним ушла в небытие большая часть жизни моей семьи. Я говорю о своем зяте Петре Патрушеве, человеке героического склада и судьбы, в одиночку вступившем в противоборство с бесчеловечной советской системой и вышедшем победителем в неравной, казалось бы, безнадежной борьбе.

Излюбленный сюжет американских вестернов – борьба героя-одиночки с силами зла, будь то природные стихии, гангстеры или тирания власть имущих.

Вестерны повествуют, как правило, и о тяжелом детстве и юности таких героев, о том, как их закаляла борьба с лишениями, в избытке выпавшими на долю первых поселенцев, когда они обживали новые просторы Америки.

Независимые и свободлюбивые люди, похожие на американцев с «Дикого Запада», появлялись и в Сибири, ведь предки коренных сибиряков не знали крепостного права, а если и знали, то бежали от него. Сибирь дала миру немало

---

¹ В январе 2017 года Азария Мессерера не стало.

самородков, покорявших своим талантом и мужеством, и одним из таких самородков можно считать Петра Патрушева. Книга его мемуаров под названием «Приговорен к расстрелу» была выпущена в 2005 году издательством «Нева» в Санкт-Петербурге.

На обороте обложки мы читаем: «Автор книги, Петр Патрушев – человек-легенда. История его побега из СССР в 1962 году вошла в секретные учебники разведок мира и, прежде всего, КГБ. 20-летний сибирский юноша совершил невероятное: без специального снаряжения, в одних трусах и допотопных лаптах переплыл почти 30 км хорошо охраняемой русско-турецкой границы». Открывая книгу, мы уже знаем, что ее автор совершил почти невозможное. Он стал единственным человеком, который сумел бежать из Советского Союза, проплыв по Чёрному морю сложный маршрут длиной десятки километров, от приграничного курортного города Батуми до Турции. Но ведь и в лучших вестернах мы тоже заранее знаем об успешном конце и тем не менее смотрим их с неослабным интересом. Я не случайно сравниваю мемуары Патрушева с приключенческим фильмом, потому что они читаются на одном дыхании, оторваться просто невозможно, события описываются с кинематографической точностью и в кинематографическом темпе, и уже по прочтении первых глав вы замечаете, что по этой книге можно сделать хороший фильм.

Этот легендарный заплыв мог быть осуществлен только атлетом, хорошо подготовленным и физически, и психологически к невероятному испытанию. И дело не столько в сильных течениях или подъёмах ледяной воды со дна. Главное было проплыть незамеченным сквозь невидимый заслон границы, необходимо было обойти сети, поисковые прожекторы, камеры наблюдения, радары и патрульные катера, вертолеты и самолеты пограничников, да еще и военные базы подводных лодок, что удлиняло и без того невероятный маршрут в несколько раз. Приведу маленький отрывок, из которого читатель наглядно увидит смертельную опасность, поджидавшую Петра во время его уникального заплыва.

«Включился первый прожектор. Он хлестнул море подобно щупальцу гигантского осьминога. Я глубоко нырнул, чувствуя, как растёт давление в ушах. Все мои тренировки, испытания на пляже будто бы испарились. Теперь я остался с опасностью наедине, без всякой подстраховки. Вынырнул на поверхность,

задыхаясь. Если так реагировать на каждый прожектор, далеко не уйти. Напомнил себе: просто лежать чуть-чуть под поверхностью воды, распластавшись, как медуза, чтобы сберечь силы и не быть обнаруженным.

Петр Патрушев

Почти тотчас же луч прожектора опять прошел надо мной. Я нырнул, на этот раз не столь глубоко. «Медуза, – повторял себе, – медуза». В промежутках между ныряниями быстро плыл, чередуя свободный стиль и движение на спине.

Радость, которую я испытывал поначалу, испарилась.

Впереди и позади прожектора полосовали море. Время от времени луч неожиданно двигался ко мне, заставляя держаться в тревожном ожидании. На платформах прожекторов стояли молодые солдаты с неутоленным инстинктом охотников и рыбаков. Гордые, они выловили бы меня, извивающегося, как пойманная рыба, и доставили на заставу. Там меня демонстрировали бы как военный трофей, а молодых солдат наградили, дали медали за мужество в поимке опасного беглеца, скорее всего, шпиона».

Плывя в ночи, он старался не думать об опасности, а рисовал в уме образы матери, родных, картины родной природы. Да, у него действительно было очень трудное детство. Он рос в

голодной и холодной сибирской деревне, без отца, погибшего на фронте, с матерью, загробевшей от тяжких испытаний и свято верившей народной присказке: «Пожалеешь палку – испортишь ребенка». Спасался он от жестокой действительности, погружаясь в мир книг. «...Мои сверстники называли меня Звездочетом, поскольку я на какое-то время оказался настолько вовлеченным в научную фантастику, что искренне верил, будто то, о чем читаю в книгах, происходило наяву – где-то в лучшем, загадочном и по-настоящему интересном мире...»

Закончив техникум, Пётр, пытается попасть в университет, но не успевает – его призывают в армию. Берут его, правда, в Спортивный клуб Советской армии в Новосибирске – фабрику будущих чемпионов. Но не знал Пётр тогда, а узнает детали только 50 лет спустя, что за ним тянулась нить политической интриги. Его и его тренера, Генриха Булакина, возненавидел за своеволие и вольнодумство директор Томского бассейна, бывший соратник Бериин, сосланный на сибирскую каторгу после разгрома бериевской мафии. Один звонок от него в новосибирский КГБ, и Патрушева из Спортивного клуба неожиданно переводят в обычную воинскую часть. Там ему угрожает расправой старшина за то, что он защитил от него приятеля, которого тот пытался ударить.

Чтобы спастись от увечий или даже смерти, Петр решает прибегнуть к хитрости и выдать себя за психически больного. Ему удастся обмануть врачей, и он попадает в Томскую психиатрическую больницу. Но укрыться там надолго не удастся: друзья, студенты-медики, сообщают о том, что врачи собираются «лечить» его сильнейшими препаратами. И тогда в одном больничном халате Пётр бежит из психушки в единственное покуда безопасное место – в дом своего тренера по плаванию. Впоследствии Пётр сильно переживал из-за того, что навлек на своего спасителя преследования властей, и в течение многих лет стремился посылать материально ему и его близким.

Описание дерзкого побега занимает лишь две главы книги, за которыми следует пересказ и других злоключений, непредвиденных, тяжелых – и поразительных. Скажем, полтора лет в турецкой тюрьме. Ведь Пётр был единственным пловцом за всю известную историю, который смог проделать немисливо трудный путь бегства из СССР по морю, и в Турции ему не поверили! От него требовали признать себя шпионом,

заброшенным на подводной лодке с целью сбора сведений о береговых объектах. На нем тренировали турецких следователей, выдавших ему все следственные фокусы по полной программе: от бесконечных «конвейерных» допросов без сна и пищи до фиктивного расстрела холостыми патронами.

Оказавшись после всех мытарств на свободе, Петр все время стремился доказать самому себе, что его выбор правилен, что в свободном мире ему удастся отыскать дело по душе, обрести призвание. Отсюда его постоянные искания и метания, перемена мест и профессий. Сначала работая на Би-Би-Си, Петр потом становится ведущим собственных программ «Завтрашний день планеты» и «Внутренний мир человека» на радиостанции «Свобода». В них он обрел полную самостоятельность – писал и вещал только о том, что его глубоко волновало. А это были, в частности, защита окружающей среды, психология, восточные философские учения и, конечно, спорт, которым он серьезно занимался всю жизнь.

В книге Патрушева «Приговорен к расстрелу» много экзотики. Вместе с автором мы переносимся из России в Турцию, затем в Австралию, потом в различные страны Западной Европы и Азии, а также в США. Например, автор рассказывает, как на острове Фиджи он был почетным гостем вождя племени, которое еще несколько поколений назад занималось людоедством, как посетил калифорнийскую коммуну среди последователей культа индийского гуру Раджниша, как знакомил австралийских аборигенов с компьютерами. Трансцендентальной медитации он учился непосредственно у Махариши Махеш Йоги, а философ Джидду Кришнамурти оказал большое влияние на его поиски смысла.

Петр многое повидал, многому научился, свободно овладел несколькими языками, включая турецкий. Однако нигде в книге мы не находим и тени самолюбования. Наоборот, он не стесняется писать о своих недостатках, душевных кризисах, депрессии.

После реабилитации, то есть отмены расстрельного приговора, Пётр девять раз побывал в России и в девяностых годах работал старшим консультантом по вопросам бывшего в СССР Объединения по разрешению конфликтных ситуаций Стеллы и Хелен Корнелиус (Conflict Resolution Network, CRN), которое стояло у истоков Миротворческого и конфликтологического центра Сиднейского университета. Пётр

был основателем центра CRN в Москве и опубликовал собственный перевод книги, изданной CRN, «Everyone Can Win» («Выиграть может каждый»).

В Австралии, получив университетское образование, Патрушев стремится познакомиться с новейшими исследованиями в различных науках, прежде всего в биологии, психологии и альтернативной медицине. Помимо книг, ему помогли многочисленные встречи с учеными, о которых он рассказывает в своей книге. Запоминается, например, яркий портрет знаменитого ученого из Аризоны профессора Эндрю Уэйля, советам которого о том, как прожить дольше и полнее, реализуя свой потенциал, был посвящен целый номер журнала «Тайм». Параллельно Петр заслужил широкую репутацию синхронного переводчика и в этом качестве работал на известнейших телеканалах ABC и SBS, на многих международных конгрессах и симпозиумах. Именно ему было поручено переводить премьер-министрам Австралии Кевину Радду и Джону Говарду на встречах, соответственно, с Михаилом Горбачёвым и Владимиром Путиным. Я сам был синхронным переводчиком, и мне оставалось только восхищаться и профессионально завидовать его мастерству. Думаю, что, помимо врожденного дарования и благоприобретенных навыков быстрого переключения с темы на тему, с языка на язык, высочайший класс в синхронном переводе был достигнут им также благодаря эрудиции – обширным и разнообразным знаниям.

И, разумеется, поразителен тот факт, что Петр написал несколько книг на английском языке, в том числе футуристический роман «Project Nirvana: How the War on Drugs was Won» («Проект «Нирвана»: как пришла победа в войне с наркотиками»). Это сатира, дистопия о социальном практическом эксперименте по достижению всеобщего мира и завершению бессмысленной войны с наркоманией.

Его книга «The Transcendent Ape» («Трансцендентальная Обезьяна») была последней, о ней он говорил так: «Я описываю условия существования человека с точки зрения истории глобальной эволюции – истории примата из класса млекопитающих, подвергшегося невероятной селекции, которая обусловила его выживание в том виде, в каком он дошёл до наших дней, со всей его тягой к геноциду и

экоциду наравне с его величайшими достижениями науки и искусства».

Петр Патрушев с академиком Андреем Сахаровым

Один из визитов Патрушева в Москву совпал с провалившимся путчем 1991 года, и он с радостью присоединился к ликующей толпе у Белого Дома. Но его впечатления от сегодняшних будней России полны грусти. Похоже, что свобода выбора обернулась трагедией для многих на его родине. Он пишет: «Наш закрепощенный народ, не привыкший к самостоятельному принятию решений, не нашел сил справиться с этой свободой... Одна надежда: Россия всегда славилась талантами...».

После долгих испытаний Петр Патрушев нашел и личное счастье: он женился на Алисе Мессерер, моей дочери, и вместе с сыном Андреем они поселились на берегу Jervis Bay, одного из самых красивых заливов Тихого океана, в Австралии. Там он вполне мог оценить мудрость китайского философа Чжуан-цзы, которую приводит в заключительной главе книги: «Когда обувь по ноге, забываешь о ноге, когда пояс по талии, забываешь о животе, когда сердце на месте, уходят сомнения».

Я регулярно (раз в два года) прилетал к ним, в Австралию, и постоянно разговаривал с Петром по Скайпу. Мы путешествовали по стране – Петр за рулем автомобиля, и я узнавал от него массу интересных сведений о его второй родине

(описания некоторых достопримечательностей вы найдете в моем очерке об Австралии). С ним всегда было легко – любые трудности он мгновенно отметал своим любимым выражением: «No problem» – и в самом деле быстро находил выход из непредвиденной ситуации. Петр любил исполнять своим звучным и красивым баритоном русские романсы и песни. Ко всему прочему, он был прекрасным педагогом: я был очень благодарен ему за то, что он научил и меня, и моего внука плыть правильным кролем на дальние дистанции. «Главное, – говорил он, – овладеть скольжением по воде, без лишних усилий».

Петр скоропостижно скончался 28 марта 2016 года от инсульта, случившегося на пляже Murrays Beach в обожаемом им заливе Jervis Bay.

О его жизни можно посмотреть документальный фильм на YouTube: «The Man who Swam from Russia» («Человек, который уплыл из России») режиссёра Майка Руббо, можно послушать интервью с ним на русском языке а также на английском – по каналу ABC с прославленным журналистом Ричардом Фидлером. «Жизнь русского переводчика Петра Патрушева похожа на приключенческий роман... Пётр удивительный, незаурядный человек, прославивший Австралию», – отметил Фидлер.

Часть 3. Из архивов памяти

Аристарх Лентулов. Село Зюзино. 1918

Юлия Добровольская
Милан, Италия

Юлия Абрамовна Добровольская – итальянистка, переводчица с итальянского, профессор и автор учебников и словарей, - большой друг журнала ЧАЙКА². В нашем журнале впервые были напечатаны главы из ее автобиографической книги «Постскриптум», посвященные Гражданской войне в Испании и ее итальянским друзьям: Джанни Родари, Марчелло Вентури, Паоло Грасси и Ренато Гуттузо.

Мемуар в трёх частях

Что же спасало?

Италия 90-х годов. Знакомая учительница истории одного частного миланского лицея попросила меня встретиться с её учениками. Они проходили «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. И взбунтовались: всё непонятно! Что такое лагерь, за что сажали и, конкретно, где эти люди жили, на чём спали, в чём ходили, что ели-пили...

Мои разъяснения вызвали шок. Встрепенулись только, когда прозвенел звонок на перемену: «Ещё! Ещё!». Пришлось пообещать, что приду ещё, через две недели. В промежутке мне пришло от них двадцать взволнованных писем.

---

² Юлия Добровольская ушла из жизни 25 июля 2016 года.

В следующий раз я остановилась на вопросе, который задал мне в своём письме кучерявый крепыш Бруно: «Что помогало вам преодолевать эти нечеловеческие трудности?»

Я ответила так: «Будь я верующей, мне помогала бы вера. Но советских людей с малых лет веры лишали. Что же спасало? Так вот знайте: на свете много добрых людей, которые бескорыстно приходят на помощь. Меня в беде почти всегда спасал добрый человек, иной раз совершенно незнакомый, посторонний. Их имена хранятся у меня в сердце».

Flashback: Елена

Первое в моей вдовьей жизни лето, лето 1974 года, я провела бы в душной Москве, если бы не Луковниковы: Зина с Борей посадили меня в свой «Москвич» и повезли на чистый воздух. Взяли курс на Новороссийск. Дикарями, конечно, наугад.

Из дорожных впечатлений осталась в памяти встреча под Тулой. С десятков молодых людей обоего пола, довольно расхристанного вида, загорали неподалеку от бензоколонки, рядом со своим заглушим фургончиком. Как было не поинтересоваться, кто они такие и откуда! Оказалось, студенты из Рима, доверившиеся рекламе московского Интуриста, расхваливавшей «автопробег Рим-Москва, Москва-Рим». Услышав родную речь, ребята повскакали с мест, обступили нас, загалдели.

Помочь бы им, но как, если нужной запчасти в Туле не оказалось... Единственное, что мне пришло в голову, это дать им номер телефона итальянского посольства в Москве. Они тут же, при нас, созвонились, им что-то пообещали, после чего они подступили к нам с расспросами, кто мы, откуда я знаю итальянский. Объясняю – де, я переводчик, перевожу итальянскую художественную литературу на русский язык.

“Che schifo!” – вырвалось у патлатой девицы в джинсах с прорехой на колене, что в переводе на русский значит «какая гадость». Перед нами был образчик вершителей бушевавшей тогда в Европе и Америке молодёжной революции, ниспровергатели «устаревших буржуазных ценностей».

Тем не менее расстались мы неохотно, обеим сторонам явно хотелось пообщаться. Впоследствии знакомый культурный атташе рассказал мне о их ночном нашествии на итальянское

посольство, куда их пустили переночевать на бархатистых нежного палевого цвета диванах гостиной.

Больше на нашем пути ничего примечательного не произошло.

Завидев море, мы захотели тут же бросить якорь – попросились в садик-огородик к старику в тельняшке, сидевшему на пороге своей развалюхи. Старик выглядел картинно: поджарый, жилистый, загорелую лысину прикрывала выдававшая виды флотская фуражка.

«За ценой не постоим», – уговаривали мы его.

«Я не против, – пожал он плечами, – только что вы тут хорошего у меня нашли? За красотами надо ехать дальше...»

Пока Боря ставил палатку, мы с Зиной спроворили ужин и пригласили на рюмку водки хозяина. Не сразу, а выждав дня два, помаленьку раскусив нас, Евсей Богданович разговорился. О том, как десять лет трубил в лагерях, на лесоповале. На обычный, глупый, вопрос, за что его посадили, он проворчал: «А кого тогда не сажали... Гебешникам надо было выполнять сталинскую норму по арестам...» И немного погодя, вздохнув: «Я был бригадиром на новороссийском консервном заводе... Молодой, горячий, энтузиаст социалистического производства... Мне шили саботаж... Признание не выбили, зато выбили передние зубы...» Он показал ровный ряд из нержавеющей стали. «Отсидел от звонка до звонка. Однако приполз... У меня тут родственники... Отходили».

Шестнадцатилетняя племянница Евсея Богдановича с толстой русой косой до пояса приезжала после школы навещать дядю, привозила ему еду и охотно задерживалась. Наше застолье, за отсутствием стола, происходило вокруг бочки из под квашеной капусты. Сидели на чурках, заимствованных из заготовленной на зиму поленницы.

Бывшие эки немногословны, не охочи откровенничать. Знаю по себе. Вспоминать, как тебя превращали в лагерную пыль, тягостно. Но свой традиционный вопрос я всё-таки задала: встречалось ли Евсею Богдановичу в том ледяном аду человеческое добро.

Попыхивая самокруткой, он рассказал: «Была у нас на лагпункте зэчка, уже немолодая, сидела давно, с 1938 года, звали Еленой. Образованная. Работала уборщицей на медпункте. Начальник, врач из вольных, разрешал ей полежать-передохнуть в чуланчике под лестницей. Этот чуланчик был для нас как дом родной. О чём Елену, бывало, ни попросишь, всегда

найдёт время, сделает. Порвались варежки, починит; прохудилась фуфайка, заштопает; полуграмотному зэку заявление напишет, убитого горем утешит. Всё умела, всех жалела наша Елена Разгон!»

«Как?! Как вы сказали, Евсей Богданович?! Повторите, скажите ещё раз фамилию вашей Елены! Разгон? Вы сказали Разгон?! Так это же сестра нашего Льва Разгона!» – хором голосили мы.

В ту ночь, после того, как донёсся до нас похожий на Лёвин голос Елены Разгон, нам в своих спальнях мешках долго не удавалось заснуть.

Спасибо!

Вернёмся в Италию 90-х. На сей раз в Тоскану, в город Ареццо, где местная ассоциация католической интеллигенции «*Sacro cuore*» («Священное сердце») посвятила себя борьбе за мир, не голословной, а действенной. Они даже направили свою делегацию в Москву, с конкретными предложениями президенту Ельцину по поводу чеченской войны; делегаты были приняты в Кремле.

Но по здравом размышлении «*Sacro cuore*» сосредоточила свои усилия на более узкой задаче: было решено создать школу для подготовки в университет молодёжи из враждующих стран, чтобы выпускники, овладев профессией и сдружившись между собой, возвращались домой строить демократическое общество. Школа – учебные помещения, кухня, столовая, общежитие – расположилась близ Ареццо, в заброшенной средневековой деревне Rondine (Ласточка). Пустовавшие здания были отремонтированы, прибыли первые абитуриенты, – чеченец, абхазец, русский, азербайджанец, грузин, армянин – появились волонтёры-учителя. Школа заработала.

Выступать перед учащимися Ласточки приезжали среди прочих гости из России – правозащитник Сергей Ковалёв, академик Дмитрий Лихачёв, писатель Лев Разгон, дипломат Феликс Станевский. Я подарила школьной библиотеке десяток фотокопий своего «Практического курса итальянского языка», ведь «школьникам» предстояло слушать лекции во Флорентийском университете, и быстро овладеть итальянским было для них очень важно.

Тот день был особенный, это был день «Marcia della pace» («Похода за мир»), двадцатитрёхкилометрового факельного шествия из Ареццо в расположенный на высокой горе монастырь Ла Верна.

Пока суд да дело, монастырских гостей – академика Лихачёва с женой и переводчицей и нас со Львом Разгоном – позвали в трапезную ужинать. Мы всё время смотрели на часы и в темноту за окнами, не покажется ли голова шеренги.

Эту неподходящую для проникновенного разговора минуту переводчица Алёна выбрала, чтобы сделать заявление: «Юлия Абрамовна, мне надо сказать вам одну важную вещь... Мне надо сказать вам спасибо за ваше появление в моей жизни. Вы, наверное, не помните... Мы с вами познакомились много лет тому назад у моего дяди Евсея Богдановича Бондаренко, вы у него жили, когда ездили отдыхать на юг со своими друзьями Зинаидой Ильиничной и Борисом Семёновичем Луковниковыми. После вашего отъезда я насилу дождалась окончания школы и помчалась в Москву поступать на итальянское отделение Института иностранных языков»...

«Идут, идут!» – перебил Алёну звонкий мальчишеский голос.

«Откуда тут дети?» – про себя удивились мы и заспешили к выходу, на бельведер – облюбованную нами ещё утром площадку над откосом, с которой видны подступы к Ла Верне. В темноте на гору взбиралась золотая змейка из горящих факелов...

Валентина Синкевич
Филадельфия, США

Валентина Синкевич – одна из «последних могилок» второй – военной – эмиграции, поэтесса со своим особым голосом, автор замечательной книги эссе «Мои встречи: русская литература в Америке» (Владивосток, «Рубеж», 2010)³

Евгений Евтушенко в XXI веке

Один из номеров ЗНАМЕНИ (2011) начинается не с поэтической подборки, как всегда, а с очерка Натальи Ивановой «Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности». Она кратко характеризует нынешнее состояние словесности: «Выключение из поэзии и прозы спектра базовых человеческих эмоций: радость, гнев, страх, печаль; понижение эмоциональной температуры вплоть до нулевой». И заключение: «В наших толстожурнальных палестинах чувство – редкий гость».

Эти высказывания автора, находящегося в самом центре литературной жизни, важны для меня, зарубежного читателя, все еще следящего за творческим процессом в России.

---

³ Валентина Синкевич ушла из жизни 25 июня 2018 г., так и не увидев напечатанной свою книгу воспоминаний «О незабываемых», вышедшую ограниченным тиражом осенью 2019 года в московском издательстве «Русский путь».

Я тоже и уже давно заметила описанную Н. Ивановой современную тенденцию погашать в литературе «базовые человеческие эмоции». Однако с радостью могу сказать, что есть исключения. Одним из таковых считаю творчество Евгения Евтушенко.

Недавно мой филладельфийский друг Марк Авербух подарил мне поэтический сборник Евгения Евтушенко «Стихи XXI века». Я его прочла и вдруг захотелось как-то откликнуться, что-то написать о поэте, которого считаю ярким литературным явлением. На фоне чего — времени? Да, конечно, и времени, позже названного оттепелью.

Я не задаюсь целью писать о Евтушенко нечто сугубо апологическое, в моей апологии этот поэт не нуждается. Просто под впечатлением его новых стихов выскажу свои мысли, пусть, как всегда, у меня они несколько эмоциональны, не в ногу с нынешним временем. Должна признаться, что чувствую вину перед поэтом, так как некогда, встречаясь с ним, хотя и второпях, в суматохе и толчее, иногда создаваемой сонмом его поклонников, я не высказала ему благодарность за тот комок в горле, который ощущала, слушая его стихи. Поэт всегда читал наизусть, эмоциональный накал его слов бил своей энергией прямо в зал, нередко вызывая ответный эмоциональный отклик даже у довольно равнодушных к поэзии слушателей — американцев, например.

Евтушенко, как почти никто в нашей современной, бесстрастной — постмодернистской, концептуальной или еще какой-нибудь поэзии, умеет вызвать это чувство, назову его сопричастностью к искреннему поэтическому выражению эмоций и мыслей. Его стихи производят сиюминутное, сильное впечатление. О чем они? Прежде всего это гражданская лирика его времени — сравнительно недавнего прошлого и настоящего. Она, конечно, не исключает множества чисто лирических стихов поэта, одно из которых совершенно изумительное «Окно выходит в белые деревья...». А в целом — творчество этого поэта страстно говорит о жизни, на которую он не смотрит с «холодным вниманием». О нет. Он, можно сказать, стихийный жизнелюб.

И Евгений Евтушенко не «книжный» поэт, осторожный в словах и жестах. Он громко выражает свой взгляд на события внешнего мира. (О своем внутреннем темно и загадочно довольно много говорят другие поэты, с другим поэтическим

настроем.) Острый взгляд Евтушенко направлен на то, что происходит вокруг него, не исключая политические и общественные события. Он дает оценку этим событиям, часто негативную, иногда вызывающую бурные споры. У него четкое понятие о справедливости, о том «что такое хорошо и что такое плохо». Нельзя сказать, что другие поэты лишены чувства справедливости, но они это чувство, в большинстве своем, не облачают в поэтическую форму. А Евтушенко облачает, неизменно вовлекаясь во все «проклятые вопросы» России: это тоже характерная черта *его* творчества, где бы ни жил поэт — хоть на луне.

Что же дал своему времени Евгений Евтушенко? Много. «Оказалось, что смертно бессмертие ваше, Владимир Ильич», — говорил он, один из первых, и по сей день говорит на разные лады множество раз. О нас, эмигрантах второй волны, в большинстве своем — эмигрантах поневоле, могу сказать следующее: мы вдруг стали свидетелями того, что даже в Советской России смог появиться поэт, перекричавший громкие славословия всему, что называлось советским. Он на весь мир, «во весь голос» провозгласил, что не всё так прекрасно в его стране, что есть трудно смываемые черные пятна на советской действительности. Евтушенко доказал, что поэзия может стать прорывом в свободу — даже в литературе, скованной крепкими цепями советской цензуры. И воскресил веру в то, что поэзия — сила. Он сказал, что «в России поэт больше, чем поэт». И оказался прав. Подтверждение этому: над Бабьим Яром — памятник есть! К слову: я не могу поверить, что «Бабий Яр» написан с корыстной целью. Сенсация, карьера? Нет! Это смелый поступок смелого человека. Одна из его «прогулок по карнизу», которая могла закончиться весьма плачевно. Поэт не мог не знать этого.

Да, Евгений Евтушенко стал внезапно знаменитым не только в России, но и во всем мире. Рано и неожиданно он познал настоящую, головокружительную, ошеломляющую славу — выдержал ее и не сломался. Наверное, в этом ему помогло его сибирское происхождение. Там, кажется, люди более выносливые. Так думает и сам поэт:

Я не знаю, что со мною станется.
Устоять бы, не сойти с ума,
но во мне живет пацан со станции —

самой теплой станции — Зима.

Или: «Я учился в Зиме / у моих молчаливейших бабок / не бояться порезов, царапин / и прочих других окарябок...».

Однако не все радовались и гордились *своим* поэтом. Были и до сих пор есть у него и недоброжелатели. Евтушенко говорит и об этой проблеме в своих стихах: «Клеветой мою душу прожгло, / Меня сплетнями всеми хлестало...». Или: «И я с тех пор, как оказался взгретым, — / стал наконец-то всё-таки поэтом, / когда узнал, как бьет с носка Москва...». Увы, не только она.

О чем же и как пишет Евгений Евтушенко в нынешнем веке, в котором из «той» четверки он один остался с нами? Вот его «Стихи XXI века». В них есть боль за свою страну, за сдачу позиций, то есть за отказ от идеалов, которые всё-таки существовали даже в самые страшные годы прошлого века. Но стихи, как и прежде, свидетельствуют о не слабеющей, живой поэтической энергии. Поэт не дописывает недописанного, а по-прежнему пишет новые стихи, говорящие о его непреходящем интересе к событиям и проблемам — в основном русском, как и прежде. Да и к каким же еще, если «сам я собран из родинок родины, / ссадин и шрамов, / колыбелей и кладбищ, / хибарок и храмов...»? Или: «'Россияне' сегодня звучит как 'рассеяние'. / Мы — осколки разломанной нами самими страны». И еще вот это, нечто очень важное, ныне необходимое: «Россия-мать, ты нам не простишь / как ложную попытку созиданья / потуги возродить былой престиж / ценой потери состраданья».

Поэт по-прежнему оживляет русский язык неологизмами — многие из которых не вызовут восторга в изысканных литературных салонах. Иногда в его строках встречаются такие части речи: *подмаяковили, окарябки, набестолковили, прибульваренно, угощатель, завечерилось, безмужиковые избы, шестидесантники, бродсколюдьё..*(Последнее слово напомнило Коржавина: «Я не против Бродского, я против бродкистов.) Эти словечки «работают» в живой, смелой, родной речи поэта. Вот о ней:

Я так люблю родную речь,
такую теплую, как печь,
где можно, словно в детстве, лечь
горяченьким
калачиком,

во сне жар-птицу подстеречь,
кобылку бурюю запречь
и столько свеч за кружкой сжечь
с Ариной Родионовной,
как с незабытой Родиной,
которая у нас одна
и нечто больше, чем страна:
страдалица, провидица,
и только Пушкин да она —
вот всё мое правительство.

А вот стихотворение «Вера Павлова»:
Я не гожусь на кавалера,
но перестаньте материться, Вера.
Лучше поплывем на лодке по реке.
В этом мире, никому не узком,
лучше помолчим на русском —
самом лучшем для молчанья языке.

Мне кажется, что уроженец станции Зима знал «ненормативную лексику» получше Веры Павловой. Но в своем творчестве он ее не употреблял.

Вторую часть сборника «Стихи XXI века» автор посвятил русским поэтам. Их много. Каждый из них представлен чем-нибудь для него характерным: биографический штрих, особенность наружности, черта характера, манера письма... Во всем этом поражает великолепное знание автором русской поэзии, включая зарубежную. Сам он еще в 80-х годах сказал: «Ваши лица — мой Лувр, / мое тайное личное Prado /.../ Вы себя написали / изгрызанной мной авторучкой...».

Раздел начинается с поэтесс (я не чураюсь этого слова, так как лучшего нет — не тургеневские же «поэтки»!). Есть все три Анны: Бунина, Ахматова, Баркова. Марина тоже и много других. Вот некоторые.

Берггольц: «У Победы лицо настрадавшееся — / Ольги Федоровны Берггольц...».

Белла Ахмадулина: «Дива, модница, рыцарь, артистка, / угощатель друзей дорогих, / никогда не боялась ты риска, / а боялась всегда за других...».

И замечательное стихотворение о неизвестной женщине, похороненной на парижском русском кладбище Сент-Женевьев-

де-Буа. Она из-под земли вопрошает поэта: «Что ж вы воюете, русские с русскими, / будто гражданской войне нет конца? / Что ж вы деретесь, как малые дети, / как за игрушки, за деньги, за власть? / Что ж вы Россию всё делите, делите — / так вообще она может пропасть...».

А Ирина Одоевцева отдана мужу Георгию Иванову в следующий раздел, потому что: «Такая жизнь двоих — вселенная, / ну хоть цветы в постель стели, / где вместе плечи драгоценные / и драгоценные стихи». («Драгоценные плечи» в стихотворении Иванова, посвященного Одоевцевой: «И тогда в романтическом Летнем саду, / В голубой белизне петербургского мая, / По пустынным аллеям неслышно пройду, / Драгоценные плечи твои обнимая.»)

И поэты-мужчины. Кого здесь только нет! Даниил Заточник — XII или XIII век. Протопоп Аввакум, век XVII: «Переходила истовость в неистовость / горящего пророка во плоти, / и книгу Аввакума перелистывать, / как будто в сруб пылающий войти...» И Кантемир, XVIII век. Силлабический стих: «Во времена царя Гороха / до Кантемира Антиоха / поэт был в роли скомороха, / гонимый вроде кабысдоха, / и стих иного пустобрёха / был как среди чертополоха / коровья вязкая лепёха...».

И немного позже — тот же век — Ломоносов:

Наш многорукий русский Шива,
пустыми не держал он рук.
Он знал, что спесь невежд фальшива
и что оборвана и вшива
Россия будет без наук.
Одной рукой держал он колбу,
второй — метафоры творя,
а третьей — громко хлопал по лбу,
осатанев от комарья...

Из не столь знаменитых поэтов XIX века был, например, очень русский поэт Иван Ключников: «Не из послушников, а из ослушников, / был на Руси поэт пиющий — Ключников...».

А из знаменитых — Афанасий Фет: «Но ведь внимал ему, поэту, / сам Лев Толстой не для забав, / и сапоги тачал он Фету / с гвоздями, сжатыми в зубах...» (Известно, что Фет, для развлечения своих гостей, купил у Льва Николаевича пару сапог его ручного изделия.)

Апухтин: «С молодости был в немолодых, / и въехал он в бессмертие на паре / чужую страстью загнанных гнедых...».

А из недавнего XX века — вот коктебельский Волошин: «Ветрами киммерийскими взъерошен, / схватив седые кудри ремешком, / как Санта-Клаус, шествовал Волошин / с наполненным спасеньями мешком...». (Некогда Волошин спасал белых от красных, и красных от белых.)

И Ходасевич: «В желчность пряча жалость к миру / Владислав Фелицианович / растоптал пятою лиру, / чтобы больше не жила, / ибо слишком тяжела...». (Аллюзия на сборник Ходасевича «Тяжелая лира».)

Пастернак, который «был как большая детская улыбка / у мученика-века на лице...» (О некой «детскости» поэта писали его современники.)

И снова штрих пастернаковской наружности в стихотворении «На смерть друга» о Владимире Соколове, он «владелец пушкинских глаз прилежных / и пастернаковских ноздрей Фру-Фру...». (Цветаева говорила, что Пастернак похож одновременно на араба и на его коня. Фру-Фру — лошадь Вронского.) Такие строки можно цитировать еще очень долго.

Но вот Бродский, последний наш нобелевский лауреат по литературе. Известно, что ни дружеские, ни профессиональные отношения у поэтов не сложились. В книге есть стихотворение на эту тему, названное «Брат мой, враг мой», начинающееся с вопросов: «Как же так получилось оно? / Кто натравливал брата на брата? / Что — двоим и в России тесно? / И в Америке тесновато?...». Действительно: как и кто? Вопросы остаются открытыми.

В заключение скажу, что для меня было огромным событием услышать в исполнении знаменитого Филадельфийского оркестра и Мендельсоновского хора 13-ю Симфонию Шостаковича, написанную на слова Евгения Евтушенко. Особенно первая часть — «Бабий Яр» произвела потрясающее впечатление. В энциклопедическом трехтомнике Российской Академии Наук «Русская литература XX века» есть большая статья о поэте, в которой цитируются строки письма Шостаковича В.Я. Шебалину о 13-й Симфонии: «Я использовал для этого сочинения слова поэта Евгения Евтушенко. При ближайшем знакомстве с этим поэтом мне стало ясно, что это большой и, главное, мыслящий талант».

Большой и мыслящий талант. Это Шостакович *услышал* в стихах тогда еще молодого поэта. Абсолютный слух великого современного композитора ему не изменил.

Никита Кривошеин

Париж, Франция

Дважды Француз Советского Союза

Отрывки из книги

Осенью 2014 года в России вышла книга Н.И. Кривошеина «Дважды француз Советского Союза»⁴. Название может показаться парадоксальным и почти издевательским, если не знать истории самого автора и его персонажей.

В сборнике не только воспоминания о счастливом детстве Никиты – автора книги, прошедшего в мирном и благополучном Париже до 1939г., но и жизнь во время бомбёжек и оккупации Франции, аресты отца (героя Сопротивления), его Бухенвальд, возвращение в 1945г, отъезд в СССР в 1947 (по зову сердца) вместе с семьей, опять арест в 1949г., в Ульяновске (но уже не гестапо, а КГБ); смерть Сталина и возвращение отца из лагерей, а в 1957 арест самого Никиты... Книга напоминает детективный сериал с крутыми поворотами и с не всегда предсказуемым концом (Из рецензии С. Солодовникова).

Август пятьдесят второго. Побег из Ульяновска

---

⁴ Нижний Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2014

Моя поездка в Москву для поступления в вуз была в общем вагоне без плацкарты. Когда не везло, доставалась только третья верхняя полка для багажа, не поперечная, а продольная, с отопительной трубой у стенки, к которой, чтобы не упасть, я привязывался ремнем; внизу – обилие снятых валенок и портянки, храп, разговоры с обстоятельным повествованием и подробностями физиологической жизни. Последнего Нина Алексеевна не переносила.

Ульяновск и пять лет в нем постоянного страха, невозможность молодому парижанину, каким я себя ощущал, понять окружающее, недоедание, арест отца, слезка, дистрофия матери выработали во мне черно-белое восприятие этой «реальной действительности» – через ненависть. Потом, спустя годы, я это преодолел. Твардовский и сам тогда не знал великого утверждения, им же потом и опубликованного: «Не стоит село без праведника... земля не стоит». А ведь если бы не высочайшая удельная плотность не то что хороших – замечательных, мужественно-самоотверженных людей в том сталинском мраке, – не сидеть бы мне сейчас за компьютерными воспоминаниями в испанской квартирке.

Всех благодетелей – буквально – не перечислить: не очень молодые люди, приходящие к маме на ненужные им уроки английского; рабочие моего цеха, не бравшие меня с собой выпивать в день полочки, хоть я просился – «тебе надо учиться»; на всю жизнь напуганная старушка Языкова в иностранном отделе Дворца книги – мужественно, шепотом, переходящая на старомодный французский; и Александр Александрович Любищев – у него для нас двоих и стол, и натаскивание по математике; и преодолевшая свой страх Надежда Яковлевна Мандельштам: она «конспиративно» назначала маме встречи в бане (не любящей этого места) на улице Водников, и там шепотом они обе в утешение – обменивались воспоминаниями. Был и епископ (на весь город одна, почти пустая церковь), со свечницей как бы тайком передавший нам конверт с малой суммой. Перечень этот не завершить...

С собой в Москву, в сохранившемся парижском отцовском портфельчике я увозил – оный членский билет, свой «безмедальный» аттестат, паспорт с местом рождения «Булонь, Франция», а в графе социальное происхождение – «из рабочих». И еще: в то время я не потреблял ни папирос «Север»,

ни жидкости «Красная головка» (второе – только по одной рюмке с мамой по праздникам). Но стоило моему московскому плану исполниться, и полгода не прошло, как – полторы пачки «Дуката» в день, а на лестничных площадках – по пол-литра «Московской» на двоих, из горла. Конечно же, незамутненное чутье среди многого прочего помогло одолеть и «сорок сороков» (взорванных), как Растиньяк у Бальзака некогда одолел мой родной Париж: «А теперь – кто победит: я или ты!»

У меня было заранее оговоренное место ночлега, на полпути между Бутырской тюрьмой и Центральным театром Советской армии: Селезневская, 24, кв. 44, кирпичный дом в два этажа, коммуналка на четыре семьи, ниже этажом паспортный стол отделения милиции. Комнатой с антресолями в этой квартире обладал неэмигрировавший двоюродный брат моего отца – Т. Г. Его пьянство, а вскоре и убедительный алкоголизм начались в 1918-м, в еще не конфискованном особняке Морозовых на Кудринской (вблизи от дома Шаляпина). Там, на жизнеопасном пути к белым, застрял мой восемнадцатилетний дядя Всеволод Кривошеин, будущий архиепископ Брюссельский. Они с Т. Г. укрылись в погребе, где было много стеллажей с коллекционным французским вином. Выходили на поверхность – только взять закуски. Дядя, будущий архиепископ, сумел повоевать с большевиками, потом пить отвык, ему предстоял путь в Париж и на Афон, а вот Т. Г. ждал калечащий процесс выковки нового человека, homo sovieticus. Показательным результатом этой операции над человеком стал несчастный Т. Г.

Все же он приютил меня, по силам скудно кормил, хотя и вовсе не скрывал, что смертельно боится собственного гостеприимства. Позже, в первые недели после освобождения, и Игорь Александрович получил здесь приют. Три его двоюродные сестры (со страшной советской жизнью), увидев в Москве в 1948 году моего отца, появившегося, как привидение, из Парижа, в квартиру его не пустили: «Не приходи больше, нам страшно...» Проявились они на нашем небосклоне только после десталинизации. Да и с Т. Г. они не общались, утверждая, что в 1938-м он дал показания на родного отца, а потому «его вскоре расстреляли». Правда ли? Он-то меня не боялся, они – да. А вместе с тем были шибко православные. Кто их рассудит? Я любил их всех и по-разному был благодарен всем четверым. Никому из них коммунисты своими расовыми законами

(«лишенцы по сословной принадлежности») не дали доучиться, у одной возник жених, но до венчания и его расстреляли.

Т. Г. жил (плохо) преподаванием «музлитературы». Промышленные количества портвейна «Лучший» убедили его в правоте слов тов. А. А. Жданова, и он проклинал Шостаковича с Прокофьевым. Как многие в его поколении, сочинял доморощенные вирши, разговоров о политике не вел.

Не поверите, но при виде его – сгорбленного, шатающегося в обдирках на дачной дороге – сразу становилось ясно: человек из благородных! Ведь и на расстоянии тягловый битюг различается от английского скакуна, даже не ухоженного, как селекционная роза от дачного дичка. Но года через три от рутины и портвейна Т. Г. преставился. Царствие Небесное!

Т. Г. по ходу моих толканий в институты советов не давал, что выйдет из моих стараний, ему было невдомек; завершеного образования получить ему Советы тоже не дали. Если бы не он, то никакой Москвы не видать мне как своих ушей, а значит, двадцать лет спустя, мне и родителям не видать и Парижа.

Большая неспособность к предметам точным и естественным вместе с дерзостью и стремлением обвести-обойти систему определили для меня череду тыканья в приемные комиссии. Она началась в первый день приема документов: задел времени оказался абсолютно необходимым. Недоумевайте сколько угодно – первое место, где я показал взятую накануне и заполненную на Селезневке анкету, был длинный стол с носорогообразными господами в Институте международных отношений. Первый вчитался, передал соседу, а когда тот дошел до конца первого листа, сказал: «Хоть вы учились в школе рабочей молодежи, мы вас принять не можем». Ушел, не спросив почему.

Тогдашний формуляр был составлен умно, я его полностью запомнил (по ходу «оттепели» он в несколько приемов был сокращен и притуплен).

А тогда: место рождения – та же Булонь; социальное происхождение обоих родителей – из дворян; проживали ли вы за границей? – да; есть ли родственники за границей? – да; сражались ли вы или ваши близкие родственники в белых армиях? – да; были ли вы или ваши близкие родственники на временно оккупированных территориях? – дважды да; были ли вы или ваши близкие родственники под судом и следствием? – да, конечно же. Чуть ли не единственный вопрос, на который я

ответил отрицательно, звучал: «Уклонялись ли вы от генеральной линии партии?» Уверен, что и сейчас эти листки могли бы позабавить интересующихся современной историей.

Именно это увеселительное действие они произвели с серолицым функционером в приемной комиссии Института восточных языков в Сокольниках, тогда еще не слитого с МГУ.

Мой расчет – французский знаю, вьетнамский выучу, и будет в пользу.

Функционер был один в кабинете, в анкету вглядывался долго. Его охватил явно несвойственный этим людям приступ хохота, как у персонажа плохой кинокомедии. И он не мог остановиться. Вытерев глаза, вежливо сказал: «Извините. Мы вас принять не можем, а если и примем, то на работу не распределим».

Выбор первых двух мест, куда я ткнулся, – далеко не все дети первых секретарей райкомов или первых секретарей советских посольств дерзали мечтать о поступлении туда – воспринимается как сочетание глупости и нежелания считаться со всем до того мной пережитым. Я был подобен персонажу оруэлловского «1984», мною тогда не читанного. При всем моем ульяновском опыте я находился в полном неведении, что такое антиутопия. Попросту – был дураком, без писаного закона и без смирения с беззаконием. Виртуальное абитуриентство в этих кузницах номенклатуры «безумством храбрых» не назовешь.

Третье место, куда я поехал, был филологический факультет Университета на Моховой. Рассуждение: французский знаю, освою другой, и будет в пользу. Заметьте: МГИМО, ИВЯ, МГУ – некая советско-иерархическая нисходящая этого маршрута очевидна.

Приемная комиссия на втором этаже казаковского здания с полуротондой. Объяснить не могу, но состав воздуха в помещении приема документов был обоняемо другим по сравнению с двумя предыдущими вузами. Не те сверстники в очереди, не те преподаватели-чиновники.

«Подождите...»

Скоро ко мне подошел человек в хорошем костюме, седоватый. Жалею, что в памяти не осталось точно, как он представился – вроде зам. декана Романов. Деканом тогда уже был очень всем запомнившийся Роман Самарин. В обращении – расположение, в голосе – сочувствие: «Вы должны знать, что с такой анкетой мы вас принять не сможем. Подумайте: или сдавайте у нас и с экзаменационным листком поступайте в

другое место, либо сразу попробуйте в другой институт». Первый человеческий подход! Спонтанно: «Попробую в другое место». И почувствовал как бы облегчение!

Все эти недели больших надежд я ни в кино, ни в музей, вообще никуда, кроме Селезневки.

Близкая по Парижу Нина Решикова перебазировавшись в СССР в 1947-м. Нина поступила (чудо) на педагогический французский факультет Института иностранных языков, еще не имени Тореза, на Метростроевской. Вскоре вышла замуж за художника, москвича Ивана Бруни, и это избавило ее от распределения в глушь. Поехал к Нине и все рассказал. Ей пришло в голову (не мне) – попробуй к нам в ИНЯЗ.

К тому моменту трижды испытанное «мордой об стол» стало давать во мне накопительный эффект, микстуру сильного отчаяния, сознательной ненависти, понимания, что ждет возврат в Ульяновск и отступать некуда. С этим составом внутри себя поехал на Остоженку-Метростроевскую, в тогда не совсем осыпающееся красивое здание, созданное архитектором Жильярди. Время после обеда, те же столы в коридоре на втором этаже. «Подождите». Спустя некоторое время: «Вас хочет видеть директор».

Табличка: «Пивоварова Варвара Алексеевна, директор». Неприглядный кабинет, большой Ленин на стене, гладкая прическа, широкий белый воротничок, платье коричневое, как бы гимназическое. Взгляд бесцветно пристальный. Первая ассоциация – по внешности и поколению: Екатерина Федоровна Тупицына, директор первой средней школы Ульяновска (до нее в этой должности был отец А. Ф. Керенского), там я был год, и именно она мне ставила двойки за сочинения, где слово «Бог» я писал с заглавной.

Пивоварову пробовал «пробить» в Гугле – результат плачевный: только годы начальствования в институте; на сайте партийных работников – упоминание о четырех военных годах, когда была заведующим сектором школ ЦК ВКП(б). И все. Доцент политэкономии. Говорили – карьера началась с курсов ликбеза Буденновской дивизии. Ее сестра – освобожденный секретарь парткома Издательства на иностранных языках. Вот и вся на сегодня гласность.

Заявление о поступлении я заполнил на переводческий факультет. Состоявшийся с Пивоваровой первый диалог остался

в памяти не слабее арестов и других травм. С немалыми перерывами общение наше длилось затем более пяти лет.

«Почему вы хотите стать переводчиком?» – «Потому-то...»

«Почему вы выбрали наш институт?» – «Из-за того, что... знаю, что есть репатрианты, которые его окончили и были очень довольны».

«Вы с ними встречаетесь?» – «Да».

«Организации создаете?»

Клянусь, хоть и не положено, в стенографической достоверности приводимой беседы. Да и воображения на такую придумку у меня нет, а память зафиксировала до каждого слога.

В ответ я молчу.

«За что арестован ваш отец?» – «Не знаю, считаю, что неправильно».

«Что делал ваш отец во время Гражданской войны?» (все это уже в анкете) – «Был в армии генерала Врангеля».

«Белогвардеец, значит?» Молчу.

«А что делал ваш отец во время Отечественной войны?»

Тут у меня в голове нарисовался благоприятный поворот разговора: «Участвовал в движении Сопротивления, был арестован Гестапо и отправлен в Бухенвальд». – «Значит, провокатор?!»

Не договорила она последнего слога этой реплики, как меняхватило состояние аффекта, помрачения, запомнилось только отрывочно: что-то подобное произошло в жизни еще один раз, как говорится, на личной почве, и то в четверть силы. Враз перегорели предохранители выживания, обезопасивавшие меня все шесть лет с приезда в СССР. С тех пор мне понятно, что состояние аффекта есть смягчающее обстоятельство.

Сантиметрах в двадцати от меня пребывал зеленого мрамора письменный прибор – две чернильницы, длинная держалка для ручек, плотный поддон. В одно мгновение прибор мною поднят и грохается об стол. Сколько помнится свой голос – не в крик, а скорее как бы в рычание... Но ни смысла, ни последовательности изложенного не могу восстановить. Сводилось к тому, что не отбуду из Москвы, пока ее не накажут, что дойду до всех инстанций, что мне терять нечего, а ей лучше бояться, и сильно!

Когда меня отпустило, в кабинете стояла секретарша, моя собеседница была сера лицом и тихо сказала секретарше: «Идите».

Я даже не испугался сам себя, а медленно отходил, возвращалось дыхание.

Заговорила Пивоварова: «На переводческий я вас принять не могу, на факультет английского языка тоже (?), подавайте на факультет французского языка. Учтите, что, когда будет распределение, я вас направлю в Казахстан. Оставьте документы в секретариате».

Секретарша назвала день, когда прийти за экзаменационным листком. Инстинктивно ни Т. Г., ни кому другому эту надреальную «беседу» не пытался воспроизвести, не хотелось.

Восприятие Пивоваровой моего монолога и поведения, ход ассоциаций и рассуждений, приведших ее к тому, чтобы дать задний ход, мною поныне не разгаданы, и если изыщется советолог-психолог, который расшифрует, – благодарность моя большая. Одно неопровержимо: от нее ко мне никогда не поступало ни молекулы сочувствия или человечности. Это неопровержимо устанавливается пятью с половиной годами нашей дальнейшей редкой, но всякий раз насыщенной, взаимно отторгающей ненависти (можно допустить: сословной?).

Конкурс был в те годы не устрашающим, о том, что не выдержу, и не думал, но вспомнил обмен репликами с коллегой-фрезеровщиком в инструментальном цехе незадолго до ухода с завода: «Никита, получишь аттестат, что делать будешь?» – «Постараюсь поехать в Москву, в институт». После паузы: «Наполеоновские мысли у тебя».

Человек был несомненным носителем народного здравого смысла.

Через несколько дней поехал на Метростроевскую за экзаменационным листком. Те же длинные столы приемной комиссии, меня просят подойти к ее председателю. Женщина с округло-серым мучнистым лицом, с избытком макияжа, такими часто были в те годы офицерские жены. Фамилию запомнил – Миронова. Потом узнал, что она была бессменным секретарем парткома института. «Вы иногородний, для сдачи вступительных необходима прописка в Москве». – «Но ведь многие приезжие сдают без этого?». Чуть улыбка, и по-французски, с малым акцентом: «*Comparaison n'est pas raison*» («Сравнение – не убеждение»). Листок вручила.

Найденный ими ход был изобретателен, как бы неотразим и вел к окончательному решению вопроса моего поступления. И если бы не расположение коммуналки на Селезневской, то

эпизод этот для меня мог оказаться похуже любого Ватерлоо для императора Наполеона! Пол-этажа ниже квартиры – отделение милиции, и, выходя с работы, сотрудники этой структуры охотно спускались с Т. Г. в соседние палатки «Пиво—воды». Странно, но Т. Г. стал для них одним из собутыльников-собеседников, а с женщинами, работавшими в отделении, общалась обитатель коммуналки тетя Клава, из раскулаченных, не очень грамотная. Каждый раз, когда я уходил, она мне говорила: «Никит, как что, скажи про себя: „Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его“, – и все получится».

Помогло.

30 июня 1954 года, двое старшин вывели моего отца из 2-го подъезда Лубянки. Один из них нес узел, в нем среди тряпья и скарба – кусок ржаного хлеба. Когда отец укладывал имущество, старшина заметил: «Пайку возьмите – пригодится». Освобождение состоялось в силу постановления от 14 июня 1954 года Комиссии по пересмотру дел: «О прекращении дела по обвинению И. А. Кривошеина в соответствии со статьей 2046 УПК РСФСР». Статья эта – «Недостаточность улик». То есть «сотрудничества с международной буржуазией» полуторагодовому следствию установить не удалось. Арифметически 16 суток, следующие за постановлением (14–30 июня), Игорь Александрович содержался вдвойне незаконно. Но не это было самым досадным в его отсидке.

Мы с отцом сразу поехали к Т. Г. (там комната пустовала), потом чередовали Селезневку и дачу Владимира Николаевича Беклемишева. Рассказывать подробно о «вхождении в плотные слои атмосферы» на пути возврата из тюремной невесомости надо отдельно – габитус его был очень скверный. В первую неделю несколько бессонных ночей по принципу тысячи и одной ночи – сплошные друг другу рассказы, и про отсидку, и про мои злключения. В том числе – обстоятельно о моем поступлении в ИНЯЗ, а заодно и о попадании в общежитие, которое мы с отцом по ходу наших перемещений посетили.

Недели через две отец говорит: «Устрой прием у Пивоваровой, я хочу ей отомстить».

У директора института были часы приема, я записался. Пришли вдвоем, а я здесь после эпизода с общежитием не был. О том, что за месть, я отца не спрашивал – думал, мне будет приятный сюрприз. Так и получилось.

Варвара Алексеевна приподняла брови, увидев меня не одного. К тому моменту Игорь Александрович смотрелся уже не совсемходягой. Я молчал. Отец представился, объяснил, кто он и откуда. Важно отметить: у него была одна из первых по времени реабилитаций, как бы эталон следующих репатриантских дел. Скоро таких, как он, репатриантов много было выпущено прямо из лагерей, но уже без переследствия. Кроме прекращения дела врачей и ликвидации Берии, ничто никакого XX съезда с десталинизацией не предвещало.

Игорь Александрович разъяснил: «Сын мне рассказал, как в трудное время вы его ласково и заботливо встретили, всячески помогли с поступлением, а потом и устройством в прекрасное общежитие. Справедливость и закон восторжествовали, я полностью оправдан и не мог не прийти сказать вам – спасибо». По ходу его недолгого монолога в меня вселился тихий, безмолвный восторг. Я смотрел на папину собеседницу. Тип лица – с восточинкой, так что заметно было, как у нее двигались желваки. Чувство текущего момента и политическая интуиция ей не изменили: «Я выполняла свой долг».

Покинули Пивоварову и пошли в пивной бар на Пушкинской площади. Сидели долго и усердно. Стали просить счет, счета не несли. Игорь Александрович встал из-за столика: «Пойдем. Хоть этот ужин они мне как минимум должны».

Летом 1957-го подошло время государственных экзаменов. Дипломная работа у меня сложилась, по результатам я шел на диплом с отличием (дававший право на «свободное распределение»). Последнее из испытаний – основы марксизма-ленинизма. Может быть, не без некоего мазохизма материю эту освоил оптимально. Объявляют тройку (до свидания, красный диплом)! Преподаватели кафедры французского языка, да и французской литературы об этом узнали, даже не от меня, и возмутились. На последних курсах я им охотно, хорошие люди в большинстве, чем мог помогал (нахождением книг, справками и т. д.). Пошли они делегацией на кафедру Передового Учения: «Вы же человеку диплом портите, он дисциплину ведь знает». Доцент Иван Жолдак, непосаженный ветеран Испанской войны, вспылал: «А вы знаете, за кого просите?» Они тихо ретировались. И рассказали мне. Так что я подлежал распределению на работу.

Мне это было вполне все равно. За институтские годы мне удалось преуспеть и в письменных переводах, и в только начинающемся в Москве синхроне. Незадолго до этих экзаменов Наум Слуцкер, тоже непосаженный ветеран-испанец, зам. главного редактора многоязычного еженедельника «Новое Время», от многолетнего страха ставший очень хорошим человеком, твердо обещал взять меня на постоянную переводческую должность.

Комиссия по распределению заседала в самом кабинете Пивоваровой, тут же деканы и главные зав. кафедрами. Выпускников около ста, ждать долго. Моя очередь. Явно подготовившись к этому моменту, Пивоварова: «Казахстана у меня, к сожалению, нет. Выбирайте между Красноярским краем, Томской областью и Дагестаном». С ходу отвечаю: «Варвара Алексеевна, куда посоветуете, туда и поеду». Повысив голос: «Нет, вы должны выбрать сами». – «Тогда Дагестан». – «Распишитесь».

Я туда не поехал, но сколько счастливых походов по тамошним горам было лет шесть-семь лет спустя! Сколько километров было пройдено с солагерниками Бычком и Пузырем, с замечательным химиком Сашей!

Больше очных встреч с этой сволочью Пивоваровой у меня никогда не было.

Однако заочно директор ИНЯЗа семь месяцев спустя, в феврале 1958-го, безуспешно попробовала сделать мне еще одну неприятность. Шло к концу шестимесячное следствие по обвинению меня в совершении особо опасного государственного преступления. Два следователя, майор И. В. Орлов (из бывших морских офицеров) и старший лейтенант Владилен Алексаночкин (молодой выпускник юрфака), усердно, но скорее беззлобно занимались наполнением аж целых трех томов, мне посвященных. Буквально жизнеопасно допрашивал меня очень неглупый и коварный полковник И. Т. Панкратов. Будучи майором, он в 1951-м выбивал признания из моего отца. Сватовством я никогда не занимался, но уверен, что у этого господина с Варварой Алексеевной сложился бы счастливейший брак!

По ходу одного из трех последних допросов Орлов, перейдя на доверительность:

«Никита Игоревич (хоть и молодость, – а по отчеству), а какие у вас сложились отношения с руководством института, где вы учились?»

«Самые плохие».

«Как и положено, мы запросили на вас характеристику. В ответ получили такие о вас выдумки, каких мы никогда ни о ком не видели. К делу приобщать такое – невозможно, мы отослали назад».

Наталья Роскина

Москва, Россия

О Корнее Чуковском. Из неопубликованного

Публикация Ирины Роскиной

Муки творчества всем известны. Сначала думаешь, писать ли на хорошей бумаге, закладывать ли два экземпляра, потом думаешь, а надо ли писать вообще? И всегда находится внутри себя кто-то уговаривающий, что да, надо. А о чем? Опять муки творчества... Лев Толстой говорил так: «Иногда напишешь:

Иван Семеныч надел шубу и вышел из дому». И вдруг как-то совестно станет, – зачем врать? Никогда он не выходил, ничего он не надевал, и никакого Иван Семеныча не было... И подумает: почему не написать просто то, что думаешь и чувствуешь, а придумываешь каких-то Семенычей». Лев Толстой пришел к этим мыслям в конце жизни (я привела его слова 1899

года, в записи Ильи Саца), а мы пришли к ним смолоду, так хотелось правды, только правды обо всем: о себе, о других, о жизни и смерти, о том, когда же кончится эта эпоха, которая на кончится, увы, никогда. Вот я и думаю: никакого Ивана Семеныча не было. А Корней Иванович был. И был он совсем не такой, каким он предстает в сборнике воспоминаний о нем, где оглавление пестрит названиями: «Завидная жизнь», «Он был целой страной», «Сказочный человек», «Простота и артистичность» (простота особенно к месту), «Очарованная душа», «Приглашение к радости», «Я – добрый лев» (тут особенно к месту – добрый)... Или еще так: «Он раздвинул границы литературы». «И все это сделал один человек». Это как раз не о Толстом – это о Чуковском. Фрида Вигдорова тоже написала о нем очерк в «Литературной газете» под названием «Доброта». Легко представляю себе тот сатанинский смешок, который сопровождает чтение этого очерка тогда еще живым Корнеем Ивановичем. Ведь о нем писали во все эпохи, и всегда что-то черное. И вдруг – «Доброта!» Дожил и до такой эпохи... Верно, на фоне второй половины двадцатого века он воспринимался не так, как в конце девятнадцатого, при А. Блоке и В. Соловьеве. Но все-таки «доброта» – это уж слишком...

Меня в дом Чуковских привела именно Фрида Вигдорова. Я познакомилась с нею на занятиях по английскому языку в Доме литераторов. Фрида по натуре была спасателем, я же по натуре – тонущий. Но в том году мы все были тонущие, ибо шел 1950 год. Весной этого года я окончила филологический факультет Московского университета. О том, как я сдавала государственные экзамены, было написано в многотиражке «Московский университет». Статья начиналась так:

– Где происходил второй съезд РСДРП?

Сидящая перед столом девушка долго молчит, потом неуверенно отвечает:

– Кажется, где-то за границей...

Ни на один вопрос экзаменатора студентка пятого курса филологического факультета МГУ Наташа Роскина не могла дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа».

Теперь, конечно, можно похвастаться тем, что я не вступила в комсомол (чуть ли не единственная на курсе), что никогда не сидела на собраниях и не голосовала ни за какие резолюции, что я и в самом деле ничего не помнила и не могла запомнить про съезды партии и их отличия. А тогда было страшно. На

экзамене мне поставили двойку, кстати, ее ставили в тот год многим евреям, которые все знали лучше меня. По закону пересдавать государственный экзамен можно только через год, но получилось нечто неуютное властям: учились-учились, а марксизма не знают. Наш декан академик В. В. Виноградов написал соответствующую бумагу в министерство и пересдача была разрешена. (Виноградов был в то лето на подъеме, так как Сталин опроверг учение Н. Я. Марра о языке.)

Одна моя соученица, вместо того, чтобы праздновать свой диплом с отличием, просидела со мною сутки, натаскивая меня по программе. Мы пили крепкий кофе и репетировали. К утру я знала вопросы так, что они буквально отскакивали от меня. Я ответила на экзамене замечательно. Мне поставили тройку. Собственно, этого было мне совершенно достаточно, но вот что задело: в экзаменационной комиссии сидела интеллигентная женщина-профессор, преподаватель французского языка. Я знала, что она из дворянской семьи, верующая. Она жила вдвоем с сестрой. Боясь доноса, они специально уезжали в Саратов, чтобы пойти в церковь. Участие такого человека в этой комедии! Я подошла к ней:

– Клавдия Васильевна, почему же – тройка? Ведь я все правильно ответила.

Профессор открыла свой портфель, вынула блокнот и совершенно серьезно посмотрела в записи:

– Когда вы давали определение материи, вы споткнулись. И поэтому мы поставили вам «три».

Так или иначе, но я закончила университет. Направление на работу мне было дано – в Читинскую область, в железнодорожную школу. Но тут антисемитизм помог мне. Евреев настолько не хотели никуда, ни в какое ведомство брать, что управление железнодорожных школ охотно приняло мою справку о болезни ребенка и избавилось от меня навсегда, как и я – от него.

Но и сидеть без работы было невозможно. Не было денег, не было и перспективы куда-то устроиться – со всех штатных мест евреев в то время увольняли. Одновременно, как всегда, шло и притеснение неработающих. Словом, было страшно.

И тут я познакомилась с Фридой Абрамовной Вигдоровой. Как-то, провожая ее после английского кружка домой, я прочитала ей свои стихи, рассказала о своем знакомстве с Ахматовой. Фрида сказала, что хотела бы показать эти стихи Лидии

Корнеевне Чуковской. Я дала ей тетрадку и вскоре была приглашена к Лидии Корнеевне.

О моих стихах Лидия Корнеевна отозвалась незаслуженно лестно. Она сказала: «Эти стихи написал поэт. А станет ли он большим поэтом – это зависит от того, какая у него будет жизнь». Я думаю, что жизнь у меня была вполне пригодная для того, чтобы стать поэтом. Что, скажите, вообще может помешать поэту? Ничего. А таланта было мало. Были даже не талант, а способности, начитанность, желание писать. И была молодость, жажда любви. И были ужасы вокруг, которые надо было передавать зашифрованно, ведь в стихах «катастрофа» не воспринимается как «сталинщина», как «1937 год», как «погром».

Но тогда мне казалось, что главное в моей жизни – стихи. И отзыв Лидии Корнеевны меня ошастливил.

Из моих стихов мне нравится сейчас только одно стихотворение, написанное мною в шестнадцать лет, в 1944 году; с ним я и к Ахматовой впервые пришла. Вот оно:

Отгорят бои, отгорюют вдовы,
Залечатся раны людей и домов,
И о нашей войне снова и снова,
Напишут десятки, сотни томов.
А нам останется дом да дворик,
Серебро волос и усталый шаг.
И нам заявит юнец-историк,
Что все было совсем не так.

В это время у Корнея Ивановича не было секретаря. Лидия Корнеевна и Фрида предложили ему взять меня. Возможно, что им заранее ясна была моя непригодность, во всяком случае, вскоре она обнаружилась. Но спасание стало Фридиной судьбой. За это она в конечном итоге заплатила собственной жизнью. Я вспомнила о ней недавно, когда прочитала в газете очерк о чемпионе подводного плавания, который вытаскивал людей из рухнувшего с моста в воду троллейбуса. Шаварш Карапетян его зовут. Он все нырял и вытаскивал, пока не рухнул на землю; двадцать человек спас, но еще больше, конечно, потонуло, так как кроме него никто спасать не мог, не умел, да и жизнью рисковать не хотел. Шаварш остался жив, но здоровье его было

погублено. Во всяком случае, он показал, ради чего вообще человеку стоит становиться чемпионом.

Каков был Корней Иванович в роли начальника своего секретаря, написал Евгений Шварц в своем ядовитом очерке «Белый волк». Он не мог существовать без секретарей, но и с ними он тоже не мог существовать. Я же была, разумеется, никуда не годной секретаршей. Я не умела печатать на машинке, не умела вообще работать, к тому же, была самолюбива, заносчива и неуравновешена. В меня влюблялись, я влюблялась. А тут еще Лидия Корнеевна пророчит мне литературное будущее, говорит, что в жизни не видала людей, настолько способных к литературному труду... Вскоре у Корнея Ивановича уже был другой секретарь (они всегда у него сменялись быстро, так продолжалось до смерти Марии Борисовны; а уж потом появилась К. И. Лозовская – навсегда). А меня Лидия Корнеевна сосватала в редакцию «Литературного наследства», где я проработала восемь лет (с осени 1951 до весны 1959 г.).

Я много раз пыталась написать о Корнее Ивановиче, но останавливала себя. Мне казалось, что я недостаточно люблю его, чтобы писать. А воспоминания без любви – или холодное разоблачение, которое справедливо всем кажется клеветой, или сусальное восхваление, которое смахивает на глупость.

Одним из самых резких качеств его было коварство. Начало коварства было в нем так активно, что вступало в реакцию со всеми другими качествами, образуя невиданные вещества и новые химические формулы. Вот, к примеру, обсуждается работа скульптора И. Л. Слонима – бюст С.Я. Маршак. Корней Иванович говорит: «Маршак – это все-таки поэт, а не просто старая жаба». Думаете, критикуется скульптор, который не сумел передать творческий потенциал своей модели? Нет, это не цель, это средство. Корнею Ивановичу не столь уж интересен скульптор Слоним, хотя приятно и его задеть. Но главное, что Маршак – жаба, причем так навести, чтобы вы не могли сослаться на него.

Однажды я написала статью для «Литературной газеты» о языке литературоведения. Статья была молодая, задорная, нахальная, примеры брались из работ старых и опытных литературоведов. В газете тогда работал З.С. Паперный, это было в его духе – посмеяться над стариками, которые пишут учено, но не особенно элегантно. Я написала эту статью под

влиянием Лидии Корнеевны, которая всегда вела борьбу за великий русский язык. У нее было много сил в борьбе, и не могла же она тогда бороться с Берией. Лидия Корнеевна легко убедила меня, что ужасны два родительных подряд, что плохо если рядом стоят два слова, оканчивающихся на «ение» и т.д. Сейчас мне все это кажется то ли дилетанством, то ли просто чепухой.

Поэты пишут без точек и запятых, писатели придумывают

К.И.Чуковский. Photo courtesy: chukovskiy.ru

новые слова, и никакие родительные, никакое «ение» не может помешать человеку высказать мысль, когда она у него есть. Но тогда я безраздельно верила Лидии Корнеевне. И З.С.Паперному моя статья тоже понравилась. На более высоких редакционных ступенях ее забраковали.

Тогда Корней Иванович выразил желание ее прочесть и сказал, что статья прекрасная и что он отдаст ее сам в какой-то журнал. Через несколько дней он заехал ко мне и сказал, что для этого журнала моя статья – точно помню его выражение – была как божья роса. Журнал мало популярен, у него совсем нет хороших материалов, и приезде Корней Ивановича с моей рукописью якобы безмерно обрадовались. При этом в его глазах мелькнуло что-то, внушившее мне неопределенное подозрение. Прошло еще несколько дней, и из журнала мне вернули мою статью, испещренную самыми наглыми пометками какого-то

безымянного редактора. Пометки были так многочисленны, целенаправленны и язвительны, что не оставалось никаких сомнений: их делал человек по просьбе самого Корнея Ивановича. Представляю себе сцену (видела подобные не раз), как Корней Иванович говорит этому редактору: «Отхлестайте как следует эту самозванку, я для этого и привез вам рукопись».

Разумеется, если бы Корней Иванович просил оказать моей статье протекцию, отказ был бы облечен в самую вежливую форму. Однако редактор перестарался, и Корней оказался этим выдан. Я ему, конечно, высказала свое негодование. Вообще когда я его вспоминаю, будто две струи воздуха смешиваются во мне – тепло и холод. Вот еще эпизод эпохи моего секретарства. Корней Иванович говорит мне: ко мне приходили какие-то незнакомые люди, рассказали, что они из Иркутска (может быть, из Новосибирска, не помню точно города), я дал им триста рублей, но они не вернули. Напишите, пожалуйста, от себя, как секретарь, что я давал деньги при вас. Такое поручение было мне, понятное дело, неприятно, но я его исполнила. Вскоре пришел перевод на двести рублей и письмо: «Ваш лжесвидетель врет, мы брали не триста, а двести рублей, которые и возвращаем». Я готова была провалиться сквозь землю. Корнея Ивановича это весьма мало смутило. Теперь я думаю: а другой ведь и не подумал бы эти деньги дать. Это незнакомым-то людям, пусть даже не триста, а двести... Он давал, но потом вот так поворачивалось... Никто кроме Корнея Ивановича не носился по городу, пристраивая мои статьи, но кончалось вот так... Ни одно мероприятие не кончилось путно.

Как-то году в 1964 Корней Иванович затеял пересказ Библии для детей под названием «Вавилонская башня». Это было бы, вне сомнений, благое дело, если бы мы не жили в атеистическом государстве. Редакция постановила, что Бога упоминать нельзя, что вместо Бога у нас будет волшебник по имени Ягве (Чуковский считал вполне приемлемой эту замену). Вместо евреев будут некие местные жители. Разделили между литераторами библейские сюжеты и стали сочинять «сказки». У всех, на мой взгляд, получалось фальшиво. Мне досталась Валаамова ослица, и у меня тоже шло плохо. Мое слабое знание Библии и отсутствие опыта подобных пересказов очень мешали мне.

Я долго возилась с рукописью, чувствуя, что ничего не получается. А как-то вечером ко мне зашел мой сосед по дому и учитель по университету Леонид Ефимович Пинский. Увидев разбросанные по столу бумаги, он заинтересовался, чем я занята. Мой рассказ о Библии без Бога и без евреев его страшно возмутил, и он сказал, что наша писанина останется в веках как памятник антирелигиозного обскурантизма. Это произвело на меня огромное впечатление. Напрасно Таня Литвинова, активная участница сборника, уговаривала меня, что подобные пересказы есть на всех языках, что из Библии можно бесконечно черпать любые сюжеты, как делали и живописцы. Для меня авторитет Пинского был недостижимо высок. А он как припечатал! Вскоре пришло и письмо Корнея Ивановича, в котором он писал: «Башня, пожалуй, и выйдет, но я думаю о ней с чувством тошноты: в последнюю минуту распорядились выбросить из нее слово «Иерусалим». Библия без Бога, без евреев и без Иерусалима была готова не только к печати, но и к выходу в свет, она вся была отпечатана – и пошла под нож. Деньги участникам заплатили, но увидеть книгу не разрешили. Быть может, роль сыграло выступление газеты «Жень-Минь-Жибao», где писалось о предполагаемом выходе «Вавилонской башни» (объявленном уже в «Книжном обозрении») как об акте ревизионизма. Об этом я узнала, разумеется, не из этой газеты, а из передачи Би-би-си, пойманной как-то в полночь. Так что и это совместное мероприятие можно считать неудавшимся.

В те же годы началась работа над подготовкой академического издания сочинений и писем А.П. Чехова. Издание давало мне ту работу, которой мне хотелось заниматься. На фоне моей жизни это было большой удачей, и Корней Иванович поздравил меня пылким письмом. Но тут среди литературоведческого начальства неожиданно возник спор о том, как издавать Чехова. Дело в том, что перед смертью сам Чехов готовил полное собрание своих сочинений и выправил для него многие рассказы, другие он оставил без изменений, а третьи вообще в издание не включил. Как расположить рассказы, по хронологии – или же выправленные взять подряд, а остальные отодвинуть в конец? Казалось бы, вопрос сугубо академический, но Корней Иванович, кем-то из начальства вовлеченный в спор, толком не понимая даже, кто с кем и почему спорит, напечатал статью в «Правде», звучащую безапелляционно и директивно. Статья Чуковского не уничтожила издания (такая опасность была), но

отодвинула его примерно на семь лет. Корней Иванович не подумал и минуты о том, что можно было бы обсудить со мной, кому на пользу пойдет его выступление, касавшееся меня так близко – и это при том, что его письма превозносили меня как литератора. (Правда, никогда я не верила этим комплиментам в силу их чрезмерного характера). Все чеховеды сердились тогда на него, он чувствовал это, но все они были ему безразличны, чего не могу сказать о себе. Вот в этом-то и дело. Я ему безразлична не была. И я заключаю это не из его писем ко мне, не из его надписей на книгах (он называл меня талантливой, совсем как Сталин Маяковского). Я заключаю это из небезразличия к моему мнению, которое я ощущала, здесь трудно ошибиться. Мой характер в сущности был ему противоположен, так же как характер Лидии Корнеевны, которой он иногда прямо-таки панически боялся. Лидия Корнеевна прекрасно знала двойственный тип Корнея Ивановича, сложность его душевной жизни. Она видела и его грехи, и его попытки эти грехи замалить, – часто эти попытки дорого ему стоили. Она жаждала видеть его безгрешным, старалась не допустить его до новых грехов. Часто она успевала предотвратить их, но его это не радовало (хотя он мог выражать фальшивую радость), а бесило. Он ощущал в ней Савонаролу, вечного обличителя и судью. (Кто мог подумать, что эта главная правдолюбивца Советского Союза после его смерти будет возражать против распространения «Белого волка», писать сентиментальные воспоминания и вдохновлять сборники воспоминаний о своем отце, полные скучной патоки?) Его двойственность была органичной, «дореволюционной», это не было то двоедушие, которому нас учила наша подцензурная жизнь!

Недаром его так влекло к двоедушным: Некрасову, Горькому. Его книга о Горьком так и называется: «Две души Горького». Правда, она не о том, о чем писал В. Ф. Ходасевич, она о творчестве, а не о поведении, но ведь как это разделить... Корней Иванович был действительно человеком сложным, потому что две души его все время были в каком-то единоборстве, от которого он страдал. Когда он выражал это страдание, он, думаю я, был искренним. И во всяком случае, наиболее симпатичным из всех его ипостасей. Вообще многое его мучило в жизни: бессоница и приступы тоски, от которых он по ночам метался по коридору – это плюс к тому, что мучает

всех талантливых людей, а именно сознание неадекватности возможного и сделанного. Корней Иванович любил похвастаться всем, включая свой возраст (чем тут хвастаться, казалось бы? кто не рад бы пожить вволюшку, не дали...), но самодовольством он не страдал. Его неумеренные хвалы ближним, которые многих дураков окончательно свели с ума, были не только средством избавиться от них, но и средством обезопасить себя от критики, причинявшей ему страдания в силу его странной (для его масштаба) чувствительности к ней.

Он знал, что многими был нелюбим, и от этого тоже страдал, придумывал всякие мероприятия защитного характера. После того, как он завещал десять тысяч А. И. Солженицыну, кто укорит его в том, что посылая свою секретаршу Наташу Роскину по срочному делу на такси, он не возвращал ей потраченные на такси деньги? Мне представляется зощенковский герой, который говорит: «Ну до чего же нахальная гражданка! Какая мелочность с ее стороны!» А у меня ведь и в самом деле было ужасно мало денег. Или: после того, как Корней Иванович построил в Переделкине детскую библиотеку «на свои средства», кто там вспомнит, как складывались эти средства. Корней Иванович был большой мастер выколачивать деньги из издательств. Разумеется, это не есть недостаток, такое умение, и хорошо, что оно было у него, что он не пассивал перед издателями, как Чехов перед Сувориным и Марксом; но и благотворительность его носила характер не чеховский. Я думаю, что Чехов просто умер бы от стыда, если бы о его филантропической деятельности написали в «Литературной газете» с крупно набранным заголовком «Доброта»... Если вы спросите меня, что такое доброта, я отвечу: это то, о чем Корней Иванович в жизни своей и понятия-то не имел...

Когда я поступила работать к Корнею Ивановичу, Лидия Корнеевна – при нем – предупредила меня, что надо приходиться со своими бутербродами. Мария Борисовна не любила приглашать секретарей к столу. Ее можно понять – хочется обедать в кругу семьи, без посторонних. Но практически получалось всегда неловко. По молодости лет мне было неохота таскаться с бутербродами, и утром казалось, что есть не захочется. Среди работы Корней Иванович выходил к обеду, смущенный, но бесправный. У них была кухарка, готовившая по-старинному, ублажавшая эту небольшую, но весьма притязательную семью. Корней Иванович всегда возвращался

голодным, уж очень он был большой. Однажды я отпросилась у него на пять минут, спустилась в магазин «Диета» и купила себе две калорийные булочки. Корней Иванович с жадностью смотрел, как я стала есть, и вторую булочку мне пришлось отдать ему. Мне было так жаль себя, что просто стыдно. Не в булочке, конечно, дело, а в этой вот господской шалости. Все равно – пора забыть. Ведь был даже случай, когда Корней Иванович повел меня в «Националь» и угостил обедом. Его там все знали и подавали заботливо, старательно. Было вкусно, весело. А память об отнятой булочке осталась, вернее не о булочке, а о том, как злорадно он ее ел.

Ирина Роскина

Иерусалим, Израиль

Об Александре Галиче. К 100-летию со дня рождения А.А. Галича

Каждый поэт или пророк или ему хочется быть пророком. Поэты свои пророческие качества ценят. Галич очень ценил и каждое исполнение «Петербургского романса» всегда предварял пояснением: «Это было написано до (повторяю: до!) того, как несколько московских интеллигентов вышли на Красную площадь в знак протеста против оккупации Чехословакии». *И от этого «до (повторяю: до!)» строки*

Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!

приобретали иную (более высокую) степень значимости. Галич, и готовя за границей свою книжку к печати (один только раз сам готовил к печати, а сколько раз мечтал корректуру в руках подержать...), проставил под текстом дату: 22 августа 1968.

До отъезда в эмиграцию Галич жил по адресу Москва, Черняховского 4, кв. 37. Это был жилищно-строительный кооператив «Московский писатель» – в просторечии «старый писательский» – у метро «Аэропорт», организованный в конце 1950-х, на первом этаже тогда помещалась поликлиника Литфонда (позже построили отдельное здание). Вокруг располагались и другие кооперативные дома творческой интеллигенции, более новые. Телефоны этой подстанции начинались на 151. У него был красивый номер – двадцать два два нуля (151-22-00). Про меня он написал (в «Телефонной песенке», она же «Номера», иногда печатается с посвящением И. Б. – Ире Бориневич, по фамилии, которую я тогда носила),

будто я называю ему по старому номеру (по-моему, вымышленному), пятизначному – 5-13-43. Тоже красиво.

Из этого дома он уезжал. У подъезда собрались провожающие – немного, но все-таки небольшая толпа. Только женщины (в аэропорту было по-другому много мужчин, совсем другие люди, больше ученых, чем писателей). Мужчины, говорят, из окон смотрели, боялись. Боялись на самом деле все, – то есть плевать, что боялись трусливые, страшно, что боялись храбрые, – если этого не сказать, то не будет правды о Галиче. Правда и в том, что все равно храбрые преодолевали страх, звали к себе, устраивали у себя на дому платные концерты Галича, благодаря которым он жил, лишившись официальных заработков. Собирали деньги, поили, кормили, давали ощущение нужности. И все-таки боялись. Мне в силу молодости и влюбленности не до мыслей об опасности было, волновало только одно: почему не звонит, почему я не с ним. А когда я с ним – совсем другой безумный страх: ведь это не навсегда, отнимут – жена, красавицы, друзья, болезнь, смерть, КГБ. Все вместе отняли.

Однажды я шутила по поводу строчки Бродского, обращенной к Ахматовой: «Вы напишете о нас наискосок», – поэты, мол, будут писать о нас наискосок, своим изящным почерком нас обобщая и преображая, а мы потом сядем за пишущие машинки и отбрыцаем свое мнение о них впрямую, в лоб, наотмашь, без всякого «наискосок». Он вдруг изменился в лице – по-настоящему – ему пришло в голову, что я буду писать о нем мемуары: прошу тебя никогда не писать обо мне (имелось в виду о нем, о человеке, – о поэте я еще тогда писала – ему нравилось). Я обещала.

Тогда и помыслить нельзя было о временах таких: о нем писать, печатать или рассказывать публично. Какие там мемуары, когда за общение с ним ну, не посадить (не будем преувеличивать, хотя кого-то ведь за распространение его песен сажали), но уж вызвать-то в КГБ запросто каждую минуту могли. А кроме того, общаясь много и тесно – а мы виделись в последние пять лет до его отъезда (за исключением некоторых перерывов) каждый день и подолгу – трудно ощущать себя согладатаем в целях будущей мемуаристики. Я как-то сказала ему, что уж очень мало я ему льщу, забываю о неравенстве между нами, разговариваю без должного подобострастия, часто зарываюсь так, будто мажу ему половой тряпкой по лицу. Он

рассмеялся (ах, какой милый у него был смех, такой как бы для домашнего пользования, а не для эстрады): поэтому-то тебя тут и терпят, что половой тряпкой по лицу, а не на придыхании. На самом деле с моей стороны был расчет: я знала, сколько можно тряпкой, а сколько нужно на придыхании, – иначе бы не терпели. Я тогда обещала ему, что не буду писать о нем, и сейчас этого обещания не нарушаю, так как пишу не о нем, а о своей любви к нему. Только некоторые факты хочется попутно уточнить.

Вернувшись из аэропорта, я вошла в тот день с дочкой и матерью Ангелины Николаевны в опустевшую квартиру Галичей. Они должны были разбирать вещи, делить между родственниками. А меня Александр Аркадьевич перед отъездом при своих и Ангелины Николаевны родственниках назначил душеприказчиком по литературным делам. Естественно, не на тот момент (он был тогда полностью запрещен, даже из фильмов по его сценариям вырезали кадры с его фамилией – во всех копиях пленку резали и клеили, не ленясь), а на будущее. Когда будущее пришло, многих в живых уже не осталось, а возникли другие, а обо мне окончательно забыли. Обо мне-то ладно, но забыли о воле поэта, завещавшего мне свое литературное наследие. В этом была и моя вина. Мне хотелось быть вдали от схватки, ни в чем не участвовать, жить своей жизнью. То есть я, конечно, виновата. Но ведь в результате и без меня обошлись, хорошо справились.

То есть тогда я вошла в его квартиру, чтобы заняться разбором бумаг. Он мне предварительных указаний о том, что где лежит, не давал. Я взяла мало – по глупости – только тетради с автографами песен. Диван был не застелен, на кухонном столе осталась неубранная после завтрака (торопились на аэродром) посуда.

Через пару дней позвонила в Осло, – у меня ведь была записная книжка Галича с телефонами (потом сожгла), где я нашла номер Виктора Спарре, художника, деятеля комитета по делам беженцев, который через В. Максимова организовал Галичу Норвегию. Галич был весел, сообщил, что ест на балконе вафли, там солнечно. Вроде бы ничего не сказал, а было в этом что-то особенное.

Про него вообще-то трудно рассказывать интересно. Все время кажется, что ничего и не сказал, а было что-то особенное.

Наши свидания большей частью состояли из того, что мы ходили на рынок, покупали капусту (он любил квашеную и щи из нее любил, «суточные», Ангелина Николаевна прекрасно варила). Ну, может, не капусту купили, а картошку, телятину, творог, огурцы, – варианты на этом исчерпывались, а счастье было именно в том, что вместе ходили по самым простым делам.

Он был молчалив. В нем не было интеллектуальной игры. Он не хохмил, он не высказывался афоризмами. Все, что он хотел сказать, он выговаривал в песнях. Нечто недосказанное он заливал водкой, чтобы не мучиться думами. Глушил себя. Он редко рассказывал байки. Среди его любимых рассказов о себе была история о том, как он провалился при поступлении в актерское училище, где кто-то (не помню, кто-то очень крупный, Леонидов, что ли?) сказал ему «Актером ты не будешь, а знаменитым будешь». Он мог поддержать разговор на любую тему, но в основном это было за счет такта, а не эрудиции. И секрет его обаяния был чисто биологический. А обаяние его действовало на всех наповал, – во всяком случае, мне так казалось.

Как-то он, еще член Союза советских писателей, вернулся в Малеевку после однодневной отлучки в Москву. Отдыхающие столпились на веранде, ожидая автобуса, довозившего от станции в Дом творчества. Все были в восторге, что он возвращается, – он был главным украшением малеевской жизни. Его со всех сторон обступили, дали ему усесться в лучшее плетеное кресло и пристали с расспросами: «Ну, как там в Москве, что нового?» (Было лето 1971 года, эпоха застоя, и новостей ждать было неоткуда). Он пластично закурил и сказал своим милым голосом, чуть растяжно: «В Москве хорошо. Помидоры дают». И все. Больше от него никто ничего не услышал, а все были в восторге.

***

Помню, как я впервые услышала, как он поет. То есть песни его мы уже знали, но тут пел он сам. Четвертого декабря 1968 года Вера Давыдовна Острогорская – литератор, известная своим остроумием, общительностью, бесстрашием и добротой – пригласила нас с мамой к себе на Галича. Собралось очень много народа, я пришла с магнитофоном. Все умирали от хохота над «Климом Петровичем» и над «Футбольной» – Галич уморительно вращал глазами в роли спортивного комментатора. Грустно вздыхали при «Старой записи». Галич умело держал эмоции аудитории: программа, ее порядок, жесты и мимика исполнителя были профессионально отработаны, так что казалось, будто он поет специально для каждого из вас, получая от этого сам удовольствие. Он вообще любил петь. Потом, не вскоре, они с Нюшей, верней, главным образом Нюша, рассказывали мне, как у них весело бывало когда-то, когда он приезжал домой с компанией цыганских красавиц, садился за пианино, наигрывал и подпевал этому хору вращающихся стройных ног, а Нюша ревновала и мучилась. Теперь того загульного веселья не было: куда там веселиться под «Рвется и плачет сердце мое...», – но удовольствие от исполнения он получал. Мы утирали слезы над «Вечным огнем», а потом моя смешливая мама снова начинала хохотать, а Верочка Острогорская сказала, оберегая магнитофонные записи: «Только не гогочите!» А Галич перебил: «Гогочите, а то ваши вонючие магнитофоны снимают мне реакцию», – и это у меня записалось, а не записалось продолжение его фразы: «А впрочем, может, вам это покажется просто не смешно», – чуть растерянным голосом, и дружный взрыв смеха ему в ответ, на этот раз не над текстом, а над нелепым его предположением, что нам может быть не смешно то, что он сочинил как смешное. Как обидно, что я тогда сэкономила магнитофонную пленку (ее купить было негде), отключала магнитофон во всех перерывах, записывала только песни и его предисловия, неизменно начинавшиеся с «А еще что надо знать...»

Конечно, значение его песен сразу стало мне ясно, но в обществе людей старше и умней меня я не вылезала. Не помню, что именно ему тогда говорили. Помню, что очень хвалили, старались. Но все равно самым любимым его на себя отзывом

осталось высказывание одного из цыганских певцов, часто Галичем по разным поводам цитируемое: «Особенно у тебя текст слов хорош». (Галич как-то признался, что цыган на самом деле сказал так: «Гитара примитивная, а текст слов хороший», – но дальше чуть переиначилось.)

Кроме смешного выражения («текст слов»), Галича привлекала и суть этой формулировки. Ему хотелось, чтобы его считали поэтом. В первую очередь – поэтом, а потом уж песенником, бардом и т.д. Он даже спросил меня как-то в минуту предельной откровенности (он был человек застенчивый, воспитанный по-старому, считал, что на многие темы с женщинами не говорят, в обществе – кроме как от лица персонажей – не «выражался», никогда при мне не рассказывал неприличных анекдотов и испытал большие трудности, когда я, не зная, что такое «снохачество» – разговор шел о Горьком, – попросила его мне объяснить), так вот он спросил меня интимным тоном и даже несколько покраснев: «Кто лучше поэт: я или Заболоцкий?». Может быть, он спросил не «кто лучше», а «кто крупнее». Я оказалась не на высоте, – въедаются в нас стереотипные представления: Заболоцкий великий поэт, а Галич – я еще не знаю, меня не учили. Кроме того, мне этот вопрос не понравился по содержащейся в нем аналогии: у моей мамы был известный в обществе роман с Заболоцким, я влюблена в Галича. В общем, я ответила, что не знаю, и он был огорчен. А мама, которой я потом это рассказала, меня ругала: «Конечно, Галич более крупное явление. Уж во всяком случае ответить надо было так, да и по сути совсем не соврала бы».

Я много – и искренне – восхищалась его творчеством. Но если что-то не нравилось, не скрывала. Сочиненные им перед отъездом «Когда я вернусь» и «Песня об отчем доме» казались мне расплывчатыми, излишне «от себя». Я считала, что эта непосредственная открытость облика была вообще чужда ему. Он создал себе роль очень естественного человека, во всех своих проявлениях, и замечательно играл эту роль, пока не доходило до полного обнажения себя. Он не любил, чтобы его видели небритым, в вытянутых на коленях «трениках», хмуро озирающего больничные стены (он часто и серьезно болел). Считал, что на людях лучше появляться пижоном «с видом, что на всех плевать» (хотя был до крайности чувствителен и обидчив), гладко выбритым, с хорошо подстриженными усами, в идеально отутюженных брюках, с американской сигаретой

Филип Моррис или Парламент. Отменно вежливый, высокий и высоколобый. Для воспевания своих героев – стоятелей в очередях – ему уже не требовалось общение с ними. Мне (до меня были другие, а после меня – за граница) давались деньги – стоимость бутылки водки плюс рубль. Я шла на угол (в нашем районном магазине «Комсомолец», называемом так по привычке, несмотря на переименование, был еще винно-водочный отдел), в хвост очереди не вставала, а давала какому-нибудь стоящему ближе к прилавку алкашу посимпатичнее деньги плюс рубль и получала бутылку, которую пили за обедом. (Галич по вечерам дома пил редко, а уж если в гостях, то обязательно.) Обед был ровно в два – привычка людей, много времени проводящих в Домах творчества и санаториях. Ели на каждодневном веджвудском сине-белом сервизе, непонятно почему продававшемся в Москве в каком-то из 1960-х («оттепель»?). Нюша готовила замечательно, и водка «принималась» культурно под первое, ну, и капуста квашеная, якобы полезная для сердца, и соленые огурчики (обязательно нежинские – маленькие, твердые, с пупырышками, он замечательно умел их выбирать, как и муромские помидоры). После обеда он ложился спать – тоже от Домов творчества привычка, в пять был чай, а вечерами, если не было приглашений в гости, он томился. Заходившие к нему не спасали – надо было именно быть в гостях. Смотрел телевизор, страстно болел футболом, с некоторой иронией наслаждался детективными фильмами. И читал детективы. Не помню, когда научился читать по-английски, но свободно читал и Ле Карре, и вошедшего тогда в моду Марио Пьюзо, и т.д. – то есть мужские детективы, а не «уютные» дамские.

Ух, куда меня занесло от «Когда я вернусь», про которое я весной 1973 года проямлила, что мне не нравится. Вернусь хронологически. Следующее утро началось с нюшиного звонка. Строгим прокурорским тоном она сказала без обычного «Здравствуйте, Мурик» или еще более ласково «Муринька», как они меня называли вслед за моими самыми близкими: «Я не понимаю, вы кого любите: моего мужа или русскую поэзию? Если, как я думаю, моего мужа, то извольте подобных выходов больше не повторять, – ему от ваших слов стало плохо с сердцем». А меня, гадину, от этого «плохо с сердцем» ликование охватило: как ему важно мое мнение!

***

Но еще декабрь 1968 года, я уже без памяти влюблена, а он не только не знает об этом, но и имени-то моего вообще не знает. Если проторчать неизвестно сколько времени на улице, то можно увидеть, как он куда-то идет или откуда-то возвращается, часто с футляром с гитарой в руке – подойти неудобно. По вечерам он выгуливал собаку Чапочку – пекинеса – около своего подъезда, с неизменной сигаретой, которую он как-то особенно подносил ко рту, под другим, более изящным углом, чем все остальные люди, – или мне это казалось. Темный двор, всегда плохая погода, высокий мужчина в дубленке-курточке, – мои университетские тетради с конспектами повторяют этот набросок. Пекинес Чапа вскоре умерла, потом – уже при мне – они взяли другого пекинеса, назвали в честь Александра Аркадьевича Сандриком, но былой любви не возродили. Можно было дожидаться на улице наступления ночи и увидеть, как он открывает форточку, чтобы выкурить последнюю сигарету. Они жили на втором этаже (выбирали этаж, чтобы он, сердечник, не зависел от лифта, мог подняться домой даже по лестнице, если лифт сломается), и в окне он был виден отчетливо. Но он тогда часто уезжал из Москвы: то по делам, на разные студии, в Новосибирск, Свердловск, Дубну, то по домам отдыха, – форточка закрыта.

Летом 1969 года мы едем в Малеевку и – о счастье! – там Галич. Там еще Елена Сергеевна Вентцель (И. Грекова) – замечательная, в которую мы с мамой обе несколько влюблены, а она несколько влюблена в Галича, во всяком случае, давно с ним знакома (они любили вспоминать и о недавнем своем соавторстве по пьесе «Будни и праздники», сделанной по рассказу И. Грековой «За проходной»), и очень дружна, и тут можно примазаться. Нюша – женщина отнюдь не глупая – быстро меня раскусила. Моя тогдашняя влюбленность была столь, что называется, светла, что я готова была переносить ее и на Нюшу. Я охотно составляла ей компанию в ее недалеких, но частых прогулках до местного деревенского (глуховского) магазина за водкой и селедкой, которую она обожала, а он не выносил – его всегда мутило от селедочного запаха. А она в ответ на мою симпатию к ней не включила меня в объекты, достойные ревности и заслуживающие тем самым полного исключения из их жизни.

Нюша любила говорить о своей ревности, о том, что ревнует его даже к стулу, на котором он сидит. В трезвом виде она говорила забавно, очень остроумно, но в изрядном подпитии доходила до непристойностей, – а он, несчастный, подобных разговоров не терпел, и если не мог заткнуть ее, то просто выходил из комнаты. Со стороны – людям, которые их мало знали, казалось, что он тяготится невыносимой женой. Конечно, бывало, что тяготился. Она не была тихой, милой, покорной. Но она была ему нужна. Она была как-то редкостно красива. Мраморно красива. А главное в ней была своя личность. Не гениальная, но своя. И в целом они были парой, спутниками.

У меня есть случайный малеевский снимок, сделанный кем-то после завтрака с бокового балкона, так что виден главный корпус. Они идут по центральной аллее, она ему что-то толкует, он слушает. А по боковой аллее спиной в косыночке это вроде бы я куда-то поспешаю.

Галич тогда еще работал профессионально, то есть с десяти до двух сидел за письменным столом. До десяти он успевал жадно прочесть газету «Правда», – не верил ни слову, по ночам обязательно слушал вражеские голоса по приемнику, но ритуал чтения не менял. А после пятичасового чая он принадлежал обществу. Он прекрасно играл в бильярд: красивыми, точными ударами, – я сидела в бильярдной и любовалась им.

Он был азартен и удачлив с младенчества. Из его крайне малочисленных рассказов мне о своем детстве я навсегда облюбовала вкусно рассказанную историю о том, как они с приятелями в девятом классе вытащили зайцев из школьного зооуголка и устроили бега с тотализатором, за что и были исключены из школы. Ах, как светилось у него лицо при этом рассказе о заячьем беге, как умел он легким жестом, неуловимым изменением мимики передать наслаждение движеньем, скоростью! Я потом, после его отъезда, пыталась напомнить эту историю его матери, надеясь выведать какие-нибудь подробности, но она посмотрела на меня с недоумением: не помнила. А ему несвойственно было подобные истории выдумывать. Он очень оскорбился, когда при его исключении из Союза писателей Арбузов и Сахнин упрекали его в использовании чужой биографии – мол, сам не сидел, а от первого лица муки сталинских лагерей описывает, нахал (приводился пример «...лед, что я кайлом ковырял»), – трудно представить, что подобные обвинения могут исходить от

писателей, то есть людей, теоретически знакомых с природой творчества, но мало ли что в наше время бывало. Сам Галич, кстати, принял это обвинение так всерьез, будто его в школе не учили, что доказательство гениальности Льва Толстого в том, как он – мужчина – описывал женские роды. В оправдание себе Галич говорил о повлиявшей на него судьбе рано посаженного и погибшего в лагерях двоюродного брата Володи. Это дома он потом оправдывался, там-то – на исключении – он держался замечательно, не унижаясь. Только видно было, что от всей этой процедуры он очень устал. Я ждала его в вестибюле ЦДЛ. Когда он вышел, к нему сразу подошли Е.Г. Боннер и С.Э. Бабенышева. У него не было сил разговаривать. Гардеробщик подал ему пальто – демисезонное, серое, а шарфик синий клетчатый, – он открыл кошелек, чтобы дать на чай гардеробщику, и неудачным движением (это он-то! с его пластикой!) просыпал всю мелочь на пол. Я машинально стала подбирать. Он резковато схватил меня за плечо: пошли отсюда. В такси по дороге домой он молчал. А потом сразу стали приходиться разные люди. И от этого потока людей, и от необходимости проявлять радушие, и разводить несовместимых, и развлекать отчетом он оживился, повеселел. А назавтра (опять же без звонка) пошли другие люди – друзья-приятели старых лет, советовавшие протестовать, писать покаяние, бороться за права и привилегии (возможности заработка, поликлинику), стремиться выжить, чтобы в тунеядстве не обвинили. (Чтобы избежать обвинений в тунеядстве ему в апреле 1972 сделали инвалидность второй группы, но у него действительно было большое сердце, – в буквальном смысле, медицински.) Он помрачнел. Поначалу даже соглашался каяться – ему написали шпаргалку, – потом решил: не для него. А на исключение из Союза кинематографистов (через несколько месяцев, в начале 1972) он меня с собой не взял. Потом позвонил и сказал: исключили. Интересно, что в голосе его все-таки звучало удивление. Думал, что могло быть иначе. В друзей-кинематографистов верил больше, чем в писателей.

Так вот, к сочинению вранья из своей жизни склонности у него не было: ему хватало таланта, чтобы не прибегать к уловкам иного соблазнения.

P.S. Все, что я взяла в тот день дома у Галичей, и все, подаренные мне им автографы и фотографии, были переданы

мной в 2006 г. в Исследовательский центр Восточной Европы
Бременского университета (Forschungsstelle Osteuropa an der
Universität Bremen).

1990-2018

Полный вариант повести можно прочитать в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/9274>

Инна Шифанова

Москва, Россия

Цветочный остров памяти: Немцов мост

Стихийный мемориал Борису Немцову на месте его гибели регулярно подвергается атакам самых разных организаций и персонажей. До сорокового дня волонтеры вели круглосуточное дежурство, сохранили мемориал, отбив множество нападений на него.

Многие пришли сюда, ушли и снова пришли в силу жизненных ситуаций – мы все такие разные, и это наша жизнь уже три года.

Первые цветы приносили со слезами, с отчаянием. С фотографий смотрел наш веселый Боря, поверить, что его больше нет, было невыносимо. Многие сидели и плакали на парапете моста.

За эти годы мы поняли, что Боря действительно мистически не ушел, вот он живой всегда на Мосту его имени. Днем и ночью можно прийти к островку свободы. Теперь мы здесь улыбаемся – парадоксально, несмотря ни на что, – именно здесь мы чувствуем себя в безопасности от потоков лжи, от агрессии. Да, здесь иногда опасно, но рядом всегда свои и немцовская улыбка уверенности в будущем лучится со всех портретов.

Ошибаются те, кто считает волонтеров героями, мы просто не можем жить без этой неповторимой атмосферы Мемориала.

Каждый раз мы говорим: «Спасибо, Боря, что ты нас снова объединил».

Волонтеры — прямая речь

Первый погром, подлый, гадкий, произошел в ночь на 28 марта 2015 года, ровно через месяц после расстрела Бориса Немцова. Даже 40-ка дней не дождалась, не дотерпели, не смогли вести себя по-христиански, человечно... В ночь с 27 на 28 марта 2015 года Anna Bogomolova сообщает в facebook:

ВНИМАНИЕ!

Прямо сейчас на мосту происходит зачистка!!!! Выкидывают все!!!

Скоты, они дождалась, пока метро закрывается!!!!

28.03.2015

Люди в черном складывали цветы, фотографии, записки, складывали память людскую в черные мешки...

Карина Старостина:

Но... Оказалось, что есть граница людского терпения. Люди не смолчали, не проглотили... Мгновенно, как электрический ток, прошла по соцсетям информация о погроме, и тут же началось восстановление.

Максим Кац:

Сделал что мог — купил цветов на 11,000. Пока стою тут один. Приезжайте!

Фотографии — Филипп Киреев

К утру вновь появились свечи, фотографии.

Татьяна Бочарова: Вот так!

Елена Илютина:

Вчера, 27 февраля, были на Мосту..

Месяц без Бориса Ефимовича...

Много цветов, Люди...

Кто-то сказал: наверное, после 40 дней всё уберут. Понятно же, что это кому-то (или многим) действует на нервы...

Они — это не обязательно власть...

Они...

Они — разрушители.

Они могут только ненавидеть и насаждать ненависть.

Они могут только уничтожать то, что с любовью сделано другими.

У них нет будущего. Они ничего не создают.

Им неведомы такие понятия, как любовь, добро, память...

28 февраля

Сегодня на Мосту были Люди, много Людей...

Атмосфера Добра...

Люди несут цветы, несут фотографии, несут от руки написанные посвящения в стихах и прозе...

Так хочется верить, что Борис Ефимович это видит...

Многие пришли с детьми.

Маленькая девочка поправляет таблички, которые лежат на асфальте.

У моста остановилась машина, вышла девушка с букетом цветов, положила, села в машину, уехала...

Люди зажигают лампадки, а это непростое занятие, ветер на мосту жуткий.

К вечеру народу значительно поприбавилось...

И цветы, цветы, цветы...

Кто-то несёт огромные роскошные букеты, кто-то — две гвоздички.

Но люди идут, они не могут не прийти.

Здесь – Люди.

Очень трудно было уйти. Замёрзла...

Уходила с надеждой...

Да, действительно, Память невозможно убить!

Пока мы помним – мы живём!

Пока мы помним – мы сильны...

28 марта 2015 г.

Андрей Волна:

На мосту полтора-два десятка человек. Но люди постоянно меняются, оставляют цветы (вот теперь все свежие), уходят, приходят новые... Очень ветрено. Холодно.

Так вот, пока там цветы — мы живы. Я. Ты. Вот та девочка с тюльпанами. Седой мужик с чуть слезящимися (ветер?) глазами...

Приходите. Живите долго!

28 марта 2015 г.

Сергей Нетребский:

«Для меня уже привычное субботнее утро на Мосту — солнечное и прекрасное.

Пьянящий утренний московский воздух!

Ночь прошла спокойно, Павел Колесников и Карина Старостина желают всем добра и радости, и я не могу их в этом не поддержать».

Народный мемориал в порядке.

Карина Старостина:

Мы дежури́м на Немцовом мосту уже три года. Мы стоим на одном месте, в одной точке. Почти что все наши репортажи и фотографии с одного места, с места ставшего ключевым для многих из нас.

А вокруг Москва. Мы ругаем Москву, но всё равно — она прекрасна.

Наступает лето... Оно наступает всюду... Оно должно наступить и на Немцовом мосту.

11 мая я собираюсь на дежурство. Дежурство, конечно, будет 12 мая, но собираюсь-то я 11-го вечером.

Ох, как не хочется натягивать на себя свитер, да даже лишнюю майку. Смотришь днём в окошко, идёшь по улице — тепло, даже жарко. А в то же время, ночи ещё холодные. Стоит солнцу спрятаться за горизонтом, как становится прохладно. А ещё ветер и влажность.

Вы думаете, что я жалуясь? Нет, сейчас всё равно дежурить по ночам значительно лучше, чем зимой.

Итак, собираюсь, упаковываю рюкзак, выхожу из дома.

Прибегаю на Мост. Там Кирилл и Сергей. Они спешат домой. Мы с Павлом остаёмся вдвоём.

Вот такое начало ночи.

Что ни говори, а сейчас значительно теплее и люди по Мосту ходят всю ночь, немного, но ходят.

Появляется мужчина и две девушки. Девушки позируют, он фотографирует их. Они становятся и в такой позе, и по-другому. Перед нами разворачивается своеобразный театр. Мужчина подходит к нам. Расспрашивает про дежурства. Интересуется. Удивляется.

На Васильевском спуске идёт очередное строительство. Он весь перегорожен, и стоит охрана. Что строят и зачем? Непонятно.

Ранний рассвет. Небо посветлело. Оно было всё в небольших клочках облаков. А дальше, дальше я не видела. Я сидела на парапете моста и понимала, что даже встать и полюбоваться на все красоты не хочется. Просто не хочется. Передо мной выросли длинные тени. Тени от нас с Павлом, тени от деревьев около кремлёвской стены, тени от фонарей. Кремль стал оранжево-апельсинового цвета. И я знала, что сейчас там, за моей спиной, появляется огненный шар солнца. Я его не видела, но чувствовала, как его лучи охватывают всё вокруг. А если проще, то просто почувствовала – они греют спину.

Мимо проходили люди, изредка останавливались, смотрели, читали.

Мимо проезжали машины, изредка приветственно гудели нам. Не нам, а Мемориалу.

А потом появился Сергей. И сказал то, что он говорит всегда: – Ну, что, братцы, устали-устали? Домой-домой.

Мы собираемся и идём к метро.

До свидания, Мемориал. Я не буду дежурить в ближайшее время. У меня отпуск, и меня не будет в Москве. Но всё равно я вернусь. Наверное, иначе уже невозможно.

19 июня 2018. Немцов мост. Ночное дежурство

Татьяна Тихонович:

Ночи в Москве сейчас совсем короткие, почти белые, светать начинает где-то с 2:30 час. Да ещё и тепло, и много туристов. Многие подходят, спрашивают. И всегда очень удивляются, переспрашивают: «Что, именно здесь, на этом месте?»

А потом, как правило, спрашивают, в каком году, и снова удивляются.

Конечно, как это возможно, в центре Москвы, у стен Кремля? — и три года люди несут свежие цветы?!»

Часть 4. Россия и Америка

Семен Агроскин

Вадим Массальский
Б. Вашингтон, США

Челищев. Маэстро калифорнийского каберне

Андрей Челищев – маэстро калифорнийского Каберне, или история одной трудной русской фамилии

«Какой изысканный аромат. Нет, право, вы могли бы поспорить с Бордо урожая 49-го года», – Андрей Викторович Челищев сделал еще один маленький глоток вина и перешел на французский язык:

– *Quel goût divin! Non, mais ce vin définitivement aurai pu être au centre de la table royale. Mon ami, vous avez dépassé vous-même. C'est magnifique...*⁵

Кладовщик Сэм Смит задрал голову, уставившись на стеллаж, где на дубовой бочке с бокалом красного вина сидел его русский босс.

– Эндрю, извините, но я вас не понимаю. С кем и на каком языке вы там говорите?

– Разумеется, на французском, дорогой Сэм. Только на этом языке можно изъясняться, когда имеешь дело с настоящим вином, – пояснил маэстро уже на английском своему помощнику.

---

⁵ Божественный вкус! Нет, определенно это вино стало бы украшением даже королевского стола. Мой друг, вы превзошли самого себя. Это восхитительно...

Сэм задумчиво почесал седой затылок, надвинул на лоб затрепанную бейсболку, пробурчал еле слышно: «С вином? По-французски? Какого черта!» Потом вдруг вспомнил:

– Звонили из конторы. Сказали, что приехали

Андрей Викторович Челищев

телевизионщики из Фриско. Там их целый автобус. И с ними еще та самая смазливая блондинка, что каждый воскресный вечер корчит рожицы в итогах недели. Говорит, что будет снимать о вас фильм.

– Ах, да, да, да, – затараторил Челищев, проворно, для своих 60 лет, спускаясь со стремянки.

Но тут его остановил звонкий девичий голос, донесшийся со стороны двери:

– Сэр, а нельзя ли попросить вас снова подняться на то же место?

Андрей Викторович оглянулся, опешил:

– Пожалуйста, мэ, но с какой целью?

– Нам надо снять вас за работой.

Оператор, рослый, бородатый детина, с тяжелой как бревно видеокамерой на плече, закивал:

– Да, нам бы очень хотелось сделать пару дублей.

Челищев повиновался, правда, парой дублей дело не ограничилось. Ему пришлось еще несколько раз переставлять стремянку, чтобы не бликовал бьющий с потолка электрический свет, карабкаться на стеллажи, усаживаться чуть ли не верхом на дубовую бочку, дегустируя вино, затем поправлять прическу, одергивать рукава своего белого халата и делать еще массу

смешных, нелепых театральных движений, чтобы, как говорили телевизионщики, «выстроить красивую картинку».

Только после всего этого он смог познакомиться с очаровательной белокурой телеведущей.

– Здравствуйте, меня зовут Линда Свенсон, а это мой коллега оператор Боб Робсон, – зашебетала девушка. – Мы приехали делать специальный телерепортаж о калифорнийском вине, и в Союзе виноделов нас предупредили, что даже не будут с нами разговаривать, пока мы не запишем интервью с создателем нового калифорнийского Каберне, с маэстро...

Линда сделала паузу, пытаясь вспомнить точное произношение трудной русской фамилии, затем улыбнувшись, по-телевизионному сымпровизировала:

– ...Ну, в общем, с вами!

Челищев хотел из вежливости возразить, но мисс Свенсон не принимала никаких возражений:

– Сейчас мы снимем натуру, а потом пройдем в дегустационный зал и запишем интервью.

– Как вам будет угодно, мадемуазель, – пожал плечами Челищев, отступая перед напором и очарованием молодости.

Они вышли на дорогу к аккуратным, уходящим волнами за горизонт рядам виноградника, чтобы снять живописные виды долины Напа. Здесь к ним присоединился режиссер, взъерошенный, неопределенного возраста мрачный мужчина, который все время спорил с оператором Бобом и недовольно заглядывал в видискатель телекамеры. Он требовал то самых крупных планов виноградной лозы с тугими матово-синими грозьями плодов, то самых общих планов пейзажей, то длинных панорам, которые бы разом охватывали все красоты «винной долины» и окружающих зеленых холмов. Восходящее солнце больно било в глаза. Оператор щурился и ворчал, что они только зря тратят дорогущую цветную пленку, что при таком освещении все равно получится примитивная контрастная картинка и что никакими настройками аппаратуры не передать даже десятой доли местных красот.

«Даже одной сотой доли», – соглашался про себя Андрей Викторович. Он как заядлый фотограф, знал, что, сколько ни «лови мгновенье», все равно от тебя ускользает главная магия живой природы. Да и разве можно скопировать на пленку саму жизнь: аромат цветов, дыхание океанского бриза, теплоту нагретой за лето земли, шелест виноградных листьев?! Впрочем,

Челищев сам был профессионалом и ценил профессиональный опыт других, а потому давал советы очень деликатно, не навязывая своего мнения. Наконец, телевизионщики устали от собственных споров, а может у них просто закончилась пленка, отведенная производственным лимитом для «натуры». Они устроили перекур, после чего Челищев усадил своих гостей в кузов колесного трактора и сам привез в зал дегустации.

Здесь уже крутилась другая ТВ команда, готовившая свет и звук для записи интервью. Пользуясь общей суетой, Линда увлекла Челищева в сторону.

– Я выросла в Монтане и ничего не смыслю в вине. Мои предки, шведы, варили прекрасное пиво, но вино.., – мисс Свенсон скривила пухлые губки, пытаясь изобразить послевкусие от мешанины скандинавского глинтвейна. – В общем, можно я буду задавать вам совсем дурацкие вопросы?

Андрей Викторович поддержал ее радушной улыбкой хозяина:

– Сделайте милость, меня как раз раздражают заумные вопросы. И потом – вы моя гостья.

Воспользовавшись заминкой на импровизированной съемочной площадке, Челищев с видом фокусника достал из бара тяжелую темную бутылку, откупорил ее и налил девушке четверть бокала.

– Попробуйте, это то самое новое калифорнийское Каберне. Я работал над ним больше двадцати лет. Здесь все ароматы долины Напа. Они придадут вам сил и вдохновения.

Линда неловко взяла в руку тюльпанообразный бокал с длинной и хрупкой ножкой, вдохнула аромат, сделала – скорее из вежливости – пару маленьких глотков, потом еще пару и еще... Наконец, оценив послевкусие, она прикрыла от удовольствия глаза:

– О, это чудно!

Польщенный Челищев слегка кивнул.

Линда допила густой темно-красный напиток и едва удержалась, чтобы не попросить еще бокальчик. Все-таки она была на работе.

Режиссер захлопал в ладоши, призывая всех занять свои рабочие места. Челищев и очаровательная ведущая сели в кресла у журнального столика. Оператор включил камеру.

Линда бросила последний взгляд в раскрытую папку с отпечатанными листами заготовленных вопросов, набрав больше воздуха, затараторила:

– Итак, прежде всего я хотела бы представить нашим зрителям волшебника калифорнийского вина, непревзойденного мастера, профессора Эндрю Тче, Тще, Чще... Четлисшеффа. И мне бы сразу хотелось спросить нашего гостя мистера мистера Тче... Тше...Чще... Простите...

Девушка густо покраснела, начала заикаться

Но Андрей Викторович пришел к ней на выручку:

– Называйте меня просто по имени. Если удобно, то на французский манер – Андрэ. Я ведь многие годы прожил во Франции.

– Спасибо, Андрэ.

Линда швырнула на стол папку с «домашними заготовками»:

– Честно говоря, Андрэ, мне бы больше всего хотелось спросить вас вот о чем...

Режиссер и оператор переглянулись. Отсебятина местной телезвезды никак не входила в их планы. Но мисс Свенсон как норовистая лошадка уже закусил удила:

– Признайтесь, вам не тяжело жить в Америке с такой практически непроизносимой фамилией – Tchelistcheff? Десять согласных и всего три гласные! Вы сами не устаете ее выговаривать?

– Все дело в привычке, которую я унаследовал от своих предков. А у них было достаточно времени, чтобы привыкнуть к своей фамилии, – улыбнулся Челищев, в уголках его глаз пряталась мягкая снисходительность. – И потом, знаете, это как старое вино, которое со временем становится только дороже.

Линда с благодарностью кивнула своему собеседнику за то, что он принял ее вопрос-вызов. Он же, восприняв это, как приглашение к рассказу, продолжал:

– Моя фамилия появилась на 200 лет раньше, чем Колумб открыл Америку. Ее дали одному немецкому князю, который в 13-м веке поселился в Великом Новгороде. Сын его Карл, в православии Андрей, получил прозвище Челище – разрубленный в чело. Мои предки были воинами, они сражались и умирали на поле брани от времен монгольских нашествий до Бородина.

Линда машинально кивнула. Челищев, на всякий случай, пояснил:

– Наверняка вы знаете из курса истории, что это была битва под Москвой, впервые не выигранная Наполеоном.

Линда снова кивнула, но уже несколько нервно. И вовсе не потому, что она понятия не имела, что делал человек, давший имя знаменитому французскому коньяку, в России. Просто она украдкой бросила взгляд на часы и с тревогой поняла, что видеопленки оставалось всего на 15 минут! Не хватало еще, чтобы этот русский эмигрант начал пересказывать свою бесконечную родословную. Линда поспешила направить разговор в нужное русло:

– Но вот лично вы, Андрэ, человек самой мирной профессии. Скажите, наверное, у себя на родине, до приезда в Америку, вы тоже возделывали виноград?

По лицу Челищева пробежала тень, на лбу обозначились морщины. Оператор вовремя заметил это и укрупнил план, чтобы передать язык мимики.

– Я родился в Москве. Там не растет виноград. Но он растет на юге: на Кубани, в Крыму. Но там мне было не до виноделия. Там я воевал в Белой армии против большевиков. В 1920-м я навсегда покинул Родину...

Линда вскинула брови от изумления и посмотрела на собеседника совершенно другими глазами. Ей вдруг стало жутко от мысли, что этот щуплый человечек, годившийся ей в дедушки, обходительный, добрый, веселый, которого виноделы в шутку называли эльфом за крайне малый рост, мальчишкой воевал в этой ужасно далекой, ужасно холодной России, с какими-то ужасными большевиками.

– Вы воевали?! Сколько же вам было лет?

Челищев пожал плечами:

– Кажется, семнадцать, когда все это началось...

Он вдруг нахмурился и вспомнил тот холодный февральский день 1920-го, когда их, выпускников Екатеринодарского юнкерского училища, из Новороссийска перебросили в Керчь. Они клялись вернуться. Они еще глупо, по-мальчишески, верили в победу. И еще действительно были победы. Сначала в Крыму, когда четырехтысячному отряду генерала Слащева удалось отбросить за Перекоп сорокатысячную армию красных. Потом в степях северной Таврии, когда, казалось, забрезжил рассветом новый «белый поход» на Москву. А потом снова был Перекоп. Снова безудержное, как лавина, наступление большевистского

Южного фронта. Здесь, под перекрестным пулеметным огнем, его тяжело ранило.

В полку он уже значился в списке убитых, в Севастополе его отец, министр юстиции в правительстве Врангеля, заказал панихиду. Но потом вдруг сын вернулся, будто с того света. Его спас кубанский урядник из староверов. Наткнулся с казачьим разъездом в степи на живого мертвеца – на шевелящееся в сугробе, скрюченное от ран и холода тело. Увидел, что это совсем юнец. Перебросил его как пушинку через седло, сам, спешившись, пошел рядом по целине. Двое молодых товарищей в один голос уговаривали упрямого бородача: «Да, брось ты его, Петро. Все равно не жилец, только себя загубишь, красные на хвосте». Урядник молча всыпал нагайкой обоим казачьим коням, так что те понесли наездников как ветер. Сам шел по ночи десять верст до полевого лазарета. Сдал мальчишку врачам, даже не назвав своей фамилии...

– Андрэ, вы меня слышите?

Вместо ответа, Челищев насупил большие, пушистые брови, утвердительно закачал головой, будто скидывая с себя полудрему:

– Да, конечно, слышу... Давайте лучше о вине.

Линда вздохнула с облегчением: ну наконец-то. Она начала вспоминать, какой-то из своих припасенных «винных» вопросов, но Челищев снова опередил ее.

– Вы знаете, если бы меня спросили, как я попал в Америку, то я бы ответил, что причин было две. Первая – отмена «сухого закона». Вторая – меня просто приняли за француза...

– Правда? – рассмеялась Линда.

– Почти, – поправился Челищев.

После этого он коротко пересказал старую историю о том, как в 1937-м году, спустя лишь четыре года после отмены длительного «сухого закона», когда многие вырубленные американские виноградники все еще оставались заброшенными, владелец калифорнийской винодельни Жорж де Латур, приехал в Европу искать «настоящего француза», способного помочь возродить его старое большое хозяйство. В Париже, в Институте Пастера, профессор Поль Марсе порекомендовал соотечественнику своего лучшего ученика, у которого, правда, имелся досадный недостаток – он не был французом... Этим учеником оказался русский эмигрант, преподаватель

Национального Института Агрономии, Андрей Викторович Челищев. В итоге через год месье Челищев переехал в калифорнийскую долину Напа и стал вице-президентом и главным виноделом в компании де Латура.

А потом разговор с телеведущей зашел о новых американских винах, которые, по утверждению маэстро Челищева, можно было производить во всех без исключения штатах – даже на Аляске, о том, как отличить калифорнийское Каберне от французского или итальянского, наконец о том, что общего между воспитанием ребенка и уходом за виноградной лозой...

Теперь уже не только Линда, но и вся команда телевизионщиков, от режиссера до звукооператора, слушала маэстро раскрыв рот. Слушала, пока Боб Робсон не сделал отмашку:

– Все! Снято! Пленка закончилась.

Все испуганно переглянулись. И тогда режиссер бросился к своей сумке и с торжествующим видом достал из нее еще одну 20-минутную кассету. Он сказал, что на ней остался архивный материал, но он готов его размагнитить, потому как мистер Челищев – это просто ходячая винная энциклопедия!

После записи интервью Челищев организовал для гостей шоу-дегустацию, рассказывая о каждом сорте вина, как мать рассказывает о любимых детях. Наконец, несмотря на долгие возражения, усадил за стол, где уже красовались русские разносолы: икра, блины, пироги. Когда гости-телевизионщики уезжали – довольные, веселые, хмельные грузились в автобус – Линда вновь отозвала Андрея Викторовича в сторону.

– Дорогой маэстро, как вы смотрите на то, чтобы вести на нашем канале программу о винах. У нее могут быть фантастические рейтинги! А для вас это не только деньги, известность, но и возможность рекламы виноделия по всей Америке!

Челищев опешил:

– Но я ничего не смыслю в телевидении.

– Зато вы смыслите в вине и вы прекрасный рассказчик. Это – гарантия успеха! Конечно, сначала мне надо переговорить с генеральным продюсером. Но, признаюсь, он еще ни разу не отказывал мне ни в одной просьбе...

Линда с наигранной невинностью захлопала длинными, чуть подкрашенными тушью ресницами, от чего ее большие,

выразительные голубые глаза стали еще больше, еще выразительнее.

Челищев посмотрел на нее с восхищением. Действительно, от этой девушки можно было сойти с ума. Так вот в чем главная причина популярности вечерних новостей, открыл вдруг для себя Челищев главный секрет местного телебизнеса.

– Я вам позвоню, когда мы сделаем черновой монтаж и покажем боссу, – пообещала Линда, уже садясь в автобус и посылая маэстро воздушный поцелуй.

Она позвонила через пару дней. Сказала, что ждет в гости на телепробы, что босс в восторге от снятого материала. Готов дать под новую программу прайм-тайм, а приглашенному соведущему – мистеру Челищеву – обещает платить гонорар по самой высокой ставке. Но есть одно небольшое условие, сказала Линда в конце, как бы между прочим.

Она сделала паузу, и Челищев почувствовал напряжение на другом конце провода, как будто у девушки не хватило дыхания закончить фразу.

– Босс просит вас подумать над псевдонимом.

– Зачем? Я ведь не актер, не певец, не писатель.

– Понимаете, Андрэ, наш шеф так и не смог ни разу правильно повторить вашу фамилию. Он боится, что нашим телезрителям это тоже окажется не под силу. А ведь вы будете главный герой программы – это не просто имя, это бренд. И это даже больше, чем деньги! Вы же как винодел все понимаете.

– Понимаю, – сухо согласился Андрей

– В общем, в этом телешоу нужны краткие и яркие имена. Ну, например, Че, или Чел, или, на крайний случай, ЧелИ с ударением на последний слог, раз уж мы делаем для вас французский имидж. А что, по-моему, звучит фантастически: *«В эфире, маэстро Андрэ Чели!»*

Девушка ахнула от восторга, пораженная собственной креативной идеей.

Челищев пожал плечами. Ничего фантастического, кроме фантастической глупости в этом смешении «французского с нижегородским», он не заметил. Но из деликатности сдержался. В трубке повисла пауза.

Линда почувствовала эту неловкость и ослабила хватку:

– Впрочем, мы вас не торопим, дорогой Андрэ. Посоветуйтесь с семьей, с друзьями. И позвоните после уикэнда. Мы договоримся о встрече в студии.

Первым делом Челищев рассказал обо всей этой затее супруге Дороти. Она восприняла ее в штыки. Правда, как женщина не стала делать акцент на то, что ей вообще не нравятся эти настырные взбалмошные девицы с ТВ-станций. И ее мало интересовали варианты псевдонима, она была в принципе против, чтобы все субботы супруг проводил на съемках в студии.

«Андрюша, – сказала она по-русски с мягким акцентом, – лучше оставь это время для себя и для сына». На этом разговор был окончен, тема исчерпана.

Но на уикэнд из Сиэтла приехал старый приятель Челищева, торговец, обладатель прекрасных плантаций в Калифорнии, Чарли Доусон. Чарли был на голову выше Андрея – широкий в кости, грузный, шумный, иной раз провинциально беспардонный он казался полной противоположностью маленькому, изящному, аристократичному, иной раз слишком сдержанному Андрею Викторовичу. Но это был тот случай, когда противоположности сходятся. Более того, Доусон боготворил Челищева, он считал его волшебником-виноделом и возмущался, почему Андрей давно не откроет свой личный бизнес, почему он раздает налево-направо свои идеи, свои советы, свои знания и помогает людям, которых следовало считать прямыми конкурентами. Чарли был не таков, но эта черта в Челищеве удивляла и одновременно восхищала его. И его тянуло к этому русскому как к человеку-загадке, более того для Челищева он готов был сделать то, что не сделал бы для кого другого – он готов был сделать его компаньоном, предложив долю в своем бизнесе. Пару лет назад Доусон по дешевке прикупил сотню акров земли в штате Вашингтон и теперь звал Андрея сделать «еще одну винную революцию» на вулканических почвах в долинах Каскадных гор.

За ужином в доме Челищевых было открыто белое вино, привезенное гостем из его первого «вашингтонского урожая». Вино показалось Челищеву недурным, со своей изюминкой и со своим специфическим чуть горьковато-минеральным букетом. Разговор шел больше о делах: о холодной ферментации при изготовлении белых вин, о защите винограда от заморозков и болезней. Чтобы хозяйка дома – супруга Андрея Викторовича – не слишком скучала от технологических споров, Челищев решил рассказать Доусону о бизнес-предложении, сделанном ему телевизионщиками Сан-Франциско. Андрей в лицах пересказывал недавний телефонный разговор, представляясь,

словно новая телезвезда в эфире, забавно-нелепыми псевдонимами. Чарли весело улыбался, но потом вдруг серьезно спросил:

– И что ты им ответил?

Андрей, бросив взгляд на жену, пробурчал, что ничего и не собирается отвечать и что воспринимает эту идею с псевдонимами как глупую шутку.

Чарли покачал головой, отставляя в сторону пустой бокал:

– Ну и напрасно.

Ответом ему был взгляд-вопрос Челищева, от которого глаза гостя стали еще серьезнее и строже.

– Эндрю, я давно хотел переговорить с тобой на одну тему, – заговорщически заметил Чарли, чуть позже, когда Дороти, сославшись на домашние хлопоты, оставила мужчин одних.

– На какую?

– Я думаю, что тебе пора становиться стопроцентным американцем.

– Что значит, стопроцентным? – возмутился Андрэ. – У меня американский паспорт, жена американка, мой сын Марк – родился в Америке.

– Вот, вот, о своем Марке и подумай.

Для Андрея Викторовича сын, который родился достаточно поздно, когда Челищеву уже перевалило за пятьдесят, был его самой любимой виноградной лозой. Поэтому пожелание: подумать о сыне выглядело, по меньшей мере, странным.

Но Чарли закурил сигарету и продолжил интриговать:

– Ты ведь не собираешься возвращаться в Россию?

– В советскую – нет.

– А другой пока не предвидится.

Челищев нехотя кивнул. Доусон продолжил, но сделал заход издалика.

– Нас, американцев, часто ругают, что мы сокращаем и упрощаем иностранные имена. Это правда. Но разве это так плохо?! Это ведь просто практично.

Челищев пожал плечами. Аргумент «практично» не показался ему слишком убедительным:

– Тогда можно просто присвоить каждому человеку номер. Это еще куда более практично.

Чарли расхохотался. Он смеялся долго и заразительно, как умеют смеяться большие и толстые добряки. Но потом его серые глаза вдруг стали стальными:

– Ну, это крайности, на которые так падки в коммунистической России. А в капиталистической Америке предпочитают руководствоваться здравым смыслом. Разве нет?

Челищев заерзал на стуле. Ему было нечего возразить. Но Чарли и не ждал возражений. Он тяжело поднялся из-за стола, покачиваясь, прошелся по комнате. Вино ударило ему в ноги, но голова оставалась светлой. Он вдруг остановился напротив Челищева и загадочно подмигнул:

– А ты знаешь, Эндрю, что мои предки пришли на эту землю гораздо раньше, чем вы, русские.

Андрей неуверенно пожал плечами. Если Доусон имел в виду англосаксов, то это было достаточно спорно.

– Да, раньше. Задолго до того, как сюда бросились североамериканцы с востока, заболев золотой лихорадкой в 1848-м. И гораздо раньше, чем русские в 1812-м основали факторию Форт-Росс, чтобы снабжать продуктами свою Аляску.

Челищев вскинул брови, Чарли был исторически подкован.

– Да, да, амиго, – подмигнул Доусон. – Я знаю, о чем говорю. Мои предки – конкистадоры пришли на эту землю еще в семнадцатом веке, а может, и раньше. Они служили сначала испанской короне, затем Мексике, наконец Калифорнийской республике. Полное имя моего прапрапрадеда было не слишком длинным по испанским меркам: Диего Хосе Франциско де Паула Хуан де ла Сантьяго Родригес-Гонсалес. С каждым поколением колонистов оно укорачивалось. И в конце девятнадцатого века, когда мой дед подался на Аляску, от древнего кастильского имени осталось только два слова: Диего Родригес. Прииск, на котором разбогател мой дед, находился недалеко от столицы золотоискателей – Доусона. Когда Диего Родригес с полными карманами золота вернулся в Калифорнию, его так и прозвали – счастливчик из Доусона. Или совсем проще – Лаки Доусон. Мой дед был так польщен новым прозвищем, что в конце концов – тем более после американо-испанской войны – стал официально называть себя на привычный для окружающих английский манер.

Чарли откупорил еще одну бутылку вашингтонского Шардоне, налил себе полный до краев бокал. Андрей понял, что его товарищ не окончит свой рассказ, пока не прикончит бутылку. Впрочем, слушать подвыпившего Чарли было действительно интересно.

– В моих жилах намешано больше крови, чем ты встретишь сортов вина во всем Новом Свете, – гордостью заявил Доусон, осушив очередной бокал. – И мне, честно говоря, наплевать, какими именами станут зваться мои потомки, скажем, лет через сто, когда в этих местах будут жить одни китайцы: Чаны, Ваны, Вей...

Хозяин дома улыбнулся, не слишком доверяя словам захмелевшего друга.

– Да, Эндрю, правда. Наплевать! Главное, чтобы у них была нормальная человеческая жизнь, не хуже чем у нас с тобой. Кем ты думаешь, был этот настоящий первооткрыватель Клондайка Чарли Доусон, фамилию которого взял мой дед и полным тезкой которого я оказался?

Андрей пожал плечами. Вариант – англичанином показался ему слишком очевидным, афроамериканцем – слишком смелым.

– Он был индейцем из племени Тагиш. Но в канадский зал славы старателей он внесен как Чарли Доусон. Так было легче войти в англосаксонскую версию истории Америки.

– Я не собираюсь входить в историю, – парировал Челищев, поняв, к чему клонит Чарли.

Доусон кивнул, зная, что Эндрю не кокетничает. Он подошел и дружески похлопал товарища по плечу.

– Ладно, не хочешь в историю, подумай о современности. Твое вино хотят заказывать в Белом доме. Оно может стать супербрендом! Я тут общался со старыми друзьями из Вашингтона. Из столичного Вашингтона, – поправился Доусон. – Они сказали, что твое Каберне могло бы поучаствовать в тендере поставок для банкетов в честь иностранных делегаций. Я им напомнил, что это эксклюзивный продукт, и что ты имеешь право дать ему свое имя. Они не стали возражать. Более того, парни из службы протокола готовы организовать для тебя приглашение в Белый дом и встречу с президентом. Но есть проблема.

Андрей Викторович вздохнул, догадавшись, какая.

– Да, представь, никто из них не смог с пяти попыток выговорить твою фамилию, а потому мне намекнули, что было бы хорошо придумать для бренда что-нибудь попроще.

– Главное, вкус вина, а не имя, – парировал Челищев.

Чарли налил себе еще бокал. Долго вертел в руках пустую бутылку, рассматривая броскую и несколько аляповатую этикетку.

– Имя не важно, пока оно не стало брендом. А потом оно важнее всего, важнее даже денег, – Чарли назидательно указал пальцем на друга, – И знаешь, почему? Потому, что это уже большие деньги!!!

Челищев уловил знакомые нотки в баритоне товарища, будто тот вдруг заговорил голосом телеведущей Линды Свенсон. Андрей Викторович поймал себя на мысли, что когда американцы говорят о деньгах, то интонация их голоса становится одинаковой. Неважно, кто говорит: мальчишка, женщина или старик.

Ближе к вечеру, протрезвев, Чарли засобирался в дорогу. Ему еще надо было до темноты успеть в Сан-Франциско. Андрей вышел проводить его до парковки. Стоял чудный осенний вечер, солнце уже катилось по склонам холмов, посылая прощальные теплые лучи винной долине. С океана веяло бодрящей прохладой, а с востока в низины напознал вечерний туман. Друзья шли молча, стараясь не спугнуть эту торжественную картину заката. Только уже садясь в свой кадиллак, Доусон позволил несвойственную ему восторженность:

– Райское место! Придет время, и нашу долину Напа будут знать виноделы всего мира. И это благодаря тебе, Эндрю.

Чарли примирительно – ладонью вверх протянул Челищеву свою огромную ручищу для рукопожатия:

– Я сегодня за столом, наверное, наболтал лишнего. Но видит Бог, мне бы просто хотелось, Эндрю, чтобы твое имя навсегда здесь запомнили.

Попрощавшись с Доусоном, Андрей Викторович решил размять ноги после застолья. Он любил такие вечерние прогулки, когда можно было остаться наедине с природой и самим собой. Действительно, долина Напа давно стала для него райским местом, где он был по-настоящему счастлив. Счастлив в семье, в друзьях, в работе. Однако временами и здесь, посреди круглый год цветущих субтропиков, на него находила необъяснимая хандра. Его вдруг начинали раздражать эти вечно зеленые холмы, это вечно ласковое солнце, это вечно весеннее щебетание птиц.

Вот и сейчас ему вдруг захотелось русской зимы, русского снега и русского мороза. Он вспомнил январские сугробы в человеческий рост у родительского дома на старом Арбате, вспомнил припорошенные снегом кресты на куполах белокаменной церкви Симеона Столпника на Поварской, где

мальчишкой прислуживал алтарником, вспомнил катания на коньках на Москва-реке у Патриаршего причала, над которым будто былинный богатырь в позолоченном шлеме нависал Храм Христа Спасителя. Вспомнил, наконец, как на крещенском морозе скрипят валенки, когда он вместе с матерью идет на молебен в этот собор-великан. Здесь Александра Викторовна проводит сына вдоль белых мраморных плит, по которым маршируют бесконечные шеренги фамилий офицеров русской армии, павших в войнах с Наполеоном. Мать с сыном проходят по лабиринту в глубину коридора к 12-й стене, где лампада и горящие свечи на высоком бронзовом подсвечнике освещают имена погибших при Бородино. Десятилетний Андрюша становится на цыпочки, и, найдя подсказанную матерью 9-ю строчку снизу, читает вполголоса по слогам: «Рот-мистр Че-лищев». Потом зажигает большую тяжелую восковую свечу, ставит ее на подсвечник и крестится.

...Андрей Викторович остановился посреди дороги и перекрестился. Сердце его сжалось от боли, когда ему снова вспомнилась статья в эмигрантской газете о том, как безбожные власти устроили на месте взорванного московского собора летний плавательный бассейн. Эта боль была такой же острой, как в далеком 1918-м, когда отец, Виктор Николаевич уже на юге, в армии Деникина, рассказал юноше, что их родовое гнездо под Калугой разграбили местные крестьяне. Сначала разорили каменный дом, сожгли картины и библиотеку, растащили коллекцию вин, а потом, напившись, повесили на деревьях аллеи всех охотничьих собак из отцовской псарни. Последняя дикая выходка особенно шокировала отца, московского профессора права, убежденного демократа и лидера земского движения. Виктор Николаевич тогда закрыл лицо руками, чтобы сын не видел отцовских слез, и прошептал: «Мне стыдно, что я русский...»

Челищев-младший сейчас вдруг подумал, что Чарли Доусон тысячу раз прав, говоря о «русских крайностях», прав, намекая на то, что он, Челищев, словно, за соломинку, держится за свою псевдопатриархальную русскость. Да, он продолжает говорить дома на русском языке, ходить в русскую церковь, читать русские книги. Но что, по-настоящему связывает его с Россией, что будет связывать его сына, его внуков? Да разве это все не иллюзия, не глупая дворянская фанаберия: рисовать в альбомах

ветвистое генеалогическое древо, когда уже давно срублено под корень и выкорчевано само дерево русской истории?!

«Я ведь и сам давно и с удовольствием представляюсь на французский манер: Андрэ, – признался себе Челищев. – Так, где же мои русские принципы? Мне просто это нравится и нравится окружающим».

Челищев вдруг представил улыбающееся, пышущее наивным оптимизмом молодости лицо красавицы Линды из теленовостей. Подумал, что не прочь был бы снова увидеть ее. Сначала эта мысль показалась ему неприличной, но потом он подумал, что действительно было бы увлекательно – вести свою телепрограмму. Ведь за телевидением будущее. И потом, говорят, что работа перед камерой – это лучшее лекарство от надвигающейся старости. Он вспомнил, что завтра понедельник и можно будет позвонить в студию и договориться о встрече, просто о бизнес-встрече.

Челищев не заметил, как дошел по тропинке до вершины холма, куда еще достигали последние лучи заходящего солнца. Здесь, на поляне, приютилось старое сельское кладбище с могилами нескольких десятков местных жителей. Некоторых из них Челищев знал лично. Это были фермеры, виноделы, отставные моряки, переехавшие на пенсию с побережья. Андрею подумалось, что, пожалуй, хорошо бы когда-нибудь, через много лет, тоже упокоиться на этом холме, откуда открывается такой божественный вид и куда могли бы приходиться погрузить и поразмышлять о вечном его родные и друзья. Он с любопытством стал читать эпитафии и вдруг увидел в тени кипариса, на неприметном маленьком надгробии, высотой с пенек, надпись: Иван Иванович Иванов. Надпись была на русском. А ниже: помельче, в скобках – фамилия, имя и отчество уже на английском языке.

Челищев удивился, что не замечал раньше эту могилу своего соотечественника. А ведь у него глаз наметанный. Сколько он встречал таких русских могил повсюду: во Франции, Чехословакии, Югославии. А потом и здесь – в Америке. Некоторые на немецкий манер с «off» на конце, некоторые – со старорежимными «i» и «ячь». Но такой – трижды русский Иван ни разу не попадался ему. Наверняка Линда или Чарли ахнули бы от восторга, найдя такой «фантастический бренд». Но Челищев был далек от подобных восторгов. Ему даже показалось, что носить такую фамилию в эмиграции – было все

равно, что добровольно взваливать на плечи еще один крест, не боясь ни осуждения, ни жалости, ни насмешек.

На надгробии желтела маленькая овальная фотография. Чтобы лучше разглядеть ее, Андрей Викторович отодвинул ветку кипариса и присел на одно колено. На него в упор глянули дерзкие, бесстрашные, чуть раскосые глаза. Лицо покойного вряд ли можно было назвать правильным. Слишком по-азиатски жесткие скулы, слишком угловатые брови, слишком большой ястребиный нос. Годы жизни не были указаны, но, судя по снимку, сделанному в молодости, судя по черной зимней фуражке, которую носили офицеры-деникинцы, Иванов был его, Челищева, ровесником.

Андрей Викторович не мог отвести взгляда от лица, показавшегося ему вдруг хорошо знакомым, выхваченным памятью из бесконечного калейдоскопа людей и событий. Где же он встречал этого трижды Иванова? Может, на Перекопском валу, где после третьей за день рукопашной схватки Челищев уже потерял счет погибшим товарищам и не знал даже имен окружавших его, сбившихся в одном окопе людей? А может, в русском лагере в турецком Галлиполи, среди голодавших, больных, израненных, но не потерявших присутствие духа, солдат и офицеров корпуса Кутепова? Или может, в университете в Брно, где в гулких, высоких коридорах русская речь слышалась даже чаще чешской? Наконец, может, уже здесь, в Америке, на службе в кафедральном православном соборе Сан-Франциско? Челищев силился вспомнить, и ему казалось, что он вот-вот вспомнит, но изображение на фотографии уже стало тускнеть и размываться в сумерках.

Андрей Викторович поежился от вечерней сырости, встал, и, не оглядываясь, пошел вниз на свет родных окон. Он шел обратно к своему американскому дому, к своей американской семье, к своей привычной, налаженной американской жизни, где его ждали еще тысячи и тысячи дней, ждали тысячи больших и малых дел, ждали слава и успех.

...Сегодня имя Андрея Викторовича Челищева внесено в Зал винной славы Америки. Премию имени Андрэ Челищева «Винодел года» вручают на Международном конкурсе вин в Сан-Франциско. Кстати, Челищев был частым и желанным гостем в Белом доме. Не знаю, научился ли правильно выговаривать его странную русскую фамилию, например, Рональд Рейган, но судя,

по архивным фотографиям, он был один из многих поклонников вин, созданных Андреем Викторовичем.

Триумфом Челищева стала «слепая дегустация» калифорнийских и французских вин в Париже в 1976-м году. Тогда впервые (и не в последний раз) элитные вина Бордо и Бунгурдии уступили американским каберне и шардоне, представленным учениками Андрея Викторовича еще при жизни великого маэстро. В 2008 году Голливуд даже выпустил драму-комедию «Удар бутылкой» (*Bottle Shock*) по мотивам тех парижских событий.

А в 2010 году, спустя 16 лет после смерти Андрея Викторовича Челищева, его имя вернулось в Россию. Выставка под названием «Андрей Челищев – основатель современного виноделия Калифорнии» проходила в Москве, в Доме русского зарубежья. Одним из ее организаторов стал племянник маэстро – Виктор Викторович Челищев. Одним из спонсоров – тоже родственник мастера, президент винодельческой компании Quilceda Creek Vintners князь Алексей Голицын. А фрагменты нового фильма-биографии «Голос вина», представил внучатый племянник маэстро, известный нью-йоркский кинорежиссер и продюсер Марк Челищев.

Сегодня уже и московский профессиональный конкурс выдает награду имени Андрея Челищева «За вклад в продвижение и популяризацию винодельческой продукции в России». Хочется надеяться, что в недалеком будущем где-нибудь на Арбате, на месте, где стоял фамильный особняк Челищевых, найдется место хотя бы для мемориальной доски с именем волшебника вина.

А в долине Напа уже давно стоит памятник, поставленный великому виноделу. На нем фигура Челищева в полный рост с бокалом вина. Имя маэстро написано на французский, привычный ему самому манер, – Andre, а русская фамилия латинскими буквами: десять согласных и всего три гласные: Tchelistcheff. Запомнить эту трудную эмигрантскую фамилию, наверняка было непросто людям, не говорящим на русском языке. Но благодарные друзья, коллеги и ученики, как видите, ее не забыли. Давайте, будем помнить и мы с вами.

Лиана Алавердова
Нью-Йорк, США

Продажа российских сокровищ

Именно так называется книга, недавно выдержавшая второе издание. *Selling Russia's Treasures. The Soviet Trade in Nationalized Art 1917-1938.* New York, London: Abbeville Press Publishers, 2013. Редакторы – Наталья Семенова и Николай Ильин. Книга внушительная, тяжеленная, богато иллюстрированная.

Фундаментальный труд, написанный не только для специалистов. Без сомнения, авторы-составители проделали колоссальную работу, за что им низкий поклон и благодарность. Они явно идут против течения: отбеливания и замалчивания российской истории. Благородно, но нелегко. Тем временем приближается очередная годовщина Дня Победы, когда некоторые наши бывшие соотечественники привычно будут кучковаться с портретами своего кумира – Сталина.

Хорошо бы напомнить им еще об одном подвиге их идола – продаже национальных богатств России. Впрочем, он и тут шел вослед своему предшественнику – Ленину. Разграбление дворцов началось с первых же дней революции, сопровождаясь актами пьяного вандализма со стороны передовых отрядов солдат и матросни, которые не только бегали, «стреляя на ходу».

Дело было поставлено на широкую ногу. Организационные меры большевиков, как-то: учреждение Музейного отдела Наркомпроса, Гохрана, декреты, связанные с конфискацией имущества у церкви, аристократии, зажиточных слоев

населения, – логически привели к сливу ручейков экспроприации в государственный карман, который в свою очередь был нацелен на разбазаривание сокровищ. Так, экспертная комиссия 1919 г. во главе с Горьким требовала конфискации имущества эмигрантов и разрешения советским дельцам продавать на европейских рынках российские предметы искусства и культуры. Марию Андрееву советская власть направила в Берлин организовать продажу предметов старины.

«Венера перед зеркалом» Тициана

Конфискованное имущество первоначально перетекало в музеи, а затем изымалось и оттуда, несмотря на робкие протесты со стороны музейных работников, и отправлялось для продажи за границу. Если читателям доведется посетить Алмазный фонд в Кремле, пусть вспомнят, что из восемнадцати диадем и корон в нем осталось только четыре. Из 773-х уникальных ювелирных изделий, принадлежавших Дому Романовых, в России осталось 114. Судьба большинства распроданных ювелирных сокровищ неизвестна.

Из Предисловия: «Может ли быть правдой, что мы потеряли более 70 шедевров нового французского искусства Сезанна, Ренуара, Гогена, Матисса и Пикассо, приобретенных московскими коллекционерами, главным образом, Сергеем Щукиным и Иваном Морозовым? Факт невероятный, но документы говорят сами за себя. Вожди Советского Союза были мало озабочены судьбами своих граждан, которых они посылали сотнями тысяч в тюрьмы и лагеря. Не менее бесчувственны они были и по отношению к бесценным произведениям живописи и иконам, которые они распродавали тысячами». (Перевод Л.А.) Выясняется, что они буквально не останавливались и перед продажей людей. В 1930-1931 гг. родственники могли выкупить свободу членов своих семей, которые не успели эмигрировать. Интересная обратная пропорция: «чем менее пролетарским было происхождение, тем выше была цена».

Но все это бледнело перед настоящей катастрофой весной 1922 г. – оргией жестокости и воровства, получившей в советской историографии название «конфискация церковного имущества». В ходе этой кампании бесследно исчезли или были изувечены тысячи бесценных памятников старины. Конфискация церковного имущества проводилась с особой жестокостью, подстегиваемая кровожадными декретами Ленина, считавшего, что чем больше reactionеров погибнет в ходе этой операции, тем лучше, и что жестокие меры надо осуществлять быстро, когда есть оправдание – голод и разруха. Из изъятых икон и молитвенников выковыривались драгоценные камни, предметы старины по-варварски разрушались. Продажа церковного серебра 17-18 веков представляла проблему, так как на Западе на него не было спроса. Ну что ж? Серебро переплавили – и делов-то!

Ленин, Троцкий и К^о надеялись получить сотни миллионов или даже несколько миллиардов рублей от изъятого церковного имущества. В результате у них оказалась только тысячная доля от их расчетов.. Цифра вылилась в скромные 4 650 000 рублей. Миллион был истрачен на помощь голодающим, а остальные деньги – на кампанию по изъятию. Самое печальное, что западный рынок не был готов принять такое количество церковного добра. Русские иконы не были в столь высокой цене, как десятилетия спустя. Интерес к русским иконам как предметам искусства специально культивировался через выставки русских икон на Западе, которые стали устраивать в

конце 1930-х гг., но и после выставок особо ценных предложений по покупке русских икон не последовало.

Драгоценные камни продавались на вес, по бросовой цене, а ведь ради них разрушались предметы старины и поклонения. Интерес к русским иконам пытались подстегнуть через западных дипломатов и бизнесменов, работавших в 1930-е гг. в СССР. Советские власти продавали им иконы через организацию «Антиквариат» и Государственный музейный фонд. В то время, когда тиражировался лозунг, «искусство принадлежит народу» шла беззастенчивая торговля национальными сокровищами. Государство продавало не только оригиналы, опускаясь до подделки икон, каковые заказывало у соответствующих мастеров жанра.

Наивно было бы думать, что тридцатыми годами продажа российских сокровищ ограничилась. Государство торговало шедеврами и при Хрущеве, и после. В 1989 г. Министерство культуры СССР организовало продажу икон в Афинах. Продано было 300 икон, равно как и иные церковные принадлежности.

Теперь гобелены 18-го века из Павловского дворца украшают музей Гетти в Лос – Анжелесе, антикварные бронзовые сосуды из Петергофского дворца находятся в частной коллекции в Лондоне. Только из одного Павловского дворца в 1928-1932 гг. советские власти забрали половину картин (около 300), 290 предметов мебели и бронзы, 1168 обеденной утвари и посуды, 150 рисунков императрицы Марии Федоровны и ее домашних. Был разграблен Эрмитаж.

Проданы бюсты Вольтера и Дидро работы Гудона, скульптура Дианы работы Гудона. Диптих Лукаса Кранаха Старшего «Адам и Ева» перекочевал в Калифорнию, несколько картин Рембрандта украшают Вашингтонский музей, Тьеполо – в Мельбурне, Ватто – в Нью-Йорке, «Рождение Венеры» Николаса Пуссена – в филадельфийском музее... Франц Хальс, Ван Дейк, Рубенс, Веласкес, «Альба Мадонна» Рафаэля... «Поклонение волхвов» Боттичелли, «Венера перед зеркалом» Тициана, «Благовещение» Ван Эйка, «Распятие с Богородицей, Святым Иоанном, Святым Иеронимом и Святой Марией Магдалиной» Перуджино. Из сорока полотен Рембрандта Эрмитаж лишился двенадцати. Менее чем за пять лет экспортных операций в конце 1920-начале 1930-х гг. Эрмитаж утратил свыше 24 тыс. музейных экспонатов. Сочувствую вам, уставшим читать скорбный перечень, но продолжаю. Ну что ж, скажете вы, пусть

западное искусство утекло на Запад. Туда и дорога! Тем более, что выкупавшие картины западные коллекционеры в подавляющем большинстве случаев пожертвовали свои приобретения для музеев. А уникально российское, помимо икон? В 1931 г. было продано 166 уникальных изделий так называемого «скифского золота» из коллекций Эрмитажа. Воистину: *«Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, с раскосыми и жадными очами».*

А книги, редкие книги?! Их постигла жалкая и ужасная участь. Три тысячи томов Строгановской библиотеки ушли на Запад, были распроданы библиотеки из других дворцов и имений. Книги из библиотек Зимнего Дворца и имений великих князей были проданы за бесценок. Советские представители торговали редкими книгами, словно дикари, не понимая значения того, чем они торгуют. Французские издания 18-го века, которые, без сомнения, держала в руках Екатерина Великая. Свод законов царя Алексея Михайловича, проданный за 45 долларов американской Библиотеке Конгресса. Девять тысяч томов из императорской библиотеки и дворцов были проданы американской Библиотеке Конгресса.

Принадлежавшая Петербургской публичной библиотека копия Библии издания Гутенберга была безжалостно продана и ныне находится в Швейцарии. Библиотека в Петербурге владела Синайским кодексом, который представлял из себя самый ранний из известных науке текстов Евангелия. Англичане купили кодекс за 100 тыс. фунтов стерлингов. По прибытии покупателей встретила толпа, собравшаяся перед Британским музеем. Когда английский деятель антиквариата Морис Леон Эттингхаузен вышел из такси, держа книгу в руках, встречавшие его сняли шляпы.

Продажи шедевров происходили в обстановке секретности, чтобы не будоражить свой народ («Родину распродают!»), а отчасти чтобы избежать судебных исков от прежних владельцев, некоторые из которых спаслись на Западе от большевистского террора. Печально, но правда: торговля шедеврами не принесла желанного экономического эффекта для огромной страны с нищим населением, вовлеченным в трагический социальный эксперимент. Вред же для национальной культуры невозможно оценить ни в какой валюте.

Анастасия Антонова

Пермь, Россия

Пермские зарисовки

Уральская чародейка

Она бывает очень разная. Для пессимистов – хмурая и каменно-жесткая. Оптимисты же обязательно почувствуют в ней грустного романтика, увидят заботливую хозяйку. Кто-то не поймёт её сурового характера, а кто-то оценит ненавязчивое обаяние и влюбится в неё навсегда.

Она скромно привязывается к нам, и мы не можем остаться равнодушными. Она околдовывает, а мы поддаёмся. Сначала ругаем её, потом восхищаемся малахитовой уральской красотой. Всё грозится уехать, но почему-то остаётся. Ненавидим и любим одновременно. О ком это я? Знакомьтесь, Пермь.

Я живу в этом городе почти двадцать лет и, честно, до сих пор не знаю почему. Мне не нравятся угрюмые полуразрушенные дома, огромные заводы и серый дым из их труб, такое же серое небо...

Но есть в Перми несколько по-настоящему волшебных мест, которые меня зачаровывают и заставляют понимать и любить родной город. В этих местах я ощущаю другую сторону стальной индустриальной Перми.

Вы когда-нибудь ходили пешком от Художественной галереи до Речного вокзала? Это маршрут из настоящего в прошлое. Начальная точка – «Компрос» – гудит от шума. Здесь гуляют, целуются, ссорятся. Здесь проносятся тысячи машин в день. Жизнь большого города кипит.

Чем дальше уходишь отсюда, тем тише становится. Дорога сужается, многоэтажки сменяются изящными старинными особняками. Здесь редко встречаешь людей и ещё реже машины. За пятнадцать минут пути ты как будто переносишься века на два назад. Чем не машина времени? В этом месте я ощущаю себя по-другому: другие мысли, эмоции, чувства... Волшебство.

Когда мне нужно вдохновение, я прихожу в Сквер у театра оперы и балета. Если где-то и витает в воздухе творчество, то это точно здесь. Сам театр меня завораживает.

Могу остановиться перед ним и стоять некоторое время просто так, смотреть. Наверное, потому, что я очень люблю балет. Из-за этой любви меня привлекает здание хореографической академии. Смотришь в окна здания, и вот, кажется, видишь тени юных балерин. Тут же в ногах появляется лёгкость, а в голове – радость. Вот опять волшебство.

Мистику можно поискать на площади у театра «У Моста». Со мной там постоянно что-нибудь случается: то каблук сломаю, а то идея интересная придёт, не угадаешь. Около Дома Мешкова тоже чувствуешь себя странно. Особенно, если легенду местную знаешь. И тут снова волшебство...

Волшебным кажется сам вид города, когда ночью проезжаешь по мосту через Каму. Невероятная панорама, от которой оторваться никак невозможно!

Парки, скверы, старинные дома, музеи, театры, университеты, – те ниточки, которыми Пермь-чародейка привязывает к себе. Энергетика этих мест настолько сильна, что мысли о заброшенных домах, плохой экологии, бомжах, мусоре на время заволакиваются.

Это город противоречивый, неординарный, непонятный. Он яркий. За это я его люблю. Поэтому не уезжаю.

Пермь – столица юмора!

Как же богат наш город на интересные названия различных заведений! Вот уж не думала, что найду в Перми столько смешных, нелепых, а порой и абсурдных вывесок кафе, клубов, баров, магазинов... Не знаешь – то ли остановиться около них и посмеяться, то ли, повертев пальцем у виска, пройти мимо. Роскошная фантазия некоторых владельцев сих заведений не может не умилять. В процессе поиска «остроумных» вывесок, у меня возникала одна мысль, вернее, две: «Чем думал автор? И «Он точно думал?»

Начну, как и полагается, с «закуски» – продуктовых магазинов, столовых и кафе. Рассмешило название недавно открывшегося супермаркета «Позитифф». Сразу чувствуется, что владельцы магазина «в теме» модных тенденций Всемирной паутины. Хочется верить, что там можно встретить не только продвинутых блогеров, но качественную и вкусную еду. Совсем другие эмоции вызывает столовая «Бумажник». По-моему, комментарии излишни. Радует честность и прямота хозяев заведения.

Рассмешило название кафе «ЧАЙ ХАНА мир плова» (орфография и пунктуация авторов сохранены). Непонятно только, за что здесь невзлюбили чай?! Зато плов, видимо, в особом почёте.

Россия испокон веков славилась разнообразием ругательств.

Вот и в наше время владельцы кафе «Япона-матрёна» решили уважить традиции, соединив два разных древних бранных выражения в одно современное название. Что ж, по крайней мере, оно получилось ярким и запоминающимся.

Сложно не сунуть свой нос в харчевню «Длинный нос», ведь очевидно, что любопытные граждане там в особом почёте!

Порадовало название столовой «Сытый папа». Приятно, что про бедных отцов семейств не забывают! Сытый папа – благополучная семья, не правда ли? Такое вот истинно русское радушие и желание помочь продемонстрировали нам хозяева столовой.

Перекусили? Теперь можно и потанцевать! Благо, что выбор клубов у нас огромный. А вы бы где хотели сегодня побывать – в «Лесе», «Цирке» или «Молоке»? Нет, я не сошла с ума, я всего лишь перечислила известные в Перми клубы. Чувствуете наш русский дух авантюризма? Если же вам это покажется недостаточно смелым, милости прошу в развлекательный комплекс «Адам и Ева» или же в клуб «Розовый пеликан». Вот уж где простор для фантазии и творчества!

Только не перебарщивайте, иначе рискуете заползти в клуб «Дрова» или оказаться в баре «Шатун». А что поделать, ведь русские всегда любили погулять на широкую ногу, не думая о последствиях в виде, например, головной боли и «Мутного глаза» (тоже, кстати, название пермского бара) на следующее утро.

Любителям приключений (а таких ох как много среди наших соотечественников), дабы не попасть в «Засаду» (а это очередное странное название кафе-клуба), стоит воспользоваться развлекательным комплексом «Навигатор» или обратиться за помощью в клуб «911».

Не знаю, чем у гостей славится Пермь – медведями, морозами или арт-объектами...Для меня Пермь – столица юмора. А юмор, товарищи, наше всё.

Элеонора Мандалян

Лос-Анджелес, США

Илон Маск: империя будущего

Гении бывают разные. Вернее – разными бывают области деятельности, в которых они периодически возникают. Вообще-то лично мне куда более интересны гении из мира искусства, такие, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Паганини. Но Илон Маск – статья особая, беспрецедентная, можно сказать.

Илон Маск-инопланетянин

Об Илоне Маске сегодня знают даже неграмотные, настолько он у всех на слуху. Вне сомнений, этот человек – явление в сфере финансов, производственных новаций и деловой хватки, не только нутром чувствующий когда и куда вкладывать деньги, но и способный ради достижения поставленной цели прошибить лбом стену.

Невольно создается впечатление, что он – посланник или проводник каких-то Высших Сил, решивших, что настало время изменить весь наш мир, подняв его на качественно новую ступень. Иначе как объяснить, что все его начинания, даже самые невероятные, неизменно ведут к успеху, а все, кто пытаются ему помешать, как бы автоматически отменяются, проигрывая даже в судах. Подобные Илоны изредко возникают на благо человечества, обеспечивая ему скачкообразный прогресс в той или иной области. Но чтобы в таких масштабах..!

Уже тот факт, что этот удивительный человек умеет делать деньги, превращая нули в тысячи, тысячи в миллионы, а миллионы в миллиарды, говорит о его незаурядности. Ведь такое под силу далеко-далеко не каждому. А деньги ему нужны не для личного обогащения, а для реализации глобальных идей.

Техномиллиардер XXI века, как его называют, – фигура настолько яркая и значительная, что за каждым его шагом, каждым словом пристально следят миллионы людей во всем мире, веря, что именно ему суждено кардинально изменить мир. Да он его уже меняет. На наших глазах.

Наряду с идолопоклонничеством, превращением Маска в кумир и путеводную звезду рода людского, в интернете можно встретить и такие перлы сомнений: «Илон Маск: ублюдок или гений?», «Бизнес-гений или авантюрист?» «Гений или Бендер?» И прямо так, без вопроса: «Главный шарлатан XXI века». Авторы негатива считают, что все его новшества – сплошная фикция и пиар с одной единственной целью – как можно громче о себе заявить, чтобы «срубить побольше бабла».

Не выпускают Маска из поля зрения и крупные корпорации, учувявшие в нем угрозу своей стабильности. Воротилы автомобильной промышленности так и вовсе в растерянности. «Они не понимают этого Илона Маска, они его с самого начала не понимали, – пишет американский журналист Томас Фромм, иллюстрируя их сомнения. – Маск – гениальный представитель совершенно нового типа предпринимателей? Тот, кто убирает старых и становится на их место? Или все же шарлатан? Или сумасшедший? Они по праву опасаются, что 46-летний бизнесмен в один прекрасный день сметет их с рынка своими электромобилями – и неважно, насколько высоко или низко котируются акции Tesla. Уже сегодня Tesla задает тон в сфере электромобилей... Когда Маск нарушает не только правила автоиндустрии, но и переворачивает с ног на голову правила

всей промышленности, он становится непредсказуемым для конкурентов».

Быть может, потому, что конкуренты в сфере автоиндустрии – устаревающие люди с «бензином в крови», тогда как по жилам «сумасшедшего Маска» весело бежит электрический ток высочайшего напряжения.

Откуда он взялся?

Илон Маск, имеющий три гражданства (ЮАР, Канады и США), родился в 1971 году, в столице ЮАР, Претории, – одном из самых современных городов Южной Африки, но в глубокой «дыре» – с американо-европейской точки зрения. В семье было трое детей – старший Илон, средний – Кимбэл и их младшая сестра Тоска. И все трое сполна реализовались. Илон – миллиардер. Кимбал – миллионер (держит сеть ресторанов и образовательную программу The Kitchen Community; является третьим по величине акционером Tesla). Тоска – успешный продюсер, кинорежиссер, сценарист, актриса, имеет собственную кинокомпанию Musk Entertainment.

Их отец, Эррол Маск – англичанин, рожденный в ЮАР, имел свою собственную инженерно-консалтинговую практику и долю в бизнесе, связанном с добычей полезных ископаемых и природных ресурсов (изумрудов, в частности). О его достатке наглядно свидетельствовали яхта, несколько домов, штат чернокожей прислуги и чистопородные лошади. С детьми был строг и требователен настолько, что каждый из них жаждал как можно скорее покинуть семейное гнездо.

Мать, Мэй Маск, канадско-британского происхождения, бизнесвумен-диетолог и по совместительству востребованная супермодель. Ей уже 70, но она остается изысканной, аристократичной дамой, не скрывающей ни свой возраст, ни своих седин, потому как все это, вместе взятое, помогает ей удерживаться на уровне лучших моделей мира вот уже добрых полвека.

Впрочем, трем ее детям, с годами сделавшим супермодель бабушкой десяти внуков, слава матери вряд ли помогала. Прежде чем окончательно расстаться, родители долго и часто ссорились, превращая жизнь в семье в ад. В год их развода Илону было 9, брату 8, а сестренке 6. Понятно, что разъезжавшая по миру Мэй не могла им быть хорошей матерью, и дети перешли жить к отцу.

Никаких особых признаков гениальности Илон в детстве не выказывал. Разве что в три года озадачил отца неожиданным вопросом: «А где начинается и кончается мир?» Он не был коммуникабельным, не умел ладить со сверстниками, что создавало ему постоянные проблемы в школе. Домашняя обстановка тоже не способствовала умиротворению.

Возможно, поэтому он начал искать спасение в запойном чтении книг. А в 10 лет, узнав о существовании компьютера, упросил отца его ему купить, и сам, без посторонней помощи, освоил премудрости программирования настолько, что создал свою собственную компьютерную игру (BlastStar), которую продал за \$500 долларов. Полученные деньги 12-летний парнишка не проел, а вложил в акции, принесшие ему со временем несколько тысяч долларов. Вот вам и первые проблески уникальной смекалки.

Илон вырос на научной фантастике, грезя космосом. Для реализации заложенной в нем (так и хочется сказать «свыше») программы ему нужны были деньги, и немалые, и соответствующее поле деятельности. Америка была его второй, после космоса, мечтой. Деньги набирались в несколько этапов, каждый из которых походил на марш-бросок. До Америки он тоже добирался поэтапно. Весьма кстати у матери сохранилось канадское гражданство. Так что для Илона и его брата Кимбала попасть в США оказалось проще через Канаду, тем более, что где-то там жил брат их деда. Двоюродного дедушку они так и не нашли, пришлось барахтаться самим, на первых порах берясь за любую работу.

В поверхностных биографических сведениях об Илоне Маске обычно сообщается, что он «недоучка». Это не совсем так. Высших учебных заведений у Илона было несколько. Первое – по необходимости, еще в ЮАР. Чтобы не забрали в африканскую армию (на фоне апартеида), он поступил в университет Претории (UP), на факультет физики и машиностроения, проучился с полгода, и как только появилась возможность уехать из страны, учебу бросил.

Мэй Маск, мать Илона

По-настоящему Илон занялся своим образованием уже в Канаде, поступив в одно из самых престижных учебных заведений мирового масштаба – в Королевский Университет Кингстона (Queen's University at Kingston), в Онтарио, где изучал бизнес и технологии. А два года спустя, получив грант, перевелся в частный Университет штата Пенсильвания (University of Pennsylvania), входящий в элитную Лигу плюща, и таким образом оказался, наконец, в Соединенных Штатах. Там и получил два диплома бакалавра – по физике и по экономике. Продолжил учебу уже в Калифорнии, в Стэнфордском университете. Но вот магистратуру действительно не закончил – ушел в предпринимательство, в Силиконовую долину.

Вместе с братом он основал свою первую компанию Zip, разработавшую электронное программное обеспечение-справочник. То были трудные для обоих времена. Отец перечислил им \$ 8 тысяч на развитие бизнеса. Братья сняли помещение под офис и некоторое время жили в нем. Дело успешно развивалось, появились компаньоны-инвесторы, и пару лет спустя они продали компанию за \$308 миллионов. Доля Илона составила 2\$ миллиона, то есть он стал миллионером в 27 лет.

Илон и Кимбэл открыли новое дело – компанию X.com, специализировавшуюся на предоставлении платных услуг в

интернете. На базе этой компании развилась ныне широко известная PayPal (дебетовая платёжная система Интернета), став международным лидером. Сегодня PayPal обслуживает 202 страны, имеет свыше 200 миллионов зарегистрированных пользователей, оперируя 52 национальными валютами. В 2002-м eBay поглотила PayPal, заплатив за нее 1,5 миллиарда долларов. Доля Маска составила 175 миллионов.

Космический бизнесмен

Его актив достиг, наконец, уровня, необходимого для реализации с детства вынашиваемой мечты – выхода в космос, и дальше на вожделенный Марс. «Я был очарован перспективой колонизации Марса и стал учредителем проекта Mars Oasis. – вспоминает Илон. – Моя цель – создать на этой планете автоматизированные парники, которые в перспективе могли бы стать основой для самоподдерживающейся экосистемы. И все было бы хорошо, если бы не запредельность расходов».

Илон решил попробовать купить в России советскую списанную ракету баллистического типа, а если повезет, то сразу три. Он дважды летал в Москву на переговоры с соответствующими людьми, второй раз даже прихватив с собой – для солидности – специалиста из NASA. Для начала он планировал запустить на Марс подопытных земных грызунов и семена растений.

Российский номер не прошел. Не потому, что не продали, а потому, что покупка оказалась не по карману. «Тогда-то я и подумал: стоп, а почему бы мне не создать свою собственную ракету?» И на вырученные от интернетовских операций деньги он основал в 2002 году первую в мире частную космическую компанию – Space Exploration Technologies (коротко – SpaceX), разместив ее в арендованном ангаре, площадью 7000 кв. м. Начинаящий космический бизнесмен пообещал себе и всему миру, что сумеет десятикратно сократить затраты на космические полеты. А для этого ему нужно было «всего-то» сконструировать и построить многоразовые (то есть возвращаемые из полета) ракеты-носители.

Маск вложил в SpaceX более \$100 миллионов личных средств, но мало кто тогда верил, что частная компания сможет конкурировать с государственными космическими программами.

Особый, многогранный талант этого человека проявляется в умении не только делать деньги, но и подбирать стоящих людей

для формируемой им команды. Одним таким «стоящим человеком» стал Том Мюллер, молодой, но опытный инженер-ракетчик. В свободное от работы время он увлеченно конструировал в своем гараже двигатели для ракет и запускал их в пустыне Мохаве. Раз от раза «игрушки» Мюллера увеличивались в размерах. Последняя, весом 35 килограмм, стала самым большим в мире любительским жидкостно-реактивным двигателем.

Такая мальчишеская одержимость как нельзя лучше соответствовала характеру самого Илона. Собрав необходимую информацию об увлечениях ракетчика-изобретателя, Илон заглянул к нему в гараж. Окинув беглым взглядом его творение, он этак буднично спросил: «А что-нибудь покрупнее сделать сможешь?» С того все и началось. Но есть одно «но». До этой судьбоносной встречи Том Мюллер работал в калифорнийской аэрокосмической компании TRW. Переметнувшись к Маску, он увел за собой целую группу талантливых специалистов. А следовательно, вместе с ними компания Маска задаром получила передовые и наверняка секретные технологии TRW. Имея на руках патенты, хозяева TRW пытались судиться со SpaceX, но так ничего и не сумели доказать.

Том Мюллер и поныне технический директор SpaceX, отвечающий за разработку всех двигателей компании. А построенный им уже для SpaceX двигатель Merlin стал первым за последние 40 лет и наиболее эффективным углеводородным двигателем, разработанным в США.

Первым детищем компании стала двухступенчатая ракета-носитель легкого класса Falcon 1 («Сокол»). Илон назвал ее так в честь космического аппарата из любимого им с детства фантастического фильма «Star Wars». Пять раз Falcon 1 запускалась в космос. Первые три попытки оказались неудачными – ракеты разрушались или сгорали. Известно, что не ошибается тот, кто ничего не делает. А первопроходцем быть всегда сложно. Илон не унывал и не складывал руки. С четвертой попытки, которая в случае еще одного провала грозила стать последней, затея удалась. В 2009-м Falcon 1, первая частная жидкотопливная ракета Маска и Мюллера, вышла на околоземную орбиту, доставив груз на МКС.

Однако практика показала, что грузоподъемность ракеты такого класса недостаточна, и на смену Falcon 1 пришел Falcon 9, а вместе с ним и выход компании на международный,

всемирный уровень «коммерческого освоения космоса». Falcon 9 не просто намного мощнее своей предшественницы, ее девять двигателей, как утверждает

Маск, обеспечивают ракете надежную, взаимозаменяемую подстраховку. Теперь уже у SpaceX нет недостатка в заказчиках на грузовую космическую перевозку. Первым среди них стала британская компания Avanti Communications. За семь последовавших лет SpaceX произвела 38 запусков, из них только два неудачных.

Илону Маску удалось убедить NASA, что сотрудничать с ним правительству США выгоднее, чем зависеть от российских «Союзов». В 2008 году NASA подписало со SpaceX сенсационный контракт на \$ 2,6 миллиарда. Как известно, проект «Шаттлов», от Боинга и Локхеда, трудившихся 30 лет, в 2011-м был закрыт. Его-то и заменил разработанный SpaceX, по заказу NASA, ракета-носитель Falcon 9 и беспилотный грузовой «челнок» многоразового использования Dragon, запускаемый к МКС. С 2012 года он является единственным в мире. За 7 лет SpaceX осуществил 12 рейсов к МКС.

Не обманул Маск и с многоразовым использованием ракет-носителей. 13 раз первые ступени Falcon 9 возвращались на Землю. Один раз, совершив посадку в океане, на автоматическую плавучую платформу ASDS.

Специалисты, связанные с космическими проектами, утверждали, что повторное, и уж тем более многоразовое использование ракеты-носителя, невозможно, поскольку при запуске, в огненном аду, она полностью выходит из строя и восстановлению не подлежит. Но Маск добился своего, на практике доказав обратное, благодаря чему, как он и обещал, цены на космические грузовые и коммерческие перевозки резко снизились.

– Гравитация Земли достаточно велика, у нее очень сильное притяжение, – объясняет Маск. – Создать ракеты многоразового использования гораздо сложнее, чем строить самолёты. Именно по этой причине на данный момент не было создано ракеты, которую можно было бы полностью использовать повторно. Но с применением передовых материалов, передовой техники, и с правильным подходом, я уверен, что можно будет эту проблему решить. Если бы притяжение Земли оказалось хотя бы на 10 процентов сильнее, это было бы вообще невозможно.

Не могу не рассказать одну недавнюю историю, связанную с Falcons Маска. Перед самым Рождеством, декабря, внимание калифорнийцев приковало настоящее «светопредставление», внезапно возникшее в закатном небе. Светящееся нежно голубым ореолом нечто с замысловато закрученным длинным хвостом медленно плыло параллельно земле. Люди во все глаза смотрели на него, кто с любопытством, кто со страхом, гадая, что бы это могло значить. Его снимали на смартфоны, айфоны, видео- и кинокамеры, о нем спешили сообщить друг другу по телефону, обменивались картинками, выкладывали их в сети. Делались самые невероятные предположения, например, – что на Землю прибыл инопланетный корабль и что-то непредсказуемое и опасное вот-вот начнет происходить. Мы с мужем наблюдали это таинственное явление с крыльца нашего дома. И тоже успели заснять, как оно начало деформироваться и растворяться в сгущавшейся темноте.

На следующий день в интернете появилась информация, что это был пробный запуск ракеты Falcon 9, компании SpaceX, с полигона Ванденберг в районе Санта-Барбары. Что-то не очень и верится. Ведь при запуске ракета уходит вертикально вверх, тогда как странная конфигурация, похожая на гигантский призрачный дирижабль с острым носом и светящимся глазом внутри, медленно плыла параллельно земле. Даже если запуск не удался и ракета сгорела в атмосфере, что-то тут не стыкуется.

На видеоролике запечатлен весь процесс с момента запуска, который мы, в частности, не видели. Но и на нем происходящее в конце выглядит довольно странно, почти мистически: <https://www.youtube.com/watch?v=zdpT9Gk8yLg>

Третьим поколением «соколиного семейства» Маска стала Falcon Heavy, над созданием которой лучшие умы компании бились долгие семь лет. Как сообщалось на сайте SpaceX, 70-метровая Falcon Heavy – самая большая и самая мощная эксплуатационная ракета-носитель сверхтяжелого класса из всех когда-либо созданных. Ее планируют использовать не только для доставки грузов на околоземную орбиту, но и для дальнейшего освоения Солнечной системы. Тяга ее двигателей на старте эквивалентна тяге 18 самолетов Boeing 747 при взлете. Она способна доставлять на орбиту более 54 тонн полезного груза и до 18 тонн – на Марс, включая экипаж.

«Тяжелый Сокол» долго не давался команде Маска – запуск неоднократно откладывался, сроки то и дело сдвигались. Наконец, 8 января, после долгих проволочек, Falcon Heavy, официально запущенная с мыса Канаверал, должна была вывести на околоземную орбиту правительственный разведывательный спутник Zuma. Многоцветная первая ступень ракеты-носителя успешно вернулась на Землю. Однако засекреченный аппарат Zuma не смог отделиться от второй ступени, не вышел на расчетную орбиту и считался утерянным, пока не выяснилось, что он упал в океан. Специалисты считают, что подобные срывы в таких грандиозных начинаниях вполне закономерны.

Красный автомобиль для Красной планеты

Накануне своего рождественского сюрприза калифорнийцам, Илон-фантазер хвастался в Твиттере, что отправит в гости к Марсу своего личного любимого Tesla Roadster – «Красный автомобиль для Красной планеты», добавив, что это будет «самая глупая затея, которую только можно вообразить». Но все же популярно объяснил: «В рамках тестовых запусков новых ракет обычно, в качестве имитации полезной нагрузки, используется бетон или стальные блоки. Нам это показалось скучным... Поэтому мы решили сделать кое-что необычное, что заставит нас гордиться».

Чтобы подтвердить истинность своих намерений, Илон выложил в Instagram фотографии и видео, на которых его вишневый спорткар действительно красуется в центре собираемого модуля на специальном постаменте. Понятно, что очередное мальчишество Илона вызвано вполне объективными обстоятельствами. Запуск планировался как тестовый, для проверки двигателей, с бесполезным, пробным грузом, причем ракета отправлялась практически в никуда.

Демонстрируя полную открытость, Маск признавался, что его очень волнует, как пройдет запуск Falcon Heavy, и что он не исключает неудачу – «вероятность победы, как в покере» (а точнее – 50-70%). Ведь одновременно должны заработать все 7 двигателей, то есть в три раза больше, чем на Falcon 9.

Во вторник 6 февраля (то есть в тот день, когда я об этом пишу), запуск Falcon Heavy с Tesla Roadster на борту благополучно осуществился, хоть и с опозданием на два с четвертью часа от объявленного времени – из-за сильных

высоких ветров. Чтобы увидеть своими глазами это впечатляющее зрелище, на «космическом побережье» Флориды собралось огромное количество людей. Все близлежащие дороги и пляжи были заполнены туристами и местными жителями. На лучшие места в космическом центре Кеннеди, откуда взлетали в свое время корабли «Аполлон», продавались билеты (за \$195). Как водится, запуск сопровождался оглушительным ревом, эффектными клубами дыма и рвущимся во все стороны пламенем.

Спустя 2,5 минуты после того, как ракета-носитель взмыла ввысь, две ее ступени отделились, перевернулись, перезапустили по три двигателя и с дополнительным ревом (вызванным резким замедлением движения) возвратились к месту старта. Они мягко приземлились на приготовленные для них площадки – вертикально, хвостами вниз, выбросив по четыре опорные ноги, и послушно встали рядком.

Третья ступень еще секунд 30 продолжала выстреливать огнем, затем тоже отделилась и совершила, как было запланировано, посадку на автоматическую платформу ASDS, плававшую в нескольких сотнях миль к востоку от мыса Канаверал.

Маск-таки осуществил свою очередную безумную затею – запустил в космос собственный электрокар с манекеном на месте водителя, облаченным в скафандр компании SpaceX и с включенной песенкой «Space Oddity» («Космическая странность») Дэвида Боуи. Он отправится по эллиптической орбите вокруг Солнца, пройдя мимо Марса. «Мне нравится думать, что моя машина затеряется в глубинах бескрайнего космического пространства и когда-нибудь, возможно миллионы лет спустя, будет обнаружена представителями иных цивилизаций», – удовлетворенно улыбается Илон.

К концу нынешнего года он планирует запуск Dragon V2. В отличие от своих предшественников, новый космический корабль будет пилотируемым и коммерческим – с семью пассажирами на борту. А для красной планеты готовится «Красный Дракон» (Red Dragon)...

Илон Маск – марсианин (!?)

Одна из последних идей Илона – использование космических ракет SpaceX в качестве воздушного земного транспорта. На

Международном конгрессе астронавтики в Австралии Маск заявил, что для него не проблема за час доставить пассажира в любую точку Земли, по стоимости авиабилета, и представил проект и расчеты многоразовой пассажирской ракеты BFR (Big Falcon Rocket), способной перебрасывать людей на Марс, а в промежутках между космическими полетами работать околоземным пассажирским «такси».

– Это же безумие строить для каждого полета невероятно сложную ракету, чтобы она потом сгорала или превращалась в груды обломков, – говорит он. – Это все равно что каждый раз для авиaperелета строить новый самолет. Так мы никогда не сделаем космос коммерчески выгодным.

Маск считает, что охват жизнью нескольких планет защитит человечество от угрозы исчезновения и предлагает начать с Марса. Как он представляет себе его колонизацию? Для этого, говорит предприниматель-фантазер, нужно устроить ядерные взрывы на полюсах Марса, которые растопят ледяные шапки и разогреют его атмосферу, сделав планету пригодной для жизни. А пока первые переселенцы с Земли должны жить под куполом. Он обещает доставлять людей на Марс за 80 дней.

Он хочет в самом ближайшем будущем (лет этак через десять) отправить на Марс тысячи землян. Его не пугает и не останавливает, что доберутся и приживутся на мертвой безвоздушной планете далеко не все и что никто из марсианской колонии не вернется обратно.

Такова цена эксперимента и удел первопроходца, хладнокровно отмечает он, без ложной жалости не только к «сопланетникам», но и к себе самому. Ведь он давно уже задумал стать одним из переселенцев и закончить свой жизненный путь на Марсе, ради чего «готов принести в жертву все свои остальные проекты». А поскольку это удовольствие слишком дорогое, он хочет подзаработать на его осуществление пассажирскими перевозками на сверхдальних земных маршрутах. Ведь SpaceX уже начала отодвигать на неопределенное время сроки марсианской экспансии, признав, что недоценила затраты и сложности технологий.

У многих фанатов Маска создалось впечатление, что все, что делает этот удивительный человек, все его грандиозные проекты и впрямь имеют одну цель – добраться до Марса. Такая одержимость вызвала рой домыслов о том, кто он на самом деле. Иные уже не сомневаются, что Илон Маск – марсианин, случайно

или намеренно оказавшийся на Земле без «транспортных космических средств», и что он делает все возможное, чтобы создать для себя эти средства и «вернуться обратно». (Не зря, видно, его имя так близко по звучанию с красной планетой.) А попутно реализует марсианские технологии, до которых сами люди еще не додумались.

Илон иногда эти абсурдные догадки отрицает, а иногда сам их распространяет, играет ими, будто дразнится, подогревая к себе интерес через свою страницу в Твиттере. Под Рождество он рассылал по электронной почте письмо такого содержания:

«Земляне считают года по оборотам этой планеты вокруг Солнца. Но у меня иные взаимоотношения со временем, и это не только потому, что я марсианин. (Не беспокойтесь. Шучу. Наверное...) Но даже я не могу отрицать, что все движется вперед, и сейчас я вам расскажу о наших семейных достижениях (для удобства буду пользоваться земными годами)...»

Когда его спросили, какое у него любимое животное, он ответил: Зверожук с планеты Трааль.

На Всемирной встрече на высшем уровне правительства в Дубае, Илон опроверг истинность им же самим распространяемых слухов, тем самым только заинтриговав слушателей. Поскольку не признать – еще не значит не быть:

– Некоторые думают, что я пришелец. Нет, я не инопланетянин.

Фантазеры, поверившие в приколы Илона в Твиттере по поводу его марсианского происхождения, находят для себя целый ряд признаков, подтверждающих истинность данной версии. Он создает космический интернет, говорят они, и строит гигантскую «Гигафабрику», производящую супермощные солнечные батареи, и все это нужно только ему одному – для общения со своими инопланетными соотечественниками. А его подземные многоуровневые тоннели! Да это же прямая указка на память жизни на Марсе, когда марсианская цивилизация, из-за улетучившейся атмосферы, вынужденно переселилась в недра планеты.

Илон Маск не ограничивается чем-то одним, прекрасно управляясь сразу с несколькими компаниями, которые у него к тому же еще и взаимодействуют между собой. Полным ходом раскручивая свое гигантское космическое предприятие, он вдруг загорелся идеей создания экологически чистых электромобилей. Справедливости ради стоит напомнить, что сам Маск не

является автором идеи и основателем компании Tesla. В 2003 году, прослышав о том, что два бизнес-партнера из Северной Калифорнии, Мартин Эберхард и Марк Тарпеннинг, пытаются запустить такой проект, он, не задумываясь, вложил в него \$7 млн, потом \$1 млн и еще \$55 млн.

Самих же разработчиков, а потом и совладельцев компании, с которыми у него постоянно возникали разногласия из-за невыполнения сроков поставок, Маск спустя некоторое время уволил, назначив себя генеральным директором. Эберхард и Тарпеннинг подали на него в суд за клевету и нарушение условий контракта, но процесс (как всегда случается с Маском) проиграла...

Илон Маск – «угроза для России»

Со своей неумолимой страстью менять и подчинять себе устоявшиеся каноны мира техники, энергии и электроники, Маск слишком многим производителям перешел дорогу, вывел из состояния равновесия, а то и разорил. Понятно, что эти «многие» испытывают к нему далеко не дружеские чувства. В России, например, о Маске заговорили, как о «бельме на глазу», как об «экономической угрозе для всей страны».

В интернете можно встретить такие сентенции: «Идеи одного американца, как ни обидно, значат для человечества больше, чем все изыскания членов Российской академии наук вместе взятые», или: «Главный враг России не американский президент, а американский инженер и бизнесмен Илон Маск, подписавший российской космической отрасли «смертный приговор».

Утопическую идею Маска сделать ракеты общественным воздушным транспортом весьма аргументированно раскритиковали российские ученые, в частности, член-корреспондент Российской академии космонавтики имени Циолковского (РАКЦ), Андрей Ионин, доказавший, что эта затея бесперспективна и абсурдна по целому ряду параметров.

Другой российский академик РАКЦ, Александр Железняков, относит планы американского предпринимателя-миллиардера по колонизации Марса к разряду фантастики. «Мировая практика показывает, – говорит он, – что реализация столь масштабных проектов может занять не одну сотню лет».

«Постояв на краю пропасти, Маск осуществил, пожалуй, самую масштабную предпринимательскую кампанию в истории, – пишет вышеупомянутый Эшли Вэнс. – Компании Маска уже изменили мир высоких технологий... Благодаря своим инновациям в области транспорта, энергетики и освоения космоса Маск открыл новую индустриальную эпоху. Мало кто из нас согласился бы вести такой образ жизни, как он, или иметь дело с таким уровнем риска. Но именно благодаря своему умению всегда балансировать на грани возможного, он добился столь многого».

Можно не сомневаться, что Илон Маск на века войдет в историю как легенда XXI века. Его биографию и все его «сверхзвуковые» достижения, наверняка, будут изучать в школах и университетах.

Полный вариант статьи см. на сайте журнала «Чайка»:
<https://www.chayka.org/node/8703>

Лазарь Фрейдгейм
Калифорния, США

Питиё на земле российской

Как уж повелось на земле российской в многих поколениях, что горе и радость неотъемлемы от наполненной рюмки, бокала, стакана или кружки. Корни истории питания на Руси уходят в глубокую старину. «Веселие Руси есть питание, без питания Руси не быти», – писал в «Повести временных лет» летописец Нестор,

приписывая эти слова киевскому князю Владимиру (980-1015) – тому самому, которому вдруг у врат Кремля через тысячу лет поставили памятник (вероятно, медленно он ехал от берега Днепра). Символично, что один из хмельных напитков в древней Руси назывался сикера – от названия боевого топора – секиры: «то, что способно отсечь голову от тулова».

По сведениям В. Похлёбкина, производство водки в России в массовых количествах началось с середины XV в., а уже в начале XVI в. имеются сведения о продаже водки из России в соседнюю Швецию, где она впервые стала известна от русских. С XVIII века в Москве наблюдается расцвет питейных заведений, появляются трактиры, фартины, кабаки, герберги, ресторации, ренсковые погреба...

Благодаря «Питейному уставу», изданному Иваном Грозным, в России во всех питейных домах впервые появились «заорленные», то есть стандартизованные питейные меры: ведро, осьмуха, полуосьмуха, стопа и кружка. В старорусских мерах и в посуде, используемой для питья, заложен один и тот же принцип – квартальное, или четверичное, соотношение объемов (1:2:4:8:16). В питейных заведениях России в XVI-XVIII веков этому примерно соответствовал ряд: ведро – полведра – осьмуха – штоф – бутылка – стакан – чарка – шкалик. Объёму чарки близок прилипший к просторечному языку мерзавчик – маленькая бутылка водки вместимостью в $\frac{1}{8}$ л (примерно $\frac{1}{2}$ стакана).

Без водки дел не делают

Ребята на Руси,

– писал забытый поэт Сергей Печорин в «Кому Питережить хорошо» в 1902 году. Куда без питья – крепкого иль не очень – в российских землях?! «На почве русской еда становится закуской», – цитирует Владимира Любарова журнал «Гастрономъ». Не выпадая из этого ряда, звучит название сегодняшней песни С. Шнурова «Питеру – пить».

Монтескье писал, что трудно дать предмету новое название, чтобы не изменить его сущность. С другой стороны: сущность порождает название, иногда серьезное, иногда иносказательное, игривое или шуточное. Хорошее настроение и горячность напитков позволяют справиться с этими трудностями. Об этом говорят многие примеры. Одной из основ для этих примеров являются коллекции винных этикеток – плод

преобразования склонности к напиткам в интерес к коллекционированию.

Все люди, от мала до велика, подвержены этой, по преимуществу, светлой бацилле. С молодых ногтей – какие-нибудь фантики, цветные пуговики, обертки от жевательной резинки. Как сказал американский философ и остро слов Уильям Лайон Фелпс: «Один из секретов жизни состоит в том, чтобы не дать угаснуть огню нашей любознательности».

Коллекционирование дало множество видов этой болезни не безразличных людей. Вот случайный перечень часто встречающихся видов: бонистика, иконография, эмблематика, геральдика, нумизматика, филателия, виттафилия, филумения, филотаймия, конхиофия, дискофилия, металлостемпика, библиофилия, тессеристика, стилофилия, филокартия, медальерика, кофрокартия, конхиофилия, филокалендаристика, фалеристика, библиофильство, кораллофилия, бирофилия... Список длинный, но далеко не полный. Впрочем, вы не погрешите против истины, если в простейшем варианте к названию любого предмета (особенно в латинском или греческом звучании) прибавите в начале «фило-» или в конце «-филия» и создадите новый вариант коллекционирования, который через некоторое время вполне успешно может покорить мир.

Коллекционирование бутылочных наклеек и, в частности, интересующих нас винных этикеток, частый предмет, я бы сказал, бытового коллекционирования. Может быть поэтому этот вид собирательства только недавно получил ставшее распространённым название. Винографолия – коллекционирование винных этикеток и печатной продукции с информацией о винной продукции. Некоторые любители называют собирание винных этикеток эфилабелофилией. За коллекционированием пивных этикеток закрепилось труднопроизносимое название кервалабелофилия. И все это – частные случаи промграфофии – коллекционирования произведений прикладной графики малых форм (этикетки, фантики и различная упаковка).

Одной из особенностей различных видов промграфофии является, как правило, любительский подход. Начало кладёт случайный домашний компонент: несколько пачек от сигарет, десяток этикеток от выпитых вин... Человек начинает потихоньку их собирать, не задумываясь о том, что этот вид

коллекционирования станет не менее завлекательным, чем, например, нумизматика или филателия. Постепенно горизонт расширяется, возникает интерес и азарт. Десятки, сотни, тысячи этикеток... Житель Курска Николай Борисов может показать друзьям самое большое собрание водочных этикеток разных лет. Их у Борисова – 40 тысяч экземпляров. Даже трудно себе представить, что шпалерное – одна к одной – размещение такого количества этикеток займёт более 350 квадратных метров, а вес этой коллекции составляет, вероятно, более пуда. Конечно, такое механистическое представление размера коллекции ни в какой степени не отражает таящихся в ней особенностей. В другой коллекции Б. Слепиковского более 15 тысяч экспонатов. Эта коллекция включила собрание другого (ныне покойного) петербургского коллекционера И. А. Гущина, одного из первых в стране собирателей винных этикеток. Завидное этикетоманство!

Коллекционирование бутылочных наклеек является до некоторой степени отражением симбиоза жизни и питья. В этом тексте не ставится задача демонстрации множества этикеток, а сделана попытка подобрать словесные оценки – исторические и бытовые – того, что скрывается за красивыми этикетками. Своего рода коллекция мнений и ассоциаций. В духе определения возникшего ныне брендреализма (термин введён С. Шнуровым) истинная реальность замещается реальностью, созданной потребителем питья (порой подвыпившим). Современное общество поклоняется торговым брендам, находит в них отдушину. Самовыражение происходит через «приверженность» (положительную или негативную) к марке. Картина совсем не всегда в розовых и привлекательных тонах. Тем более, что речь пойдёт не о коллекционных винах с заоблачными ценами, а о самых обычных, порой и наиболее дешёвых напитках, и о сочных народных определениях, связанных с особенностями напитков и их названиями, а также чертами времени появления таких напитков.

Мы не можем услышать веселую, под градусом, беседу, мы можем услышать отклики остроловов (разной степени остроты восприятия). Это не салон Анны Шерер в доме Волконских на московской Тверской; это не дипломатический раут, где наличие в руках бокала с напитком является формой общения. Это будничные междусобойчики, где все участники поровну разливают ещё недопитое питьё по гранёным стаканам. Особый

шик такой процедуры – розлив «по булькам», т.е. не глядя, по звуку, но точно поровну. Признаком окончания посиделок является рой пустых бутылок или отключающееся сознание и заплетающиеся языки.

Будьте осторожны в ощущении себя выше таких застолий. Это могла быть компания работяг, но это могла быть компания университетской молодёжи. Это могли быть литераторы круга В. Аксенова, молодёжная поэтическая элита вокруг несравненной Беллы Ахмадулиной или музыканты с А. Макаревичем... Но можно представить себе компанию, для которой органично содержание моего текста, опустошающую бутылки в тихом уголке сквера прямо «из горла» или из стаканов, позаимствованных из уличных автоматов газированной воды. В каждой такой компании витал особый дух единения и братства, правда, порой заканчивавшийся шумными потасовками. Агрессивность проявлялась сиюминутно, к утру торжествовала дружба.

Я сознаю, что как-то не модно писать специально о питье и некоторой поэтике этого занятия. Но традиции семейных событий и праздников накрепко связывают память и быт с этим «злом»: Хотя «Минздрав РФ предупреждает»...

Заметим, что в наш не мягкий век сооружения памятников Ивану Грозному и прославления опричнины, почему-то совсем забыт старый воспитательный приём борьбы с пьянством. Непременным атрибутом каждого кружечного двора XVII века являлся небольшой деревянный клин с тесемками, который особо буйным пьяницам – «ревунам» – вставляли в рот, завязывая тесемки на затылке. Помогало...

Я думаю, что есть определённая прелесть в субъективности вкусовых (как восприятия, так и прямолинейно органолептических) оценок. Это приближает оценки к жизни и быту, а также дает простор эмоциональному восприятию. Отвлекаясь от прославления или осуждения обычаев и традиций, остановимся на проникновении этих привычек в разнообразные стороны быта и существования, в частности в образность языка. Я бы сказал, что совсем не классического или поэтического, а такого – бытового, собутыльного. Но ярко – до афористичности...

В вино-водочных фантазиях проявляется этакая «удаль молодецкая», созвучная частушкам и озорному веселью. С улыбкой прочтем:

Нашу волю не сломить —
Пили, пьем и будем пить!

Или

H₂O – девиз не наш!

Наш – C₂H₅OH!

В другое время переносят строки Александра Галича
И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку,
И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку,
Она выпила «Дюрсо», а я «Перцовую»
За советскую семью, образцовую!

Так уж повелось в советское время, что то ли из-за инфляции, то ли из-за борьбы с алкоголизмом, но водка постоянно дорожала. Это, естественно, отзывалось анекдотами. Один из них:

Учитель спрашивает:

- Дети что будет после съезда партии?
- Водка подорожает!
- Вовочка, почему?
- А мой папа говорит, что у нас как что произойдет, так потом сразу водка дорожает!

В рубленной фразе особая ипостась социалистической действительности – монотонный (тонный, весомый!) рост цен, упрятанный в оптимистическую обёртку:

Товарищ, верь! Придёт она -

На водку старая цена!

Но не случилось...

История послеоктябрьской водки началась в декабре 1924 года, когда спустя 10 лет после введения сухого закона в России вновь появилась казённая водка. В магазинах стали продавать 30-градусный напиток, прозванный в народе «рыковка» по фамилии председателя Совнаркома А. Рыкова.

Сочные комментарии по этому поводу можно найти в дневниках М. Булгакова. В канун Нового, 1925 года, он записывает: «Водку называют «рыковка» и «полурыковка». Полурыковка потому, что она в 30°, а сам Рыков (горький пьяница) пьет в 60°». Вскоре, уже в первые январские дни, появляются новые записи:

«Новые анекдоты: «Если бы к «рыковке» добавить «семашковки», то получилась бы хорошая «совнаркомовка».

В то время спирт в определённых кругах называли «семашковкой – по имени наркома здравоохранения Н.

Семашко, так как в период сухого закона этот «многофункциональный» продукт находился в ведении наркомата Семашко.

Отметим, что поскольку здесь идёт речь преимущественно об относительно давних временах, мы указываем крепость напитков в градусах, хотя сейчас используется эквивалентное обозначение в объёмных процентах.

Занимательная водочная легенда связана с успешным окончанием экспедиции Папанина. Легенда связана с именем Сталина: дескать, вождь на волне впаривания народу счастья от происходящих событий советской жизни поинтересовался у Папанина, что они пили во время полярного дрейфа. Руководитель экспедиции, пытаясь развеселить вождя, ответил, что спирт, разбавленный до крепости параллели, на которой они в момент употребления находились: на полюсе – 90° на широте Салехарда – 72° и т.д. На следующем Кремлевском приеме по случаю награждения покорителей Арктики Сталин угощал гостей специально приготовленной водкой крепостью 56°, которая соответствовала географической широте Москвы.

Как бы в память об этом через много лет появилась водка «Крепкая» («Kрепкая(Strong)» с крепостью 56%. Эта редко встречающийся тип советской водки.

В разное время крепость водки варьировалась. В какой-то момент на прилавках появилась водка крепостью 42°. Народ отметил это анекдотом.

Царь Николай встречает на том свете Ленина:

– Что, Владимир Ильич, и вы водочку выпустили?

– Да, Николай-вешатель, выпустили.

– А сколько градусов? Неужто 42? Эх, стоило из-за каких-то двух градусов революцию делать!

Своеобразным обращением к нелегкому военному прошлому явилась водка «Ни шагу назад».

Водка занимает первое место не только в российском потреблении, но и во всеобщем внимании. Вариантов названия водки в народе предостаточно. Вот далеко не полный перечень: водчонка, белая, беленькая, водяра, огненная вода, тяжёлая вода, водовка, вздэк, казёнка, пол-литра, ноль-семь, чакушка, мерзавчик, флакон, пузырь. Говорят так: «Купи водяры пузырь!» Перечень можно продолжить: и сладкая, и горькая, и змей зеленый, белочка, белуга, царский напиток, русская, слеза, мягкая, горячая, проклятая, родная...

Много легенд породил период борьбы с пьянством. В 1972 году вышло постановление, как тогда говорили, Партии и Правительства «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». Лозунг кампании: «Пьянству – бой!» Были повышены цены на спиртное; прекращено производство водки крепостью 50 и 56%.

Из фильмов вырезали сцены с употреблением спиртных напитков. Ограничено было время продажи крепких напитков – не рано и не поздно – только с 11 до 19 часов (большинство на работе, в магазин не попасть). Время начала продажи московский люд прозвал «Час волка», поскольку на знаменитых часах Образцового Театра кукол в Москве в 11 часов в окошечке появлялся волк, ставший особенно популярным после появления мультфильма «Ну, погоди!». По времени вечернего поиска водки население разделилось на «семитов», т.е. тех, кто успевал отовариться до 7 часов вечера, и «антисемитов», пытавшихся сделать это после рокового часа (раздолье для таксистов и домашних самогонщиков).

Недолгое правление Ю. Андропова ознаменовалось послаблением в спиртных ограничениях. Была выпущена «Водка» 0,5 л, 40%, получившая сразу название «Андроповка». «Андроповка» была очень коротким эпизодом, продержалась меньше года. Стоила она 4 руб. 70 коп. (Причём, кажется, это была единственная водка, где на этикетке указывалась цена со стоимостью посуды.)

За короткое время существования водка заслужила несколько шуточных расшифровок и названий: Вот Она Доброта Коммуниста Андропова. Также говорили: «Вот Он Добрый Какой Андропов».

Эту водку называли также «Первоклассница» (выпущена в начале сентября), она же «Юркины рассветы» (по имени Юрия Андропова и названию фильма).

М. Горбачев вошёл в историю винопотребления страны как Минеральный секретарь за развёрнутую кампанию борьбы с пьянством и алкоголизмом. Когда при нём появилась водка в уменьшенном разливе («Водка Русская» 0,33л, 40%), её прозвали «Раиска» (в честь супруги Минерального секретаря КПСС и по лёгкому созвучию названия).

Данью памяти долгого периода советской истории была водка «Политбюро». Дополнительным штрихом является надпись мелким шрифтом: «Отпуск разрешен только по специальному разрешению и лицам, внесённым в списки спецотделов» – напоминание о всем знакомом дефиците, талонах, распределителях, блате. Такая этикетка экзотической водки была не только обозначением сорта, но и обличием времени. У меня это вызывает в памяти хлёсткие «шутки» времён фельетонов Ильфа и Петрова.

Ну а «лихие 90-е» ввели в повседневность спирт Royal. Вместо «Prima» по сходству звучания стало в магазинах звучать требование «первачка».

Потребитель быстро освоил все классические правила приготовления из такого спирта домашней водки разной крепости. Сладены-гурманы приспособились разбавлять спирт ягодными сиропами в желанной пропорции. Но не обходилось и без любителей потребления неразбавленного спирта. Как тут опять не вспомнить «Мастера и Маргариту» М. Булгакова:

– Это водка? – слабо спросила Маргарита. Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

– Помилуйте, королева, – прохрипел он, разве я позволил бы себе налить даме водки?

Это чистый спирт!

Замечание в сторону: я вновь обращаюсь к цитатам от Булгакова и Ильфа-Петрова. Возможно, это отклик на развернувшуюся в последние годы дискуссию о порой кажущемся запредельным внедрении юмора Булгакова в тексты Ильфа и Петрова...

В начале 90-х появилась водка «Царь Борис» с портретом Б. Ельцина и гербом вновь созданного государства – Российской Федерации. После получившего широкое распространение

дирижирования Ельциным (подшофе) оркестром в Германии, вместо «Царя» стали просить «Дирижёра».

Не был обойден преемник Ельцина на посту президента В. Путин. С тех пор на прилавках винных магазинов мы видим бутылки с этикеткой «Путинка». «Самой народной водкой», – назвали продукт его производители на обратной этикетке. Но представляете, какая жалость: Минздрав предупреждает, что столь редкий и ценный продукт повседневного спроса «противопоказан детям и подросткам до 18 лет, беременным и кормящим женщинам, лицам с заболеванием центральной нервной системы, почек, печени и других органов пищеварения»...

Хоть эта водка на этикетке названа самой народной, а контингент её не молодёжь и «низы», но от не столь массового покупателя можно услышать: «Дайте мне «Распутинки» или «Тинки» (вероятно, болотной), а то и «Путанки» (с как бы невзначай переставленными буквами)...

Не обошли вниманием и временного держателя (содержателя – ?) президентства России. Появилась, естественно – Классическая – водка «Медведевка» с ассоциативной стилизованной короной на этикетке, но без всяких страшных медведей, как на «Зверобое».

Жизнь на земле российской продолжается, теплится – под высоким градусом...

Полный вариант статьи можно прочитать в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/7654>

Часть 5. Из исторической тетради

В.А. Тропинин. Автопортрет с кистями и палитрой на фоне окна с видом на Кремль. 1844

Александр Булгаков

Челябинск, Россия

Рубка леса. По следам Русско-Кавказской войны

«Рубка леса» в контексте Кавказской войны XIX века – понятие, большинству россиян совершенно неизвестное. Да и могло ли случиться иначе? Научно-исторические работы широкая публика, как правило, не читает, а из более популярного чтения можно отметить разве что произведения Л.Н.Толстого – рассказ «Рубка леса»^[1] и, в некоторой мере, повесть «Хаджи-Мурат»^[2]. К сожалению, из текста этих замечательных произведений Льва Николаевича современному читателю невозможно понять, чем, по сути своей, являлась тогда «рубка леса». В результате, после чтения рассказа, а в повести об этом ещё меньше сказано, очень даже может возникнуть впечатление, что основная цель «рубки леса» – заготовка дров, которая зачастую омрачалась перестрелками с горцами.

То, что после прочтения этих произведений у современного читателя могут возникнуть столь далёкие от действительности выводы, Льва Николаевича, наверняка, изрядно удивило бы. Хотя, этого недопонимания можно было бы избежать, включи он в текст рассказа, информацию по данному поводу, что содержалась в единственной сохранившейся рукописи. В ней, говоря о трёх родах войны на Кавказе: набег, осады укрепленных аулов и постройка крепостей, Л.Н.Толстой отмечал, что постройка крепостей – есть «*сущность наших действий на Кавказе*» и называл «рубку леса» (наряду с рекогносцировкой) необходимым подготовительным

мероприятием, которое в противоположность рекогносцировке – *«продолжительнейшее, труднейшее и полезнейшее занятие здешних войск»*[3].

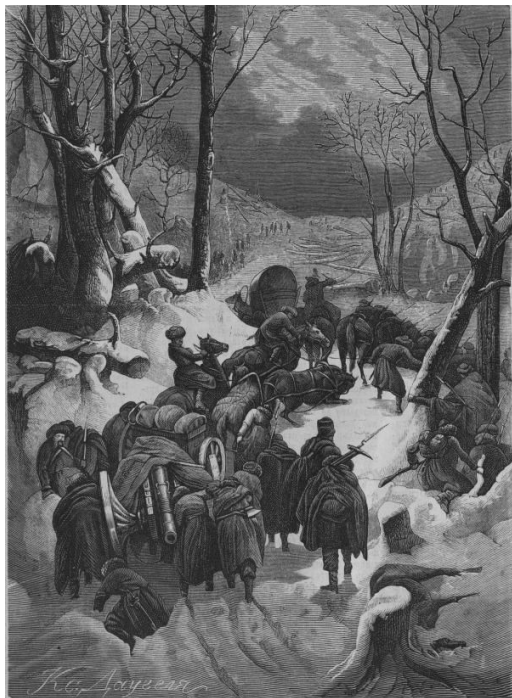
Это *«полезнейшее занятие»* появилось в арсенале русской армии не от хорошей жизни, а потому, что *«главным противником русской армии на Северном Кавказе и Закавказье была природа этого края»*[4]. Такой взгляд на ситуацию неоспоримо доказывается многократным преобладанием потерь от болезней и непривычного климата над собственно боевыми потерями, да и сами боевые потери были главным образом обусловлены крайне неблагоприятной обстановкой. Обстановка же складывалась не в пользу русской армии из-за того, что под *«полем битвы»* в те времена подразумевалось именно *«поле»* и любая европейская армия, и русская здесь не исключение, предназначалась для действий на оперативном просторе европейской равнины и только там.

На Кавказе едва ли не главным неблагоприятным фактором, серьёзно ограничивающим ведение боевых операций русской армии, стали леса. Сейчас, когда *«ситуация с растительным покровом в Чечне находится на грани экологической катастрофы»*[5], в это трудно поверить. Тем не менее, о лесах Чёрных Гор современник тех событий отзывался не иначе, как о *«тущобах, где человек проходил только звериным ловцом или губителем своих ближних»* и отмечал, что *«прохождение через кавказский лес есть подвиг, о котором не бывавшим в этом крае трудно составить себе понятие»*[6].

В этих условиях пушки становились малополезными, а сам бой разбивался на множество индивидуальных стычек, к чему русский солдат не был подготовлен ни технически, ни психологически. Всё это приводило к огромным потерям. Вспомнить хотя бы знаменитое сражение в июле 1840 года на речке Валерик (Валарг-Хи) – топоним, который стал известен благодаря одноимённому стихотворению М.Ю. Лермонтова[7]. Немало людей потерял здесь отряд генерала А.В. Галафеева под обстрелом в прибрежных зарослях, *«куда по излишней горячности влезли атакующие полки»*,[8] и в ожесточённой рукопашной схватке, которая последовала за этим. И хотя в реляции итог сражения был представлен как безусловная виктория, тем не менее, по язвительному отзыву одного из современников, походы Аполлона Васильевича *«доставили*

Русской литературе несколько блестящих страниц Лермонтова, но успеху общего дела не помогли»[9].

Подобный исход, когда отдельные победные действия никоим образом не служат улучшению ситуации в целом, в немалой степени объясняется умелым использованием обороняющимися такого специфического ресурса, как лес, особенно в западной части Закавказского края.

Поход русских в Веден, в Чечне, под командованием генерала Евдокимова, 7 февраля 1859. Картина Горшельта (рисовал на дереве А.Ганишь, гравировал А.Дугель). Всемирная иллюстрация. 1869, Т. 1, № 1 (1 янв.) – 26 (21 июня) № 8 (19 фев.) – с. 113-128.

В восточной части (в горах Дагестана) лес уже в те времена представлял редкость и ревниво сберегался жителями. Именно поэтому уничтожение селений представляло здесь весьма действенную меру «умиротворения» горцев. Несмотря на то, что дома были каменные, возвести их без столярных изделий, таких

как: потолочные балки, настил для потолка и доски для дверей, – было практически невозможно. Проходило не менее года, а то и несколько лет, пока разорённый мог собраться со средствами отстроить новый дом. Совсем не так чувствительно разрушение жилищ переживали жители Чечни. *«Если чеченец успевал, при приближении русской колонны, угнать скот и вывезти своё имущество в ближайший лес, он не горевал об истреблении своей сакли. Проводив отступающую колонну выстрелами и бранью, чеченец на этом же месте или на первой прогалине в соседнем лесу начинал строить своё незатейливое жилище, из лесных материалов, имевшихся у него под рукою и в изобилии.»*^[10]. В этих условиях через две-три недели возводилась новая постройка.

Кроме разрушения собственно жилищ, практиковалось формирование летучих отрядов, в задачу которых входило совершение набегов для уничтожения посевов, запасов сена и для угона скота. Если для скота существовала принципиальная возможность сохранения путём отгона его в лес, то посевы были лишены такой возможности. Для снижения эффективности такого рода практики, горцы перешли на культивирование кукурузы, посадки которой стали размещать на участках расчищенных в глубине всё тех же лесов. Она давала более высокие урожаи по сравнению с пшеницей или просом, что позволило обеспечить людей пищей, а скот фуражом. Всё это приводило к тому, что *«делая неприятелю временной вред, войска <...> сами несли чувствительную потерю в людях, а след этих набегов заплывал, как след корабля на море, и вражда чеченцев [к русским войскам] более и более разжигалась»*^[11].

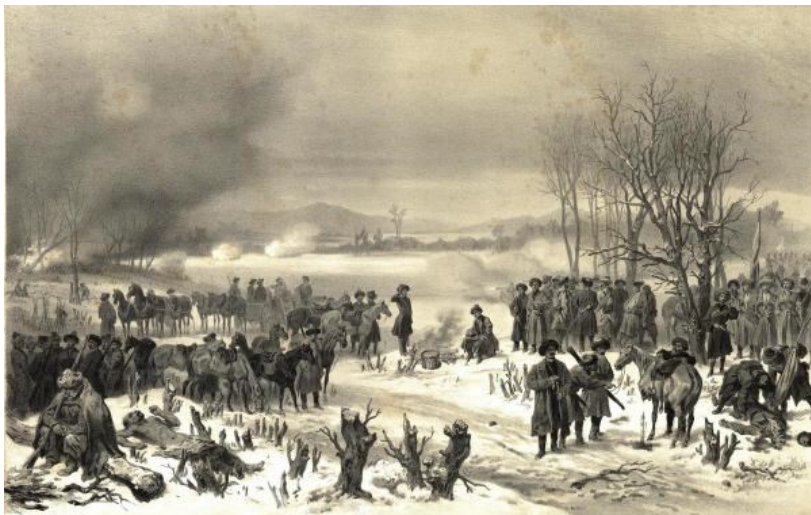
Конечно, подобное положение дел командование русскими войсками совершенно не устраивало, и будь такая возможность, оно проблему ичкерийских лесов решило бы самым радикальным образом раз и навсегда. Однако масштабное применение соответствующих задач технических средств (напалм, дефолианты, тяжёлая бомбардировочная и транспортная авиация) стало возможным только во второй половине XX века, впервые реализовавшись во Вьетнаме. Так что пришлось командованию применять единственное доступное в то время средство, но которое имелось в предостаточном количестве – русского солдата, вооружённого американским топором^[12].

Надо сказать, рубку леса начали уже первоначальные покорители Кавказа – генералы А.П. Ермолов и А.А. Вельяминов. При них, однако, это мероприятие применяли только в случае особо ожесточённого сопротивления неприятеля. Притом, просека рубилась на ширину удвоенной дальности ружейного выстрела – 400-600 метров, а *«рубки такого рода были непродолжительны и производились, по мере движения <...> войск, летом и зимою»*[\[13\]](#).

После назначения в 1844 г. на должность главнокомандующего войсками на Кавказе и кавказским наместником графа М.С. Воронцова – эти действия приобрели систематический характер и дальнейшее развитие. Прежде всего, просеки стали прорубаться не для поддержки конкретной войсковой операции, а на стратегически важных направлениях, с последующим объединением их в единую сеть, что позволяло обеспечивать быструю переброску войск в зависимости от требований быстро меняющейся оперативной обстановки.

В связи с тем, что в 1843 г. Шамиль организовал собственную подвижную артиллерию из отбитых у русских войск полевых орудий, возникла необходимость увеличения ширины просек до двух-трёх вёрст. Так как предназначение просек как транспортной артерии только возрастало, то это диктовало рубить деревья не абы как, а до основания, лучше – доходить до корня. Наиболее же важные просеки требовалось регулярно прочищать, поскольку за пять-шесть лет они совершенно зарастали кустарником.

Непрекращающееся противодействие со стороны местного населения, а *«чеченцы были самыми стойкими и искусными защитниками своих лесов»*[\[14\]](#), привело к тому, что рубку леса стали производить в зимний период. Обосновывалось это тем, что: *«1) что неприятель по своей одежде, а в особенности лёгкой обуви, неимению подножного корма, и встречая недостаток в продовольствии, не может быть продолжительное время в сборе; 2) что лес, не будучи покрыт листом, более обнажён, следовательно, неприятель скорей может быть открыт, менее опасен нам нечаянными нападениями и более подвержен нашим выстрелам, и 3) что лес быстрее рубится и уничтожается нашими войсками, как необходимый на костры, в особенности в большие морозы»*[\[15\]](#).

Князь Г.Г. Гагарин. Чечня. Вырубка лесов Шали
[//aldusku.livejournal.com/27434.html](http://aldusku.livejournal.com/27434.html)

Противник тоже пытался как-то противостоять изменившейся тактике русских отрядов. Позиции в лесу занимались ещё до подхода к нему рубщиков, огонь по противнику открывался из-за деревьев, когда тот находился на открытых местах. Затем, по мере сокращения дистанции между противниками, когда на перезарядку ружей уже не доставало времени, следовала яростная атака с использованием белого оружия: кинжалы и шашки – против штыков. А далее – как Бог даст: или разобьется ярость горцев о крепкий строй и дружный штыковой удар, или, в противном тогда случае, – горе «урусам»!

Но, как говорится: «Бог всегда на стороне больших батальонов». Уже к 1853 г. русские отряды, беспрепятственно передвигаясь по прорубленным просекам, вытеснили Шамиля с плодородной Чеченской равнины и прижали к горной части Дагестана, где держали его, ограниченного просеками, «*словно в железной клетке*» [16]. В немалой степени благодаря этому Кавказская война, продлившаяся почти пятьдесят лет (1817-1864 гг.), наконец-то закончилась.

И хотя закончилась она более чем полтора века назад, но до сих пор продолжает оставаться инструментом в руках различных общественных, научных и сословно-этнических групп. На одном

конце общественно-политического спектра этих групп – силы, придерживающиеся мнения, что предки современных кавказских народов представляли собой толпу вероломных дикарей и варваров, которых для их же блага необходимо было усмирять силой оружия. Противоположные им силы, бездумно идеализируя всё, что связано со старой Чечнёй, обвиняют русских во всевозможных зверствах и представляют вооружённые формирования Чечни, превосходящими русское войско буквально во всём, причём, потери противника исчисляются почти в полтора миллиона (!) человек. Как бы то ни было, но автор не желает позиционировать себя в этом споре, заявляя лишь, что ему не близка ни одна из этих крайних позиций.

В жизни намешано много всякого-разного, и потому невозможно судить о чём-либо с какой-то одной, тем более радикальной точки зрения...

Полный текст статьи можно прочесть в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/9865>

[1] Л.Н.Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, М: Художественная литература, 1935, Т.3. Произведения 1852-1856, С.40-75.

[2] Л.Н.Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, М: Художественная литература, 1935, Т.35. Хаджи-Мурат, 1950, С.5-120.

[3] Л.Н.Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, М: Художественная литература, 1935, Т.3. Произведения 1852-1856, С.270.

[4] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб., 2008, С.108.

[5] Гайсумова Л.Д., Мукаева Л.А. Особенности развития лесного хозяйства горной части Чеченской Республики [Текст] // Экономика, управление, финансы: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). – Краснодар: Новация, 2016, С. 30-34 – URL <https://moluch.ru/conf/econ/archive/172/9643/> (дата обращения 30.12.2018).

[6] А.О. Рубка леса // Военный сборник, № 11 – 1860. – С. 101.

[7] Лермонтов М.Ю., Собрание сочинений в 4 томах / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Издание второе, исправленное и дополненное – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979-1981 г., Т.1, Стихотворения 1828-1841 годов. С.451-457.

[8] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб., 2008, С.112.

[9] Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, Вып. 2, 1884, С.370.

[10] А.О. Рубка леса // Военный сборник, № 11 – 1860, С. 98.

[11] Там же, С. 103.

[12] Американский топор, который каждый солдат получал ещё на сборном пункте, отличался от обыкновенного русского тем, что топориче у него прямое и более длинное, а сам топор выполнен в виде железного клина без всяких закруглений. Размах у этого топора больше и сильнее, нежели у русского, и железо глубже уходит в дерево, да и сам он меньше ломается [там же, С.109].

[13] Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – СПб., 2003, С.184.

[14] Там же.

[15] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времён до наших дней: в 4-х томах, Т. 3. История Чечни. XIX в. – Грозный: ИПК «Грозненский рабочий», 2013, С.233.

[16] Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. – М: Центрполиграф, 2001, С.215.

Лев Бердников

Лос-Анджелес, США

Загадка автографа. Владимир Бурцев

Личность Владимира Львовича Бурцева (1862-1942), ревностного бойца с монархизмом, большевизмом и нацизмом, получившего за разоблачение провокаторов царской охранки прозвище «Шерлок Холмс русской революции», всегда привлекала мое внимание. Занимаясь в научной библиотеке Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, я неожиданно обнаружил его автограф. Он открылся мне на форзаце экземпляра книги В.Л. Бурцева «Протоколы Сионских мудрецов» – доказанный подлог» (Париж, 1938). Дарственная надпись

гласила: «Дорогому Вас. Алексеевичу Маклакову от его подзащитного (1913 г.). Вл. Бурцев. 24.2.1938 г. В этой книге я защищаю то, что Вы всегда защищали».

Какие же взгляды разделял и защищал Бурцев? «Борьба с антисемитами – наше общее дело!» – не устал повторять Владимир Львович и на протяжении всей своей долгой жизни неукоснительно сему завету следовал. Особенно важной и актуальной была его борьба после Октябрьского переворота, когда многие русские белоэмигранты, отмечая активное участие в революции этнических евреев-большевиков, возлагали их вину на весь народ Израиля (к слову, и сегодня евреев призывают публично покаяться за злодеяния Свердлова, Зиновьева, Юровского и им подобных).

Вспышка неистового антисемитизма привела Россию в Гражданскую войну к кровавым еврейским погромам. И Бурцев в конце 1919 -1920 гг. едет в Крым и на Кавказ, добивается аудиенции у генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля и просит, убеждает, настаивает, чтобы те приняли неотложные меры против сего варварства.

Владимир Бурцев

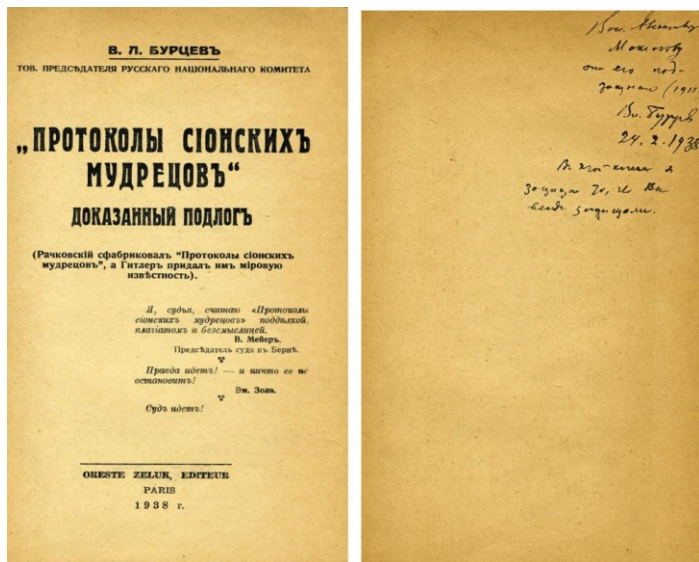
Он настойчиво повторяет, что ненавистные всем коммунистические вожди «были отщепенцами еврейской нации» и что «на самом деле они не были связаны ни с

еврейской историей, ни с еврейской религией, ни с еврейской массой, а были исключительно интернационалистами, исповедовавшими те идеи, какие разделяли социалисты других национальностей, и сами они были ярыми врагами национального еврейства вообще». Это, говорил он, «проходимцы, порвавшие связь с еврейством», и они не имеют к нему решительно никакого отношения. Еврейская же масса в России «не причастна к большевизму и неответственна за него, как непричастны и неответственны и те евреи, кому приходится жить и работать при большевиках, у большевиков, не будучи большевиками, как приходится работать и многим русским, убежденным антибольшевиком».

Между тем, к еврейскому вопросу Бурцев проявлял живой и сочувственный интерес. Говорил, что он «находился у истоков большинства национальных еврейских течений, как Бунд, сионизм и т.д.». Дружеские узы связывали Владимира Львовича с еврейскими деятелями самых различных политических взглядов – Д.С. Пасмаником, Г.О. Слюзбергом и многими другими, в коих его всегда привлекали «искренность, честность и компетентность». Присутствовал он и на I-м Сионистском конгрессе в Базеле в 1897 году, проходившем под председательством Теодора Герцля, который произвел на Бурцева впечатление личности яркой и харизматической и чью идею о создании национального очага в Палестине он горячо поддерживал.

Бурцев последовательно выступал против антисемитизма на страницах издаваемой им газеты «Общее дело» (Париж, 1918-1922, 1928-1933). При этом он подчеркивал, что заскоружлая юдофобия, охватившая значительную часть белой эмиграции, лишь компрометирует то «общее дело», под знаменами которого должны были бы объединиться все истинные патриоты России, – а именно, борьбу с коммунистическим режимом. Особенную силу его обличительный пафос обретает в 1930-е гг. В качестве свидетеля он участвует на Бернском процессе 1933-1935 гг., на коем была доказана подложность состряпанных в недрах царской охранки пресловутых «Протоколов сионских мудрецов». Современные исследователи называют их «главной ложью в истории» и «ордером на геноцид». Вместе с Бурцевым на сем процессе свидетелями обвинения были П.Н. Милюков, Б.И. Николаевский, С.Г. Сватиков и др.

Итогом этой его деятельности стала изданная в Париже в 1938 году книга «Протоколы сионских мудрецов» – доказанный подлог» с боевитым подзаголовком: «Рачковский сфабриковал «Протоколы сионских мудрецов», а Гитлер придавал им мировую известность». На основании многочисленных документов и устных свидетельств он убедительно раскрыл здесь не только явный плагиат и подложность «Протоколов», но и их провокационный, человеконенавистнический характер. (Эту тиражированную антисемитскую фальшивку, переведенную с легкой руки нацистов на многие языки, и сегодня распространяют по свету в миллионах копий, продолжая работу по оболваниванию и развращению темного люда). «Пропагандисты «Протоколов», – говорил Бурцев, – люди, делающие заведомо нечестное, гнусное и кровавое дело. Про них нельзя сказать: «Не ведают, что творят!». Нет! Нет! Они хорошо знают, что творят». И собственную литературную работу Владимир Львович рассматривал как «отправной пункт борьбы со зловерным суеверием, опасным психозом масс и народов, зараженным маниакальным и до крайности злобным антисемитизмом».

Но вернемся к автографу Владимира Львовича. Надлежит выяснить, кто же этот «Вас. Алексеевич Маклаков», которому был подарен экземпляр книги. Что имел в виду Бурцев, когда

писал о том, что они вместе защищали одно и то же, и почему указывает дату: 1913 год?

Оказывается, речь идет о бывшем члене ЦК кадетской партии, лучшем ораторе II, III, IV Государственных дум, бывшего послом Временного правительства во Франции, активном участнике белого движения Василии Алексеевиче Маклакове (1869-1957). Он еще в начале XX века стал, по определению А.И. Солженицына, «сильнейшим адвокатом» России.

Сподвижник знаменитого Ф.Н. Плевако, Маклаков стяжал себе общероссийскую славу, проведя с блеском немало вероисповедных, «общественных» и политических судебных процессов. Профессионализм, компетентность, а также прекрасные человеческие качества – «благородное и доброе сердце» – его подзащитные ставили очень высоко. Но особенно ярко и впечатляюще адвокатское искусство Маклакова проявилось в самом громком процессе начала XX столетия – в деле Менахема Менделя Бейлиса, облыжно обвиненного в ритуальном убийстве христианского мальчика Андрея Ющинского.

Правая пресса раздула в связи с этим делом дикую антисемитскую истерию, пытаясь склонить власти к безжалостной расправе над всеми евреями, как извергами рода человеческого. Вот, к примеру, как злобно кликушествовала перед этим процессом черносотенная газетенка «Русское знамя» (1913, № 177): «Правительство обязано признать евреев народом, столь же опасным для жизни человечества, сколь опасны волки, скорпионы, гадюки, пауки ядовитые и прочая тварь, подлежащая истреблению за свое хищничество по отношению к людям и уничтожение которых поощряется законом. Жидов надо поставить искусственно в такие условия, чтобы они постоянно вымирали: вот в чем состоит ныне обязанность правительства и лучших людей страны».

Несмотря на угрозы охотнорядцев, Василий Алексеевич в 1913 году выступил защитником Бейлиса и сыграл важную роль в его оправдании. В ситуации, когда антисемиты уже предвкушали самый суровый приговор для еврея, Маклаков в своей защитительной речи, обращаясь к присяжным, говорил просто, убедительно и показал всю подоплеку выдвинутых против Бейлиса абсурдных обвинений. «Нам говорят, что на этот процесс глядит весь мир, а мне хотелось бы забыть про это, и говорить только с вами, господа присяжные заседатели, – голос

его зазвучал вдруг твердо, спокойно и проникновенно. – Бейлис – смертный человек, пусть он будет несправедливо осужден, пройдет время, и это забудется. Мало ли невинных людей было осуждено. Жизнь человеческая коротка – они умерли и про них забыли, умрет Бейлис, умрет его семья, все забудется, все простится, но этот приговор...этот приговор, не забудется, не изгладится, и в России будут вечно помнить и знать, что русский суд присяжных, из-за ненависти к еврейскому народу, отвернулся от правды». Последние слова защитника были произнесены в напряженной тишине зала: «Вас всячески стараются восстановить против евреев, вам говорят, что евреи ваши враги, что они смеются над вами, что они не считают вас за людей. Вас приглашают к тому же самому отношению к ним. Не поддавайтесь этому приглашению; если вы осудите Бейлиса, но не по уликам против него, а за что-то другое, если он будет жертвой искупления за других, то если бы даже и нашлись люди, которые первое время в своем озлоблении порадовались бы подобному приговору, то потом, когда время пройдет, они и сами об этом пожалеют, а он все-таки навеки останется печальной страницей в истории русского правосудия. Помните это, когда будете решать судьбу Бейлиса». И суд присяжных вынес решение – невиновен!

Когда М. Бейлиса оправдали, Василия Маклакова поздравляла с этой победой вся демократическая Россия. Видный политический деятель, член Государственного совета М.А. Стахович прислал ему телеграмму: «Обнимаю. Чудная, главное, умная речь, убийственная прокуратуре, срамникам, руководившим обвинением». Поступили поздравления от И.И. Петрункевича, Д.Н. Шипова, других лидеров российского либерализма. Маклакову выражали сочувствие и простые люди: рабочие, крестьяне. А в послании духовного правления Главной хоральной синагоги в Ростове-на-Дону говорилось: «Дело Бейлиса, которое Вы так геройски защитили, это дело всего мыслящего человечества. Вы были наиболее ярким выразителем лучшего и благороднейшего, что вылилось так сильно, так стихийно, так величественно-прекрасно в Вашей талантливой защите».

Василий Маклаков

Не вызывает сомнения, что указывая дату – «1913 год» – и говоря о «защите» Маклакова, Бурцев имеет в виду роль этого адвоката в оправдании Бейлиса. Надо сказать, что и сам Владимир Львович в 1913 году писал в защиту Бейлиса статьи в газете «Будущее», которую издавал тогда в Париже, и готовился дать бой популяризаторам «Протоколов сионских мудрецов», поскольку ждал, что именно на этот опус будут ссылаться антисемиты в этом процессе. Вот что он пишет: «Обвинители, антисемиты, надеялись на этом процессе нанести убийственный удар по еврейству. Более года они готовились к нему. Но обвинение было дутое, и на гласном разбирательстве перед присяжными оно окончательно провалилось. Бейлис по суду был оправдан. Когда этот процесс подготавливался, мне казалось, что представители русской власти на нем будут ссылаться на "Протоколы» и, следовательно, будут доказывать их подлинность. Это я тем более допускал, что в правительственных сферах было решено поддерживать на суде легенду о ритуальных убийствах». Однако опасения Бурцева оказались напрасными: антисемиты не решились выступить на процессе в защиту «Протоколов». Вольно или невольно, они тем самым признали их несостоятельность.

Остается ответить на вопрос: почему Бурцев в 1913 году называет себя «подзащитным» Маклакова? Это тем более требует разъяснения, поскольку ни в каких тяжбах Владимир

Львович в это время участия не принимал и вообще находился за границей. По-видимому, смысл сего высказывания следует понимать метафорически. Все дело в том, что Бурцев, человек с растревоженной совестью, так глубоко и пронзительно прочувствовал боль униженного и оклеветанного еврея Бейлиса, что чуть ли не отождествил с себя с ним. А потому не только за Бейлиса стоял Маклаков на том судилище – он отстаивал высокие нравственные идеалы русской интеллигенции, его, Бурцева, идеалы. Показательно, что и в самой книге Бурцева о борьбе с юдофобами можно прочитать такие слова: «Нам не приходится сражаться с лояльным врагом, ни даже просто с человеческим. Мы должны поражать олицетворенную бессовестность, лживость, являющуюся признаком общего умопомешательства, буйного, автоматического, бездушного. Это значит, что придется быть не только беспощадным, но и неутомимым, до полного истребления этой гидры, у которой на месте срубленной головы вырастает семь новых».

И еще – Бурцев говорит о Маклакове, что тот «всегда защищал» евреев. И это верно. В 1919 году Василий Алексеевич как русский посол приезжает на Кавказ в ставку генерала А.И. Деникина и убеждает его выступить с заявлением о равноправии евреев в грядущей России. А в 1920-е годы он ведет полемику с известным антисемитом В.В. Шульгиным, автором нашумевшей книги «Что нам в них не нравится...» (Париж, 1930), о причинах и характере Октябрьской революции 1917 года. Шульгин утверждал, что русскую революцию совершили евреи, озлобленные на власть и «крепко объединенные сознательным и бессознательным стремлением к господству». А вот что ответил ему В.А. Маклаков в письме от 5 марта 1925 года: «В Вашей схеме Вы выводите евреев, как представителей озлобленности; тут Вы, конечно, правы; но этот вопрос не национальный, а неизбежное последствие нашей глупой политики... Поэтому нет ничего удивительного в том, что количество недовольных и озлобленных в еврействе было больше, чем где-либо, и при этом среди них было больше интеллигентов. За это тоже спасибо черте оседлости. Я хорошо знаю, что евреи не очень ассимилируются с другими народностями, но, однако, я наблюдаю евреев во Франции, и ничего подобного с психологией русского еврейства здесь нет. И еще меньше его в Англии. Таким образом, наблюдая развитие

русской революции, я мог бы сказать Вам то, что сказал Лаплас Наполеону о Боге: «для объяснения того, что происходит в мире, я не нуждался в этой гипотезе». Точно так же, для того, чтобы понять, как развивалась революция в России, мне вовсе не нужно было говорить о еврейском вопросе; его роль настолько второстепенная, что я убежден, что если вычеркнуть даже всех евреев, то в главных чертах революция совершилась бы точно таким же способом, как она совершилась».

Сегодня, говоря о духовном наследии В.Л. Бурцева, В.А. Маклакова и других борцов с антисемитизмом в России, нельзя не обратить внимание на то, что их деятельность вызывает у нынешних национал-патриотов негодование и злобу. Как только их не чихвостят, называя то «русофобами», то «шабес-гоями», то «агентами мирового сионизма»! Но вот что примечательно: в годы войны выступавший против нацистов Бурцев сделался объектом травли со стороны фашистских властей, и когда те захватили Париж, его неоднократно вызывали в гестапо. Отпустили только из-за преклонного возраста, и этот оставшийся без средств к существованию «русофоб», как вспоминала дочь А.И. Куприна, «спорил с пеной у рта и доказывал, что Россия победит, не может не победить». А В.А. Маклакову повезло меньше: за свои откровенно антифашистские взгляды он в апреле 1941 года был арестован гестапо и пять месяцев провел в тюрьме. А в феврале 1945 года он в составе делегации русских эмигрантов посетил советское посольство в Париже и заявил: «Я испытываю чувства глубокого волнения и радости, что дожил до дня, когда я, бывший русский посол, могу здесь, в здании русского посольства, приветствовать представителя Родины и принять участие в ее борьбе с врагами-захватчиками».

А что же восхваляемые национал-патриотами «истинные радители Отчества», те, что видели в жидо-масонском заговоре главную угрозу? Как боролись с «врагами-захватчиками» они? А вот как: бывший член Государственной думы, призывавший к «окончательному решению еврейского вопроса», Н.Е. Марков-Второй закончил свою «патриотическую» карьеру консультантом гестапо. Г.В. Бостунич, автор книжонки «Масонство и русская революция» и пропагандист «Протоколов сионских мудрецов», дослужился до чина штандертенфюрера СС, а заодно получил и звание почетного профессора СС как непревзойденный эксперт по козням мирового еврейства. А

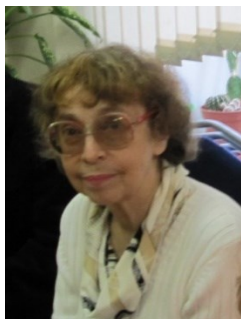
отличавшийся патологическим антисемитизмом генерал П.Н. Краснов приветствовал нападение Гитлера на СССР и активно сотрудничал с нацистами, сражаясь на стороне врагов своего Отечества (он, между прочим, корил другого предавшегося немцам русского генерала А.А. Власова за недостаточно последовательную антиеврейскую пропаганду). Подобные примеры можно умножить. Думается, однако, что ни к патриотизму (в подлинном смысле этого слова), ни тем более уж к славе России они не имеют ни малейшего отношения.

Наши же герои, борясь со злом, стремились сделать Родину лучше и человечнее. А идеи справедливости и добра, как известно, всегда требуют защиты. Нуждаются в ней и Владимир Бурцев, и Василий Маклаков. А потому сегодня они – наши подзащитные, и мы должны защитить их от лжи и клеветы, невежества и обскурантизма, национальных фобий и предрассудков.

Елена Пацкина

Москва, Россия

Василий Ключевский. История не учительница, а надзирательница...

Воображаемый разговор с историком⁶

---

⁶ Все ответы в воображаемых диалогах построены автором с использованием точных цитат из высказываний его героев.

Василий Осипович Ключевский (1841–1911) родился в селе Вознесенское Пензенской губернии в семье священника, окончил Пензенскую духовную семинарию, но, отказавшись от духовной карьеры, поступил на историко-филологический факультет Московского университета и в 1865 году окончил его. С 1867 г. преподавал историю в различных учебных заведениях. В 1872 защитил магистерскую, а в 1882 – докторскую диссертации. Ключевский обладал необычайно широким историческим кругозором: темы его лекций – от начала Руси до XVIII века. Был признанным главой московских историков, отличался блестящими ораторскими способностями; на его учебниках воспитывалось множество гимназистов и студентов. Его деятельность нашла широкое признание при его жизни: с 1890 г. он – действительный член С.-Петербургской академии наук по русской истории, а с 1908 – почетный академик по разряду изящной словесности. Умер в Москве.

Медиум: Глубокоуважаемый Василий Осипович, Вы всю жизнь занимались русской историей. Скажите, пожалуйста, чему нас может научить история?

В. К. – История не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, но только наказывает за незнание уроков.

М. – Если история не учит, стоит ли тратить время на изучение того, что уже прошло?

В. К. – Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.

М. – Однако, говорят, что опыт – тоже неплохой учитель. Может, надо не учиться, а просто жить?

В. К. – Жизнь учит лишь тех, кто её изучает.

М. – Иногда приходится видеть людей весьма ученых, которые, тем не менее, очень неважно разбираются во всем, что не касается их предмета. Что Вы об этом скажете?

В. К. – Науку часто смешивают со знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и сознание, то есть умение пользоваться знанием как следует.

М. – Кстати, о науке – сейчас многие серьезнейшие вопросы решаются с помощью статистики: власти таким образом узнают общественное мнение по всем вопросам; начальство СМИ судит о материалах по рейтингам и так во всем. Ваше мнение на этот счет?

В. К. – Статистика есть наука о том, как, не умея мыслить и понимать, заставить это делать цифры.

М. – Это правда. Но цифры не объяснят нам, почему, обладая огромными природными богатствами, Россия пока отстает по уровню жизни от Запада.

Иногда слышишь мнение, что русские люди очень талантливы, но ленивы. Как Вы считаете?

В. К. – В России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей. Гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров. Первые бесполезны, потому что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много.

М. – Да, мы до сих пор не можем вывести в России пресловутый средний класс, и никто толком не может сформулировать, кого туда относить. У нас сплошные крайности. Видимо, нам просто не хватает умных людей.

В.К. – Надобно не жаловаться на то, что мало умных людей, а благодарить Бога за то, что они есть.

М. – Мы благодарим, но иногда недостаточно, а потому часто умные люди не умеют приспособиться к суровым рыночным условиям и едва сводят концы с концами. Что бы Вы, с Вашим опытом, могли им посоветовать?

В.К. – Простейший способ не нуждаться в деньгах – не получать больше, чем нужно, а проживать меньше, чем можно.

М. – Конечно, Вы правы, но не всякий сумеет так построить свою жизнь. Вот я, например, по профессии журналист, а не аскет. Кстати, что Вы думаете о нашей прессе?

В.К. – Газета приучает читателя размышлять о том, чего он не знает, и знать то, что не понимает.

М. – Увы, трудно не согласиться. Но теперь хочу спросить о другом: наши власти уже много лет ищут «русскую идею», которая бы помогла возрождению России. Вы не посоветуете, где её искать?

В.К. – Великая идея в дурной среде извращается в ряд нелепостей.

М. – Тогда, может быть, лучше не искать. А что Вы думаете о некоторых верующих в Бога, но довольно агрессивных по отношению к другим конфессиям и вообще не толерантных людях?

В.К. – Смотря на них, как они веруют в Бога, так и хочется уверовать в черта.

М. – Бывает и так. Как историк, Вы знаете наше прошлое. А что Вы думаете о будущем?

В.К. – Наше будущее тяжелее нашего прошлого и пустее настоящего.

М. – Печальный прогноз. Но, может, «мир спасет красота», как считал наш великий классик? Что Вы, профессор, думаете об искусстве?

В.К. – Искусство – суррогат жизни, потому искусство любят те, кому не удалась жизнь.

М. – Звучит грустно. Что Вы думаете вообще о жизни?

В.К. – Было бы сердце, а печали найдутся.

М. – Значит ли это, что невозможно быть счастливым в нашем несовершенном мире?

В.К. – Быть счастливым значит быть умным. Быть умным значит не спрашивать, на что нельзя ответить. Потому быть счастливым значит не желать того, чего нельзя получить.

М. Спасибо, уважаемый профессор, за содержательную беседу. Не хотите ли сказать нам что-то в напутствие на прощание?

В.К. – Самый веселый смех – это смех над теми, кто смеется над тобой.

Самый непобедимый человек – это тот, кому не страшно быть глупым.

М. – Мы, Ваши потомки, желаем Вам вечного блаженства.

В.К. – На земле я так привык к аду, что на том свете меня можно наказать за грехи только раем. Значит, мое загробное будущее хорошо обеспечено.

Семен Резник
Б.Вашингтон, США

Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время

Глава из книги

Николай Иванович Вавилов (1887 – 1943) – советский учёный-генетик, ботаник, селекционер, мечтавший накормить всю планету и погибший в сталинской тюрьме от голода.

От автора

Моя первая книга, научно-художественная биография академика Николая Ивановича Вавилова, изданная в 1968 году в серии ЖЗЛ, несмотря на большие цензурные изъятия, была признана *идеологически вредной*. Ее 100-тысячный тираж был арестован, поступило указание его уничтожить. Около года шла борьба за спасение книги, после чего, с новыми изъятиями, она поступила в продажу.

Это была одна из первых биографических книг о Н.И. Вавилове, его борьбе и гибели за науку. Я смог ее написать благодаря бескорыстной помощи учеников, друзей и близких Н.И. Вавилова – всем им в книге вынесена благодарность.

За прошедшие годы мне не раз приходилось возвращаться к вавиловской теме: в биографической повести о выдающемся хлопковом Вавиловской школы Г.С. Зайцеве (сб. «Земледельцы», ЖЗЛ, 1975; «Детская литература», 1981), в книге об истории эволюционного учения (Изд-во «Знание», 1977), в книге «Дорога на эшафот», (Нью-Йорк, 1983), в книге «Против течения: Академик Ухтомский и его биограф» (Спб.,

«Алетейя», 2015), в ряде статей в газетах, журналах, сборниках, сетевых изданиях. Я был соредактором и соавтором вступительного очерка в издании перевода на английский язык книги Н.И.Вавилова «Пять континентов». В этом году книга вышла также на испанском языке.

Николай Вавилов

Работая над обновленной, «синтетической», как я ее называю, биографией ученого, я контактирую с ведущими биологами и историками, разрабатывающими тему его жизни и научного наследия. Без их помощи новая книга не могла бы быть написана. Всем им, конечно, моя благодарность.

Вниманию читателей предлагается одна из глав о Саратовском периоде жизни и научной работы Н.И. Вавилова. В Саратове ученый работал с 1917 по 1921 год, здесь стала складываться его научная школа. В Саратов же, в октябре 1941 года, арестованного и приговоренного к смертной казни Вавилова

привезли умирать. Правда, смертный приговор ему «милостиво» заменили 20-летним заключением, но затем – уморили голодом.

Предлагаемая глава охватывает начальный этап Саратовского периода жизни ученого. В книге ей предшествуют главы о его детстве и юности, учебе в Московском сельскохозяйственном институте, стажировке в научных учреждениях Великобритании, Франции и Германии, о его первой, Ирано-памирской, экспедиции.

С.Р.

На грани эпох

1.

Вернувшись в конце 1916 года из экспедиции в Иран и на Памир, Вавилов рвался в новые путешествия. «Мне хотелось бы удрать в Африку, Абиссинию, Судан, Нубию. Кстати, там так много можно найти», – писал он А.Ю. Тупиковой-Фрейман, одной из первых своих учениц и сотрудниц. Мировая война и революция отодвигали задуманные путешествия в туманное будущее. А выжидать в бездействии Вавилов не умел.

Его жизнь расписана по часам. По *получасам*, как он говорил.

Он выступает с докладами о своей экспедиции.

Разбирает привезенные материалы.

Ведет занятия со студентками Высших Голицынских курсов.

В теплице Политехнического музея начинает опыты с памирскими скороспелыми пшеницами.

В вегетационном домике и на опытных делянках Селекционной станции Московского сельскохозяйственного института (Петровка) продолжает исследования по иммунитету растений.

Всё это – жадно, увлеченно, охватывая все большее число изучаемых ботанических видов и сортов и связанных с ними научных проблем.

Всё ему интересно, всё важно, всё значимо.

Что это? Продолжающиеся поиски своего места в жизни, в науке, поиски самого себя? Не слишком ли они затянулись!

Недавние учителя провожают его укоризненными взглядами, когда он – всегда бодрый, веселый, с разбухшим портфелем в руках – быстрой, чуть раскачивающейся походкой пронесется по коридорам Петровки: нельзя же так разбрасываться!..

В его беспорядочных действиях и впрямь трудно уловить стремление к единой цели. Только глядя из будущего, их можно выстроить в цепочку продуманных, увязанных между собой звеньев.

В феврале 1917 года Вавилов писал из Москвы А.Ю. Тупиковой-Фрейман, работавшей временно в Средней Азии:

«А без Вас тут что же нового? Самое интересное – это лекции Валерия Брюсова о древнейшей культуре человечества <...>. И содержание и форма на 5. Эгейская культура вся, как живая».

Так что его еще хватало на посещение лекций поэта Брюсова! Правда, привлекал к ним не столько интерес к современной поэзии, сколько к древнейшей культуре человечества, к истокам цивилизации.

Между тем подходил к концу срок его «подготовки к профессорской деятельности» (так это тогда называлось). Магистерский экзамен был благополучно сдан. Надо было думать о будущем.

Вавилов наводит справки и узнает, что в Воронежском сельскохозяйственном институте появилась вакансия адъюнкт-профессора кафедры частного земледелия. Более подходящего места для себя он не мог и вообразить!

Селекционная станция Московского сельскохозяйственного института (Петровка), где он вел исследования по иммунитету растений и все другие свои работы, состояла при кафедре частного земледелия профессора Д.Н. Прянишникова. Такую работу Вавилов с удовольствием продолжил бы в Воронеже! Отрадно было и то, что там работал близкий ему человек, Николай Павлович Макаров, недавний муж Лиды, любимой младшей сестры Николая Ивановича, неожиданно умершей от оспы.

Убедившись, что руководство Воронежского Сельхозинститута благосклонно относится к его кандидатуре, Вавилов подал официальное заявление и стал готовиться к переезду.

Прошло полгода, а из Воронежа нет никакого ответа. Неопределенность положения стала тревожить Вавилова. И вдруг он узнает, что на то же место, никому ничего не сказав, подал другой сотрудник Прянишникова, Иван Вячеславович Якушкин.

К удару исподтишка Николай Иванович внутренне не был подготовлен. Еще больше его ошеломил разговор с Якушкиным

«на чистоту». Не моргнув глазом, тот очень просто объяснил свой поступок: *ему очень хочется* получить место в Воронеже!

Николай Иванович слушал и не верил своим ушам. Он не мог себе представить, что такое возможно в сияющем храме науки, где все призваны поддерживать друг друга, а не ставить подножки! О том, что Вавилов подал на кафедру частного земледелия Воронежского института, все хорошо знали, знал и Якушкин. Но, с кем-то посекретничав и получив какие-то обещания, втихаря подал на ту же позицию и держал это в тайне до тех пор, пока скрывать уже стало невозможно. Неписанные правила научной этики не допускали этого.

Такое вероломство не укладывалось в голове. И подумать только, от кого оно исходило! Если Вавилов был сыном купца, внуком крепостного крестьянина, то Якушкин – столбовой дворянин, голубых кровей, герб его рода красуется в 4-й части Общего Гербовника, его предки служили воеводами, стольниками, стряпчими, послами. Его прадед, современник Пушкина, был блестящим офицером, храбро сражался против Наполеона, был человеком чести, не терпел произвола и лакейства. Участвовал в тайном обществе, пережил разгром декабрьского восстания, был приговорен к вечной каторге. Помилованный после 30 лет в Сибири, написал воспоминания, которыми зачитывалась вся образованная Россия! А правнук, слегка ухмыляясь и с трудом сдерживая злорадство, почти открыто торжествовал по поводу того, что так хитро объегорил наивного плебей!

(Вавилов не мог и предполагать, каким роковым демоном станет для него Иван Вячеславович Якушкин. Впрочем, в те весенне-летние месяцы 1917 года, когда они впервые сошлись на узкой дорожке, Якушкин тоже об этом не подозревал. О его зловещей роли в гибели Вавилова у нас речь впереди).

2.

Первым порывом Вавилова было – забрать свое заявление из Воронежского института! Но, поостыв, он решил этого не делать. С какой стати облегчать жизнь ректорату, поступившему столь некорректно. Пусть сами ищут выход из тупика!

Понятие «частное земледелие» было довольно расплывчатым: от руководителя кафедры зависело, какое из возможных направлений преимущественно развивать. Направления работы

у Вавилова и Якушкина были разные. Ивана Вячеславовича интересовали питание растений, обработка и удобрение земли, севообороты; Вавилова – сами культурные растения: их происхождение, эволюция, география, биологическая природа. Воронежскому ректорату предстояло решить, какое из двух направлений для него больше подходит.

Не снимая своей кандидатуры в Воронеже, Вавилов подает на должность преподавателя Высших саратовских сельскохозяйственных курсов. Там вопрос решается быстро: ему предложено место преподавателя. А из Воронежа ни слуху, ни духу. Наконец, 13 апреля, он узнает – опять от Якушкина! – что тот избран штатным адъюнкт-профессором. Вавилов тоже избран – но на сверхштатную кафедру; о ее учреждении решено ходатайствовать.

Какая сверхштатная кафедра имеется в виду? Если селекции, то Николаю Ивановичу это подходит; но ничего определенного ему не сообщают. Да и время для ходатайств о новой кафедре очень уж неподходящее. Идет 1917-й год. Страна увязла в войне, все более тяжелой, высасывающей последние соки. Царский режим свергнут, в стране революция, предприятия стоят, рабочие больше митингуют, чем работают; солдаты массами бегут с фронта, во Временном правительстве раздраз, государственный бюджет трещит по швам, – какие там сверхштатные кафедры! И почему обо всем этом он снова узнает от Якушкина, а не от самого Воронежского ректората?

Отношения с Иваном Вячиславовичем натянутые, хотя они почти не соприкасаются; будущая работа бок-о-бок может привести к еще большим трениям – они, собственно, уже начались. Радостное предвкушение предстоящей работы в Воронеже отравлено.

Да и сверхштатную кафедру, скорее всего, не утвердят. «Ходатайство» похоже на попытку ректората сделать хорошую мину при нечистой игре.

Вавилов ставит себе срок 1 июля. Так и не дождавшись из Воронежа ничего определенного, он принимает предложение Саратовских курсов. Позиция менее престижная, зарплата поменьше, зато «Саратов очень радушен», как сообщил он в Воронеж Н.П. Макарову⁷.

---

⁷ См. Авруцкая Т.Б. Письма Н.И. Вавилова – Н.П. Макарову. «Природа», 2012, № 11. С. 83.

3.

В сентябре 1917 года Вавилов выступил на Саратовских сельскохозяйственных курсах с первой лекцией. В ней изложил «Средо агронома-ботаника», как написал о том в Петроград заведующему Отделом прикладной ботаники Роберту Эдуардовичу Регелю.

Это была программная лекция!

Начиная ее, Вавилов предупредил, что будет говорить о «тех перспективах, в направлении которых мыслится работа современного растениевода», об «идеологии исследования в этой области агрономической науки».

И сразу перешел к изложению концепции Льва Ильича Мечникова о трех фазах развития человечества и его культуры.

Если свои исследования по иммунитету растений он считал продолжением идей основателя теории иммунитета Ильи Ильича Мечникова, которому посвятит свой труд, то в саратовской лекции он заявил себя последователем другого Мечникова, Льва Ильича.

4.

Талантами Лев Ильич Мечников не уступал младшему брату, возможно, превосходил, но был не столь последовательным и целеустремленным. Зато он был большим забиякой и обладал необузданным нравом.

Лев Ильич родился в Петербурге, в 1838 году, в семье блестящего гвардейского офицера Ильи Ивановича Мечникова, чей дворянский род восходил к молдаванину Спотарю Милешту, приближенному молдавского князя Стефанита. Князю Стефаниту Спотарь оказал ряд очень важных услуг, был им обласкан и вознесен, но потом ему изменил. Послал в подарок польскому королю дорогую позолоченную трость, инкрустированную драгоценными камнями, а в нее вложил секретную записку: могу свергнуть молдавского князя, трон отдать тебе. У польского короля были другие планы, записку он переслал Стефаниту. Князь до глубины души возмутился изменой своего сатрапа и решил покарать его самой суровой казнью. Но потом смягчился. Во уважение прежних заслуг, отрубить голову Спотарю не стал, а велел отрубить ему только...

нос! Что и было исполнено. После чего изменника изгнали из страны.

Согласно легенде, Спотарь уехал в Германию, и тамошний чудодей-лекарь – *отрастил ему новый нос!*

С новым носом Спотарь явился к русскому царю Алексею Михайловичу, сильно нуждавшемуся в грамотеях.

Царь определил молдаванина учителем маленького Петра – будущего императора Петра Великого. Спотарь выписал из Молдавии своего племянника Юрия Степановича, который был определен *мечником* (кем-то вроде судьи); за добрую службу царь Петр пожаловал ему богатые поместья в Малороссии. От этого *мечника* и пошла фамилия Мечниковых. В роду были видные государственные мужи, один стал сенатором. Но свои собственные дела они вели неумело, род их изрядно оскудел.

Илья Иванович поправил материальное положение, женившись на богатой, хотя и не знатной, невесте: дочери Льва Неваховича, удачливого коммерсанта и талантливого литератора.

Невахович был одним из трех первых евреев, поселившихся в Петербурге при Екатерине Великой. По закону евреям в столице жить не дозволялось, но просвещенная государыня любила полиберальничать и на нарушение закона закрыла глаза.

Лев Невахович вошел в историю как зачинатель русско-еврейской литературы. Его перу принадлежало первое русскоязычное произведение на еврейскую тему: «Вопль дщери иудейской». Это был действительно вопль! Автор призывал русское общество к справедливости и милосердию по отношению к своим соплеменникам, страдавшим от злобных наветов и всяких несправедливостей. Позднее Невахович принял крещение (лютеранство), женился на лютеранке и в своем творчестве отошел от еврейской тематики. Впрочем, еще позднее, когда ему было даровано дворянство, в свой дворянский герб он вмонтировал шестиконечную звезду Давида – символ еврейства⁸. Его веселые, искрометные комедии с успехом шли в столичных театрах. Неваховичи были приняты в высшем обществе. Его милостивая дочь Эмилия пользовалась успехом на балах, однажды танцевала с Пушкиным. Поэт спросил очаровательную партнершу, как ее зовут; она ответила: «Мила».

---

⁸ Сообщено Л. Бердниковым, выражаю ему благодарность.

– Как вам идет ваше имя! – любезно улыбнулся поэт, возможно, тотчас забыв о своем комплименте.

Но Эмилия Львовна помнила о нем до конца жизни, пересказывала детям; это стало семейным преданием, как и отрубленный нос Спотаря Милешту.

Похоже, что Илья Иванович Мечников женился по любви, а не только из-за приданого. Все шло бы хорошо, если бы не его пагубная страсть к карточной игре. Не с него ли и ему подобных рисовал Пушкин своего Германна в «Пиковой даме»?

От богатого приданого жены с годами ничего не осталось, жить в Петербурге с должным для светского офицера размахом стало невозможно. Иван Ильич вышел в отставку и поселился в своем родовом имении Панасовке, в Харьковской губернии. Сыновей своих, старшего Ивана (названного в честь деда по отцовской линии) и младшего Льва (названного в честь деда по материнской линии), оставили в Петербурге, в частном пансионе; дочь взяли с собой. В Панасовке у них родился четвертый ребенок, Николай, после него уже детей иметь не хотели. Но, как я писал в книге о младшем Мечникове, «через два года, 3 мая 1845-го, взял и возвестил победным криком о своем появлении на свет божий Илья. Это был его первый своевольный поступок»⁹.

Неукротимым своеволием Лев Мечников превосходил даже младшего брата.

Болезнь тазобедренного сустава, перенесенная в детстве, сделала его инвалидом, но сильная хромота не мешала ему мотаться по свету, драться на дуэлях, еще мальчишкой убежать из дому – то в Молдавию, чтобы захватить трон (!!), то в Севастополь – спасти отечество во время Крымской войны.

Из гимназии его исключили за независимый нрав; его это не обескуражило. Он засел за книги и играючи сдал экзамены за гимназический курс – экстерном. Поступил в Харьковский университет, но связался с революционными кружками и после первого курса был удален. К счастью, без волчьего билета. Он поехал в Петербург, поступил в Медико-хирургическую академию, параллельно в университет. И еще в Академию художеств. Трех высших школ ему было мало; он приватно изучал иностранные языки. За два года он освоил десяток

---

⁹ С. Резник. Мечников. М., ЖЗЛ, «Молодая гвардия», 1973. С. 23.

европейских и несколько восточных языков. В это трудно поверить, но так говорят его биографы. А когда появилась возможность присоединиться к дипломатической миссии, он, не задумываясь, бросил учебу во всех трех высших школах и отбыл в Константинополь, оттуда в Афины, затем в Иерусалим. Мир посмотреть, себя показать, кое-что зарисовать.

Он преуспел в одном, и в другом, и в третьем.

Начальника миссии генерала Б.П. Мансурова он высмеивал в едких карикатурах – ими полнился его дорожный альбом, который он не думал таить от окружающих. Приятелю, который на него наступал, Мечников вlepил пощечину, вызвал его на дуэль. Из миссии его уволили.

Устроившись торговым агентом в какую-то русскую компанию, он продолжает «смотреть мир», путешествуя по Балканам и Ближнему Востоку. Потом порывает с компанией и едет в Италию. Оттуда пишет родителям:

«Теперь я определённо знаю, что создан быть только художником. И никакие силы мира не заставят меня покинуть родину Тициана»¹⁰.

Однако Тициану он скоро изменил с ... Джузеппе Гарибальди и его *тысячей* отчаянных молодцов. В Италии шла борьба за независимость и объединение страны. Лев Мечников, конечно, в стане самых горячих патриотов.

«Как пишут итальянские историки, «командуя артиллерийской батареей в битве при Вольтурно 1 октября 1860 года, лейтенант Мечников успешно отражал атаки неаполитанской пехоты, а когда кончился боезапас, поднял гарибальдийцев в контратаку, но был сражён осколками вражеского снаряда». Его выходили французские врачи, которых нанял Александр Дюма, ставший Мечникову другом»¹¹.

Приключения хромоногого беса продолжают с такой виртуозностью, что романы Дюма на их фоне выглядят пресными бытовыми хрониками.

После того, как в Италии воцарился мир, Лев Мечников переезжает в Швейцарию, знакомится с Герценом и Бакуниным, вступает в Первый интернационал – в секцию анархистов.

---

¹⁰ С. Аксентьев. Две судьбы, разделенные двумя веками. «Наука и жизнь», 2008, №1

¹¹ Там же

В Россию ему путь закрыт: в секретных депешах его характеризуют «республиканцем, красным, опасным человеком». Зато в российских журналах нарасхват, как горячие пирожки, идут его корреспонденции, рассказы, повести, аналитические статьи. Они печатаются под разными псевдонимами, некоторые не расшифрованы до сих пор.

Гонорары, однако, приходят нерегулярно, и они мизерны. А у него на руках семья: жена и удочеренная падчерица. Жить становится все труднее, грозит нищета. Как быть?

Лев Мечников не из тех, кто терпеливо распутывает Гордиевы узлы, он их рубит сплеча.

Его новое дерзкое решение – освоить японский язык и ехать в Японию!

Сказано – сделано.

Через полгода он в Токио: преподает русский язык, активно общается с японцами из разных слоев общества, ездит по стране, жадно вбирает впечатления, собирает сведения о географии, истории, экономике, политическом устройстве страны, бытовой жизни народа. Результатом двухлетнего пребывания в Стране восходящего солнца становится труд объемом в 700 страниц: «Японская империя».

Развившийся туберкулез легких заставляет его вернуться в Европу. Но не обратным путем – это не интересно! – а через Тихий океан в Сан-Франциско; оттуда по железной дороге – в Нью-Йорк; оттуда пароходом через Атлантику, завершая кругосветное путешествие. Он стремится «больше увидеть, узнать», что не мешает ему по пути закончить монографию о Японии.

Вернувшись в Женеву, Лев Мечников знакомится со знаменитым географом и своим единомышленником, убежденным революционером-анархистом Элизе Реклю. Как и Мечников, Реклю – изгнанник, только не из России, а из Франции; как и он, путешественник, объехавший, точнее сказать, обошедший на своих двоих полмира.

Неутомимый труженик и блестящий стилист, Реклю издавал ежегодно по толстому тому «Всемирной географии» – 19 томов за 20 лет! В Льве Мечникове он нашел родственную душу. Помог ему издать «Японскую империю», а тот помогает в подготовке очередных томов «Всемирной географии».

Стараниями друзей и особенно Реклю, Лев Мечников становится профессором географии и статистики Лозаннского

университета. Профессорского жалования вполне хватает на жизнь. Параллельно с чтением лекций он работает над книгой «Цивилизация и великие исторические реки».

Она и станет его главным научным трудом, хотя выйдет уже посмертно.

Прогрессирующая болезнь исподволь подтачивает силы. В 1888 году пятидесятилетний Лев Мечников умирает. В прочувствованном слове над могилой друга Элизе Реклю скажет: «Смерть не полагает конца его предприятиям и стремлениям. Он живёт в памяти своих друзей, а его идеи живут в жизни потомков».

5.

В год смерти Льва Мечникова Николай Вавилов был младенцем. Но почти через 30 лет Лев Ильич ожил в его вступительной лекции на Высших саратовских сельскохозяйственных курсах. Вавилов вдохновенно рассказывает о книге Мечникова, в которой проводится идея о *трех* периодах развития человечества и его культуры.

Первым, в представлении Мечникова, был речной период, когда на берегах великих рек возникли и развивались земледельческие цивилизации древности: Месопотамская, Египетская, Китайская, Индийская... Второй период он назвал средиземноморским: отдельные изолированные цивилизации вступили в контакт друг с другом, что наиболее характерно для стран Средиземного моря. Третий, океанический период, начался с открытия Америки и налаживания регулярных связей Европы с Индией и Китаем; он продолжается до сих пор.

В своей лекции Вавилов полностью солидаризируется с взглядами Льва Мечникова.

Через несколько лет он выступит с пересмотром этих воззрений: дополнит три периода человеческой культуры четвертым, наиболее древним, который в системе Мечникова следовало бы поставить *первое* первого. Вавилов еще не подозревает, насколько существенны будут его коррективы, но уже с уверенностью говорит: «ботаник может поправить историка и археолога».

«Культура поля идет всегда рука об руку с культурой человека» – вот основная идея его программной лекции. Древние земледельческие цивилизации, изолированные друг от

друга, могли вводить в культуру те растения, которые имелись в местах их обитания. Великие цивилизации доколумбовой Америки не знали пшеницы. Древние инки, майя, ацтеки, достигшие изумительных высот культуры до прихода европейцев, не ведали вкуса простого пшеничного хлеба! Точно так же обитатели Старого Света до открытия Америки не имели понятия о картофеле, табаке, томатах, подсолнечном масле, кукурузе.

Человечество вступило в такой период, когда между всеми частями планеты идет и все увеличивается интенсивный обмен. Пшеница стала господствующей культурой в США и Канаде, а картофель возделывается на миллионах гектаров в Европе.

Но Вавилов подчеркивает, что процесс переселения сельскохозяйственных культур только начинается. И идет стихийно. Никто еще не доказал, что в таком-то районе наиболее рационально выращивать такие-то растения. Более того, никто еще не выявил, какими растительными ресурсами реально владеет человечество. «Но и теперь ясно, – говорит Вавилов, – что через 100-200 лет настоящий состав культурной флоры многих стран изменится существенным образом».

Чтобы это могло произойти, надо, прежде всего, провести всемирную перепись сортов культурных растений. Не только родов и видов, но сортов! Надо собрать сорта со всего света. И хранить не засушенными в гербарных шкафах, а живыми, ежегодно высеваемыми, с тем, чтобы всесторонне исследовать на экспериментальных делянках реальную ценность каждого сорта. И на их основе создавать новые сорта.

Такую задачу Вавилов впервые сформулировал в сентябре 1917 года, в Саратове, в своей вступительной лекции. Она стала программой работы – его и всего исследовательского коллектива, который ему предстояло создать и возглавить. Сегодня, через сто лет, она остается программой многих научных учреждений России и разных стран мира.

Элиэзер Рабинович
Штат Нью-Йорк, США

Колыма как родина страха. Комментарий к фильму Юрия Дудя

«Когда во время Ленского расстрела (1912) было убито несколько сот человек, начался подъём революционной ситуации, и, в конечном счёте, царь потерял трон. Сталин угадал то, чего не знал царь: когда гибнут сотни, общество и мир возмущены; когда миллионы,- стоит полная тишина».

Меер Рабинович (8 лет на Колыме), отец автора, в разговоре с ним в 50-е годы.

«Сколько их! Куда их гонят,
Что так жалобно поют?»
А. Пушкин, «Бесы».

Юрий Дудь совершил подвиг, неожиданный для человека его поколения: наученный, было, родителями всего бояться, удивлённый и возмущённый тем, что половина молодых людей понятия не имеет о сталинских репрессиях, он в мороз -50-60 градусов Цельсия проехал 2000 км по Колымской трассе от Магадана до Якутска, поговорил с людьми на трассе и вне её, с людьми уходящего поколения и их детьми и рассказал об этом в блестящем и страшном двухчасовом фильме. Никто теперь не может сказать: «Мы не знали». Очень важно, что весь фильм идёт с английскими титрами.

За 11 дней, прошедших с помещения фильма на ютубе 23 апреля, его посмотрели около 12 миллионов зрителей, оставивших более 130 тысяч комментариев; несколько дюжин статей были опубликованы, так что мне нелегко найти свои пару

центов, чтобы вложить в них свое мнение, тем более, что оно положительное, – и в этом смысле мало отличается от других. Всё же попробую. Начнём с осмысливания цифр.

Сколько их?

На 7-ой минуте большими буквами на экране сообщается, что «20 000 000 ПРОШЛИ ЧЕРЕЗ ГУЛАГ»; комментатор говорит, что это было с 1930 по 1956 годы, добавляет, что цифра, в основном, признаётся всеми историками. Следующий экран: «2 000 000 ЧЕЛОВЕК ПОГИБЛИ». Не отмечается, входят ли в число погибших и расстрелянные, и доведенные до смерти каторжным трудом; наверно, входят.

10 лет назад в статье «Трое из раздавленного поколения» я сослался на секретную записку главы МГБ С. Игнатьева, опубликованную писателем Юлианом Семёновым («Новое русское слово», 28 февраля 1988 г.), о том, что только в одном 1952 г. в лагерях находилось около 12 миллионов человек. Простая арифметика: если считать, что средним сроком было 10 лет, то в течение 16 лет с 1937 до 1953 гг., через лагеря прошли около $12 \times 1.6 = 19$ миллионов человек. Когда в 1951-53 гг. я посещал отца в сибирской ссылке, где жили освобожденные из лагерей, я встречал там все возможные слои общества: это были мужчины и женщины всех возрастов; рабочие, крестьяне, актёры, учителя, врачи, служащие; партийные и беспартийные; русские, евреи, китайцы, один турок, немцы Поволжья. Ни одна группа не была пропущена.

За что? В какой-то момент в фильме Дудя мелькает цифра: 25-30% этих людей, возможно, были невиновны. Цифра бессмысленна без разбиения заключённых на группы. Были уголовники – воры, убийцы, бандиты, в отношении которых должный процесс более или менее соблюдался и которые были в большинстве правильно осуждены. Были «бытовики», «растратчики», как например, девушка, продававшая мороженое, угостившая друзей и не успевшая внести деньги в кассу до инспекции; голодные люди, запретно собравшие оставшиеся на поле колоски; более крупные похитители из кассы государства – эти люди совершили действия, в которых их обвиняли и посадили по законам, устанавливавшим совершенно непропорциональные кары даже за мелкие проступки.

Что касается политических обвиняемых, то к 1937 году Сталин уничтожил старую ленинскую гвардию. Многие из них сами были убийцами во время гражданской войны (Зиновьев, Тухачевский), но они не были виновны ни в какой антисоветской деятельности и шпионаже, в которых их обвинили. Подавляющее большинство заключённых и казнённых не совершили преступления не только согласно правовым нормам Запада – не было преступлений даже согласно жестокому советскому Кодексу и его 58-ой статье. Родственник за границей, письмо оттуда, короткая встреча с иностранцем (фильм рассказывает, что известный актёр Георгий Жженов получил 5 лет за разговор с иностранцем) – всё это были поводы для ареста. Однако большинство – отец Шифрина, наши с женой отцы, дяди, – не совершили даже таких «преступлений», не прошептали никакого «неправильного» слова. Не помогало. Будущего конструктора ракет Сергея Королёва обвинили в том, что он уничтожил некий экспериментальный самолёт. «Он стоит во дворе института, целый, поезжайте и посмотрите», – это следователей не интересовало. Все эти люди были нужны для громадной рабской трудовой армии, превратившей Советский Союз в гигантский военно-промышленный комплекс. Это рабство не имело прецедента в истории. И в античности, и в Америке XVIII-XIX веков, частный рабовладелец заботился о рабах, если не из чувства гуманности, то из желания сберечь своё капиталовложение. У Сталина не было подобных забот. Гуманистические соображения его не занимали. Он ничего не платил за своих государственных рабов, и источник их

снабжения был неисчерпаем, так что плохо одетые и голодные люди зачастую дорабатывались до смерти.

Задумаемся о значении цифр. Леонид Велехов в коротком видео о Сталине

(<https://www.youtube.com/watch?v=X4VhqLqiGh4&t=65s>)

правильно говорит, что различия в моральном отношении между десятками тысяч несправедливо убитых или миллионами нет. Он говорит, что чилийскому Пиночету, который, возможно, спас Чили от коммунизма, не отмыться от «всего» трёх тысяч смертей. Я к этому добавлю, что наполеоновские войны унесли около 400 тысяч жизней. Тем не менее, история это Наполеону как-то прощает. Но трон он потерял, возможно, всего лишь за одно несправедливое убийство – герцога Энгиенского. Это случилось потому, что правители других европейских стран увидели в нём человека, способного на непредвидимые решения, которому трудно доверять. А сегодняшние русские коммунисты просят понизить число признаваемых ими жертв до их «порога чувствительности» в сотни тысяч.

Но Леонид Велехов и неправ, что они не признают миллионы. Они признают и отнюдь не смущены ими. Лидер теперешних коммунистов Зюганов оперирует двумя цифрами, обе из которых, наверно, правильны: одна – "829 тысяч за 32 года были расстреляны, включая всех бандитов, мерзавцев, всех предателей». Или, согласно бывшему вице-премьеру правительства России Альфреду Коху (<http://blogs.7iskusstv.com/?p=73600>), Зюганов принимает 2 миллиона делит их на тридцать, по 66 тысяч в год, и утверждает, что это ничего: «У нас в год на дорогах больше гибнет!»

Требуется объяснить, почему я назвал обе цифры, возможно, правильными. Первая, скорее всего, относится к расстрелам сразу после приговоров без заключения. Вторая включает все смерти. В лагерях расстреливали сравнительно мало, потому что была нужна рабочая сила, хотя мой дядя, ростовский раввин Моше Медалье, был расстрелян на Колыме по новому приговору в мае 1938 года. Но большинство смертей в лагерях были за счет того, что людей доводили до смерти тяжелейшим каторжным трудом и голодом. Подход Зюганова показывает, что глубокая аморальность и безразличие к человеческой жизни у современных российских коммунистов не изменились, только руки стали коротки. Если бы Зюганов посмотрел статью профессора В.Н. Земскова, он бы увидел у него близкую цифру

по числу казнённых – 799 455 человек, но у Земскова дана разбивка по годам – 353 074 в 1937 и 328 618 в 1938, то-есть 85% приходится лишь на два года «ежовщины».

Далее, 20 миллионов оставили дома семьи по 2-3 человека; скажем, мой отец – жену и двух детей, это даёт нам около 50 миллионов, побитых режимом. Или эти (20-2) миллионов вернулись домой калеками и стариками, зачастую неспособными на зачатие.

Это ТОЛЬКО по ведомству Государственного Управления Лагерьей. Нельзя упрекнуть Дудя (как это делает Кох), что в своём грандиозном проекте он не пошел дальше, да и ГУЛАГ охватил не полностью.

Кох: «Главные смерти — это коллективизация и последовавший за ней и из-за нее Голодомор»

Из Wikipedia:

За два года «к концу 1933-го миллионы людей умерли от голода или умерли другим неестественным образом на Украине и в других республиках. Потери населения из-за голода и снижения рождаемости оценивается в 6-7 миллионов».

Коллективизация и раскулачивание (Википедия):

По данным историка и исследователя репрессий В. Н. Земскова, всего было раскулачено около 4 млн человек (точное число установить сложно), из них в 1930—1940 в кулацкой ссылке побывало 2,5 млн.; из них 600 тыс. человек умерло, подавляющее большинство – в 1930—1933 годы».

Кох подтверждает: «Но миллионы т.н. кулаков и подкулачников — сосланы. Осенью в зиму. Без одежды. Без пищи. В суровую архангельскую и сибирскую тайгу. Просто в чистое заснеженное поле. Половина сдохла от голода или просто замерзла. Никаких расстрелов. Никакой статистики».

Из 27 миллионов, потерянных в течение войны, только треть была убита на самой войне, остальные – гражданское население.

Похоже, что около половины населения страны было репрессировано тем или иным способом. Интеллект всей страны не мог не пострадать в результате. Сделал это ОДИН человек за тридцать лет неограниченной власти. За всю историю такого не было. Он уничтожил цвет нации. Никто даже не думал, чтобы его остановить, а сейчас чуть ли не половина населения России мечтает о его возвращении.

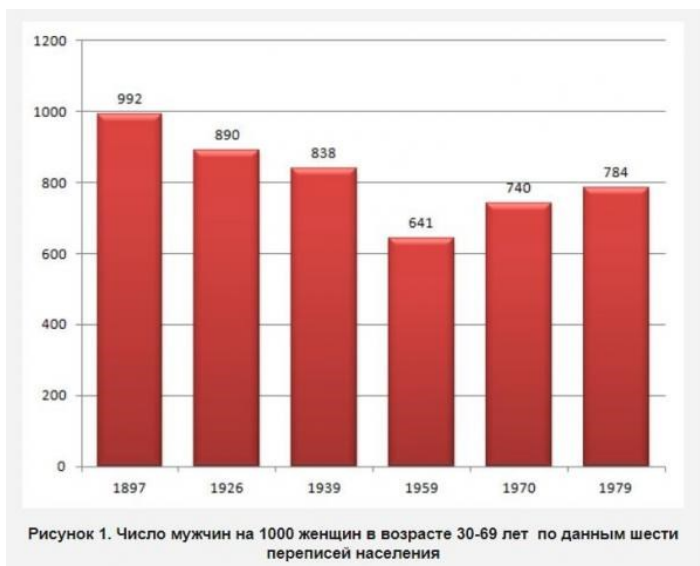
ОДИН? Нет, конечно. Как писал Мандельштам, «А вокруг него сброд тонкошеих вождей, он играет услугами полулюдей». Почему-то было такое впечатление, что Анастас Микоян слегка лучше других, что зла он, по крайней мере, не иницирует. Чушь – в фильме показано его выступление на каком-то съезде, где он героизирует пионера Колю Щеглова, который сообщил, что его отец («Он не отец ему боле!») крал доски со стройки. И показано (40:16) страшное письмо Микояна Сталину от сентября 1937 г., в котором он просит разрешения «дополнительно расстрелять 700 человек» в Армении. Не говорится о его подписи под приказом о Катынском расстреле, которая, как сказал сын, «лежит тяжелым пятном на совести нашей семьи» (цитата по памяти). Это был подобранный сброд серийных убийц.

Один из мифов: Сталин принял страну с сохой, а оставил её с атомной бомбой. Ни с какой сохой он страну не нашёл – Россия с Украиной экспортировала зерно, Сталин уничтожил сельское хозяйство, загнав крестьян в колхозы, вернув крепостное право в его худшей форме – барщины – и принёс массовый голод. Путиловские, Морозовские заводы обеспечивали высокий промышленный рост, сопоставимый с американским. Ленин и Сталин привели экономику к разрухе, а затем к рабству. С атомной же бомбой страна стала угрожать всему миру.

«Откуда берутся дети?» – спрашивают нас малыши.

«Тебя принёс аист в капусту, и мы там тебя нашли!» – объясняют счастливые родители. В счастливые времена. В несчастные времена, которые мы сейчас обсуждаем, кажется, что, и вправду, создалась ситуация, когда иного способа деторождения как бы и не было.

Несмотря на высокую смертность, мужчин на Колыме всё-таки выжило больше, чем на войне. Далекое не все после лагеря по состоянию здоровья были способны к воспроизводству. У всех была цинга, потому что не было никаких витаминов. Из-за войны и репрессий возник, только в СССР, огромный дисбаланс полов в возрасте деторождения:

Николай Савченко, Подробно о потерях Великой Отечественной, 2013 <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/tema02.php>).

График не показывает географическое разделение полов: когда мужчин Колымы освобождали, им часто отказывали в праве выезда на «большую землю». А женщины, потенциальные женихи которых были убиты на войне, находились на расстоянии 12 тысяч километров на западе. Аисты на такое расстояние не летают.

Ефим Шифрин рассказывает об аресте отца Залмана Шифрина (53:20), простого бухгалтера в Орше (Витебская область), которого осудили на 10 лет и вечную ссылку. Когда он закончил срок, родственникам в Орше пришлось в голову познать его с еврейской девушкой. Они списались, обменялись фотографиями, и весной 1950 Раиса Цыпина поехала на Колыму. Не напоминайте мне сытую и богатенькую княгиню Волконскую, ехавшую в Иркутск в двух кибитках с подарками от всех друзей. На экране у Дудя появляется описание того, как ехала «княгиня» Шифрина: 10-12 дней на поезде Москва-Владивосток в вагонах, где пассажиры были упакованы как сельди в бочке; 5-7 дней на корабле из Владивостока или Находки в Магадан. Через год у супругов родился старший брат, которого отправили к бабушке в Оршу. Вторая беременность – мать везет рожать за

40-50 км до больницы в кузове грузовика по плохой дороге – ребенок родился мёртвым. Прошло некоторая время, пока 46-летняя женщина решилась на ещё одного ребёнка, и Ефим Шифрин родился в 1956 году.

Дочь Сергея Королёва

Другая важная участница фильма – Наталия, дочь руководителя всей космической программы в СССР Сергея Королёва. Я уже упоминал его выше. Королёв едва выжил, пока не был «освобождён» для работы в «шарашке» – тюремном конструкторском бюро, ярко описанным Солженицыным в эпопее «В Круге первом». Несмотря на всё, говорит дочь, Королёв остался патриотом своей страны и учил дочь такому же патриотизму. Это неудивительно, если 5 апреля 1953 года, назавтра после объявления о прекращении «дела врачей», когда и конструктор, и все мы ещё понятия не имели, во что всё выльется, он пишет дочери письмо к её 18-летию: «Я желаю тебе быть достойным гражданином нашей великой родины». Ну кто же такой формальный текст пишет дочери? Ясно, что отец страшно боялся. Но что же дочь сегодня принимает эти слова всерьёз и гордится ими? «Эти слова я повторила моим внукам, когда им исполнилось 18».

Цена колымского золота

С 1941 по 1945 гг. на Колыме было добыто 400 тонн золота, несколько больше половины всей добычи в стране. В.Г. Зеляк в статье «Золото для победы» описывает, с какой жестокостью Сталин и Берия требовали выполнения всё бóльших планов по добыче. Фильм Дудя не опровергает легенду, что золото было нужно для оплаты поставок по ленд-лизу. Возможно, и Сталин и Берия думали так же, потому что они устроили поездку вице-президента США Генри Уоллеса на Колыму 24-26 мая 1944 г.

«На всех посещаемых объектах заключённые были заменены вольнонаёмными. Всё увиденное произвело на Г. Уоллеса положительное впечатление. Таким образом, задача, поставленная И.В. Сталиным и Л.П. Берией перед Дальстроем, – продемонстрировать американской стороне наличие значительных запасов золота для оплаты поставок по ленд-лизу... – была достойно решена» (В.Г. Зеляк).

Не знаю, зачем Уоллесу нужна была эта поездка, – возможно, ему было просто любопытно проехать до тех мест. Золото (в

том числе, и краденое испанское) ему могли показать в подвалах московских банков.

Село Ягодное, 600 км от Магадана. Мы знакомимся с Иваном Поникаровым (от 1:19:05), человеком под шестьдесят, который держит небольшой музей памяти ГУЛАГа прямо в своей квартире. Он сначала говорит все правильные слова, он, дескать, против рабского труда, и вдруг бросает: «Если бы не это, мы бы давно были под американцами, да, может, и будем». Колыма, – говорит он, – играла огромную роль в победе, как и добытые здесь 400 тонн золота, «большая часть которого ушла на оплату ленд-лиза» американцам. Идёт текст, который объясняет зрителю, что такое ленд-лиз и насколько он был важен в течение войны. И – большой промах создателя фильма – он не говорит (не знает?), что ленд-лиз тогда и НИКОГДА не был оплачен! Во время войны американцам и в голову не приходило требовать платы, хотя совокупная помощь США соответствовала 50 000 тонн золота – количеству, которое почти вдвое превышает все запасы золота в мире!

Об оплате читаем в статье о ленд-лизе в Википедии:

«Соглашение с СССР о порядке погашения долгов по ленд-лизу было заключено лишь в 1972 году... Из общего объёма американских поставок по ленд-лизу в 10,8 млрд \$ за целевую технику, по мнению США, необходимо было выплатить 1,3 млрд долларов, или около 12 %. В итоге же СССР, а затем РФ» оплатили сумму, которая в ценах на 2015 составила реальную оплату в 0,4 % от всей помощи!

Вот так! Золото Колымы или других приисков НИКОГДА не предназначалось для оплаты долгов. Может быть, покупали продовольствие для голодного населения? И этого не было.

Юрий Дудь заканчивает путешествие и фильм в Якутске. Он рассказывает, почему в Якутске до сих пор нет моста через Лену (2:14:25): «Потому, что все внимание, энергия и деньги уходят на другой мост...» Пауза и следующий кадр (2:14:28): «Тот, что в Крыму». Дудь спрашивает Шифрина, сохранился ли страх? «Твоё поколение от него совершенно свободно», – отвечает актёр.

«Почему мы это сделали? Почему мы копаемся в прошлом?» «Мы проехали трассу Колыма не потому, что это наше прошлое. Мы это сделали потому, что это наше настоящее». Эта концовка делает Юрия Дудя художником-философом. Как много теперь от него можно ожидать!

Ирина и Жиль Марк Фужерон

Париж, Франция

Неизвестные деятели русской культуры: Сергей Карцевский

С.И. Карцевский – известный лингвист первой половины XX века, один из создателей Пражского лингвистического кружка, родился 28 августа (9 сентября) 1884 года в Тобольске. В 1903 году он получил диплом учителя и два года работал в школе в селе Нахрачи (теперь поселок Кондинское).

Карцевский становится членом партии эсэров, и в 1906 году он арестован за революционную деятельность. Через год ему удается бежать из тюрьмы, и он уезжает за границу, в Женеву, где поступает в Женевский университет и посещает лекции по языкознанию известных профессоров того времени. Работая в области лингвистики, Карцевский пробует себя и на литературном поприще: публикует рассказ «Ямкарка», получивший высокую оценку А.М. Горького, и рассказ «Колька», который был премирован на конкурсе, организованном газетой «Биржевые новости» и журналом «Новое слово».

После защиты докторской диссертации с 1927 года Карцевский обосновывается в Женеве, где преподает в университете. Карцевский умер в 1955 г.

В 1957 году его жена и сын передали в АН СССР часть архива ученого. Это были рукописи на французском языке. Как стало ясно после систематизации материала эта часть представляла собой научную Грамматику русского языка для франкоязычных. Эти материалы пролежали в Институте русского языка почти нетронутыми до 1998 г.: имя эмигранта Карцевского было фактически вычкнута из советской науки.

Учитывая, что опубликованные работы ученого никогда (!) не переиздавались и что последнее издание работ Карцевского относилось к 1956 году, когда вышел сборник *Cahiers de Ferdinand de Saussure* №14, посвященный памяти Карцевского, Институтом русского языка РАН в Москве и Парижским лингвистическим обществом во Франции было решено переиздать лингвистические работы Карцевского и, на основе архивных материалов, издать до сих пор не изданное.

С 2000 по 2004 год вышло четыре сборника работ Карцевского. Два вышли в Москве, в издательстве «Языки русской культуры»: С.И. Карцевский Из лингвистического наследия — работы, написанные по-русски, и «Из лингвистического наследия» — перевод работ, написанных по-французски. В Париже вышел сборник статей (с широким привлечением архивных материалов) *Inédits et introuvables* (Неизданное и труднодоступное), и Парижским Институтом Славяноведения была переиздана книга «Система русского глагола» (с использованием архивных материалов).

В 2012 году после смерти сына Карцевского семья передала хранившиеся у него документы в Архив Женевского университета. Здесь, среди прочих ценнейших материалов хранятся рукописи и первых литературных опытов ученого.

При поддержке компании ПЛАНЕТА издательство RIDERO выпустило в июле 2018 г. книгу рассказов С.И. Карцевского «Из прошлого, из далекого», в которую вошли материалы архива.

Эти неизданные литературные опыты Карцевского, скорее всего, относятся к периоду его первой эмиграции (1906 – 1917 гг.) Они так или иначе связаны с его жизнью, с его биографией. Эти немногочисленные, короткие зарисовки показывают автора как человека широких интересов, реагирующего на окружающие события.

Об этом свидетельствует и экономико-этнографическое исследование «Среди вогул», написанное, вероятно, в 1903-1904 годах, когда он работал в Нахречах учителем. Приехав в край вогул, Карцевский в первую очередь заинтересовался их бытом, их социальным положением. За сдержанным, почти бесстрастным повествованием скрывается взволнованный рассказ об эксплуатации русскими кулаками местного вогульского и остякского населения.

«Село Туман» рассказывает о первых днях его пребывания в Нахречах, о встречах с «хозяевами», о тяжелой атмосфере в их доме, о детях, учившихся в этой школе, о людях, с которыми жизнь столкнула здесь автора. Повесть написана удивительно просто, лаконично. Интересно прочитать следом незаконченную повесть «Больная ночь», где воспоминания о событиях, описанных в «Селе Туман», частично вложены в уста третьего лица. Эта работа не датирована, но некоторые детали позволяют предположить, что во время своего короткого пребывания в России в 1917-1919 гг. Карцевский побывал в

родных краях. Этот факт, может быть, открывает новую страницу в его биографии.

В рассказе «Эпизод» находит отражение, вероятно, один из фрагментов революционной деятельности автора.

Два очерка «Из Финляндии» и «Оттуда» свидетельствуют о журналистской деятельности Карцеввского. С горечью рассказывает он о том, как советские самолеты бомбят финские города.

Как мы уже упоминали, из всех литературных опытов только два были опубликованы: рассказ «Ямкарка» (1910 г.) и «Колька» (1911 г.)

Одной из сторон деятельности Карцевского было издательское дело.

Он организовал издание журнала «Русская школа за рубежом», где публиковал на русском языке статьи как методологического, так и лингвистического плана. Одна публикация 1924 года выходит за рамки методико-лингвистического плана. Это свидетельство того интереса, который Карцевский проявлял к детской психологии. Речь идет о «Воспоминаниях детей-беженцев из России». После публикации в 10-11 номерах журнала, этот материал никогда больше не печатался. Мы посчитали интересным воспроизвести его в том виде, как он был составлен и обработан Карцевским.

***

ИЗ КНИГИ С. КАРЦЕВСКОГО

«Воспоминания детей беженцев из России»

В декабре 1923 г. по инициативе бывшего директора Русской гимназии в Моравской Тржебове (Чехословакия) А. П. Петрова среди учащихся была произведена своеобразная анкета: было предложено в течение двух часов написать «Мои воспоминания с 1917 года». Результаты получились настолько интересные, что Педагогическое Бюро обратилось ко всем русским школам за границей с предложением произвести на местах подобные же анкеты. В настоящее время материалы уже поступают в Бюро, и вскоре будут обработаны для печати проф. Б. Б. Зеньковским.

Помещаемые здесь страницы представляют собою извлечений из материалов, собранных среди учащихся Русской гимназии в Праге. 18 марта с. г. учащимся было предложено двухчасовое

классное сочинение на тему «Мои воспоминания с 1917 г.». Учащимся не давалось никаких разъяснений, чтобы каким-нибудь образом не повлиять на направление их мыслей. Всего поступило к нам 134 «сочинения». Воспоминания, избранные нами для опубликования, представлялись нам наиболее характерными.

Двухчасовой срок оказался недостаточным. Почти никто не успел закончить своих воспоминаний, и авторы ограничились одним-двумя эпизодами из своей жизни. В тех редчайших случаях, когда воспоминания были доведены до конца, их последние строки обыкновенно дышат чувством удовлетворения, что, наконец, все испытания и странствования кончились и что благодаря гостеприимной Чехословакии, возможно приняться за учение и жить сколько-нибудь нормальной жизнью.

МЛАДШИЙ ВОЗРАСТ

Точнее — те, кому в 1917—1918 гг. было 3—4—5 лет.

1. — Я помню, когда-то была война с немцами, а потом революция между собой.

6. — Я помню, как к нам в город пришли большевики. Большевики стали бить евреев и разграблять их имущество. Мне было очень жаль евреев.

11. — Мне приходилось спекулировать (спекуляцией называется товарообмен), так как был большой голод и заработанных денег отца не хватало, чтобы прокормить всю семью.

II. СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ

В 1917—1918 гг. авторам воспоминаний было 7—8 лет.

27. — 16 ноября 1917 г. вечером к нам прибежала одна знакомая и сказала, что большевики уже были у неё, и, наверное, скоро будут у нас. Мама уговорила папу уйти ночевать к одним знакомым. Ночью, в 2 часа, пришли чрезвычайщики с обыском. Ничего особенного они у нас не нашли, к утру ушли, оставив засаду, чтобы, если папа придёт, арестовать его. Никого из нас они не выпускали из квартиры, когда, маме нужно было идти за покупками, ее провожали солдата. Брату всё-таки удалось уйти через чёрный ход, чтобы предупредить папу, что у нас сидит засада... Осенью папа уехал за границу ... В 1920 т. мы поехали за границу.

31. — В 1917 г. наша семья жила, в Р*. Нас, детей, воспитывала тогда мама с двумя бабушками. Папы с нами не было... Наш город... переходил из руки в руки... При грохоте пушек, непрерывной стрельбе... весь наш дом трясся всем своим телом. По улицам то и дело можно было видеть огромные тяжеловесные грузовики, нагруженные солдатами в полном вооружении, с ружьями, пулемётами, различными бомбами. Кучки таких вооружённых солдат врывались в квартиры мирных жителей, грабя и отнимая все, что им попадалось на глаза. Эти люди не были похожи на обыкновенных людей. Они были до того разъярены, свирепы и жестоки, что никакое хищное животное не в состоянии сравниться с ними... Один раз, одна из таких диких шаек ворвалась к нам в квартиру...

32. Мы отступали с Деникинской армией. И вот тут я впервые увидела грубых жестоких людей, которые заботились только о себе и готовы были убить вас, если только им это было нужно.

III. СТАРШИЙ ВОЗРАСТ

Это те, которым теперь от 16—17 до 20 лет, а в некоторых отдельных случаях и выше.

37. — В настоящее время я делю свою жизнь на два периода. Первый период – это до 1917 г., золотая невозвратная пора детства. До 1917 г. я жил дома, в семье, под крылышком у матери. Я жил беззаботно, ни о чём не думал, ни о чём не заботясь и не сталкиваясь с жизнью и людьми. В 1917 г. произошёл великий акт в стране, который сильно отразился на строе всей моей жизни. 1917 год произвёл ужаснейший переворот и полную разруху нашего гнёздышка, о котором я вспоминаю с болью в сердце.

40. — Я помню первый день революции . С утра в городе было заметно волнение. Люди стремились к площадям, где предполагались митинги. Я тогда смутно понимала значение этого дня, но вокруг чувствовалось что-то новое, радостное и неволью сам заражался этой радостью и ожиданием чего-то большого, светлого в будущем. В доме у нас непрерывно велись споры. Одни с иронией говорили, что все эта детская игрушка и долго не продержится, другие горячо защищали великое дело и верили, что простой игрушкой оно не было и не будет. Потом начались погромы... Затем как-то незаметно подошли большевики, и тут уж пошли всякие Продкомы, Совнаркомы и т. д.

Едва ли эти человеческие документы нуждаются в каких-либо комментариях. Они достаточно громко и вразумительно говорят сами за себя. Тут есть над чем подумать и психологу, и педагогу. Учитель-словесник найдёт в этих воспоминаниях не мало интересного для наблюдения над детским языком, а также над отражением литературных влияний; наконец, он не сможет не обратить внимания на прекрасную передачу своих воспоминаний большинством молодых авторов и неволью сравнит их с обычными казёнными «сочинениями»...

Но что ждёт эту молодёжь в будущем?

Часть 6. Литература, Кино, Театр

Николай Акимов. Эскиз костюма Лисандро к спектаклю по пьесе Лопе де Вега «Валенсианская вдова». Эскиз костюма к спектаклю по пьесе П. Кальдерона «С любовью не шутят». 1938 год

Анатолий Валюженич

Астана, Казахстан

Бренд «Лиля Брик»

Передо мной номер редкостной московской «Общеписательской Литературной газеты», №2 (87), 2017 (не путать с общедоступной «Литературной газетой»). На предпоследней странице – рекламное объявление Дома творчества писателей «Переделкино», в котором, в частности, говорится:

«Здесь вы сможете не просто хорошо отдохнуть или творчески поработать, но и побывать в домах-музеях Бориса Пастернака, Булата Окуджавы, Корнея Чуковского, галерее Евгения Евтушенко, погулять по аллеям и улицам, где ходили Валентин Катаев и Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина и Лиля Брик, Константин Симонов и Роберт Рождественский...».

И никого не удивляет, что рядом с именами широкоизвестных писателей названо имя... Лили Брик. Кто же она и по какому праву попала в этот список? Вряд ли кто-то при этом вспоминает, что она была Музой или невенчанной женой «лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи» Владимира Маяковского. Таких муз и жен в Переделкино пруд пруди (впрочем, там не пруд, а речка Сетунь). Однако, больше ни одна из них не удостоилась подобной почести.

Если же, по возвращении из Переделкино, вы зайдете в знаменитый ресторан «Арагви», что в самом центре Москвы, около памятника Юрию Долгорукому, то там на стене возле зеркала увидите такую памятную доску:

«Это зеркало находится в ресторане «АРАГВИ» с момента его основания.

*В него смотрелись все знаменитые посетители
от Валерия Чкалова до Владимира Высоцкого,
от Ива Монтана до Лили Брик...
Теперь вы видите в нем себя.
и тоже становитесь частью легенды».*

Переделкино
приглашает

В Доме творчества писателей ПЕРЕДЕЛКИНО вы окунётесь в уникальную атмосферу, которую создали самые яркие литературные знаменитости. Здесь вы сможете не просто хорошо отдохнуть или творчески поработать, но и побывать в домах-музеях Бориса Пастернака, Булата Окуджавы, Корнея Чуковского, галерее Евгения Евтушенко, прогуляться по аллеям и улицам, где жили Валентин Катаев и Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина и Людмила Брик, Константин Симонов и Роберт Рождественский... Рядом с нами находится резиденция Московской патриархии с её исторической жемчужиной — Преображенским храмом.

Мы ждём вас по адресу: Москва, поселение Внуковское, ДСК «Многорукиек», ул. Никольная, д.4

Тел. +7(499) 739 09 40;
+7(495) 733 89 10

Кто был автором этого объявления? Кто выбрал среди многочисленных именитых посетительниц этого ресторана единственную – Лилию Брик! – а другие должны посчитать за честь только посмотреться в одно с ней зеркало? Вы скажете, что это преувеличение и будете правы и одновременно неправы: ведь действительно есть что-то магическое в этом имени, что неизменно привлекает к нему и ее почитателей, и ее недругов.

В Санкт-Петербурге существует мини-отель «ЛИЛИЯ-БРИК» (!) по адресу: ул. Маяковского, 46 «в пяти минутах ходьбы от станции метро «Чернышевская», в перечне услуг которого «допускается размещение домашних животных». Смотрите, как всё здесь сошлось: и Владимир Маяковский с Лилей Брик, и Н.

Чернышевский, роман которого «Что делать?» они оба любили, и даже «Щену», которого очень любил поэт, о чем Л.Ю. написала отдельную книжку, в отеле, названном ее именем, место нашлось!

Некая торговая фирма поместила в Интернете рекламу «Блузка «Лиля Брик»»: Италия, хорошее качество, очень легкая, комфортная. Цена 2000 руб.»

Воистину, само имя «Лиля Брик» стало сегодня настоящим брендом – хорошо узнаваемым, привлекательным, внушающим доверие, гарантирующим высокое качество.

Очень часто в рекламных целях используется фотоплакат работы А.Родченко (1925 г.), где из открытого рта снятой в профиль Л.Ю. вырывается призывный рекламный лозунг. Вряд ли кто сегодня помнит, что в изначальном варианте это было: «КНИГИ по всем отраслям знаний», предлагающий продукцию Ленгиза. Сегодня в рот нашей героини заталкивают самую разнообразную рекламу и призывы. Какие уж там «Книги»?!

Образ Л.Ю. широко используется не только в печатной продукции, но, скажем, и в кино. Не только в многочисленных фильмах и телевизионных сериалах «про это, про поэта и про Лилию Брик», но и в совершенно неожиданной привязке. Недавно телестудия «Мир» сняла документальный фильм «Женщина за рулем», напомнив телезрителям, что первой «автоледи» в советской стране была, естественно, Лиля Брик. И телеведущая при его съемке дотошно расспрашивала меня о первой «автоледи».

Когда я закончил составление «Библиографии работ о Л.Ю.Брик», то был потрясен сам, обнаружив, что в этот список входит более 600 библиографических справок! А ведь этот список не может претендовать на абсолютную полноту. Что-то же заставило сотни авторов взяться за перо, чтобы публично выразить свое отношение к ней.

И по большому счету неважно положительное оно или отрицательное. Пытаясь как-то объяснить причину такой популярности ее имени многие видят ее в причастности к имени «лучшего и талантливейшего поэта нашей советской эпохи» – Владимира Маяковского, музой которого она была. Это он ввёл ее в историю литературы XX века, сделал ее (благодаря ему!) широкоизвестной. Полноте! В последние годы поэтическая

слава Маяковского меркнет, читательский интерес к его творчеству падает.

Библиография работ о нем, появившихся в последние годы, несопоставима с аналогичной библиографией, относящейся к Лиле Брик. И порой на ум приходит совершенно крамольная мысль, что, может быть, это Лиля Брик, которая была его музой, еще удерживает его «на плаву»?

А может быть, обывателя привлекают сексуальные страница ее биографии? Некий «донжуанский список» в его женской интерпретации? Или тайны семейной жизни «треугольника», когда одновременно два мужчины открыто считались ее «мужьями». Но и такая арифметика любовных связей и любовная геометрия не редкость в истории отечественной литературы, но такого внимания к себе не привлекают.

Есть и еще один «грех» на ее душе, привлекающий внимание к себе пронизательного обывателя: ее сотрудничество с «органами». Правда, об этом документально ничего не известно, кроме номера ее «чекистского» удостоверения. Как справедливо заметил шведский профессор-славист Бенгт

Янгфельдт: *«Правду мы узнаем, когда откроются для исследователей архивы КГБ (впрочем, может быть, тогда окажется, что Л.Брик не была исключением, а удостоверения ГПУ были и у многих других)».*

Но многим сегодняшним «исследователям» недосуг ожидать, когда откроются эти архивы, и они прогнозируют уже сейчас по своему разумению скрытые в них тайны, участие в которых легко приписывают нашей героине. Я же хочу обратить внимание на два известных факта.

В разгар кровопролитной Отечественной войны, 19 марта 1943 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского областного издательства», в котором это издательство было подвергнуто суровой критике в том числе за выпуск *«пошлых рассказов Брик о Маяковском «Щен» (!)*. А через 16 лет, 31 марта 1959 г. было принято специальное (!) Постановление ЦК КПСС «О книге «Новое о Маяковском», в которой были впервые (!) опубликованы письма В.Маяковского к Л.Брик. Вряд ли партийные власти стали бы столь открыто предавать публичной суровой критике своего агента из «органов». Словом, и эта страница ее биографии не могла стать причиной признания ее «феномена».

Так в чем же тогда заключается «феномен Лили Брик», обусловивший ее легендарность? Скорее всего в совокупности приведенных выше причин, в продолжительности ее яркой, насыщенной событиями жизни, в окружении ярких личностей эпохи.

Считается, что настоящая женщина должна быть «женщиной-загадкой». В этом качестве Лиле Юрьевне, как говорится, не занимать. Она поистине кладезь загадок и одна из них, может быть главная, в том, в чем заключается феномен ее легендарности.

ИФ ШЕРШАВЫМ ЯЗЫКОМ ПЛАКАТА
ОТ ТЕМНА ДО ТЕМНА

Если в вашем доме поселился «замечательный сосед», играющий на кларнете и трубе, или от темна до темна на улице «поёт гитарная струна» - бессонница вам обеспечена. А чему помимо здоровья она наносит вред? Учёные подсчитали, что у невыспавшегося человека работоспособность падает на треть. Интересно, что средняя продолжительность сна американцев - 522 мин. и по производительности труда в мировом рейтинге они на 3-м месте. Россияне спят значительно меньше - 420 мин. Может, поэтому по производительности мы лишь на 42-м месте? Скоро в России может появиться система фиксации нарушений режима тишины. Рядом с камерами видеонаблюдения повесят датчики контроля звука. Нарушителей будут фиксировать и привлекать к ответственности. Наконец-то отоспимся и догоним Америку!

Использован плакат Александра Родченко «Крики по водам отрядам звёзд»

Она и я вместе с ней, в качестве ее биографа, предлагаем читателям самим попытаться разгадать эту загадку.

Но какие бы ни были причины ее феноменальной популярности, можно с уверенностью констатировать, что ее имя стало настоящим брендом, характеризующим высокое качество, долговечность, доступность рекламируемого предмета.

Как бы порадовался Маяковский, который много занимался рекламой, если бы мог предположить, что имя его Музы стало брендом. Он и сам мог бы откликнуться на это, например, такими строками:

*Наш призыв переходит в крик:
 Покупайте товары «Лиля Брик»!*

или:

Селитесь в гостиницу «Лиля Брик»!

Бенгт Янгфельдт

Стокгольм, Швеция

Об Анатолии Валюжениче, Осипе Брике и Владимире Маяковском

Во время беседы с Инной Юльевной Генс – вдовой В.В. Катаняна – весной 2004 года мы стали говорить о новонайденной свободе изображать советскую историю без прикрас. И с сожалением констатировали, что Маяковскому эта возможность ничего хорошего не принесла. Если в советское время он изображался пролетарским поэтом и рупором коммунизма, то теперь интересовались почти исключительно его личной жизнью, при том об этом писалось вульгарно и в поисках сенсаций. Кроме того, интерес издателей и читателей вызывал не Маяковский, а женщины в его жизни, главным образом, разумеется, Л.Ю. Брик.

Беседа с И.Ю. Генс состоялась в квартире на Кутузовском проспекте, которую я посетил впервые в марте 1972 года. Пока мы говорили, в моей голове прогремела мысль, которая была такой четкой и вызывающей, что я ее *услышал*: «Если ты такой умный, напиши эту книгу сам!»

Верен мысли, пронесшейся через мою голову в бывшей квартире Л.Ю. Брик и В.А. Катаняна, вернувшись в Стокгольм, я сразу взялся за работу над биографией Маяковского. Начал я эту работу после десятилетнего перерыва в активных занятиях Маяковским.

После 1992 года, когда вышел сборник *Якобсон-будетлянин*, я занимался научной работой, далекой не только от Маяковского и русского авангарда, но и от русской литературы вообще. Из-за своего долгого отсутствия в «маяковедении» я четко осознавал, что для успешного завершения такого большого проекта, как сочинение биографии, мне нужна библиографическая и прочая помощь.

Анатолий Валюженич

Обратился я за этой помощью к Анатолию Васильевичу Валюженичу. Он отозвался на мой проект с большим энтузиазмом, и в вышедшей спустя три года биографии я смог со всей искренностью поблагодарить его за эту помощь, без которой «книга была бы значительно беднее».

С А.В. Валюженичем я был знаком лишь заочно. Впервые я услышал о нем от В.А. Катаняна в семидесятые годы, когда начал заниматься Маяковским. «Вот, де, есть в Казахстане человек, инженер (!), который помешан на Брике, собирает все, что с ним связано».

Разумеется, никакого контакта между мной и этим «человеком в Казахстане» не могло быть, и не только по географическим причинам: во-первых, сама тема была чуть ли не под запретом, во-вторых, связь с иностранцем могла бы принести ему неприятности.

В советские годы инженер-энергетик занимался своей «подрывной» литературной работой в Целинограде кропотливо

и целеустремленно, ничего не сумев опубликовать. Зато после падения советской системы он развел бурную публицистическую деятельность. С начала 1990-х годов, помимо множества журнальных статей, А.В. Валюженичем опубликованы четыре книги, посвященные О.М. и Л.Ю. Брикам и, тем самым, косвенно и Маяковскому.

Первая, *Осип Брик: Материалы к биографии*, вышла в 1993 году, к столетию со дня рождения Маяковского, в Акмоле (как тогда назывался Целиноград). В этой книге собраны статьи Брика, воспоминания о нем и заметки Валюженича о жизни и творчестве Брика, так же, как и библиография работ Брика, включающая почти 500 единиц. Этим сборником была не только положена основа новой дисциплины – «бриковедения», – но обогащено и «маяковедение».

Издать книгу было трудно, но уже не по литературно-политическим причинам, а по чисто экономическим. Спонсор нашелся в виде производственного объединения «Целинэнерго», где Валюженич к тому времени проработал уже 30 лет.

Книга напечатана малюсеньким тиражом и на плохой бумаге, и редаKTура оставляла желать лучшего из-за неопытности и автора, и его издателя. Это все глубоко символично. Пока в Москве блюстители идеологической чистоты занимались тем, чтобы мешать серьезным ученым заниматься Маяковским и русским авангардом, закрыв доступ к архивам, в далекой Акмоле инженер-энергетик собирал материалы для сборника, дающего больше пищи для науки, чем все хорошо изданные столичные сборники о Певце Революции вместе взятые.

Через десять с лишним лет вышла следующая книга А.В. Валюженича *Лиля Брик – жена командира. 1930-1937* (Астана 2006), солидный том (более чем на 600 страниц), в котором собраны материалы – главным образом, эпистолярные, но и мемуарные, и документальные – о жизни Бриков в тридцатые годы, с обширными комментариями составителя.

Здесь представлен и богатый иллюстративный материал из разных архивов. Второе издание вышло в 2008 году, в этот раз уже в Москве (изд. Русская деревня). Третье осуществилось в виде первого тома двухтомника *Пятнадцать лет после Маяковского* (Москва – Екатеринбург, изд. Кабинетный ученый, 2015), где второй том составляет вышедшая впервые книга *Последние годы О.М. Брика. 1938-1945*.

Двухтомник этот состоит в общей сложности из 1000 с лишним страниц и является достойным завершением многолетнего изучения А.В. Валюженича жизни и творчества О.М. Брика – его *magnum opus*. Казалось, этим можно было бы довольствоваться.

Но в конце прошлого года вышел еще один сборник *Феномен Лили Брик* (Москва – Екатеринбург, изд. Кабинетный ученый, 2016). Сюда вошли не только библиографические материалы – как самой Л.Ю. Брик, так и о ней – но и прекрасно документированные статьи о самых гнусных страницах истории советского «маяковедения»: скандал вокруг 65-го тома Литнаследства, огоньковская травля Л.Ю. Брик, закрытие музея в Гендриковом переулке и т.п.

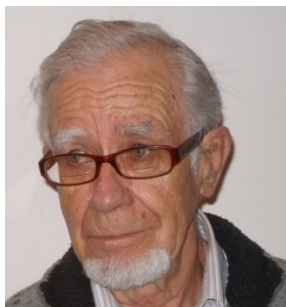
Феномен Лили Брик имеет подзаголовок «Биобиблиографический роман».

На самом деле, это определение могло бы служить подзаголовком ко всем книгам А.В. Валюженича. Он замечательный библиограф, который выстраивает найденные им факты как своего рода роман. В книгах А.В. Валюженича есть и ошибки и просчеты, и не со всеми его доводами я согласен. Но в данном случае речь о другом. О том, как «человеку в Казахстане» удалось в нелегких условиях, далеко от столичных архивов и контактов, спасти литературное наследие одного из самых одаренных и влиятельных культурных идеологов 20-го века, Осипа Максимовича Брика. О том, как этой работой он существенно дополнил и биографии Владимира Владимировича Маяковского, и Лили Юрьевны Брик.

Это не мало; это, на самом деле, не менее, чем подвиг.

Владимир Солунский
Милуоки, США

Песни — стихи Михаила Щербакова

*«...Я ваш новый фореитор, а кто не согласен -
вот Бог, вот порог.*

*Решено, что мы едем в Эдем,
это значит, мы едем в Эдем.*

Занимайте места, господа вояжёры.

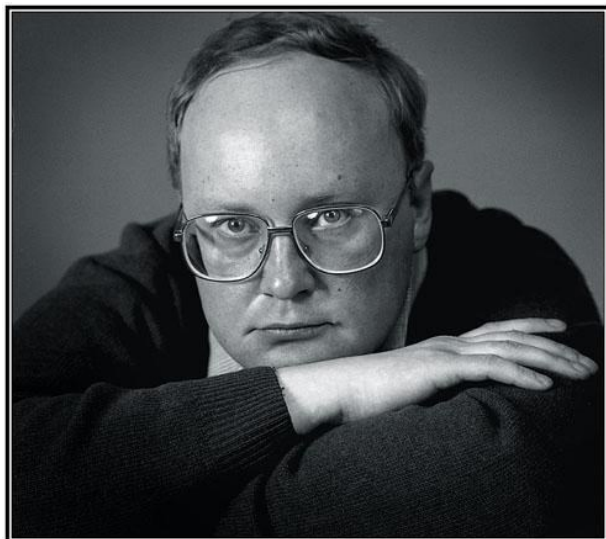
Таков эпилог...»

(М. Щербаков)

Просматривая мною написанное для «Поэтического альбома» журнала «Чайка», я заметил, что все герои моих очерков (Евтушенко, Бродский, Левитанский и другие) уже ушли от нас. Но ведь жизнь поэзии продолжается. А писать о действующих поэтах... Это в любом случае означает становиться в позу судьи, давать собственную оценку со знаком «плюс» или «минус» и т.д., и т.п.

И все же давайте рискнем и поговорим об одном ярком и странном, удивительном и спорном явлении в русской поэзии последних десятилетий, стихах Михаила Щербакова. Надо сразу сказать, что объем уже написанного по этому поводу в интернете (но не в толстых журналах!) раз в пять превышает то, что написано самим поэтом. Есть даже специальная книжка, эдак страниц на триста, – «МКЩ: Сборник работ о творчестве

Михаила Щербакова». Статей с избытком терминов типа постмодернизм, деконструктивизм, гиперреалистичность, интертекстуальность и т.д. Эти страшные слова, понятные специалистам, мало что значат для большинства из нас, «познающих мир в ощущениях».

Речь ведь идет о стихах, а стихи по своей природе должны вызывать чувства, эмоции и лишь потом, через них, становиться «материальной силой». Поэтому в дальнейшем я постараюсь дать читателю почувствовать как можно больше собственно стихов Михаила Щербакова, столько – сколько может вместить журнальный очерк, сведя свои комментарии к минимуму.

Сначала о самом поэте: Михаил Константинович Щербаков (МКЩ) родился в 1963 году недалеко от Москвы в г. Обнинске, городке ученых, там, кстати, была построена первая в СССР атомная электростанция. Окончил филологический факультет МГУ (1988 г.). Пишет стихи – баллады, которые сам же исполняет. Когда-то, говорят, играл на гитаре в концертах Ю.Кима, уже давно выступает самостоятельно. Выпускает книги, альбомы и диски. Ну вот, тоже мне биография!

Е. Евтушенко провозгласил: «Поэт в России – больше, чем поэт!» Щербаков, к счастью для него и для страны, просто поэт. К счастью для страны, потому что ей повезло получить

передышку. (Надолго ли? Кажется, что эта передышка почти окончилась.) К счастью для Щербакова, потому что это его собственный выбор и у него была возможность сделать этот выбор.

Впервые я попал на концерт М. Щербакова в Чикаго где-то в 2000 году по приглашению моих молодых друзей. Как человек обстоятельный, еще до концерта почитал его стихи. От первого же прочитанного пришел в полный восторг:

*«Помнишь, как оно бывало?
Все горело, все светилось,
Утром солнце как вставало,
Так до ночи не садилось.
А когда оно садилось,
Ты звонила мне и пела:
«Приходи, мол, сделай милость,
Рассказать, что солнце село ...»
(Аллилуя, 1986)*

Ну, ребята, тут умри – лучше не напишешь! Это гимн радости с учетом ироничности конца 20-го века и с полной погруженностью в классическую русскую поэзию.

И вот на концерте я увидел усталого сорокалетнего мужчину, который спел:

*«Теперь на пристани толпа и гомонит, и рукоплещет:
Из дальних стран пришел корабль, его весь город ожидал.
Горит восторгом каждый лик, и каждый взор восторгом
блещет,
Гремит салют, вздыхает трап, матросы сходят на причал...*

*...Ты знаешь, я не утерплю, я побегу полюбоваться.
Я ненадолго пропаду, – я попаду на торжество.
Ну сколько можно день и ночь с тобой рядом оставаться?
И любоваться день и ночь тобой – и больше ничего!...*

*...Вот так идет за годом год. Вокруг царит столпотворенье.
И век за веком растворен в водовороте суеты.
А ты ужасно занята, ты ешь вишневое варенье.
И на Земле его никто не ест красивее, чем ты.*

*Изгиб божественной руки всегда один и вечно новый,
И в ложке ягодка блестит, не донесенная до рта...
Не кровь, не слезы, не вино – всего лишь только сок
вишневым,
Но не уйти мне от тебя и никуда, и никогда.»*
(Вишневое варенье, 1984)

Ну, что ж! Это действительно так. Да, любовь, даже счастливая, это все равно рабство, пусть даже добровольное, желанное, но рабство!

А потом он спел о корчме. (Я чуть не сказал о «корчме на польской границе» — не знаю, на какой границе):

*«Ни сном, ни духом, ни днем, ни ночью
Стрельбе не внемлю – сижу, сдаю.
Рука не дрогнет: мне все равно, чью
Попортят шкуру, пусть хоть мою...»*

*...Ребята с юга пришли князьями,
Рискуют с чувством. Пока вничью.
Они в набеге неплохо взяли,
Вернулись целы. Сижу, сдаю.*

*Упал направо валет червонный.
Плюсуем двести, пятьсот в уме.
Стрельба стрельбою – вопрос решенный:
Уж раз издохнуть, то здесь, в корчме...»*
(Корчма, 1996)

И вот вам бывший романтик, ныне превратившийся в карточного шулера. Когда-то молодой Щербаков, речь, конечно, идет не о самом поэте, а о его, так сказать, «лирическом герое», утверждал свой путь «*фантастическим загогом по неведомой спирали (Аллилуя)*». На деле путь «лирического героя» всегда предопределен, сошлюсь хотя бы на стихи очень старого поэта Дж.Г.Байрона в моем переводе:

*«Нет радостей, что может дать нам жизнь,
В замену тех, какие отнимает,
Когда жар первых мыслей остывает
И грустно вянут чувства миражи.*

*Румянец щек бледнеет, но скорее -
Румянец сердца...»*

В общем, впечатление от концерта осталось очень и очень приятное, если не сказать — восторженное. Радовала гитара, особенно заключительные аккорды; в остальное время гитара как бы уходит на второй план, там главное — текст.

Выяснилось, что стихи (Щербаков называет их песнями), диски и концертная деятельность — единственный его заработок. Что ж, стихами сейчас в России не прокормишься, а вот концертами прокормиться можно, тем более, что и его мелодии хороши. Не нужно думать, что так называемая авторская песня — это нечто новое, возникшее во второй половине прошлого века. Это просто хорошо забытое старое — до конца пятнадцатого века стихи произносились только пол музыку, их пели. В чем Михаил, по-моему, ошибается, так это в том, что его стихи неразрывны с его музыкой. Не думаю, что это так. Щербаковские речетативы не таковы, чтобы петь их за столом. Поэтому постепенно они забудутся. Что-то при этом потеряется. Но вот сами стихи (какая-то их часть) останутся!

Хотя, может быть, я здесь ошибаюсь. В одной компании, как раз «за столом», я услышал фразу: — Что бы спеть бы нам такого, только не из Щербакова?

Значит, есть и компании, поющие «только Щербакова».

Затем с перерывами в несколько лет Щербаков приезжал к нам в Милуоки. Концерты проходили в семейных домах при тридцати-сорока слушателях, и там удалось перемолвиться несколькими фразами. Помню в разговоре о «Вишневом варенье», когда я спросил Михаила, знает ли он еще что-нибудь написанное в таком размере, он сразу ответил:—Ну, что вы! Конечно есть!

Но потом, в перерыве, мы уже вместе искали такой пример, но так и не нашли. Жизнь поэзии продолжается!

Кстати, по поводу размера стихотворной строки. Щербаков большой любитель поиграть длинной, свехдлинной строкой. Вот один пример:

*Предположим, герой-
молодой человек,
холостой кавалер -
должен ехать в провинцию,*

*дней этак на десять,
делать дела.
Расставаясь с избранницей,
он орошает слезой интерьер
и, пожалуй, не врёт,
говоря, что разлука ему тяжела.
– Заклинает богами земли и морей
без него не подмигивать здесь никому.
В сотый раз напоследок, уже у дверей,
умоляет писать ему, что бы там ни было,
в день по письму,
рисовать голубка на конверте
и слать непременно скорей.
И красавица тем же
вполне от души
отвечает ему:
обещает писать,
ободряет кивком,
одаряет цветком,
наконец отпускает -
и в десять минут забывает о нём...
(1995)*

Ну вот, взгляните! Какой удивительно свободный язык, несмотря на сверхдлинную строку. Тут бы и сам Александр Сергеевич мог позавидовать. Михаил Щербаков — поющий поэт. Свои публикации он сопровождает записью аккордов, но поскольку не все, даже музыканты, обладают знаниями в этой специфической музыкальной гитарной грамоте, разбивкой строк я попытался хотя бы приблизительно передать ритмику стихотворения.

Мастерство здесь, как и в тех стихах, что я вам цитировал раньше, несомненно. Но вот, что же такое мы прочли? Некие милые отрывочные картины чужой жизни, неизвестно из каких времен (всего комфортнее ему, по-моему, где-то в середине девятнадцатого века) и неизвестно из каких стран.

Иногда где-то поблизости:

*«Когда надежды поют, как трубы,
Их зов дурманит, как сладкий дым.
Они предельны, они сугубы,*

И так несложно поверить им.

И вот дорога, и вот стоянка.

Вокзал и площадь – в цветах, в цветах.

Восток дымится. Прощай, славянка!

Трубоч смеется, шинель в крестах...

...Пройдет полвека, другие губы

Обнимут страстно мундштук другой.

И вновь надежды поют, как трубы.

Поди попробуй, поспорь с трубой.

А век не кончен. Поход не начат.

Вокзал и площадь – в цветах, в цветах.

Трубоч смеется, славянка плачет.

Восток дымится. Земля в крестах.»

(Прощание славянки, 1987)

А что по поводу поэзии Михаила Щербакова говорят уважаемые люди? Вот передо мной переключка Льва Аннинского и Дмитрия Быкова. По их мнению, весь Щербаков — это отраженная трагедия поколения. «Ни одно поколение (в обозримой памяти), кажется, еще не рождалось в ощущении того, что норма — это когда не на что опереться.» (Лев Аннинский)

Действительно, и поэты-фронтовики, и последующие шестидесятники были носителями идеи. Да, идея оказалась ложной, но не иметь никакой идеи — это еще в сто раз хуже. Это — пустота, «бездна», по выражению классиков. А стихи Щербакова — это «забалтывание» или «заговаривание» бездны. Правда, Быков добавляет, что Щербаков — это не только «бездна» но еще и «пейзаж», а пейзаж не бывает плохим или хорошим, а «бездна» порой превращается в «небо». А я бы в этот пейзаж где-нибудь в уголке добавил бы еще и маленького человечка.

Если считать поэтов-шестидесятников обобщенным Пушкиным, то Щербаков исполняет роль Лермонтова. (*Печально я гляжу на наше поколенье! Его грядущее иль пусто, иль темно...*). Кстати, по уровню цитирования в сегодняшнем интернете Щербаков уже догоняет Лермонтова — до Пушкина еще работать и работать!

Но давайте еще почитаем стихи Щербакова, в которых он изредка забредает в наше время:

*«Не жалко двуногих. Кому их возня
важна, антр ну суа ди?
Я также не нужен. Не жалко меня,
хоть пропадом я пропади.*

*Напрасно усталый страдающий брат
взывает о помощи днесь:
не жалко и брата. Он сам виноват,
впредь будет рождаться не здесь...»
(Автопародия, 1993)*

(«Антр ну суа ди» означает— «между нами говоря». Не подумайте плохого, я тоже должен был посмотреть в словарь.)
А вот еще:

*...А мой герой был скромный малый,
Существовал по мере сил.
Не познакомился с опалой,
Но и фавора не вкусил;*

*Юнцом не ползал по окопу,
Не лазил к барышням в альков.
Не эмигрировал в Европу
Из-за незнанья языков;*

*Был самоучка по культуре
А по натуре – робинзон,
Чему в реальной конъюнктуре
Едва ли сыщется резон....*

*...Когда кругом волненья тысяч
И политический процесс,
Кого ни тронь – Иван Денисыч,
Куда ни плюнь — КПСС,*

*Он размышлял об Эмпедокле...» и т. д.
(1989)*

Время идет, но нет ничего, ничего не было и ничего не будет...

*«Что изменилось в эти двенадцать месяцев,
угадай с налёта.
Правильно, ничего почти или очень мало.
Пустой был срок.
Публика шевелилась довольно вяло,
пыхтя созидала что-то,
после пыхтя ломала. В итоге минус,
но он не весьма глубок...»
(Целое лето, 1996)*

И вообще...

*«Чепуха. Чепуха. Говорю тебе, всё чепуха.
И Ньютон чепуха. И законы его чепуха.
Я сперва возражал, сомневался: а вдруг да не этак.
Но потом возмужал и нашёл, что таки чепуха.*

*Я вперёд поглядел. Увидел впереди горизонт.
И назад повернул. Но и там полыхал горизонт.
Повезло, но потом. Повезло, повезло, да не очень.
Я словарь языка развернул, но и там горизонт.*

*Мы с тобой мотыльки. Мы всё время ползли не туда.
Я то знал, я не полз. Я и всем говорил: не туда.
Мы никто, мы нигде. Мы с обеих сторон горизонта.
Мы туда повернём, где окажется, что не туда...
(Чепуха, чепуха, 1996)*

А как вам вот такое?

*«...Сосед-флейтист обломки флейты в печке сжег. Анета
влюблена.
К чему теперь турецкий марш, какой такой еще скрипичный
ключ?
Извлек из замши вещь, всего-то дел, нажал покрепче и
ломал.
Когда-то стройный клен, потом умельца труд, зола, зола
теперь.*

В столице нынче сложный день, венки, повозки, траур, медный звон.

*Тиран скончался, город слезы льет по нем, Анета влюблена.
Ведь вот привел Господь родиться! Что за город? Право, я дивлюсь.*

Седьмой покойник за семь лет, привыкнуть бы, а он все слезы льет...»

(Анета, 1995)

Да, похоже, что уважаемые классики правы, дело здесь в трагедии целого поколения.

«Какое мне дело до вас, до всех, а вам до меня?» пелось в одном старом кинофильме («Последний дюйм», кажется).

—Что нам эти ваши похороны, тираны и генеральные секретари, когда тут настоящее горе: Анета влюблена!

Вот только вопрос, не попадаем ли мы в очередную ловушку, заготовленную для нас поэтом?

*«Когда, закончив школу, я расстался с Подмосковьем
и в техникум столичный поступил, набравши балл,
я к новой жизни, жертвуя здоровьем (ежечасно),
тропю просвещенья зашагал.*

Была тропа терниста, но зерниста.

*За курсом курс отважно просвещался я. И вот
мне выдали диплом специалиста (тёмно-синий)
и вытолкали в люди из ворот.*

*Я отпуск получил и отпускных – не помню, много ль,
и резво мог на родину катиться кувырком,
в село, чтоб там расхаживать как гоголь (две недели),
селянкам демонстрируя диплом.*

Домой, где ждали роща и пригорок,

родня в ассортименте и компот из ревеня...

Но я пошёл в кино на 10.40 (про индейцев).

И там диплом украли у меня....»

(Кино-метро, 2004)

Ну, что? Поверили, что у Михаила украли диплом об окончании техникума? Как же он теперь будет, без диплома? Да, ерунда это – очередной «прикол»! В своих «пейзажах» автор нарочито отстранен — это вы относитесь к описываемому так или эдак — его дело придумать картинку.

И вообще, Михаил Щербаков человек очень закрытый, не дающий никаких интервью. Если по стихам Бориса Чичибабина или Бориса Слуцкого можно восстановить всю их биографию, то о самом Щербакове из его стихов мы не узнаем почти ничего. И это, в общем, правильно. «Я поэт, этим и интересен», — говорил Маяковский. Читайте стихи..

И все же, как будто бы, его один раз прорвало:

*«Неосторожно взяв почин
впредь обходиться без личин,
склеить пытаюсь два словца
от своего лица.*

*Битые сутки с тяжким лбом
сиднем сижу, гляжу в альбом.
Что до словес – язык не враг.
Что до лица — никак.*

*Вот гувернантка, с ней дитя,
милый ребенок. Но, хотя
брезжит повадка в нем моя,
все-таки он не я...*

*...Дальше не лучше. Вот, кляня -
тоже себя, но не меня, -
он на одной стоит ноге
в очень большой тайге.*

*В обувь ему, зловещ и диц,
вирусоносный клещ проник.
Знаешь ли ты, что значит «клещ»?
Это такая вещь.*

*Снова не я, а тот, другой,
перед микрофоном гнет дугой
корпус и разевает рот,
думая, что поет...*

*...Снимок за снимком, дым, клочки.
Скулы, виски, очки, зрачки.*

*Дети, отцы, мужья, зятя.
Кто же из оных я?...»
(Это не я, 1996)*

Говорят, уверенности в этом нет, что до МГУ Щербаков пару лет поучился в «Институте Нефти и Газа». Отсюда тайга и клещ в ботинке. Среди почитателей поэта этот клещ стал «притчей во языцех». Сталкиваясь с очередной неожиданностью, они понимающе разводят руками, мол, что поделаешь – клещ есть клещ, хотя, возможно, это очередная мистификация.

Границы журнального очерка неумолимо придвигаются. И все же мне очень хочется познакомить читателя еще с одним стихотворением:

*«Юго-Восток – ненастная страна.
Сезон дождей здесь тянется полгода,
и день за днём, с восхода до восхода,
лишь непогода царствует одна...
...Течение вод, бескрайний караван,
не разобрать, где дно, а где поверхность...
Сезон дождей в смятение поверг нас,
затевя свой унылый балаган.
Далёкий город облик корабля
приобретает в этой непогоде.
Но там никто по палубам не ходит
и не стоит на вахте у руля.
Матросы спят, им горе не беда.
В сезон дождей предписано уставом
всё время спать, прикинувшись усталым...
Корабль дымит, но с места — никуда...
(Сезон Дождей, 1987)*

Полубуйтесь, какие вкусные рифмы: «предписано уставом – прикинувшись усталым», «поверхность – поверг нас»! В последние годы Щербаков все чаще прибегает к нерифмованному стиху, что ближе к современной англоязычной поэзии. Нет, я не против, например, «Анета» мне очень даже по душе. Но когда нерифмованность накладывается на усложненный ритм...

Да и с изысканными рифмами жалко расставаться.

Вот все сказанное позволяет уважаемому Дмитрию Быкову, который тоже «не из последних удальцов», сделать заключение: «Щербаков сегодня едва ли не в одиночестве двигает русскую поэзию вперед».

И еще цитата из того же Д. Быкова: «Перед нами новый род словесного искусства — искусства, ничего не сообщающего, ничему не учащего и ничего не открывающего. Но в искусстве созидания таких величественных и просторных словесно-музыкальных ландшафтов, которые каждому говорят о своем, Щербакову действительно нет равных».

Это было написано Быковым в 2006 году.

Но время идет. Вот взгляните на стихотворение Щербакова «Разминка» 2015 года:

*«Шесть, семь, восемь,
два, три, раз,
объявляем
детский час.
Пять, четыре,
три, два, ноль,
мы в эфире
– входим в роль.
Грянул, дети,
с неба чёрный кризис,
под угрозой
наша хлеб да соль.
Точит когти
интервент,
хочет сделать
инцидент.
Нужен против
интервента
крепкий контингент.
Девять, десять,
сорок, сто,
вы уж, дети,
если что,
нас пойдите,
защитите –
больше ведь никто.*

*Ни соседей,
ни родни,
пусто, мальчик,
мы одни.
Если плохо
кашу ешь
-не осилишь
зарубеж...
...Ешьте кашу
вашу так,
чтобы дрогнул
лютый враг.
Как-никак вы
племя или
семя, или как?...»
(Разминка, 2015)*

А вот еще:

*«...По Красной площади брожу,
от нетерпения дрожу,
однако слышу лишь порой короткий ропот.
Затем короткую пальбу,
и снова тихо, как в гробу,
но я надеюсь каждый раз, как и сейчас.
Ходил на исповедь, пока
не подглядел исподтишка,
как исповедник диктофон под рясу прячет.
Платил психологу, но с ним,
когда бедой назвал я Крым,
случился шок, и я уж больше не платил...»
(Такие школы есть в Москве, 2019)*

Как-то это уже не совсем похоже на прежнюю отстраненность Михаила от всяких политических дел. Поживем — увидим!

А для читателя, ухитрившегося дочитать этот очерк до конца, хочу сделать подарок. Вот наберите этот сайт (<http://blackalpinist.com/scherbakov/alphabetical.html>), и там можно найти тексты всех стихов-песен, написанных Михаилом Щербаковым. Но хочу предупредить — это чтение не из легких. Если гитарных аккордов вы не знаете, попытайтесь поймать ритм, вот так, как я рискнул сделать в нескольких местах, расчленив стихотворную строку. Желаю удачи!

Лейла Александер-Гарретт
Лондон, Великобритания

Стокгольм Андрея Тарковского **Летние чудеса и воскрешения**

Отрывок из очерка «Стокгольм-Помпеи», январь 2015,
Лондон

“Jag älskar Stockholm!” – вырвалось у стремительно идущей мне навстречу улыбающейся шведки. Чувством влюбленности в Стокгольм она делилась со своей спутницей, невольно озвучив и мою мысль. Широкая улыбка незнакомки зеркально отразилась на моем лице. А через несколько мгновений мимо пронесся еще один звонкий женский голос иностранки, совершавшей с друзьями велосипедную прогулку по набережной Страндвэген (Strandvägen):

“I love Stockholm!” Возгласы случайных прохожих ободрили меня, и я ускорила шаг в сторону моста, соединяющего набережную с островом Юргорден (Djurgården), что означает “Звериный сад или парк” (некогда излюбленным местом охоты шведских королей). На этом небольшом острове – одном из 24 тысяч островов, составляющих шведский архипелаг – осенью и зимой 1984 года жил Андрей Тарковский. Каждый год, в конце лета, я приезжаю в Стокгольм и первым делом отправляюсь побродить по парку, навестить знакомые места, где произошла наша встреча. В тот сентябрьский вечер Тарковский позвонил и попросил приехать к нему в гости на “поиски шведской души”. Именно так: “Я ищу душу картины...” – определил он многочасовое прослушивание внушительной стопки пластинок со шведской народной музыкой, которую он намеревался

использовать в "Жертвоприношении". Тогда же Андрей предложил мне составить ему компанию в Шведский киноинститут на премьеру документального фильма Ингмара Бергмана о съемках картины "Фанни и Александер", где произошла знаменитая "невстреча" двух обожавших друг друга великих режиссеров.

На следующий день директор картины Катинка Фараго (она была директором картины и на "Фанни и Александер") обратилась ко мне с просьбой помочь Тарковскому с переводом, пока он не определится с профессиональным переводчиком. Как она объяснила: на студию каждый день приходили лучшие шведские толмачи, но режиссер отправлял их восвояси, объясняя "столь странное поведение" тем, что "алхимия не сошлась..." Звонки продолжались весь подготовительный период, но Тарковский не прекращал свой "алхимический" поиск мужчины-переводчика: он боялся, что женщина не справится с работой в "режимное время", когда съемки происходят до восхода солнца, а летом в Швеции оно встает в три часа ночи. Не знаю, что конкретно послужило толчком для окончательного решения заключить со мной контракт на весь съемочный период: то ли "алхимия сошлась", то ли слова поддержки нашего знаменитого оператора Свена Нюквиста: "С тобой Тарковский спокоен...", но "поиск" прекратился (хотя "поиск" и Тарковский – синонимы). "The rest is history", как говорят англичане: "Все остальное история..."

Голоса незнакомых влюбленных в Стокгольм женщин сопровождали меня весь вечер, пока я гуляла по привычным тропинкам Юргордена. Звучат они и теперь: "Я люблю Стокгольм!"

Солнце садилось. Из-за обитавшей на Юргордене живности, а на территории острова расположен знаменитый Скансен (Skansen) – первый в мире музей под открытым небом, основанный в 1891 году; там же находится и зоопарк с представителями северной фауны: медведями, волками, лосями, лисами, рысями и полярными совами, – из-за чего вся местность скудно освещена, а мне хотелось успеть сделать несколько снимков дома Андрея и залива, которым мы часто вместе любовались. Правда, Тарковский всегда подчеркивал, что мощной стихии моря он предпочитает небольшие речушки и озера.

В стихотворении Иосифа Бродского "Письмо в бутылке" (написано оно в 1965 году – за двадцать лет до создания Тарковским своей последней картины) есть слова, как будто обращенные к фильму: "Надеюсь я также, что некий Швед / спасет от атомной бомбы свет..." Как известно, герой картины Александер – его сыграл замечательный шведский актер Эрланд Юзефсон – делает именно это: "спасает свет" от атомной войны. Точность попадания этих строк поразительна! Хотя ни Тарковский, ни Бродский не питали друг к другу симпатий, у них было много общего: оба обожали шведское блюдо "gravad lax" – маринованного лосося с укропом и молодой картошкой; северную аскетическую природу без прикрас ("Север – честная вещь..." – говорил Бродский); у обоих высокомерие по отношению к некоторым особам "зашкаливало" – и у того и у другого оно служило защитным механизмом (себе они тоже ставили "высокую мерку"); оба утверждали, что в некотором роде они, как собаки, руководствуются больше нюхом, нежели интеллектом (чего у них было хоть отбавляй!); оба не уставали цитировать Акутагаву: "У меня нет совести. У меня есть только нервы". Если они чего-то или кого-то не любили, то яростно и беспощадно; зато, когда любили, то от всей души – щедро и нежно. Оба полагали, что свободный человек не винит никого, кроме себя, а поработанный всегда ищет виноватого. Обоим Швеция напоминала Россию: та же цветовая и звуковая гамма, понятная более всего на свете. Оба могли сказать: "Я не способен к жизни в других широтах. / Я нанизан на холод, как гусь на вертел". Швеция для них: "Это как бы голос из дому, оттуда, из того пейзажа, из того мира..." Обоих радушно встречал Стокгольм: "В этом городе, как только выходишь из отеля, / с тобой, выпрыгнув из воды, здороваются семга." Слова поэта не преувеличение: рыба здесь действительно выпрыгивает из воды "поздороваться" с гостями столицы. В Стокгольме вежлива даже рыба. Я тому свидетель.

К дому, где жил Тарковский, в старой части Юргордена, можно было несколько остановок проехать на трамвае, но мне захотелось пройти пешком по тем дорожкам, по которыми мы столько раз ходили вместе. Андрей любил этот утопающий в зелени остров. "Похрустим?" – говорил он, беря меня под руку, и мы принимались топтать лежащие под ногами пружинящие опавшие листья, похожие на кем-то искусно разрезанные и разбросанные разноцветные лоскутки ткани. От листьев исходил

один из самых прекрасных запахов на Земле – аромат осени. Громадное цветное благоухающее покрывало... А зимними сумерками Андрей подолгу всматривался в силуэты остекленевших от мороза деревьев и старых деревянных домов, фантазируя, что хорошо бы очутиться в одном из них, разжечь камин настоящими дровами, поставить Баха и откупорить бутылку красного вина.

Дорога к дому Андрея проходила мимо величественного Северного музея истории и культуры Швеции (Nordiska museet); сказочного музея Астрид Лингрен – Юнибакен (Junibacken – “Июньский спуск”); не раз я отправлялась со своей дочкой на волшебном поезде в гости к Карлсону и к неугомонной Пеппи Длинный чулок; мимо музея “Васа” (Vasamuseet). Оба музея появились после ухода из жизни Андрея, иначе бы мы непременно посетили и крышу Карлсона, и палубу корабля Васы. Сейчас на своем пути я обнаружила еще один музей популярной в 1970-80 годы группы ABBA. В кафе за столиками сидели люди, ритмично покачивавшиеся под знакомые мелодии. Любил напевать их и Андрей. Музыка неслась отовсюду: рядом с его домом находился один из самых знаменитых развлекательных аттракционов – “Gröna Lund” (“Зеленая роща”, открытый в 1883 году). В Луна-парке играл джазовый оркестр (ежегодно с середины августа в Стокгольме проходят музыкальные фестивали – от классики до поп-музыки), где на старинной танцплощадке самозабвенно отплясывали молодые и пожилые пары рок-н-ролл, буги-вуги, свинг, джиттербаг и другие “зажигательные” танцы прошлого века. Оторваться от восторженных лиц танцующих и музыкантов было невозможно. Своими движениями, искрящимися глазами, улыбками они выражали одно: “Я люблю этот теплый августовский вечер! Музыку! Танцы! Этот прекрасный город!” Вспомнились слова Ингмара Бергмана, однажды сказавшего мне: “В мире нет ничего лучше шведского лета...” На протяжении многих лет его секретом я делилась со всеми, кто ломал себе голову, где бы им провести летний отпуск? У шведов языческая, благоговейная любовь к природе. Для них природа неотъемлемая часть их мировосприятия.

Не раз мне приходилось выслушивать стенания обитателей крупных мегаполисов, как в Швеции скучно, стерильно; шведы какие-то роботы, зануды, законопослушные, правильные; всё у них одинаково: на Рождество десятилетиями смотрят одну и ту

же передачу – диснеевский мультфильм про взвинченного истеричного утенка, когда все жители страны, как по команде, одновременно открывают пакеты с подарками; что подружиться с ними совершенно невозможно. Насчет Рождества все верно: “the same procedure as the last year” (“та же процедура, что и в прошлом году”). Но разве можно сравнить эту безобидную зимнюю порцию шведской традиции (другая – празднование летнего солнцестояния – “midsommar” – “середина лета”) с бесчисленными английскими ритуалами?! Швеция не Америка, где через пять минут тебя возведут в лучшие друзья, а завтра, при появлении кого-то нового, ты вылетишь даже из списка знакомых. В Швеции, если ты нашел себе друга, то навсегда. Северная скала разогревается медленно, зато тепло хранит долго.

Для меня нет ничего прекрасней шведского лета, когда по небу разлито бледное, неуловимое сияние; прозрачный воздух щебечет, верещит, воркует, восславляя безоблачное величие голубизны. Мир, напоенный “голубым раствором”, в котором “погружен земной простор”. “Цвет небесный, синий цвет, / Полюбил я с малых лет. / В детстве он мне означал / Синеву иных начал”. Любимое стихотворение “Синий цвет” (1841), в блестящем переводе Бориса Пастернака. Оно написано “грузинским Байроном” – двадцатитрёхлетним Николозом Бараташвили. При жизни у него не было опубликовано ни строчки, зато после смерти (умер поэт в двадцать семь лет) его стали называть классиком грузинской литературы.

Под небесами шушукуются рослые, как шведские девушки, сосны, в траве стрекочут кузнечики, а длинноногие (под стать юным прелестницам) ромашки кокетливо вертят белыми головками, словно заигрывают с ветром и прохожими. Истосковавшиеся по теплу выцветшие за зиму тела викингов с благоговением отдаются ласкам небесного светила. Великолепие и покой царят в природе. Стокгольм трудно описать, им нужно дышать. Им не надышаться! – его водой, разлитой по всему городу, зелению, в которой он утопает, облаками, плывущими в небе и в отражении водной глади, мшистыми валунами, островами (а их в столице четырнадцать!), гранитными скалами...

Летом с обитателями шведского королевства происходят чудеса: из благоверных, уравновешенных протестантов они превращаются в необузданных язычников. В глазах у них

загораются озорные искорки и кажется, что неустрашимый скандинавский бог Один похищает их смиренные христианские души и ввергает в неистовый хоровод поклониться четырем стихиям – огню, воде, земле и воздуху.

Элеонора Мандалян
Лос-Анджелес, США

Кинообозрение от Элеоноры Мандалян. Величайший шоумен мира

Яркий, зрелищный фильм *The Greatest Showman* – «Величайший шоумен» (в полном варианте: *The Greatest Showman on Earth*), стал для американцев рождественским подарком Голливуда, он вышел на экраны 20 декабря (билеты на него начали продавать уже за месяц), а для россиян – подарком на новогодние каникулы – с 4 января.

По жанру фильм историко-биографический. Он посвящен зарождению цирка в Америке и его создателю Финеасу Тейлору Барнуму, основоположнику мирового шоу-бизнеса. Русскоязычные кинопропагандисты упорно называют «Величайшего шоумена» мюзиклом (что, в нашем понимании, эквивалентно оперетте), хотя в фильме просто много танцуют и поют – американской прессой он заявлен как музыкальная феерия.

Насколько удачно осуществлена задумка, много лет вынашиваемая студией *20th Century Fox*, сказать затруднительно, поскольку не очень внушает доверие режиссер

фильма – австралиец Майкл Грейси, по части большого кино абсолютный новичок. Практически о нем еще почти ничего неизвестно, даже – сколько ему лет. Следы его первых работ, в качестве коммерческого директора и художника по визуальным эффектам в коммерческих рекламных роликах Австралии, прослеживаются с 2005 года.

Однажды он был объявлен режиссером фильма Rocketman («Человек-ракета») – автобиографической музыкальной кинофантазии Элтона Джона, который сам выбрал Грейси, потому что ему особенно хорошо удаются танцевльные и музыкальные элементы рекламы, удостоенные нескольких наград. Британская студия, на которой этот фильм должен был сниматься, называется соответственно – Rocket Pictures. Элтон Джон основал ее для кино– и телепроектов о себе самом. Rocketman, анонсированный еще в 2011 году, должен был стать режиссерским дебютом Грейси, но поскольку его так и не сняли, то дебют автоматически пришелся на «Величайшего шоумена». А нам, кинозрителям, предлагается посмотреть, что у Грейси-дебютанта получилось.

Впрочем, беспроигрышной гарантией его успеха должен стать крепкий, надежный состав съемочно-актерской команды. Над сценарием, в частности, работали опытные знатоки своего дела – оскароносный Билл Кондон (мюзикл «Чикаго», «Красавица и чудовище», «Боги и монстры»); Майкл Арндт («Звездные войны: Пробуждение силы»); и одна дама – Дженни Бикс («Секс в большом городе»).

За музыку отвечал калифорниец из Глендейла, Джон Дебни, один из самых популярных композиторов и дирижеров Голливуда, автор саундтреков к девяти десяткам фильмов,

номинации на «Оскар» за музыкальное сопровождение к фильму Мела Гибсона «Страсти Христовы».

В «Шоумене» звучат авторские песни молодых, но уже оscarоносных поэтов-песенников Бенджа Пасека и Джастина Пола, работающих вместе и известных, как «Пасек и Пол». (Свой «Оскар» они получили за «лучшую песню» в нашумевшем музыкальном фильме 2016 года La La Land, собравшем невообразимое количество номинаций и наград.)

Что касается исполнителей, то их в фильме великое множество, включая артистов цирка. На основных ролях задействованы такие звезды, как Хью Джекман, воплотивший на экране «величайшего шоумена» Барнума; Мишель Уильямс (Чарити Барнум), Зак Эфрон – в роли преуспевающего театрального продюсера Филиппа Карлайла, партнера и ближайшего друга Барнума; Зендея (циркачка и возлюбленная Филиппа), Ребекка Фергюсон (шведская певица Женни Линд); актеры Дэйвнн Кэрролл, Пол Спаркс, Кила Сеттл и др.

Любопытно, что существуют две Ребекки Фергюсон, одна – британская певица (контральто), другая – шведская актриса. Обе красивые, молодые и почти однолетки. Вполне можно было бы предположить, что певицу воплотит на экране певица. Но шведку сыграла шведка. (О том, кто такая Женни Линд и какое влияние она оказала на Америку, речь пойдет в разделе «Линдомания».)

Ребекка-актриса с 13 лет работала моделью в журналах и снималась в рекламе. Потом было участие в телесериалах, с главными ролями, с плавным переходом на большой шведский экран. А оттуда уже мостик перекинулся через океан – в Голливуд, где Ребекке Фергюсон доверили одну из главных ролей в фильме «Миссия невыполнима: Племя изгоев», с Томом Крузом, что сразу высоко подняло ее планку. И теперь вот новая голливудская роль – в «Шоумене».

Зак Эфрон – американский актер, вызывающий большой интерес в основном у несовершеннолетних поклонниц как «красавчик и сердцеед» (с чем совершеннолетний зритель мог бы и поспорить). Звездой Голливуда он стал после участия в фильме «Классный мюзикл», продемонстрировав не только свой актерский талант, но и умение хорошо петь и танцевать – так хорошо, что теперь уже продюсерам он ставит условия: снимусь в мюзикле, если сам буду петь. И они соглашаются. Заку 30 лет. На его счету уже пять мюзиклов с его участием, включая

Бродвейский – «Лак для волос», и, в общей сложности – десятка четыре сыгранных ролей. Попутно он успел попасть в список Forbes Celebrity 100, и переболеть «звездной болезнью», пройдя курс лечения от алкоголизма и токсикомании.

Мишель Уильямс, сыгравшая первую любовь и жену Барнума – 37-летняя американская актриса норвежских кровей, четырехкратная претендентка на Оскар. Среди многих созданных ею образов особенно запомнились: Мэрилин Монро в фильме «7 дней и ночей с Мэрилин»; доброй волшебницы Глинды в фильме «Оз: Великий и Ужасный»; умершей жены маршала США Эндрю Леддиса (Леонардо Ди Каприо) в фильме Скорсезе «Остров проклятых».

От мутанта до шоумена

О Хью Джекмане хочется поговорить побольше. Хью – личность весьма активная, сгусток энергии, можно сказать. Он много снимается в кино, причем в главных ролях, играет в театре, озвучивает мультипликационные персонажи. Мюзиклы – в кино и на сцене – его стихия. Причем поет везде сам. Особенно ему удалась роль Жана Вальжана в фильме-мюзикле «Отверженные», за которую он был номинирован на Оскар. Хью стал единственным в истории нью-йоркского театра актером, получившим в один сезон «тройную корону Бродвея» (все театральные премии сразу – «Тони», Drama Desk и Outer Critics Circle). И конечно же, он – звезда Голливуда, что запечатлено на Аллее Славы.

Hugh Michael Jackman родом из Австралии, там же и начиналась его карьера – в театре, в кино, на телевидении. Он родился в семье британских эмигрантов. Когда ему было восемь, родители развелись, поделив между собой пятерых детей – мать вернулась в Лондон, забрав дочерей, а сыновья остались с отцом, в Сиднее.

Хью был щедушным долговязым подростком, над которым подтрунивали одноклассники и учителя. Но ради актерской карьеры он, можно сказать, заново сотворил себя, буквально вылепив свое тело с помощью тяжелой атлетики, многочасовых тренировок и йоги (включая трансцендентальную медитацию). Ему уже почти 50, а на его, будто отлитом из бронзы теле легко просматривается каждый мускул. Будучи левшой, он научился стрелять правой. Он играет на пианино, скрипке и гитаре, с

удовольствием танцует и поет, владеет несколькими видами спорта, в том числе – прыгает с высоты, занимается винд-серфингом, ходит на каноэ. Может жонглировать сразу пятью мячами и много чего еще.

Хью Джекман и Зак Эфрон. Кадр из фильма

Хью – прекрасный актер и по-настоящему славный малый. В среде богемной публики Голливуда его считают редким однолюбом. Он образцовый семьянин, верный однажды выбранной жене (актрисе Деборре-Ли Фёрнесс, которая на 13 лет его старше) и двум детям, усыновленным новорожденными. Последние несколько лет у Хью Джекмана нешуточные проблемы со здоровьем – он перенес уже шесть операций на лице в связи с раком кожи. Но не унывает. По-крайней мере, не подает вида. А ведь лицо для актера – его визитная карточка и его «основной инструмент».

За свой долгий актерский путь Джекман сыграл множество ролей. Но одна – супергероя-мутанта Росомахи, у которого в нужный момент вырастают из кистей рук длиннющие ножи, так прочно к нему прилипла, что с первого же взгляда на него ассоциация неизбежна. Вот уже 17 лет симпатяга Хью снимается в серии фантастических фильмов под общим названием «Люди Икс» (о мутантах, наделенных невероятными сверхспособностями), что принесло ему мировую известность и миллионные гонорары.

«Логан», финал Росомахи (2017) – очередной фильм серии, получивший «звание» лучшего супергеройского фильма всех

времен (\$612 млн в прокате), для Хью, видимо, станет последним. Быть бессменным Росомахой он больше не хочет, но поскольку этот образ стал как бы его вторым лицом, жаждет узнать своего «преемника».

Своего экранного перевоплощения из мутанта в величайшего шоумена Хью ждал с 2009 года. Его ожидания увенчались успехом. «Этот фильм имеет для меня особое значение, – говорит он. – У нас ушло семь лет на его производство». А на подходе уже следующий биографический фильм и следующее перевоплощение – в основателя автомобильного концерна Ferrago, итальянского автогонщика, конструктора и предпринимателя, Энцо Феррари, в фильме Майкла Манна.

Гениальный мистификатор

Рассказывать сюжет музыкального фильма «Величайший шоумен», думаю, не имеет смысла. Но вспомнить биографию человека, которому он посвящен, стоит. Хотя бы для того, чтобы понять, чем он так отличился, что потомки наделяют его исключительно превосходными степенями, а сам он провозгласил свой цирк «величайшим шоу в мире».

Phineas Taylor Barnum (1810-1891) родился в Америке, в штате Коннектикут. (Согласно некоторым данным, его предки, по линии матери, были выходцами из Российской империи.) Свой долгий путь к успеху Барнум начинал подростком с торговой лавки, с лотереи (как бизнеса), затем – с редактора им же открытой газеты («Глашатай свободы»), на которой и погорел – после нескольких судебных исков, поданных на него и его газетенку за клевету, ему пришлось отсидеть два года. Выйдя на свободу, он подался в Нью-Йорк, где снова открыл бакалейную лавку. Поняв, что на этом «далеко не уедешь», начал искать иные пути к богатству и славе, о которых мечтал с детства. Наверное, правильнее будет сказать – начал, наконец, реализовывать заложенную в нем программу, свое истинное призвание.

Барнум рано обнаружил в себе способности ловко манипулировать сознанием людей. Он интуитивно чувствовал, как и чем можно подогревать их интерес, разжигать любопытство. К примеру – продавал снадобье, якобы способное человека с черной кожей превращать в белого. А потом ему

подфартило купить древнюю, слепую, разбитую параличом негритянку-рабыню, выложив за нее, аж, тысячу долларов (ради этого ему пришлось продать партнёру свою долю в бакалейном бизнесе.) Зачем!? – удивится иной, непредприимчивый читатель.

Барнум знал, что делает. Он начал возить старушку по городам Америки, выдавая ее за 160-летнюю няню «отца-основателя», первого президента США, Джорджа Вашингтона, и демонстрировать публике за соответствующую плату. Почувствовав, что его лжереликвия вызывает у многих сомнения, он распустил слухи (теперь это называется рекламой), что старушка, на самом деле – искусно выполненная кукла-робот, и приток любопытствующих ему снова был обеспечен. А когда та отдала Богу душу, нашел весьма замысловатые способы еще какое-то время продолжать кормиться за ее счет.

Следующим экспонатом стал одиннадцатидюймовый лилипут Чарльз Страттон, которого, благодаря изобретательности Барнума, вскоре узнала не только Америка, но и Европа. Считается, что небывалый успех этого номера и заложил основы мирового шоу-бизнеса как явления. Барнум научил своего лилипута петь, танцевать и смешить публику, заказал для него генеральский мундир и дал ему сценическое имя: General Tom Thumb (американский вариант «мальчика с пальчика»).

Фантазия Барнума продолжала работать – он устроил свадьбу двух лилипутов, предварительно широко ее разрекламировав – не свадьбу, а грандиозное массовое шоу с огромным количеством зрителей (или зевак). Затем в ход пошли сиамские близнецы Чанг и Энг, индейская танцовщица, дочь вождя племени, женщина-гигант, русский парень (Федор Евтищев) с лицом, сплошь заросшим волосами, которому – для пущего колорита – он не позволял на сцене говорить. Бедняга только выл и лаял.

Диковинных живых экспонатов становилось все больше. Уникальное «шоу уродцев» превратилось в бродячий цирк, с которым Барнум разъезжал повсюду – по городам Америки и Канады, по странам Европы, предвосхищая свое появление изощренной рекламой, настолько хитроумной, что в двух словах о ней и рассказать-то невозможно. Заранее подогретая публика – от самой бедной до самой богатой – жаждала увидеть собственными глазами живые чудеса Барнума. Не устояла перед

соблазном даже сама королева Великобритании, Виктория. Она пригласила американского циркача вместе со всей его труппой во дворец и после представления уговорила задержаться с гастролями в Лондоне на несколько месяцев.

Линдомания

При всей своей невероятной популярности, Барнум был и оставался цирковым предпринимателем, делавшим ставку не на высокое театральное искусство, а на зрелищность, ориентированную на нетребовательного, массового зрителя. Однако именно этот человек познакомил Америку с настоящим оперным искусством, преподнес ей величайшее сопрано Европы – шведскую певицу из Стокгольма, Jenny Lind.

Сам Барнум впервые услышал – не её, а о ней – во время гастролей по Европе, в 1849-м. Женни (или Дженни) Линд, за свой божественный голос прозванная «шведским соловьём», с огромным успехом выступала в Лондоне. Шоумен тут же сделал стойку и, даже не дав себе труда послушать, как она поет, послал Линд неслыханное по тем временам предложение: 150-дневный тур по Америке с гарантированной оплатой в \$1000 за каждое выступление. И певица согласилась.

Еще до появления оперной дивы в Нью-Йорке, Барнуму удалось вызвать в нем такое ажиотажное ожидание, что в день прибытия ее корабля в порту собралось более 40 тысяч человек. Нюх не подвел Барнума – Женни Линд стала для Америки настоящей сенсацией. На протяжении года ажиотаж сопровождал, и даже опережал, их триумфальное продвижение по стране. Конечно же, дело было не столько в его рекламных ухищрениях, сколько в самой певице. Завораживающий любую аудиторию сладкоголосый «шведский соловей» был восхитителен. Любовь американцев к Линд достигла такого накала, что газетчики того времени окрестили это явление «линдоманией», а удачливый антрепренёр, вспомнив былую практику, начал распространять билеты через лотерею.

«Lindomania» продолжалась до 1852 года. Женни Линд дала 93 грандиозных концерта в Америке, после чего расторгла контракт с Барнумом и гастролировала самостоятельно. Даже после ее возвращения в Европу она долгие годы оставалась для американцев эталоном и символом красоты, женственности, таланта.

Добрый старый цирк-шапито

Заработанные деньги не оседали в карманах циркача, ухватившего-таки свою птицу Феникс. Он основал прославившийся на весь мир бродячий (или передвижной) цирк Барнума, затем купил в Нью-Йорке, на Бродвее, здание и, переоборудовав его, открыл в нем «Американский музей Барнума». Музей дважды сгорал до тла, и дважды он его восстанавливал.

В 1871-м Барнум организовал в Бруклине (вместе с компаньоном Уильямом Коупом) этакий развлекательный комплекс, в который вошли: музей, цирк, зверинец, «шоу уродцев» (freakshow), а позднее и театр, провозгласив все это «Величайшим шоу в мире» (The Greatest Show on Earth). Помимо музея-театра, Барнум построил в родном Коннектикуте, в Бриджпорте, четыре богато декорированных дворца, назвав их: Iranistan, Lindencroft, Waldemere и Marina. Только у всех у них почему-то была тенденция сгорать.

В 1880-м, объединившись со своим основным конкурентом Джеймсом Бейли, великий мистификатор создал цирк-шапито, за которым в конце концов закрепилось название Barnum & London Circus. Лондон, по-видимому, представлял шеститонный африканский слон Джамбо, купленный в лондонском зоопарке и ставший в Америке всеобщим любимцем и символом цирка.

«Цирк Барнума и Лондона» был огромен – штат в полторы тысячи человек, сотни животных и колоссальное количество оборудования. Для транспортировки одного только циркового имущества требовалось как минимум 65 вагонов. По величию и грандиозности этот цирк-шапито, который и язык-то не повернется назвать «бродячим», не знал себе равных.

Его прибытие в тот или иной город обставлялось как яркое незабываемое зрелище – с торжественным шествием по улицам, под жизнерадостную музыку, всей двуногой и четвероногой труппы. Слоны и два десятка верблюдов гордо несли на своих спинах цирковых актеров, за ними – красочные повозки, «Храм Ююны», клетки с хищниками и экзотическими животными. Шатры для представлений раскидывались на площади в несколько гектаров. Цирк гастролировал по Северной и Южной Америке, по странам Европы, добрался даже до Австралии и Новой Зеландии. Продолжая набирать силу, цирковое

объединение превратилось в настоящий синдикат цирковой индустрии.

Циркач и политик

Барнум еще долго оставался для американцев «гением авантюры», «королем весёлого надувательства» («Prince of Humbugs»). Эти прозвища его ничуть не смущали, ведь он сам открыто признавал, что надувательство и мистификация вполне приемлемы для шоумена и циркача. По крайней мере, для него это было призванием. Он даже всем своим обликом олицетворял этакого типичного, комедийного хозяина бродячего цирка.

Цирк Барнума

Однако, личностью Барнум был далеко не простой, щедро наделенной умом и талантами. Он несколько раз переиздавал свою автобиографию, используя ее как саморекламу и постоянно в ней что-то меняя и дополняя. Были и еще три книги – «Обманщики мира», «Сражения и победы», «Искусство делать деньги» – выходившие огромными тиражами, по популярности, как сообщалось в прессе, уступавшие «разве что Библии». В них Барнум откровенно делился своими методами – как завлекать публику, чтобы добиться желаемого результата, как зарабатывать деньги с помощью эпатажа, мистификации (уловок, как он их называл), умело организованной рекламы и манипулирования человеческой психикой. Эти методы вошли в

обиход как «эффект Барнума». А сам Барнум был провозглашен потомками родоначальником шоу-бизнеса. Его «уловками» по сей день пользуются маркетологи и рекламные компании.

С годами этот уникальный цирковой шоумен все больше перерастал в политического деятеля, в борца за отмену рабства, за равенство белых и черных. Он принимал участие в Гражданской войне. Он был щедрым, «практичным» меценатом. (То есть знал куда, как и когда жертвовать деньги с пользой для себя.) Два срока Барнум пробыл депутатом от республиканской партии города Фэрфилда, в родном Коннектикуте. Баллотировался в Конгресс США, и даже был мэром портового города Бриджпорта (в том же штате). Барнум дружил (без кавычек) с президентом страны Авраамом Линкольном и с писателем Марком Твенном.

Цирк Барнума и Бейли, между тем, продолжал процветать, но уже без него. Через 15 лет после смерти Барнума, Бейли, перед самой своей кончиной, продал его братьям Ринглинг. Старейшее цирковое объединение просуществовало без малого полтора века как широко известный передвижной «Цирк братьев Ринглинг, Барнума и Бейли» (Ringling Bros. and Barnum & Bailey Circus). В мае текущего года, не выдержав конкуренции с телевидением и интернетом, под натиском непокрываемых расходов и организации защитников животных (Peta), его последние владельцы с болью в сердце вынуждены были закрыть семейный бизнес. Защитники животных приняли это известие как свою победу, с ликованием объявив, что наконец-то «самое печальное для диких животных шоу на Земле» приказало долго жить.

Конечно, Голливуд не обошел вниманием такое яркое, историческое явление, как зарождение легендарного циркашапито. В 1952 году Paramount Pictures выпустила художественный фильм с заимствованным у самого Барнума заглавием – «Величайшее шоу мира» (The Greatest Show on Earth). В нем приняли участие артисты и животные «Цирка братьев Ринглинг, Барнума и Бейли». Только в прокате по Америке он девятикратно окупил свой бюджет. Фильм выиграл два «Оскара» при пяти номинациях. Однако понравился он далеко не всем. Многие находили его скучным и непонятным, удивляясь, за что ему дали «Оскар».

Получается, что новый проект, своего рода, ремейк ленты 1952 года? Не совсем. Основные сюжетные различия обоих

фильмов отражены уже в их слегка отличающихся друг от друга названиях – если ранний («Величайшее шоу мира») посвящен в основном самому цирку, то новый («Величайший шоумен мира») делает акцент на личности его создателя.

Нина Аловерт
Нью-Йорк, США

Юрский – чтец. Отрывок из воспоминаний

Чтецкие вечера Юрского – это был еще один его театр, который он создал, репертуар к которому подбирал, сам режиссировал и сам играл. Стиль исполнения каждого автора, голосовые модуляции, манера поведения на сцене и игра с воображаемым (или реальным) предметом – все это создавало впечатление скорее спектакля, чем чтецкого вечера.

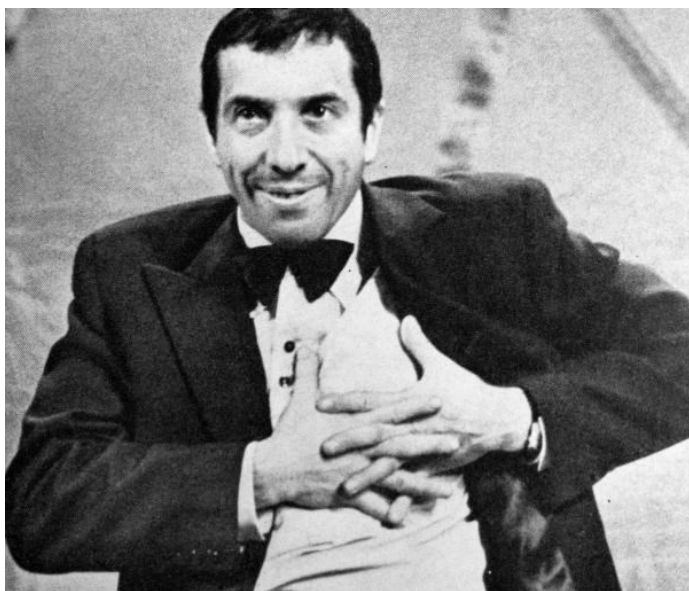
Юрский читал самых разных авторов от Жванецкого до Пушкина и Пастернака. Актер владел разными жанрами.

И поразительно создавал настроение момента иногда только модуляциями голоса.

Так, читал блистательно главу «Нехорошая квартира» из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Был и котом, нацепившим гриб на вилку, и Воландом. Глава подходила к концу. Волшебной силой Воланда директор варьете Степа Лиходеев переброшен из Москвы в Ялту на берег Черного моря. ... И вдруг с интонацией, которую на словах описать не могу, звучит голос Юрского:

« Степа тихо вздохнул, повалился на бок, головой стукнулся о нагретый камень мола ». Оказалось, что не заслужил проходимец Степа этой страшной кары, это наказание выше его сил, и он уходит от нас, то ли теряя сознание, то ли в окончательное небытие. И такое впечатление создавалось артистом только изменением интонации, только голосом, звучащим как будто из другого пространства.

Такое же изменение пространства помню во время чтения Юрским « Домика в Коломне » Пушкина.

Сергей Юрский. «Кража». 1972. Фото: Нина Аловерт

Читал он в элегантном палевом энгельгартовском зале – Малом зале филармонии. На сцене стоял рояль. Только что актер оживленно рассказывал веселую историю мнимой служанки, и вдруг – остановка. Вдова с дочерью по воскресеньям ходили к Покрову. Юрский подходил к роялю, становился почти спиной к зрительному залу.

«Туда я помню ездила всегда
Графиня...»

Юрский нажимал на клавишу. Звук. Пауза.

«...(звали как, не помню, право)»

Звук. Пауза.

И зритель понимает: неправда, помню. И не могу забыть.

Режиссерская мизансцена с роялем и актерский голос, лишенным всякой интонации, нарочито безразличный – воссоздают грустное воспоминание о тайной влюбленности. И такая печаль! Такая печаль, которая передается зрителям – как это получается? это уже нематериальная часть актерской профессии.

И вновь актер продолжает веселым голосом рассказчика:

Блаженнее стократ ее была,

Читатель, новая знакомка наша...

Но наиболее памятно мне исполнение Юрским стихотворения Бориса Пастернака «Снег идет», которое я слышала не один раз и в разные годы. Конечно, каждый следующий спектакль отличается от предыдущего. Актер не повторяет себя полностью. Всегда оставалось "распевание" текста и подчеркивание внутреннего ритма стихотворения, которое вызывает зрительное и физическое ощущение медленно идущего снега – крупные хлопья в безветренную черную ночь падают из небесной бездны...и вся космическая картина неба, сходящего на землю, Но принципиально новый смысл окончания этого стихотворения в разные времена кажется мне не случайным.

В предотъездное время 1977 года я иду на концерт Юрского, как я думаю, – последний раз в моей жизни. В Ленинграде у Финляндского вокзала в большом концертном зале Юрский читает «Снег идет». И тот же распев, и та же космическая картина мироздания... Тогда, в 1977 году, Юрский на последней фразе, закинув голову, выкрикнул, выдохнул сдавленным голосом: «перекрестка поворот!» И все стало таким понятным: этот напевный голос, эта речевая иллюзия тихой ночи – шаманство, или как теперь бы сказали – медитация оракула, в конце которой он вдруг видит будущее: «перекрестка поворот!». И темная ночь оборачивается «древним хаосом».

В 2017 году, ровно через 40 лет, Юрский выступал в Нью-Йорке в Карнеги Холл с тчетским вечером и читал среди прочего «Снег идет». Последнюю фразу «Перекрестка поворот» сказал твердо, интонационно поставил точку. Нет больше перекрестков. Тупик.

Сергей Юрский – Онегин. «Евгений Онегин». Начало 1970-х.
Фото: Нина Аловерт

Великие творцы – свидетели настоящего и прорицатели будущего.

На том же вечере в Ленинграде Юрский читал и другое стихотворение Пастернака, «Метель», уже совсем напрямую обращенное ко мне и таким же как я, к нему самому, ко всем, кто оказался на перекрестке. Читал, выражая душевное смятение человека того времени. И так же, как страшно, как о перекрестке, вещал в своем космическом прозрении: «Я тоже какой-то...я сбился с дороги...»

И, раскинув руки: "Не тот это город, и полночь не та".

После окончания концерта он написал мне цитату из "Метели" на афише:

«Послушай, в посадке, куда ни одна / Нога не ступала, одни душегубы, /Твой вестник...»

В тот вечер в 1977 году Юрский «предсказывал» или выражал драматическое предчувствие поворота не только общей, но – прежде всего – своей судьбы. У него самого тогда был тяжелый, даже – страшный период жизни. В театре его положение было трагичным.

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

Жизнь и смерть еврейского театра. Факты семейной биографии (в сокращении)

От автора

Есть в моём повествовании общеизвестные факты, свидетелями и участниками которых оказалась наша семья. По ней, как говорится, проехало колесо истории. Я умышленно упоминаю многих забытых ныне людей в расчёте на то, что их фамилии останутся где-то на страницах Интернета и со временем сведения о них пополнятся новыми деталями. Так я пытаюсь внести свою лепту в обещание, данное Ольгой Берггольц: «Никто не забыт и ничто не забыто,/ На все поколенья и все времена».

Нехама Сиротина, студентка театрального техникума при московском Государственном еврейском театре

Во время праздничных демонстраций, которые устраивались в конце двадцатых годов в белорусском местечке Поддобржанка в годовщину Октябрьской революции или на 1 Мая, маленькая Нехама Сиротина, дочь сапожника, всегда была на трибуне, и когда демонстранты, пройдя по главной улице, останавливались возле клуба, здесь приветствовали их (на идиш, конечно) кто от имени партийной организации, кто от комсомольской, а Нехама – от пионерской. Ей было тогда лет девять.

Потом, когда в 1932 году в Гомель приехал сам Михоэлс, руководитель ГОСЕТа – московского Государственного еврейского театра, чтобы отобрать талантливую еврейскую молодежь для поступления в еврейский театральный техникум, на экзамен явилась Нехама. В своих воспоминаниях, которые она наговорила на магнитофон уже в Америке, мама рассказала, как проходил экзамен, как она понравилась комиссии, но по возрасту (ей было всего тринадцать) не прошла. Михоэлс тогда

сказал ей: «Через год окончишь школу-семилетку, тогда возьми»».

К тому времени семья уже жила в Гомеле, в доме напротив хлебозавода. И вот через год Нехама говорит матери, что собирается ехать в Москву, чтобы стать актрисой еврейского театра. Та в слезы: «Не пущу! Да еще в театр!» Но мой дед внимательно посмотрел на дочь, а потом сказал жене: «Она уже сама все решила. Её не удержишь». Чтобы её из-за возраста опять не отправили домой, Нехама выправила новые документы, сделав себя старше. Теперь год ее рождения был 1918-й. А день рождения она отмечала сперва 8 марта, потому что это был советский праздник – Международный Женский День, а потом перенесла на 11 марта, потому что это был день выдачи стипендии, и студенты могли позволить себе вскладчину устроить маленький праздник. Точной даты рождения она не знала, потому что её мама помнила дни рождений своих девятерых детей по еврейским праздникам. Нехама родилась в канун праздника Пурим, то есть где-то в марте.

В ТЕАТРАЛЬНОМ ТЕХНИКУМЕ

Еврейский театр находился на улице Малая Бронная. Студенческое общежитие – в другом конце Москвы, на улице Трифоновская, возле трамвайной линии. Там, на Трифоновке, стояли общежития студентов всех театральных школ, студий, техникумов, училищ и институтов.

Это было самое лучшее, самое счастливое время в жизни моей мамы. В Москве были великолепные театры: Мейерхольда, Таирова, Вахтангова, МХАТ, Малый, имени Революции, Большой... Один из первых спектаклей, в котором мои родители – студенты-сокурсники Нехама Сиротина и Фишель Лахман вышли на сцену Еврейского театра, был водевиль французского драматурга Эжена Лябиша «Миллионер, Дантист и Бедняк» в постановке француза Леона Мусинака (художник А. Лабас, музыка Л.Пульвера).

Когда я был в Париже, то пошел на кладбище «Пер ля Шез», нашел могилу Лябиша и низко ему поклонился. В Москве студенты еврейского театрального техникума могли бесплатно проходить на спектакли и стояли как замороженные, на галерке. Мама пересмотрела тогда все драматические, балетные и оперные спектакли.

Фишель Лахман, студент театрального техникума при
московском Государственном еврейском театре

Жизнь в техникуме была очень насыщенной, интересной. Здесь она влюбилась в Фишеля (Фиму) Лахмана. Ей было пятнадцать, ему девятнадцать. Они для экзамена выбрали отрывок из «Ромео и Джульетты» Шекспира, сами соорудили декорации, подобрали костюмы. Режиссировала Александра Вениаминовна Азарх-Грановская. На идиш тогда была переведена чуть не вся мировая классика.

Среди учебных ролей Нехамы были и Сюзанна из «Женитьбы Фигаро» Бомарше, и Лауренсия из «Овечьего источника» Лопе де Вега...Всё на еврейском языке. Жили бедно, но счастливо. Фишель подрабатывал к стипендии то лодочником на пруду в парке Культуры и Отдыха, то спасателем на речном пляже. А Нехаму ухитрялась из студенческих денег немного сэкономить, чтобы привезти родителям в Гомель подарки.

Любимым педагогом Нехамы была Александра Вениаминовна Азарх. Она была женой основателя ГОСЕТа Алексея Михайловича Грановского, который открыл таких актеров, как

Михоэлс и Зускин, и который привел в ГОСЕТ таких художников, как Марк Шагал, Роберт Фальк, Натан Альтман...

ГОСЕТ – ТЕАТР ГРАНОВСКОГО

Алексей Михайлович Грановский, создавая еврейский театр в России, не знал языка идиш, но свободно говорил по-немецки. Он был рождён как Абрам Азарх, сын одного из богатейших российских евреев Моше Азарха, который царской милостью имел право проживать в Москве. Потом семья переехала в Ригу и там вошла в немецкую общину города.

Юношей Грановский уехал в Санкт-Петербург, чтобы изучать театральное искусство, и там на него оказал огромное влияние Всеволод Мейерхольд. Затем Грановский переехал в Германию, где учился у режиссёра Макса Рейнхардта, использовавшего в своих постановках приёмы кабаре: музыку, танцы, пантомиму, акробатику. Какое-то представление о стиле того времени можно получить по американскому мюзиклу «Кабаре», в котором роль Конферансье блистательно исполнил Джоел Грей. Вернувшись в Санкт-Петербург, Грановский вместе Рейнхардтом поставил трагедии Софокла «Царь Эдип» и Шекспира «Макбет» в частном цирке Синизелли. Грановский вместе с актёром Александринского театра Юрьевым, писателем Горьким и оперным певцом Шаляпиным основал Театр Трагедии. Хотя из этой затеи ничего не вышло, дружба с Шаляпиным помогла Грановскому поставить в Большом театре оперы «Фауст» и «Садко».

Грановский сформировал тот стиль московского еврейского театра, который стал восприниматься как национальный и в котором творчески воспитывалась, а затем играла Нехам Сиротина. К тому же, дух Грановского продолжал жить в квартире его вдовы Александры Вениаминовны Азарх-Грановской, в той самой квартире, воздух которой стал для меня воздухом свободы, искусства, западной и национальной еврейской культуры и, наконец, стимулом для эмиграции из СССР. А благодаря эмиграции Нехам Сиротина смогла ещё немного поработать на еврейской сцене, но уже американской, её внук – мой сын – оказался в Америке, а мои внуки смогли родиться американцами.

Первый в России профессиональный еврейский театр-студия появился в Петрограде осенью 1918 года, вернее, в том году

родилась театральная студия, а сам театр годом позже. Первыми актёрами в нём были Лея Ром, Михаил Штейман, Юстина Минкова, Шлоймо Вовси, ставший Соломоном Михайловичем Михоэлсом (моя мама и актёры ГОСЕТа произносили его фамилию без буквы «Э» – Михолс). Затем в труппу вошли Сара Ротбаум, Евгения Эпштейн, Рахиль Именитова и Вениамин Зускин. Грановский заложил новую демонстративно-условную театральную эстетику еврейской сцены. Какое-то представление об этой эстетике можно получить из чудом уцелевших кинозаписей очень коротких фрагментов госетовских спектаклей. В центре всегда был Михоэлс.

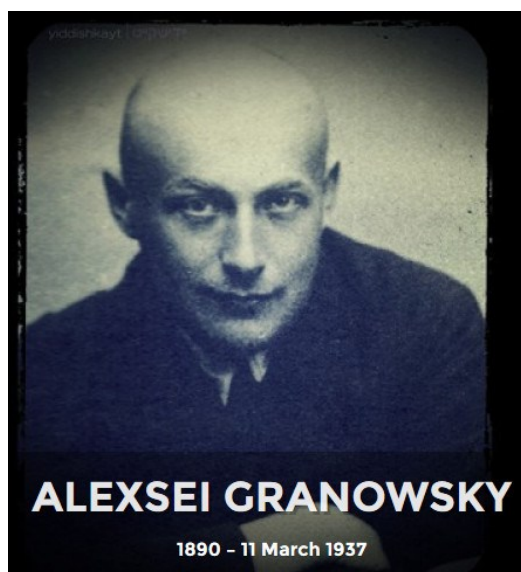
Молодой театр пользовался поддержкой Народного Комиссара Просвещения Луначарского. В октябре 1920 года театр переехал в Москву, где получил от Комиссариата по делам Национальностей небольшой трёхэтажный дом на улице Станкевича, в самом центре Москвы. Улица шла от Дворянского собрания, ставшего Моссоветом, до улицы Герцена (Большой Никитской) между Консерваторией и театром Революции (театром имени Маяковского). Первый и третий этажи были отданы актёрам еврейского театра под жильё, а на втором этаже был устроен театр – сцена и зрительный зал на 90 мест.

Тогда же театр получил название Московского Государственного Еврейского Камерного театра (сокращённо «ГОСЕКТ»). Грановский обучал своих актёров мейерхольдовской биомеханике, приёмам японского театра Кабуки, шекспировского театра, даже рефлексологии Бехтерева.

Он считал, что пластикой, выразительным жестом, движением, мизансценой можно и нужно заменять слова. Грим актёров в этом театре был словно маской итальянской Комедии дель Арте. Не индивидуальность, а социальный тип, доведённый до гротеска символ хотел видеть Грановский на своей сцене. Элементы этой школы я видел в актёрской работе моей мамы десятилетия спустя, но тогда не понимал, откуда это.

Маленький театр на улице Станкевича (ранее Вознесенский переулок, затем Большой Чернышёвский, ныне вновь Вознесенский) был студией, творческой лабораторией. Близость актёров и зрителей была обыграна художником Марком Шагалом, который соединил зал и сцену своей росписью. Он расписал не только стены, но даже кресла в зале. Всё стимулировало зрителей к участию в спектакле, к

коллективному действию. Актёры вспоминали потом, что его живопись... звучала как клезмерский оркестр.

ГОСЕТ – ТЕАТР ШАГАЛА

Марк Шагал продолжал расписывать зрительный зал и сцену на втором этаже трехэтажки на улице Станкевича. Этот зал тогда называли «Залом Шагала». Но вот Совет Народных Комиссаров (Совнарком) решил весь дом передать под жилье, а сам театр перевести на улицу Малая Бронная. Несмотря на протесты Шагала, все работы художника были перенесены в новое помещение театра и заперты в кладовой за сценой. С тех пор многие работы Шагала просто пропали, а дом номер 12 по улице Станкевича полностью стал местом проживания еврейских актеров.

ГОСЕТ НА МАЛОЙ БРОННОЙ

Новое театральное помещение на Малой Бронной было рассчитано на 500 мест. В этом театре прошли первые четыре года моей жизни. Они совпали с последними четырьмя годами жизни ГОСЕТа.

Ещё при Грановском состав театра разросся до 115 человек. Одних актёров было 44, да ещё 23 музыканта в оркестре под руководством замечательного композитора и дирижера Льва Пульвера. Актером театра был Моисей Гольдблат, который потом стал режиссером. Это он создал и возглавил в 1931 году первый в СССР цыганский театр «Ромэн». Он привлёк к работе с цыганскими актёрами композитора Александра Крейна и художника Александра Тышлера. А если вспомнить, что после Гольдבלата этот театр много лет возглавлял режиссёр Семён Аркадьевич Баркан, то можно с полным правом сказать: в жилах цыганского «Ромэна» течёт еврейская кровь (особенно, если учесть, сколько крови попортили друг другу актёры и режиссёр в результате скандалов и конфликтов).

Гольдблат ставил спектакли в театрах разных городов. Моим сокурсником в Щукинском училище был ученик Гольдבלата Анатолий Антосевич, приехавший в Москву из Симферополя. Он с огромным уважением говорил о режиссере симферопольского театра Моисее Исааковиче Гольдблате, и мне это было очень приятно слышать. Пришел в ГОСЕТ к Грановскому из драматического кружка еврейской Культур-лиги Киева Давид Чечик. Он поселился в комнатке на первом этаже дома №12 по улице Станкевича. Я помню его одиноким стариком с палочкой. И помню, как в 50-х годах мама и другие актеры называли его не иначе как «собака Чечик». На то были свои причины, о которых чуть позже. И позже о директоре театра Фишмане, имя которого актёры театра называли с отвращением.

С восторгом вспоминала мама таких мастеров ГОСЕТа, как художник по свету Арон Намиот, балетмейстер Эмиль Мэй, как режиссеры Исаак Кроль и Эфраим Лойтер (Эфраим Борисович Лойтер возглавлял Киевский еврейский театр, а в Минске еврейским театром руководил Моисей Рафальский), как драматурги, писавшие для еврейского театра, Добрушин, Ойслендер, Бергельсон, Галкин, Маркиш, Шнеур-Окунь... С именами художников еврейского театра тоже связана была мамина жизнь, а потом, отчасти, и моя. Например, Роберт Рафаилович Фальк, который оформлял многие спектакли театра, был женат на Раисе Вениаминовне Идельсон, сестре Александры Вениаминовны Азарх, которая сначала учила мою маму в Еврейском театральном техникуме, а потом готовила меня к поступлению в Театральное училище имени Щукина.

После развода с Фальком Раиса Вениаминовна вышла замуж за другого талантливое художника – Лабаса, и у них родился сын Юлий. В квартире сестер я со школьных лет видел картины Фалька, а позднее познакомился с последней женой художника – Ангелиной Васильевной Фальк. Мы подружились, и в конце 60-х – начале 70-х годов на домашних выставках (поскольку официальные тогда были запрещены), я ассистировал ей, вынося на публику полотна Фалька, пока она рассказывала историю каждой работы. Фальк придумал художественное решение спектакля «Ночь на старом рынке» с кистью руки, свешивавшейся над сценой с потолка. Пальцы были как буква еврейского алфавита. Стилизация и гротеск в оформлении как нельзя лучше выражали стиль театра Грановского.

В середине 20-х годов был снят, кажется, первый в России еврейский художественный фильм «Еврейское счастье». Режиссер-постановщик Грановский, художник – Натан Альтман, композитор – Пульвер, оператор – Эдуард Тиссе, а тексты для титров немого кино писал Исаак Бабель. В главных ролях – Михоэлс и Гольдблат. К счастью, лента была скопирована, её успели спасти от уничтожения.

ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЕАТР

С помощью Грановского, а затем Михоэлса Московский еврейский театр стал в 20-х, 30-х и 40-х годах центром еврейской культуры не только Москвы, но всего Советского Союза и даже Европы. Сейчас это доказать непросто, потому что большинство пьес, написанных для ГОСЕТа и поставленных там, никогда не публиковались, а архив театра, переданный в театральный музей имени Бахрушина в Москве, был в 1953 году по приказу Министерства Государственной Безопасности уничтожен. Для придания этому варварству вида законности, в помещении, где хранился архив ГОСЕТа, был устроен «пожар».

В 1927 году был поставлен спектакль «Путешествие Вениамина Третьего», по рассказу классика еврейской литературы на идиш Менделе Мойхер-Сфорима. Рассказ был инсценирован Добрушиным, оформлен Фальком, а в главных ролях выступили – Михоэлс и Зускин. Когда Александра Вениаминовна Азарх рассказывала об этом спектакле, она всегда с улыбкой вспоминала, как Зускин «выметался» со сцены,

упорхал словно пылинка. В том спектакле Михоэлс был еврейским Дон-Кихотом, а Зускин – еврейским Санчо Пансой...

ТЕАТР ГРАНОВСКОГО БЕЗ ГРАНОВСКОГО

В январе 1929 года ГОСЕТ вернулся с гастролей по Германии без своего художественного руководителя. Грановский решил навсегда остаться в Германии, где начал работать в кино и в театре.

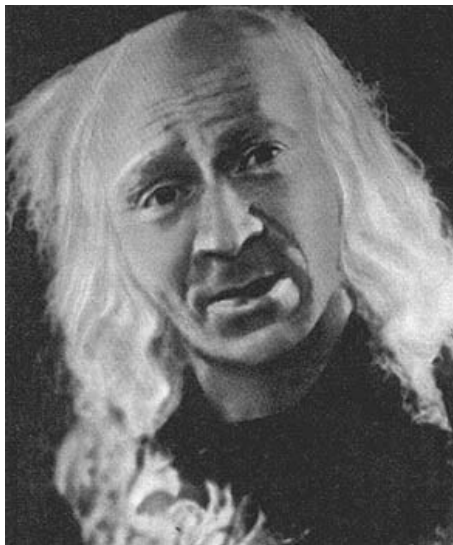
С ним в Европе остались художники Фальк и Альтман. Фальк помогал Грановскому делать художественный фильм «Тарас Бульба», жил в Париже, но вернулся в СССР в злополучном 1937 году. Альтман вернулся еще раньше – в 1931-м.

Жене Грановского Александре Вениаминовне Азарх пришлось выбирать между мужем и оставшейся в Москве любимой сестрой Раисой и родными. Она предпочла вернуться в Москву и вскоре, попав под трамвай, потеряла ногу. Преподавать в театральный техникум она приезжала на костылях. Протез носила редко – это было слишком болезненно.

Алексей Михайлович Грановский умер в Париже в марте 1937 года в возрасте 47 лет. В советской печати его имя, если и упоминалось, то только негативно, а я помню, сколько было благоговения в голосе старых еврейских актеров, когда в узком кругу произносилась фамилия «Грановский».

ГОСЕТ – ТЕАТР МИХОЭЛСА

После возвращения еврейского театра из Германии в Москву, новым художественным руководителем был назначен Соломон Михайлович Михоэлс. Он превратил театральную школу при ГОСЕТе в четырехгодичный театральный техникум наравне со всеми другими театральными учебными заведениями Москвы. И здесь тоже стали обязательными для изучения такие предметы, как марксистско-ленинская философия, политэкономия, история Коммунистической партии.

Михоэлс в роли Короля Лира

К счастью, в основном, студенты по-прежнему занимались актерским мастерством, ритмикой, танцем, сценическим движением, языком идиш, дикцией, историей еврейского и европейского театров. «Невозможно быть хорошим актером, не имея знаний и культурного багажа», - говорил Михоэлс.

Меня всегда удивляло то, как моя мама, дочь сапожника из еврейского местечка в Белоруссии, знала оперу, балет, русскую и мировую литературу, русский и европейский театр... Техникум стал неотъемлемой частью национального еврейского театра и крупнейшей еврейской театральной школой в мире. Здесь преподавали Александра Вениаминовна Азарх, Эфраим Борисович Лойтер, Вениамин Львович Зускин, Моисей Исаакович Гольдблат, Сарра Давидовна Ротбаум. А директором техникума был Моисей Соломонович Беленький, который, как и Александра Вениаминовна Азарх, учил моих родителей, а через много лет и меня, уже в Щукинском.

В середине 30-х годов, когда мама была принята в театральный техникум, в Советском Союзе было уже восемь еврейских театров, в которых работали выпускники московского еврейского техникума. Помимо еврейских театров в Москве, Киеве, Харькове и Минске, открылись еврейские театры в Одессе, Биробиджане, Ташкенте, Сталиндорфе (городе немцев Повольжья), в Семфирополе, Житомире, Днепропетровске,

Баку, а в конце 30-х, после раздела Польши и оккупации Прибалтики государственные еврейские театры открылись (правда, на очень короткое время) во Львове, в Черновцах, в Вильнюсе, в Каунасе, в Риге... И актёров было достаточно, и зрителей.

...Мои родители жили в актерском общежитии на Трифоновке, когда ведущим актерам ГОСЕТа вместе со званиями заслуженных артистов и повышением зарплаты стали давать квартиры в престижных домах на улице Горького и на Арбате. В доме на улице Станкевича стали освобождаться комнаты, которые заселяли молодые еврейские актеры, а также не евреи и не актеры. Молодым супругам Сиротиной и Лахману выделили аж две крохотные комнатки площадью 7 и 8 квадратных метров в самом конце коридора на третьем этаже. Какое же это было счастье иметь, наконец, свой угол!

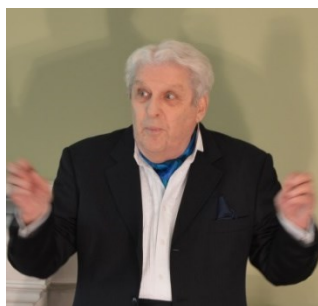
В 1934 году, на глазах студентов еврейского техникума шли репетиции шекспировского «Короля Лира». Король – Михоэлс. Шут – Зускин. Постановщики – Сергей Радлов и Михоэлс. Перевёл трагедию на идиш Самуил Галкин. Художник – Александр Тышлер. Премьера была сыграна 5 февраля 1935 года. Пятнадцатилетняя Нехама очень хотела сыграть роль младшей дочери Лира Корделии. Но роль досталась другой актрисе. Потом были спектакли «Разбойник Бойтре», «Хершеле Острополер» (это была первая режиссёрская работа Зускина и очень удачные актёрские работы Ильи Рогалера и Исаака Лурье)...

Полный текст можно прочитать на сайте журнала:
<https://www.chayka.org/node/7905>

Борис Казинец

Б. Вашингтон, США

Как это делается в Америке. Байка-быль

«Как это делается в Одессе» – так называется один из «Одесских рассказов» Иссака Бабеля, который мы, инсценировав, включили в сценарий по пьесе того же автора «Закат». Очень смешной, ироничный и где-то грустный рассказ о семье Менделя Крика.

Но если-бы мы чуть изменили название бабелевского рассказа и назвали бы нашу театрально – постановочную эпопею «Как это делается в Америке», – вышла бы не менее смешная и грустная история.

Итак ...

Ещё великий К. Чапек назвал один из своих великолепных рассказов «Как делается театр», высмеяв театральные проблемы своего времени с присущей ему иронией и юмором.

В наши дни в печати, с экранов телевизоров, в легко раздаваемых интервью, актёры и режиссёры самых разных масштабов и способностей рассказывают, как они «творяют», приоткрывая зрителю «великое таинство театра». Теперь зритель знает всё, начиная с любого загадочного трюка и до того, как надо «выжать» слёзы у исполнителя и у него – у этого самого зрителя.

Нет тайн, нет загадочности и недостижимости на театре. Вот мы и решили, а почему бы зрителю нашего театра не рассказать о наших «эпопеях» по выпуску и эксплуатации спектакля.

Пусть знают ВСЁ ...

Мы – это «Театр Русской Классики» под руководством Бориса Казинца.

Исаак Бабель. «Закат»

Представьте себе, что группа людей, бесконечно преданных ТЕАТРУ, решила объединиться вокруг профессионала и создать спектакль на хорошем русском языке. Люди самых разных возрастов от восьмидесяти до восьми лет, самых разных профессий – инженеры, программисты, биологи, учителя, школьники и просто давно ушедшие на заслуженный отдых, но не поддающиеся возрасту театралы.

Так вот, эта группа энтузиастов должна хотя бы два раза в неделю вечером, после того как отработали и отучились весь день (а мы знаем, как надо «вкалывать» в США, чтобы удержать своё рабочее место!), должна собраться и начать репетировать выбранную ими пьесу.

И вот тут-то и начинается ...

Кто-то приписал великому Станиславскому реплику «Театр начинается с вешалки». Может быть ... Но, во-первых, в США почти ни в одном театре нет вешалок — зрители, даже в шикарном здании Кеннеди-центра, смотрят «Спящую красавицу» с не менее шикарными шубами на коленях ...

А во-вторых, чтобы иметь вешалку, надо иметь, по крайней мере, помещение хотя бы для репетиций.

Ну, на первом этапе работы над текстом роли – «застольный» период, когда идёт разборка «задач» и «сверхзадач» пьесы и ролей – можно порепетировать за столом у кого-нибудь из участников спектакля.

Или подпольно, чтобы в офисе не узнали, в каком-нибудь закутке «программных домов», где проживают ветераны нашего театра. Когда же начинается «разводка» – планировка, когда нужно «встать на ноги», – вот тут-то и понадобится пространство, площадка, соответствующая размерам предполагаемой сцены.

М.Барановский. «Последний еврей»

С этого момента вступает в силу закон «деньги-товар-деньги». Никто не даст вам репетировать, если не будет оплачено место вашей репетиции.

И тогда начинаются сюжеты, достойные пера Чапека и Бабеля
...

Чтобы заполучить помещение для репетиции, нужны опять же деньги, а где их взять?– ведь спектакль только готовится. Да и какие деньги при расценках на билеты в нашем театре?

Одному из актёров театра приходит в голову хитроумная идея: чтобы попасть в помещение «программного» дома, где можно было бы репетировать, нужно, чтобы кто-нибудь из участников этих самых репетиций проживал в этом доме. Нетрудно догадаться, что мы находим таких «участников». Теперь необходимо найти убедительный довод для руководства офиса, – зачем нам нужно помещение два раза в неделю.

Первое, что можно попробовать: группа русскоязычных граждан США будут усовершенствовать свой английский и на этом языке показывать сценки из жизни эмигрантов.

Номер проходит – мы получаем бесплатное помещение для репетиций!

В помещении, а это что-то между библиотекой и банкетным залом, огромное количество мебели. А ведь нужно освободить место для установки предполагаемой декорации репетируемой пьесы. И вот каждый раз перед началом репетиции начинается «великое перемещение мебели»...

Надо сказать, что это довольно тяжёлый физический труд, тем более, что после репетиции надо всё поставить на место «один к одному». Если что-то вдруг оказывается не на том же месте, – сразу же докладная записка или устное заявление начальству от работника офиса, под пристальным и совершенно недоумевающим оком которого мы репетируем и потом возвращаем мебель на прежние позиции.

Ну вот мы и начали, наконец-то, репетиции ...

Здесь я опускаю, «как это делалось»... – зачем зрителю это знать? Посмотрит премьеру и сам решит, был ли этот репетиционный процесс полезным и продуктивным.

Спектакль готов к показу зрителю.

А вот где играть его, – это вопрос посложнее, чем гамлетовский «Быть или не быть ...» – это для нас на том же уровне!

Начинаются поиски помещения, удобного для уже поставленного спектакля, и со стоимостью, которую показ спектакля мог бы окупить. Ведь после оплаты аренды хотелось бы, чтобы осталась какая-то сумма на постановку следующего спектакля. А это – изготовление декораций, костюмов,

реквизита, грим, музыкальное оформление и ещё сотни мелочей – всё это не даётся бесплатно.

Почасовая оплата самых разных театральных помещений, которые мы просмотрели, оказывается очень высокой и недоступна для нас. Ведь цены билетов на наши спектакли, как когда-то в дореволюционном МХАТе, – общедоступные ...

Останавливаемся на самом дешёвом варианте – зал, в котором мы показывали свои предыдущие работы. Зал абсолютно «голый» и не приспособлен к показу спектаклей – нет сцены, нет кулис, нет освещения. Со всех сторон большие окна, которые, конечно, надо наглухо занавесить. Более того, если раньше нам выдавали 30-35 стульев, то на этот раз отказали и в этом, и в большой лестнице-стремянке, без которой невозможно подвешивать наш «горизонт», кулисы (очень высокие потолки).

Но самая драматическая ситуация – условия аренды помещения: мы можем войти в зал для установки декораций только в 4 часа дня, а в 7 часов – начало спектакля ... Как же можно оформить сцену никогда не игранного спектакля за три часа?! И никакие уговоры и доводы до руководства офиса не доходят – они вообще не имеют никакого представления, что такое театр, и выдвигают условие ещё хуже прежнего: после показа спектакля в субботу, необходимо снять и убрать все декорации, а на следующий день, в воскресенье, в 4 часа дня всё установить снова ...

А это уже трагедия, опять же Шекспировского уровня. К тому же, мы взяли в аренду 100 стульев для зрителей (немалая сумма) и должны расставить их в зале, потом убрать и на следующий день заново расставить – противопожарные правила.

Что же делать? Мы уже не спрашиваем – «Кто виноват?»!

Идём на хитрость, граничащую с «преступлением»: вызываем трудоспособных членов коллектива вместо четырёх часов дня на 11 утра. Один из нас осторожно пробирается мимо дверей офиса в зал и открывает запасной вход с боковой стороны здания, вне видимости из окон этого самого офиса. Штирлицу такое и не снилось!

Приступаем к работе. После нескольких часов тяжёлого, утомительного труда, к трём часам, когда пришли остальные актёры, зал был готов к показу спектакля. А мы за два часа

«пробегаем» основные сцены спектакля, входы, выходы, звучание голоса и музыки, освещение...

В 6 часов запускаем в зал зрителей, многие из которых приходят за час до начала, зная, что места не нумерованы и надо занять заранее наиболее удобные.

В 6.30 в зале «яблоку негде было упасть». А зрители всё прибывают.

К счастью, оказалась открытой дверь небольшого кладового помещения, в котором хранились те самые «запретные» 30 стульев. В конечном итоге, в зале было в три раза больше зрителей, чем мы

предполагали. Но самое трагикомичное произошло в тот момент, когда перед началом спектакля руководитель театра вышел к зрителям и напомнил им о четырнадцати годах существования театра, об авторах поставленных за эти годы пьес – Пушкин, Островский, Чехов, Шекспир, Шолом-Алейхем, Горин, Твардовский, Шукшин, Бабель, Филатов.

В.Шендерович. «Потерпевший Гольдинер»

В этот самый момент появилась полицейская «дива», вызванная представителем офиса. «Нарушение правил эксплуатации помещения» – спектакль запретить, всё закрыть!

Огромных усилий стоило Светлане Казинец, чтобы убедить их, что спектакль уже начался и отступлений назад нет. Она мобилизовала весь свой прошлый опыт «угovorщика» – сколько раз ей приходилось иметь дело с похожими ситуациями, когда она проводила гастролы одного из лучших театров бывшего Союза – Русского Академического театра им. А.С. Грибоедова города Тбилиси, директором-распорядителем которого она была.

И уговоры увенчались успехом – а в это время, перед ничем не подозревавшими зрителями, постановщик спектакля читал фрагмент из поэмы Иосифа Уткина «Повесть о рыжем Мотеле», очень точно определяющий, о чём театр хочет рассказать зрителю, поставив пьесу «Закат».

Много дорог пройдено,
Много пройдено стран.
Каждый дом – своя родина,
Свой океан.
И под каждой маленькой крышей,
Как она ни мала,
Своё счастье,
Свои мыши,
Своя судьба.

Уговоры увенчались успехом! Спектакль сыгран! Море цветов!
Овации!

Я опускаю эти три часа волнений, переживаний, смеха и слёз

...

Рецензии и отзывы напишут зрители и театроведы. А я хочу назвать имена всех создателей этого спектакля и сказать, что это удивительные люди! В условиях того, «как это делается в Америке», целый год два раза в неделю репетировать, шить костюмы, делать реквизит, записывать музыку, печатать программки и афиши и всё это делать безвозмездно, только из любви к ТЕАТРУ, а стало быть, и к вам – зрителям, могут только удивительные и не всем понятные люди:

Аркадий Барский, Наталья Каневская, Цецилия Огородникова, Александр Грайновский, Илья Айзман, Ольга Лейтуш, Леонид Лейтуш, Илья Свиридюк, Артур Фельде, Татьяна Беляева, Леонид Бродский, Елена Черкасова, Андрей, Артём, Ольга Вовк, Исаак Загоскин, Никита Добкин, Александр Табенкин, Юрий Огородников.

Нельзя не назвать имена тех, кто по разным причинам не занят в этом спектакле – Дарья и Дмитрий Шаховы, Анна Каневская, Евгений Мизин, Валерия Каган. Мы преклоняем головы перед теми, кто покинул этот мир, – Майя и Борис Рабиновичи, З.Шейнберг, М.Сапиро, Н.Дворкина, С.Кипнис.

У театра появился спонсор, благодаря которому мы сыграли два спектакля «Закат» в прекрасном зале-амфитеатре, с мягкими нумерованными креслами, с подъездом для инвалидов, бесплатной парковкой и всеми атрибутами профессионального театра. Спонсор – SHADY GROVE PHARMACY.

PS. Прошло десять лет после этой премьеры – в этом году 25 лет со дня первого спектакля нашего театра по сказке Л.Филатова «Фёдор — стрелец». Прибавились авторы – Н.Гоголь, И.Уткин, Мопассан, М.Барановский, В.Шендерович. Наш театр – Театр Русской Классики — получил статус «NON-PROFIT».

Появилось ещё несколько спонсоров. В декабре 2016 года театр стал Лауреатом Международной премии «ЗВЕЗДА ТЕАТРАЛА» в категории «Лучший Русский Театр за рубежом».

Сейчас мы готовим новый спектакль – «Эзоп» по пьесе бразильского драматурга Гильерме Фигейредо «Лиса и виноград».

Борис Голубицкий
Санкт-Петербург, Россия

Уроки Эфроса

Анатолий Васильевич всегда был одет по-рабочему: брюки-джинсы, рубашка без галстука, свитерок. Он появлялся откуда-то из глубины сцены и сразу начинал показывать кому-нибудь из артистов его рисунок. Показ был самым главным способом работы. В пьесе «Директор театра» Игнатия Дворецкого (на этой постановке я был его последним стажёром) есть такой эпизод: режиссер объясняет и показывает актрисе сцену из «Норы» Ибсена. И артистка должна затем это сыграть.

Николай Волков репетировал режиссера, Ольга Яковлева актрису. И вот он показывает им обоим весь их рисунок, каждый штрих, каждую деталь поведения. У Норы там монолог. Он проиграл его весь почти без слов, слова заменял междометиями, вскриками, кое-что говорил по тексту. Показ был феерическим, блистательным – гениальным. И предельно ясным, как казалось из темноты зрительного зала.

Отчаяние Норы, ее загнанность в угол, безвыходность положения – полное поражение он показал. Но актриса стояла в углу сцены, смотрела исподлобья и недружелюбно.

А после показа произнесла: «И вот это г... я должна сыграть?» – «Оленька, поверь, это будет замечательно, я знаю!» –

уговаривал он.- «А я не знаю – почему я должна так это играть?!» И он снова начинал показывать, еще лучше прежнего. «Не знаю, не уверена. Мне надо подумать». «Ты попробуй, ты только попробуй, увидишь – это будет хорошо!»

Но актриса не сдавалась. И не из-за упрямства или плохого характера – просто повторить его показ сразу на этом уровне ей было невозможно. Репетиция закончилась. На другой день снова репетировали эту сцену, он снова показывал, несколько меняя рисунок. Актеры уже увереннее пробовали. Он бежал в зрительный зал и смотрел оттуда – что получается?

Потом летел на сцену и показывал следующий кусок. Сцена из «Норы» была настоящим украшением этого не слишком удачного спектакля, последнего его спектакля в театре на Малой Бронной. Я тогда подумал : «Господи, как хорошо бы он поставил «Нору» ! Вот и ставил бы ее. А не эту откровенно слабую пьесу!» Но он был верен своему выбору. И напроорочил – в конце спектакля режиссер там погибает...

Тогда смутно, а теперь, спустя десятилетия, более отчетливо улавливаю его мотивы. Атмосфера в театре накалилась – подогреваемые директором Коганом артисты выступили против Эфроса, там были его артисты и его ученики. Нормально разговаривать стало невозможно. И он ухватился за эту пьесу, чтобы на языке искусства доспорить, дообъясниться и с артистами, и с директором – со всеми, даже с собственным сыном, который был художником спектакля, но на репетиции не приходил, сидел в своей мастерской и писал какие-то портреты.Ничего не получилось.

Пока он ставил спектакль, директор ставил свой – за кулисами. Я оказался невольным участником интриги.

Буквально через день после появления в театре меня вызывают к директору. Прихожу в кабинет к назначенному времени – там двое: директор Илья Коган и заведующий труппой Григорий Лямпе /физик Рунге из «Семнадцати мгновений весны» /. Коган, огромный тучный мужчина, сидит за столом, объясняет мне, что это кабинет Михоэлса и что он сохранил обстановку. А Лямпе – единственный сохранившийся артист Еврейского театра. С Лямпе мы знакомы – вместе с Броневым он приезжал в театр, где я работал. Там шел спектакль «Сказки Старого Арбата» и руководство приглашало Броневого выступить в роли Христофора, а Лямпе играл эпизодическую роль толстячка.

Анатолий Эфрос // russia-ic.com

Директор дружелюбен и лучезарен, говорит, что много слышал обо мне, следит за моим творчеством по рассказам и рецензиям. И – приступает к делу. Суть сводится к тому, что стажировка у Эфроса ничего мне не даст, что заниматься мною никто не будет и что самым правильным с моей стороны будет написать заявление о нежелании стажироваться у этого режиссёра, а он, как председатель совета директоров, поможет мне перейти в любой театр. Лямпе молчаливо подтверждает всё. Понимаю его присутствие – нужен свидетель разговора. Бывший помощник Вышинского хорошо знает дело. Вежливо благодарю начальство за внимание и заботу и обещаю подумать. Выхожу из кабинета с ощущением выкрученных рук. Вот, значит, как ведётся обработка! Как-то мрачно подумалось, что все участники сцены, включая отсутствующих Эфроса и Броневого, – евреи.

На премьере спектакля Коган стоял в фойе и радушно встречал зрителей. Я был в стороне и тоже встречал своих. Появился Эфрос и молча прошел мимо. Коган протянул ему руку: «Здравствуйте, Анатолий Васильевич!» Тот что-то буркнул, а руки не подал. «Вы что – не хотите подать мне руки?»

И небольшого роста Эфрос сделал какой-то немислимый разворот вокруг огромного директора и как-то неловко из-за спины протянул ему руку. Ощутимая конвульсия пробежала по нему. Я вспомнил, как он хватался рукой за сердце и за горло, когда ему не давали ключ от малого зала, где он со студентами своего режиссерского курса ГИТИСа репетировал сцены из «Бури» Шекспира для Рихтеровских вечеров в музее изобразительных искусств, как он кричал в телефонную трубку на этого директора и как дрожала его рука, когда ключ ему всё же дали...

Но директор оказался прав – мною действительно никто не занимался. В первый день нашей встречи во дворе театра Эфрос занимался своими синими «Жигулями». Он был без пальто, хотя конец ноября, холодно. Из окон дома раздавались звуки фортепьяно – Рихтер жил здесь. Я представился, он едва взглянул на меня и продолжал возиться с машиной. Предложил ходить на репетиции – и всё. И я ходил на репетиции в театре, на занятия в ГИТИСе, на его публичные выступления в ВТО и на режиссерскую лабораторию, даже ездил за ним в Ленинград, где он давал незабываемый мастер-класс и читал куски из ещё не опубликованных книг. Это были настоящие уроки, о которых я мечтал.

Первые репетиции за столом шли как-то вяло. Эфрос скучал, говорил мало и редко. Актеры – Яковлева, Броневой, Волков, Грачев – разбирались в тексте, между собой почти не общались, вопросов не задавали. Было ощущение, что все ждут чего-то, выхода на площадку, может быть, вот тогда начнется работа. Часто кто-нибудь отсутствовал. Тогда за него читал Эфрос и сразу становилось интереснее. У него был поразительный голос – не слишком сильный, немного высоковатый, но модуляции какие-то нездешние, они завораживали, уводили в космос. Во многих спектаклях его голос звучал по радио – кажется, этим он давал актерам настрой, задавал тон. Вот и за столом он делал то же самое: подсказывал интонацию будущего спектакля.

Однажды он объявил перерыв, все ушли курить, он один сидел за столом и вглядывался в текст через свои битые очки. Подошла немолодая актриса и попросила отпустить ее сегодня пораньше, так как вечером трудный спектакль. «А какой?» – спросил Эфрос. Она назвала. «А Вы разве его не видели?» – «Нет. Я пришел посмотреть, увидел декорацию и – ушёл.» Вечером

я разглядывал декорацию перед началом спектакля и затем смотрел его – досмотреть не было сил...

Занятия в ГИТИСе были интереснее. Педагогами на курсе работали Анатолий Васильев и Ольга Яковлева. Фактически курс разделился на две группы – Эфроса и Васильева. Я бывал только на занятиях мастера. Разбирали пьесу Толстого «Живой труп». Студенты показывали свои отрывки, потом он делал замечания, которые записывал по ходу на маленьких листочках. Эти маленькие листочки всегда были под руками. Иногда он выходил куда-то и тогда Яковлева разъясняла суть студентам, не стесняясь в выражениях. Эфрос же проявлял чудеса терпения. Но на одного студента он всё же обрушил гнев. В отрывке Федя Протасов открывал бутылку шампанского. Желая приблизиться к правде жизни, режиссер дал настоящее шампанское. Пробка вылетела в потолок – Эфрос тут же остановил показ. Он кричал страшно. Он был оскорблён. Я думал, он побьёт этого студента...

Другие занятия были связаны с «Бурей». Планировались только два актера: Юрский в роли Просперо и Вертинская – Ариэль. Всё остальное делали студенты. По каким-то причинам Юрский не смог участвовать. И тогда Вертинская взяла на себя обе роли, сыграла блестяще. Этот спектакль стал легендой Декабрьских вечеров в музее имени Пушкина, он снят и неоднократно показан по телевидению. Среди последних работ Эфроса это безусловная победа, а для студентов-режиссеров – настоящее «боевое крещение». Они выступали здесь и как исполнители ролей, и как режиссеры отдельных сцен и этюдов. Их увлеченность работой просто зашкаливала. Особенно заметен был Борис Юхананов, бесспорный лидер, будущий руководитель театра имени Станиславского. И хотя уже намечился раскол на приверженцев Васильева и эфросовцев, в этой работе они выступали единым фронтом. Судьба как будто подсказывала Эфросу путь, по которому он мог бы пойти – создать новый театр с молодыми и верными артистами, начать всё заново, как когда-то в Ленкоме. Но – «неумолим конец пути», всё вышло совсем не так...

В заглавной роли директора театра выступал Леонид Броневой, артист яркий, обаятельный, но всегда несколько манерный, и с очень непростым характером. Он не раз публично заявлял: «Эфрос ненавидит меня! Он всегда дает мне роли негодяев.» Но ведь Христофор Блохин, например, вовсе не негодяй, да и директор театра личность сложная и

противоречивая. А ненависть как проявляется? Эфрос занимал Броневого во многих своих спектаклях и фильмах, именно здесь пришла к актеру слава, еще до Мюллера. Но так или иначе – Броневаой был лидером актерской оппозиции Эфросу в театре.

Драматург Виктор Розов рассказывал, как он отговаривал Эфроса переходить в театр на Таганке и как тот возражал ему : «Я многому научился. Я могу работать даже с врагами.»

На одну из сценических репетиций не пришли многие актеры. Один Броневаой ходил по сцене. Появился Эфрос, помреж доложила, что Волков отпущен, Яковлева больна, Грачев на съемках, есть только Броневаой. «Что, Анатолий Васильевич, будем отменять?» – спросил Броневаой, как мне показалось, с некоторой надеждой. «Нет, – ответил Эфрос,- будем репетировать вдвоем. Пройдем все ваши сцены, я вам подыграю.» Три часа они репетировали. В жизни своей я не видел более прекрасной репетиции! Это было какое-то упоение театром, взаимопониманием, партнерством. Они импровизировали, подсказывали друг другу, находили новое. Из зрительного зала, где я сидел в абсолютном одиночестве, казалось, что два верных товарища священнодействуют в поисках совершенства. Репетиция закончилась, они поблагодарили друг друга и разошлись. Впоследствии Броневаой говорил, что он тоже не советовал Эфросу уходить на Таганку, а вскоре и сам перешёл в Ленком...

На премьере спектакля в апреле 1984-го уже было известно, что Эфрос принимает Таганку и что вместе с ним туда идет Ольга Яковлева. Я подошел к нему поздравить с премьерой и попросил: «Можно ли мне продолжить стажировку у Вас?» Он ответил: «Я хотел бы, мне о Вас хорошо говорил Дворецкий. Но министр Зайцев объявил, что на Таганке у меня стажеров не будет.» И мы распрощались...

Дальнейшее хорошо известно. Он поставил на Таганке несколько спектаклей, я смотрел их. Там было много выдумки, много темперамента, но не было света, который он всегда излучал, не было ощущения какого-то особого воздуха, перенасыщенного кислородом, даже озоном. И он плакал в своем новом кабинете: «Кажется, я разлюбил театр!» Что может быть страшнее для великого режиссера? А потом он умер – 13-го января 1987-го года. Жизнью заплатил за трагическую ошибку, от которой мы его не уберегли.

Мне министерство любезно предоставило право выбрать театр для дальнейшего прохождения стажировки. Можно было пойти к Ефремову, уехать к Товстоногову или отправиться в Ленком. Я выбрал последний вариант – в обратном направлении прошел дорогу Эфроса восемнадцатилетней давности. И дух его еще витал там – в актерах. Меня определили к Глебу Панфилову на спектакль «Гамлет». Состав был первоклассный: Янковский, Чурикова, Абдулов, Збруев, Козаков, Корецкий. Панфилов часто надолго уезжал, мне выпадало счастье репетировать с этими артистами. Збруев буквально бредил Эфросом, вспоминал его поминутно. Козаков недавно расстался с Эфросом, был им ужален. А Корецкий /Электрон Евдокимов из лучшего, на мой взгляд, ленкомовского спектакля Эфроса «104 страницы про любовь» / просил сделать с ним какую-нибудь внеплановую работу – как при Эфросе. Но – это уже тема для другого рассказа...

У Анатолия Васильевича была одна странная привычка: время от времени он взъерошивал пятерней ёжик волос на голове. Все знали эту его привычку и подтрунивали над ней – особенно в актёрских капустниках, весьма популярных в те времена. Жест был действительно смешной и узнаваемый, я наблюдал его не раз. И однажды мне показалось, что я догадался о природе этого жеста: ёжик на голове был его антенной, на которую поступала божественная информация. И когда ёжик опадал, он взбивал его, чтобы поток не прерывался. Он был нездешний человек...

Анна Белокопытова

Испания

«Машина Мюллер» Кирилла Серебренникова как Манифест неравнодушия в действии

*«Наша восприимчивость дошла до такой степени истощения, когда стало совершенно ясно, что нужен прежде всего театр, который разбудит и наши нервы, и наше сердце».
1933 г. Антонен Арто. «Театр жестокости. 1-й манифест».*

Декабрь. Обычный московский вечер, то ли дождь, то ли снег, то ли просто почудилось. Промозглость изворотливой рептилией пробиралась под одежду. Оживлённая столичная улица Казакова, вереница колоритных ресторанов. Время было ещё не позднее, кто-то шёл, кто-то бежал – каждый по своим делам. Ничто, как говорится, не предвещало... Вот только в Гоголь-центре давали «Машину Мюллер».

Если говорить о близком, не виртуальном соприкосновении с творчеством Кирилла Серебренникова, то я была и остаюсь относительным новичком. К тому времени, когда в Москве появились его постановки и о них активно заговорили, мне из России уже пришлось самоустраниться. Потому к первому свиданию с «живой» работой этого режиссёра я готовилась. Предварительно прочтённые рецензии (за пять лет со дня премьеры их накопилось немало), по большей части содержали выхолощенные аналитические, нередко полные негодования высказывания: об авторе положенных в основу текстов, об эпатажных и даже чернушных выразительных средствах, об очередной провокационной попытке напугать публику «эклектической безвкусицей».

Профессиональные критики и обычные зрители расчленяли спектакль и, вооружившись лупой, въедались в его составные части. Жонглируя театральной терминологией, они старались пояснить, насколько точно ими был раскрыт режиссерский замысел, но ни один не обмолвился ни словом о том, раскрыл ли этот замысел что-то в них самих. Да это и понятно – кто признается в том, что создатели «Машины Мюллер» нашли нашу потайную кнопку?

Филипп Григорьян. Фото: Ира Полярная

Сложно говорить о сюжете. В классическом понимании его там не было. Сати Спивакова и Филипп Григорьян исправно и в меру по-хулигански вели условные линии персонажей «Опасных связей», но основная философская и эмоционально-интеллектуальная нагрузка возлагалась не на них. Их выходы напоминали интермедии перед сменой основных блюд; вынужденные паузы, пока исполнители главных ролей меняют наряды. Ирония крылась в том, что протагонисты-перформеры, на которых строилась основная вертикаль действия, в переодеваниях не нуждались – они были полностью обнажены.

Далеко не всякий режиссер способен убедить артиста выйти на сцену без одежды. Одним только обитателям Гоголь-центра известно, какая работа была проведена, чтобы привыкнуть воспринимать наготу как нечто естественное и необходимое. Но мало научиться самим, надо ведь ещё и оправдать этот экстремальный способ выражения перед людьми, которыми заполнится зрительный зал: перед незнакомыми злопыхателями и ошарашенными друзьями; перед прячущими глаза родителями, перед сгорающими со стыда возлюбленными. Насколько оправданным и наполненным должно быть существование самих артистов, чтобы за два часа шокирующего лицедейства доказать зрителю правомерность их публичной наготы! Дело не в беспрекословном подчинении режиссёру.

Константин Богомолов и Сати Спивакова. Фото: Ира Полярная

Это не стадо статистов, но сообщество личностей, неисчерпаемая психосоматическая пластичность которых очевидна. Группа исполнителей, доверившись интуиции руководителя и сделав ставку на честный, обезоруживающий язык обнаженного тела, начинает существовать, как единый, совершенный организм.

С целью переломить барьер предубежденности и заставить за банальной физиологией угадать необъятную полноту смыслов, нас подвергают откровенному генитальному штурму. Не отворачивайся, смотри, смотри! Звенящее напряжение подкрепляется кадрами документальных хроник, психоделическими монологами Александра Горчилина и проникающим в подсознание голосом Артура Васильева. Теперь, на этом уровне откровенности, мы можем поговорить без фальшивых ужимок и прыжков? Иначе до нас, застёгнутых на все пуговицы, не достучаться. Только взять за шиворот и бросить в прорубь и, пока мы не успели сообразить и вернуться в уютный футляр, успеть рассказать нам сразу обо всем: о преследованиях на улицах города, об арестах и судах; о социальной сегрегации инакомыслящих, любящих тех, кого любить не полагается; о людском лицемерии, о неумении противостоять гибридной пропаганде; о желании малодушно отмолчаться, о неминувости погружения в бездну и о полном духовном самообнулении.

Антракт предусмотрен не был. Отдышаться или сбегать нам не позволили. После многократных погружений в ледяную воду нас вывели из состояния беспомощной истерии увесистым финальным подзатыльником. В течение двух часов нас пытались уверить в чистоте и незащищенности неприкрытой плоти, внушить идею о её поэтической нетривиальности. Не удивлюсь, если многим, как и мне, захотелось раздеться, чтобы не чувствовать себя лишними на этом празднике раскрепощенности. И вот, когда ураган высвобожденной энергии готов был завертеть всё вокруг, перформеров вдруг стали одевать: принудительно, вопреки их желанию, некоторых даже с применением грубой силы. Такова действительность: выживают притворщики, соблюдающие правила, не снимающие масок. Наше замусоренное сознание не готово избавиться от предрассудков, как лёгкие, мутировавшие в загазованной среде, не способны дышать чистым горным воздухом. Свобода возможна, но для рабов – это яд. Чтобы ею насладиться, нужно много и долго работать над собой. Главное – не забыть, какая она на вкус.

Если целью авторов этой двухчасовой психологической атаки без антракта была исповедальная встреча зрителя с самим собой, то вынуждена признать: со мной им это удалось. Прокусили до костей. Хотелось рыдать, но я сдерживалась, потому что пришла не одна, потому что рыдать в театре не принято. А почему было не взорваться, не завопить, не дожидаясь поклонов: «Я вас ненавижу, потому что вы в меня попали, расщепили на атомы!»? Это было бы очень в духе Гоголь-центра и живущих в нём нонконформистов. Но нет, за один раз невозможно осмелеть и разорвать все шаблоны. Назад, назад, в зону комфорта.

Когда смолкли аплодисменты и артисты покинули сценическую площадку, у меня дрожали колени. Мы какое-то время сидели в пустом зале, откинувшись в креслах с гибкими спинками, и разглядывали живописный «лоскутный» потолок. Нас уважительно попросили удалиться – нужно было разбирать декорации. Встать не было сил, но нужно было собраться с духом, шарфом укутать на миг обнажившуюся душу и уйти в слякотную московскую ночь.

Ирина Чайковская
Москва, Россия

Гут. Пьеса для двоих

1. В джипе. Мужчина останавливается. Проходящая девушка поворачивается к нему.

Девушка. Вы русский?

Мужчина. Как вы узнали?

Девушка. Вы только что выругались по-русски.

Мужчина. Растянул мышцу, вот и ругнулся. Здесь я могу выражаться как хочу. Не вижу здесь соотечественников, вы первая.

Девушка. Да я вам не соотечественница. Я родилась не в России. Просто в семье все говорят по-русски. (указывает на ногу) Болит?

Мужчина. Денька на два придется прерваться. А так я здесь каждый день – вечерами. А вы, кажется, новенькая. Я вас не видел.

Девушка. Следите?

Мужчина. Только за хорошенькими. (медленно) Или очень хорошенькими, такими, как вы.

Девушка. Что ж вы ... так сразу. Я сконфужусь.

Мужчина. Сконфужусь. Откуда только такие слова у вас? Вы давно в Америке? Здесь родились? Пойдите. Давайте сообразить. Вон видите скамеечка в уголке, в холле? Ступайте туда и подождите меня, я только схожу в раздевалку.

Девушка. Вы что? Вы за кого меня принимаете? Идите своей дорогой. Я только пришла – и буду заниматься, по крайней мере, час.

Мужчина. Хорошо. Занимайтесь. Я вас подожду. Час так час.
Девушка. Ну, может, сорок минут для первого раза. Чао! Не скучайте!

2. Через сорок минут

Девушка. Сидите?

Мужчина. Сижу.

Девушка. Я вас должна разочаровать. Через двадцать минут за мной зайдет American boy ирландского происхождения, redheadенький такой, славный рыжик...

Так что в вашем распоряжении только двадцать минут. Хотите меня о чем-то спросить?

Мужчина. Этот boy, который зайдет, кто он вам? Друг? Муж? Roommate?

Девушка. Никто. Воздыхатель. Слышали такое слово? Или еще – поклонник? У меня мама любит такие архаические слова... (смотрит на него). А у вас – что, нет никого? Ни жены, ни подруги? Что вы домой не спешите? В Америке все всегда куда-то спешат... Вам на вид лет сорок, самый сок для мужчины.

Мужчина. Пятьдесят. Мне пятьдесят. А вам лет 18-20. У меня дочка такая.

Девушка. Вот видите, у вас дочка. Стало быть, есть и жена. Знала бы она, что вы на молоденьких заглядываетесь.

Мужчина. Я не на всех. Только на хорошеньких. Даже на Очень хорошеньких (берет ее за руку). Не хотите прошвырнуться? Здесь рядом есть один симпатичный кабак.

Девушка. Фи. Что за манера – приглашать незнакомку в кабак? Как вас зовут?

Мужчина. Питер, Петр.

Девушка. А меня Лаура. Заметьте, не ЛаУра, как обычно произносят русские, а ЛАура. Я родилась в Италии, и мама дала мне итальянское имя.

Мужчина. Папа был итальянец?

Девушка. Папы вообще не было. Они развелись. Мама уехала одна, то есть не одна, а с родителями, с моими бабушкой и дедушкой. Я родилась, когда они были в Остии, на полдороге в Штаты.

Мужчина. Так вы приехали как беженцы. Вы еврейка?

Девушка. Ну да. Завидуйте – я еврейка! А вы случайно не антисемит?

Мужчина. Случайно нет.

Девушка. Вы русский Петя. Дядя Петя. Придумала. Давайте я буду звать вас Петрарка? Я Лаура, а вы Петрарка.

Мужчина. Не понял. Вы о чем? Петрарка – это...

Девушка. Не напрягайтесь. Петрарка – это поэт. Итальянский. Жил в архаическую эпоху. И воспевал Лауру. Вы ведь влюбились в меня, так?

Мужчина. Ну, уж прямо так... вы уж как-то слишком быстро. Может, еще и не влю... Ну, хорошо, а если влюбился? То что?

Девушка. Вы женаты?

Мужчина. Женат.

Девушка. А я для чего вам? для секса?

Мужчина. Ну уж прямо так... А если для секса?

Девушка. (свистит) Ах, так. А я думала... А вот и Сэм идет. Видите. Вон паренек у входа, оглядывается, в бейсболке, она скрывает его рыжие лохмы... (убегает).

3. На следующий день

Лаура. Сидите? Вы же сказали, что пропустите два дня.

Петр. Нога уже лучше, но пока заниматься не могу. А приехал – на вас посмотреть. Подумал: вдруг мне приснилось, как вы вчера меня окликнули...

Лаура. На свою голову. Теперь будете меня преследовать. Я иду заниматься. Будете ждать?

Петр. American boy сегодня опять вас провожает?

Лаура. Сегодня нет, у него вечерняя спевка. Он поет в церковном хоре.

Петр. Вы здесь в университете учитесь? На музыкальном? Или литературе обучаетесь?

Лаура. С чего бы это? Я как все нормальные обучаюсь бизнесу – изучаю маркетинг и менеджмент. А вот насчет литературы... у меня кое-что есть для вас. Вчера специально посмотрела в Википедию. (присаживается рядом)

Итак, история Петрарки и Лауры. В свое время пропустила мимо ушей, когда мама что-то про них рассказывала, а, оказалось, занятно. Да, кстати, какое сегодня число?

Петр. Сегодня 7 апреля. Вы не хотите уйти отсюда? Из душного зала – на воздух. Снаружи – весна, пахнет... цветами. Пойдемте! (тянет ее).

Лаура. Погодите. Сегодня -7-е, значит, вчера было 6-е. Шестое апреля.

Петр. И что? Это какой-то особый день?

Лаура. День встречи Петрарки и Лауры... и нас с вами. Он увидел ее в церкви, она прошла мимо. После этого 21 год он ее воспевал. А потом она умерла... тоже в этот день, день их встречи. В Италии в это время тоже все цветет. А он, между прочим, продолжал ее воспевать еще 25 лет. До своей смерти. Он умер за день до своего дня рождения.

Петр. Тоже 6 апреля?

Лаура. Кажется, нет, там какая-то другая дата. Иначе я бы заподозрила эту историю в шизофрении...

Петр. Да, шизофрения. Верно, это когда человек, женщина вечно возвращается к какой-то точке, застрявшей у нее в мозгу, и все крутит, крутит по-новой...Такая история с шизофренией.

Лаура. Вы о чем?

Петр. Это так, к слову пришлось. У вас все? У меня тоже есть кое-что для вас.

Лаура. К сожалению, о мой Петрарка, должна вас покинуть. Я приехала сюда заниматься спортом..., или, как говорят на вашей родине, физ-куль-турой. Ждите... если не надоест. Через часик вернусь.

4. Через час

Лаура. Сидите? Здесь действительно удушающая атмосфера, пропитанная пахучим и стойким мужским потом. Так и быть, давайте пройдемся. (выходят) Пахнет природой (втягивает воздух). Супер! Вы что-то хотели рассказать.

Петр. Вы – москвичка? То есть я хотел спросить – ваша семья оригинально откуда?

Лаура. У бабушки и дедушки была квартира в Москве на Чистых прудах. Как вы догадались?

Петр. Я сам с Москвы. После армии решил поселиться в столице, работал в охране. Банк охранял. Знаете, банк на Покровке? Он еще потом рухнул, был громадный скандал...

Лаура. Ничего я там не знаю. Не была ни разу за двадцать лет, не интересно. Так что вы хотели рассказать?

Петр. Так я же рассказываю. Скучно на посту. Смотришь по сторонам, пялишься на девочек. Одну хорошо помню. Мимо проходила каждый вечер. Я ей честь отдавал, а она мне кивала.

И улыбалась. Улыбка была такая... не могу даже передать, какая. Солнечная.

Лаура. Хорошенькая?

Петр. Что?

Лаура. Хорошенькая была девушка?

Петр. Ах, да, хорошенькая, даже очень. (медленно) На вас похожа.

Лаура. Да? Когда это было?

Петр. Да уж лет двадцать прошло.

Лаура. (свистит) Я или еще не родилась или лежала в пеленках. Но история романтическая, дорогой Петрарка! А был он, этот Франческо Петрарка, парень не промах. Лауру свою воспевал на расстоянии, а детей имел от других женщин. Жениться ему было нельзя как католическому священнику.

Петр. А у нее? У нее была семья?

Лаура. Кажется, была. Муж и очень много детей, не то 9, не то 10. И умерла она родами. А вот интересно, что делает ваша жена, в то время как вы развлекаетесь с молодыми девушками?

Петр. Жена? Ах да, жена. Что делает? Да ничего не делает. Сидит на компьютере. Сериалы смотрит. (медленно) Письма пишет.

Лаура. Письма? Кому?

Петр. А черт ее знает. Кому только не пишет. Даже президенту, но вообще-то я уже не интересуюсь. Пусть пишет. Все же занятие. А то еще начинает сама с собой разговаривать, на какие-то голоса отвечать.

Лаура. Может быть, ей нужно полечиться?

Петр. Может быть. Мне вообще советуют ее изолировать, сдать в шелтер.

Лаура. Фи. Зачем же в шелтер? В более приличное заведение нельзя?

Петр. Ну, не в шелтер, это я так. Но на более приличное, как вы говорите, заведение денежек не накопил. Работал один, платил за дочкин университет. Начинать практически с нуля. Специальности – считай никакой, разве что в армии автодело освоил. Сейчас имею свой автосервис, трое механиков, все русские ребята. Дочка выучилась, работает во Флориде в гостиничном сервисе... Это все позади. Теперь хочется пожить, счастья хочется... чтобы душа согрелась. Мне пятьдесят лет, а я не жил еще и, стыдно признаться, не любил... по-настоящему.

Лаура. Давайте начистоту. Вы, дорогой Петя, не мой кадр. У нас с вами ничего общего. Ходим в один джим – вот и все. Так что запомните: надеяться вам не на что, милый Петрарка. Чао! (убегает).

5. Через неделю. В джиме, на велосипеде он и она, крутят педали.

Петр. Вас вчера не было.

Лаура. *Здесь* не было, мало ли хороших мест?

Петр. Я ждал.

Лаура. И напрасно.

Петр. Я хотел сказать, что Ваша ЛаУра, или ЛАура умерла вовсе не родами, а от чумы. Написано «от черной чумы» в возрасте 41 года. В том году от чумы в том городке, где она жила, много народу умерло, до 60 тысяч.

Лаура. А где она жила?

Петр. Какой-то город на А, крутится в голове. А...виньон?

Лаура. Давайте проверим (смотрит в айфоне), ага, Авиньон. Это Франция, Лазурный берег. Взгляните, какая красота! Папский дворец! Какой мост через Рону, еще от римлян остался. И церковь архаическая, красота. Церковь Сен-Пьер, слышите? (читает) Здесь хранятся мощи св. Петра Люксембургского. Или вот еще деревенька супер: (читает) Сен-Реми де Прованс – причудливый прованский городок с элегантными зданиями, приятными площадями и очаровательными пешеходными улицами. Расположен всего в 20 км от Авиньона. Городок известен как место рождения Нострадамуса и памятниками археологии греко-римского периода.

Вот куда хочется, на место рождения Нострадамуса. Сен-Реми де Прованс! Отвезете меня туда? Вы же влюбленный, должны выполнять все мои желания! Петрарка? Вы заснули?

Петр. (волнуясь) А если я скажу, что отвезу вас в этот... ну в этот чертов Прованс?

Лаура. Отвезете? Правда? А я вам отвечу, что не поеду. У меня лекции, тесты, экзамены. А совсем скоро я еду в студенческий лагерь. Авиньон и Сен-Реми де Прованс откладываются... на неопределенное время. Я молода – успею. А вы, Петрарка, поспешите. Подхватите свою шизанутую женушку – и фьюить (свистит) – в Авиньон, будете с ней как два голубка, Петрарка и Лаура, Петрарка ей – фьюить, Лаура ему – фьюить.

Петр. Зачем вы так?

Лаура. Как? (что-то поняв). Сорри, я заигралась, как говорит моя мама. Я ведь вредная, люблю поддевать... поклонников, особенно женатых. Все. Побежала. Чао.

6. Через неделю. Оба в джипе. Идут по бегущей дорожке.

Лаура. Петрарка, вы сегодня жутко унылый. Давайте я вас развеселю. Помните, вы говорили, что видели похожую на меня двадцать лет назад в Москве? У меня тогда еще мысль мелькнула. – Мама, говорю, ты жила на Чистых прудах. Покровка от вас была далеко? – Рядом, – говорит. А ты проходила мимо банка, когда домой возвращалась? – Конечно, говорит, – там еще охранник стоял, он мне всегда честь отдавал... Вы поняли?

Петр. Так это ваша мама была?

Лаура. Хотите познакомлю?

Петр (пауза) Нет, не хочу.

Лаура. Напрасно. Она у меня супер. И одинокая. Преподает детишкам американским из русских семей русский язык. Так хотите?

Петр. Не хочу. Прошное не вернешь.

Лаура. Как знаете. А вот еще она рассказывала. Еду, говорит, в автобусе, и вдруг ко мне какой-то дебил подходит в защитной форме – и впивается губами в мои губы. Прямо в автобусе. Спиртным от него разит, губы его противные, склизкие, я вырываюсь, что-то мычу, а он держит меня как клещами и губами присосался намертво... Народ кругом, но все тихо стоят, каждый о своем задумался...

Петр. И чем кончилось?

Лаура. Автобус остановился, она с трудом вырвалась из его лап и вылетела из автобуса.

Петр. Все?

Лаура. Он помчался за ней. Догнал – и снова впился губами... Вот кошмар, скажите! Она успела крикнуть, видно, он испугался, хотя никто так и не подошел к ним. В общем она убежала (переводит дыхание).

Петр. Выдумали?

Лаура. Нет, правда, но, возможно, маме это приснилось, сон такой...

Петр. Ага. Не хотите передохнуть? Вон девочка пиццу выкладывает. Посидим? Угощайтесь (протягивает кусок пиццы).
(сидят на стульях и едят пиццу)

Лаура. Я уже многих здесь знаю. Вот та старушка в цветной тишотке моя знакомая, ее Джейн зовут, видите, поздоровалась. Похоже, она ходит сюда исключительно за общением. Подходит – и начинает общаться, вопросы разные задает. Особенно любит молодых девиц, вроде меня. Но я долго ее не выдерживаю.

А вон старичок, ну толстый такой, пантсы или как их? треники не сходятся на пузе. Он худеет. Часами сидит на велосипеде. Смотрит всегда только на педали. Кушать нужно меньше, друг, так ты не сбросишь свой жир, хоть загнишь на своем велосипеде.

А вот еще один знакомец, видите? худощавый, с сединой, такой весь из себя спортивный, глаз на меня... как это? слово забыла, поставил? (смеется), сейчас смотрит на нас с вами, ему интересно, кто мы друг другу... улыбнитесь, не смотрите так недружелюбно. Он же вам улыбается.

Ой, мне надо позвонить. Подождите, я сейчас (убегает)
(Возвращается понурая). У меня сегодня вечер свободный (смотрит на него).

Что вы мне можете предложить?

Петр. (хмуро) Ничего. Алла болеет. Просила не поздно приехать. У вас что, свидание сорвалось?

Лаура. Вы догадливы.

Петр. С этим ржим? С Сэмом?

Лаура (смеется) Нет, конечно, Сэм это так... для прикола... Представьте себе высокого, 70 инчей, темноволосого, в глазах чертики, в улыбку можно влюбиться... Мне казалось, что таких не бывает...

Петр. Та-ак. Влюбились?

Лаура (кивает)

Петр. Кто он? Откуда?

Лаура. Я пока мало что о нем знаю. Он перевелся к нам из Массачусетса.

Петр. Понятно. Ну, я пошел. Спасибо за компанию! (уходит)

7. Через две недели. Лаура сидит на скамеечке, Петр проходит мимо.

Лаура. Привет! Где вы пропадали две недели? Я вас ждала.

Петр. Ждали? С чего бы это?

Лаура. Привыкла. Без вас чего-то здесь не хватает.

Петр. А я думал вам не хватает того... темноволосого, из Массачусетса.

Лаура. Его зовут Ховард. Он отличный парень, легко идет на общение, знает просто кучу разных разностей, его конек американская история, любит музыку, поет, играет на гитаре...

Петр. Ну так за чем же дело? В бой!

Лаура. (опускает голову). Он не для меня... и вообще не для девушек. Он гей.

Петр. А... Но не отчаивайтесь, может, еще найдется, чтобы мог с девушками. Не все же такие, как этот Говард. Никак плачете?

Лаура. Ужасно больно, сердце разбилось. Вот хотела вам рассказать, а вас две недели не было, а рассказать больше некому, не маме же! Она у меня из девятнадцатого века, архаичная. (встряхнулась) Так где вы пропадали, дорогой Петрарка?

Петр. Дома пропадаю, дома – жена сильно разболелась.

Лаура. Чем?

Петр. Все тем же. Сегодня увезли в больницу.

Лаура. В шелтер?

Петр. Пока в больницу... А я все это время, дома сидевши, знаете чем занимался? Не угадаете.

Лаура. Чем же? Кроссворды решали?

Петр. Читал. Читал про Петрарку. Он, оказывается, когда влюбился в эту свою ЛаУру, поблизости от нее поселился, под Авиньоном, место называлось Воклюз. Жил один, писал письма на латыни разным древним римлянам, уже давно умершим. Прямо как моя Алла, только она живым пишет... всякие гадости. Он-то писал благородно, с благодарностью за сочинения. А стихи свои сочинял по-итальянски, выходило очень красиво. 366 стихов, называются канцоны, очень красивые, возвышенные. Я один стих принес для вас – в записи, самому-то неловко читать (достаёт айфон, в исполнении артиста идет чтение 61-го сонета в переводе Вячеслава Иванова).

Благословен день, месяц, лето, час

И миг, когда мой взор те очи встретил!

Благословен тот край, и дол тот светел,

Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не заметил,
Как глубоко пронзен стрелой, что метил
Мне в сердце Бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны, -
Дум золотых о ней, единой, сплав!

Правда, красиво?

Лаура. Красиво. А что за артист читает?

Петр. Не знаю. Если б еще пару недель, я бы сам выучил... А сейчас я другое учил...

Лаура. Другое? И что же?

Петр. Итальянский язык.

Лаура. Да? И что же вы выучили?

Петр. Вы понимаете по-итальянски?

Лаура. Немного. Я там родилась, но мы быстро уехали оттуда в Америку. Я немного понимаю по-итальянски, правда.

Петр. Я выучил две фразы, по-русски они переводятся словами, которые я ни разу не произнес за всю жизнь. Ни разу (Останавливается, произносит не глядя на Лауру).

Ti amo. Ti voglio bene.

Лаура. (тихо) Я поняла (встает). Послушайте, Петрарка! Вы говорите, вашу жену увезли в больницу? Ловите момент! Я готова. Поехали к вам.

Петр. За-зачем?

Лаура. Как зачем? Вы мужчина или нет? Вы же, помните, хотели со мной заняться сексом. Давайте займемся. Я согласна.

Петр... Я не могу... с Лаурой... Я не могу.

Лаура. Тюфяк (уходит)

8. На следующий день. Петр сидит на скамеечке, Лаура проходит мимо.

Лаура. Ждете?

Петр. Жду.

Лаура. А могли бы обидеться, я ведь назвала вас тюфяком.

Петр. Я не тюфяк. И могу вам это доказать (подходит к ней).

Лаура. Спокойно. У меня пропало настроение. Сегодня я пай-девочка (Петр отходит). Послушайте, почему мне так хочется кричать? Топать? Жизнь проходит мимо. И пройдет, если ее не перевернуть, не совершить что-то удивительное...

Петр. Что я должен сделать?

Лаура. Вы? Вам уже поздно, Петрарка. Вы уже выбрали свой путь. Будете сидеть на скамейке и ждать свою Лауру. Будете?

Петр. Буду. И верю, что дождусь.

9. Через месяц

(Петр сидит на скамейке в джиге. К нему подходит женщина, останавливается в нерешительности).

Женщина. Простите, вы случайно не русский?

Петр. Случайно русский.

Женщина. Извините меня за вопрос: вы кого-то ждете?

Петр. Жду. А что? Почему вы спрашиваете?

Женщина. Я приехала из-за вас. Я должна вам сказать, что та, кого вы ждете, не придет. Она уехала, уехала с молодым человеком, Сэмуэлем Ридом, в... Африку. В составе католической миссии. Я принесла вам письмо... от нее (протягивает письмо).

(Петр читает, звучит голос Лауры).

Петрарка, я знаю, что вы будете меня ждать. Будете приходить в джим и садиться на нашу скамейку, где мы ели пиццу и разговаривали и где вы сказали мне «Ti amo».

Но я поняла, Петрарка: вы любите не меня, а свое прошлое. Спасибо, дорогой Петрарка, за урок, который вы мне преподали. Мне бы так хотелось махнуть с вами в Авиньон и в ту деревушку, где родился Нострадамус! Но пока я уезжаю в Африку, на лето, дальше посмотрим. Страну не называю. Такие, как вы, способны броситься следом. Еду я не одна, а с Сэмом, мы с ним обручились и скоро должны пожениться. Что делать, если те, кого мы любим, любят не нас... Прощайте, мой Петрарка!

Ваша сумасбродная Лаура

Петр (к женщине). Она уехала?

Женщина. Уехала.

Петр. В Африку?

Женщина. В Африку.

Петр. Вы ее мама?

(Женщина кивает).

Петр. Вы на чем приехали?

Женщина. На убере, шофер меня ждет.

Петр. Попросите, чтобы не ждал. Я вас отвезу. И знаете, ни о чем больше не беспокойтесь. Я все беру на себя.

(Музыка)

Часть 7. Изобразительное искусство и музыка

Лев Саксонов

Самуил Кур
Сан-Франциско, США

Блистательный Бакст и его эпоха

Отрывок

Пролог

Это было удивительное время. В России его назвали Серебряным Веком, имея в виду, главным образом, литературу, во Франции – Belle Époque, Прекрасная эпоха, подразумевая весь стиль жизни. То тут, то там, словно чертик из табакерки, выскакивал новый талант, и общество далеко не сразу распознавало в нём будущего гения. За считанные годы возникло столько измов, что их хватило бы на всю историю человечества.

Это было трагическое время. На самом взлете оно обрушило на ничего не подозревавшие народы серию невиданных ударов – сначала война, Великая, Первая мировая, потом – революция 1917 года в России, и завершил разгром мировой экономической кризис 1929-1930-х годов.

Но в ту прекрасную и трагическую эпоху, на заре 20 столетия, родилось уникальное явление, которое объединило в себе вечное стремление человека к красоте, неустанный поиск нового и умение внести в обыденную жизнь колорит и настроение праздника. Фантастический свет его идей, не теряя своей яркости, пробился сквозь время и пространство и проник даже к нам, в 21-й век. Потому что это свет настоящего, высокого искусства.

... 2 июня 1909 года. В Париже близок к завершению первый Русский сезон – серия представлений, организованных

антрепренером Сергеем Дягилевым. В мае уже были показаны балет «Павильон Армиды», зажигательные половецкие пляски из оперы Бородина «Князь Игорь» и танцевальная сюита «Пир», в которых блеснули молодые дарования – Тамара Карсавина и Вацлав Нижинский. И еще – опера «Псковитянка» с непревзойденным, великим Федором Шаляпиным в роли Ивана Грозного.

Эскиз костюма Клеопатры для одноименного балета, созданный Л. Бакстом.

И вот сейчас должна начаться последняя премьера сезона – одноактный балет «Клеопатра». Публика в зале театра Шатле переговаривается, смеется, обсуждает великолепную технику русских, гадает, чем они удивят на сей раз. Зрители здесь собрались искушенные и бывалые, выдавшие многих знаменитостей. Они до тонкостей знают, как должна выглядеть сегодняшняя декорация – Древний Египет принято изображать с пирамидами и сфинксом, на пачках у балерин наверняка будет рисунок лотоса, и, конечно, не обойтись без слуг с опахалами.

Звучит увертюра. Поднимается занавес. Зал затихает – то, что открылось перед ним, непривычно и завораживает. Уходят вверх мощные колонны египетского храма. В нишах – каменные статуи фараонов. Сквозь просвет в стене виднеется голубая лагуна Нила. Четверо черных рабов, мерно покачиваясь, выносят на сцену паланкин, расписанный восточными узорами, и опускают его на пол. Из него бережно извлекают нечто вроде мумии и ставят ее лицом к зрителям. Медленно разворачивают и снимают с застывшей фигуры красное покрывало, с вытканными на нём золотистыми крокодилами. Зал ахает – под первым оказывается второе покрывало, зеленое, на котором яркой нитью прочерчена хронология правящих династий. Снимают и его, осторожными движениями, и тогда открывается третье, оранжевое, с разноцветными полосками, и зрители уже с напряженным вниманием ожидают следующего и начинают их считать про себя, и каждое новое поражает другой расцветкой, и каждое снимают как-то по-особому. Одиннадцатое сдергивают одним резким рывком, и тогда Клеопатра мягко и плавно сбрасывает последнее, темно-синее, и предстает в полупрозрачном одеянии, скорее, обнажающем, чем скрывающем ее тело. Коллективный вздох восхищения проносится над залом.

И разыгрывается несложный, но трагический сюжет.

Только что жрец завершил обряд обручения стройного юноши Амуна с прислужницей храма Таор. Они любят друг друга, и Таор счастлива (ее танцует уже известная зрителям блестящая балерина Анна Павлова). Но в этот момент Амур впервые увидел Клеопатру. Увидел – и забыл всё на свете. Чувство вспыхнуло в нём мгновенно, он сражен и просит царицу подарить ему свою любовь. Та удивлена, смеивается, но внезапно соглашается. При одном условии – это будет стоить смельчаку жизни. Амур не раздумывает ни секунды – он принимает вызов. Клеопатра приглашает его на свое ложе. Начинается любовная игра, напряжение нарастает в зале еще больше, чем на сцене, – и в самый последний момент, закрывая от зрителей происходящее, рабы опускают полог.

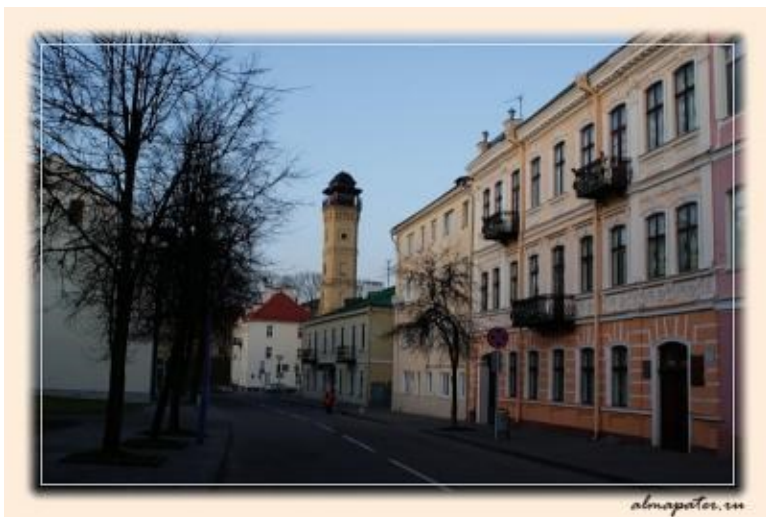
Вскоре среди весело танцующих слуг появляется Амур. Ему подносят кубок с ядом, он опустошает его и падает замертво. Возле бездыханного любимого бессильно опускается на пол Таор.

Публика потрясена – разумеется, не довольно шаблонным сюжетом, а впечатлением от цельности всего увиденного. Такого на балете никогда прежде не бывало. По традиции исполнялись отдельные технически сложные фрагменты, вызывающие аплодисменты (например, тридцать два фуэте балерины). Порой встречалось интересное оформление. Но здесь всё слилось в единый ансамбль – декорации, костюмы, игра красок, стиль и характер танцев. Это единство многократно усиливало эстетическое воздействие представления. Сергей Дягилев так потом оценит июньскую премьеру 1909 года: «Успех? Триумф? – эти слова ничего не говорят и не передают того энтузиазма, того священного огня и священного бреда, который охватил всю зрительную залу».

И действительно, Клеопатра, умевшая застывать в неожиданной, не предусмотренной никакими канонами, позе, излучала такую жизненную, такую эротическую энергию, что всплеск ее, подхваченный ярким, бушующим цветом костюмов, жаркой волной захлестывал зрительные ряды. Всех интересовал один вопрос: кто эта поразительная артистка, которую парижане увидели впервые? И кто тот чародей, который сумел создать на сцене удивительно гармоничный мир?

1. Мальчик из Гродно

За четверть века до этого памятного спектакля, в один из осенних дней 1883 года, из парадного подъезда Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге чуть ли не вприпрыжку выскочил молодой человек, которого явно переполняли чувства. Он не отличался ни ростом, ни богатырским телосложением, только рыжая шевелюра разлеталась на ветру. Глаза его сияли: сбилось! Приняли! Первым делом надо обрадовать деда! Счастливого молодого человека звали... впрочем, имя его звучало по-разному, в зависимости от обстоятельств. Посторонним он представлялся по-взрослому: Лев. Для домашних был Левушкой. А по документам проходил как Лейб-Хаим. Фамилию имел соответствующую – Розенберг.

В одном из домов этого уголка старого Гродно родился Лев Розенберг

Кто знает, какое будущее подготовила бы ему судьба, если бы их семья осталась в Гродно, где он и родился в 1866-м. Конечно, отец там был заслуженным человеком, его ценили в общине за разносторонние знания, за душевность и отзывчивость. И жить бы ему в провинции долго-долго. Но, к счастью для Левушки, обстоятельства сложились иначе. Дело в том, что его мать была единственной дочерью видного гродненского коммерсанта Бакстера, поставлявшего сукно для русской армии. И были у него большие заслуги перед государством, его даже при дворе ценили. Поэтому, когда он решил переехать в Петербург, у него сложностей не возникло. И этот опытный левушкин дед совершил хитрый тактический маневр – он усыновил своего зятя. Таким образом, он обеспечил переезд своей дочери с зятем в столицу, обойдя закон о черте оседлости.

Когда мальчик подрос, он доставил родителям первые неприятности – они поймали его на том, что он с упоением рисует на листе бумаги разные фигурки. Последовал категорический запрет: впредь никогда не обращаться к этому глупому занятию! Религиозный папа твердо знал требование Торы : «Не сотвори себе кумира», то есть не изображай человека. Конечно, попадались иудеи, нарушавшие заповедь, но это были уже вконец потерявшие веру люди. Чтобы избежать

конфликтов, Левушка стал рисовать по ночам. А еще он решил попросить помощи у деда. Дед ему очень нравился. Каждую субботу он приходил к нему в гости, в его потрясающий дом на Невском проспекте, и каждый раз наново восхищался богатым убранством и картинами на стенах.

Дед вел свободную светскую жизнь. У него было много друзей, он слыл заядлым театралом. И он сочувственно отнесся к горю своего внука – не только поощрил тайное увлечение, но и заронил сомнения у родителей: а что, если у мальчика талант? Обязательно надо проверить его способности!

С помощью деда набор рисунков Левушки отправили для оценки в Париж жившему там знаменитому российскому скульптору Марку Антокольскому. Мэтр отозвался о присланных работах весьма похвально и посоветовал их автору в будущем поступить в Академию художеств. Родители успокоились. А Левушка, который учился в 6-ой петербургской гимназии, в 12 лет выиграл там конкурс на лучшее исполнение портрета В.А. Жуковского – к 100-летию со дня его рождения. Образцом служила гравюра..

... И вот теперь он студент. Правда, его приняли лишь вольнослушателем, но такой же участи удостаивали и других претендентов его национальности, например, того же Антокольского.

Начались занятия. Академия полностью оправдала свое название – учили здесь академично, по твердым канонам, как сто и двести лет назад. Никакого простора для фантазии. Зато повезло с другом – у Льва нашлись общие интересы с одним из талантливых студентов, Валентином Серовым. Через несколько лет пришла пора показать результаты учебы и представить свою работу на Серебряную медаль. Предложенное задание показалось старательному вольнослушателю несложным.

Есть в многовековой традиции живописи на библейские темы один часто повторяемый сюжет – Святая Дева Мария, скорбящая над телом снятого с креста Иисуса, который обычно лежит у нее на коленях. Называется эта тема Пиета, или Оплакивание Христа.

Лев Розенберг хорошо знал историю. И изобразил указанную выше сцену с высокой степенью достоверности. На его полотне измученная еврейская женщина с заплаканными глазами скорбит над телом сына. И по лицам стоящих рядом тоже видно, к какому народу они принадлежат.

Бакст был прекрасным рисовальщиком: «Натурщица», 1901 г.

А дальше всё выглядело так. Льва вызвали на подведение итогов. И он, бедняга, осознал свой промах только тогда, когда увидел, что его картина перечеркнута крест-накрест, а члены академического совета возмущены до предела. То, что в трактовку важнейшей христианской темы привнесен еврейский акцент, расценили как святотатство. Молодой художник понял, что с Академией пора расставаться, и без сожалений покинул ее, сославшись на ухудшение зрения. Произошло это в 1887 году.

Он уходит на вольные хлеба, тем более, что тому есть серьезные причины. Даже если и хотел бы сделать еще одну попытку получить медаль, всё равно не мог позволить себе этого. Жизнь Левушку не баловала. Скончался дед. Родители разошлись, у каждого из них появилась новая семья. Еще раньше, семилетней девочкой, трагически погибла старшая сестра – случайно опрокинула на себя кипящий самовар. Он, Лев, остался главным кормильцем в семье, состоящей из него, брата и двух сестер. Все вместе они снимали маленькую квартирку.

Еще во время учебы, в поисках заработка Лев набрел на мастерскую по изготовлению наглядных пособий. Ее владельцем был педагог и писатель А.Н. Канаев. Там нашлась работа – оформление непритязательных книг для детей. Пригодился и давний школьный опыт – спросом пользовались копии портретов известных деятелей, особенно ценились изображения царя. За это платили побольше, чем за книжки.

А еще Лев стал членом Общества акварелистов, которое возглавлял художник Альбер Бенуа. Сложной акварельной техникой юный Розенберг овладел в совершенстве. И тут, словно в награду за усердие, судьба подкинула ему козырную карту. Самым влиятельным человеком в этом творческом содружестве был барон Д.А. Бенкендорф, страстный поклонник живописи и художник-любитель. Акварелисты регулярно проводили свои выставки. К каждой их них барон писал 30 – 40 работ. Качество их, мягко говоря, оставляло желать лучшего. И тогда наступала очередь Льва.

Он брался за кисть и приводил рисунки барона в достойный вид. Делалось это, разумеется, втайне, хотя в курсе «тайны» были многие. Но вслух не обсуждали. Платил за услуги Дмитрий Бенкендорф нещедро. Зато после выставок продавал свои работы великим князьям и другим великосветским знакомым уже по другому преискуранту. Однако, и своего «редактора» тоже отблагодарил: по его рекомендации Лев стал учить рисованию детей Великого Князя Владимира Александровича.

1889 год. Знаменательная веха в биографии недавнего студента-«академика» – его приглашают участвовать в большой выставке – совместном показе работ российских и финских художников. И вот тут-то Лев серьезно задумался. Хочется, чтобы дебют оказался удачным, чтобы его запомнили. Но кому врежется в память такая нефотогеничная фамилия – Розенберг? И он принимает мудрое решение: берет фамилию деда – Бакстер, отсекает две последние буквы, и с этого дня он – Лев Бакст. Звучит!

И все-таки, самым важным событием этого периода, определившим всю его последующую жизнь, стал непримечательный, на первый взгляд, эпизод: Альбер Бенуа познакомил Льва со своим младшим братом, Александром.

2. Шура, Дима и другие

Лев Бакст в 1890-м году. Фото: Третьяковская Галерея.

Несколько молодых людей, закончивших не так давно престижную частную петербургскую гимназию К. Мая, решили объединиться в группу, которую они рассматривали как кружок самообразования. Нет, они не были полуграмотными недоучками. Столичная гимназия уже сама по себе давала очень высокий уровень подготовки, а после ее окончания их ждал университет. Но в данном случае их увлекла общая цель – интерес к искусству, они хотели проникнуть в него глубже.

Первоначальный костяк группы составили Константин Сомов, ставший художником, Дмитрий Философов – впоследствии публицист, музыканты и критики Альфред Нурок и Вальтер Нувель и двоюродный брат Дмитрия Сергей Дягилев. Идейным вдохновителем и организатором был Александр Бенуа. Вскоре группа получила название «Мир искусства».

Что их волновало? Во-первых, наследие прошлого, художественная культура России. Во-вторых, современное искусство. Из Франции и Германии приходили сообщения о новых взглядах и подходах, слово «модернизм» звучало как пароль при переходе в новый век, а их родина плелась где-то в обозе.

Надо отдать должное мирискусникам: в России именно они первыми уловили, куда дует ветер. И сделали интересный вывод: одним из ведущих путей нового искусства должен стать

синтез нескольких его видов, – в частности, слияние музыки, слова, живописи, танца. А идеальной площадкой для реализации такой идеи является театр.

В этот кружок новаторов, благодаря братьям Бенуа, в 1890 году вошел Лев Бакст. И сразу почувствовал себя в нём своим. Происхождение там роли не играло, отношения были самыми теплыми, обращались друг к другу по именам – Дима, Шура, Сережа, Валечка. И новенький сразу стал Левушкой. Он легко вписался в творческую атмосферу еще и благодаря своему характеру. Позже Дмитрий Философов опишет его так: «Характерная черта Бакста – его неискоренимое добродушие и благодушие, соединенные с детской наивностью, которая так и перла из его донельзя близоруких глаз».

Лев Бакст. Портрет Исаака Левитана, 1899 г.

Благодушие не помешало Левушке быстро проявить себя. В 1898 году они с Дягилевым стали выпускать журнал «Мир искусства». Издание это стало центром притяжения для ведущих фигур российской творческой интеллигенции. Бакст заведовал художественным отделом и оформлял каждый выпуск так, чтобы сама журнальная книжка становилась произведением искусства. В общем журнал самому царю понравился, а имя Бакста стало широко известным.

Между тем, Левушка, окунувшись на встречах мирискусников в накал горячих споров и обсуждений, понял, что с кругозором у него дела обстоят неважно. В приличных семьях было принято отправлять подросших сыновей за границу – проветриться и ума набраться. Товарищи Льва уже и в европейских музеях побывали, и полезные знакомства завели. Нетрудно догадаться, что у него до сих пор такой возможности не было. Но теперь он о ней уже думал, даже начал деньги собирать. А тут еще удача подвалила.

Благодаря всё тому же Бенкендорфу, Лев Бакст получил выгодный заказ: написать картину, посвященную прибытию российских моряков во главе с адмиралом Авеланом в Париж. Создание такого парадного полотна для царского двора требовало изучения ситуации на месте, безупречного знания военной формы, многочисленных эскизов – то есть времени и денег. Деньги платили регулярно, а исполнение растянулось на 8 лет. В итоге получилось тяжеловесное произведение в скучном академическом стиле. Для кошелька неплохое подспорье, но у юноши с богатой фантазией не лежала душа к таким сюжетам.

Как бы то ни было, в 1891 году он отправляется в европейское турне. Германия, Бельгия, Франция, Испания, Швейцария – разные пласты культуры, творения знаменитых мастеров. Он присматривается к ним в музейных залах пристальным взглядом профессионала. Возвращается домой, но в 1893-м он снова во Франции, где приступает к работе над заказанной картиной. Последующие 8 лет – это, в основном, Париж, где он еще и учится, и вникает в суть современного искусства.

И наездами бывает в Петербурге. Там его захватывает новое увлечение – портреты. Ему в них удается главное – передать характер, настроение, суть человека. Иногда предельно лаконично – одной линией. За короткое время Лев Бакст становится одним из лучших, если вообще не лучшим российским портретистом на переломе веков. Всех, кто ему позировал, трудно перечислить, вот лишь несколько имен: Александр Бенуа, В. Розанов, И. Левитан, Зинаида Гиппиус – на ее знаменитом портрете исключительно точно схвачена противоречивая сущность поэтессы.

Бакст совершает вояж и за пределы европейского континента – в Северную Африку. Милая, совершенно безопасная поездка – золотое время было 100 лет назад! Он привозит из Алжира и

Марокко массу интересных материалов и отраженную в набросках специфику самобытной культуры этих стран.

Бакст уже многому научился. Он задумывается о своем собственном месте в искусстве. Понимает, что новое время требует новых подходов. И, с этой точки зрения, его все больше привлекает многообещающая экспериментальная площадка – театр.

3. Сиротка Ида

Валентин Серов. Портрет Иды Рубинштейн

Париж, Париж, отчего ты такой неприветливый? Трудно простому художнику в столичном мире. Тут и великим-то надо изворачиваться, чтобы выжить. Безвестный петербуржец Лев Бакст крутится, как белка в колесе, работает день и ночь. И жалуется в письме: приходится отдавать свои этюды за бесценок – 20-40 франков.

Он возвращается на родину. Цель ясна: попробовать свои силы в театре. Бакст ступает на, казалось бы, проторенную тропу – в сценографии всё налажено, повторяй известные приемы, и все будут довольны. Но Бенуа и его товарищи потому и стремились в этот вид искусства, что видели в нём массу скрытых возможностей.

С приходом 20-го века литература взрывается новыми идеями, живопись переживает взлет, музыка на подъеме. И только опера

и балет застыли: традиционные декорации, раз и навсегда заданные приемы. Балет вообще не принимают за что-то серьезное. В то же время идея обновления, выдвинутая «Миром искусства», привлекает всё новых и новых мастеров слова и кисти из Петербурга и Москвы. Они предлагают свои услуги постановщикам из обеих столиц. В конце концов, не без оснований считают они, весь мир – театр, а игра – любимое занятие человечества.

Левушка начал в 1900-м с оформления спектакля «Сердце маркизы» в Эрмитажном театре. Пантомима, которую поставил Мариус Петипа, была немудреной. Бакст выполнил в едином ключе и декорации, и костюмы, и программку. Премьера состоялась в 1902-м, а в 1903-м зрители увидели его новую работу – балет «Фея кукол» в Мариинском театре. Танцевали звезды – Матильда Кшесинская, Анна Павлова, Михаил Фокин. Но в рецензии балет и его музыка были охарактеризованы, как «верх безвкусыя и тривиальности». И дальше: «К счастью, эта постановка дала возможность художнику Баксту создать прекрасные декорации. Но особенно хороши костюмы». В завершение автор пишет – если и будет успех, то только благодаря Баксту.

В этот период одна за другой выходят в Александринском театре две постановки на античную тему – трагедия Эврипида «Ипполит», а вслед за ней трагедия Софокла «Эдип в Колоне». В созданных для них костюмах и декорациях, на основе росписи древнегреческих ваз, Лев Бакст отходит от шаблона, от общепринятых образцов. Он «итенсивно антиакадемичен» – подчеркивает известный критик А. Левинсон. А другой рецензент отмечает «тонкое проникновение в дух и стиль эпохи».

Бакст уже широко известен своими портретами и графикой. Теперь к ним присоединился бесспорный успех в оформлении постановок на сценах ведущих столичных театров. Всё это выдвигает его в первые ряды российских художников.

... Светский раут был в разгаре, когда к Баксту подошел знакомый режиссер и представил ему молодую даму:

– Ида Рубинштейн.

Имя Левушке ничего не говорило, а вот внешность поразила. Тонкая, вытянутая, с завораживающим лицом, необъяснимо привлекательным и притягивающим, как магнит. Это был очень своеобразный тип красоты, с которой Лев никогда раньше не

встречался. Завязался разговор. Ида с большим пиететом высказалась о работах своего собеседника, а потом неожиданно заявила:

– Лев Самойлович, я хочу, чтобы вы оформили для меня спектакль.

– С большим удовольствием, – улыбнулся Бакст. – В каком театре вы играете?

– «Новый театр» Лидии Борисовны Яворской на Мойке. Речь идет о трагедии Софокла «Антигона».

– И вы там в роли...

– Антигоны, разумеется.

– Ну что ж, мне надо встретиться с режиссером, с руководством, договориться, чтобы утвердили меня, согласовать финансовые вопросы.

– Это всё не должно вас волновать. Спектакль – мой, частный. Плачу я – и вы получите ту сумму, в которую оцените свой труд.

Заинтригованный художник буквально на следующий день обошел нескольких друзей в надежде раздобыть сведения о его юной работодательнице. Задача оказалась не такой уж сложной, тем более, что нашлись люди, вхожие в ее семейный круг.

Дед Иды недурно разбирался в ценных бумагах, в результате чего кое-что накопил, чтобы оставить сыновьям. Их было двое – Леон и Адольф. Семья отличалась высокой культурой, много жертвовала на благотворительность. Ида, единственная дочка Леона, родилась в 1883-м. Понятно, ее родители тоже были не самыми бедными – пара-тройка банков, пивзавод «Новая Бавария», сахарные заводы, магазины. Увы, прожить долгую жизнь это не помогло. Мать умерла вскоре после рождения дочери, а в 1892-м во Франкфурте умер отец. Ида в девять лет стала наследницей огромного состояния. В десять ее привезли в Петербург к тетке – мадам Горовиц. В богатый дом на Английской набережной.

Ида окончила лучшую частную гимназию. В 18 лет на дому прослушала курс истории русской литературы. Приходивший к ней профессор Погодин рассказал, что его ученица свободно владеет пером, прекрасно знает историю искусства и безупречно общается на английском, французском, итальянском и немецком языках.

Но главная мечта ее жизни – стать трагической актрисой. О чём она и объявила тетке и остальным. Реакция была ожидаемой. Актёрка?! Такого позора добропорядочное

религиозное семейство не могло допустить. Что, у нее на хлеб не хватает? Актёрки – они ведь все такие, как бы это помягче сказать... Но отговорить упрямую сироту не удалось. И тогда Иду срочно вывезли во Францию. А там ее встретил известный парижский врач, профессор психиатрии. Как друг семьи, он поставил юной строптивнице диагноз: невменяема. И из самых добрых побуждений определил ее в психиатрическую клинику, чтобы – как сказали бы сегодня – не возникала.

Но тут уже всполошились родные – услужливый доктор явно перегнул палку. Срочно съездили в Париж и доставили бодрую и очень даже нормальную девушку домой. Ида поняла: от назойливости слишком заботливых, но несовременных родичей надо избавляться. Поразмыслив, она нашла нужное решение.

– Я намерена выйти замуж! – объявила она.

У мадам Горовиц от неожиданности и вполне объяснимого возмущения даже дух перехватило:

– Как?! За кого?

Ида посмотрела на нее преданными глазами:

– За моего двоюродного брата, тетушка, то есть за вашего сына, Владимира.

Настроение мадам качнулось в другую сторону:

– Да, конечно, возраст у тебя уже подходящий.

Этот раунд Ида выиграла чисто. Вряд ли Володя догадывался о тайных замыслах сестренки, но через месяц с хвостиком пара развелась. Отставленному мужу кое-что перепало в смысле финансов. Зато Ида получила свободу и возможность самой определять свою жизнь. Она стала брать уроки, и вот сейчас, в 1904-м, готовилась выйти на сцену.

Левушка Бакст уже в момент знакомства был покорен ею – неумной, энергичной, до одержимости преданной своей цели. Он создал отличные костюмы и декорации. Ида не сомневалась в своем успешном дебюте – публика будет у ее ног. Но одно дело – пылкое воображение начинающей актрисы, и совсем другое – суровая реальность. Ида потерпела сокрушительный провал. Что неудивительно. Сказалось отсутствие опыта, театральной школы. К тому же, у нее был тусклый и слабый голос. Не помогла ее загадочная внешность, которая притягивала внимание – ведь современники отмечали: «Овал лица – как бы начертанный образ без единой помарки счастливым росчерком чьего-то пера».

Л. Бакст. Портрет Сергея Дягилева с няней, 1906

Бакст тоже расстроен неудачей, хотя его она не коснулась. На некоторое время их пути с Идой Рубинштейн расходятся. Лев работает в журналах. В 1906-м пишет портрет Дягилева с няней на заднем плане. По общему мнению – лучший из всех портретов знаменитого антрепренера. Есть и заказы. В 1907-м Мариинский театр проводит несколько благотворительных спектаклей-балетов с хореографией Михаила Фокина. Лев выполняет эскиз костюма для Анны Павловой, танцующей знаменитого «Лебедя» Сен-Санса и эскиз ассиро-египетского костюма для Тамары Карсавиной в танце с факелами на музыку А. Аренского.

Между тем, Иду принимают в театр Веры Комиссаржевской, где она намерена сыграть главную роль в скандальной драме Оскара Уайльда «Саломея». Ей, однако, эту роль не дают. Тогда она решает создать спектакль на свои деньги. С художником ясно – конечно, им будет Бакст. В качестве режиссера она приглашает Всеволода Мейерхольда. Всё складывается удачно, в 1907-м спектакль готов к выпуску. Но в этот момент вмешивается черносотенный «Союз русского народа». С его

подачи Священный Синод признает пьесу аморальной и постановку запрещает.

Болезненный удар. Ида не сдаётся – она всё-таки выйдет на сцену и покажет хотя бы один, центральный эпизод спектакля – танец, для которого она заказала музыку А. Глазунову. И она обратилась за помощью к танцовщику и балетмейстеру Мариинского Театра Михаилу Фокину.

Пока раскручивались эти события, Лев со своим другом, Валентином Серовым, осуществляя давнюю мечту, в том же 1907-м укатили в Грецию и на Крит. Впечатлений от поездки Баксту хватит на всю жизнь. А написанная по горячим следам картина «Античный ужас» – о гибели Атлантиды – получила высокий отзыв в Европе.

Лето 1908 года Ида проводит в Швейцарии – там, в пансионе, под руководством Фокина она отрабатывает «Танец семи покрывал» из «Саломеи». 20 декабря все причастные к уайльдовскому спектаклю встречаются в Петербургской консерватории. Зал забит до отказа – слухи о предстоящем событии уже ходили по городу. На сцене появляется Ида-Саломея. Такого танца еще не видели в российской столице – чувственного, эротического. По ходу исполнения танцовщица одно за другим сбрасывала покрывала, и в финале из одежды на ней осталось только несколько ниток бус. После краткого шока зал взорвался овацией. Ида стала звездой.

В 1909 году Бакст уезжает в Париж – оформлять Русские Сезоны Сергея Дягилева. Именно там и произошло второе рождение этой, ни на кого не похожей актрисы. Когда встал вопрос об исполнительнице роли Клеопатры, утонченные Павлова и Карсавина сразу были отставлены. Фокин вспомнил про Иду и предложил свою ученицу. Дягилев засомневался. Но Левушка поддержал хореографа, более того – придумал для Клеопатры оригинальный выход. Небывалый успех стал убедительным аргументом в их пользу.

4. Париж пьян Бакстом

Репертуар 1910 года планировали летом, в Венеции, в узком кругу. И совершенно естественным стало появление в следующем «Русском сезоне» «Шахерезады» – балета, поставленного специально «под Иду». Дягилев попросил Серова создать рекламную афишу и программку с ее изображением на

обложке. Тот загорелся и написал знаменитый портрет обнаженной Иды Рубинштейн, вызвавший столько же споров, сколько восторгов.

Эскиз костюма к балету «Шехеразада», Леон Бакст, 1910

Музыкальную основу «Шехерезады» составила известная оркестровая сюита Римского – Корсакова. Либретто написал Александр Бенуа – судя по названию, он опирался на «1001 ночь». Однако бесполезно было бы искать в арабских сказках что-то похожее на сочинение Бенуа, скорее всего, у него родилась 1002-я ночь. 4 июня 1910 года в Гранд Опера состоялась премьера. Зал взорвался овацией, как только поднялся занавес – это была реакция на декорации и костюмы. А потом началось действие.

Шах Шахриар отправляется на охоту, не обращая внимания на просьбу главной жены, Зобеиды, не делать этого. Остальные жены из его гарема, пока хозяина нет, уговаривают евнуха впустить к ним их любовников-негров. Приходит и любовник Зобеиды – Золотой Раб. Внезапно возвращается шах и обнаруживает в своем гареме оргию. Он в бешенстве подает знак, и янычары устраивают расправу. Под их ятаганами падают и женщины, и рабы. Зобеида молит сохранить ей жизнь, но и ее постигает общая участь.

Ида-Зобеида и Золотой Раб-Нижинский великолепны в постановке Фокина. Но главным было то, что под прекрасную музыку на зрителей обрушились «жестокость и чувственность Востока» – ошеломляющие, опьяняющие, отодвигающие на

задний план пресную картину будней. Создание этого настроения – в решающей степени дело рук Бакста. Он отлично знал ту эпоху, когда происходит действие. Архитектура декораций и одежда героев передавали самую суть той давней культуры. И при том он не просто владел цветом, он умел задать ему ритм, который раскачивал воображение публики, вызывая спонтанный эмоциональный отклик.

Вот что писал в своей работе сам Бакст: «В каждом цвете существуют оттенки, выражающие иногда искренность и целомудрие, иногда чувственность и даже зверство, иногда гордость, иногда отчаяние. Это может быть... передано публике... Именно это я пытался сделать в «Шехерезаде». На печальный зеленый я кладу синий, полный отчаяния... Есть красные тона торжественные и красные, которые убивают... Художник, умеющий извлекать пользу из этих свойств, подобен дирижеру...»

Я назвал бы это откровение философией цвета.

Реакция парижан на два балетных спектакля русских оказалась потрясающей, более того – по-своему неожиданной. После «Клеопатры» и «Шехерезады» изменилась даже французская, то есть, по сути, мировая мода. Разрезы на платьях, цветные парики, яркие краски, шаровары, тюрбаны, оранжевые абажуры – это вошло в жизнь не одного поколения под незабываемым воздействием увиденного на сцене. И это всё – Бакст.

Свидетель этих событий, уже упоминавшийся критик А. Левинсон, оценил ситуацию так: «Париж был подлинно пьян Бакстом». Марсель Пруст в письме 1911 года писал: «... Передайте Баксту, что я испытываю волшебное удивление, не зная ничего более прекрасного, чем «Шехерезада»». Петербургский журнал «Столица и усадьба» сообщал: «Сейчас Бакст – один из наиболее популярных художников, спрос на него громадный. Рассказывают, что с восьми часов утра к нему трезвонят беспрестанно по телефону поклонники, интервьюеры дежурят часами у его дверей». Его персональные выставки проходят по всей Европе – Париж, Лондон, Берлин, Стокгольм и в США – Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Чикаго. Король парижской моды Пуаре вынужден, чтобы не потерять клиентуру, создавать новые образцы одежды совместно с Левушкой. Не отстает и другой Дом моды – Пакэн. По заключенному с ним на

три года контракту две трети его моделей будет разрабатывать Бакст.

Александр Бенуа очень точно отметил новаторство своего друга, особенности его творческой манеры. Цвет, декорация и костюм на глазах зрителей становились активными и равноправными участниками сценического действия. Парижане очарованы – у «Русских балетов» мгновенный успех. «В этой области, – писал Бенуа, – Бакст с первых же шагов (еще в России) занял прямо-таки доминирующее положение, и с тех пор он так и остался единственным и непревзойденным».

Мальчик, который когда-то рисовал ночами под одеялом, теперь нарасхват и работает в напряженном ритме. С 1909 по 1914 годы для «русских сезонов», театра Иды Рубинштейн и других он оформил более двадцати балетных, оперных и драматических спектаклей, не считая особых заказов. Что касается Иды, то после триумфальных успехов у Дягилева она ушла из русского балета и основала свой театр. К тому времени она уже окончательно переселилась в Париж.

Сформировав труппу, Ида обращается к известному итальянскому писателю Габриэле Д`Аннунцио с просьбой написать что-нибудь специально для нее. Так появляется «Мистерия о мученичестве Святого Себастьяна». Музыка к спектаклю пишет Клод Дебюсси, сценография, конечно же, Льва Бакста. В главной роли – Ида. Опять ошеломительный успех. Д`Аннунцио в это время живет в Париже с очередной любовницей. О его скандальных похождениях говорит вся Европа, и все с увлечением читают его книги. Однако на сей раз эпатажный писатель получает удар с неожиданной стороны.

Ватикан приходит в ярость: женщина, к тому же еврейка, да еще, говорят, лесбиянка, создает образ знаменитого католического святого! Папа отлучает Д`Аннунцио от церкви и запрещает верующим читать его произведения и смотреть его спектакли. Габриэле не расстраивается – он уже покорен необычной красотой Иды. Он пишет ей пылкие стихи и дает отставку любовнице. В свою очередь, страстный итальянец тоже произвел впечатление на Иду. В разгар завязавшегося романа в Париже появляется американская художница и феминистка Ромэйн Брукс. Она знакомится с Идой и – влюбляется в нее. Правда, у той в данный момент есть мужчина, но Ромэйн эта деталь не смущает. Остальных – тоже, и они начинают жить троим.

Можно по-всякому относиться к этой явно нестандартной ситуации, но для всех ее участников она оказалась плодотворной. За четыре года тройственного союза Брукс создала лучшие свои работы, в том числе несколько портретов своей возлюбленной. Сама Ида блистала в спектаклях и снималась в фильмах, сценарии к которым писал Габриэле. Любовь кончилась в 1915-м, и треугольник распался на три составных части.

Разумеется, Бакст работал не только на Иду Рубинштейн. Ушла от Дягилева и Анна Павлова, создав свою труппу. Лев сделал декорации для ее нью-йоркских гастролей. К сожалению, дела у блестящей балерины не заладились – денег, как у Иды, у нее не было, а пробиваться без Дягилева оказалось очень сложно.

Еще две знаменитые женщины обращались за помощью к Баксту.

Маркиза Казати время от времени баловалась сценой. Обладательница несметных богатств, экзотичная итальянка, она слыла роковой красавицей. Числилась за ней и связь всё с тем же Д`Аннунцио. Прославилась как меценатка. Вокруг нее клубился рой поклонников – художники, актеры, писатели. Живописцы наперебой писали ее портреты, в итоге их набралась целая галерея – больше 130. Лев создал эскизы костюмов для индо-персидских танцев, с которыми выступала маркиза.

А М. Кузнецова-Бенуа, прима Мариинского театра, обладательница великолепного сопрано, принимала участие и в русских сезонах. Ее первым мужем был старый знакомый Бакста Альбер Бенуа. Она выступала в ведущих оперных партиях в костюмах, созданных Львом, – в «Богеме» и «Мадам Баттерфляй» Пуччини, в «Орфее» Глюка, «Садко» Римского-Корсакова, «Фаусте» Гуно, «Травиате» Верди и в других.

Но бесспорным приоритетом в творческих устремлениях Бакста оставались «русские сезоны». И сейчас самое время обратиться к этому уникальному явлению и к личности человека, который его придумал.

5. Дягилев: поиски себя

31 марта 1872 года в семье офицера, потомственного дворянина Павла Павловича Дягилева родился сын, которого нарекли Сергеем. Радость от рождения мальчика вскоре была омрачена: через несколько месяцев скончалась его мама.

Малыш, однако, не почувствовал горечи сиротства – в его жизни появилась мачеха, прекрасная и заботливая женщина. Ее звали Елена. Сергей полюбил ее трепетно и безоглядно – как любят только мать.

Отца по службе перевели в Пермь, и там их дом стал одним из самых известных и гостеприимных. В нём пели, играли на рояле и даже ставили домашние спектакли.

После окончания гимназии, в 1890-м, Сергея отправляют к тетке, Анне Философовой, в Петербург. Он поступает на юрфак университета и одновременно берет уроки музыки у Н.А. Римского-Корсакова. И, став дипломированным юристом, уходит на эту, казалось бы, побочную дорогу: решает посвятить себя пропаганде искусства.

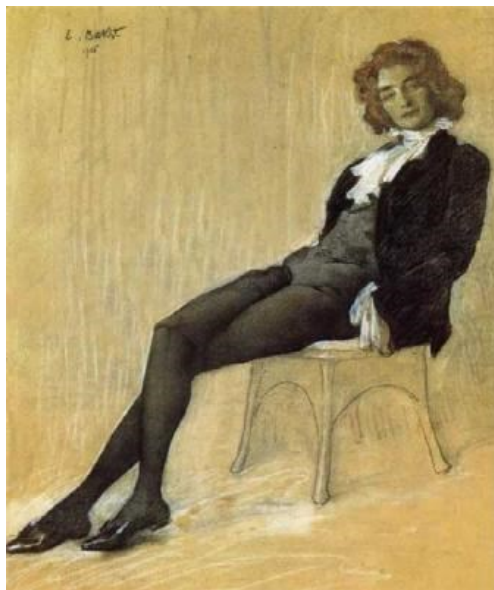
Приступил он к этому делу с энтузиазмом: вытащил из небытия замечательных русских художников 18 века; взялся за организацию выставок; стал выпускать вместе с Бакстом журнал; с 1899 года редактировал «Ежегодник императорских театров». Энергия была в нём через край. Пытался даже устроить гастроли иностранных музыкантов в столице, но потерпел фиаско – пробиться через дебри российской бюрократической системы ему не удалось.

И вдруг, в начале 20 столетия, он ставит перед собой нелегкую задачу – вывезти за рубеж с концертами плеяду русских талантов. С чего бы такой резкий поворот: от просвещения родного народа – к гастролям по Европам? Утверждают – хотел доказать, что Россия способна занять достойное место в цветнике европейских культур. Безусловно, так оно и было. Это – правда. Но не вся.

Ах, какие сюжеты предложили зрителям и замысел «Русских сезонов», и они сами! Любовь всех мастей и оттенков, благородство и предательство, ревность и измену! Причем пикантность этих сюжетов заключалась в том, что разворачивались они не на сцене, а в реальной жизни. Именно там творческие взлеты и падения под накалом безумных страстей сплелись в нерасторжимый клубок.

Для мальчика из Перми всё началось в 1890-м – окончание гимназии, Петербург, университет. В честь этих событий Анна Философова отправила своего сына Диму вместе с Сергеем в путешествие по Италии. Поехали они туда двоюродными братьями, а вернулись – любовниками.

Этот союз оказал самое благотворное влияние на Сергея Дягилева. Он был счастлив. Вошел в объединение «Мир искусства». Активно проявлял себя в художественной жизни российской столицы. В одном из номеров издаваемого им журнала опубликовал эссе Зинаиды Гиппиус – яркой представительницы новой русской поэзии.

Этот портрет Зинаиды Гиппиус Бакст написал в 1906 г.

Как раз к тому времени долго искавшая себя и пытавшаяся разобраться со своей сексуальной, гендерной идентичностью Гиппиус поняла, наконец, что она – мужчина в женском теле. Происходило это 100 лет назад, операций тогда не делали, но страсти бушевали посильнее, чем сегодня. Новая идентификация требовала нового партнера, и, осмотревшись вокруг, поэтесса заметила Диму Философова. «Это то, что мне нужно», решила она и пошла в атаку. Молодой человек вначале сопротивлялся, но в конце концов ей удалось уломать его и, таким образом, оторвать от Дягилева. После чего она устроила семью из троих – Зинаида, ее муж Мережковский и Дима. Ничего хорошего из этой затеи не вышло, не было там ни любви, ни согласия. И союз этот рассыпался.

Однако для Сергея Дягилева случившееся – измена и уход Димы – стало сильнейшей травмой. Он забросил журнал и захандрил. И тут в его жизнь вошел балет. Не сразу, постепенно, но предстояло ему закрепиться в ней навсегда. Дягилев и раньше был связан с театром, знал многих артистов и режиссеров. Среди его предпочтений балет, как искусство легкомысленное, находился на последнем месте. Но то, каким образом он сейчас столкнулся с ним, имело свою, очень специфическую подоплеку.

В начале первого десятилетия нового века Дягилев понимал, что его надежды на блестящую карьеру в Петербурге потерпели крах. А ведь его даже метили в министры. Но он умудрился поругаться с дирекцией Императорских театров из-за своих друзей-художников и потерял работу. Сергей Павлович начинает посматривать за рубеж и в 1907-м бросает пробный камень: организует в Париже первый «Русский сезон». В «Исторических русских концертах» выступили выдающиеся композиторы и исполнители. Проба оказалась удачной.

В том же году князь Павел Львов представляет Дягилеву молодого танцовщика Мариинского театра Вацлава Нижинского. О нём говорили, как о подающем надежды артисте. Львов, однако, имел в виду совсем другое. Богатый князь был равнодушен к юным дарованиям мужского пола, и Вацлав уже около года являлся его избранником. Теперь же, – очевидно, остыв, – он хотел передать его в надежные руки.

Дягилев загорелся не сразу, зато Нижинский с нетерпением ожидал этого сближения. Он видел в нём залог своих будущих успехов, своего взлета. Его родители, поляки, странствующие артисты, внушили сыну, что в балете именно такой путь является самым перспективным. Люди опытные, они знали, что происходит за кулисами. И то, что должно было свершиться, свершилось. У Дягилева отныне появилась будоражащая цель – раскрутить талант своего нового возлюбленного, показать его Европе.

Маленькое отступление. У читателей может сложиться впечатление, что все отношения между главными героями нашего повествования были далеки от традиционных. Безусловно, это не так. Просто, не одобряя таких вещей официально, в начале 20 века предпочитали закрывать на них глаза. А в начале 21 века, между прочим, их массово легализовали. В то же время говорить о русских сезонах и

Дягилеве и опустить эти детали – значит исказить истину: слишком велико было их воздействие и на творческие моменты, и на организаторские.

Что касается Бакста, то его воображение волновали женщины.

Б. М. Носик в своей книге «С Невского на Монпарнас. Русские художники за рубежом» приводит любопытный факт. В Петербурге тех лет пользовалась большой известностью жрица любви и «жизнетворчества» Людмила Вилькина. Носик обнаружил в архиве запись, которую сделал в 1902 году Валерий Брюсов, приударявший за Людмилой. Она показала ему письмо Бакста, с помощью которого тот пытался соблазнить ее: «Для художника не существует одежды, – писал он, – я мысленно вижу вас голой, люблюсь вашим телом, хочу его».

Александр Бенуа вспоминал, что в жизни Льва Бакста было несколько периодов, «окутанных эротической одержимостью». Например, в Париже, еще до 1900 года, он пережил страстное увлечение госпожой Ж. – актрисой французской труппы петербургского Михайловского театра. Бенуа с улыбкой описывает, как бедный Левушка, новичок в любовных делах, попал в цепкие руки опытной дивы, которая всю старалась «просветить» и «испортить» его, проведя через все круги эротического ада.

Лев Бакст с женой Любой, 1903 г.

Чуть позже Лев влюбился всерьез. Ее звали Люба, и была она дочерью предпринимателя, того самого знаменитого Павла Третьякова, который собирал картины и основал в Москве

галерею его имени. Люба раньше была замужем за художником-маринистом Н.Н. Гриценко, родила от него дочь. Но потом, один за одним, соответственно в 1898-м и 1900-м, скончались ее отец и муж. Молодая вдова завладела думами и чувствами Льва Бакста, и он сделал Любови Павловне предложение.

Красивый жест, но безрезультатный – никто не мог зарегистрировать брак двух людей различного вероисповедания. Преодолеть преграду можно было только перейдя в православие. Художник оказался перед трудным выбором – либо отказаться от любви, либо отказаться от веры предков. После долгого раздумья Лев поступил так, как, чаще всего поступали в таких случаях другие евреи – он не принял православие, но перешел в лютеранство. Получив на эти акции разрешение министра внутренних дел, он уехал в Варшаву, где и совершил необходимый обряд. 12 ноября 1903 года они с Любой обвенчались.

Через 4 года родился сын, Андрей. Лев любил и его, и приемную дочь, Марину. И всё же, трудно сказать, почему, но отношения в семье постепенно разладились, и супруги расстались. После развода, в 1910 году, Лев Бакст предпринял шаг, на который, кажется, никто не решался ни до него, ни после него: он вернулся обратно в иудаизм. А с Любой и детьми сохранил хорошие отношения и до конца жизни помогал им...

Полный вариант статьи на сайте журнала ЧАЙКА:

<https://www.chayka.org/node/6260>

Игорь Волошин

Чикаго, США

Эпизод из жизни еврейского художника Уильяма Гроппера

Жил в Нью-Йорке художник Уильям Гроппер (1897 – 1977). Не многие помнят это имя, но, поверьте, художник этот был знаменит, о чем свидетельствует хотя бы тот удивительный факт, что в 30-е годы он спровоцировал дипломатический скандал между США и Японией, а также то, что Гитлер считал его своим личным врагом.

Как ему это удалось? Уильям Гроппер был политическим карикатуристом... Вас удивляет, что я назвал Гроппера еврейским художником? Подождите...

Несмотря на свою не слишком явно выраженную фамилию, Уильям Гроппер был евреем, чьи родители приехали в Америку в конце 19 века из Румынии. Впрочем, и этого недостаточно, чтобы считаться еврейским художником, тем более, что Уильям рано сформировался не только как художник, но и как политический активист.

Как вы уже, очевидно, поняли, известность его была скандальной, причем в немалой степени благодаря коммунистическим взглядам, хотя формально членом партии он не состоял. Мы – нынешние, «шибко грамотные», – сейчас о таких говорим, что у них промытые мозги. Может, мозги у него и были промыты, но страсти и искренности Гропперу было не занимать. До поры до времени, работая в коммунистической прессе, Уильям не знал особых проблем, пока не наступили мрачные времена маккартизма. Его они коснулись в полной мере.

Скажу только что в черный список сенатора Маккарти о запрете на профессию попали всего два художника – знаменитый в СССР пейзажист Рокуэлл Кент и Уильям Гроппер. После суда он создал один из своих главных шедевров – «Каприччос», позаимствовав название у Гойи. Гроппер этой серией из 50 работ обличал язвы капиталистического общества, и, увы, не всегда он был неправ.

Однако мой рассказ не об этом. Я не собираюсь писать биографию Гроппера. О нем написано немало, в том числе и порусски, но один необычный, но важный факт биографы, а особенно русские, почему-то нередко игнорируют, и мне хочется восполнить это упущение.

Итак, немолодой уже художник остался без работы и перебивался случайными заработками. А в это самое время в другой части страны, а точнее – в пригороде Чикаго Ривер Форест, построили новую синагогу. Несколько лет она своими пустыми стенами только «отпугивала» прихожан, за что получила прозвище Bowling Alley (кегельбан), и это впечатление не мог изменить даже выразительный барельеф на фасаде, выполненный талантливым чикагским скульптором Милтоном Хорном.

В 1965 году совет синагоги, по рекомендации бизнесмена и коллекционера произведений искусства Мориса Липшульца, принимает решение установить витраж, который украсил бы здание. Решение было принято, и дело оставалось за малым – найти художника, которому такое по плечу. Витраж – штука дорогая и узкопрофессиональная, не всякий мастер за него возьмется.

Тогда Липшулец предлагает привлечь к работе запрещенного художника Уильяма Гроппера – зрелый художник, которому к этому времени исполнилось 67 лет, капризничать не станет и много не спросит, а разрешение для него на работу уж как-нибудь получим. И впрямь – разрешение получили, Гроппера пригласили, а также собрали необходимые для выполнения \$40 тысяч.

Однако, поначалу художник возмутился – ему, знаменитому карикатуристу, предлагают выполнить витраж. Во-первых, он понятия не имеет, как делать витражи, но это еще полбеды. Гораздо хуже то, что ему запрещают изображать на витраже

людей. Для карикатуриста это было оскорблением, но делать нечего, надо сводить концы с концами, и Гроппер согласился.

Один из пяти витражей синагоги West Suburban Temple Har Zion, River Forest

Неожиданно новая работа увлекла карикатуриста. Когда-то он писал: «Люди, живущие без искусства, подобны дому без окон – они живут в темноте». Теперь это иносказание приобрело реальный смысл.

Однако по мере работы над витражами, с Гроппером произошло нечто, что заставляет нас задуматься. Престарелый художник неожиданно вспоминает о своих корнях. Нет, конечно, он прекрасно помнил, что он еврей. В годы войны на какое-то время это стало главной причиной его ненависти к Гитлеру, что вылилось в большое количество антифашистских карикатур. Но никогда еврейство не было для Гроппера доминирующим фактором.

Он свято верил в коммунистическую идею, а еврейство считал чем-то вроде атавизма. Однако сейчас, работая над витражами, изучая жизнь еврейского местечка, никогда не бывавший в Восточной Европе Уильям Гроппер, растревожил свои еврейские корни, словно проснувшись от долгой спячки. Он настолько глубоко окунулся в эту жизнь, в уничтоженный войною еврейский быт, что уже не смог из него безболезненно выйти.

В 1967 году витражи были закончены, но забытая еврейская жизнь осталась в душе художника, он буквально вжился в образ маленького местечкового еврея, и вскоре это самоощущение вылилась в серию из 24 удивительных литографий, которую он так и называл – «Штетл». На мой взгляд, это самое выдающееся, что создал еврейский художник Уильям Гроппер.

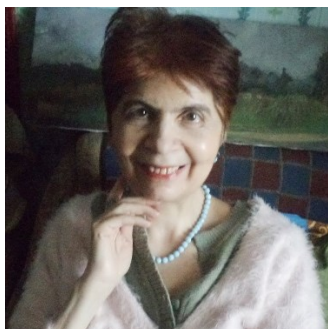
На этом можно было бы и закончить рассказ, но история витражей имела небольшое, но яркое продолжение. Через несколько лет после их создания, в городке Ривер Форест, как раз во время молитвы Кол Нидрей, разразилась необычайно сильная гроза. Погас свет, зажгли свечи, и тогда прихожане увидели витражи во всем великолепии. Морис Липшульц вспоминал: «Бог закончил то, что не закончил человек – каждая

вспышка молнии озаряла окна и они оживали. Это было восхитительно.»

Вера Чайковская

Москва, Россия

Новый взгляд. Ноктюрны солнечного Лентулова

Мне всегда были интересны моменты каких-то словов, неожиданных смен видения у талантливых художников. За ними часто скрыта тайна духовного преображения, странных и глубоко спрятанных коллизий во внешней и внутренней жизни самого автора.

Положим, Орест Кипренский, попав наконец в Италию, стал писать не дневные и солнечные работы, как писали остальные российские пенсионеры-художники, положим, Карл Брюллов с его утренними и полдневными пейзажами с юными итальянками, а ночные, загадочные, лунные, обращенные к мирозданию и «ночной» стороне человеческой души.

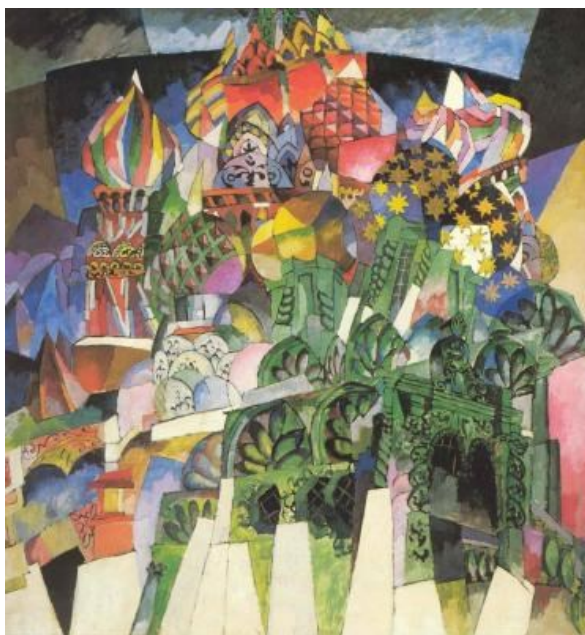
Не привычная «солнечная» Италия, а Италия загадочная, ночная, с колдовским взглядом женских «черных очей» и новым ощущением присутствия космических энергий, – вот что ему вдруг там открылось и что поразило воображение! («Молодой садовник», 1817, «Цыганка с веткой мирта в руке», 1819, «Ворожея со свечой», 1830).

На мой взгляд, нечто сходное произошло через сто лет еще с одним талантливейшим российским художником – Аристархом Лентуловым.

В записанных под его диктовку «Воспоминаниях» художник говорит, что его страсть к солнцу и яркому свету, сопутствовала ему со дня рождения.¹²

В самом деле, общее впечатление от дореволюционного творчества этого виднейшего представителя «Бубнового валета» – яркая красочность, солнечность, что несколько смягчает кубистическую угловатость и линейную определенность форм, присущую русским сезаннистам и кубистам, даже раннему Роберту Фальку.

А.Лентулов. «Василий Блаженный» (1913, ГТГ)

Самые знаменитые лентуловские дореволюционные полотна, вроде «Василия Блаженного» (1913, ГТГ) и «Звона» (1915, ГТГ), поражают, кроме яркой праздничности и солнечной

---

¹² Лентулов А. Воспоминания, С-П, «Петроний», 2014, с.17.

насыщенности красок, музыкальными сдвигами архитектурных форм, их «наплывами» одна на другую. Пространство как бы «растекается» во времени, разыгрывая архитектурный хорал – духовное песнопение. Это и есть «фишка» Лентулова, по которой он тотчас узнается.

Почти общепризнано, что молодой, авангардный Лентулов «круче» послереволюционного, у которого поубавилось солнечности и живопись стала более «реалистической», то есть утратила кубистическую изломанность форм. Впрочем, и с этими суждениями можно спорить.

Но мне в этом эссе хочется выделить некий, видимо, стихийно сложившийся цикл «ночных» работ художника конца 20-х годов, которые представляют собой явную антитезу заявленной им самим и ставшей в общественном сознании приметой всего его творчества – солнечности.

А.Лентулов. Москва. Страстная площадь (1928, ГРМ)

Работы эти, на мой взгляд, не только встанут в один ряд с прежними шедеврами «солнечного» Лентулова в отношении художественного качества, но содержат некое новое «послание», изменившееся и углубившееся понимание мира.

«Солнечный» Лентулов – прям, смел, энергичен. В живописи у него не стоит искать каких-то глубинных подтекстов, она вся

на виду, вся выражена в красках и линиях. Да и в своих воспоминаниях он без обиняков и с большим юмором выражает суждения о коллегах, что заметно, положим, в характеристиках Петра Кончаловского и его жены.

Вот об Ольге Васильевне Кончаловской: «Она зорко следила за каждым словом и каждой фразой, сказанной не в пользу Пети, и в случае надобности сама с яростью вцеплялась в разговор»¹³. Как выразительно это неожиданное «вцеплялась», намекающее на «звериную» хватку милой интеллигентной дамы!

А.Лентулов. Ночь на Бронной (1928, ГРМ)

А вот и про самого «Петю»: «Петя говорил громко, властно, уверенно. Шутил он лучше всех и несмолкаемо пел испанские и итальянские песни»¹⁴. И тут несколькими энергичными штрихами художник дает довольно комический образ собрата.

Собственные суждения Лентулова об искусстве даже в послереволюционный период никогда не ангажированы, а

---

¹³ Лентулов А. Воспоминания. с.58.

¹⁴ Там же. с.58.

достаточно искренни и опираются на живописные достоинства произведения, а не на политическую конъюнктуру.

Положим, похвалив в обзоре выставки работы Бориса Иогансона и Александра Герасимова, он тут же говорит, что в «самой культуре живописи» первого художника нет того, что могло бы его поставить «в ряды европейских первоклассных мастеров».

Предъявлен «гамбургский счет», которого знаменитый «Допрос коммунистов» не выдерживает! А одиозному Александру Герасимову он желает «более тонкого глаза и вкуса», что делает прежние похвалы простой фигурой вежливости.¹⁵

В сущности, Лентулов – большой ребенок, опирающийся на гармонию, ясность и соразмерность мира, эстет, любитель красоты, но красоты не зализанной, «шаблонной», а как бы впервые обретенной с помощью самобытного таланта.

Однако Лентулов эпохи «ноктюрнов» являет собой нечто другое. Эти работы вовсе не тусклее и не проще прежних.

Художник сам пишет, что в своих «закатах солнца», очень его интересовавших в конце 20-х годов и представляющих собой, как мне кажется, своеобразные варианты «ноктюрнов», – он восстановил «резко прерванную» линию формальных исканий, «без которых искусство невозможно»¹⁶.

Эти пейзажи колористически необыкновенно красивы и изысканны. Но красивы как-то по-новому. В них открывается какой-то совершенно иной Лентулов и иной мир – мир ночной души, безумный, экспрессивный, смятенный и во всем противоположный миру дневному и солнечному.

Тут, кстати, можно вспомнить ранний, невероятно экспрессивный роман Вирджинии Вульф «День и ночь» (1919), весь построенный на противоположности «ночных» и «дневных» человеческих состояний.

У художника в его «ноктюрнах» изображены в основном городские пейзажи, хотя есть и деревенские закаты («Закат на Волге», 1928). Ночь лишает эти пейзажи определенности очертаний и форм, присущих бывшему кубисту. Тут правит бал стихия «наплывающего» черного проницаемого «эфира», в котором то тут, то там вспыхивают и зажигаются огни.

---

¹⁵ Там же, с.152.

¹⁶ Там же. с.119.

Это огни человеческих жилищ, блеск белого снега или мостовой под фонарем, куполов скупо освещенного московского собора или лампочек внутри ночного трамвая («Москва. Страстная площадь» (1928, ГРМ), «Ночь на Бронной», (1928, ГРМ), «Ночь на Патриарших прудах» (1928, ГТГ).

А.Лентулов. Ночь на Патриарших прудах, 1928 г.

В двух вариантах «Солнца над крышами» (1928, ГРМ, 1929, ГММ) – роль «светила» достается солнцу, но это закатное солнце, ничуть не напоминающее яркое и радостное дневное. Его лучи, может быть, даже интенсивнее прежнего (художник, работая с натуры, опасался за свое зрение), но, тем не менее, мир постепенно погружается во мрак. Работы явно обрели символический подтекст и нарастающую внутреннюю экспрессивность, углубились и усложнились.

И дело даже не в том, что Лентулов предрекает гибель только что возникшему новому миру. Он, по всему судя, революцию принял и хотел ей служить. Он был восхищен грандиозностью московского городского строительства и масштабом новых задач.

Но тут, в ночных и закатных пейзажах, ощутим какой-то интуитивный поворот к «внутреннему» человеку, к глубинным размышлениям о мире и о жизни, прежде художнику не очень-то присущим. Я бы даже сказала, что в работах этих есть нечто религиозное или мистическое, звучит страстная мольба к ночи о человечности и об «утешении» человеческих сердец...

Какое-то сходное настроение можно ощутить в рассказе художника о том, как с ним случилась «страшная история».

После заседания жюри знаменитой выставки «Художники РСФСР за 15 лет», позже прошедшей в Москве (лето 1933 года), подвыпивший художник мечется по столице. Он описывает, как его буквально «закружило» и он оказался ночью на Пасху в Елоховском соборе вместе с «самыми убогими людьми».

В смятении покинув собор, он понял «суету» идеалов насильственного политического переустройства мира: «Явятся новые лица, которые поймут мировую ошибку насилия и вопиют: «Да воскреснет человек, да воскреснет воля, вдохновение и свободное творчество жизни!».¹⁷

Конечно, смысл «ноктюрнов» словами не передать. Но возникающий в них ночной мир ближе к небесам и универсуму, чем мир дневной. С него как бы спадает социальная и политическая шелуха, оставляя только свободное, сущностное, творческое.

Ночные работы художника несравненно «веселее» приведенного мною отрывка. В них есть не только почти религиозная смятенная мольба о человеке, но и ощущение продолжающейся мирной, полной любви и творческого горения жизни в московских и прочих жилищах. А также чувство невероятной красоты и загадочности ночного космоса...

---

¹⁷ Там же, с.145

Ольга Трифонова-Тангян
Дюссельдорф, Германия

Подарок Шагала

К 130-летию со дня рождения художников Марка Шагала и Амшея Нюрнберга

В нашей московской квартире долгое время висела литография Марка Шагала. Поскольку родители не привлекали к ней моего внимания, я даже не могу сказать, что на ней было изображено. В памяти осталось лишь место на стене, где она когда-то висела. Узнала о содержании работы из рассказа моего отца писателя Юрия Трифонова *Посещение Марка Шагала*. Отец сам прекрасно рисовал и, видимо, с большим интересом, долго и внимательно, изучал работу знаменитого мастера:

Из небывалой дали долетел и сохранился – висел в укромном месте в мастерской – автопортрет молодого Шагала, литография с карандашной подписью. Лицо было круглое, с безумным удивлением в глазах и странным образом перевернутое: оно казалось неестественно кривым, как бы на сломанной шее, и в то же время бесконечно живым. Лицо человека, застигнутого врасплох. И чем-то смертельно пораженного.¹⁸

Когда моя мать Нина Нелина внезапно умерла в 1966 году, картина исчезла. Как сложилась дальнейшая судьба картины Шагала, я узнала совершенно случайно. Работая в Отделе

---

¹⁸ Ю.Трифонов. Посещение Марка Шагала в кн. Ю.Трифонов *Избранные произведения*, т.1, М. Литература, 2005, с.442

рукописей Третьяковской галереи над архивом моего деда художника Амшея Нюренберга, я внезапно обнаружила справку:
РАСПИСКА О СДАЧЕ В МУЗЕЙ ОФОРТА ШАГАЛА

1 февраля 1967 года.

Квитанция № 12

А.Нюренберг, 2-я Песчаная, д.6, кв. 187.

Сданы в отдел рисунка Пушкинского музея рисунки Ж.Бернара, офорты М.Шагала и 22 рисунка А.Нюренберга.

Каким образом литография Марка Шагала сначала попала в нашу квартиру на Песчаной улице, а затем канула в запасниках Пушкинского музея? Этому предшествовала следующая история.

***

Марк Шагал и мой дед художник Амшей Нюренберг были одного года рождения — 1887. Оба родились в многодетных семьях еврейских лавочников. Только Шагал был родом из еврейского поселения в Витебске (Белоруссия), а Нюренберг — из местечка в Елисаветграде¹⁹ (Украина). Мальчики еще в детстве увлеклись рисованием. Картин или книг по искусству в домах не было, их не водили в школы для вундеркиндов. Домашним воспитанием попросту некому и некогда было заниматься. Отцы хотели бы дать своим сыновьям более практичные профессии, хотя уступали желаниям детей. Матери же были идеалистками и поддерживали своих сыновей. Так в семьях необразованных и малоуспешных провинциальных торговцев появились одаренные дети. Позже Шагал стал учиться в частных академиях в Петербурге, где его главным педагогом и покровителем стал известный театральный художник Леон Бакст. С помощью мецената немецкого происхождения Беренса мой дед получил образование в Одесском художественном училище, в классе Кириака Констанди. В начале 1910-х годов меценаты начинающих художников практически одновременно послали своих протеже продолжить образование в Париже.

Мне казалось, что Шагал и Нюренберг были внешне похожи, особенно в старости. В молодости они были разными: Шагал был блондином со светлыми глазами, а Нюренберг был брюнетом с

---

¹⁹ Елисаветград не раз менял названия. Долгое время он назывался Кировоград. В настоящее время – Кропивницкий.

гривой черных кудрей и горящим взглядом. Оба художника были похожими и по характеру: оптимисты, поглощенные искусством, с прекрасным чувством юмора. Оба преклонялись перед Рембрандтом. Нюрнберг часто писал старых людей, отчего в 1930-е годы некоторые его называли «московским Рембрандтом». Под впечатлением картины Рембрандта Шагал создал свой вариант *Возвращения блудного сына* (1975), где изобразил себя вернувшимся в Белоруссию и обнимавшим своего отца. Оба художника прожили очень долго: Нюрнберг 91 год, Шагал – 97 лет.

Марк Шагал, Париж, 1920-е и Амшей Нюрнберг в Бресте на пути в Париж, 1910

Впервые судьба свела Шагала и Нюрнберга в 1911 году в Париже, где они снимали одну мастерскую на двоих в фаланстере художников *Ля Рюш* (Улей). Когда в начале прошлого века на последнем этаже в мастерской, «как пчелки», вместе трудились Шагал и Нюрнберг, жизнь в *Ля Рюше* была особенно неустроенной: не было элементарных удобств, еду грели на печке. Художники так нуждались, что зимой вынуждены были топить печку для обогрева помещения по очереди. Также по очереди они угощали друг друга бутербродами и чаем. В перерыве между работой они вели беседы, вспоминая родные места. Шагал вспоминал витебские заборы, посетителей лавки своего отца, Нюрнберг рассказывал о бескрайних степных просторах, о речке Ингул и высоком украинском небе.

Аркадий Шульман в статье *Расстрелянный мир* писал:

Зимой 1911 года Шагал жил в Париже на улице Данциг... Но по вечерам, когда в комнате было холодно, когда на улице шли бесконечные дожди, Марк Шагал и его друг и сосед художник Амшей Нюренберг садились на пол у маленькой, в складчину купленной печки и начинали рассказывать друг другу то, что согревало их память. Амшей говорил об одесских пляжах, о степях под Елизаветградом, Шагал любил рассказывать о своем первом учителе Пэне и о дяде, который держал в Лиозно парикмахерскую. Марк очень красиво рассказывал о клиентах, которые приходили к дяде. Рассказ у него получался живой, выразительный, окутанный каким-то особенным юмором.²⁰

В своих мемуарах Нюренберг называл *Ля Рюш* «отелем для бедных художников». Именно в этом отеле, по свидетельству очевидцев, спали на полу, укрывшись газетами, Модильяни и Сутин. Когда их спросили, почему они спят на полу, ответом было: «Клопы заели». Шагал позже заметил: «Там либо помирали с голоду, либо становились знаменитыми». Список молодых дарований, погибших от чахотки, покончивших с собой от отчаяния и несбыточных надежд, был достаточно велик. Но некоторым удалось преодолеть все трудности и прославиться. Среди них был Марк Шагал.

Мы, его друзья, удивлялись, откуда у приехавшего из Витебска такие знания, такой вкус? Мы начали к нему присматриваться, анализировать его работы. И только одно поняли — перед нами большой самородок, оригинальный, светящийся всеми цветами спектра талант, почувствовали, что этот скромный на вид провинциал, с неисчерпаемой способностью трудиться и с редчайшей волей творческой жизни, рано или поздно овладеет Парижем.²¹

Ля Рюш существует по сегодняшний день. Как и раньше, там трудятся художники. Однако теперешние условия жизни в нем несопоставимы с прежними. Теперь там есть центральное отопление, газ, электричество. Никто не погибает от недоедания и чахотки. Но жизнь свободных художников остается непростой. Они по-прежнему зависят от милостей галеристов и меценатов. И каждый справляется со своими проблемами как умеет.

---

²⁰ Шульман А. *Расстрелянный мир*. Сайт Музей Марка Шагала. <http://chagal-vitebsk.com/?q=node/190>

²¹ Нюренберг А. *Одесса–Париж–Москва. Воспоминания художника*. М., «Мосты культуры», 2010, с. 355

В Париже Шагал сразу проявил себя как смелый экспериментатор, великолепный колорист, обладавший уникальной фантазией и невероятной работоспособностью. Нюренберг вспоминал, как его поразило впервые замеченное им у Шагала качество – писать картину по памяти:

Он повел меня в свою мастерскую и показал большое полотно (приблизительно два метра на полтора), над которым он работал. Тема, как он объяснил мне, была приподнятая и волнующая — «Рождение человека». Все полотно было покрыто вишневыми, красными и красно-охристыми красками.

Шла подготовка — подмалевки. В левой руке Шагал держал большую парижскую палитру, эскиз и несколько крупных, мягких кистей. Растворитель в банке стоял на высоком испачканном красками табурете.

Я его спросил:

— Марк, такую большую картину вы пишете по такому незначительному наброску?

— А мне, — ответил он, — больших размеров эскизы не нужны. У меня все готово в голове. Я картину вижу уже в законченном виде.

Меня, помню, удивила впервые увиденная картина, написанная по памяти. Я запомнил содержание картины. Большая комната, обвешанная яркими тканями, широкая кровать с лежащей на ней бледной роженицей и суетящиеся вокруг страдальцы женские фигуры. В глубине комнаты были написаны печь, стол с самоваром и большие хлеба. Все было сделано в плане увеличенного детского рисунка.

... Картина «Рождение человека» меня глубоко заинтересовала. Я в ней почувствовал взволнованное состояние ее автора. Шагал очень увлекался этой работой и говорил, что все, что он делает, тесно связано с воспоминаниями пережитого.²²

В своем очерке *Шагал* Нюренберг анализировал творчество своего коллеги не как друг, сосед или искусствовед, а как художник, с тонким пониманием своего ремесла:

Значительную композиционную роль в его творчестве играл еще один прием, может быть позаимствованный у итальянских футуристов. Это – на одной картине изображать ряд моментов

---

²² Там же, с. 343–344

натуры в динамике. Фрагменты улиц, авто, кафе, женщин, друзей, животных. Все на полотне смешано, слито, и все в движении. Так писали футуристы Северини, Балла и другие итальянцы.

М. Шагал. Возвращение Блудного сына, 1975–76, холст, масло. 162 × 122 (частное собрание, Париж). А. Нюренберг. Инвалид войны, картон, масло, 91 × 60 (Осенний салон, Париж, 1927 г.)

Передо мной характерная для Шагала работа «Воскресенье» (гуашь). На переднем плане изображены: парижский собор Нотр-Дам, Эйфелева башня и кусок Парижа. На заднем плане озаренный закатом зимний Витебск с хатой и церковью. На детских санях мужичок, а над ним какая-то лиловая символическая птица. Вся картина освещена двумя круглыми женскими головами. В гуаши я насчитал шесть моментов, написанных разными красками и разной фактурой.

... Париж в росте и формировании творчества Шагала сыграл, разумеется, большую роль. И хотя во Францию он приехал с богатыми живописными идеями, но палитра его была еще скромна и сдержанна. И только прожив долго рядом с такими большими колористами нашего времени, как Анри Матисс и Пьер Боннар, Шагал сумел обогатить свою палитру.

Теперь Шагал известен как блестящий живописец с богатейшим колоритом. Его работы всегда насыщены цветовой гармонией. Его желто-лимонные, оранжевые, голубые, фиолетовые, вишневые и красные краски, наделенные нежной радостью, доставляют большое наслаждение...

Примечательно, что его палитра, пережившая много влияний, не знает эклектизма. Шагал-колорист ни на кого не похож и остался самим собой.²³

В 1912 году врачи обнаружили у Нюрнберга признаки чахотки. По совету врача Островского, любившего художников, которых он лечил бесплатно (те расплачивались за медицинскую помощь своими картинами), Нюрнберг решил для поправки здоровья вернуться к своей семье в Украину. Он болезненно переживал вынужденный отъезд, прощание с «городом своей светлой мечты», как он называл Париж.

Вернувшись в Одессу, Нюрнберг создал группу «Независимые», которых впоследствии назвали «Одесские парижане». Переехав после революции в Москву, он работал у Маяковского в Окнах РОСТА, был профессором западной живописи во ВХУТЕМАСе и сблизился с группой «Бубновы валет», члены которой (Кончаловский, Фальк, Осмеркин), называли себя «русскими сезаннистами», используя в работе законы композиции и цвета, провозглашенные французским мастером. Нюрнберг настолько высоко ценил творчество этого художника, что в 1924 году опубликовал в типографии ВХУТЕМАСа книгу *Поль Сезанн*, в которой утверждал, что именно Сезанн определил главные направления современной живописи – кубизм, футуризм и другие. Близость Нюрнберга «Бубновому валету» угадывается в его картине *Портрет жены* (1930).

В 1926–1928 годах Нюрнберг получил второй шанс остаться в Париже. После восстановления дипломатических отношений с Францией нарком просвещения Анатолий Луначарский направил его во Францию «культурным послом» для чтения лекции о новом советском искусстве. Луначарский покровительствовал Нюрнбергу, и, возможно, то была подсказка с его стороны. Известно, что некоторым своим командировочным он открыто говорил: «Не возвращайтесь». Когда он полушутку-полусерьез давал такой совет, то

---

²³ Там же, с. 348–349.

полагал, что конкретному артисту или художнику в Европе будет лучше. Неизвестно, говорил ли он эти слова Нюренбергу, но, несомненно, намек угадывался.

Нюренберг приехал в Париж вместе с семьей — с женой и четырехлетней дочерью. Жена Полина стала посещать курсы по дизайну моды, дочь Неля — ходить в детский сад. Планировалось, что Нюренберг прочтет серию лекций не только об искусстве, но и о своих любимых Маяковском, Бабеле, Багрицком. Однако его выступления вызвали такой бурный протест у белых эмигрантов, что Нюренбергу пришлось отказаться от этой затеи и полностью переключиться на творческую деятельность. Это не противоречило его устремлениям. Он снова почувствовал себя свободным художником и выставил на Осеннем салоне 1927 года две свои картины: *Инвалид войны* (1926) и *Крымский пейзаж* (1924).

Нюренберг не утратил дружеских связей с теми, кого оставил в Париже в 1912 году. Многие из его друзей-художников уже добились заметных успехов: Федер, Мещанинов, Инденбаум. В 1928 году Нюренберг посетил Шагала и его жену Беллу вместе с женой и

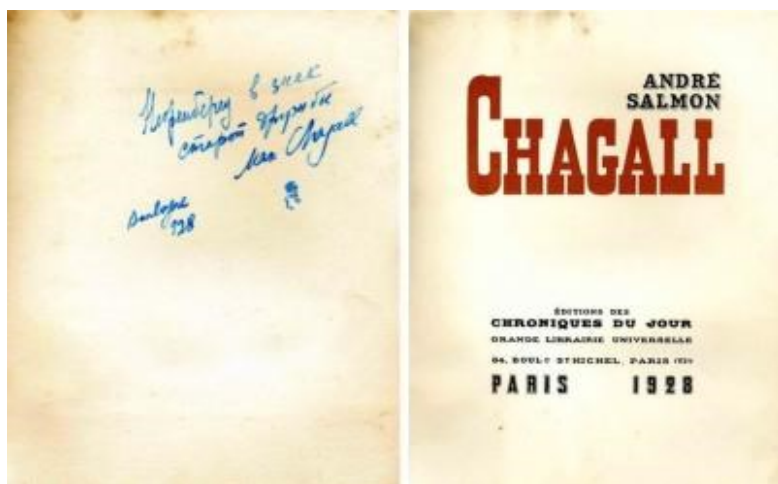

М.Шагал. Обрученные и Эйфелева башня, 1913. А.Нюренберг. Портрет жены (Полины), 1930

дочкой. Шагала работал над книжными иллюстрациями по заказам галериста и коллекционера Амбруаза Воллара. Дела его шли неплохо, но он далеко не всем был доволен. В этот визит

Нюренберг привез своему другу подарок из Москвы — журнал «Прожектор», в котором была опубликована его статья о Шагале с иллюстрациями. Тот был так растроган и взволнован публикацией о своем творчестве на Родине, что в знак признательности предложил Нюренбергу взять на память пару офортов. Так в нашей семье и появилась литография Шагала. В добавление к этому Шагал подарил ему книгу Андре Сальмона *Шагал*, сделав свой шарж-автопортрет и оставив дарственную надпись:

Почему Нюренберг не воспользовался вторым шансом сделать карьеру во Франции? Одна из причин состояла в том, что он опасался потерять одновременно двух своих любимых «девочек» — жену и дочь. Жена Полина — балерина и красавица — вскружила голову одному богатому французу. Нюренберг поспешил увезти свою семью в Москву. Вторая причина заключалась в том, что в те годы он верил Советской власти и надеялся сделать карьеру на Родине. Ему казалось, что его положение довольно прочное. Конечно, он не мог предполагать, что его покровитель Луначарский будет в 1929 году смещен с должности и вскоре умрет. Не мог предвидеть и того, что

Форзац и титульный лист подаренной Шагалом Нюренбергу книги Андре Сальмона Шагал, Париж, 1928

отныне границы СССР будут наглухо закрыты. И третья причина, самая главная, он не обладал одержимой целеустремленностью Шагала. Как гласит французская поговорка, «характер — это судьба».

Всю последующую жизнь Нюрнберг оставался франкофоном, приверженным французским традициям, хранил верность дружбе с оставшимися за границей художниками. Он продолжал восхищаться Шагалом, отдавая должное его таланту, невероятной продуктивности и упорству в достижении цели. Вспоминая свою юность в Париже, иногда отмечал с грустью:

Но к Шагалу счастье относилось более дружески, чем ко мне, и порой заглядывало к нему. И согревало. Ему изредка помогал разбогатевший после триумфа русского балета известный театральный художник — Леон Бакст... А мне никто не помогал. Счастье проходило равнодушно мимо моих дверей...

Не погружаясь в тягостное раздумье, не терзаемый мучительной тревогой за судьбу своего творчества, он делал все, что мог. Художник, не знавший разрыва между надеждой и уверенностью. И победил.²⁴

Он никогда об этом открыто не говорил, но в глубине души его мучили сомнения, насколько правильно он распорядился собой. Эти сомнения особенно часто стали посещать его в 1950-е годы. Отчаяние закрадывалось в его душу чаще всего зимой, так как, будучи южанином, он не выносил длительные холода. Весна и лето возвращали ему бодрость и оптимизм. Из дневника Нюрнберга:

Январь 1954 год

Порой меня преследует мысль неотвязная: увидеть себя в разные прошедшие годы. Примерно в трех, пяти возрастах за прошедшие 30–40 лет. Поставить перед собой троих Амшеев и поговорить с ними по душам. Вот так забавное было бы зрелище. Увидеть себя в годы Гражданской войны. В голодной, холодной Одессе. В дни бегства из Елисаветграда и сиденья в контрразведке. Потом поговорить с наиболее молодым о Москве 1921–1922 годов. О работе в РОСТА. О суровых, незабываемых днях — опять о голоде, холоде, нищих пайках. Потом о Париже. О встречах с друзьями, о салонах, кафе. Федер, Мещанинов, Константиновский, Шагал. Потом Москва. АХР. Выставки. Сибирь.

---

²⁴ Там же, с. 530

Сколько ярких страниц! И сколько ошибок, неверно сделанных ходов. Сколько промахов, цейтнотов.

*Спросить их: может быть, можно было по-другому сыграть, другие сделать ходы?*²⁵

Последующие годы жизни в СССР оказались для Нюрнберга тяжелыми. В стране была провозглашена борьба с формализмом, от которой особенно пострадали его друзья из «Бубнового валета». Его друг детства по Елисаветграду художник Александр Осмеркин был обвинен в формализме и изгнан из Суриковского института, после чего с ним случился инсульт, и в 1953 году он умер. Вслед за ним в 1956 году умер главный мэтр «Бубнового валета» Петр Кончаловский, который тоже под конец жизни подвергся травле и унижениям. Одновременно развернулась кампания против космополитизма и преклонения перед Западом. Советские чиновники из Министерства культуры посчитали искусство импрессионистов враждебным русской реалистической живописи. Все эмигранты, в том числе Шагал, оказались под запретом. Его имя нельзя было произносить, сохранившиеся работы канули в запасниках музеев. Нюрнбергу приходилось делать над собой усилие, чтобы скрывать свою любовь к импрессионистам, дружбу с Шагалом. Он даже уничтожил ряд своих ранних «формалистических» работ.

Однако внутренне он с этим не смирялся. Юрий Трифонов, живший с ним в эти годы в Доме художников на Верхней Масловке, вспоминал, как Нюрнберг иногда восклицал с безумной смелостью:

«Ах, к черту! Надоело! Я им скажу все, что думаю о Марке: о его синем цвете, о неподражаемой фантазии. Ведь эта фантазия не имеет себе равных... Он подарил мне литографию в тяжелую для себя минуту... Разве я могу забыть? Да и времена, слава богу, не те: пятьдесят первый – это вам не тридцать первый...»

Времена, конечно, не те, но слово *шагализм* по-прежнему звучало зловеще: что-то среднее между *шаманизмом* и *каббализмом*.²⁶

Однажды, в ходе творческой дискуссии уже пожилой Нюрнберг пустился в рукопашный бой с молодым соседом из

---

²⁵ Нюрнберг А. *Дневники*. Отдел рукописей Государственной Третьяковской Галереи.

²⁶ Трифонов Ю. Посещение Марка Шагала, в кн. Ю.Трифонов. *Избранные произведения в двух томах, т. 1.* М., «Мир книги», с. 445.

Дома художников. Он всегда защищал репутацию Шагала перед невежественными «мазилками». Трифонов вспоминал:

Однажды в доме на Масловке он ударил по лицу художника Царенко, который сказал, что Шагал халтурщик, что он не умеет рисовать, – нет, не то чтобы ударил, а в приступе гнева и со слабым возгласом: «Вы лжете!» – дал Царенко легкую пощечину кончиками пальцев, но и то был с его стороны отчаянный поступок, потому что вырвалось тщательно и давно скрываемое преклонение Ионы Александровича перед Шагалом, которое он всегда отрицал, на что Царенко ответил здоровенным тумаком, который сбил старика на пол, и радостным криком: «Сам ты лжешь!» Потом их делом занимался товарищеский суд. Я жил тогда на Масловке. Это было лето пятьдесят первого или, может быть, пятьдесят второго года.²⁷

Из воспоминаний Нюренберга следовало, что в начале 1930-х годов он еще имел возможность обмениваться с Шагалом письмами, которые, к сожалению, не сохранились. Есть упоминание об одном из писем в статье Нюренберга *Русские в Париже*:

В моей памяти сохранилось его неувядаемое письмо, написанное в 1930 году. Оно кончалось трогательной фразой: «Дорогой друг, если вам посчастливится попасть в мой Витебск – обязательно передайте мой сердечный привет деревьям и заборам – моим верным, старым друзьям».²⁸

Позже переписка с Францией на долгие годы стала слишком опасной. Нюренберг обратился к Шагалу лишь в 1965-м г., причем через посредничество главного редактора еврейского журнала «Наша Родина» Арона Вергелиса. Поэт, публицист и главный редактор журнала Вергелис был в Советском Союзе «официальным» евреем, которому доверялись заграничные контакты.

Письмо А. Нюренберга – М. Шагалу, 1965 г.

Дорогой старый друг!

Недавно я был в редакции «Советская Родина», и мне редактор т. Вергелис прочел Ваше письмо, которое меня очень взволновало. Я вспомнил наше романтическое прошлое, наши первые пробы жизни и искусства. Вспоминаю, в 1912 году Вы писали, кажется, картину «Рождение». Потом участие в Салоне

---

²⁷ Там же, с. 441–442

²⁸ А.Нюренберг. *Одесса-Париж-Москва*, с. 336

Независимых ярким полотном. Затем 1928 год, когда я бывал у Вас со своей женой и дочкой. Тогда была еще жива Ваша первая жена. Вы тогда работали для Воллара. Недавно я видел большую книгу «Образы Монпарнаса» и под Вашей редакцией. Я очень рад всем Вашим успехам, но я не в курсе последних Ваших достижений.

Здесь у Вас много друзей, но очень мало литературы о Вас. У Вас был какой-то юбилей и какая-то годовщина. Напишите мне, какие. Я теперь пишу книгу «Записки художника» и, конечно, напишу о Вас как о выдающемся художнике нашей современности. По-моему, история живописи не знает второго Шагала.

Если не трудно, напишите, в каком году Вы впервые выставились в Париже и что выставили? Последние отзывы всемирной критики о Вас. В каких музеях наибольшее количество Ваших работ. Если можно, пришлите последние каталоги.

Тоскуете ли Вы по-прежнему по Вашим витебским заборам?

Обнимаю Вас крепко, крепко и жду от Вас скорого ответа.

Сердечный привет от моей жены и дочки, певицы Нелиной, которая проработала в Большом театре 13 лет.

Амшей Нюренберг

Эта попытка Нюренберга установить с Шагалом контакт через железный занавес произошла незадолго до туристической поездки Нелиной и Трифонова в Париж в 1965 году. Возможно, родители сами об этом попросили деда. Мне тогда было 12 лет, но я хорошо запомнила их возвращение. Мама, которая мечтала посетить Париж, приехала оттуда задумчивая, неразговорчивая. Это было на нее непохоже. Я ждала заморских подарков. Но она сказала мне, что их багаж потерялся и придет только на следующий день. Возможно, их багаж перетряхивали и проверяли? Ведь они повели себя самовольно, встречаясь с запрещенными эмигрантами. Это только мое предположение. А багаж, действительно, вернулся на следующий день.

Тогда моим родителям не удалось встретить Шагала в Париже, художник находился на Юге. Но они встретили другого близкого друга Нюренберга по Елисаветграду — художника-анималиста Иосифа (Зосю) Константиновского, работавшего во Франции под укороченной на французский манер фамилией Констан

(Joseph Constant). Отзвук этой встречи запечатлен в очерке Трифонова «Начало» (1976):

Десять лет назад в Париже я искал одного художника²⁹, который переселился в Париж до революции. Он начинал когда-то вместе с Марком Шагалом и другим художником, оставшимся в России³⁰, который дал мне адрес и просил передать привет Шагалу и этому второму. Шагал оказался на юге, второго я нашел на окраине Парижа. Он был анималистом, теперь уже давно не работал. Жил на пенсию.³¹

Вскоре Нюренберг получил от Шагала по почте каталог своих работ:

Недавно я получил от Шагала толстый, очевидно, итоговый каталог с эффектной обложкой: «В честь Марка Шагала. Дар не маршанов, а Франции».

В каталоге 450 страниц! Я долго, внимательно рассматривал этот редкий увесистый каталог и подумал: «Ни Мане, ни Сезанн, ни Матисс, ни Пикассо не знали таких почестей».³²

Письмо М. Шагала – А. Нюренбергу, 1966

St. Paul de Vence

France

1966

Дорогой Амшей Нюренберг!

Спасибо за письмо Ваше и фото, и рисунки. Смотрел. Вспоминал. «Минувшее проходит перед мною». Но моя «совесть» чиста... Я работал, оставаясь «по-своему» преданным моему городу... В этом снова весь мой «колорит», все мечты. Я «люблю» и не слышу «ответа». Ответ этот внутри меня. Долго, давно Вас не видел. Но я помню все. Мне трудно писать, что я делал все это время. Я думаю, если у Вас есть где либо какие-нибудь книги обо мне – Вы увидите.

Я жалею, что не видел Вашу дочь с ея мужем. В другой раз, надеюсь.

Ваш преданный

---

²⁹ Иосиф (Зося) Константиновский. Во Франции известен как Констан.

Художник-анималист.

³⁰ Амшей Нюренберг

³¹ Трифонов Ю. Начало. В кн.: Трифонов В. *Как слово наше отзовется*. М., Советская Россия, 1985, с. 108

³² Нюренберг А. *Одесса-Париж-Москва*. М., «Мосты культуры», 2010, с. 354.

Марк Шагал

Следующий обмен письмами с Шагалом был связан с выходом в свет первой книги Нюренберга *Воспоминания, встречи, мысли об искусстве* (1969). Он собирался включить в это издание свои статьи о Франции и о Шагале, но цензура их не пропустила. Весь французский раздел воспоминаний Нюренберга увидел свет лишь в книге *Одесса–Париж–Москва* (2010).

Письмо А. Нюренберга – М. Шагалу, 1970

Дорогой друг Марк!

Посылаю тебе мою книгу, над которой я работал три года. В ней имеется текст и мои работы, начиная с 1926 года. Книга разошлась по всему Союзу и пользуется успехом. Получаю много хвалебных и благодарных писем. Верю, что по прочтении книги, ты мне напишешь свое впечатление. Верю также, что ты мне скажешь спасибо. Пишу об этом потому, что на статью о тебе, помещенную в «Советской Родине», ты совершенно не реагировал. Я был очень удивлен твоим отношением.

Как будто бы речь шла не о тебе и твоём искусстве. Редакция получила много писем, в которых читатели тепло о статье отзывались. Я привык о тебе думать, как о сердечном друге – и вдруг такое холодное молчание. Я был уверен, что ты мне пришлешь каталоги или книжки о себе, но ошибся. Я вспоминаю знаменитую фразу Спинозы: «Я не огорчаюсь и не радуюсь. Я стараюсь понять поступки людей».

Обнимаю тебя! Тысячу раз желаю тебе и твоей супруге здоровья! Твой старый, искренний друг.

Амшей Нюренберг

Письмо М. Шагала – А. Нюренбергу, 1970

6/3 – 1970

St.Paul

Дорогой Нюренберг,

Да, я редко пишу – время, годы проходят. Но я не забываю. Как можно забыть те годы, когда мы были так молоды. Спасибо за присланную книжечку мемуаров с репродукциями картин. Мне было приятно читать о том времени (когда я сам тоже был в Витебске и после в Москве). Мне было приятно читать, где ты говоришь об этих старых художниках в Одессе, вроде Костанди... Я вспоминаю, как мне всегда любопытно было

смотреть на картины старых художников. Это было до Парижа, но и после Парижа на Родине я также любил смотреть на картины многих русских художников, это что-то прирожденное.

Послезавтра закрывается здесь в Grand Palais моя большая выставка. Она переходит часть в музей Копенгаген и после в Royal Academie в Лондон. Я был рад, что с Родины послали некоторые мои старые картины для выставки. Я тебе постараюсь послать каталог.

Прости, что сразу не послал тебе письмо с благодарностью за твою статью в еврейском журнале обо мне. Прости. Спасибо. Я часто рассеянный и с годами не становлюсь лучше. Ну, крепко, сердечно жму руку. Спасибо, что не забываешь. Пиши иногда и что в области искусства на Родине.

С приветом,
Преданный Марк Шагал

В 1973 г. после долгих лет запретов и замалчивания Марк Шагал со своей второй женой Валентиной (Вавой), по приглашению министра культуры Фурцевой, посетил Москву и свой первый выход сделал в Третьяковскую галерею. Нюренберга пригласили при этом присутствовать, куда он приехал, чтобы встретиться со старым другом. Они увиделись, обнялись и, кажется, прослезились. Старейший сотрудник Третьяковки Лидия Иовлева присутствовала при знаменательной встрече. Она рассказывала мне, как волновался Нюренберг, как у него дрожали руки. Конечно, спустя 45 лет, он волновался от предстоящей встречи со старым другом и столь прославленным художником. Когда Шагал вместе с женой Вавой появился в Третьяковке, его окружило множество людей. Будучи одновременно и звездой, и персоной «нон грата», он находился под бдительной охраной советских чиновников. Хотя русский был для него родным языком, его постоянно сопровождали переводчица и референт ЦК. Он все еще оставался блудным сыном у себя на Родине, которая принимала его с оговорками. Шагал чувствовал это двойственное отношение. Увидев свой шикарный номер в гостинице «Россия», он иронично спросил: «Как это Брежнёв (он делал ударение на Ё) не пожалел такие апартаменты для неизвестного художника?»³³

---

³³ С. Деспюжоль–Иошпа А я иду с Шагалом по Москве... В альманахе: *Из Парижска (Русские страницы)* № 6, 2016, с. 142.

Десятидневная программа Шагала была великолепно организована, но строго регламентирована. Он посещал лучшие театры и концерты, но желание съездить в советский колхоз или совхоз (мотивированное интересом к кибуцам — израильским аграрным коммунам) не было услышано. Он снова попал в «зону оседлости», не имея возможности поехать туда, куда хотел. А его заветное желание устроить в России свою персональную выставку осуществилось лишь посмертно в 1987 году в Пушкинском музее (выставка была приурочена к 100-летию со дня его рождения).

В 1973 году Шагал не смог обстоятельно поговорить с Нюренбергом, а может, тот сам растерялся и не проявил достаточной настойчивости. Либо сопровождающие Шагала чиновники не дали им возможности пообщаться. Это очень огорчило деда, хотя он не подал виду. Он привык к многочисленным ударам судьбы.

Последнее (неотправленное?) письмо А. Нюренберга — М. Шагалу, 1974

Москва 15 м. 74 г.

Дорогой Марк,

В Москве, когда Вы были — свободного часа, чтобы посидеть с старыми друзьями и по душам поговорить не было — и поэтому я с Вами почти не виделся. А поговорить нужно было. Тем было много. Но теперь, вспоминая это шумное прошлое, только скажешь: жаль, жаль! ...

Я окончил вторую книгу, где имеется статья о Вас. О творчестве молодых лет и последних периодов. Хотелось узнать от Вас лично кое-что. И рассказать это Вашими словами, стилем. Пример: когда Вы на приветствие Фурцевой отвечали благодарным письмом, я стоял позади Вас и все слышал. Я подумал тогда, хорошо было бы напечатать (*ergo*) в моей статье. Читатель советский был бы очень тронут, узнав о Ваших мыслях, чувствах. Ему бы все это льстило. «Художник с мировым именем, а держится просто и сердечно. Тянется к Советской власти, наш друг». Если у Вас есть оригинал (*Вашего выступления*), отпечатайте и пришлите мне копию. Буду очень Вам благодарен.

Пришлите, если сможете, снимки последних работ. И каталоги.

Если можно, достаньте фото и вырезки из парижских газет, показывающие Вас в Москве. Как открылся Ваш музей в Paris?. Очень хочется поглядеть. За все это буду душевно благодарен.

P.S. Еще одна просьба. В Москве нет хорошей гуаши и сангиновых карандашей. Немного. Маленькую посылочку.

Обнимаю Вас,
Ваш старый и верный друг
А.Нюренберг
Сердечный привет Вашей милой супруге.

А.Н.

Мой новый адрес:

Москва,
Ленинградское шоссе, д.22
кв.37, корпус 5
Амшею М. Нюренбергу

P.S. Живу в новой квартире, которую мне подарил т. Брежнев.

80-летний Марк Шагал и 85-летний Амшей Нюренберг

Последнее свое письмо Нюренберг написал Шагалу после их несостоявшегося общения в Москве в 1973 году. Нюренберг, возможно, даже не отправил ему это письмо. Оно хранилось в его архиве в рукописном виде. В письме прочитывались некоторые обиды, сожаления, просьбы. Имело место наивное хвастовство. Дед гордился тем, что свою скромную двухкомнатную квартиру около метро «Войковская» он получил

лично от генсека СССР – Л.Брежнева, после своего прошения. Практически всю жизнь Нюрнберг и его семья прожили в коммунальных квартирах – сначала в Доме художников на Верхней Масловке. Там у него была большая квартира и огромная мастерская. Сам Дом художников и его обитатели были замечательные, но бытовые условия примитивные. Затем он с женой переехал на метро Сокол поближе к дочери в одну комнату с соседями. И только под самый конец жизни им удалось получить отдельную квартиру. Брежнев пожалел старого художника и его жену, потерявших единственную дочь. Говорили, что у Брежнева было доброе сердце.

В конце концов, мне кажется, Нюрнберг передумал посылать Шагалу это письмо. Оно так и осталось лишь в черновом варианте.

***

После смерти Нюрнберга Юрий Трифонов в 1980 г. поехал во Францию по своим делам, но попросил переводчицу своих книг Лили Дени отвезти его на юг, в город Сен-Поль-де-Ванс, где жил Шагал. Он мечтал увидеть не только чудесного художника, но и друга юности своего бывшего тестя Нюрнберга (фигурировавшего в рассказе Трифонова под вымышленным именем).

Я думал об Ионе Александровиче. Они были ровесники. Один называл другого Марк, а другой говорил тому Иона. В 1910 году судьба столкнула их в Париже, потом они встречались там же в двадцатых, когда Иоана Александрович жил в Париже в командировке, не знаю точно какой. Я не мог не вспомнить о нем.³⁴

Трифонов стремился встретиться с Шагалом отчасти из ностальгических соображений. Ему хотелось убедить самого себя, что его прошлое — не сон. Он пытался доказать себе, что его первая жена Нина Нелина была реальной: «Летающие любовники Шагала — это мы все, кто плавает в синем небе судьбы»³⁵.

---

³⁴ Трифонов Ю. Посещение Марка Шагала, в кн. Ю.Трифонов. *Избранные произведения в двух томах, т. 1.* М., «Мир книги», с. 441.

³⁵ Там же, с. 442

Про самого Иону Александровича спросить почему-то боялся. Почему-то казалось, это будет все равно, что спросить: существовала ли моя прежняя, навсегда исчезнувшая жизнь?³⁶

Ю.Трифонов за работой на даче в Красной Пахре. 1977 год

Он долго не решался спросить Шагала про Нюренберга. Поэтому спрашивал про других знакомых. Старый художник реагировал всегда одинаково, задавая один и тот же вопрос: «Да, да. Он умер?» Когда Трифонов, наконец, спросил про Нюренберга, Шагал опять без всякого выражения задал тот же вопрос: «Он умер?», чем разочаровал моего отца. Он ждал другой реакции. Он долго готовился к этой встрече, собирался написать рассказ о Нюренберге (имеется в виду рассказ «Посещение Марка Шагала»). Звонил мне: «Хочу писать рассказ о старике. Ты что-то помнишь?»

Однако Шагала можно понять. Ему было 93 года. У него скопилось много собственных драм и могил: погибли в концентрационных лагерях многие витебские родственники, умерла первая и горячо любимая жена Белла. И надо было срочно заканчивать дела. Ведь он имел по-прежнему много заказов – витражи, эстампы, иллюстрации к книгам. Надо было

---

³⁶ Там же, с. 449

отвечать за свой личный музей в Ницце. Некогда было сентиментальничать. Приходилось спешить. И ему уже было не до друзей юности.

Возвращаясь после встречи с Шагалом на машине в свой отель, Трифонов думал о двух художниках — столь похожих по биографии, но разных по судьбе:

На обратном пути мы ехали побережьем, и море лежало в сумерках громадной сине-голубой простыней, под которой можно было спрятать всех, всех, всех³⁷.

Море - как вечность - способно поглотить великих, знаменитых, забытых, одиноких, богатых и бедных. Всех.

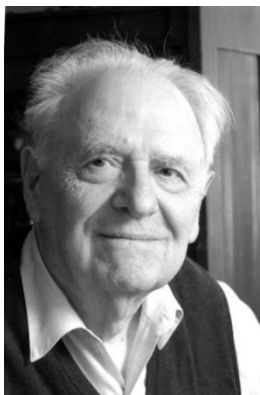
Переписка Шагала-Нюрнберга хранится в Отделе рукописей Третьяковской галереи. Последнее письмо Нюрнберга находится в личном архиве О.Трифоновой-Танган.

---

³⁷ Ю.Трифонов, Посещение Марка Шагала. В кн.; Ю.Трифонов. *Избранные произведения*, т.1, М., «Мир книги», 2005, с.450.

Сергей Голлербах
Нью-Йорк, США

***Русский романтик вне России.
Памяти художника и поэта
Владимира Шаталова. К 100-летию
художника***

Шаталов, Владимир Михайлович (1917 — 2002), американский художник русского происхождения, член Национальной Академии Художеств США, поэт, один из основателей альманаха поэзии «Встречи» (первоначально «Перекрёстки»), издаваемого в Филадельфии (из русской Википедии)

Одна из картин моего ныне покойного друга, художника и поэта Владимира Михайловича Шаталова (1917-2002) называется «Ностальгия», чувство это – не только тоска по ушедшему, потерянному, но и тоска по несостоявшемуся, невозможному. Она имеет и обратную сторону, рождая силы неприятия и отталкивания от действительности. В этом ключе мы должны рассматривать жизнь моего друга, романтика по своей натуре. Романтиков часто считают людьми оптимистичными, верящими в прекрасное будущее, мечтающими о «небе в алмазах». На самом же деле, это люди, для которых жизнь всегда драма и даже трагедия, но не в

бытовом, а в духовном плане. Силы отталкивания в них превышают силы притяжения.

Владимир Шаталов (Володя для его друзей) родился в городе Белгороде на юге России. Предок его, боярин Шаталов, прогневал чем-то царя Алексея Михайловича и был сослан в глубинку России. Там род Шаталовых и пустил корни, вдали не только от Москвы, но и от Санкт-Петербурга, где Петр Великий прорубил «окно в Европу». Окна этого художник не видел, а когда, будучи выброшен войной за пределы

Владимир Шаталов. Фото Хелены Риески

России, оказался на Западе, то многое ему было чуждо и неприемлемо.

Володя был славянином со всем максимализмом так называемой непредсказуемой русской души... Так например, зная западное искусство, он далек был от эпохи Возрождения и, тем более от таких течений, как импрессионизм, кубизм и абстрактное искусство. Близок ему был только Гойа, а в музыке – Бетховен, а не Моцарт, терпеть не мог итальянскую оперу и, в особенности, итальянских теноров. В русском искусстве выше всего ставил пейзажную живопись, считая ее наивысшим достижением не только отечественной, но и мировой живописи. Как это понятно! Степи, бескрайние дали, заросшие пруды и

омуты, ностальгическая романтика русского человека вне Родины.

Но тут мы видим странный парадокс: получив художественное образование в Харьковском художественном училище и став художником-реалистом в русских традициях, он, попав в Америку, не мог как художник не реагировать на формальные достижения американского абстрактного экспрессионизма. Его живопись стала более плоскостной и формально выразительной, в то время как он не любил город Филадельфию, где он поселился, мутные воды реки Делавер и окружающий быт.

Другой парадокс: в этом быту Володя был достаточно обеспечен, у него был свой дом, автомобиль, он участвовал во многочисленных выставках, получал множество призов и стал членом престижной Национальной Академии Дизайна в Нью-Йорке (число академиков ограничено, их всего четыреста пятьдесят на всю Америку). Но душой своей Володя был в России. В свое время в Советском Союзе говорилось, что советское искусство – национальное по форме и социалистическое по содержанию. Перефразируя эту мысль, можно сказать, что творчество Владимира Шаталова – западное по форме, но русское по настроению, по своей душевности.

Непримирение Запада ярче всего выразилось у Володи Шаталова в его поэтическом творчестве, в одном из своих стихотворений он говорит о том, что у него «подрезаны крылья». Подумаем, однако, о его судьбе, останься он у себя на Родине. Скорее всего, он, подобно своему боярскому предку, прогневал бы чем-то власть предрежащих и вместо берега реки Делавер оказался бы в ГУЛАГе, где крыльев у него вообще не было бы. Романтик всегда в конфликте с действительностью, где бы он ни жил.

Конфликт – это «топливо» для творческого пламени таких людей. Мне кажется, что мы должны не только понимать, но и уважать их творческие муки, как бы далеки мы сами ни были от них. Как человек, художник и поэт Владимир Шаталов заслуживает признания и уважения.

В заключение хочу сказать, что, несмотря на некоторую разницу в возрасте (Володя был на шесть лет старше меня) мы принадлежим к одному поколению, именовавшемуся «перемещенными лицами» или Второй волной российской эмиграции. Мы – бывшие советские граждане, не успевшие

Владимир Шаталов. Гоголь

вовремя эвакуироваться, попавшие в немецкую оккупацию, то есть из огня да в полымя, испытавшие на себе бомбежки наших будущих освободителей, англо-американцев, пережившие угрозу насильственной репатриации и только в конце сороковых годов получившие возможность эмигрировать в западные страны.

Живя вне Родины, мы сохранили русский язык и продолжали в границах возможностей, традиции русской культуры. Так поступали все три волны российской эмиграции двадцатого, столь трагического для России века. Владимир Шаталов – один из тех, кто эту традицию поддерживал и в этом году, когда ему исполнилось бы сто лет, мы ему за это благодарны.

Руфь Деминг

США

Шаталов

Из архива Валентины Синкевич, поэта и эссеиста, основателя и издателя поэтического Альманаха «Встречи», близкого друга Владимира Шаталова

«Вскоре после смерти Владимира Шаталова я получила от американской поэтессы и журналистки Руфи Деминг очерк «Shatalov». Меня поразили настроение и тон ее строк, поэтому я решила опубликовать этот очерк, написанный человеком другой культуры, другой судьбы; она сумела почувствовать и понять многое в душе русского художника, долгие годы жившего вне своей творческой среды, вне привычного пейзажа и вне родного языка. Очерк Деминг, переведенный мною с английского, печатается с любезного разрешения автора».

Валентина Синкевич, Филадельфия

(Впервые опубликовано в поэтическом альманахе «Встречи»)

ШАТАЛОВ

Умер мистер Шаталов.

За два месяца до его смерти я поставила машину и позвонила в дверь, которая, по моему предположению, была его. На ступеньках лежала сложенная газета. Был ли это его дом? Я обернулась, чтобы вспомнить: так ли выглядела улица, которую я видела много лет тому назад. Напротив стояло огромное запущенное здание школы с бетонными колоннами, напоминавшими былое величие; так, – подумала я, – выглядит Парфенон. Да, это его дом.

На окнах висели тяжелые занавеси. Я их запомнила. Ветер не шевелил их, они висели неподвижно. Я громко постучала.

Владимир Шаталов. Портрет Валентины Синкевич

Я должна была бы объяснить ему – кто я. Сейчас он был уже старым человеком, очень старым, восьмидесятипятилетним стариком, говорившим на ломаном английском языке, трудно поддававшемся пониманию. Я пишу об этом, потому что он позвонил мне, кажется, год или два назад, однако по телефону я не смогла разобрать ни одного слова. Я боялась, что, судя по моему молчанию, он подумает, что я его забыла. Но забыть его? Это означало бы забыть луну на вечернем небе.

Однажды он приехал ко мне, привез печенье. Я хорошо помню это печенье, – он угощал меня им, когда я приезжала интервьюировать его для газеты по искусству. Кухня была единственной в доме комнатой, в которую проникал свет. Я представляла, что здесь его мать готовила для него русские деликатесы. Остальное было в полумраке опущенных жалюзи и задернутых занавесей. Быть может, так было в память тех двадцати лет, в течение которых он не мог писать. Он был художник. Он изображал вещи, которые нравились в Америке. Он носил ковбойские сапоги и джинсы.

Когда он приехал ко мне, я наблюдала за ним из окна второго этажа. На нем была голубая рубашка; он погасил сигарету, перед тем как подойти к входной двери. Он приехал посмотреть, как я живу. Я была его биографом. Кроме Шаталова – я не представляю себя ничьим биографом. Тот очерк, который я о нем написала, получился длинным и подробным. Я рассказала обо всем, что могло вписаться в газетные рамки, и мне пришлось сражаться за каждое слово, потому что очерк вышел сверх положенного размера.

Он не мог писать в течение двадцати лет. Можете вы себе это представить? Двадцать лет – срок чьей-то жизни. Он не мог окунуть кисть в краски. Позже я подумала, что он страдал от депрессии, от безнадежности. Он был человеком которого называли русским эмигрантом, приехавшим со своей матерью в Филадельфию, где он жил в одном из выстроившихся в ряд домов в обветшалом, но достойном районе.

Россия. Знаете ли вы, что значит попрощаться с землей, носящей отпечатки ваших ног, с небом, любившим и защищавшим вас с колыбели? Он был художник. И он погибал.

Я рассказала обо всем этом. Обо всем, что вместились в мой разлинованный желтый блокнот: смерть матери в сточетырехлетнем возрасте, отправка ее в старческий дом и возвращение отуда из-за его нестерпимого чувства вины. Он за ней ухаживал. Она, наверное, жила на первом этаже. Здесь должен был стоять переносной туалет, «волкер», инвалидное кресло. Единственный свет в доме, когда я приезжала, был в кухне, но мне казалось, что некогда мать поднимала жалюзи и раздвигала занавеси, чтобы впустить дневной свет. Мне запомнилась темно-фиолетовая столовая со стульями, обитыми черным берхатом – цвет черного ириса. Я не могла дожидаться, чтобы поехать к нему, и не могла дожидаться, чтобы уехать. Но я ездила три дня подряд, то есть до тех пор, покуда уже не о чем было говорить.

Когда я стояла на ступеньках дома, стуча громче и громче, почти колотя в дверь, я потянулась к окну, попыталась заглянуть внутрь сквозь занавеси. Всё было в темноте. Но я разглядела лошадь и всадника, скульптуру его друга. Однако почему он не слышит моего стука? Может быть, у него ослабел слух? Или он включает днем телевизор? Или иступленно работает?

Я медленно спустилась вниз, оглядываясь, – а вдруг он, наконец, покажется в дверях. Я знала, что этого не будет, но всё же еще раз оглянулась.

Тогда, когда он приехал ко мне, я почему-то сидела на кровати в розовой комнате моей дочери Сарры. Она только что уехала в колледж. Стены и ковер в комнате были нежно-розового цвета. Мы с Шаталовым разговорились. Я всё еще была его биографом. Он мог рассказать мне всё. Мы не виделись девять лет. У него должна была быть выставка в одной из филаделфийских галерей. У него были выставки. И был небольшой круг почитателей, следивших за ним и расхватывавших его картины.

Я буду там, – сказала я ему. Я приду на прием. Он меня не пригласил, но я всё равно пообещала прийти. И он и я знали, что я там никогда не буду. Мое желание видеть его необычно благородное лицо, его крепкую большую мужскую фигуру, было нестерпимо интенсивным, с оттенком чего-то безутешного. Я не представляла себе, что увижу его снова. А было бы так легко спросить у него направление, сесть в машину, проехать по узким, односторонним улочкам, поставить машину, словом – найти его.

Этого не случилось. Такие вещи никогда не случаются. Я приходила к нему с желтым блокнотом и карандашами. То время прошло.

Он говорил мне, что спит при включенном электричестве, что телевизор бьет прямо в закрытые глаза. Я спросила, сколько ему лет. Исполнится восемьдесят четыре. Он боялся смерти, хотя не говорил этого, но об этом говорили другие вещи. Я спросила о женщине, которую он любил, – поэтессе, писавшей русские стихи. Помнится, ее звали Валентина.

Он не открыл дверь. Время приходит и уходит. Но я вернусь в другой раз, – говорю себе, – и спрашиваю, – правда ли это.

Григорий Куперштейн
Балтимор, США

**Однажды в Нью-Йорке. Миша
Эльман, Давид Ойстрах и Натан
Мильштейн
(из цикла «Одесские ребята»)**

*Они посылают нам их евреев из Одессы, а мы посылаем им
наших евреев из Одессы.
(Исаак Стерн)*

Это был особый день. В одно воскресенье, 20 ноября 1955 года, три великих скрипача выступали в нью-йоркском Карнеги-Холле: Миша Эльман, Давид Ойстрах и Натан Мильштейн. Все трое начали учиться скрипке в Одессе, но пути их к Карнеги-Холлу были совсем разными.

Почему русский провинциальный город стал тем местом, откуда вышло столько замечательных музыкантов? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте обернемся в прошлое – на лет шестьдесят с того памятного ноябрьского дня.

Среди многих народов Российской Империи жили и евреи. Почти все русские евреи должны были жить в черте Оседлости, своего рода гигантском гетто в Западной части империи. За редким исключением, евреи не имели права жить в С. Петербурге и Москве. Но они имели право жить в Одессе, которая в начале 20-го века была четвертым по величине городом России.

По словам Леопольда Ауэра, «Одесса один из красивейших городов Европы и напоминает скорее Геную, чем русские

города, с которыми у нее нет ничего общего. Город расположен на берегу округлой бухты на Черном море, на террасе, которая находится высоко над «шестью гаванями» ее просторного порта, в котором стоят корабли под флагами всех стран. Сам город, находящийся на высоте от 30 до 50 метров над уровнем моря, имеет широкие улицы, украшенные красивыми современными зданиями, и Набережную с рядами густых деревьев, по которой весь город прогуливается и смотрит вниз на воду и вдаль на бесконечный горизонт Черного моря».

К началу 20-го века население Одессы составляло примерно 450 000 человек: русские, украинцы, французы, итальянцы, немцы, греки и примерно 150 000 евреев; в Одессе была крупнейшая еврейская община юга России. Одесса имела Музыкальное Училище Императорского Русского Музыкального Общества (ИРМО), где еврейские родители могли учить своих детей классической музыке. 80% учеников Одесского Музыкального Училища были евреи, а скрипка была там самым популярным инструментом.

В России музыкальное образование зародилось поздно. До 60-х годов 19-го века практически все профессиональные музыканты были иностранцами. Те немногие, которым хотелось сделать карьеру в музыке, ехали в Западную Европу: в Париж – как Венявский, российский подданный, или в Берлин – как Глинка.

Катализатором перемен стал великий русский пианист Антон Рубинштейн, который сам учился в Германии. В 1859 году он основал Русское Музыкальное Общество (позднее Императорское Русское Музыкальное Общество) в С. Петербурге. Среди членов ИРМО была Ст. Петербургская консерватория, которую Рубинштейн основал тремя годами позже. ИРМО имело отделения и училища в других крупных городах, включая Одессу. Учителями в этих училищах были лучшие выпускники русских консерваторий. Россия прошла через много перемен за последние 150 лет, но система музыкального образования, основанная Антоном Рубинштейном, сохранилась почти без изменений, что и определило успех столь многих русских музыкантов во всем мире.

Первым профессором Петербургской консерватории по классу скрипки был Генрик Венявский. В 1867 году Венявский ушел из консерватории. Годом спустя, 23-летний Леопольд Ауэр, ученик Я. Донта, Й. Хельмесбергера и Й. Иоахима, был приглашен на

его место; он был профессором консерватории до 1917 года. Таким образом, Ауэр стоял у колыбели музыкального образования в России. Но было бы ошибкой сделать вывод что приезд Ауэра в С. Петербург сделал Россию одним из европейских скрипичных центров. Э. Изаи учился в Париже, Ф. Крейслер – в Вене, Я. Кубелик – в Праге, а Ауэр в течение следующих 35 лет не вырастил даже одного великого скрипача. Но его студенты стали концертмейстерами и ведущими педагогами по всей Российской Империи (до того как Яша

Хейфец пришел в класс Ауэра, он занимался в Вильно с бывшим учеником Ауэра). Гениальному учителю нужны гениальные ученики; их нашли и научили многие выдающиеся педагоги, ученики Ауэра и других; они приготовили этих вундеркиндов для окончательной «шлифовки» у великого Ауэра.

Миша Эльман, самый старший из «Великолепной Тройки» солистов Карнеги-Холла, родился в 1891 году и в пятилетнем возрасте начал заниматься на скрипке в Одесском училище. Его учителем был Александр Фидельман, ученик Ауэра и Адольфа Бродского (между прочим, когда Ауэр отказался сыграть премьеру Скрипичного концерта П. И. Чайковского как «нескрипичного», Бродский его-таки сыграл, и именно ему Чайковский этот концерт и посвятил). В течение последующих шести лет юный Эльман шел гигантскими шагами. И вдруг папа Эльман сел с сыном на поезд и поехал в Елизаветград (нынешний Кировоград), где Ауэр давал концерт во время одного из своих многочисленных туров по России. Ауэр избегал слушать детей, но папа Эльман его уговорил. Вот как сам сам Ауэр описывает этот памятный день:

«Мальчик, которому было примерно одиннадцать лет, очень маленький для своего возраста, с крошечными руками, сыграл концерт для меня. В сложных пассажах он прыгал в позиции как акробат по лестнице. Когда он окончил концерт, я сразу же знал, какое решение я должен был принять. Я сел и написал рекомендацию директору Консерватории великому Александру Глазунову с просьбой принять маленького Эльмана в мой класс и дать ему полную стипендию (учить бесплатно)».

Миша Эльман

Эльманы были очень бедны. Ауэр пишет: «Он (папа Эльман) сказал мне, что их финансовое положение очень плохое, что он должен был продать часть своей одежды, чтобы заплатить за билеты из Одессы до Елизаветграда (несколько сотен километров). Он добавил, что он готов пойти на любые жертвы, если его сын будет принят в Петербургскую консерваторию».

Одесский учитель Эльмана был выдающимся педагогом (Фидельман также учил Тошу Зайделя (тоже одессита) и Наума Блиндера, в будущем учителя Исаака Стерна). Позднее, Эльман замечал: «Люди говорят, что я первый великий ученик Ауэра, но я занимался с Ауэром менее двух лет. С точки зрения скрипичности, это Фидельман меня всему научил». Так почему же папа Эльман решился пожертвовать всем, бросить замечательного учителя и променять солнечную Одессу на холодный и негостеприимный Петербург?

Хотя евреям было запрещено селиться в большей части Российской Империи, существовало несколько исключений из общего закона. Еврей с высшим образованием мог селиться где угодно. Чтобы получить консерваторский диплом и право бежать из гетто, молодой еврейский музыкант мог уехать за границу и там учиться (что для нищих Эльманов было финансово невозможно) или стать студентом одной из русских

консерваторий. В начале 20-го века в России было только две консерватории, в Москве и Петербурге, и, если говорить о скрипке, особого выбора для Эльманов не было. Ведь вдобавок к званию профессора С. Петербургской консерватории, Ауэр был солистом Его Императорского Величества.

Как пишет Ауэр, «закон разрешал студентам любой национальности жить в столице, но это разрешение не распространялось на их родителей. Папа Эльман вел крайне ненадежное существование, в течение дня прячась в различных убежищах только ему известных, а ночи проводил в грязной, жаркой и душной дворницкой того дома, где он арендовал маленькую комнатку для сына».

Как один из самых знаменитых и титулованных музыкантов Российской Империи, Ауэр имел феноменальные связи во всех уровнях власти С. Петербурга. И он доказал силу своих связей в истории с Мишей Эльманом.

Ауэр продолжает: «Благодаря помощи одного высокопоставленного друга, я добился аудиенции у министра внутренних дел Плеве». Вначале Плеве и слушать не хотел. Но в конце концов министр согласился сделать исключение и принял прошение Ауэра о разрешении временной прописки для папы Эльмана, пока его сын остается консерваторским студентом. «Я думал: а не сожалею ли министр, что не мог он решиться приказать своим лакеям выбросить вон из своего кабинета меня, одного из Солистов Царя и профессора Консерватории?».

Престиж и связи Ауэра помогли ему в получении временных прописок для родителей многих его выдающихся учеников. Среди них были Ефрем Цымбалист, Тоша Зайдель и Яша Хейфец, чьего отца Ауэр зачислил в свой класс, чтобы он мог получить драгоценную прописку. Любым путем, Ауэр набирал в свой класс лучших в мире учеников, а они, в свою очередь, получали лучшего в мире учителя. Как пишет Флеш, тоже выдающийся педагог, «не надо забывать, что в русском гетто Ауэр имел самый лучший выбор учеников. В Берлинской ХохшULE, к примеру, из сорока абитуриентов примерно четверо были выше среднего уровня, в то время как в Петербурге пропорция была 90-95%. Более того, русские скрипичные студенты почти полностью концентрировались в Петербурге, а в Германии они разбросаны по крайней мере в полдюжине городов. В любом

случае, в России чисто техническая подготовка скрипачей всегда была на очень высоком уровне».

Для учеников Ауэра его ценность не ограничивалась его педагогическим талантом. Ауэр учился у Донта в Вене, брал уроки у Алара в Париже, был учеником Иоахима в Ганновере. Он знал всех, кого стоило знать в музыкальном мире. Его рекомендация открывала двери для его студентов. В 1904 году Ауэр организовал Эльману дебют в Берлине. Феноменальный успех в Берлине продолжился по всей Европе. В 1908 году у Миши Эльмана состоялся памятный Нью-Йоркский дебют в Карнеги-Холле с концертом Чайковского. Папа Эльман сделал правильный выбор..

В отличие от Эльмана, Натан Мильштейн родился в зажиточной одесской семье в 1903 году. Он был драчуном. Чтобы его приструнить, родители решили учить его игре на скрипке. Они привели его к Петру Соломоновичу Столярскому.

У Ауэра и Столярского, кроме того, что оба были еврейскими скрипичными учителями, ничего общего не было. Ауэр был международной знаменитостью, игравшей «Крейцерову Сонату» с Брамсом, а Столярский играл в конце группы вторых скрипок в Одесском Оперном театре. Ауэр был знаменитый профессор Консерватории, а Столярский ни в какой консерватории и дня не учился. Ауэр учил только продвинутых учеников, а Столярский (который не мог без консерваторского диплома преподавать даже в училище) открыл свою частную школу на дому и начал учить начинающих.

В течении примерно пяти лет Мильштейн брал уроки у Столярского. Впоследствии Мильштейн говорил, что он не был высокого мнения ни о Столярском, ни о его методе (он, правда, и об Ауэре скептически отзывался). Но Столярский уже тогда понимал, кто такой Мильштейн. В отличие от Фидельмана, Столярский сам решил отдать своего лучшего ученика Ауэру. Когда тот в очередной раз посетил Одессу с концертами, Столярский поговорил с ним о Мильштейне, и Ауэр согласился послушать мальчика. Ауэру ребенок понравился, и он пригласил юного Натана в свой класс. Когда Мильштейн впервые играл в классе Ауэра в Петербургской консерватории, тот обратился к своим ученикам: «Ну, как вам нравится эта черноморская техника?» Мать Мильштейна волновалась, что у нее будут проблемы с пропиской. Солист Его Императорского Величества опять не подвел. Ауэр позвонил Глазунову, директору

консерватории; секретарь Глазунова позвонил заместителю министра внутренних дел – и дело было сделано.

Натан Мильштейн

Мильштейн был в классе Ауэра два года. Затем Царь отрекся от престола; Ауэр покинул Россию и никогда уже туда не вернулся. Мильштейн остался в России, но при первой возможности, на Рождество 1925 года, покинул Советский Союз, чтобы тоже никогда уже больше туда не возвращаться. После очень успешной карьеры в Европе, Мильштейн осуществил свой знаменитый дебют с оркестром нью-йоркской Филармонии в 1930 году.

Самым младшим из трех одесситов был Давид Ойстрах, который родился в Одессе в 1908 году. Столярский был его единственным учителем. В отличие от Эльмана и Мильштейна, Ойстраху пришлось принимать участие в международных конкурсах, чтобы завоевать право на сольную карьеру.

Для советских вождей, успех их музыкантов за границей был совсем не дорогой возможностью продемонстрировать превосходство социализма. Королева Бельгии Елизавета в 1937

году организовала Международный скрипичный конкурс имени Изаи, который выиграл Давид Ойстрах, а еще четверо других советских конкурсантов тоже были в числе призеров. По словам Мильштейна, «после этого, Елизавета была в таком восторге от советских скрипачей, что постепенно пришла к заключению, что коммунизм должен быть не так уж плох, если там готовят таких музыкантов».

Вначале дебют Ойстраха в Нью-Йорке намечался на осень 1939 года. Уже были куплены билеты на дорогу, но начало Второй мировой войны сорвало все планы. Затем была холодная война. После смерти Сталина в 1953 году, условия улучшились. Переговоры о культурном обмене между СССР и США возобновились, и были подписаны соответствующие соглашения; лучшие артисты с обеих сторон должны были принять участие в концертах. Но тут возникло новое препятствие. Согласно Иммиграционному Закону 1952 года, советские граждане, прибывающие с визитом в США, должны были сдать отпечатки пальцев. Советская сторона была этим сильно возмущена.

Давид Ойстрах. 1955 г.

Йегуди Менухин вспоминает: «Одним летним днем 1955 года я пригласил Ойстраха на ужин в Клариджес (роскошный

ресторан) в Лондоне. Ойстрах советовал мне приехать с концертами в Москву. Я ответил, что ничто мне не принесет большего удовольствия. А между прочим, не пора ли и ему навестить мою Родину? «Америка!» воскликнул Ойстрах, – это полностью исключено; ему никогда не позволят сойти на американскую землю. Хотя Сталин умер, а маккартистская истерия была на исходе, но холодная война еще продолжалась. Все-таки я чувствовал, что «оттепель» началась и было уже достаточно трещин во льду. Я предложил ему пари на фунт или два стерлингов, что США пригласят его играть. Возможно, это и не соответствовало лучшим спортивным традициям, но дело было важнее чести игрока; в тот же вечер я послал две телеграммы по поводу приглашения для Ойстраха. Одна пошла в Государственный Департамент с просьбой, в виде исключения, отменить для Ойстраха процедуру сдачи отпечатков пальцев. (Русские, как я узнал, связывали эту процедуру с уголовниками). Конечно, нельзя было исключить, что какие-то скрипачи действительно могли быть связаны с уголовными элементами, но я заверил Госдепартамент, что лично гарантирую репутацию Ойстраха. Вторая телеграмма была послана Курту Вайнхолду в Коламбия Консертс, с предложением организовать тур на тех же условиях, что и у меня. Последнее условие было деликатным: ясно, что гонорары Давида должны были быть не ниже моих, но должны ли они быть выше? В течение 24 часов я получил положительные ответы на обе просьбы, и с гордостью зашел к Давиду получить мой выигрыш в результате нашего пари».

Советские артисты получили визы без процедуры отпечатков пальцев, и Ойстрах был первым советским артистом, запланированным на гастроль в США осенью 1955 года. Но опять произошла задержка.

Традиционно более престижно для дебюта исполнять сольный концерт с симфоническим оркестром. Так и было запланировано для американского дебюта Ойстраха: 13 ноября он должен был солировать в Карнеги-Холле с Лондонским Филармоническим оркестром под управлением Герберта фон Караяна. К сожалению, Ойстрах в Лондоне заболел, и его выступление в Карнеги-Холле с Лондонской Филармонией пришлось отменить. Согласно Нью-Йорк Таймс, «отмена его концерта сказала на числе проданных билетов; 250 билетов остались не проданы. Ранее все билеты были проданы». Таким образом, официальным нью-йоркским дебютом Ойстраха стал его сольный концерт 20

ноября 1955 года. Рецензия в Нью-Йорк Таймс отмечала: «На протяжении длительного времени публика предвкушала появление господина Ойстраха здесь. Она атаковала Карнеги Холл, чтобы купить билеты на его сольный концерт, заполнила зал до отказа и просочилась на сцену».

Существует легенда, которую даже Игорь Ойстрах повторяет, мы ее приводим здесь по мемуарам Вальтера Легге, знаменитого английского продюсера звукозаписей: «В этот день, днем, Миша Эльман играл сольный концерт который включал сонату Тартини «Дьявольские Трели». В пять тридцать дня программа Ойстраха включала то же самое произведение, а в восемь тридцать вечера того же дня Мильштейн играл «Дьявольские Трели». Давид был готов изменить программу, но мы убедили его не делать этого. Пусть другие пьют то лекарство, которое они сами себе приготовили».

Фактически Миша Эльман не мог исполнять «Дьявольские Трели»: в этот день он играл концерт Мендельсона с нью-йоркской Филармонией под управлением Пьера Монтэ. Но оба – Ойстрах и Мильштейн – включили Тартини в свои программы.

Вальтер Легге продолжает: «Когда мы прибыли в Карнеги-Холл за четверть часа до начала концерта, Эльман приветствовал Давида с преувеличенной радостью. Во время перерыва, я пошел в артистическую, где и увидел Эльмана, поздравляющего Давида. Когда мы оказались на таком расстоянии что Давид нас уже не мог услышать, Эльман, знаменитый своей ревностью ко всем своим коллегам, сказал: «Ну, если это Ойстрах, то даже Хейфец лучше играет!». Не так уж легко в восьми словах очернить двух значительно лучших коллег... Техника Ойстраха была безгранична, но он использовал ее только в музыкальных целях. Его первый «бис» в нью-йоркском дебюте был «Листок из Альбома» Вагнера, медленная пьеса, требующая лишь благороднейшего легато и самого искреннего музыкального чувства. Когда он окончил, я посмотрел в соседнюю ложу, где сидел Исаак Стерн. Я увидел, что его глаза, как и мои, и как без сомнения сотен других слушателей в зале, были полны слез».

Хотя Легге создает впечатление враждебности между одесситами, реальность была совсем другой. Вот как Мильштейн рассказывает о том дне: «Это была сенсация! Ойстрах впоследствии вспоминал, как он волновался и дрожал. Я не дрожал, но у меня вдруг так заболели ноги, что Ойстраху

пришлось помочь мне выйти на сцену. Он меня туда буквально вытолкнул. Не мне судить, кто выиграл это необычное соревнование. Я постарался представить интересную программу, и рецензенты это отметили».

На следующий день все три скрипача имели причину ликовать. «Нью-Йорк Таймс» написала о концерте Эльмана: «Концерт Мендельсона во вчерашней программе был музыкой весенней свежести и простоты. Особенно в первых двух частях скрипка господина Эльмана сладостно пела, а чистота звука околдовывала. Но его игра имела гораздо больше, чем чувственную привлекательность. Он проник в простую, лирическую сердцевину этой музыки до той степени, которая редка даже среди великих скрипачей».

Рецензия «Нью-Йорк Таймс» на концерт Ойстраха сообщала, что «уже много лет слава господина Ойстраха предшествовала его личному приезду. Его записи подготовили нас к скрипачу с огромным, сочным звуком, потрясающей интенсивностью и мощностью. То, что мы слышали вчера, было иным и лучшим. Звук господина Ойстраха не был подавляющим, но в нем были утонченность, деликатность и теплота, которые были очаровательны».

О сольном концерте Мильштейна «Нью-ЙоркТаймс» написала: «Вчера вечером Натан Мильштейн заключил великий день скрипичной игры в Карнеги-Холле. Среди 2 300 слушателей, которые собрались послушать его, в зале были два его предшественника, Миша Эльман и Давид Ойстрах. Это неполный список скрипичных знаменитостей, присутствовавших на концерте. Также на концерте были Исаак Стерн, один из его младших современников, и 80-летний Фриц Крейслер, один из великих скрипачей предыдущего поколения. То, что они слышали, было превосходным исполнением четырех популярных произведений скрипичного репертуара (Соната «Дьявольские Трели» Тартини, Первый концерт Бруха, Сольная партита Баха в ре мажоре и соната Брамса в ля мажоре). Они были сыграны с глубокой музыкальностью, поэтическим чувством и с удивительной красотой исполнения; эти хорошо знакомые произведения звучали так свежо и сердечно, как будто слышались впервые».

На следующий день, согласно Вальтеру Легге, «Ойстрах пообедал наедине с Эльманом в его квартире, неохотно, так как боялся, что хозяин начнет говорить о политике, теме, которую

Давид всегда избегал. Ойстрах заметил что Эльман, наверное, был счастлив жить в стране, такой богатой великими коллегами – Хейфец, Менухин, Стерн, Мильштейн, Франческати... Эльман перебил его: «Если ты зовешь их моими коллегами, ты не слышал, как играю я», достал свою скрипку и на час дал Ойстраху сольный концерт без аккомпанимента. Ойстрах рассказывал об этом эпизоде без тени неудовольствия. Он был лучшим из коллег, щедрым на похвалу».

«Когда Ойстрах прибыл в Нью-Йорк впервые в 1955 году, он мне позвонил, – писал Мильштейн. – Я пригласил его на ужин, и мы вспоминали старую Одессу. Ойстрах напомнил мне, что мы выступали вместе в Одессе свыше сорока лет тому назад, весной 1914 года. Он открывал студенческий концерт, а я стоял последним в программе как выпускник школы нашего профессора Столярского».

Итак, три великих музыканта-скрипача выступили 20 ноября 1955 года в Карнеги-Холле.

Что за день это был!

Лев Гуревич
Германия

Моисей Вайнберг. Судьба и музыка

Проследить и описать судьбу одного человека – значит косвенным образом вместить частицы множества судеб, и, может быть, даже судьбы государства.

Михаил Кураев

В самом начале XX века по югу России прокатилась волна еврейских погромов. Одним из наиболее трагических стал Кишинёвский погром 1903 года, унесший жизни 49-и человек, 600 человек были ранены. Многие евреи, особенно молодёжь, начали всерьёз задумываться об эмиграции.

Решил покинуть Кишинёв, свой родной город молодой клезмер (музыкант, исполнитель еврейской народной музыки) Шмуэль Вайнберг. По совету знакомых, он выбрал Варшаву – город, в котором большая еврейская община, еврейские театры, много ресторанов, кафе, одним словом, – без работы не останешься.

Приехав в Варшаву, Шмуэль вскоре овладел нотной грамотой и был приглашён в оркестр еврейского театра. Благодаря природному таланту, он успешно играл на различных музыкальных инструментах, начал сочинять музыку к спектаклям и дирижировать оркестром. В 1916 году Шмуэль Вайнберг и артистка еврейского театра на идиш Соня Беркович поженились, а в январе 1919 года у них родился сын Мойша.

С раннего возраста мальчик обладал прекрасным слухом и памятью, свободно играл на фортепиано всё, что слышал. Родители понимали, что их сын музыкально одарён. И, действительно, уже в десять лет Мойша играл в оркестре отца, сочинял отдельные музыкальные фрагменты к спектаклям.

В двенадцать лет Мойша Вайнберг поступает в Варшавскую консерваторию, где получает серьёзное музыкальное образование. Во время учебы им были написаны первые опусы – «Колыбельная» для фортепиано и струнный квартет. В 1939 году он блестяще заканчивает консерваторию как пианист по классу Юзефа Турчиньского, соредактора полного собрания сочинений Шопена.

Музыкальная жизнь Варшавы того времени бурлила. В филармонии выступают А. Рубинштейн, С. Рахманинов, П. Казальс, Ф. Крейслер, О. Клемперер. С 1927 года в Польше начинает проходить конкурс имени Фредерика Шопена. Ведущую роль среди композиторов того времени играет Кароль Шимановский, автор многочисленных фортепианных, камерных и оркестровых сочинений.

Казалось бы, что перед Вайнбергом серьёзная музыкальная карьера. Но в конце 30-х годов республика Польша оказалась в стальных тисках геополитики. С Востока – Советский Союз, который не забыл позорного поражения во время советско-польской войны 1919-1921 годов. С Запада – фашистская

Германия, мечтающая о новых землях на Востоке, о чём Гитлер писал в своей книге «Майн Кампф» в тюрьме Ландсберг ещё в 1923 году.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом и Секретные протоколы к нему, подписанные в конце августа 1939 года, фактически означал раздел Польши. 1-го сентября 1939 года произошло вторжение германских войск и последующая оккупация польских территорий, а 17-го сентября советские войска вошли на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины. Началась Вторая мировая война. Несмотря на отчаянное сопротивление и личную храбрость, польские войска не смогли оказать серьёзного сопротивления германским танковым соединениям и авиации. Фронт приближался к Варшаве.

Польские евреи, безусловно, знали об отношении к евреям в Германии, о принятых антиеврейских законах, но подлинные масштабы преследования и уничтожения, невозможно было себе представить. Семья Вайнбергов собиралась покинуть Варшаву, однако Советское Правительство распорядилось не пускать беженцев из Польши, и только Мойше, благодаря поклонникам его таланта, удалось проникнуть в состав, идущий к белорусской границе.

Советские пограничники, оформлявшие Вайнбергу въездные документы, видя перед собой еврея, да ещё не говорящего по-русски, записали его имя как Моисей.

Вскоре после приезда, сыграв на прослушивании, Вайнберг без экзаменов поступает в Минскую консерваторию в класс профессора Василия Андреевича Золотарёва, выпускника Петербургской консерватории, ученика Н.А. Римского-Корсакова.

Невысокий, худощавый, с копной тёмно-рыжих волос, дружелюбный и воспитанный, к тому же разговаривающий с сильным польским акцентом, Моисей (друзья звали его Метеком) заметно отличался от своих товарищей. Он успешно занимается композицией, совершенствует исполнительское мастерство. За время учёбы в Минске Вайнбергом были написаны симфоническая поэма, второй квартет, фортепианные пьесы. В 1941 году он с отличием оканчивает консерваторию.

Долгое время он ничего не знал о судьбе своих родных. Еврейские общины уничтожались полностью, и не оставалось родных, близких, друзей, которые могли бы сообщить имена

погибших, да и о связи с Польшей не могло идти речи. Только после войны Моисей Вайнберг узнал, что родители и младшая сестра Эстер были депортированы в Лодзинское гетто и впоследствии уничтожены в концлагере Травники. Эта трагедия преследовала его всю жизнь.

22 июня без объявления войны германские войска вторгаются на территорию СССР. Вайнберг снова оказывается в гуще событий. Его эвакуируют в Ташкент, в котором нашли приют и убежище многие представители творческой интеллигенции. Здесь он поступает на работу в театр оперы и балета. В Ташкент был также эвакуирован Государственный еврейский театр (ГОСЕТ), художественным руководителем которого был великий еврейский актёр Соломон Михоэлс. Вскоре Моисей Вайнберг знакомится со старшей дочерью Михоэлса – Натальей, и в 1942 году они поженились.

Вайнберг много работает в театре, даёт концерты, занимается композицией. В 1942 году он заканчивает Первую симфонию, которая сыграла особую роль в его жизни. В 1943 году он посылает партитуру симфонии Дмитрию Шостаковичу, который, ознакомившись с музыкой, организует правительственный вызов автора в Москву.

Семья Вайнбергов поселяется у Никитских ворот, неподалёку от Московской консерватории, и Вайнберг активно включается в музыкальную жизнь столицы. За период с 1943 по 1948 год им созданы Симфония № 2, концерт для виолончели с оркестром, две балетные сюиты, четыре струнных квартета, более двадцати произведений для фортепиано.

В феврале 1948 года в семье Вайнберга, как и в жизни миллионов советских евреев, произошла страшная трагедия. По прямому указанию Сталина в Минске был злодейски убит Соломон Михоэлс. Гибель Народного артиста СССР, руководителя Еврейского антифашистского комитета, собиравшего огромные средства на борьбу с фашизмом, положила начало разнузданной государственной антисемитской кампании в СССР.

В феврале 1953 года на волне нарастающего антисемитизма Моисей Вайнберг был арестован. Ему было предъявлено обвинение в «еврейском буржуазном национализме и тесных связях с Еврейским антифашистским комитетом». Младшая дочь Соломона Михоэлса Нина вспоминала: «Мы только пришли с друзьями – Борисом Чайковским и Николаем Пейко после

концерта, где симфонический оркестр исполнял концерт Моисея Вайнберга. Дирижировал Натан Рахлин, солировал Давид Ойстрах. Концерт прошёл с колоссальным успехом. В два часа ночи раздался стук в дверь, и Вайнберг был арестован».

Дмитрий Шостакович принял активное участие в судьбе Вайнберга. Он писал всеильному Министру внутренних дел Лаврентию Берию: «Я могу поручиться за Вайнберга в том, что он честный художник и гражданин», и далее совершенно бесстрашные слова: «Я знаю, что у вас бьют, а его мучить нельзя, у него слабое здоровье».

Смерть тирана 5-го марта 1953 года в еврейский праздник Пурим остановила дело врачей, отменила готовящуюся депортацию советских евреев в Сибирь. 5-го апреля, спустя три месяца после ареста, Моисей Вайнберг был выпущен из Бутырской тюрьмы. Эти трагические события в судьбе композитора нашли своё отражение в Шестой, Седьмой и Двенадцатой симфониях, но только Шестая симфония была публично исполнена.

В пятидесятые – семидесятые годы композитор активно работает. За это время им написаны девять симфоний, три балета, восемь струнных квартетов и множество инструментальной музыки

Вайнберг, безусловно, был замкнутым человеком. Потеря таким страшным образом родных, арест и пребывание в тюрьме – всё это отразилось в его музыке, наполненной еврейскими мелодиями.

Герой его произведений – философ, тонкий лирик, художник, гневно протестующий против ужасов фашизма и тоталитаризма. В сочинениях Вайнберга есть три излюбленных инструмента – скрипка, флейта и кларнет, и именно этим трём инструментам принадлежит особое место в еврейском инструментальном фольклоре.

В эти годы возникает творческий союз с Московским Камерным оркестром под руководством Рудольфа Баршая – великолепного дирижёра и альтиста, совместная работа с которым, по словам Вайнберга, «была источником огромной творческой радости». При жизни композитора его сочинения исполняли музыканты с мировым именем: дирижёр Кирилл Кондрашин, виолончелисты Даниил Шафран и Мстислав Ростропович, скрипачи Давид Ойстрах и Леонид Коган, пианист Эмиль Гилельс, Государственный квартет имени Бородина.

На творчество композитора огромное влияние оказал Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Моисей Вайнберг писал: «Школа Шостаковича является основой моей творческой работы. Я чувствовал себя счастливым человеком, потому что мог показать свои произведения лучшему композитору XX века». Шостакович воспринимал коллегу как равного, не раз исполняя с ним новые произведения в четыре руки. После кончины Шостаковича Вайнберг сочиняет, пожалуй, одно из самых своих трагических сочинений – Двенадцатую симфонию «Памяти Дмитрия Шостаковича» (1975-1976 год).

Особое место в творчестве Вайнберга занимает написанная в 1968 году опера «Пассажирка». В основе либретто, написанного Александром Медведевым, – роман польской писательницы Зофьи Посмыш «Пассажирка». Автор романа годы войны провела в концлагере Освенцим, чудом оставшись в живых.

Опере предпослан эпиграф из Поля Элюара: «Если заглухнет эхо их голосов – мы погибнем...». На плывущем в Бразилию корабле главная героиня оперы Марта встречает женщину (её зовут Лиза), в которой она узнаёт надзирательницу из Освенцима. Лиза сопровождает мужа – немецкого дипломата Вальтера. Лиза давно похоронила в душе Марту и теперь боится, что бывшая заключенная начнёт обвинять её в преступлениях против прошлого. А у Марты встреча с этим человеком воскрешает страшные воспоминания. Последняя сцена оперы – потрясающий по лиризму плач Марты: «Никогда не забуду друзей, погибших в Освенциме». Герои оперы поют на восьми языках: русском, польском, немецком, французском, греческом, идиш, чешском и английском.

Ознакомившись с партитурой, Дмитрий Шостакович писал: «Не устаю восхищаться оперой «Пассажирка» Вайнберга. Трижды прослушал её, изучал партитуру и с каждым разом всё глубже постигал красоту и величие этой музыки. Мастерское, совершенное по стилю произведение».

В 1968 году оперу заказал Большой театр, уже был получен аванс. Однако постановка оперы не состоялась. Запрет на «Пассажирку» был связан с нежеланием ставить оперу еврейского композитора в период обострения отношений между СССР и Израилем.

Впервые «Пассажирка» была поставлена в России спустя почти 40 лет – в декабре 2006-го года в Московском международном Доме Музыки. А потом началось триумфальное

шествие оперы по всему миру. 2011 год – Английская национальная опера и Большой театр Варшавы, 2013 – Баденский государственный театр в Карлсруэ, 2015 год – опера Чикаго и опера Франкфурта. На премьере оперы в Чикаго присутствовала девяностодвухлетняя автор повести «Пассажирка» Зофья Посмыш.

Композитор Вайнберг внёс большой вклад в киноискусство. Им написана музыка к 25-ти кинофильмам и более чем к 20-ти мультфильмам. Среди них шедевр отечественной киноклассики – победитель Каннского кинофестиваля, фильм гениального Михаила Калатозова «Летят журавли», любимая народом комедия Георгия Данелии «Афоня» и многие другие. Работа с блестящим мастером мультипликации Федором Хитруком подарила нам такие мультфильмы, как «Винни-Пух» и «Каникулы Бонифация».

Композитор Моисей Вайнберг скончался в Москве в 1996 году, будучи автором 19-ти симфоний, 7-ми опер, 3-х балетов, 17-ти струнных квартетов и множества инструментальных сочинений. К сожалению, две трети этих произведений не опубликованы.

Волею судьбы Вайнберг оказался «на перекрёстке» трёх культур – польской, еврейской и русской, – и образы этих культур он пронёс через всю жизнь.

Кумир Вайнберга Дмитрий Дмитриевич Шостакович писал о творчестве своего младшего современника: «Каждое его сочинение – это глубокие и серьезные, навеянные важнейшими событиями века мысли большого художника и гражданина».

Часть 8. Наука

Александр Рабинович

Москва, Россия

Фантомы общей теории относительности

Одним из наиболее значительных достижений физики начала XX века было создание Альбертом Эйнштейном в 1905 году специальной теории относительности, открывшей удивительные свойства пространства и времени, пропорциональность энергии массе тел и многие другие замечательные закономерности.

Специальной же эта теория была названа по той причине, что ее законы справедливы только для инерциальных систем отсчета*, связанных с поступательно и равномерно движущимися телами.

Поэтому следующим важным шагом должно было стать создание более общей теории, которая позволила бы описать свойства пространства и времени по отношению не только к инерциальным, но и к произвольным неинерциальным, ускоренно движущимся системам отсчета. В результате непрерывных поисков в 1915-1916 годах Эйнштейн представил миру свое второе эпохальное творение – общую теорию относительности.

Эта теория была важнейшим шагом вперед по сравнению с ньютоновской теорией и привела к принципиально новому взгляду на гравитационные явления.

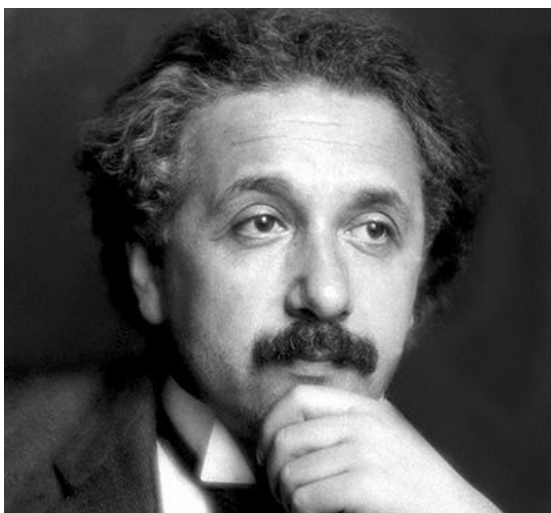
Но является ли она полной и действительно ли она обобщила специальную теорию относительности для случая неинерциальных систем отсчета? По этому поводу существовали разные мнения. О них и пойдет у нас речь.

1. Путь Эйнштейна от специальной к общей теории относительности

В 1905 году Альберт Эйнштейн опубликовал три замечательные статьи, сделавшие его имя знаменитым. Одна из них была посвящена специальной теории относительности, произведшей сенсацию в научном мире. Сейчас она глубоко вошла в сознание интересующихся физикой людей, но тогда мало кто всерьез верил в ее предсказания, казавшиеся фантастическими.

В специальной теории относительности (СТО) рассматривались свойства пространства и времени относительно различных инерциальных систем отсчета, то есть движущихся поступательно по инерции с разными, но постоянными скоростями.

Альберт Эйнштейн (1879-1955)

Опираясь на постулаты о равноправии различных инерциальных систем отсчета и предельности скорости света, Эйнштейн пришел к поистине сногшибательным выводам. Например, к относительности понятия одновременности в разных системах отсчета, замедлению времени в движущихся телах и сокращению их размеров вдоль направления движения. В то время подавляющее большинство физиков посчитали

теорию Эйнштейна абсурдной, лишь единицы из них отнеслись к ней всерьез.

Однако многочисленные экспериментальные проверки СТО полностью подтвердили ее удивительные предсказания. В результате СТО превратилась в классическую теорию, признанную мировым физическим сообществом.

Следующей проблемой, которая встала перед Эйнштейном, была задача обобщения СТО на случай ускоренно движущихся неинерциальных систем отсчета. Проблема оказалась весьма сложной, потребовавшей от Эйнштейна десятилетия напряженного труда. В конце концов, он и опубликовал в 1915-1916 годах новую теорию, названную им общей теорией относительности. Одним из ключевых моментов этой теории была подмеченная им общность между ускоренно движущимися системами отсчета и неподвижными системами, в которых действует гравитационное поле.

Если, например, взять Солнечную систему, то движение в ней планет не зависит от их массы. Оно определяется их начальным положением и скоростью. То же самое касается падающих на Землю тел, когда можно пренебречь сопротивлением воздуха.

Если же рассмотреть ускоренную систему отсчета, то движение тел относительно нее также не будет зависеть от их массы. В результате Эйнштейн пришел к выводу, что ускоренная система отсчета аналогична неподвижной системе, в которой действует некоторое гравитационное поле. Эта мысль привела его к идее построения новой теории гравитационного поля, обобщающей теорию Ньютона, уравнения которой должны быть справедливы в произвольно движущихся неинерциальных системах отсчета.

В теории, созданной им после многолетних усилий, гравитация предстала как результат влияния массивных тел на искривление пространства и времени. Движение же тел небольшого размера в искривленном пространстве-времени происходит по линиям, названным геодезическими и являющимися аналогом прямых линий в неискривленном пространстве [1].

Геометрической основой эйнштейновской теории была теория великого немецкого математика Бернхарда Римана (1826-1866).

Она была представлена Риманом в 1853 году в его историческом докладе под названием «О гипотезах, лежащих в основании геометрии». Эта работа Римана оказала огромное

влияние на последующее развитие как математики, так и физики. Риман прожил короткую, но очень яркую жизнь, обогатив своими идеями самые различные разделы математики. Умер он в Италии от туберкулеза в возрасте неполных сорока лет.

Бернхард Риман (1826-1866)

Основанная на римановой геометрии, эйнштейновская общая теория относительности описывается системой исключительно красивых уравнений, поражающих своей гармонией. Ее по праву считают вершиной теоретической мысли в физической науке. При этом проведенные по ее проверке эксперименты позволили подтвердить правильность ряда сделанных на ее основе предсказаний.

Уравнения общей теории относительности Эйнштейна описывают гравитационное поле с точки зрения абсолютно произвольных систем отсчета, причем при произвольных способах измерения в них как пространственных, так и временной координат. Однако в этой «всеобщности» обнаруживаются как несомненные достоинства, так и определенные недостатки. Поговорим о них.

2. Академик В.А. Фок и его критика общей теории относительности

Академик Владимир Александрович Фок (1898-1974) был выдающимся советским физиком-теоретиком, ученым с мировым именем, внесшим значительный вклад как в квантовую, так и в классическую физику.

Он был большим знатоком и ценителем эйнштейновской теории гравитации и в ней получил ряд очень важных результатов.

Его книга по общей теории относительности [2] до сих пор пользуется заслуженным успехом, являясь прекрасным учебником для студентов, знакомящихся с основами современной теории гравитации.

В то же время Фок считал, что общая теория относительности (ОТО) Эйнштейна имеет ряд недостатков, говорящих о необходимости ее дальнейшего развития. Его претензии к эйнштейновской теории сводились к следующим:

1) ОТО – замечательная теория гравитационного поля, но она не оправдывает своего названия, так как не содержит явного описания ускоренно движущихся неинерциальных систем отсчета.

2) Уравнения ОТО справедливы в произвольных системах пространственно-временных координат. Но это достоинство оборачивается неоднозначностью их решений.

Владимир Фок (1898-1974)

Сделаю пояснения к этим замечаниям Фока.

Действительно, если мы выберем конкретную неинерциальную систему отсчета, то совершенно не ясно, как описать ее специфику. Сами уравнения ОТО не различают разные системы отсчета и не могут нам в этом деле помочь. Поэтому и нельзя не согласиться с первым замечанием Фока.

В качестве интересного примера, рассмотрим неинерциальную систему отсчета, связанную с быстро вращающимся вокруг своей оси с постоянной угловой скоростью твердым диском. Если бы мы применили к ней СТО, то пришли бы к выводу, что в ней должны иметь место замедление времени, сокращение длин в направлениях вращения диска и их неизменность вдоль его радиусов. Но тогда возникало бы противоречие, так как отношение длины окружности диска к его радиусу не равнялось бы известному из евклидовой геометрии числу 2π .

Данное противоречие снимается тем, что СТО здесь неприменимо, так как точки вращающегося диска имеют центростремительное ускорение. Возникает вопрос, как можно было бы учесть это ускорение? Однако ОТО не дает никаких указаний на этот счет. Таким образом, эта проблема остается неразрешимой ни в СТО, ни в ОТО.

Данная задача была рассмотрена в широко известной книге Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица [3]. Но удалось ли им ее решить? Вначале ими было установлено, что никакого замедления времени в равномерно вращающемся диске нет. Иначе его состояние оказывалось бы зависящим от времени, чего не должно быть. Что же касается размера диска, то они предположили, что его изменения быть не должно. Но никакой мотивировки этому не дали. В результате задача о вращающемся диске так и не получила обоснованного решения. А это лишь один из самых простых случаев ускоренного движения!

Обратимся теперь ко второму замечанию Фока. В самом деле, в гравитационной теории Эйнштейна отсутствует описание систем отсчета. В то же время, в различных системах отсчета гравитационное поле проявляет себя по-разному. Но ОТО не позволяет понять, как описать координаты, которые соответствуют конкретной системе отсчета. В результате возникает то, что называется координатным произволом, – допустимых вариантов описания выбранной системы отсчета

оказывается бесчисленное множество и непонятно, какой из них единственно верный.

Если у Ньютона были выделенные системы отсчета – покоящиеся относительно звезд или движущиеся относительно них равномерно и поступательно, то в эйнштейновской гравитационной теории все системы отсчета равноправны. С точки зрения Эйнштейна, отсутствует принципиальная разница в позициях Птолемея и Коперника. То есть, можно считать, что Солнце вращается вокруг Земли, а можно утверждать, что Земля вращается вокруг Солнца – обе точки зрения правильные. Что же касается Фока, то он полностью на стороне Коперника – именно Земля вращается вокруг Солнца.

Фок, соглашаясь с Ньютоном, считал, что при описании гравитационных полей нужно сохранить выделенные системы отсчета. Для описания таких систем отсчета Фок предложил использовать специальные условия, описывающие так называемые гармонические координаты. Эти координаты были хорошо известны. Они позволяют в случае слабых гравитационных полей придать простой и удобный вид уравнениям ОТО. Их как раз применял Эйнштейн при описании гравитационных волн и их до сих пор широко используют.

Если для Эйнштейна они были просто удобными координатными условиями, то для Фока они приобретали особый физический смысл. Они, по его мысли, отвечали ньютоновским выделенным системам отсчета.

Точка зрения Фока столкнулась с резким неприятием со стороны ортодоксальных сторонников ОТО. Он надеялся встретиться с Эйнштейном и переубедить его. Но их встреча так и не состоялась.

После смерти Фока критику ОТО продолжил академик А.А. Логунов (1926-2015), полтора десятилетия возглавлявший Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. В противовес Эйнштейну, он выдвинул свою «Релятивистскую теорию гравитации». Его позиция была близка к фокской, в его теории гармонические координаты также играли важную роль. Однако он считал, что именно в его теории им придается важный физический смысл.

Точка зрения Логунова, также как и Фока, встретила с ожесточенной критикой. В результате идея введения дополнительных физических условий к уравнениям ОТО, для

устранения неопределенности в их решениях, оказалась похороненной ортодоксами гравитационной теории.

3. Описание неинерциальных систем отсчета

Как бы там ни было, но критика Фока эйнштейновской ОТО – более чем серьезна. Все-таки ОТО не позволяет однозначно описать пространство и время относительно неинерциальных систем отсчета и, значит, не решает задачу обобщения СТО, в которой рассматриваются лишь инерциальные системы отсчета.

С целью разобраться с этим вопросом, я стал изучать условия, которые могли бы соответствовать неинерциальным системам отсчета и которые нужно было бы добавить к уравнениям ОТО в качестве дополнительных уравнений. Я нашел общий вид этих уравнений, куда входил один параметр, значение которого было неизвестно. Гармоническим же координатам соответствовало его значение, равное $\frac{1}{2}$. Но является ли оно верным?

Для ответа на этот вопрос я рассмотрел случай расширяющейся системы отсчета в результате повышения температуры окружающей среды. Для данного случая нашлось точное решение рассматриваемых уравнений. Применяя к нему условие, что время протекания процессов в некотором объеме (например, кипения в нем воды) пропорционально его величине, я пришел к значению параметра уравнений, равному $\frac{3}{4}$. Таким образом, рассматриваемые уравнения с параметром $\frac{1}{2}$, которые описывают гармонические координаты, не отвечают неинерциальным системам отсчета. Им соответствует именно параметр $\frac{3}{4}$.

Данные уравнения с параметром $\frac{3}{4}$, дополняющие уравнения ОТО, были применены в моих работах [4–6] для описания свойств неинерциальных систем отсчета в ряде важных случаев. Одним из них была рассмотренная выше задача о системе отсчета, связанной с равномерно вращающимся вокруг своей оси твердым диском. Она свелась к крайне сложному уравнению, для которого удалось найти удивительное точное решение.

Оказалось, что вращение диска не приводит к замедлению времени, как и считали Ландау и Лифшиц, но, вопреки их предположению, радиус вращающегося диска приобретает некоторое увеличение по сравнению с неподвижным диском.

Другой исследованный случай, на котором хочется остановиться, касался применения дополнительных уравнений к

ОТО в задаче о гравитационном поле вне сферической массы в состоянии покоя, называемой задачей Шварцшильда. Она, как и в предыдущем случае, свелась к предельно сложному уравнению, которое, тем не менее, удалось также точно решить.

Интересным следствием полученного решения оказалась невозможность существования черных дыр (о них рассказывалось в моей предыдущей статье в «Чайке». Это означает, что гравитационное поле звезд со сколь угодно большой массой не может препятствовать излучению ими света. Любопытно, что к такому результату приводят именно используемые дополнительные уравнения с параметром, равным $\frac{3}{4}$.

Проведенный анализ показывает, что ОТО Эйнштейна нельзя считать завершенной теорией. Она нуждается в дальнейшем развитии, которое может привести к новым и неожиданным результатам

[1] А Эйнштейн «Сущность теории относительности», Москва, ИЛ, 1955.

[2] В.А. Фок «Теория пространства, времени и тяготения», Москва, ГИТТЛ, 1955.

[3] Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшиц «Теория поля», Москва, Наука, 1967.

[4] A.S. Rabinowitch "Noninertial Frames of Reference in General Relativity", Physics Essays, 1996, Vol. 9, No. 3, pp. 387-392.

[5] A.S. Rabinowitch "Nonlinear Physical Fields and Anomalous Phenomena", New York, Nova Science Publishers, 2009.

[6] А.С. Рабинович «Математические основы малоизученных аномальных физических явлений. Нелинейная электродинамика. Ядерная физика. Общая теория относительности. Космология», Москва, УРСС, Кн. дом «Либроком», 2015.

-----

*Под системой отсчета понимается система пространственных координат и часов, связанных с телом, относительно которого изучается движение (прим. автора).

Часть 9. Проза

Павел Федотов. Свежий кавалер (Утро чиновника, получившего первый крестик). 1846

Ольга Дунаевская
Россия, США

ЗА ЧТО ЛЮБЯТ МУЖЧИНЫ

Почему-то у меня такая планида: чем хуже выгляжу, тем больше мужчинам нравлюсь.

Помню, ехала как-то с работы – а работала под Москвой, вставать приходилось ни свет ни заря, под глазами мешки, цвет лица типа «грязный снег», потому что дело было зимой, а у меня было 36 часов в неделю занятий – меня как раз взяли на работу под только что прибывшую группу студентов из Вьетнама. Преподавать русский как иностранный.

Так вот еду домой, готовлюсь в метро к занятиям на завтра. Глаза слипаются, сонно встряхиваюсь – и опять в книжку. Тут голос справа: «Девушка, вас как звать?» Гордо молчу, дескать, я не из таких. Снова: «А едете куда?» Молчу. «Девушка, я недавно фильм шведский видел – вы очень на шведку похожи». Опять молчу. «Девушка, извините за любопытство, а какую книжку читаете?»

Тут я так же молча закрываю книгу и даю соседу прочитать название на обложке. На ней написано: «Четырнадцать уроков по развитию речи». Была такая популярная у преподавателей тонкая синяя книжечка для иностранцев. Очень дефицитная. Коллега на неделю одолжила.

Мужчина справа, онемев, поерзал на сиденье, потом, перед «Театральной» вдруг вскочил и, пяясь, стал двигаться к выходу, как будто кланяясь и приговаривая: «Ох, девушка, простите, пожалуйста! Простите!»

Тонкой души человек оказался. Решил, что это я говорить учусь. Причем не на иностранном, а на родном.

Или еще случай. Когда я была беременна старшим сыном, мы совсем на мели сидели в смысле финансов. А прямо перед его рождением вдруг все поперло – и из земли, и с неба. Родился он в августе, так на даче созрело столько яблок и слив, что мама, брат, жена брата не успевали перерабатывать. Я-то выбыла из игры. Под деревья ставили корыта, детские ванночки, расстилали клеенки и все было завалено, и такое было вкусное! Впервые на моей памяти столько уродилось.

Это перло из земли. С воздуха же стали падать деньги. Я тогда репетиторством подрабатывала, так ближе к родам ученики повалили – в количествах дотоле незнакомых. Сижу с утра до вечера на уроках, а живот к изумлению очередного абитуриента яростно колышется вправо-влево, вверх-вниз. Сын еще в утробе был очень энергичным ребенком. Иногда от усталости я свирепела. До сих пор стыдно, как на милую девочку из Фряново я вопила: «Так кто ж там реально мертвые души – неужели неясно?!» Девочка испуганно молчала.

Еще вдруг посыпались деньги за публикацию сказки мужа. За одну и ту же грустную сказку о непослушном щенке с плохим характером, в котором я без труда узнавала себя, он получил несколько гонораров и в советских рублях, и в валютных чеках. Да еще Щен ухитрился войти в антологию мировой сказки где-то в Чехословакии. И я наконец сшила себе два красивых ситцевых платья, присборенных под грудью, чтобы огромному животу и сыну в нем вольнее дышалось. А до того, до самой середины лета, я всю беременность проходила в старых джинсах мужа, много раз подвернутых снизу, поскольку у нас с ним заметная разница в росте. Ширинка в них делалась все более расстегнутой по мере укрупнения моего живота, а сверху джинсы крепились на подтяжках. На это сооружение я надевала укороченное «под тунику» шерстяное темно-синее платье свекрови. Темно-синий и всегда-то был не моим цветом, а тут в соединении с синими подглазниками и общим потрепанным видом, украшением и вовсе не служил. Хотя я старалась жить по режиму и во всяком случае ежедневно выгуливалась – либо одна, либо с помощью кого-то из близких.

И вот как-то в конце весны иду себе в этом прикиде не торопясь вдоль Ленинградского проспекта, потею и привычно дышу выхлопными газами. Недалеко от дома вижу сзади тень – движется на одном расстоянии, ни ближе, ни дальше, видимо, в качестве сопровождающей. Живот мой, однако, и сзади уже ни

для кого не секрет. Наконец тень настагает мою и тихий вежливый голос без обиняков спрашивает: «Девушка, вы замужем?»

Измученно поворачиваюсь. И на девушку не тяну, и скорее всего, замужем. Вроде, заметно. Рядом идет невысокий молодой человек, если не кавказской, то какой-то явно южной национальности. Говорит, однако, без акцента. Удивление заставляет вступить в беседу: «А не видно?» – «Вы не обижайтесь. Раз одна гуляете, беременная, может, и не замужем». – «Не угадали. Муж на работе» (что было чистой воды неправдой – муж еще учился). – «Ну, может, вам защита понадобится...» – «От таких, как вы?» – «Да не сердитесь. Просто жалко вас стало».

Хотя вообще муж часто со мной гулял, мне почему-то тоже стало себя жалко. Причем глобально. И что одеть нечего, и что с мужем ссоримся, и что мама в детстве на меня сердилась, и что сейчас волнуюсь, в порядке ли будет ребенок. Короче, я позорно шмыгнула носом и ускорила, в прямом смысле насколько положение позволяло.

Жалостливый юноша остался позади, а в душу закралась недобрая советская мысль: может, он бабу ищет с московской пропиской? Но вопрос этот навсегда остался без ответа. Догонять меня молодой человек не стал.

Однако рекорды собственной популярности я била с помощью ячменей. Бывали у меня в жизни сложные периоды, когда иммунная система сдавала и ее нервные позывные пузырились на красных истерзанных веках. «Ячменной» особенностью в моем исполнении было то, что они отказывались вскрываться и их приходилось удалять хирургически. Удовольствие ниже среднего. Под веко ставится распорка, и хирург кривыми ножничками под несильным местным наркозом выстригает затвердевший шарик. Однажды у меня количество этих холязиумов дошло до десяти одновременно.

Но жизнь компенсировала меня одним странным способом. Некоторые мужчины их не просто не замечали, а, возможно, в этих ячменях для них крылась какая-то магическая сила. Короче, у кого во лбу звезда горит – у меня же на глазах горели красные фонари ячменей. И это было мое тайное и могучее оружие, которое я всеми силами старалась побороть.

В начале девяностых я привезла из-за открывшейся границы некую диковинную лихорадку. Температура поднималась

аккуратно вечером пятницы – 39,5. В субботу я была «вне зоны действия», а к вечеру воскресенья полностью приходила в себя. В понедельник, уже огурцом, была готова к труду и обороне. Однако попутно пора было собирать и урожай моей злаковой культуры. Как-то я вернулась с очередного удаления затвердевшего зернышка с перебинтованной половиной головы и в изнеможении рухнула на диван. Ко мне подошла едва научившаяся говорить дочка, обняла и заплакала.

«Ты что, зайка?» – спрашиваю. «Папа сейчас придет и скажет: зачем мне такая резанная мама?» – не унимаясь, стенала надо мной мудрая не по годам дочь. С папой мы, и правда, частенько ссорились, только не по причине моих внешних несовершенств, а больше из-за творческих исканий самого папы. Да и делать это старались в удаленных местах, так что опасения дочери были основаны скорее на ее врожденном женском чутье.

На днях позвонили знакомые из Германии: статья мужа вышла в престижном журнале. В редакции дали несколько экземпляров, их передаст немец, остановившийся в соседнем с нами доме. Вот телефон, немец хорошо говорит по-английски. Звоню, договариваюсь. Оперированное веко еще опухшее и синеватое, а на другом глазу уже на подходе новое зерно. Но муж один идти не может – он по-английски говорит с трудом. Поэтому, буквально не взирая на лица, идем вместе.

Остановился немец в квартире на первом этаже. На звонок открывает высокий блондин лет сорока, а дальше ведет себя странно. Войти не приглашает, но улыбается по-доброму. В узкой захлавленной прихожей горит ярко-желтая лампа. Стоим. Потом он спохватывается, уходит в недра квартиры и возвращается с длинной коробкой, завернутой в серую бумагу и щедро заклеенной скотчем. Берем через порог. Благодарим, раскланиваемся, идем домой.

Коробка вызывает удивление. Кроме нестандартного для журнального номера размера, она еще и по-настоящему тяжелая. Дома жадно, в четыре руки, ее обнажаем. Коробка голубая, как небо, и зеленая, как трава. Уже без особого изумления понимаем, что в ней скрывается ручная газонокосилка. Однако для точности все же трясем коробку: внутри что-то добродушно погромыхивает, но ничего похожего на спрятанные там номера журнала не прослушивается. Стандартное предположение мужа – это я все напутала: или

пришли не туда, или немец не тот: мало ли их теперь живет по окрестным домам! Звонить в Мюнхен знакомым неудобно; мы чувствуем себя дураками, с чем и ложимся спать.

На следующий день знакомые звонят сами. Приносят кучу извинений – от себя и от немца. Он сказал, что пришла женщина такой нечеловеческой красоты, что он смешался и все перепутал. А наши журналы поступили как раз тем, кто надеялся на газонокосилку. Неся их домой, люди, наверное, думали, что это супер портативная косилка, для травы в ящиках на балконе.

Все разрешилось. Минуя немца - любителя ячменей, муж обменялся с истинными владельцами красивой коробки, обретя свои долгожданные журналы. А я подумала: может, у немцев любовь к ячменю стала просто генетикой? Хоть это и противоречит теории Менделя.

А вообще это я все к чему? Вот, говорят, мужики злые, эгоисты. А они ведь туда же: кого жалею – того люблю.

Олег Пряничников

Верхняя Салда, Россия

дебют

Свадебный гость

Кузина никто не звал, он сам пришёл. У порога квартиры обычного пятиэтажного дома зачем-то оправдывался, мол простите, думал что поминки, а оно вон как оказалось – свадьба. Ломая кепку, уже было повернулся, чтобы уйти, но открывшие ему дверь люди были в отличном настроении, тем более уже выпили, и Кузина пустили, как-никак родня всё-таки. Хотя никто так и не понял – кому и кем он приходится, но раз представился дядей Васей – значит кому-то дядя.

Кузина усадили за стол, поставили перед ним чистую тарелочку, налили в рюмку водки.

А тем временем свадьба шла своим чередом. Тамада, раскрасневшаяся, толстая баба, съевшая на этом деле собаку, певуче что-то там читала по десятки раз использованным листкам, она уже подходила к тосту. И вот, когда наступил

сладкий момент тоста с избитой "горькой" оконцовкой, раздался голос, не терпящий возражений:

– А разрешите-ка мне произнести тост!

– Вам? – растерялась тамада-свинные глазки.

– Мне! – отрезал Кузин и поднялся во весь свой рост – метр сорок.

Тамада, опешившая, плюхнулась на свой стул.

Кузин взмахом головы откинул назад бело-чёрную чёлку, одёрнул полы старенького серого пиджачка и, взяв со стола рюмку, торжественно начал свой тост:

– Дорогие Пётр и Рая!

Кто-то подсказал с шипением: "Александр и Светлана".

– А то я не знаю, – усмехнулся Кузин, кашлянув в свободный костистый кулачок и зыркнул на подсказавшего.

Все как бы тоже усмехнулись. Один из гостей (подсказавший), правда, громко заржал, но Кузин остановил его испепеляющим взглядом, а затем невозмутимо продолжил:

– Дорогие Александр и Светлана! Впрочем, – смягчил тон Кузин, – давайте-ка по-простому. Сашка! Тебя, Сашка, я с пелёнок знаю. Маленький ты брыкастый был, копытистый. Помню, капусту жрал – будь здоров. У других отбирал детишек. Маленьких, голодных...

Тут жених стал испуганно озираться по сторонам, мол, какая к чёрту капуста. Какие детишки голодные?

– Всё бляял ты, бляял, – продолжал тост Кузин, – всё бегал по огородам соседским. А теперь всё. Всё! Хана теперь тебе, Сашка, отбегался! Привяжут тебя к верёвочке! Ну и ладно. Ну и ничего. Терпи, Сашок... Я заканчиваю.

После этой фразы Кузина все присутствующие облегченно вздохнули. Жених смахнул со лба пот, невеста отхлебнула водки.

– А посему, я заканчиваю, – сказал Кузин и вдруг с надрывом всхлипнул. – Горько! – И хлопнул опорожненную рюмку об пол.

– Горько-о!!! – после не большой паузы дружно заорала свадьба и заскандировала словно на хоккейном матче: Горь-ко!!! Горь-ко !!!

Жених и невеста поднялись со своих мест и слились в поцелуе. Раздались апплодисменты.

– А теперь – споем! – вскрикнула тамада.

На её призыв взъерошенный гармонист растянул было меха и затянул что-то свадебное. Его песню уже начали подхватывать,

но тут...

– Разрешите снова мне! – раздался голос, не терпящий возражений.

– Да что же это такое, – возмутилась тамада, но не громко, скандал ей был ни к чему, тем более деньги она уже получила.

– Валяйте! – разрешил пьяный отец невесты.

– И правильно, – Кузин снова вырос на метр сорок из-за стола.

– Я как раз о вашей дочери хочу сказать.

Отец невесты получил тумак от матери невесты, а у невесты задёргалось правое веко.

– Светлана! Светик ты наш семицветик! Кстати, мама невесты, передайте мне вон тот салат из капусты и вон тот фужер под водку.

– Он хрустальный, – проямлила было мама невесты, но Кузин сверкнул очами. Он налил себе под каёмку.

Для техники безопасности позади него кто-то бросил пару подушек – из приданого невесты.

– Тебя, Светик, я тоже с молодых копытц знаю.

– Да я не местна-ая-я-я! – проорала невеста.

Кузин словно не услышал её:

– Любила ты, Светик-семицветик, побегать по полянкам там разным, по огородам всяким. Одна, или с кем-то. Нет, конечно, и ходить и бегать ты и теперь сможешь, но только под строгим приглядом мужа. Он у тебя козёл видный, да и ты козочка ничего – вот и пойдут у вас красивые козлята. Мда.

– Сам ты козёл! – не выдержал жених. – Что за фигня?! Капуста, огороды, копытца?! А?! Ты, вообще, кто такой?! Ты чей?! Родственник!!!

– Ну, ты бодни ещё меня, – огрызнулся Кузин и махнул в три глотка свою водку. Пустой фужер врезался в подушки. – Гоорько-о-о!!! – взревел опьяневший Кузин и обвёл мутными глазами комнату, полную людей. – Ну что уставились, козлы?! Я сказал – горько! – это он обратился ко всем присутствующим здесь. Возникла мёртвая тишина. А потом началось.

Пьяный Кузин потянул на себя скатерть со стола, так он решил удержать равновесие, потому что его сильно качнуло. Естественно: грохот полетевшей посуды, мат. Отборный мат. Затем жених бил Кузина. Затем били жениха. Короче, стало происходить то, без чего не обходится не одна русская свадьба, – повальная свадебная драка.

Кузин кубарем выкатился из подъезда. Он с трудом встал на

ноги, отряхнулся, натянул на себя кепку и, шатаясь, пошёл.

Дул холодный, осенний ветер. Он брёл до тех пор пока не шагнул на огромный пустырь, покрытый местами травой. Ещё зелёной. Остановившись, Кузин задрал голову на луну. Кепка с его головы упала, луна наливалась белым соком.

И вот наступило полнолуние. Вдруг раздался хруст костей – руки Кузина превратились в ещё одну пару ног, а из его черепа вылезли рога.

"Бе-е-е!" – заблеял Кузин и ринулся в сторону горизонта.

Серафима Лаптева

Сидней, Австралия

Баклажаны маринованные

Мне исполнилось пятнадцать лет. Надо мной сияло яркое солнце. По вечерам благоухали ночные фиалки. Кролики, ежи и котята шмыгали под ногами. Куры каждый день несли яйца, пчелы приносили мед, а корова поила теплым парным молоком. А однажды в высоком, чистом небе мама показала мне еще одно чудо – таинственно мерцающие, вытянутые в длину, слоистые облака.

– Серебристые облака можно видеть только один раз в году. Тебе повезло, дочка.

Жили мы в то послевоенное время в маленьком лесном поселке, прилепившемся на склоне большой горы. А на горе, в каменных карьерах, добывали щебень, нужный для строительства железных и шоссейных дорог и еще для многого. К отцу, начальнику камнедробильного завода, постоянно приезжали люди из разных городов и просили щебня, щебенки. Остановливались приезжие люди у нас – больше нигде было – и по вечерам снова просили, доказывали, умоляли дать им «камень» сверх плана, то есть вне очереди.

Однажды за один или два вагона щебня прислали вагон эмалированной посуды. И через толщу лет помню праздник и радость, с которой женщины прижимали к груди разноцветные

снаружи и ярко-белые внутри миски, кружки, тазы, ведра, кастрюли. Ведь порой воду с ладони пили...

В то утро, о котором я рассказываю, мне понадобились ножницы, и я открыла средний ящик письменного стола в отцовском кабинете.

Тут хранилось много интересных и нужных вещей: отвертки, молоточки, плоскогубцы, гайки, фонарик, ножницы, шарикоподшипники... Нам с братом разрешалось открывать ящик и пользоваться инструментами по своему усмотрению. На тусклом металлическом фоне странно выделялась стопка каких-то бледно-зеленых листочков. Раньше их тут не было. Я взяла один. На нем был изображен белый кабачок с каплями еще невысохшей росы на светлой кожице и написано «Баклажаны маринованные». Такие ярлычки наклеивают в магазинах на банки консервов. Оценив «огородный юмор», я перевернула ярлычок на другую сторону. «Дорогой товарищ Сталин! К вам с последней надеждой обращаются заключенные подземной тюрьмы...» Среди жаркого дня меня сковал холодный ужас, я чувствовала, что держу в руках что-то запретное, недозволенное. «Мы живем и работаем глубоко под землей, и совсем не видим солнечного света». Страшные слова были написаны хорошо отточенным карандашом, очень мелкими буквами, твердым мужским почерком. Мужественным почерком. «Мы умираем от проказы, холода, сырости...» Письмо Вождю. Но как, почему, зачем эти «баклажаны» оказались у нас, в нашем доме, в нашем лесном поселке? Неужели кто-то думает, что отец сможет отвезти их в Москву, передать Сталину и ...и вернуться домой? Меня билa крупная дрожь, стучали зубы. Совсем недавно я читала рассказ про лепрозорий, отчего чужая тайна становилась еще страшней. Не дочитав до конца, я сложила листочки аккуратной стопкой и положила на прежнее место. Ни отец, ни мама не должны знать, что я их видела, что я их читала. Я еще не доросла, мне еще рано. Это касается только взрослых.

Все комнаты у нас в доме смежные, по кругу, и я из тесного кабинета отца вышла сразу в самую большую комнату. Она и столовая, и гостиная, и библиотека. Старая черепаха выползла из-под стола. Ежик напился молока из блюдечка и убежал за буфет. Мама вытирала пыль с подоконника, обернулась, услышав мои шаги. Мы обе хотели пожелать друг другу доброго утра и обе застыли на полуслове – по ступенькам крыльца

быстро поднялись два человека в военной форме, в блестящих на солнце сапогах и протянули маме какую-то бумагу:

– Ордер на обыск. Оставайтесь на местах.

В ту же секунду я сорвалась с места и пересекла комнату наискосок, туда, где возле книжного шкафа стояла на полу большая картонная коробка. В ней хранилась вся моя бурная переписка с подругами: лето, каникулы, мальчишки, тайны, любовь, вечная дружба... В ловком прыжке один военный поймал меня за руку и отшвырнул назад. Как раз туда, куда мне было надо. Мама застыла соляным столбом, а я, чуть не плача, глотая незаслуженную обиду, под пристальным взглядом второго военного ушла в детскую, а оттуда напрямик к отцу в кабинет. Я была как натянутая струна, в голове билась только одна мысль: спасти отца, маму, нас всех. Бесшумно открыла средний ящик, взяла стопку «Маринованных баклажан» и прижала их к животу тугой резинкой от трусов. Письмо Вождю скрылось под моим цветастым сарафаном. Все еще переживая глубокую обиду, я прошла на крыльцо мимо стоящего в дверях офицера, спокойно вышла за калитку. Через две минуты я уже скрылась в лесу, раскопала ямку в мягкой земле, положила туда письмо товарищу Сталину и присыпала землей. Вернувшись домой, я увидела бледную как полотно маму, стоящую на том же месте; проклинаящего все на свете офицера, перлюстрирующего три-четыре десятка длинных глупейших писем и второго офицера, открывающего ящики письменного стола... Как только они ушли, я вернула «Баклажаны» на прежнее место.

В большой комнате за столом четверо: мои родители и два незнакомых человека, приехавших «за камнем». Сквозь закрытые двери, уже лежа в постели, я слышу удивленный голос мамы: «Не могу понять – ведь они лежат на самом верху. Их нельзя не увидеть». «Не увидеть нельзя, но не взять можно», – многозначительно произносит мужской голос. Судя по всему, в гостиной идет обсуждение таинственных утренних событий. Но меня это не касается. Мне пятнадцать лет, и я ничего не знаю. Не знаю и молчу. Молчу. До сегодняшнего дня.

Сергей Кузнецов

Б. Вашингтон, США

Амиго

Лицо хиспаника было того бронзово-красноватого, словно на древней монете, оттенка, которого не заработаешь, хоть год проваляйся на пляже, – с ним надо родиться. «Вернее, – подумал Павел, – нужно, чтоб предки твои пять тысяч лет эволюционировали под горным солнцем Южной Америки, отмечая вредные мутации, отбирая именно этот, от чего-то там обороняющий, колер». Лоб хиспаника прорезывали глубокие параллельные морщины, в чёрных прямых прядях проблескивала седина, редкие тёмные волоски на впалых щеках обозначали бородку. В правой руке он держал огромную, медную, рассыпавшую солнечные зайчики сковороду, на которой аппетитно шипел, – без сомнения, в кукурузном масле, – обширный блин, выпекавшийся, надо думать, из кукурузной же, лучше сказать, из маисовой, муки. Поблескивая узкими чёрными глазами, хиспаник сноровисто подбрасывал блин высоко в воздух, заставляя его перевернуться в полёте, и ловко ловил, у самой плиты, вышеупомянутой лучезарной сковородой.

– Тво, – сказал Павел и, для верности, показал два пальца, как бы загодя провозглашая победу.

Хиспаник вытряхнул раскалённый блин на решётку и взялся за его остывающего собрата. Который безропотно принял в свои распротёртые объятия большую ложку риса, другую – чёрных бобов, помидоры с луком, кусочки авокадо, мелко нарезанную курятину, острый перец джалапино, ещё какие-то белые, зелёные, красные соусы и приправы. Всю эту разноцветную всячину хиспаник аккуратно закатал в блин, обернул салфеткой и поместил на бумажную тарелочку.

С двумя ароматными свёртками Павел вернулся к столику, где ждала Вера.

– Угощайтесь, мадам! Латино-американское блюдо по имени «буритто».

– Вкусно! – Вера захрустела поджаристой корочкой. – Люблю южно-американскую кухню!

– Кулинары они отменные, – согласился Павел, – если бы только на этом всё не кончалось!

– Да ладно тебе, – сказала Вера, – люди как люди. Не хуже других.

– Разумеется, не хуже, вполне возможно, даже лучше – где-нибудь там у себя, в пампасах. Но к постиндустриальному обществу решительно не готовы! Хиспаники – они ж, в основном, чистокровные индейцы. Пробираются сюда, в Штаты, нелегально, притом без всякого образования, – так на какую работу им рассчитывать? Двадцать лет живут – языка выучить не могут! Вот этот амиго, – он кивнул на хиспаника, – думаешь, ботает по-английски?

– Чего это – «амиго»?

– Испанское: «друг», «приятель». На одно только и способны: буритты свои заворачивать. Или там – газоны косить, ямы копать. Спасибо, хоть не мусульмане!

– Так нельзя говорить, – неуверенно промолвила Вера, – это расизм!

– Вот-вот. Во-первых, по-русски здесь не кумекают, ну а ты не заложись. Во-вторых, – распаяясь, Павел отодвинул в сторону своё, или свой, буритто, – никакой это не расизм! Я ж не говорю, что они ниже всех прочих. Единственное, что я утверждаю: разные нации приспособлены к различным условиям. А в-третьих, – самое возмутительное: живём в свободной стране, а говорить открыто боимся! Свобода слова, ядрёна вошь! А всё почему? Потому – политкорректность! Да если хочешь знать, я против хиспаников вообще ничего не имею: большей частью – простые, порядочные ребята. А вот против наших либеральных, с позволения сказать, политиков, разваливающих страну, – накипело! – Он передохнул. – Ну-ка мы его сейчас проверим на вшивость... насчёт английского!

– Оставь, Паша! – Вера наморщила носик, – не трогай ты человека, ради Христа! Ну чего ты вяжешься?

Но Павел уже завёлся.

– Hi, amigo, – громко окликнул он хиспаника, – how many grades have you finished³⁸?

Хиспаник молчал, безо всякого выражения уставившись на вопрошавшего. По мере того, как затягивалась пауза, всё победнее глядел Павел.

– Одиннадцать! – ответил, наконец, амиго по-русски. – Среднюю школу номер два города Улан-Удэ с серебряной медалью закончил. – И, подумав, добавил. – Вот вы, товарищ, о политике рассуждаете, а у вас, я извиняюсь, ширинка расстёгнута!

---

³⁸ сколько классов ты окончил?

Александр Романов
Волгоград, Россия
дебют

Любовница

Они встретились на симпозиуме.

Андрею было сорок четыре, Свете пятьдесят два.

Она была его куратором, до этого они общались только онлайн – моментальные сообщения, почта.

Провели бриффинг, раздали материалы, Света рассказала о новых продуктах. Андрей показал образцы и рассказал о каждом из них подробно. Потом был фуршет. Заслушали представителей филиалов. Потом ресторан – за счет фирмы. После него баня.

В баню Света не пошла, сказала: муж ждет. Андрей тоже не пошел – отправился за ней. Знал, что она остановилась в гостинице, и знал, что никакого мужа там нет – ему сказала об этом организатор Аллочка.

Света открыла ему в халате. Он смутился – она смотрела спокойно и без всякого, как он надеялся, ожидания. Что-то между ними днем произошло – ему так показалось.

– Приготовил столько умных слов, – сказал он, – и все забыл.

Она молчала.

– Пойдем куда-нибудь? – предложил Андрей, помолчал и поправился. – Пойдемте.

Она продолжала молчать. Он решил, что терять ему уже нечего и быстро сказал:

– Послезавтра я уезжаю. Всю жизнь я такой – хожу долго кругами, присматриваюсь. А тут решил вдруг...

– И я, – сказала она

– Что?.. – не понял он.

– И я послезавтра уезжаю.

Они помолчали.

– Не хотел бы потом всю жизнь думать о том, что я мог, но не сделал, – сказал Андрей

– Ну пока вы ничего такого не сделали, – сказала она.

– Я на пути к тому, чтобы.

Он замолчал, давая понять, что ей самой нужно додумать, что должно было прозвучать после этого «чтобы».

Света сказала:

– Я сейчас.

И ушла в номер.

Потом вышла – уже в костюме.

Они спустились в бар. Заказали, выпили. Заказали еще.

Потом долго гуляли по городу.

Он расспрашивал Свету про нее. Про себя она не рассказывала – говорила про образцы. Он рассказывал о себе – немного и только самое, на его взгляд, интересное. Она слушала без всякого выражения. Он даже подумал: «Правильно про нее говорят – бесчувственная. Я про нее себе все насочинял».

Он проводил ее в гостиницу.

Зашел в номер – она его не приглашала, но вроде и не возражала. Поцеловал ее. Она не отстранилась, но и не ответила. Он снял с нее блузку – она молча и бесстрастно смотрела куда-то ему в нос.

Он уложил ее на постель, помедлил, и погасил свет.

Утром на совещание они вышли вместе. Потом он отстал и пошел другим путем.

После совещания Андрей пришел к Свете в номер. Она впустила его, держа у уха телефон – по разговору Андрей понял, что на том конце муж.

– Нет, приезжать не надо, – сказала она. – Давай в следующий раз. У меня изменились обстоятельства.

Так и сказала – «изменились обстоятельства».

Не кладя трубку, начала раздеваться. Сбросила юбку, трусы. Блузку. Лифчик.

Сделала рукой приглашающий жест – Андрей, опасливо косясь на телефон, разделся.

Света выключила свет, сказала в трубку:

– Приезжаю завтра в шесть тридцать. Встречай.

Нажала отбой и подошла к Андрею вплотную.

На вокзале он не знал, что ей сказать. Что ему было хорошо и он хочет увидеть ее еще? Что он будет скучать? Что они могли бы быть вместе, если бы не?

Она пожала ему руку, сказала коротко:

– До понедельника.

Как будто они и правда увидятся на работе в понедельник.

Зашла в вагон.

В окно выглядывать не стала, и Андрею пришлось оббежать поезд, чтобы увидеть ее купе. Она сидела у окна и смотрела в стол. Внутри у него все сжалось, он крикнул:

– Света!

И замахал руками.

Света посмотрела на него, кивнула и опять стала смотреть в стол.

Он подумал: правду про нее говорят.

И ушел.

В понедельник Андрей как обычно прислал ей отчеты. Она как обычно прислала ему графики и дайджест новинок.

Он стал писать ей каждый день. Света отвечала – как правило, односложно.

Через шесть месяцев он сказал, что приедет к ней. На три дня. Остановится в гостинице – дата, время, адрес гостиницы.

Она написала:

– Приезжайте.

Он сказал жене, что едет на симпозиум, и уехал.

Света сказала мужу, что едет в командировку за Урал, пешком дошла до гостиницы Андрея и сняла там номер.

Он приходил к ней в обед, уходил утром. Любовью занимались они в темноте – хотя он часто спрашивал разрешения включить свет. Она не разрешала. Она аккуратно снимала одежду, вешала на плечики. Строго смотрела на него, словно следила за тем, чтобы он тоже делал все аккуратно. Он раздевался по ее примеру спокойно и не торопясь, хотя внутри у него все бурлило.

Она по-прежнему называла его на «вы». Он очень хотел сказать ей «ты», но не решался.

Света рассказывала ему про их новинки, он рассказывал ей о себе – уже не выбирая, все подряд. Расспрашивал про нее. Про себя она говорить не желала и вместо этого рассказывала ему про их филиалы, про тех, кто там работает сейчас, работал раньше и будет работать в скором будущем.

На вокзале она пожала ему руку, развернулась и пошла к выходу. Он подумал, что, наверное, любит ее. Подумал было догнать и сказать, а еще спросить, любит ли она его, но посмотрел на ее прямую ровную спину и передумал.

Через полгода он приехал снова.

Они снова сняли гостиницу – два разных номера. Он приходил в обед, уходил утром. Ночью они занимались любовью. Раздевались, выключали свет, ложились в постель – делали это уже почти синхронно.

На вокзале он сказал, что любит ее.

Она ничего не сказала, пожала ему руку и ушла.

Андрей приезжал к Свете каждые полгода в течение шести лет.

Осенью в начале октября и весной в начале апреля.

На седьмой год в апреле он не приехал. За полгода до этого ее сделали заместителем генерального, и переписывались они теперь редко. Писал, как правило, он – но последние два года про себя ему рассказывать стало нечего, а про других ему было неинтересно – так он ей объяснял. Телефон она знала только его рабочий, но никогда по нему не звонила – они все вопросы решали перепиской. Даже фамилию она его не знала. Андрей Сергеевич и все.

По рабочим вопросам они теперь не пересекались вообще.

Она подождала до конца апреля. Потом до конца мая.

Потом прошло лето – на море ехать она категорически отказалась, чем очень удивила мужа.

Каждый день в сентябре у нее начинался одинаково – она проверяла почту и спрашивала у личной секретарши, не было ли звонков или сообщений от Андрея Сергеевича – даже если приходила в понедельник и раньше секретарши.

Он не написал ни в сентябре, ни в октябре – она прождала весь месяц, и две последние недели ходила каждый четный день на вокзал встречать поезд, на котором он обычно приезжал.

Первого ноября она позвонила в его офис.

Там ей сказали, что десять месяцев назад Андрей Сергеевич умер. Что-то с почками. Застудил в поезде, вроде.

Света прямо так, с чем была и в чем была, поехала на вокзал. Купила билет. Просидела в зале двенадцать часов, ожидая поезд. На звонки она не отвечала, домой ей идти не хотелось – она не знала, что будет там делать и что будет говорить.

В его город поезд прибыл вечером.

Она отправилась к нему домой. Адрес она знала – сказали в его офисе. Жену его звали Василина Ивановна – об этом ей тоже сообщили.

В дверь постучали.

Василина Ивановна пошла открывать.

Полчаса назад ей позвонила женщина, назвалась коллегой ее мужа и спросила разрешения приехать – она в городе проездом, сама из головного офиса, часто общалась с Андреем Сергеевичем по работе, потом ушла на повышение и о том, что случилось, узнала только сейчас. Случайно.

Василина Ивановна сразу решила, что это та самая, к которой ее Андрей мотался два раза в год. Он говорил, что ездит на симпозиумы, и она ему верила – он никогда ей не изменял, но после того, как его не стало, вдруг засомневалась. Дошли кое-какие слухи. Говорили, что любовница его, хоть и старше ее мужа, но выглядит потрясающе. Ей ни за что не дашь даже сорока.

Эти полчаса Василина Ивановна готовилась к встрече. Не то чтобы она хотела скандала, но встретить любовницу должна была во всеоружии. Она одела лучшее свое платье, затянувшись предварительно в корсет, вымыла и уложила волосы, накрасилась. Она даже успела сделать эпиляцию – хотя не делала этого уже лет семь.

Открыла дверь и поняла, что готовилась напрасно.

Перед ней стояла хорошо одетая старуха. На вид ей было лет восемьдесят, если не больше. Губы ее тряслись, руки дрожали, белки глаз были все в красных прожилках. На ней была короткая дорогая шубка, деловой костюм и кожаный берет.

Василина Ивановна вздохнула с облегчением. Очевидно было, что никакая это не любовница, – возраста та была как мать Андрея. Она была именно та, за кого себя выдавала, – коллега по работе, с головного офиса.

Василина Ивановна пригласила женщину войти.

Та сказала, что ее еще ждут остальные – они поедут группой, а поезд у них отходит через два часа. Василина Ивановна назвала номер места, объяснила, как проехать. Кладбище было недалеко, до него можно было дойти пешком. Край забора его был виден из окна. Сказала, что сама пойти не может – ей нужно на работу.

Коллега поблагодарила и ушла.

Через два дня Василина Ивановна шла вдоль кладбищенского забора. Увидела в проезде между могил стоявших полукругом людей и машину скорой помощи.

– Она давно там сидела, я еще вчера ее тут видела, – сказала полная женщина.

– Не хотела уходить, – покивал головой высокий парень. – Я ей говорю – холодно, идите домой. Она – ни в какую.

Василина Ивановна прошла мимо. Мельком увидела лежащий на земле кожаный берет и шубку.

Подумала, что где-то уже это видела, притом совсем недавно, попыталась вспомнить где, – не смогла.

Еще раз посмотрела на людей, на «скорую», вздохнула, подумала, что надо бы навестить могилу мужа, перекрестилась, и зашагала дальше.

Яков Фрейдин
США

Тени забытых предков

Где-то лет 35 назад, весенним утром в моём доме в Нью-Хэйвене, что на восточном берегу Соединённых Штатов, зазвонил телефон. Голос с сильным испанским акцентом сказал по-английски:

– Мистер Фрейдин? Я звоню из Мадрида. У меня фамилия, как и у вас, тоже Фрейдин, Манюэль Фрейдин, хотя написание чуть другое. Вы пишете свою фамилию по-английски *Fraden*, а я на франко-испанский манер – *Fradin*. Я составляю генеалогическое дерево моих предков и хотел у вас узнать, не родственники ли мы с вами?

– Ну давайте сравним родню, может найдём какие-то пересечения, – ответил я.

Я стал перечислять своих родственников со стороны отца, а он своих. Так мы перебрали всех, кого помнили, но общих не нашли, и вдруг Манюэль спросил:

– Погодите-ка. Ваше имя ведь Яков? А вы случайно не еврей?

– Да, – ответил я, – но совершенно не случайно. Надеюсь не сильно этим вас огорчил.

– Ну тогда мы с вами родственниками никак быть не можем, – сказал Манюэль. – Я своих предков изучил почти за два столетия – мы все католики. В наполеоновские времена в нашем роду был даже французский кардинал.

– Что ж, извините, – сказал я, – тут ничем помочь не могу. Значит, мы не родня. Рад был с вами побеседовать, дорогой однофамилец.

* * *

Мы сидели в подаче на эмиграцию уже месяца три, когда я спросил своего отца:

– У дедушки ведь где-то в Америке должны быть родственники. Ты не знаешь где? Если нас выпустят и мы окажемся на Западе, было бы интересно их разыскать.

К тому времени моего деда уже более 20 лет не было в живых. Отец ответил:

– Я про них ничего не знаю. Где-то в 20-е годы, когда мы ещё жили в Чернигове, дед получал от своего брата из Америки письма и фотографии, но потом всё сжёг – боялся, если узнают о родственниках за границей, отправят куда Макар гусей не гонял... Когда он умер, я все его бумаги перебрал, там ничего о его американском брате не было.

– Значит никак не найти? Может у твоей родни что-то сохранилось?

– Кто знает? Вот ты свяжись с моим дядей Шайей, он мне как-то говорил, что ещё до войны он все старые документы и фотографии закопал в огороде, так, может, он их выкопал, когда вернулся домой в Чернигов из эвакуации? Ты с ним поговори, пока он жив...

Тогда я решил поехать в Чернигов, город, где жили многие поколения моих предков со стороны отца. Гражданская и мировые войны многих из них убили, иных раскидало по стране и в Чернигове доживал свой век лишь одинокий старик Шая.

Я прилетел в Киев, а оттуда автобусом доехал до Чернигова – тысячелетнего города на берегу Десны. От автобусной станции пешком дошёл до домика-развалюхи, где жил старик. Он меня ждал с обедом. К моему приезду Шая сходил на рынок, накупил продуктов и сам сварил довольно вкусный борщ. Потом, несмотря на свои 88 лет, сказал, что хочет показать мне Чернигов. Оказался он довольно ходячим, хотя и сильно прихрамывал. Мы с ним около часа гуляли, и он мне с любовью про свой город рассказывал. У Пятницкой церкви я несколько опешил, когда Шая сказал мне, что она 12-го века. Церковь сияла новеньким розовым кирпичом, и вид у неё был совсем молодой, ну от силы лет 10, хотя архитектура действительно старинная. Старик засмеялся:

– Ты прав, она хоть и старинная, но совсем свежая. Тут большой местный начальник лет эдак 15 назад решил себе построить за городом дачу, с размахом. Ему понадобился хороший кирпич, вот он приказал эту церковь снести, чтоб из её кирпича себе там хоромы возвести. Но не учёл, дурак, что за 800 лет кирпич стал крепче железа. Ломали, взрывали, в пыль всё перемололи, но годного кирпича так и не набрали. А потом местные краеведы написали на него телегу в Москву, на самый верх, что он памятник старины разрушил. Там разобрались, ему выговор вlepили и велели эту церковь за его же счёт восстановить. Ну, построили её заново, но уж из нового паршивого кирпича. Не чета старому, так я думаю, она ещё 800 лет никак не простоит, это я тебе обещаю.

Тут я перешёл к цели моего приезда:

– Дядя Шая, а что вы знаете про брата моего дедушки? Я слышал он в Америку уехал.

– Правда, уехал. Если хочешь, я тебе расскажу, что помню. Когда в 14-м году началась германская и всех, кто по возрасту подходил, стали в армию забирать, дедушка твой, Юдка, пошёл

на войну и там до 17-го года честно воевал. А брат его тогда только-только женился и ему от молодой жены никак уходить на войну не хотелось, да и за царя-батюшку, антисемита проклятого, ему тоже умирать было неинтересно. А может, это она, жена то есть, его надоумила. Вот они вдвоём сели на поезд и, каким уж путём я не знаю, смогли добраться до Турции, а оттуда на пароходе уплыли в Америку. Пойдём домой, я тебе фотографии покажу. Он нам оттуда писал, года до 35-го, а потом письма перестали приходить.

– А как же вам удалось сохранить письма и снимки? – спросил я.

– Когда в 30-е годы стало опасно иметь родственников за границей, наша родня стала все такие бумаги в печку кидать. А мне было жалко память сжигать, думал, вот ты когда – нибудь приедешь и спросишь. Тогда я сложил все бумаги в жестяную коробку, унёс в лес, нашёл приметное место и там закопал. Потом война началась, меня сразу в ополчение забрали, для армии я уж стар был. Но я там долго не был. Меня в августе бомбой контузило, и в ногу ранило. Повезло однако: вывезли в тыл, в госпиталь, там вылечили, но на войну больше не отправили – я долго ходить не мог, да и сейчас, как видишь, хромой. После войны я вернулся и коробку выкопал.

Когда мы с Шаем пришли обратно в его домик, он забрался на скамеечку, достал с верхней полки серванта чашки-блюдца, а за ними лежала облезлая жестяная коробка из-под леденцов «Монпансье». В коробке оказались письма в конвертах с американскими марками на 5 центов, несколько чёрно-белых фотографий, маленькие открытки с видами Филадельфии и ещё много разных бумаг. На конвертах стояло имя отправителя: Harry Fraden. На снимках были изображены элегантный седоголовый господин и четверо улыбчивых ребят в шортах. Старик пояснил:

– Вот это и есть брат твоего деда, его в Америке стали звать Гэри, а фамилию он стал писать на английский лад. Эти ребята – его сыновья, в Америке родились. На обратном адресе, видишь, написано, что они жили в штате Флорида, в городе Джексонвилль, а где сейчас, я и не знаю. С тех пор писем не было. Гэри про их жизнь в Америке писал. Нам это всё в диковинку было. Как будто из сказки.

Шая открыл один конверт и достал письмо, оно было написано какими-то знаками, как мне тогда показалось, похожими на рыболовные крючки.

– Он письма писал на идише, – пояснил Шая, – ему так было проще. Если хочешь, я тебе переведу.

В письме Гэри рассказывал, что их пароход пришёл в Нью-Йорк в начале декабря 14-го года. Было холодно, дул сильный ветер, и шёл мокрый снег. Это ему не понравилось и он сказал своей молодой жене: «Я не для того приехал в Америку, чтоб мёрзнуть в снегу». Они сели на поезд и поехали на юг. Через день поезд остановился в Релей, Северная Каролина. Было теплее, и шёл дождь, но снега не было. Гэри сказал: «Уже лучше, но ещё не хорошо». Они вернулись в вагон и поехали дальше на юг. На следующий день поезд остановился на станции города Джексонвилль. Было тепло, и светило солнце. Гэри сказал: «Вот это то, что надо! Будем жить здесь!» Так они и поселились во Флориде.

– Жаль, – сказал я, – что в 14-м году мой дедушка не сообразил тоже уехать в Америку, как его брат, а ушёл на войну.

– Так ведь у него тогда ещё не было умной жены, которая бы подсказала, – усмехнулся Шая. – Твой дед на войне храбро воевал, звание фельдфебеля получил, что для еврея совсем непросто было. В 17-м году его часть отозвали с фронта и перевели в Петроград для охраны Временного Правительство. Они в Зимнем Дворце стояли, а когда большевики дворец захватили, вскоре его часть распустили. Он бороду сбрил, штык в землю, немного в Питере покуралесил – за три года на войне стосковался по гражданке, а потом домой в Чернигов уехал.

Я много позже ему сказал: «Ты, Юдка, плохой солдат». Он надулся и отвечает: «Что значит плохой? Я на фронте на рожон не лез, но и за спинами других не прятался. Нормально воевал». Я тогда говорю: «Да я не о фронте. Ты вот почему Зимний Дворец не удержал? Был бы ты хороший солдат, не сдал бы дворец матросам и вся наша жизнь без этой революции могла бы по другому сложиться». Он только посмеялся: «Да какая, – говорит, – революция! Не было никакой революции! Перепилась вся солдатня из охраны – вина во дворце было залейся, да с девками из женского батальона и медсёстрами из дворцового госпиталя позабавились – вот тебе и вся революция».

Он потом, когда в Чернигов вернулся, большим гулякой стал, в карты играл, всю свою жизнь в разнос пустил, пока его твоя

Юда Фрейдин в Петрограде (1917)

бабушка Берта не встретила и к рукам не прибрала, а потом на себе женила. Она лет на пять старше его была. Он у неё сразу как-то утих, играть бросил, работать стал и всё наладилось. Любил он её сильно.

Слушая старика, я перебирал в коробке письма, какие-то документы начала века, нашёл там старые семейные фотографии на картонках и несколько царских сторублёвок. На самом дне лежал грязно-жёлтый плотный листок с витиеватым текстом латинскими буквами. Листок был похож на пергамент и явно очень старый. Я поднёс его к окну на свет и с трудом разобрал начало текста: «...Le 13 juillet 1496, Bernart Fradin de la ville de Saint-Jean-d'Angély, comme héritier à cause de sa femme...» Это было по-французски, я смог перевести архаичные слова, а вернее, больше догадался, чем перевёл: «...13 июля 1496 года, Бернарт Фрейдин из города Сен-Жан-д'Анжели, в качестве наследника своей жены...», а дальше я понять не мог. Этой записи было почти 500 лет, но меня больше поразило то, что там была наша фамилия, хоть и на французский манер!

– Дядя Шая, – спросил я, – что это такое? Откуда у вас этот пергамент?

– Не знаю, – ответил он, – я его нашёл очень давно в бумагах моего покойного дедушки. А откуда это у него – кто теперь может знать? Решил сохранить. Ты можешь это прочитать?

– Нет, это старый французский язык, а я и новый-то не очень. Ты мне можешь дать его с собой? Может я найду кого-нибудь, кто сможет прочесть.

– О чём речь! Ты вообще всё, что тебе интересно, отсюда заberi. Мне это уж ни к чему. После меня ведь пропадёт.

Я поблагодарил старика, забрал американские снимки и старинный пергамент. На следующий день я уехал домой. Где-то через месяц мы с женой получили разрешение, а ещё через десять дней навсегда покинули Советский Союз. Везти с собой через границу старинный пергамент было рискованно – если его найдут на таможне, не только отберут, но и неприятности могут быть большие. Тогда я придумал такой трюк: в писчебумажном магазине купил пустой кляссер для коллекции марок. Аккуратно расклеил один из картонных листов, вложил в середину пергамент и заклеил обратно. Выглядело совершенно невинно. За день до отлёта из Союза, я запаковал кляссер в большой конверт, пошёл на Московский почтамт и отправил его в Вену на своё имя «до востребования». Риск конечно был – мог пропасть, но разве вся наша жизнь – не риск? Где-то через пару недель после прилёта в Вену я на центральной почте получил свою посылочку с пергаментом в целости и сохранности.

* * *

После приезда в Америку, в первые годы было как-то не до предков – надо было свою жизнь строить сначала. Работали, учились, детей растили. Однажды я решил узнать, живут ли ещё во Флориде родственники моего дедушки? В публичной библиотеке Кливленда, где мы тогда жили, я нашёл телефонную книгу города Джексонвиль и обнаружил там несколько человек по фамилии Fraden. Я выбрал по алфавиту первого из них Эйба (Abe) и позвонил. Он страшно удивился, когда я сказал, что я, возможно, его троюродный племянник, и спросил:

– А есть ли у вас какие-то доказательства, например, письма или фотографии?

Я сказал, что у меня есть старый снимок Гэри Фрейдина с сыновьями. Эйб попросил, чтоб я снимок ему прислал и обещал вернуть. Так я и сделал, а дня через три он мне позвонил и радостно сообщил: «Это мы!». Вскоре мы съездили к нему в

гости в Джексоувиль и он познакомил меня с братьями и сестрой. Их отца Гэри уже не было в живых, но в старческом доме ещё жила их мать, которая приехала в Америка в 1914 году. Эйб спросил, не хотел бы я с ней познакомиться, и я согласился. Мы приехали в этот дом, я остался подождать в вестибюле, а Эйб пошёл за ней на второй этаж, но вначале предупредил меня, чтобы я особенно её словам не удивлялся – у неё старческой маразм. Вскоре я увидел старуху с палкой, спускающуюся по лестнице. Увидев меня, она вдруг остановилась, замерла и по-русски громко сказала: «А я вас знаю! Вы брат моего мужа!». Я действительно похож на моего деда, а в её затуманенном мозгу смешались люди, времена и страны. Но больше всех был поражён Эйб – он и не знал, что его мать может говорить по-русски. К сожалению, мои вновь обретённые родственники ничего о своей родне не знали и заводить с ними разговор о французском пергаменте из Чернигова смысла не было.

* * *

Через несколько лет, когда мы стали ездить в Европу, я опять вспомнил о старом пергаменте. Прежде чем что-то выяснять, сперва надо было его прочитать, но для этого моего французского было явно недостаточно. Мы тогда жили около Йельского университета, и я пошёл в библиотеку старинных рукописей. Там мне указали на специалиста по кельтским и французским манускриптам, и я показал ему этот листок. Он предложил его оставить на недельку и обещал, что постарается разобраться. Когда я зашёл снова, эксперт сообщил мне, что это подлинный отрывок из завещания и подал мне отпечатанный на машинке перевод. Вот он:

«...13 июля 1496 года, Бернарт Фрейдин из города Сен-Жан-д'Анжели, в качестве наследника своей жены и будучи единственным и полноправным владельцем шато Фрейдин-Белабр, всего имущества в нём и 1400 золотых экю и примыкающих к шато угодий и шести невольных слуг, и находясь в здравом уме и обращая душу свою к Создателю Господу Нашему Иисусу Христу и славной Деве Марии, повелеваю предать моё тело земле в церкви Ностр-Дам-де-Пюи и завещаю все свои владения нашей досточтимой дочери Иветт и её потомкам, и также повелеваю лишить каких либо привилегий и владений и проклиная во веки моего богопротивного сына Гийома, вопреки воле нашей

принявшего веру иудейскую и покинувшего...». Вот и всё, что было на пергаменте.

Как интересно получилось без малого 500 лет назад! Этот строптивый Гийом порвал с роднёй, потерял наследство и решил стать евреем. Станный и небезопасный переход в гонимую веру в те далёкие, да и в более близкие к нам времена. Поступок совершенно неординарный! Что его к этому подтолкнуло, какая невероятная сила на него повлияла? И как завещание его отца оказалось в бумагах моих родственников? Вот бы узнать!

В нашу следующую поездку в Европу, мы с женой решили попытаться что-то выяснить. Единственной зацепкой был город Сен-Жан-д'Анжели. Мы его на карте Франции довольно быстро нашли – он оказался на север от всем известного городка Коньяк. Интернета в те годы ещё не было и разбираться надо было на месте.

Путешествуя на машине по Бретани и двигаясь всё южнее, мы доехали до порта Ла Рошель, из которого Д'Артаньян плыл через Ла-Манш в Англию за подвесками королевы, а оттуда уж не так далеко и до Сен-Жан-д'Анжели. Это оказался чудный, провинциальный городок с современной архитектурой, стандартными магазинами, воскресным базаром в центре, но и несколькими довольно старыми зданиями. Впрочем, побродив по улочкам с путеводителем в руках мы не нашли ни одного строения старше 17 века, так что надежда увидеть фамильное шато, что упоминалось в завещании, быстро испарилась. Всё же пять столетий – не шутка. Мы нашли гостиницу в центре и, когда я подал свой паспорт, парень за стойкой сказал:

– Ого, у мсье почти такое имя, как и у меня!

Оказалось, что парня зовут Honoré Fradin и он сообщил мне, что в городе у него куча родственников с такой же фамилией. И действительно, в гостиничном номере была телефонная книга, а в ней оказалась целая страница с разными Fradin обоюбого пола. «Что ж, – подумал я, – начало неплохое. Надо бы с кем-то из них познакомиться, может что-то узнаю». Но с кем? Тогда я решил выбрать своего полного тёзку, которого звали Jacques Fradin, то есть по-русски Яша Фрейдин. Я ему позвонил из гостиницы, он сначала не понял, чего от него хотят, но когда я ему на своём корявом французском объяснил про пергамент, он заинтересовался и мы договорились встретиться в кафе. Жак оказался работником муниципалитета (что-то по водоснабжению) примерно моего возраста. Он сказал, что его

родня живёт в этом городке уже много поколений, как это во Франции часто случается. Он, конечно, знает про своих дедушек и бабушек и даже их родителей, но если меня интересуют совсем уж давние времена, то самое разумное это пойти в городской музей. Туда я и направился следующим утром.

Музей был небольшой, совсем старинных экспонатов там было мало, поэтому когда директор музея мадам Ж. увидела у меня пергаментный листок, глаза у неё загорелись и она поинтересовалась, не хочу ли я его продать музею? Я сказал, что пришёл к ней по другому поводу – меня интересует судьба человека по имени Guillaume Fradin, который жил в городе в конце 15-го века. Она пожала плечами и сказала, что это лучше поискать по старым церковным книгам и процесс этот не только очень долгий, но и невероятно сложный. Но вдруг она неожиданно просияла и сказала:

– Фамилия Fradin в городе известная, и мне кажется, в нашем хранилище я видела книгу об этой семье. Мне нужно время, чтобы её найти, зайдите к вечеру, может, вам повезёт.

Когда я появился у неё в кабинете перед закрытием, она протянула мне книгу в пожелтевшем переплёте. На обложке было название: «*Фрейдины. Шесть столетий их истории, 1901 год издания*». На обложке изображён семейный герб – три грозди винограда под королевской короной. Я книгу полистал, там была масса имён, титулов и жизнеописаний начиная с 13-го века и до конца 19-го, и я понял, чтобы мне с этим разобраться (книга ведь по-французски), не то что дня, но и месяца будет мало. Я спросил:

– Мадам Ж., могу ли я где-то купить экземпляр этой книги?

Она пожала плечами и ответила, что книге почти 90 лет и найти её можно разве что у букинистов, если сильно повезёт. Тогда я довольно нагло сказал:

– А давайте поменяемся. Я вам этот пергамент, а вы мне – книгу.

Она вздохнула и сказала, что рада бы, но на это у неё нет прав, книга в фонде музея. Но она предлагает другое решение: я передаю в дар музею мой пергамент, а она к утру переснимет мне эту книгу на микрофиш. Мне ведь не обязательно иметь оригинал – важен текст. Я согласился, отдал ей пергамент, а следующим утром, когда я опять пришёл в музей, она протянула мне конверт, где лежали прямоугольники негативов со снимками страниц всей этой книги.

Мы вернулись в Америку и в течение следующего года, когда у меня выделялась свободная минута, я брал словарь, заряжал микрофиш в специальный проектор и читал эту книгу. Из неё я узнал совершенно удивительные вещи, которые под стать перу великого Дюма, ну а мне по силам лишь их кратко пересказать.

* * *

Автором книги был Luis Fradin de Belabre, вице-консул Франции. Она начиналась с введения: *«История семейства Fradin de Belbre или Bellabre, чьё земное имя пишется таким образом, была изначально составлена для установления законных владений и записана в три приёма: 22 февраля 1698 года, 29 июля 1744 года и 24 мая 1773 года на основе ценных бумаг, восходящих к началу 14 века. Поскольку Fradins владели землями Fraisines, то можно предположить, что имя Fradin произошло от латинского Fraidinus, а оно, в свою очередь, от Fraxinus означающего ясень. А потому первоначально на старом гербе рода, обгорелые остатки которого ныне хранятся в музее Вены, были листья ясеня, впоследствии заменённые на стебли винограда. Право иметь корону на гербе было даровано роду Fradin королём Филиппом VI Валуа за помощь при возведении его на престол».*

Затем шли самые разные и малоинтересные мне документы: купчие, свидетельства о браках, рождений и смертей членов семейства, а также множество преданий и рассказов о их жизнях. Но вот на одной странице я нашёл то, что искал – упоминание о рождении 2 апреля 1472 года мальчика Гийома, а через несколько страниц приводилось романтическое предание о том, как в 1492 Гийом возвращался домой из Ла Рошели, куда ездил по поручению отца. На дороге он увидел необычно одетую группу странников, отбивающихся от грабителей. В те времена дорожный разбой был обычным делом. Гийом и его слуги обнажили шпаги, отогнали разбойников и предложили странникам проводить их до города. Путники говорили на незнакомом ему языке и были они, похоже, одна большая семья – мужчины, матери с младенцами, дети и старики. Один из стариков слабо, но мог говорить по-французски и сказал, что они все иудейской веры и направляются из испанских земель на север.

Всё же не зря французы говорят, что в каждом поступке следует *Cherchez la Femme*. Так и получилось. Среди семьи

странников выделялась молодостью и красотой девушка лет 15, и молодой дворянин не мог отвести от неё глаз. Что произошло после можно только догадываться, ибо в книге об этом ничего не сказано. Но из пергамента, что мне дал старик Шая, мы уже знаем, что Гийом был человек смелых решений – он покинул родной дом и перешёл в иудейство, скорее всего чтобы на ней жениться.

После притчи о разбойниках и еврейской красотке в книге следовали другие истории, мне неинтересные, вплоть до следующей главы, многозначительно названной «Autre Branche» («Другая Ветвь»). Там скупо говорилось, что в городе Лион отпочковалась от рода Fradin иудейская ветка, где от Гийома и его еврейской жены пошло многочисленное потомство. Об их жизни в Лионе ничего не рассказывалось и за последующие годы никаких ни имён, ни документов в книге приведено не было. Но вот за 1573 год появилась новая запись о том, что, после Варфоломеевской ночи во Франции во всю мощь развернулась Инквизиция в борьбе против гугенотов, еретиков и иноверцев. Аутодафе дошло до Лиона и перед евреями поставили выбор: перейти в веру Римской церкви или уйти из города. Так произошло ещё одно разветвление рода – часть еврейских Fradin крестилась и вернулась к вере предков из Сен-Жан-д'Анжели. Другая часть осталась верна иудейской религии, покинула Лион и двинулась на восток. Ничего далее об этой еврейской ветви в книге сказано не было, но зато о потомках тех, кто крестился – много интересного. Среди них появились купцы, ремесленники, богословы, священники, военные, был даже мэр Лиона, а в конце 18 века один из них стал французским кардиналом, принявшем имя Луи-Жозеф (тут я вспомнил тот звонок из Мадрида – круг замкнулся). Когда Наполеон стал императором, полковник Jean Fradin получил из его рук звание генерал-лейтенанта. Он участвовал во всех наполеоновских войнах и даже в русском походе, о котором он в 1826 году написал книгу «Русская кампания Наполеона Бонапарта». Вот и всё, что я узнал о далёких предках моего отца из той старой книги.

* * *

Где-то лет 12 назад, я получил email от некоего господина из Флориды по имени Walter Fradin. Он интересовался, не родственник ли он мне и спрашивал, не хочу ли я сделать DNA тест, чтоб определить есть ли между нами генетическая связь?

Там же спрашивал, знаю ли я что о других моих родственниках. Когда я написал ему, что мои самые близкие родственники тоже живут во Флориде, в Джексонвиле, он обрадовался и заявил, что никакой тест делать не надо, так как он уже сделал такой тест с ними и было точно установлено, что они родня. Потом он позвонил мне и рассказал, что после того, как за 20 лет до того он вышел на пенсию – он решил заняться изучением своей родословной. Причём, занялся этим весьма серьёзно – вёл обширную переписку, ездил по разным странам, в поисках документов сидел в архивах Лиона и даже поехал на Украину в Чернигов, где смог найти какие-то документы в музее и архиве. Он выяснил, что когда в 16-м веке инквизиция вынудила еврейскую ветвь семьи покинуть Лион, они двинулись на восток и после долгих странствий осели в старинном городке Чернигове, который в те времена входил в состав Литовского Княжества. Там они и жили последующие 350 лет, пока в начале 20 века не стали разлетаться по миру. Видимо, из каких-то документов они знали, как в стародавние времена писалась их фамилия латинскими буквами, ибо те из них, кто осел в Европе опять стали носить имя Fradin, а те, кто уехал в Америку, стали Fraden. Да и я сам, когда приехал в США в 1977 году, решил взять то же написание, что и у моей флоридской родни.

Вот такая история с историей.

Макс Неволошин

Сидней, Австралия

Шла Шаша по шоссе

Шоссе Юрга-Кемерово похоже на фантастический коридор. Особенно в шесть утра, перед рассветом. Тёмные стены

деревьев, упёртые в потолок. Что-то хвойное, на лапах ошметки снега. Лапы тянутся ко мне, коридор сужается до еле заметной лазейки. Там аэропорт и рейс на Москву в 8.40. Но мне туда не попасть.

Самое время проснуться.

Иногда в ночных кошмарах я оказываюсь там, где быть мне вовсе не следует. Например, посещаю географическую родину, естественно, без документов. Сюжет знакомый – появляется милиция. Я убегаю, они догоняют, сейчас начнут бить. Вдруг – спасительная мысль: какого чёрта я здесь делаю? Зачем припёрся сюда? У меня квартира в Сиднее, жена, работа, долги, наконец. Отвечай, ну?! Бессознательное мечется в поисках ответа. И, обессилив, даёт проснуться.

А может, это был не лес, а поле? Русское поле. Заснеженная пустыня, унылая, как растительность на горизонте. Холодное утреннее небо, шоссе из большой головы Стивена Кинга. Развилка. Налево – аэропорт. Направо – пёс знает что. Прямо – тем более.

Точно – поле, вернее степь. Или тундра. А лес – это на Урале. Память у меня не то, что раньше. Раньше – ей-богу, не вру – страницу английского текста запоминал с одного прочтения. Двадцать бессмысленных слов мог воспроизвести в любом порядке. Экзаменаторы в институте военных переводчиков сказали «unbelievable». Всё равно прокатили – не по сенькью шапка. Большинство абитуриентов – генеральские детишки, но пацаны хорошие. Я с одним в болоте тонул. Дёрнули на танцы в самоволку. Местные нас вычислили и пытались набить лица, рефлекс у них такой. Мы – бежать, они – за нами. Загнали в болото. Выбирались, как Мюнхгаузен и его лошадь. Ладно, отдельная история, расскажу в следующий раз.

Конечно, я знал, почему оказался на шоссе: из-за денег. Вся жизнь – погоня за длинным баблом. У меня была редкая тема по дошкольной психологии. Плюс всякие штуки, освоенные в мюнхенском детском центре. Какая тема – не важно. Важно, что за неё в середине девяностых платили зеленью. А складно выступить по ней в России умели четверо. И трое из них выезд за МКАД полагали ниже своего достоинства.

Командировками ведали начальник Гоша и его зам Дима. В какой-то момент Диме померещилось, что это он начальник, а Гоша – зам. Что должно финансово отразиться. Гоша был мягким

человеком, пока дело не касалось финансового отражения. Он разъяснил Диме всю глубину его ошибки. Затем партнёры обменялись эпитетами, после которых совместная работа невозможна. Затем месяц делили оргтехнику. Подумав, я решил остаться с Гошей. За это Дима получил от бывшего компаньона новый факс. Я и не подозревал, что стою так дорого.

Как-то Гоша звонит в середине мая:

– Хочешь заработать штуку баксов?

– Неа.

– Ты что, выпил?

– Шучу. Куда ехать?

– Лететь. В Юргу, послезавтра. С билетами проблем нет, я звонил.

– Это где? За полярным кругом?

– Где-то возле Кемерово. Тебе какая разница? Тридцать пять часов, штука налом, машина, гостиница, все дела. Заказчица – кучерявая...

– Хоть лысая.

– Это фамилия, балда. Записываешь? Кучерявая Елена Юрьевна. Владелица частного садика, отец – какая-то шишка в мэрии. Аккуратнее с ней.

– В смысле?

– В смысле без глупостей. И... образ жизни там веди поздоровее.

– Слушаюсь, ваше благородие.

Звоню. Уверенный женский голос всё подтверждает. Дневной рейс, четыре часа лёту, полтора на машине. К вечеру доберётесь, устроитесь. Утром начинаем занятия.

– Как у вас там погода?

– Плюс восемнадцать, не замёрзнете.

В Москве жара. Решил лететь в костюме. Прибыл в аэропорт, и началось. На два часа задерживается с вылетом рейс Москва-Кемерово. Борт не вылетел из Кемерово по техническим причинам. На три часа задерживается рейс Москва-Кемерово... На неопределённое время задерживается рейс... О вылете будет объявлено... Пришлось навестить бар. Потом ещё раз. Потом думаю: зачем вообще уходить отсюда? Бармен обещал разбудить, кресла мягкие. Перемены кресел я даже не заметил. Просыпаюсь уже в самолёте... тряхнуло. Вроде бы сели. Но в иллюминаторе что-то не так. Снег на полосе.

Снег.

- Ни хрена себе! – высказался кто-то в салоне.
- Обалдеть...
- Нас куда привезли?

Но уже подъехал трап, открылась дверца. Протянуло зимой. Ёжась, почти бегом мы устремились к аэровокзалу. В чёрном небе горели буквы КЕМЕРОВО. Интересно, думаю, будут ли меня встречать? Если нет, улетаю отсюда первым же...

Над головами встречающих заметил свою фамилию. Ниже – приятная особа в дублёнке. Без шапки и малейшего признака кучерявости. Более того – рыжая. Я хотел сосрить, но передумал. Представились, сели в белую Волгу, шофёр включил зажигание.

– Вы уж извините, – говорит Елена Юрьевна, – у нас так бывает. За ночь похолодало градусов на двадцать. Я вам курточку захватила. И кофе есть горячий, будете?

– Спасибо, потом. Ничего, если я посплю?

– Да ради Бога, я и сама вздремну. Устала как собака. С вечера вас ждём.

– Максим, просыпайтесь. Подъезжаем.

Я поднял веки и увидел Юргу. И в который раз удивился одинаковости своей необъятной родины. Часами летишь, а всё то же самое. Пятиэтажки с разномастными балконами. Одни застеклены, другие готовы упасть. Бельё коченеет на верёвках. Одинокие сутулые фигуры. Я знаю сотню похожих городков, да и сам в таком родился.

Здание гостиницы отдавало сталинизмом. Напротив, через площадь, – бетонный куб с широкой лестницей. Типичное убежище слуг народа от господ. Елена подошла к администратору и тотчас вернулась с ключом.

– Оформитесь позже, я договорилась. Зайду за вами через час.

И словно угадав мою внутриутробную гримасу:

– Максим, я знаю, что вы устали. Но... Переносить неловко, люди соберутся.

– Да ничего, Лена, спасибо. Всё хорошо.

Как я отчитал в тот день? Нормально. Курс-то знал на автомате, хоть в полночь разбуди. Плюс – симпатичные женские лица в аудитории, что, конечно, вдохновляет. И не просто симпатичные, а умные, живые. Казалось бы, откуда, из какого сора? А поди ж ты. Прочешите миллионный город Сидней и такой аудитории вряд ли наберёте. Именно это обстоятельство десять лет не позволяет мне гордиться своим моральным

обликом. Если б хоть малейший соблазн! Как стойко держался бы я.

От садика до гостиницы минут пятнадцать хода. Елена вызвалась проводить меня «на всякий случай». Немного рассказала о себе. Отец, действительно, вице-мэр, трудится в сером здании на площади. И куртка на мне с его вице-мэрского плеча. У меня от такой новости даже осанка изменилась. Подошли к гостинице. Елена говорит:

– Если будут спрашивать, откуда вы, не афишируйте, что из Москвы. У нас тут москвичей не очень.

– А кого у вас очень?

– Никого. Жизнь тяжёлая, народ злой. Вы где родились?

– В Самаре.

– Отлично. А по первому образованию кто?

– Учитель.

– Вот. Так и говорите. Учитель из Самары, приехал по обмену опытом.

– А если спросят, каким опытом?

– Не спросят.

Помолчали.

– Лена, – говорю, – а может, нам это... где-нибудь... по рюмке кофе?

– Да вы что, – глаза округлились, – меня полгорода знает. И муж ревнивый.

– А-а. Это меняет дело. Мужа расстраивать не будем.

– Хотите, я вам завтра почитать что-нибудь принесу?

– Спасибо. Если можно, книгу потолще.

– Достоевского любите?

– Очень.

Я умылся в номере и спустился в буфет. В ассортименте оказались котлеты домашние, яйцо под майонезом, чай из гранёных стаканов и водка из них же. Я взял сто грамм, котлету и чай. Спросил, можно ли отнести еду в номер.

– Можно, – плотная буфетчица разглядывала меня с любопытством. – Из Москвы?

– Почему из Москвы?

– По разговору. Все москвичи так говорят.

Это прозвучало с ненужной громкостью. Несколько человек за столами обернулись.

– Нет, – отвечаю, – из Самары. Приехал по обмену опытом.

Последнее вырвалось само.

– Поднос нужен?

– Спасибо, так донесу.

Донёс. Выпил, съел. Хотел включить телевизор – не нашёл. Пришлось заснуть.

Утром в буфете я обнаружил знакомые блюда и напитки. В дальнейшем они не изменились. Я взял яйцо под майонезом и чай. Вынес интимное приветствие буфетчицы. Всю жизнь тошнит от провинциального узнавания. Мне бы стать человеком-невидимкой. И чтобы процентов девяносто людей тоже стали невидимками.

– Закажи, наконец, очки, – говорит иногда моя жена, – ты же ничего не видишь.

– Всё, что мне надо (тут я целую её в щёчку), вижу очень хорошо. А остальное мне ни к чему.

По дороге в гостиницу отыскал телеграф, набрал Москву. Жена, конечно, знала о погоде.

– Тебе дали какую-нибудь одежду?

– Ещё бы! Куртку вице-мэра.

– Какого лицемера? Ты выпил, что ли?

– Что за вопрос? Я пашу, как мексиканец. Кую для семьи большие зелёные деньги.

– А шапку дали?

– Лапуса, здесь не так холодно. Около ноля.

– Сегодня же потребуй шапку. Иначе прилетишь больной.

Отужинав, завалился в койку с «Преступлением и наказанием». При всём избытке реализма сцена убийства мощнейшая. Я иногда думаю, кого это Фёдор Михайлович так сильно ненавидел?

Новое утро. Яйцо под майонезом, стылые улицы, работа. Ностальгический детсадовский обед. Компот из сухофруктов. Опять работа, холодные улицы, гостиница. Вечером бонус – сто грамм, котлета и Достоевский. Около девяти эту идиллию нарушили энергичные мужские голоса за левой стеной. Как минимум три. К одиннадцати они стали невнятнее и громче.

Я оделся и ждал, пока кто-то из соседей выйдет в туалет. Наконец хлопнула дверь, раздались шаги. У писсуара стоял крепкий человек в джемпере. Его легонько покачивало. Я пристроился рядом, он глянул вскользь. Молодой. Я сказал:

– Вы знаете...

– Знаю. Ты наш сосед из девятого. И мы тебе мешаем спать. Так? – он застегнулся и, не ожидая ответа, шагнул к умывальнику.

– Откуда дровишки?

– От верблюда. Работа такая. Ты, мужик, извини, но у нас сегодня праздник. Дело закрыли. Всех, кого надо, повязали и сами целые.

– Вы менты, что ли?

– Ага. Пойдём выпьем с нами. Неси, что у тебя есть.

– Ничего.

– Значит, так пошли!

– Ну, зачем? В чужую компанию...

– Пошли, пошли, всё будет ништяк, – он легонько подталкивал меня к двери с цифрой восемь. – Кстати, меня Толик зовут.

– Макс.

Выстуженный, кисло пахнувший номер. В форточку слоями уходит дым. Два парня за столом уставились на меня. Мордатые, подтянутые, хоть сейчас на кастинг.

– Это Макс, наш сосед. Ты проходи, знакомься, это Миша, Олег. Садись, бери вот – хлеб, колбаса, лук.

– И кто у нас сосед? – перебил Олег.

– Командировочный, – ответил я.

– Это понятно. А по жизни?

– Учитель.

– Чему учим?

Думаю, уйти, что ли? Сказать, мол, ребята, поздравляю, но остаться не могу. Болею, ангина, то-сё. Меня не стали бы удерживать. Но. Не хотелось открыто пасовать перед этим жлобом. Я знаю этот тип – им нужен конфликт. Хрена. Мы с ним ласково и, главное, спокойно. Очень спокойно. Ещё спокойнее, лицо расслабил. Вот так.

– Русскому языку. И литературе. Хорошие предметы, да?

– Издалека к нам?

– Из Самары. По обмену опытом.

– Интересно, что Самаре от нас понадобилось?

– Это вам от нас понадобилось.

– Олег, уймись, ты не в допросной, – сказал Миша. – Давай накатим за встречу. А после Макс нам сам всё расскажет.

Тут я понял раздражение Олега. Выпивки у ребят осталось полбутылки. Её аккуратно разлили на четверых. Закусили. Я был уверен, что Олег не слезет с меня. И точно.

– Ну, сосед, колись, что вы там изобрели.

– Ладно. Идея такая: учебники литературы надо отменить.

– А как же учиться?

– А так. Вот, допустим, задано читать «Преступление и наказание».

– Ну.

– Школьники читают, а куда денешься? Учебника-то нет. Нельзя схалтурить по-лёгкому. Потом на уроке обсуждение: кто что понял, а учитель...

– Чего там понимать? – перебил Олег. – Убил, поймали, сел.

– Его не поймали, – сказал Миша, – он сам сдался.

– Не, – возразил Толик, – его следак прижал на косвенных.

– А я о чём? Явка или нет – закрыли бы дурака по-любому. Ну, позже на день...

– Олег, при чём тут косвенные? Я же помню книгу, там доказухи было с гулькин хер! Его элементарно развели на психику. Я каждый день этим занимаюсь.

– То-то они у вас хором колются...

– Да иди ты в жопу!

– Нет, я согласен, дело в клиенте. Если б он не поплыл и взял бы хорошего адвоката...

– Откуда у него деньги на хорошего адвоката?

– Оттуда! Он бабу-то грохнул зачем?

– А, ну да, забыл.

Я воспользовался паузой:

– Видите, уже три мнения. А в учебнике – одно, притом непонятно чьё. И дети твердят его, как попугаи. С чего у них возьмутся мозги? Убедил?

Стражи закона, подавленные логикой, молчали.

– Хорошо, Макс, – сказал Олег, – теперь напряги учительские мозги и подумай, где нам достать выпить.

– В ресторане. У таксистов.

– Выходить, одеваться... м-м-м, – поморщился Толик. – Надо позвонить этому, которого отпустили. Он мигом принесёт. Пойду с вахты звякну.

– Это кто? – спросил я.

– Выпустили днём одного злодея, тебе ни к чему.

Злодей явился минут через десять. Тощий, замёрзший человек в очках. Он достал из авоськи две бутылки водки и шампанское «на случай дам». Мне вдруг стало его жалко.

Потом я, кажется, напился. Со мной так бывает в дискомфортной компании. Помню, менты достали наручники и открывали их на время канцелярской скрепкой. Я сказал:

– Можно померить?

– Запросто! – Толик ловко защёлкнул на мне «браслеты». Они показались неприятно тяжёлыми.

– Ну вот, – усмехнулся Олег, – а сейчас ты всё нам расскажешь. Кто ты, откуда и зачем приехал.

– Учитель, – собрав остатки воли, произнёс я. – Из Самары... По обмену опытом.

Наутро соседи исчезли. Четверга я не заметил. Пятница отличалась от него лишь тем, что работа моя в этот день закончилась. И Елена Юрьевна не появилась, отчего мне стало грустно. «Уехала в область», – сказала бухгалтерша. Я отдал ей недочитанную книгу. Она мне – десять франклинов в конверте. У Бени – я давно заметил – усталое, скептическое лицо. Словно он годами убеждает меня, что не в деньгах счастье.

Я спустился в холл до рассвета. Елена Юрьевна встала с диванчика навстречу. Не понимаю, как можно так выглядеть в шесть утра. А я небритый и зубы чистил мельком. Предупреждать надо.

– Здравствуйте, – говорю, – Лена, славно, что вы здесь. Я хотел... сказать, что всё было здорово. Спасибо вам.

– Я, – отвечает, – вообще-то, за курткой пришла.

Врёшь, думаю. Куртку я мог бы отдать водителю. Снял, она взяла. Стоим, молчим. Чего она ждёт?.. Обнять, что ли, на прощание? Хотя с какой стати? Вдруг слышу:

– У меня скоро командировка в Москву. И если ваше предложение останется в силе...

– Какое предложение?

– Ну как же? По рюмке кофе. То я могла бы подумать.

– Останется, – я достал записную книжку, – только у меня жена ревнивая.

– И пол-Москвы знакомых?

– Треть.

– Так это меняет дело. А жену мы расстраивать не будем.

И затем такая улыбка, что у меня ослабли ноги.

– Лена... – я взял её за руку. Но тут с улицы посигналили. Мы вышли на крыльцо.

– Счастливого пути.

– И вам, – глупо ответил я.

Мой полусон нарушил стук, запахло гарью. «О-о, твою мать», – сказал шофёр. Вышел, открыл капот, повозился. Взял из салона бутылку и снова исчез под капотом. Взметнулось облако пара. Я забеспокоился. Шофёр сел рядом. «Значит, так. Сейчас поймаю тебе кого-нибудь. А сам – в гараж, если дотяну. Ты уж извини. Юрий Ильич обе новые машины за... Погоди, едет кто-то!»

Через минуту, пересев в кабину фуры, я наслаждался движением, высотой и тишиной. Я люблю молчаливых водителей. Особенно когда молча довозят по назначению. Без таких, например, слов как:

– ...тут до порта километров восемь осталось. Подвезёт кто-нибудь. А мне направо.

– Не понял.

– Вылезай. Тебе в другую сторону.

– Сколько ты хочешь?

– Нисколько, у меня график. Опаздываю.

Я остался на шоссе. Обвязал вокруг шеи носовой платок. Поднял воротник пиджака. Стою минут десять.

В моей жизни случались лохматые моменты. Один раз в меня стреляли. Пару раз били. Я переворачивался на байдарке, тонул. В Мюнхене пьяный шизофреник запустил в меня сотовым телефоном. Всё это было гнусно, но так или иначе решается. Оставшись на пустынной трассе Юрга-Кемерово, я испытал чуть ли не мистический ужас. Летальный исход вглядывался в меня.

Вдруг – чудо! – автобус. Автобус! Я выскочил на дорогу и замахал, как сумасшедший бабуин. Подонок, обогнув меня по встречной, скрылся. Я понял – голосовать бесполезно. Семь утра, шоссе, мороз. И нелепый чудака в костюме, с дипломатом. Ну его к чёрту. Места суровые, люди ходят всякие. А если у него там бомба? Или бежит от кого. Нет, иди-ка ты, друг, пешком. Иду, чтоб хоть как-то согреться. Офисные туфли скользят по насту. Быстро двигаться невозможно, а медленно – замерзаю. Вдруг услышал собственное бормотание: «Шла Саша по шоссе и сосала сушку... шла шаша по соше и шасала шушку... шла шашапашаше...»

Сзади вынеслась легковушка. Потом другая. Махнул на шум, не оборачиваясь: закоченел. Машина резко сбавила ход, остановилась чуть впереди. Чёрный массивный зад. Багажник поместит троих, если компактно уложить. Господи, только не это. Окно поехало вниз. Мои опасения подтвердились. Два чисто

конкретных пацана сериального типа. Похожи на моих гостиничных знакомых, как одна семья. Так они и есть одна семья. А у меня штука баксов в кармане. Им это мелочь на сигареты, но приятно. Из салона между тем любопытствуют:

– Чёт ты не по сезону нарядился, а, братан?

– Куда путь держишь?

– В аэропорт. Тачка сломалась, вот иду пешком.

– Ну, ладно, садись. Подвезём.

Я сел в просторную, а главное, очень тёплую машину.

– Когда твой самолёт?

– Восемь сорок.

– Хм. Московский рейс... Ты москвич, что ли?

Интонация сползла вниз.

– Не, из Самары, в Москве пересадка.

– А чё у нас забыл?

– Командировка. По обмену опытом.

Эти фразы стали высказывать из меня легко и естественно.

– Обменялся?

– Ага.

– Мы тоже тут недавно обменялись, хэ-хэ... опытом боевых действий.

Все замолчали. Через минуту братки заговорили на экономические темы: «лаванда», «откат», «цена вопроса»... Я старался не вникать. Здание аэропорта вернуло способность думать. Сколько платить и надо ли? Даю пять тысяч ельцинок, и червонец в кармане наготове.

– Так нормально?

– Нормально.

Усмехнулись, но взяли! Вот тебе и бандиты на крутом авто. Или они не бандиты? Их ведь сейчас не поймёшь: вид одинаковый, язык тоже. Многие парни плечисты и крепки, как верно отметил поэт.

В самолёте у меня поднялась температура.

– Я так и знала, – сказала жена, – вечно из командировок являешься больной. Всю дорогу ходил без шапки?

– Нет.

– Врёшь.

– Вру.

Температура 37.5 изводила меня несколько недель. И никаких других симптомов. Уши, горло, нос – в порядке, как и всё остальное. Врач посоветовал удалить давно запущенный

коренной зуб. Удалил – безрезультатно, не считая внешних перемен. Таблетки не спасали. Жена лечила меня ингаляциями и горячим пивом «Белый Медведь». Это помогало, но временно. Работал я мало. Днями валялся на тахте, смотрел кассеты и пил горячего «Медведя». Кое-как читал обязательные лекции. От командировок отказался. В итоге Гоше это надоело, и он привёз мне сильный французский антибиотик. Через сутки я поправился. Всё-таки есть польза от эксплуатации человека человеком. А Елена Юрьевна так и не позвонила. Что, разумеется, к лучшему.

Лия Припштейн
Штат Нью-Йорк, США

Смерть моего обидчика

Когда я служила в Армии Обороны Израиля, большое внимание уделялось технике безопасности в обращении с оружием и снаряжением. Первая Ливанская война с её ежедневными потерями окончилась несколько лет назад, а палестинская интифада только началась. Несчастные случаи по халатности сделались основной причиной смертности среди военнослужащих, и крик обеспокоенных родителей достиг ушей премьер-министра.

Армия отреагировала усиленным обучением, которое состояло из чтения брошюр о том, что можно и чего нельзя делать, и из показов предостерегающих видеофильмов, на которых мы все должны были высидеть.

Вот во время такого обязательного просмотра и возникло имя Иоси.

Его фамилия довольно распространена в Израиле, и сначала, когда рассказывалось о убившей его аварии, я не была уверена, что это тот самый Иоси, которого я знала. Но когда показали интервью с его отцом в духане на иерусалимском базаре Махане Иегуда, я поняла, что это он и есть.

Иоси, который травил меня в средних классах школы.

Из всех хулиганов, проживавших в нашем рабочем районе, Иоси был самым ненавистным. Признаю, что я была лёгкой мишенью: репатриантка из России, книжница с толстыми очками на носу и тонкими косичками по сторонам бледного лица. Я была аутсайдером, и Иоси, рост и телосложение которого внушали страх даже мальчишкам, не давал мне забыть об этом.

Были прозвища – «четырёхглазая, русская» и более индивидуальные: «конский хвост» – из-за косичек и «шекспир» – за чтение книг на переменах. Ко всему этому Иоси угрожал мне физически. Он преграждал мне путь в коридоре и шепотом грозил поймать после школы или подстеречь вечером на улице. Я летела домой, как только прозвенит последний звонок, а когда попала в больницу с воспалением лёгких, то готова была вынести любые процедуры лишь бы не возвращаться в школу.

Иоси погиб по нелепой случайности. Будучи радистом, он шёл позади группы, неся рацию на спине. Во время ночного передвижения радиоантенна задела за обнаженный электропровод. Когда в подразделении заметили отсутствие радиста, удар тока уже остановил его сердце.

В Израиле принято освящать погибших. Средства информации рисуют павших солдат безупречными людьми: верный товарищ, преданный сын, пытливый ученик. Я никогда не подвергала сомнению эти идеализированные описания. Более того, я часто бывала тронута до слёз безвременной гибелью таких замечательных молодых людей. Но в этот раз сакрализация Иоси вызвала у меня тошноту. Парень, которого описывал в видео отец Иоси, был совсем непохож на того, кого я хорошо помнила. Он говорил о доброте Иоси, о его благородстве, о его нежной душе, о всех высоких качествах, сделавших его смерть безутешной утратой для семьи. Это вопиющее искажение истины погасило какое-либо сочувствие, которое я, возможно, смогла бы наскрести в себе по поводу Иосиной смерти.

Я не могла согласиться, что смерть очищает от грехов. Он был моим обидчиком и гонителем, и считать его смерть утратой было бы лицемерием.

Правота придала мне уверенности, и я даже позволила себе рассуждать в библейских категориях: он это заслужил, зло наказуемо и тому подобное. Во время просмотра я, усмехаясь, помалкивала, сидя на последнем ряду, но как только нас отпустили и мы двинулись в казармы, я принялась исправлять искажённую характеристику Иоси.

Ко времени моей службы в Армии я уже не была тем беспомощным существом, каким являлась в средней школе. Мой опыт с Иоси закалил меня, и в старших классах я сделала всё возможное, чтобы утвердить себя как жёсткую и самоуверенную особу, с мнением которой нельзя не считаться. И хотя я часто с апломбом рассуждала о вещах, в которых не слишком разбиралась, мой острый язык и убойный сарказм заставляли замолчать моих оппонентов.

В тот день на базе, когда я заявила, что гибель Иоси не такая уж большая потеря, никто из моих друзей не упрекнул меня в неуважении к мёртвому. Только одна девушка, недавно к нам поступившая, которая была не в курсе наших взаимоотношений, вступилась за него.

«Но как же, – пролепетала она, – ведь он такой молодой... это так ужасно...»

Она была робкой и неуверенной, и её аргумент было не трудно опровергнуть. При чём тут возраст? Парень был дерьмовый, и все дела.

Прошло более двадцати пяти лет, когда я снова вспомнила о Иоси. В беседе с моей дочерью, родившейся в Штатах, я заметила, что почти каждый израильтянин знаком лично хотя бы с одним человеком, погибшим в Армии Обороны Израиля. Она спросила, знаю ли я тоже кого-нибудь. Я сказала, что да, хотя тогда уже с трудом припоминала, как выглядел Иоси и почему я так боялась его. Девятнадцатилетняя высокомерная девочка, перепутавшая мстительность со справедливостью, и двенадцатилетняя, удиравшая домой после школы, были также далеки от меня, и я не могла разделить их чувства. Замужество, материнство, сама по себе текучесть жизни повернули всё, что казалось неколебимым, ничего не оставляя на прежних местах.

Я не знаю, как изменился Иоси за годы после средней школы, каким был в старших классах и армии. Знаю только, что в своей армейской форме, обёрнутый флагом, присыпанный землёй и

провожаемый тремя оружейными залпами, Иоси был всего лишь мальчишкой, слишком юным для какого-либо приговора.

Удивительны превращения, которые происходят с нами по мере того, как время течёт через нас. Я думаю о Иоси, о его оборвавшейся молодости, о его едва начавшейся жизни, и безутешная потеря, о которой твердил его отец, кажется мне поистине невозполнимой.

Авторизованный перевод с английского Е. Иоффе

Михаил Моргулис

Флорида, США

Итальянец в Вене

Я не могу смотреть на их каменные мостовые. Они заставляли евреев и коммунистов мыть мылом каждый камень этой проклятой мостовой. Тут ходил Гитлер, это полуусатое мерзкое чудовище. Меня тошнит от шницелей по-венски. Разве вы не понимаете, как мне, итальянцу работать среди немцев, тем более, мама моя была маранка, т.е. насильственно крещённая еврейка. Меня от названия «шницель» тошнить начинает! А когда они на приёмах начинают кричать про кофе со сливками по-венски, то тоже тошнит, вырвать хочется.

Пиццу делать не умеют, тысячами едят сардельки, и пальцы у многих тонкие, как извивающиеся белые черви, или как их сардельки. Я уже год служу в торговом представительстве Италии в Австрии. Ах, как всё обрыдло! Венский оперный театр – это же театр марионеток! Смотрите, как они играют, и слушайте, как они поют! Мне здесь не спится ночами. И иду

гулять по венским улицам. Они прекрасны в своей мещанской красоте. А ведь были и у них люди! Интересно, если был бы жив Моцарт, чтобы он сказал об этой полуусатой вонючке Гитлере. Написал бы, наверное, Марш навозного жука. Но ядовитого вонючего жука. Я знаю нескольких русских, живущих в Вене, они всё время повторяют: вот, блин! Перевести точно нельзя. Буквально – это блин, а означает удивление, ошибку, неожиданность. Как бы это сказать по-итальянски. О, кусок неудачной пиццы!

Ночью мне снится, что я стою в огромной толпе восторженно орущих идиотов. А днём я действительно реально стою между ними.

В субботу был на вечере иностранных представителей. На меня упала взглядами австрийская дама, бальзаковского возраста, но с осиной талией и длинными ногами. Слишком сухая, и зубы вблизи оказались слишком крупными, но свои, с желтизной. Я завёлся и стал косить на неё своим чёрным глазом. И тогда она совсем стала сдаваться. И кончилось тем, что я с лёгким презрением раздел её в своей комнате, стараясь не целовать, а смотреть на длинные ноги. Но когда она стала целовать меня, мне сразу совсем стало плохо и акт прервался.

Представляете, тут бродил Гитлер, тень и примитивный гений идеи, полуленин, полусталин, с примесью орангутанга - каннибала. Мерзость какая ходила! А звучала музыка Моцарта!!!!

Я хочу сесть за столик с черноволосой итальянской девушкой, с бронзовым телом, смотреть на неё. И заказать не их рислинг, а фраскати, молодое вино, а также куски горячей тонкой пиццы и бутылку сицилийского лимонада, длинная такая бутылка с названием *Siciliana limonata*. Как я люблю эту комбинацию, фраскати и сицилиана. А потом, прего синьоре, капучино, чудесная пена на поверхности, хочу сидеть, бросать крошки голубям и смотреть на бронзовотелую девушку. Да, мы сидим в баре на одной из тысяч римских площадей, и солнце греет наши лица и сердца. А пицца тонкокожая, а сыр пахнет овечьим загоном, и еле заметно над пиццей поднимался пар. Это пар любви.

А через несколько часов после прогулок с поцелуями, мы с девушкой зайдём в trattoria, там будет петь Карузо или Паваротти, и мы сядем за столик с белыми салфетками, при усаживании, наши колени соприкоснутся и девушка посмотрит

мне в глаза своими, как спелые сливы, и в них снова будут плавать туманы.

А заказать я хочу, как уже сказал, не ваш грёбаный кислый рислинг, а снова терпкое вино фраскати, и также, девушка снова попросит бутылку сицилийского лимонада –Limonata. На этикетке прохладной бутылки другая девушка сидит на мотороллере и пьёт из такой же бутылки лимонад. И потом, на фиг ваши сосиски, как пухлые человеческие пальцы! Я прошу, прего, пожалуйста, мне спагетти с соусом Альфредо, а девушке тарелку моллюсков в винном соусе. И когда она начнёт раковинной моллюска набирать в неё винный соус, и я близко увижу её раскрытые губы, то я не выдержу и тихонько прикоснусь к ним.

Потом мы будем вдвоём в тесной комнате и на большой кровати. И она скажет мне с римским акцентом: – Ничего не говори, я разрешаю тебе только кричать. А утром она сбросит простыню и будет лежать нагая, легко дыша во сне, а я буду на неё смотреть. Потом она откроет свои сливовые глаза и скажет: – За ночь любви ты стал красивей. И мы снова сольёмся, и я буду летать по райскому саду и все бабочки и пчёлы будут уступать мне дорогу. Потому что в этот момент я становлюсь духом. А потом мы в футболках и джинсах выйдем на маленькую площадь-плазу закажем по капучино с высокой и густой пенкой и по куску тонкой, гибкой и сладостно пахнущей пиццы. А вечером, вечером, с жарко-синей темнотой, мы снова войдём в нашу маленькую комнату. Она сядет на кровать, и я увижу тонкие лодыжки её ног, и она вдруг скажет нежным шёпотом: – А сейчас спой для меня песню «Домино», если ты её знаешь...

И я запел:

ДОМИНО, ДОМИНО...
Будь весёлым, не надо печали,
ДОМИНО, ДОМИНО...
Нет счастливее нас в этом зале,
Видишь, я с тобой,
Друг любимый мой,
Домино. Домино...
Слышишь, счастье стучится в окно.....

Она вскочила, приблизилась ко мне и хрипло зашептала: – Ты поёшь хуже всех на свете... Но я тебя очень полюбила...

И тихонько со слезами запела:
ДОМИНО, ДОМИНО снова встретились мы в этом зале,
Домино, Домино, в этом зале мы с вами встречались,
Вы совсем другой, милый прежний мой,
Всё равно, всё равно, я увидела вас, ДОМИНО...

И тут мою сказку опрокинул визгливо-басовитый голос: «Герр, вы у нас сидите больше часа, может быть, вы хотите что-либо заказать?»

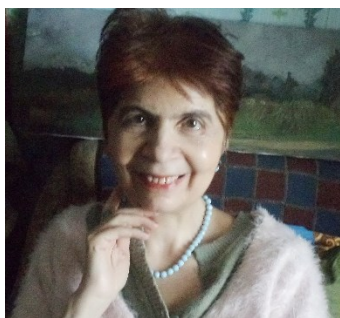
Я перешёл на лающий немецкий: «Я бы выпил кружку пива, но с кем! Один я не пью, а Гитлера уже нет, с кем выпить?!»

Он наклонился, толстый старик с кайзеровскими усами, и прошептал:– Мой папа подавал ему баварское пиво...

Я поднялся – и ясно увидел, как любой народ может легко превращаться в рабов или убийц. Я снял туфли и пошёл домой в носках. Но зато я ощущал руки, которые мыли камни, по которым я осторожно шёл.

Вера Чайковская
Москва, Россия

Клеопатра

Валю всегда удивляла способность героев Достоевского, взять хотя бы Раскольников, жить по придуманной идее. Сама она жила, как птица небесная, не ставя перед собой никаких интеллектуальных задач. Но с некоторых пор она сама была

одержима «головной» идеей, ее буквально преследовала одна мысль – нужно было только успеть ее осуществить.

Да, нужно было спешить – через несколько месяцев они с Владом должны были пожениться. Владу удалось-таки устроиться на стажировку (хотя он и не проходил по возрасту) – изучать экономику, коммерцию, право и еще кучу всяких чрезвычайно важных и престижных ныне вещей в Австралии. Что в этой Австралии могла делать Валя с ее русской филологией и плохим английским, – было покрыто мраком неизвестности. В ночных кошмарах все это представлялось как зона тумана – входишь и идешь часами в густом липком облаке, сквозь которое где-то что-то брезжит.

Ей забрезжила одна совершенно безумная идея. Только надо было успеть до Австралии, потому что в Австралии жизнь, скорее всего, подчинялась другим законам и текла по другим руслам. Там все было продуманно, чинно, хорошо устроено, и люди умирали только в свой срок в первоклассных клиниках. А эта идея была прямехонько из русской литературы и к Австралии, Европе, Америке отношения не имела.

Валя уже несколько лет как закончила столичный педвуз и с отвращением преподавала странный предмет, называемый литературой. Отвращение к преподаванию, к типовому школьному зданию, к школьному буфету, к журналу, к дребезжащему звонку на урок, к директору, к общему с учениками туалету (учительский был временно на ремонте), к педсоветам и прочее, и прочее, было столь сильным, что, едва познакомившись у подружки с Владом и узнав, что он намыливается «за бугор», она сразу сказала «да, да, да», – даже раньше, чем он спросил. И лишь сказав, заметила, что кончики пальцев у него всегда потные, усы уныло свисают, волосы реденькие, и как-то не блещет он умом. Или это в мужчине не главное?

И еще... как это? Уши. Тут уж срабатывал филологический Валин навык, – «каренинские», оттопыренные уши Влада ей постоянно мешали, словно это была какая-то постыдная черточка характера. Но делать-то было нечего, то есть в нынешней России делать было совершенно нечего.

Однако то, что Валя задумала, делать было нужно исключительно в России, столь нелепым, диким, неделовым все это должно было показаться любому разумному человеку с Запада.

Валя плохо поддавалась на агитацию – выработала иммунитет со школьных времен, но ее можно было зажечь. И вот подумать только! – ее зажгли! Вложили в ее упорный, цепкий, неотвязчивый женский мозг идею, с которой она теперь носилась как в детстве с любимой куклой – старым, потрепанным гномом.

И откуда пришло? Вот уж неисповедимы пути Господни. На ужаснейших курсах переподготовки учителей-словесников в жутком полуподвале с запахом погреба, где она обычно, не таясь, читала книгу, какой-нибудь переводной роман, в то время, как другие изучали «Аргументы и факты» или даже «Московские новости», – внезапно произошла «перемена декораций» («малая перестройка», как шутили курсисты). И к ним явился не прожженный методист, бодро задиктовывающий готовые формулы уроков, а робкий, заикающийся, рыжий лектор, которого женская аудитория встретила дружным смехом и смеялась до тех пор, пока этот рыжий, заикающийся и робкий не произнес тихим голосом тему своей лекции: «Эротика у Пушкина».

– Готика?– предупредительно переспросила полная дама, сидящая впереди и исполняющая роль первой ученицы, подсказывающей учителю.

– Эротика,– прочистив голос, храбро повторил заика.

И тут зал притих. Значит, у хрестоматийного, обсосанного, переизученного Пушкина есть еще какая-то эротика? Любопытно.

Вале тоже было поначалу только любопытно. Но постепенно ею овладело иное чувство – она зажглась. Да, да, зажглась, потому что это была совершенно необычная лекция, лекция-размышление, лекция – исповедь, лекция – язвительный спор. Досталось в основном Достоевскому, который, по мнению рыжего оратора, ничего не расчухал (словечко Пушкина) в «Египетских ночах».

Оратор утверждал, что «торг Клеопатры» для Пушкина вовсе не свидетельствовал об упадке нравов и потере ценностных критериев в древнем мире. Поэт сам находил какую-то прелесть – предельную прелесть, – повторил лектор несколько раз, – в одной ночи любви, не имеющей продолжения и вовсе не обязательно кончающейся реальной смертью счастливец. Смерть может быть метафорической, – то есть все последующее мыслится как нежизнь. По мнению рыжего лектора, тут

сказалось то чувство ограниченности времени. которое преследовало Пушкина. Он знал, что жить ему недолго, поэтому спешил, жил напряженнее, насыщеннее. И в результате возникла идея жизни, которая вся умещается в одну ночь. Причем жизни не бессмысленной, а освещенной любовью, приобретшей напряженность, красоту и трагизм.

Этот мотив лектор находил также в «Анджело», в истории взаимоотношений Пушкина и Долли Фикельмон, а в дальнейшем в русской литературе он был подхвачен... Но Валя не слышала, кем он был подхвачен, – она зажглась. Вот что нужно было делать! Вся ее короткая жизнь представилась ей такой унылой и докучной, а дальше Австралия – длинный ряд обеспеченных, сытых дней с Владом. Времени у нее совершенно не оставалось. И спасти ее могла только Клеопатрина ночь любви, в которой и будет заключен весь смысл, вся красота, весь трагизм ее глупого существования.

Во всем этом было много заманчивого, страшного и неясного. Пугала тень проституции – там ведь тоже удовлетворяют свою страсть за одну ночь. Или там не страсть? А вдруг Пушкин говорил о бездуховном, чисто плотском вожделении? Или это был тот самый «поединок роковой», о котором писал Тютчев и где самое главное – одержанная победа? А что если все-таки прав рыжий лектор, – и тут произошло уплотнение времени, его концентрация, вместившая целую жизнь?

Вопросов было множество. Они клубились и ветвились над Валиной упрямой головой, однако же не убавляли ей решимости – идея не нуждается в доказательствах, она сама может доказать, что угодно. Хуже было с практикой. Где найти такого, чтобы понял, оценил ее жертву? Ведь она же себе этого никогда не простит! И официанткой, обслуживая клиентов в сиднейском ресторане, будет еще внутренне ужасаться – как она дошла до такого, ведь всегда была невероятной скромницей. Или (кто знает?), разъезжая по парижским вернисажам и глядя на всех этих что-то из себя выкомаривающих субчиков и их дам, – будет думать, что она совершенно другая и они, вполне буржуазные, сытые, довольные, уравновешанные, – на такое безумство не способны...

Претендента не было. То есть полным-полно было вокруг всякой мелкой шушеры, бывших сокурсников, знакомых, неотступно названивающих именно в эти дни, накануне ее свадьбы, словно они получали какие-то невидимые сигналы,

сослуживцев по школе – завхоза – бравого отставного военного, сутулого физкультурника, за ней приударявшего, – но все это было чудовищное не то.

О, какое же это было кружение вихря в Валиной голове! И навязчивый голос нашептывал – успеть, успеть, – словно за пределами России ее и в самом деле ждала смерть и жить оставалось считанные дни. Мятущаяся Валина мысль все чаще почему-то возвращалась к рыжему лектору, прочитавшему на курсах переподготовки такую неожиданную лекцию. Она даже вызвала рукоплескания у выдавших виды, замороченных текучкой педагогов-словесников, хотя едва ли еще кто-нибудь сделал из нее столь радикальные выводы.

– Он,– вдруг подумала Валя (в этот момент она бегала по универмагу в поисках сувениров). – Ну, почему? Почему? – пискнул какой-то совершенно ошалевший, испуганный голос.

– Потому, – был ему спокойный ответ. И все прояснилось, и оказалось, что Валя только этого и ждала всю жизнь.

И ведь если бы она сидела немного поближе, – он бы ее заметил, не мог не заметить. Но кто же знал, что это будет он, а не заунывный методист? Вот она и забралась на последний ряд. А вдруг он ее все равно заметил? Ей всегда говорили, что у нее выразительная внешность, на улице принимали за киноактрису, спрашивали, не она ли снималась в том фильме, где еще были замок, море, пустыня, верблюды, пирамиды. Почему-то всегда такой трафаретно-романтический, с восточным уклоном набор подробностей. Он просто не мог ее не заметить! Нужно было только напомнить ему о себе. Дальнейшее скрывалось для Вали в таком же липком тумане, как и Австралия. Но здесь была жизнь, и не просто жизнь, а возможный ее взлет, напор, квинтэссенция, самореализация, а там – тусклое и как бы потустороннее существование.

Нельзя было терять этого шанса, и она позвонила на курсы, чтобы узнать телефон лектора. Этот звонок был психологически самым трудным. Дальше пошло полегче, хотя ничего не получалось. Ей дали почему-то сразу четыре телефона лектора, которого звали Валентином Иосифовичем Ландау. И по всем этим четырем телефонам ей не удавалось дозвониться до этой необычной личности.

Сначала раздраженный и резкий женский голос сказал, что таких у них не имеется и чтобы больше не звонили. По второму телефону кто-то буркнул что-то нечленораздельное и повесил

трубку. Когда Валя набрала третий номер, в трубке что-то щелкнуло и записанный на пленку чужой голос предложил продиктовать свой номер телефона или же передать что-нибудь для отсутствующего хозяина. Ни того, ни другого Валя сделать не решилась и в испуге повесила трубку. По четвертому – были постоянные долгие гудки.

И вот Валя сосредоточила усилия на четвертом номере: без конца – утром и вечером – звонила, так что даже невнимательный Влад увидел и спросил, кому это она названивает. Она раздраженно повесила трубку и оставила вопрос Влада без ответа. Впрочем, он был так озабочен предстоящим отъездом, что не заметил ни ее раздражения, ни оставленного без ответа вопроса. Хотя, возможно, это был тактический ход – зачем заводиться по пустякам?

Сроки близились. Было уже готово свадебное платье, почти не вызвавшее у Вали интереса, куплены кольца и билеты на самолет, что оказалось самым трудным. Валентин Иосифович Ландау не отзывался. А у Вали мозг, да что там мозг, все существо, давно и прочно забуксовало, и ничего иного в жизни, кроме «клеопатриной» встречи с исчезнувшим Ландау Валя не находила. Поэтому ударилась в тоску, на уроках сидела перед учениками с каменным лицом, чтобы не разреветься, а придя домой, рыдала уже не переставая с вечера до утра, как в детстве. Родители считали, что она так сильно переживает расставание с ними и с Россией и относились к ее слезам с уважением, – но и тайным злорадством – всем бы им так, перебежчикам! Владу было не до нее – самыми горячими днями были предотъездные.

А вдруг все отменяют? А вдруг переменится руководство? А если одумается Австралия? За несколько дней до свадьбы и отъезда (одно следовало за другим) Валя позвонила по третьему телефону, вновь раздался щелчок и записанный на пленку чужой, металлический голос (Или это все же был неузнаваемый голос самого Ландау?) проговорил: «Ландау выбыл. Прощайте все!». Она несколько раз снова и снова набирала номер и слушала автомат. И наконец поняла, что его нет. Где его нет? В квартире? В Москве? В России? Или вообще? А что же остается у нее? Что же делать ей?

Ночью в аэропортной лихорадочной и словно обезумевшей, карнавальной толпе ей показалось, что она видит Валентина Иосифовича Ландау, невысокого и рыжего, со сверкающим

взглядом, в светлом летнем костюме. Он не шел, а бежал, почти не прихрамывая, и она погналась за ним по залу аэропорта, но ухватила за рукав какого-то совсем чужого рыжеволосого мужчину, который сказал ей по-английски «sorry» и вежливо улыбнулся. Потом, пробежав несколько шагов, он обернулся и спросил что-то, где было «movies», «Egyptian», «deserts... Она с трудом поняла, что он принял ее за актрису из какого-то экзотического фильма и покачала головой. Нет, никогда не играла... А тот... пропал, он пропал в пространстве и во времени, исчез, растворился.

И сидя в кресле самолета, безутешная Валя вдруг подумала, что все это для любви безразлично. И если отыскался человек, впервые пробудивший в ней столь безумные мысли и желания, – то все остальное уже неважно. И в новых – любимых – краях, за любимыми кардонами, в прекрасном далеке или в запредельном и жутком туманном мареве, – будет жить эта искра, способная у нее, боязливой, сдержанной, трезвой, – разгореться неистовым пламенем клеопатрина любовного пыла.

Шарик разгоняется и разгоняется, времени у всех становится все меньше, и ночь любви уже, вероятно, слишком большой срок для жизни, чрезмерная роскошь. Но может быть, в этих или тех неистовых и неисчислимых пространствах им двоим все-таки уготована когда-нибудь любовная встреча, пусть даже и сжатая до мгновения, взгляда, вздоха. Словно у бабочки, летящей на огонь.

Как знать, как знать...

Из неопубликованного, конец 1980-х

Анатолий Петрушин

С.-Петербург, Россия

Явка с повинной (дебют)

То далёкое лето, проведённое с бабушкой, было необыкновенным и запомнилось мне на всю жизнь. Обычно в летние каникулы я сидел в душном и пыльном Ленинграде, и только на время отпуска родители выезжали в посёлок Сосново, где мы на две-три недели снимали комнату. Место хорошее и живописное, грибные леса вокруг и озёр много, но часто шли дожди, и мы мёрзли на даче. Электричества не было, заняться было нечем, и спать все ложились очень рано.

Когда в школе зимой начинались рассказы о жарких летних днях, о горячем солнце и море с крабами и медузами, я скромно молчал. Моя бабушка летом обычно выезжала на Юг, но в последнее время – в Рогачёв, небольшой городок на высоком берегу Днепра. По её рассказам, фрукты там дешёвые, дожди идут редко, всё время светит яркое солнце, она целые дни проводит на пляже и купается по несколько раз в день.

У хозяев, которые сдавали ей комнату, было много разной живности – не считая кошки и собаки. Да ещё вокруг ползало и летало много любимых мною насекомых и птиц, а в Днепре местные хлопцы каждый день ловили рыбу – на завтрак и обед для своих семей.

Я мечтал попасть туда хотя бы разок, но зачем бабушке такая обуза – двенадцатилетний ребёнок – она любила комфорт и покой. Но в это лето отпуск у родителей не складывался, и девать меня было некуда. На семейном совете родители уговорили её взять меня в Рогачёв – на целое лето!

Тут был ещё один повод для радости. Бабушка была родом из Канска. Ещё совсем юной девочкой, она увлеклась политическим ссыльным из Петербурга, бросила школу и тайком от родителей вышла замуж. Когда большевики взяли власть, за заслуги мужа перед партией и народом её назначили работать судьёй.

После смерти мужа, уже с тремя детьми, молодая мать перебралась в Ленинград. Читать она не любила, психологии не знала, и без диплома и даже школьного аттестата, работать на таком ответственном посту малограмотной женщине было тяжело. Но когда она надевала мундир с орденами и любовалась собой в зеркале, то забывала о всех неприятностях.

Соседи по квартире относились к ней с большим почтением и никогда с судьёй не спорили. Она поверила в собственную мудрость и непогрешимость и всех учила жить. Когда бабушка приходила к нам в гости, то рассказывала интересные, а порой и страшные истории из своей практики, о которых тогда не писали в газетах. Я решил выведать у неё о работе следователей и судей, чтобы потом хвастаться в школе осведомлённостью об этих тайнах. И тем летом я кое-что о них узнал – на собственной шкуре испытал...

В день приезда мы сразу пошли на Днепр купаться. С очень высокого обрывистого берега открывался красивый вид на сады, песчаный пляж, заливные луга и отдалённые деревни на другом берегу. По реке плыли лодки, на мелководье женщины стирали и громко били вальками по мокрому белью, по колену в воде стояли рыболовы с удочками, большие стаи домашних гусей и уток шумели и кормились речной травой. Над водой носились стаи ласточек, и весь противоположный берег был изрыт их норами, недалеко от которых важные аисты искали лягушек.

Пляж был очень большим, изогнутым в виде косы, и образовывал длинный залив со стоячей водой, густо населённый лягушками. По вечерам их длинноногая армия забрасывала все свои дела и занималась пением. Хор звучал оглушительно – такого количества зелёных прелестниц одновременно мне видеть больше не довелось!

На следующий день с местным хлопцем Колькой я поймал десяток рыбин. Мы с ним сразу понравились друг другу. Я привёз с собой все свои накопления – тринадцать рублей, сумма не маленькая – можно тринадцать мороженных купить, и ради дружбы решил с ним поделиться – дал ему три рубля.

Через два дня бабушка повела меня на рынок. По дороге я поймал здоровенную медведку-землеройку, которая оказалась очень сильной и оказывала яростное сопротивление. Это необычное и большое насекомое я видел впервые и сразу захотел сделать его домашним питомцем, но положить медведку было некуда -, и пришлось её отпустить.

На рынке, под громкий визг бедных поросят, сидящих в мешках, и жалобное меканье козлят, бабушка долго выбирала продукты. В это время я любовался курами, гусями, индюками и прочей живностью, которая крикала и кудахтала со всех сторон. На таком шумном и интересном рынке я ещё не был!

На обратном пути тащиться по жаре с полными сумками было тяжело, но мне опять повезло: в траве я увидел большого жука-носорога, а подходя ближе к дому, заметил на дереве трёх чёрных жуков – они были длиной с палец взрослого человека, но очень узкими. Когда я взял одного из них за бока, он начал громко скрипеть-пищать и размахивать своими длиннющими усами. Но красавице-медведке он и в подмётки не годился, и я без сожаления посадил его обратно на дерево...

Через четыре дня мы опять ходили в город на рынок, и когда возвращались с сумками набитыми продуктами, у нас с бабушкой возник спор, по какой улице идти. Она за несколько дачных лет уже привыкла всегда ходить по одной, где было больше тени, а я хотел вернуться по другой – чтобы увидеть что-то новое. В результате – пошли по разным.

Дома она долго копалась в сумке, что-то подсчитывала на бумаге, а потом сказала:

- У меня не хватает десяти рублей.

Немного подумала и добавила:

- Ты специально пошёл по другой улице, чтобы взять их из сумки!

Я был ошарашен, не знал, что и сказать, но потом ответил:

- Ничего я не брал, а ходить всё время по одной дороге не люблю – это не интересно...

- У тебя есть деньги?

- Да, – ответил я, – десять рублей.

- Покажи мне их!

Я достал драгоценную бумажку. Она взяла её и сказала:

- Это мои деньги, и я заберу их себе.

И тут в её голосе зазвенел металл, которого я раньше никогда не слышал:

- А теперь расскажи мне, как ты их украл!

Я дара речи лишился – от изумления и негодования: как она могла подумать обо мне такое?

- Не брал я эти деньги, а привёз их из Ленинграда!

- Нет, ты врёшь, а свои деньги Кольке отдал!

Это было не так, но впутывать в некрасивую историю своего нового друга я не хотел.

- Это мои деньги, я дал Кольке всего три рубля!

- Нет, и если сейчас не сознаешься и не расскажешь подробно, как ты их украл, – завтра же поедешь домой в Ленинград!

Этого мне только не хватало: вернуться в пыльный и душный город, на Подольскую улицу, где летом не продохнуть – трубы заводов на Обводном канале коптят и дымят в жару с невиданной силой. Не дай бог... Да ещё торчать целыми днями в пустом дворе в одиночестве – ни за что! Пришлось «раскаяться» и во всём «сознаться»:

- Да, специально пошёл другой дорогой, чтобы залезть в твою сумку и украсть десять рублей. Прости меня, пожалуйста, и не отправляй в Ленинград – я больше не буду-у-у...

Я громко плакал от несправедливости и унижения, но изображал глубочайшее раскаяние, обещал исправиться, и она мне наконец-то поверила.

Да, «судья» быстро «раскрыла моё преступление», и мне с горечью вспомнилась фраза из фильма: «Чисто метёт уголовка»...

Прошло три дня, и моя обида на бабушку стала затихать. За это время я успел загореть и обгореть под горячим белорусским солнцем, бесчисленное количество раз искупался в Днепре и познакомился с Колькиными друзьями, которые подарили мне банку артиллерийского пороха – они откопали его на местах боёв.

Каждая команда подростков имела свой арсенал оружия, и я с ними пытался взрывать старые гранаты – мы кидали их на дальность. В Рогачёве на кладбище специальное место отведено для детей, которые подорвались при раскопках или таких испытаниях, но местных хлопцев этим не испугаешь!

У Днепра нет машин, как в центре города, только иногда проедет телега или одинокий велосипедист. Сосед держит в саду большую пасеку, и, когда идёшь по улице, мимо, как пули, нескончаемым потоком летят пчёлы. Они и по траве любят ползать, так что почти каждый день я наступал на них, и, если

жало попадало в середину подъёма стопы, где кожа тонкая, то это было очень больно. Бабушка меня успокаивала – говорила, что пчелиный яд полезен для здоровья...

На улицах козы и коровы щипали травку и удобряли почву, гуляли куры, утки и большие стаи гусей. Иногда какой-нибудь гусак вспоминал, что он птица, и, расправив огромные крылья, пролетал по улице метров сто. После этого вся стая начинала тянуть друг к другу шеи и громко гоготать, выражая восхищение героическим поступком своего товарища.

Некоторые гусаки очень агрессивны – когда кто-то проходит рядом с их стаей, они шипят и нападают. Однажды гусь напал на маленького мальчика, тот стал убежать и упал. Когда родители услышали его истошные вопли и пришли на помощь, у малыша вся попа была уже синяя – от сердитых щипков! Отец ребёнка сгоряча чуть шею гусаку не свернул.

Каждый день по несколько раз я переплывал Днепр с местными ребятами. Другой берег невысокий, и мы с него ныряли, хотя бабушка мне это запретила. Под водой могут прятаться «топляки», и были случаи, когда ныряльщики «втыкались» головой в какие-то брёвна – с тяжёлыми последствиями...

Рыбы здесь пруд-пруди, её ловят на удочки, а порой травят с помощью борной кислоты и хлеба. В верховьях глушат гранатами или бомбами, которые мужики изготавливают сами, выплавляя тол из старых снарядов. На огромном заливном лугу её ловят в топтуши: ребята ходят по пояс в воде, мутят воду и загоняют рыбу в ловушки. На узких челноках, изготовленных из брёвен и называемых «душегубками» из-за их неустойчивости, неторопливые старички успевают поймать до завтрака по несколько десятков бычков!

Да, это был рай, который мне раньше и не снился. Но...

Однажды вечером бабушка начала серьёзный разговор: у неё опять не хватает десяти рублей, и она догадалась, по какой причине!

- Когда три дня назад мы были в булочной, продавщица странно на меня посмотрела... И теперь я поняла почему – ты в это время за моей спиной взял деньги из сумки. Отдай их немедленно!

Я подумал, что бабушка стала слишком рассеянной, постоянно теряет и ищет какие-то вещи. Неудивительно, что она

запуталась в своих деньгах. Но сказать ей об этом нельзя – она уверена, что всегда права, и сразу перейдет на крик...

- Бабушка, я не брал, честное слово!

- Врёшь! Отдай немедленно, а то поедешь в Ленинград, – и я опять услышал звон металла в её голосе. Передо мной была уже не бабушка, а суровый закон – строгие следователь и судья в одном лице!

Отправка в Ленинград в самом начале лета – от новых друзей, из этого райского места на берегах чудесной реки, да ещё с таким позором... А вдруг родители поверят ей, а не мне? Да, её карта была козырной – просто джокер! Я не стал в этот раз тянуть резину и быстро «сознался». Но была проблема: бабушка требовала вернуть деньги, а где их взять?

- Я их истратил...

- Как и на что?

Ответить на этот вопрос я был не готов: куда можно истратить деньги в этом захолустье? На пляж все хлопцы бегали в одних трусах, а обувь летом пацаны не носили. Мы жили на берегу Днепра, далеко от центра, и тащиться по жаре в городские магазины – ни денег, ни желания у меня не было.

Сходить тайком в город в одних трусах и что-нибудь купить? Мне эта мысль показалась нелепой, но больше в голову ничего не пришло:

- Сбегал в город вместо купания и за один раз сожрал десять мороженых...

К счастью, бабушка поверила моим словам и глубокому раскаянию, опять великодушно простила и обещала ничего не рассказывать об этих «кражах» моим родителям – с каждым днём я узнавал её всё больше, а понимал всё меньше... Но зато теперь я знал, как ведётся следствие, – будет, что рассказать друзьям в Ленинграде!

Счастливые дни продолжились, бабушке надоело меня «пасти», и я получил свободу – мог уходить на целый день. Однажды Колька встретил меня на пляже и сказал:

- Завтра возьми с собой хлеб и соль, пойдем на Белую Скалу. Это вверх по Днепру. Там наберём в колхозном саду яблоч, картошки и будем печь на костре.

- А если люди увидят или сторож с ружьём? Он ведь солью стреляет, – с опаской спросил я.

- Сад очень большой, и мы десять раз успеем в него слазить, пока этот стрелок всё обойдёт! А народ там не ходит, так что будем купаться без трусов.

Высокий берег во многих местах раскалывают овраги, по которым можно спуститься к Днепру. На расстоянии нескольких километров влево от наших домов был узкий овраг, над которым и находился колхозный сад.

Рано утром мы с хлопцами пришли к Белой Скале. Название она получила из-за белого цвета. Остальной берег глинистый и имеет красный оттенок. Потом ребята развели костёр, на котором целый день готовили еду – печёные яблоки и картошку, жареный хлеб, а когда наловили рыбы, то и её пожарили. Весь склон берега в этом месте зарос большими кустами, и сторож даже не подозревал о нашем присутствии. Чтобы нас не застукали, мы перед каждым набегом вели разведку.

Когда все пошли купаться, то стали пугать друг друга легендой о том, что под скалой живёт огромный сом, который может проглотить человека. Хлопцы в нашей компании от двенадцати лет и младше, поэтому нырнуть глубоко и проверить легенду желающих не нашлось.

День прошёл очень хорошо. Валялись на песке, купались до синевы и дрожи и долго обсуждали книгу, которую любят местные ребята – «Волшебник Изумрудного города». «Тома Сойера» никто из них не читал, поэтому попросили меня рассказать об этой книге. Пересказ получился длинным, я увлёкся и половину вставил от себя, но этого никто не заметил.

Да, столько печёной картошки я ещё в жизни не ел. Жареные хлеб с рыбой тоже были очень вкусными. Единственное, что меня огорчило – я опять сгорел под солнцем до пузырей на коже. Бабушка намазала сметаной обожжённые места, но это не помогло...

После этого несколько дней я уже не мог загорать, и по вечерам мы с ребятами ходили в лес, искали оружие на местах боёв. В разбитом блиндаже накопили много пороха – длинных трубок тёмно-красного цвета и несколько горстей толстых трубочек жёлтого цвета, потом нашли немного патронов и гранату. Попадались обрывки какой-то одежды, обломки ящиков и разный металл.

Через несколько дней из найденных в паровозном депо железных трубок мы стали делать «ракеты». Загибали один край, закладывали внутрь порох и сплющивали другой конец.

Когда ставили трубку в костёр под нужным углом, через некоторое время «ракета» вылетала в сторону Днепра. Это было соревнование, которое каждый хотел выиграть – чтобы его ракета улетела дальше остальных.

Развлечение безобидное – артиллерийский порох горит медленно, если бы это был винтовочный – мог бы взорваться. Но когда мальчишки начинали ковыряться в гранатах, я отходил подальше.

Созрели вишни и черешни, и ребята по ночам стали лазить в чужие сады. Меня это удивило – у них всё это росло на собственных садах и огородах.

Наступило время возвращаться в Ленинград. Я для друзей в городе приготовил подарок – большую коробку пороха. Ох, и запускаем ракеты!

За три дня до отъезда бабушка пошла в город за лекарством. Когда вернулась, вид у неё был очень недовольный. Я спросил: - Что случилось? Ты деньги потеряла? – а сам подумал: хорошо, что с ней не пошёл, а то бы опять влип в историю.

Она долго не решалась начать разговор, но потом сказала:

- Я нашла двадцать рублей, которые раньше пропали...

- Где и как ты их нашла? Где они были?!

- В аптеке я сунула мелочь во внутренний карман старой сумки, а когда надо было опять её достать – не нашла. Заглянула в прореху за карманом, и обнаружила в ней мелочь и две десятки, в пропаже которых обвинила тебя...

Это было на неё похоже – она любит поболтать и старается всем понравиться. Пока улыбалась продавцам, как медовый пряник, в это время, не глядя, сунула деньги в прореху. Я ожидал, что она извинится передо мной, но не такова моя бабушка – она рассердилась на меня! Видимо, я невольно подверг сомнению её непогрешимость.

Но всё хорошо, что хорошо кончается. Прощайте, Днепр и новые добрые друзья, – увидеть бы вас ещё хоть раз!

Да, то лето с бабушкой было необыкновенным и запомнилось мне на всю жизнь...

Кира Белостоцкая

Москва, Россия

Два рассказа про С. П. Королева

Букет от Королёва

Когда ракета уже стояла на старте и шёл первый стартовый день подготовки к запуску космонавтов Павла Беляева и Алексея Леонова, случилось ЧП. Во время подсоединения к ракете мачты для подключения наземного электропитания, из-за сильного ветра мачта ударила по антенне нашей телеметрической системы. С земли было не видно, то ли антенна была сломана, то ли только смята. Мне было велено взять с собою офицера, ехать на старт и подняться на ракету к антенне, чтобы дать заключение, нужна ли срочная замена.

Находиться на старте женщине, когда на старте уже стоит ракета, было страшным нарушением неписаных правил, установленных Королёвым. Мы хорошо знали об этом королёвском суеверии. Я, конечно, страшно волновалась, но не подъём на ракету на высоту более тридцати метров страшил меня, а то, что на старте я могу встретить СП (так мы, испытатели, называли Королёва). Офицер пытался меня успокоить. Он сказал, что мы подъедем в «газике» прямо к ракете и мне не надо будет ходить по стартовой площадке. Однако водитель обмолвился, что Королёв где-то здесь, на старте, кажется, в бункере. Меня это совсем не обрадовало.

Подкатили к лифту, дежурный офицер надел на нас монтажные пояса, и мы сели в лифт. Приятно было думать, что в этом же лифте завтра будут подниматься космонавты. Лифт остановился, мы вышли и стали спускаться вниз уже по уголкам фермы. Офицер страховал меня, перецепляя цепь монтажного пояса по ферме. Добрались до антенны. Полая трубка антенны была сплюснута, но не сломана. Для пущей уверенности берусь за антенну и подгибаю ноги. Антенна держит меня! Итак, всё в порядке; скорее вниз – и со старта. Поднимаемся по ферме до лифта, «газик» ждёт, и через несколько минут мы уже за стартовой проходной. Докладываю своему начальству, что всё в порядке, с нашей стороны задержки запуска не будет.

На фотографии я средняя из трёх в центре. Девочка справа тоже с цветами

На этом история не закончилась. Скрывать от Королёва любое ЧП было категорически недопустимо, и он, конечно, знал о моём появлении на стартовой площадке. После легендарного полёта с выходом человека в открытый космос Беляев и Леонов, по заведённой традиции, приехали снова на уже опустевшую стартовую площадку, куда пришли и мы – испытатели, готовившие этот полёт, чтобы поздравить их. В руках у космонавтов цветы, они дарят их Королёву и начальнику отряда

космонавтов Николаю Каманину. Вдруг Сергей Павлович поворачивается в нашу сторону и протягивает свой букет... мне!

Как я ослушалась Королёва

Случилось это со мною при проведении комплексных испытаний. Комплексные испытания, или «комплекс», как мы его называли, проводится после автономных проверок всех систем. На комплексе поочерёдно на несколько минут включается каждая бортовая системы объекта и ракеты по программе полёта. Работа у меня на комплексных испытаниях несложная: надо измерить напряжение на входе антенн с помощью вольтметра и неоновой лампочки (до сих пор храню её), проверить от них излучение. Выполнить эти измерения надо на антеннах телеметрической системы, установленной на приборном отсеке космического аппарата, а затем на антеннах, установленных на блоке ракеты.

Однажды во время проведения этой операции на космическом аппарате в ту часть зала, где стоял аппарат («шарик»), отгороженный занавесками, вошёл Сергей Павлович. Увидел меня около шарика и спрашивает дежурившего у входа военного: «Что это она там делает?» Дежурный, не подумав, отвечает: «Она там что-то закорачивает», и Королёв чуть ли не бегом направляется ко мне. В результате состоялся такой разговор:

- Чем вы занимаетесь?

Объясняю, что веду проверку работы нашей аппаратуры при включении питания (включение даётся всего на несколько минут).

- Какие у вас дальше дела?

Говорю, что сейчас пойду и то же самое проделаю на блоке носителя.

- Но для этого вам нужно залезть на ракету.

Утвердительно киваю.

- Не надо, не смейте туда лазить, пусть это сделают военные из расчёта, а вы только проконтролируете.

Сказал и ушёл.

Наступает момент проверки систем носителя. СП в зале нет. Объявляют о включении нашей системы. На меня набрасывается наш ведущий по объекту со словами: «Что ты спишь, иди скорее – включение будет всего несколько минут».

- Я не могу, мне Сергей Павлович не разрешил залезать самой на ракету. Ведущий как будто и не слышит, что я ему говорю.

- Кто отвечает за проверку системы? Ты! Вот иди и делай своё дело, а военные пусть помогают.

Оглянулась ещё раз – СП в зале нет – и полезла на хребет блока. Во время испытаний блок лежит горизонтально на рельсовых подставках. По лестнице забираюсь на блок и сажусь на него, как на коня. Все измерения сделала и только ногу с блока спустила, как в зал вошёл СП. Увидел меня верхом на блоке, подошёл к лестнице, стоит и ждёт. Я не спускаюсь. А он не уходит и ждёт. Что мне делать? Деваться некуда. Посидела, вздохнула и спустилась вниз, так как СП явно не собирался уходить.

- Я что тебе сказал?! – он был разгневан.

- Сергей Павлович! Это моя работа, моя обязанность, и я сама за неё должна отвечать. – Говорю, а сама чуть не плачу. Вдруг он берётся за кончики моей косынки, которая была повязана на шее и говорит: – А ты испугалась меня?

- Да, испугалась, – честно сознаюсь я, – но всё равно я бы полезла.

- Эх ты, зайчишка, зайчишка.

Отводит меня немного в сторону. И вдруг без всякого перехода:

- Надоело уже, домой, наверное, хочется? Мне самому хочется, а надо будет после пуска ехать в Евпаторию.

Передо мною был совсем другой человек!

В этот момент появилась туча газетчиков и они набросились на Королёва. Но СП сделал ход конём: «Вот познакомьтесь – мой инженер», – улыбнулся и быстро пошёл к выходу из зала. Пожала всем протянутые руки, но это была только дань вежливости с их стороны, я их абсолютно не интересовала, и они бросились догонять Королёва.

Так благополучно сошло для меня моё непослушание. И надолго за мною сохранилось прозвище «зайчишка».

Лев Визен

Виктория, Канада

Москва 1941-го. Забытый октябрь. Из повести "Метель из лиц вождей"

В октябре 41-го немцы были всего в 27-ми километрах от Кремля

На машине – полчаса. На танке – час. Казалось, всё предрешено.

И оставшиеся в городе люди думали о том, какой будет их жизнь – если будет – когда немцы войдут в Москву.

Уже случившееся, известное, было страшным, в сравнении с ним меркли все слухи, всё придуманное. Но неизвестное было ещё страшнее. И люди вокруг нас говорили о нём всё напряжённее, всё злее. Они всё меньше говорили о том, как воюет Красная Армия.

Уже никто не пел, что *«от тайги до британских морей, Красная Армия всех сильнее.»*

и что *«мы смело в бой пойдём за власть Советов и как один умрём в борьбе за это.»*

Вторая песня особенно сердила Ван Ваныча, нашего соседа по квартире. – *Власть, при которой все умрут? И это – народная власть? –* говорил Ван Ваныч.

И женщины кивали и соглашались: если за власть все должны умирать, то шла бы эта власть куда подальше.

Ван Ваныч оставил один глаз на берегу монгольской реки Халхин-гол и всегда говорил, что он везунчик и легко отделался.

Женщины на нашей квартирной кухне шутили, что у него односторонний взгляд на жизнь.

А он рассказывал им, как Жуков, которого Сталин послал спасать от японцев наших и монголов, расстреливал своих.

600 человек из 60 000, которые под его командой оказались.

- Воленс-неволенс, а ура закричишь. Вперёд, вперёд, рабочий народ. - говорил Ван Ваныч. – *Лучше уж от самураев пулю получить, чем от своего начальства.*

И он же говорил, что немцев завалят анонимками. Потому что если для доносов в НКВД люди оговаривали соседей по квартире и даже родственников, то для доносов немцам и придумывать ничего не надо будет.

Пиши как есть, пиши правду. Про всех, кто врал рабочему классу. Будет более, чем достаточно.

Говорили, что, если немцы ещё не в Кремле, так это потому, что ихняя пехота не поспевает за танками.

Говорили, что у добровольцев на баррикадах, которыми перегорожены улица Горького и Большая Дмитровка, есть только несколько дробовиков и бутылки с керосином.

И что из домов, перед которыми эти баррикады стоят, женщины носят добровольцам кипяток, чтоб они могли развести в нём «Кофе желудёвый» и хоть как-то согреться.

Говорили, что, если власти не дали добровольцам ни винтовок, ни пулемётов, то могли бы хоть денег дать, чтоб они могли купить стволы на толкучке.

Говорили, что кое-кто в наших корпусах достал и приготовил ружья и револьверы, припрятанные ещё с гражданки. И что милиция, которая раньше этих людей сразу бы скрутила за подготовку свержения советской власти, сейчас делает вид, что ничего не видит и не слышит. Хотя ей, конечно, уже настучали. И сообщили имена преступников и номера квартир их проживания.

И это было правдой.

Мы, Толик, Карен и я, знали, что Юрий Петрович одалживал ёршики для чистки стволов по крайней мере трём жильцам – тоже пожилым и тоже отсидевшим.

***

Мы тоже хотели сражаться. Мы знали, что наш хромой дворник Равиль приготовил четыре ящика бутылок с керосином. Знали, как можно тихо, не разбивая стекла, открыть окно в полуподвал, где Равиль хранил эти бутылки.

И мы начали готовиться к боевым действиям заранее – украли три из пяти или шести авосек, забытых людьми в булочной и лежавших там на полке, рядом с кассой.

По авоське на каждого из нас.

Чтобы каждый мог унести из полуподвала по пять или шесть бутылок.

И мы выбрали три места на крыше первого корпуса – чтобы встать на эти места, когда немецкие танки загрохочут по Петровке.

Встать, прицелиться и бросить наши бутылки.

Мы были уверены, что не промахнёмся. "Ещё до войны" мы сбрасывали комочки влажной мягкой земли на крыши троллейбусов, проезжавших внизу.

И очень, очень редко не попадали.

***

До бутылок, однако, дело не дошло. Танки, вошедшие в московские пригороды, остановились. Но люди уже не сомневались, что власть всё равно сменится.

И, замолкая при тех, кому не доверяли, они продолжали говорить и говорить, обсуждая одно: как жить при немцах.

Жить – при немцах? Без родной советской власти?
Без любимого вождя, без товарища Сталина? Да, жить
Да, без советской власти и без Сталина.
Потому, что вождей и властей может быть много, а жизнь –
одна.

Кого, кроме евреев и партийцев, будут арестовывать при
немцах?

Будут ли выдавать продукты по советским карточкам?

Будет ли у людей работа?

Что будет с пенсиями?

Кто будет лечить людей, немецкие доктора или наши?

И кого будут записывать к немецким докторам?

И что носить этим докторам? Ихний шнапс получше нашей
водяры будет, шоколада у них, говорят, завались. Да нам
шоколад и взять-то негде. И золота у людей не осталось, уже
всё на жратву выменяли.

Будут ли отапливать наши корпуса и починят ли канализацию?

Откроют ли школы и садики?

Кто будет командовать в домоуправлении и в райсовете?

Где будут жить немецкие солдаты и офицеры? Будут ли
подселять их в наши коммуналки?

Будут ли гнать москвичей из хороших, царской постройки,
квартир с высокими потолками и просторными кухнями,
ванными и туалетами? Как, к примеру, наша квартира? Двадцать
один жилец, из них пятеро – школьного возраста.

Шесть комнат, шесть семей живет, но зато на кухне и в
удобствах есть где повернуться. А если выселят, да ещё зимой,
то куда?

Отпустят ли по домам красноармейцев и ополченцев?

Будут ли сажать тех, у кого есть награды за храбрость? И за
трудовые успехи?

Будут ли забирать мужиков в немецкую армию?

И – выпустят ли всех, кто сидит ни за что?

Люди как бы нащупывали, чего ждать и чего бояться.

Как бы подыскивали понятные, приемлемые причины своих
будущих решений и поступков – в уже почти наступившем
завтра.

***

Говорили, что немцы расстреливают или вешают всех евреев
и всех партийцев.

Говорили, что в кузове каждого немецкого грузовика есть складная виселица. И что её можно собрать за минуту, а после казни – сложить обратно в чехол.

Но говорили также, что немцы хоронят наших сбитых летчиков с воинскими почестями, отдавая должное их храбрости.

Говорили, что под Красную Поляну привезли добровольцев-десятиклассников, которым уже было по восемнадцать потому, что они по второму году в десятом сидели.

Из-за кучи двоек, плохого поведения и курения в здании школы.

И что эти второгодники нашли в снегу четыре немецкие гранаты и сами себя вооружили.

И что те четверо, которым эти гранаты достались, бросились с ними под немецкие танки.

И взорвались.

Но танки, под которые они бросились, не взорвались.

Потому, что немецкие гранаты оказались не противотанковыми, а противопехотными.

А ребята были первый день на фронте и ещё не знали разницы.

Говорили, что в занятых городах немцы открывают бордели для своих солдат и что

наши девки стоят в очередях, чтобы получить там работу.

Потому, что немцы платят, а не халявничают. И пользуются презервативами.

Говорили, что ополченцам сдался в плен раненый в обе ноги немец, у которого в карманах было полтора кило золотых колец и браслетов.

Сам поднял руку, чтоб ополченцы мимо не прошли. Потому, что и ползти-то не мог.

И что он протянул им несколько колец, как плату за помощь.

Но наши герои взяли всего по одному колечку, как заслуженные боевые трофеи.

И отволокли немца к особистам. На его же серой шинельке. Вместе с остальными кольцами и браслетами. Чтобы им, ополченцам, под расстрел не попасть за присвоение народного трофейного достояния в час решения судеб.

Вдруг какая-нибудь падла настучит из зависти. Заявит, что взяли не по одному колечку, а по десять или двадцать хапнули.

Но, конечно, главное, почему сдали ополченцы это золото, – хотели, чтоб как можно скорее попало оно в руки нашего государства и пошло на новые танки и самолеты.

Чтобы крепче бить врагов, губителей и грабителей.

А особистам было не до пленных, они еле успевали "самострелов" трибуналить.

И они немца шлёпнули.

Прямо, где лежал, на его же шинельке. При попытке к бегству.

И теперь никто не знает, куда делись эти полтора кило золота.

Потому, что особисты ни перед кем не отчитываются.

***

Про золото и деньги много говорили и те, у кого под немцами родня оказалась.

Говорили, что полицаи раздевали женщин догола и смотрели, что и куда они запрятали.

И что сами немцы не раздевали и не смотрели, что и куда, только ругались.

А полицаи засовывали в женщин грязные руки и щупали внутри.

Вроде бы, искали.

И рубили женщинам пальцы вместе с кольцами, если кольца не снимались.

Брали топор, прижимали пальцы с кольцами к полу и рубили.

Из-за одного кольца – по два или три пальца.

Как попало, так и рубили.

Рассказывали, что наши артиллеристы раздолбали поезд с рейхсмарками, которые немцы везли для выплаты жалованья своим генералам.

И что несколько красноармейцев набили вещмешки подобранными деньгами, ушли через линию фронта.

И в первой же деревне попросили, чтоб женщины нажарили им мяса с картошкой и луком. Потому что в Красной Армии им давали только жидкую кашу из концентрата.

И сказали, что хорошо заплатят и за мясо, и картошку, и за душу согревающую.

А потом, когда ели, позвали за стол деревенских полицаяв, чтоб угостить их и с ними познакомиться.

И сказали полицаям, что хотят жить в Германии, а не в СССР. И попросили, чтоб они свели их к немецкому начальству.

Полицаи обещали, что сведут, а когда красноармейцы уснули, убили их и забрали деньги.

И дали по чуть-чуть этих рейхсмарок шалавам, с которыми пили и спали.

А шалавы, которые и с немцами шились, этих полицаев тут же заложили.

И немцы отобрали остатки генеральских денег и расстреляли полицаев.

Вместе с двумя партизанами, которые пришли в деревню выменивать на самогон стрептоцид и соль, сброшенные им с самолёта. И на которых немцам бабы показали, как на поджигателей их домов и сараев.

Но расстреляли немцы партизан и полицаев не сразу, держали два дня взаперти. Ждали, пока они протрезвеют и начнут соображать.

Потому что Гитлер приказал вежливо разговаривать с пленными и предлагать им воевать против безбожных большевиков на стороне верующих в бога немцев.

Рассказывали, что переметнувшиеся к немцам казаки нашли председателя колхоза, который прятался под перевёрнутой вверх дном бочкой от соленых огурцов.

Проходили казаки мимо бочки и почуяли, что от неё уже не рассолом пахнет. И нашли председателя. Избили и отдали немцам, для допроса.

Но немцы председателя отпустили. Поверили, что не еврей, потому что он был необрезанный. Хотя и чернявый.

А казаки не поверили, снова поймали его и привязали за ноги к двум лошадям. И погнали этих лошадей в разные стороны. Нагайками.

И разорвали председателя.

***

Станным образом, люди старались не говорить о самом страшном, невысказанном – о готовящемся взрыве всей Москвы.

О грядущей гибели сотен и сотен тысяч.

И даже, может быть, целого миллиона.

Сразу.

В момент взрыва.

И о гибели остальных потом, среди обгорелых развалин, от голода и холода.

По секретному приказу человека, на которого они так надеялись.

По приказу Сталина.

В России секреты живут недолго. Что Москва заминирована – знали все.

Но точного часа взрыва не знал никто. Что-то всё таки становилось известным, и люди говорили, что будут взорваны Кремль, мосты через Москва-реку, метро, Большой театр, аэродромы, вокзалы и даже любимое детище голодной страны – копия чикагских мясокомбинатов, дворец колбас и сосисок имени Микояна.

И даже больницы, школы, детские сады и хлебозаводы.

Говорили, что энкаведешники, стараясь выслужиться и нахватать орденов, заложили взрывчатку и под каждый дом выше двух этажей.

А значит – и под наши корпуса. И все гадали: где, под какими подъездами, в каких подвалах может быть спрятана эта взрывчатка.

И кто и как мог бы её обезвредить.

***

Теперь многие историки считают, что Сталин считал сдачу Москвы делом решённым.

Он ещё спрашивал Жукова и Власова, удастся ли отстоять столицу и благосклонно кивал, слушая:

- Москву – отстоим! Любой ценой!

Но он так давно не верил никому, что не верил ни Жукову, ни Власову.

Даже шутил:

- Я никому не верю. Я сам себе не верю. Пропаций я человек...

Он знал, что его командармы боятся его и ненавидят его за свой страх перед ним.

Знал, что красноармейцы прекрасно понимают, что значат слова "любой ценой" и страшатся не только немецкой пули, сколько пули из пулемётов, поставленных за их спинами.

Он знал, что, если японцы вступят в войну, сибирские дивизии будут нужны на Дальнем Востоке. И тогда будет некого слать в контратаки под Москвой.

И Москву придётся оставить.

А если так – врагам должен достаться не город, а только его обугленная территория.

И пусть никто его за это не упреknёт.

Потому, что он – всего лишь ученик, идущий по стопам, по проложенной тропе.

Разве, ещё в 18-м, не приказывал Ленин сжечь весь Баку, если сдача города англичанам и туркам окажется неминуемой?

Сжечь – до последней халупы в трущобах, до последней скважины на промыслах, до последней цистерны на путях?

Так что он, Сталин, – всего лишь верный ленинец.

***

Три четверти века спустя, рассекреченные документы подтвердили, что все подлежащие взрыву объекты были заминированы уже 10-го октября.

А 16-го и накануне, люди, которым их "родная советская власть" не сказала о взрыве ни слова, говорили, что Москву взорвут самым сильным в мире советским динамитом, как только немцы ступят на Красную площадь.

Что Сталин, куда бы он ни уехал, сам нажмёт специальную кнопку, которую всегда и всюду носит за ним в специальном чемоданчике особо проверенный комиссар НКВД.

И что этот чемоданчик пристёгнут к руке этого комиссара стальным наручником.

На немецкий манер.

И что сигнал от кнопки донесут до заложенных зарядов самые сильные в мире советские радиоволны, придуманные самыми великими в мире советскими учёными специально для этого случая.

И что ключи от чемоданчика есть только у Сталина и Ворошилова.

И что Сталин доверил второй ключ именно Ворошилову потому, что сам, своей головой, Ворошилов ни до какой измены не додумается.

Говорили, что в тайных подвалах Кремля ждут команды привезённые из тюрем враги народа, которые нажмут на другие специальные кнопки, если сталинская кнопка не сработает.

И что эти враги сами вызвались нажимать на эти кнопки. Потому, что им, врагам, Москву взорвать – одно удовольствие.

Терять-то им нечего, в тюрьмах зачистка под ноль идёт, всем, кого на фронт не отправили – пуля в затылок и овчаркам на корм.

А тут, глядишь, ещё какое-то время пожить можно.

До взрыва.

***

Мы не встречали в разговоры взрослых, мы слушали. Можно узнать очень и очень многое, если вокруг толковые люди.

А толковые люди знали о немцах на Рогачёвском шоссе. Знали и боялись.

И мы, дворовые шкеты, бесстрашные по нашему детскому ещё неведению, начинали

бояться тоже – мы слышали, что немцы прибивают к дверям домов всех

мальчиков-брюнетов. Как Христа прибивали к кресту.

Гвоздь забить – дело нехитрое. Прибили же в Мытищах двум ворам руки к берёзам. Поставили одного между двух стволов, вытянули руки в стороны и прибили. А другого поставили между тех же берёз, но с другой стороны. И тоже прибили.

И оставили их в лесу. Нос к носу. Комарам на пропитание.

Но воров-то этих, как говорили, братва за дело наказала.

Не за то, что вскрыли военный склад и взяли шесть ящиков с новенькими пистолетами. И не за то, что хорошо продали.

За то, что ни рубля в общак не внесли.

А мальчишки-брюнеты в чём виноваты? За что их прибивать?

И почему именно брюнетов?

Значит, нашего «армянчика, Карена, тоже прибьют?

-Во, суки, бля. – сказал Толик. – Надо придумать, где Карешку прятать. Может на чердак его, в пятый корпус, там от труб всегда тепло?

И добавил: *– Нам-то с тобой бздеть лишнего нех... Мы не брюнеты.*

***

А взрослые повторяли и повторяли страшные рассказы о взрыве, немцах и полицаях, словно убеждая себя, словно разрешая себе бросать всё и бежать.

Повторяли всё быстрее, всё торопливее.

Времени на разговоры уже не оставалось, надо было уходить, уезжать... Бежать.

От неизвестности.

В неизвестность.

Со всех этажей нашего подъезда жильцы тащили узлы и чемоданы, волокли за собой детей.

Но, словно собираясь вернуться через пару недель, запирали свои комнаты на все замки.

И дергали двери за ручки, проверяли, хорошо ли заперлись.

Что было в этих узлах и чемоданах? Что казалось им важным, нужным и ценным в дни, когда традиционные понятия о ценностях потеряли всякий смысл?

До 16-го октября на толкучке в Столешниковом за серебряное колечко давали пачку махорки. За шёлковое платье – две картофелины. 16-го октября – на толкучку никто не пришёл. Ван Ваньч расстелил на полу в коридоре кусок брезента и завернул в него новенькую, с сухим ещё бачком, керосинку. И сказал, что те, кто берёт с собой всякие тряпки – полные идиоты. Потому что на тряпках пожрать не сварись.

Прямо перед нашими окнами спорили две растрёпанные, «расхристанные», как сказала бы бабушка, женщины.

Одна говорила, что нужно уходить через Реутово и Балашиху, на Орехово-Зуево.

Другая – что лучше забирать южнее, в сторону Рязани.

И обе, перебивая друг друга, говорили, словно убеждая самих себя в чём-то совершенно

невероятном, что все дороги на восток забиты, что упавших людей просто затаптывают, а дезертиры, удравшие с фронта с оружием, отбирают у всех деньги, золото и серебро.

И что на всех дорогах ловят и убивают евреев. Бьют, режут, душат, рвут на части, вбивают в асфальт. И женщин, и детей.

Они стояли и говорили, что времени уже нет, что его не осталось уже ни часа, что всё происходящее – ужасно, что нужно скорее, скорее, скорее...

Стояли.

И говорили.

Словно пытаясь отодвинуть момент, когда нужно было сделать самый первый, самый трудный шаг – в бегство.

Бежать. Хоть затаптывают, хоть убивают.

На восток, только на восток.

Куданибудь, в любое место на востоке, потому что на западе – немцы.

Кто-то сказал, что в здании ЦК партии на Старой площади нет ни души уже с утра и что партийные документы валяются на полу в кабинетах и коридорах.

И что в соседнем доме №19 умерла от разрыва сердца женщина, член партии Ленинского призыва, которая работала в ЦК уборщицей и за которой не пришла обещанная ей машина. И что она так и лежит на полу в своей комнате. И что рядом с ней – сумка с пачками новеньких незаполненных партбилетов и с какими-то печатями в синих коробочках.

***

Но даже бегство сотрудников уже не удивляло.

Москву покинули те, кто мог уехать.

Теперь её покидали те, кто надеялся, что ещё может уйти.

Поток идущих по Петровке стремился в сторону центра, к Большому театру, Манежу, Кремлю.

Никто не улыбался. Люди словно не видели друг друга, смотрели сквозь тех, кто шел рядом и впереди.

Никто не помогал ни старикам, ни матерям с детьми на руках.

Люди не разговаривали между собой.

А если какие-то слова и произносились, то звучали коротко и резко.

Или выползали из-за сжатых зубов, словно змеиное шипение.

У кого-то выскользнула из рук и упала на мостовую бутылочка с детским молочком.

Толик рванулся, чтобы поднять её, но его толкнули так, что он едва не упал.

И бутылочка хрупнула под чьей-то ногой.

Синий троллейбус с веером трещин на лобовом стекле стоял, уткнувшись в стену Высокопетровского монастыря на самом углу Крапивенского переулочка.

Его «рога» – троллейбусные мачты – торчали вертикально вверх.

Верёвки, которыми водители притягивали мачты, чтоб зацепить их за крюки на крыше, свисали вниз тяжело и обречённо.

Фары, выступавшие вперёд двумя цилиндриками, были выбиты, двери – открыты.

На ступеньке задней двери сидел Коля, безвредный сумасшедший из Петровских линий. За тонкий голос Колю звали Бубенчиком.

На колиной голове была мятая командирская фуражка с синим верхом и красной эмалевой звёздочкой.

Бубенчик козырял всем идущим мимо и повторял, радостно улыбаясь:

- Давай! За Сталина! Заебись... За Сталина! Давай! Заебись...

У Колиных ног лежал мешок, в котором что-то тихо шевелилось.

Голубь или кролик.

Не кошка.

Кошка бы мяукала.

И кошек тогда ещё не ели.

***

А те, кто не уходил – избавлялись от всего, что могло рассказать об их приверженности власти, которая, казалось, должна была исчезнуть уже завтра.

Из окон летели вниз портреты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Тёмнокрасные и тёмносиние тома их сочинений грохались на мостовые тяжело и грозно, словно обещая вернуться и снова учить всех уму-разуму.

Белесые обломки бюстов вождей торчали из холодной слякоти, как неровные зубы поверженных драконов.

Равиль разжёл костер у помойки и свозил к нему выброшенные тома и портреты на тачке. Он, по-видимому, решил, что, придут немцы или не придут, а в его дворе должен быть порядок.

Прямой, высокий, в отглаженных как всегда брюках, Юрий Петрович ходил по квартирам, собирал профбилеты и служебные удостоверения с фотографиями жильцов и складывал их в брезентовый портфель.

Замок портфеля был, наверное, сломан, потому что Юрий Петрович носил портфель подмышкой вплоть до его сожжения на костре.

Мама связала бечёвкой папины журналы «Большевик» и велела мне бросить их в огонь. Я отнёс и бросил.

Постулаты марксизма-ленинизма воняли жжёным клеем и сильно дымили. Обугленные останки обещаний коммунального счастья кружились в потоке горячего воздуха и, где-то на уровне третьего этажа, выскальзывали из него.

И медленно опускались по изменчивым, изломанным траекториям.

И ложились на осевший снег, словно чёрная шелуха, слетевшая со странных прямоугольных луковиц.

Когда-то определявших судьбы, а теперь – сжигаемых торопливо, с брезгливостью, как сжигают заразную падаль.

***

Между осенью 1941-го и осенью 2016-го, когда были написаны эти воспоминания – семьдесят пять лет. Вожди приходили и правили, народ "в едином порыве" одобрял их указы и носил их портреты на демонстрациях.

А после демонстраций старался ухватить бутерброды с московской твёрдокопченной, которые, как и кофе – содержимое нескольких банок консервов «Кофе с молоком», разведённое водой и согретое в больших алюминиевых кастрюлях – продавались в "ограниченных количествах" рядом с местами, куда должны были быть отнесены уже ненужные портреты.

И народ уныло и привычно матерился.

И когда ему не доставалось "ограниченных" бутербродов, и вообще.

И в истинно едином порыве – в дни получек.

А когда очередной вождь и его команда исчезали, свергнутые теми, кто лизал главный кремлёвский зад всех истовее, народу сообщалось – со всей большевистской принципиальностью – что он, народ, клялся в любви и преданности не тому, кому надо.

И всё шло, как шло.

И лица на портретах, схожие неживой, отретушированной гладкостью, мелькали и сменялись, как странная метель, не пускавшая в страну никакую другую погоду.

Но одно лицо – не сменялось.

Лицо того, кто, как подсчитали историки, убил больше коммунистов, чем Гитлер

Кто выдал гестапо немецких антифашистов, бежавших в СССР, надеясь спастись.

Кто писал "Расстрелять всех" на бесконечных списках оболганных доносчиками граждан.

Кто стал причиной гибели миллионов преступно "израсходованных" красноармейцев. Кто отправил вернувшихся из немецкого плена в лагеря, "на проверку". И кто приказал вывезти с глаз долой, на Валаам, в Соловки и в другие заброшенные, заросшие бурьяном монастыри тысячи и тысячи

"обрубков" и "самоваров" – безногих и безруких инвалидов Великой войны.

***

Инвалидов собирали на улицах, в поездах, на рынках. Везде, где они просили милостыню, чтобы выжить.

Везде, где они портили победную картинку.

К эшелонам их свозили в открытых кузовах грузовиков. Навалом.

И, под надзором патрулей с собаками, новобранцы – почти всегда почему-то плохо говорящие по-русски казахи, буряты или узбеки – забрасывали их в теплушки, как мешки с картошкой. И медали с усатым профилем звенели высоко и печально, словно всплески горестного реквиема воинской храбрости и верности стране, предавшей своих героев.

***

Зимой 53-го в зоне вечной мерзлоты строились новые бараки. Вождь готовился сослать и убивать ещё больше. Но был остановлен.

Нет, не прозревшими, наконец, гражданами.

Волей Божьей.

***

О том, что Сталин был готов взорвать Москву и москвичей в 41-м, люди моего поколения знают не от историков, не понаслышке.

И Толик, и Карен, и я, и наши мамы – мы все могли бы не пережить октябрь 41-го.

В Москве оставалось почти два с половиной миллиона жителей.

Из них – более полумиллиона детей. Сколько погибло бы в результате "сталинского" взрыва?

Сто тысяч? Двести? Пятьсот?

Миллион?

Как представить себе миллион смертей?

В декабре 2016-го семь десятков сибирских мужиков, набрав даже на мутный первач, поддержали себя метиловым средством для мытья ванн и туалетов. И – ушли в мир иной. Миллион алкашей может исчезнуть – по семьдесят в день – за тридцать девять лет.

В том же декабре в Чёрное море упал российский самолет. Все, кто был на борту, – около ста человек – погибли. Чтобы убить миллион, такие самолёты должны падать двадцать семь лет подряд. Ежедневно.

Смерть сибиряков и авиакатастрофа наделали шума. Публиковались официальные сводки и «отмордерированные» комментарии, народ стал ещё настырнее требовать снижения цен на водку и выяснять, какими именно лайнерами обслуживаются авиарейсы – американскими боингами или отечественными тушками.

И в том же декабре 2016-го, в дни 75-летия спасения Москвы и москвичей от смертоносного взрыва и немецкой оккупации, СМИ не упомянули предательство, панику и бегство – трагедию московского октября 41-го.

И народ-богоносец не возмутился и не потребовал упомянуть.

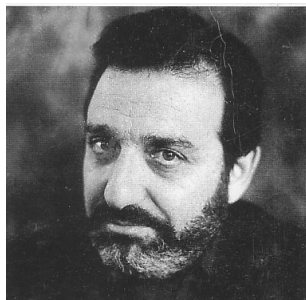
Полный вариант повести на сайте журнала ЧАЙКА:

<https://www.chayka.org/node/7866>

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

Эмиграция как сон. Из дневников этих лет

Еще толком не проснувшись, считаю дни. В августе – пять, в сентябре – тридцать... Перестаю заниматься этой арифметикой в конце второго месяца. Теперь считаю неделями. Кажется, так считают детей – неродившихся или только появившихся на свет.

Через четыре дня – «годовщина»: ровно три месяца, как мы в Чикаго. Пытаюсь понять: много это или мало? (Нояб., 1996)

***

Боль пронзает неутомимо. Возвращается – как схватки у рожениц, вгрызается, не делает перерыва. Иногда я хочу погрузиться в нее, приспособиться, отупеть – не могу. Разумеется, боль не покидает меня и ночью, только во сне я чувствую ее как бы издалека. С этой болью проходит месяц моего прощания с Литвой и полтора месяца в Чикаго. В Вильнюсе мне безрезультатно пробуют помочь врачи скорой помощи. Наконец, в США боль побеждают обычные пилюли, которые я покупаю в магазине Walgreens. Говорят мудрецы: языком боли нас о чем-то предупреждает Всевышний.

***

Есть распространенное измерение эмиграции. Английский язык. Наша жизнь с ним и – в нем.

Учитель английского – поляк. Приехал в Америку в детстве, сейчас ему тридцать семь. Откуда я знаю? Он сказал это сам. Еще рассказал:

о своей жене, которая младше его на пять лет, врач, зарабатывает в три раза больше, чем М., и это – предмет его гордости;

о своих любовницах, girlfriends, которые были до жены, хотя и она являлась таковой в течение нескольких лет;

о вкусах и антипатиях жены – больше всего она ненавидит дурной запах изо рта, а любит make love, «заниматься любовью»;

о причинах их ссор; вот постоянная: М., когда совершает в туалете пи-пи (это учитель произносит по-русски), поднимает, чтобы не забрызгать, крышку унитаза; возвращаясь с работы, жена торопливо садится прямо на холодную фаянсовую поверхность, испуганно вскакивает, кричит...

Думаю иногда: а есть ли у М. жена? Может, все это только прием – педагогический прием, чтобы активизировать восприятие его прекрасной английской речи.

Он сидит посреди комнаты, вытянув ноги. Может на виду у всей группы, не прерывая рассказ, завязать шнурок на ботинке или почесать любое место своего похожего на тюленья тела. Говорит, поглядывая незаметно на часы. Я много раз проверял: он не пропустил ни одной минуты – обрывает беседу едва ли не на полуслове, чтобы ровно в три часа сказать:

– Break. Перерыв.

Нет, он не халтурщик – виртуоз своего дела. И ему, как любому мастеру, доставляет удовольствие, когда я говорю ему об этом. «Is it true? Это правда?» – переспрашивает М.

Особенно виртуозен он был в самом начале занятий. Пел песенки, изображал то какого-нибудь зверя, то различные типы американцев... Очень виртуозно М. скрывает и то, что, по-видимому, прекрасно знает русский язык.

В классе обычно десять-двенадцать человек. Столы поставлены полукругом. Никаких учебников. Никакой грамматики. Каждый день М. раздает нам размноженные на ксероксе листочки. Это материал для размышлений. Надо представить себя банкиром, который решает, можно ли выделить кому-то заем. Или членом комиссии, делающей выбор – какие школьные программы сократить, а какие оставить. Или... На листочках – исходные данные. «Завтра мы все это и обсудим».

Ровно без пятнадцати пять М. закрывает рот и выходит из класса. В холодный день набрасывает себе на плечи яркий свитерок. Идти ему недалеко – до стоянки, где притулилась его белая тойота-камри.

Я так никогда и не узнаю, куда же он едет. (Янв., 1997)

***

«Промежуток». Название статьи Юрия Тынянова о русской поэзии начала двадцатых годов прошлого века. «Промежуток» – лучше об эмиграции не скажешь. А эмигрант – человек в промежутке.

***

Эмиграция или иммиграция? Ненужный спор. Любая энциклопедия объяснит: эмигрант – это тот, кто покидает родину; иммигрант – человек, уже приехавший в другую страну. Почему мне по-особому интересны эмигранты? Их судьбы неизменно таят в себе трагедию (или хотя бы драму). Они уехали из России (или из любого другого государства бывшего СССР), а в Америку так и не попали. Они – «в промежутке». Навсегда?

***

Оправданием эмиграции озабочены, конечно, сами эмигранты. Оправдания эти в разные годы разные. Сейчас они, как правило, ориентированы не на «верх» – на «низ» человека. Уже никто не только не скажет – даже не подумает: «Мы не в изгнании, мы в

послании». Убедительнее то, что с простодушным цинизмом написал в начале двухтысячных один чикагский журналист. Возьмите кусок свежего бородинского хлеба, намажьте его вологодским маслом, положите сверху докторскую колбаску... Вы еще не забыли про свою ностальгию по родине? (2005, авг.)

***

Великий «искатель истины» Георгий Гурджиев не сомневался: человек – это машина. Существо, живущее механически и погруженное в дурман сна. Опыты Гурджиева, которые потрясали и притягивали интеллектуалов Европы, преследовали одну цель: пробуждение человека от «сна наяву».

Эмиграция, конечно, пробуждает наше спящее сознание. Еще бы! По словам Дины Рубиной, в которых нет преувеличения, эмиграция – это «харакири. И твои кишки шлепаются на асфальт».

Хотя сама по себе эмиграция тоже является сном.

***

Радостные рассуждения ученых: «Переезд улучшает память. В течение жизни человек в среднем переезжает около 5 раз. Исследования показали, что это очень тяжелое испытание (тяжелее, чем развод). Однако ученые из Университета Нью-Гэмпшира установили: у переезда есть, как минимум, один плюс. Он помогает запоминать то, что с нами происходит».

(Сообщения информагенств в августе 2016 г.)

***

...Будто споря с этими доводами науки, неторопливо идет навстречу мне по Devon Avenue в Чикаго странная пара. Она – высокая, сухощавая, похожая на осеннее дерево с облетевшими листьями. Он – пухлый, неестественно краснощекий, едва достает ей до плеча. Заметив меня издали, они улыбаются. Прошлой осенью в Хот-Спрингсе – горном курорте на юге Америки – мы часто гуляли по старому, как бы нависшему над городком, парку. Юрий, когда-то, как и я, преподававший в вузе (его лекции, случалось, приезжали послушать поклонники из других городов), был теперь застенчив и молчалив. Самую длинную фразу он произнес в начале знакомства: «Можете звать меня по имени, мы ведь встретились на Западе, где к отчеству не привыкли, не правда ли?».

Не сразу я понял: его уже давно сразил Альцгеймер. Но вместе с женой они умело скрывали это. На мои вопросы о кафедрах

литературы в Молдавии отвечает Фира. А Юрий печально и ласково поддакивает.

Однажды, когда он задремал на лавочке, опьяненный резким горным воздухом, Фира шепотом поведала их историю. Альцгеймер напал на ее мужа внезапно и побеждает, не церемонясь. Слава Богу, мы уже здесь, в Чикаго, где будущее не так страшит. Слава Богу, он не стал агрессивным, хотя об этом предупреждал врач. Слава Богу, Юрочка не совсем растерял интеллект. И он даже придумал объяснение своего беспамятства: «Большинство писателей, возвращая минувшее, оживляют его, смакуют свои воспоминания. А мне не хочется вспоминать. Мое прошлое пропитано тоской».

***

«Эмиграция – болезнь», – записываю в блокнот. И забываю подумать о главном: долго ли длится эта болезнь? Разумеется, вариантов несколько. Читая книгу знаменитого основателя гештальт-терапии Фредерика Перлза, встречаю его напоминание: болезнь – незаконченная ситуация; она «может завершиться выздоровлением, смертью или перестройкой организма».

***

Русскоязычные общины в городах США становятся приютами стариков. Массовая эмиграция из России давно закончилась. Утихли животрепещущие споры в газетах и на радио о том, сколько приехало с нами агентов КГБ; кто же все-таки написал «Тихий Дон»; кем был Георгий Жуков – спасителем России или «мясником», бездушно посылающим солдат на верную смерть. Вчерашние, не терпимые друг к другу спорщики мирно встречаются сегодня у кабинета уролога, в круизе на Багамы или в «детском садике» для стариков. (дек. 2017)

***

Человеческие судьбы, в эмиграции едва погруженные в быт, обнажены. Эмиграция подчеркивает их изломанность, странность, часто – загадку.

***

На той же Devon Avenue, долгие годы дававшей приют русской эмиграции в Чикаго, прислонившись к стене продуктового магазина, стоит человек, вид которого отталкивает и – одновременно – притягивает прохожих. Сам о себе он говорит: работаю нищим. Сколько лет ему – решить непросто: от сорока до шестидесяти. Во всяком случае, в его сизой, клочками,

бороде я не разглядел седины. Вместо левой ноги у него – протез, который не скрыт, как бывает, брюками. Самое примечательное на его лице – глаза: они большие или кажутся такими, потому что человек смотрит на вас твердо и пристально, почти не отводя взор.

За много лет мы не сказали друг другу и нескольких слов. Но я знаю его имя: Илюша. Мягкое, теплое имя это, кажется, неудачно взято им на прокат. Многие американские нищие протягивают за подаванием банку или коробочку, где уже лежат, словно упрекая прохожих, доллары, звенят монеты. А этот безногий только смотрит на вас, просвечивая насквозь, и вы сами, без приглашения достаете кошелек.

Однажды зимой встретил Илюшу в приемной врача. Он уже выходил из дверей, однако, узнав меня, задержался. Уверенно спросил: «Не подбросите до работы?» Ехать всего минут пять, но, конечно, идти Илюше трудно: обжигающий зимний ветер в Чикаго сбивает с ног даже здоровых людей. Он молча сидит рядом со мной в машине, отвернувшись к окну – будто впервые увидел улицу, где прошли десятилетия его жизни. Разумеется, Илюшу нисколько не смущает зловонный запах, исходящий от его неизменной, в любую погоду, серой куртки.

Мне говорили: когда-то он окончил философский факультет МГУ. Философский факультет? – мысленно, с усмешкой, переспрашиваю я. И сразу вспоминаю сентиментальные романы позапрошлого века. Я не сомневаюсь, что услышал одну из легенд эмиграции, которая любит творить мифы. Но потом Т., знающий всех и все, поклялся, что в самом деле видел у Илюши диплом МГУ.

Что привело его в Чикаго и заставило выбрать древнюю профессию? Часто я порывался поговорить с Илюшей. Но каждый раз меня останавливал его жесткий, не пускающий к себе, как дверной засов, взгляд.

***

Анатолий Симонович Либерман, знаменитый лингвист, профессор Миннесотского университета говорит по телефону:

– Наша прошлая советская жизнь поразительно нас усредняла. Поколение, как горох из стручка. По выражению моей жены, все мы похожи, словно серые штаны пожарника. Встречаясь, сразу узнаем друг друга. Одни и те же цитаты, мысли, воспоминания.

В самом деле, узнаю своих всюду. Узнаю безошибочно страх: его большинство из нас старается скрыть. Это единственный багаж эмигранта, который, увы, нельзя потерять или оставить в камере хранения.

Страх – одна из главных тем моей книги «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти. Из дневников этих лет» (1996). Пять лет я слушаю исповедь умирающего литовско-еврейского драматурга и критика й. Пять лет «на самом краешке жизни» й мы вместе пытаемся реконструировать его многочисленные страхи. И разобраться, наконец, в них. Кстати, страхи закончились для й только вместе со смертью.

***

Позавчера, после работы, гуляю в парке около дома. Говорю по мобильному телефону. Вдруг слышу – голос с сильным акцентом: «Как это приятно – красивая русская речь...» Немолодая женщина. Спрашиваю: «Вы из России?» – «Нет, из Латвии. А здесь почти тридцать лет. И скучаю по русскому языку...» -?! – «Я вообще люблю изучать языки. Сейчас знаю пять, учу шестой – японский... Поеду скоро в Японию на стажировку». Она рассказывает о себе еще. Не слишком значительные подробности, не слишком ясна даже ее профессия (что-то связанное с нетрадиционной медициной)... Расстаемся через несколько минут. Она предлагает обменяться номерами телефонов.

И вскоре в самом деле звонит: «У меня к вам просьба. Если мы встретимся случайно в каком-то общественном месте, сделайте вид, что меня не знаете...» Повторяет это несколько раз. Успокаиваю ее. Даю слово молчать. И ни о чем не спрашиваю. Мне не хочется идти вглубь ее страхов.

***

Когда-то я стал записывать сны евреев. Начинался Исход из страны красных фараонов. Миллионы людей исчезали, словно растворялись в истории и времени. Мне казалось: именно через сны, можно понять трагическую и запутанную историю советского еврейства. Сколько бы мы сегодня ни пытались прочесть ее, многое так и остается догадкой. Может быть, хотя бы сны, рассуждал я, способны что-нибудь прояснить. И то, о чем люди раньше не могли говорить. И то, что уже забыли. И то, что до сих пор прячут – даже от самих себя. (Некоторые записи вошли в мою книгу «Послевкусие сна. Из дневников этих лет», 2012 – Е.Ц.).

Ну а что же сны эмигрантов? Вот повторяющиеся, а значит – самые важные, по утверждению психологов: «Сидим в самолете, уже прилетев в Нью-Йорк. Однако нас не приглашают на выход. Кто-то говорит: поступила команда лететь назад. Возмущенные крики взрослых, плач детей. В конце концов, слава Богу, все разрешилось». Этот «страшный сон» – с небольшими вариациями – мне рассказывают человек десять.

***

Интервью с теми, кто мучается в эмиграции бессонницей: просыпается в три часа ночи и не спит до утра. Говорят, что в это время небеса хотят сообщить тебе нечто важное.

Тоже типичный ответ: «Люблю лежать в темноте с закрытыми глазами. Стараюсь увидеть себя со стороны. С годами стал относиться к себе как к постороннему. Спрашиваю: есть ли хоть какой-то смысл в жизни этого человека? И можно ли переменить его судьбу?»

***

Больше двадцати лет я редактирую русскоязычный ежемесячник в Чикаго. Изданий такого типа в Америке немало: что-то среднее между газетой и журналом. О том, «как я был редактором», можно написать книгу. Жаль, что такая книга давно написана. (См. записки Марка Твена или повести Дины Рубиной).

***

Электронные письма от Владлена Ф. таят в себе неожиданность. Он – тоже философ, один из многочисленных «философов» русскоязычной общины. Идеи В.Ф. всегда поражают меня. Вот и сегодняшнее его предложение, на которое он хочет обязательно получить ответ из редакции:

«Известно, что в обществе немало лесбиянок и гомосексуалистов. Как правило, у них нет детей. Однако нельзя бесхозяйственно относиться к этому биологическому материалу. Почему бы не способствовать тому, чтобы бисексуалы оплодотворяли лесбиянок? Эти женщины таким образом обретут жизненную гармонию. А мы получим огромный прирост населения. Кстати, гомосексуалов надо постепенно – с помощью достижений науки – переводить в ряды бисексуалов». (6 ноябр, 2017)

***

В новом издании дневниковой книги Юрия Олеси, которая раньше называлась «Ни дня без строчки», а сейчас –

пересоставленная и дополненная – вышла под названием «Книга прощения», читаю: «Человеческая судьба, одинокая судьба человека (...) наиболее необходимая поколениям тема. Мировые произведения построены на ней. Лучшее, что было написано за последние годы, – книга Ремарка. Чем-то перекликается она с другой книгой одинокой судьбы – с «Голодом» Гамсуна. Теперь обращаюсь я к своей судьбе и вижу: одиночество. Пусть в эпоху наибольшего движения масс возникнет книга об одиночестве» .

Одиночество, как и пошлость, – символ эмиграции. (Авг., 2000)

***

Прихожу в редакцию в разное время – в девять, в десять, одиннадцать утра. Мне некуда спешить: могу работать из дома. А Борис неприкаянно сидит в приемной, ждет. Мне стыдно, каждый раз извиняюсь перед ним. Хотя ни в чем не виноват: в Америке полагается заранее договариваться о встрече, никто здесь, как в России, не заходит «на огонек».

«Что нового?» – говорю я. И заранее знаю ответ: «Простите, мне не хватает общения». Борис – неплохой поэт. Прошу его почитать старые стихи, расспрашиваю о Таджикистане, где он когда-то жил и печатался. Что еще я могу сделать для него?

***

Старики-эмигранты (те, кому восемьдесят и больше) – типичные советские люди. Совсем редки их прозренья, как у Бориса З., который со вздохом заключает свое письмо: «Коммунистическая идея прекрасна! Надо только стараться, чтобы она никогда не осуществилась».

***

Еще одна дискуссия об эмиграции: «Счастливы ли вы в США?». Светлана П. возмущается: «Я приехала сюда и выучила английский не для того, чтобы мыть чужие дома...» Ей отвечает Инна М.: «Светлана была бы, конечно, права, если бы не говорила по-английски, как большинство наших стариков: Твоя моя вчера придет...»

Самоценки наших всегда прекрасно завышены.

***

Потоком идут в редакцию книги. Привычно недоумеваю: почему, едва попав в эмиграцию, многие хотят стать писателями? И – немедленно «берутся за перо», то есть осваивают компьютер.

Человек здесь теряет профессию (она часто уже никому не нужна). А в душе между тем – безошибочное ощущение: у тебя есть уникальный опыт жизни, о котором надо обязательно рассказать.

Увы, писать книги – тоже профессия. 99,9 процентов книг, выпущенных в эмиграции, – бесцветная продукция графоманов.

***

Эмиграция как идея и как реальность – разные вещи.

Как идея эмиграция замечательна: она выявляет для литератора суть многих вещей – в частности, его подлинное призвание.

Увы, реальность эмиграции – нечто иное. Грубое. Циничное. Резкое. Подчеркивающее ненужность творчества.

***

Русский литератор, конечно, попадает в число эмигрантов. Не имеет значения то, знает ли он английский. Он думает и пишет по-русски.

Он – в промежутке. Не поэтому ли многие литераторы в эмиграции переполнены тревогой и раздражением? На кого? На Россию, где их когда-то не оценили, а сейчас все так же не замечает критика. На антисемитов (в той же России, хотя государственного антисемитизма там давно нет). На американских бюрократов. В конце концов, на себя. На свою судьбу. Рано или поздно понимают бессмысленность этого чувства. Смирятся или только делают вид?

Суть такого состояния сформулировал Ф. Перлз: тревога — разрыв, напряжение между «сейчас» и «тогда».

***

Умерла талантливая поэтесса Алла Б. Ее статьи о писателях эмиграции пропитаны злобой. Бумеранг? Как она не понимала этого? Конечно, поняла. Но поздно. Смертельно больная, звонила людям, на которых недавно выливали ушаты грязи. Просила простить.

***

«Здравствуй, брат, писать очень трудно!» – говорили друг другу Серапионовы братья. В эмиграции это приветствие звучит насмешливо: ну кто расслышит одинокий голос автора, пытающегося что-то сказать на чужом языке?

Тем не менее эмиграция – лучшее место для творчества. Если, конечно, ты сумел обуздать неуемность тщеславия.

***

В ноябре 2013-го в Чикаго скончался старый врач, эмигрант из Украины Роман Вершгуб. Многие люди, умирая, уносят с собой тайну. Мне всегда казалось, что ее совсем необязательно разгадывать – человек имеет право недосказать сюжет собственной жизни. И все же тут был особый случай.

Впервые о том, что Роман Вершгуб пишет рассказы, я услышал от Ефима Петровича Чеповецкого, знаменитого детского поэта, в свои последние годы жившего в Чикаго. «Прекрасная проза, – воскликнул Е.П. – Но загвоздка в том, что Роман не хочет ее публиковать».

Он печатал свои рассказы на машинке: два-три экземпляра. И давал читать двум-трем людям. Когда мы познакомились, Роман оказал эту честь мне. Чем сразу поразили меня его рассказы? Они явно были написаны профессионалом.

Я совершил ту же ошибку, что и другие. Спросил: хотите, предложу ваши работы в один из эмигрантских журналов, с которыми связан? И получил такой же категоричный отказ.

Тогда он был уже безнадежно болен. И знал это. И поддался на уговоры друзей: стал иногда читать свои вещи в литературной студии Чеповецкого. Однако еще тверже говорил о ненужности публикаций.

Майя, вдова Романа, нарушила его волю. Не мне ее упрекать. В былые дни легенды о Майе, враче-гомеопате, гуляли по Киеву. А сейчас, через несколько десятилетий, она занималась восточной гимнастикой, водила машину. Она не раз приезжала ко мне в редакцию. За советом: как составить сборник? Как назвать книгу? Но главное – спросить: как я понимаю подтекст того или иного рассказа?

Ее тоже волновала тайна мужа. Жене Роман никогда не давал читать свою прозу. Робел, зная ее хороший вкус и категоричность оценок? Может быть. В чем-то не доверял? Вряд ли. Многие детали безоговочно твердили: он любил Майю, долгие годы их брака был предан ей.

У меня собралась большая папка рассказов Вершгуба. Иногда я перечитываю их. Рассказы эти печальны, а на первый взгляд – безотрадны. К одному из них автор поставил эпиграф: «Успехи мнимы, беды истинны». Герой этой новеллы молодой ученый Виталий, которого справедливо считают гением, отказывается вдруг от защиты диссертации, уходит из родительского дома – уходит к некрасивой женщине, гораздо старше себя («Маменькин сын»). Хирург Саша, делающий уникальные

операции, неожиданно теряет свой дар и мучительно пытается понять, кто виноват в этом, – нежели он сам? («Кузнец своего счастья».) «Я узнаю в рассказах реальные события и реальных людей», – говорит Майя. И наконец я догадываюсь: пространство рассказов было для Р.В. своеобразной лабораторией психоаналитика. Здесь он, не верящий в Бога, но доверяющий судьбе, стремился проникнуть в логику и смысл, а скорее – в алогизм и бессмыслицу бытия.

В начале апреля мы столкнулись с Майей все на той же Devon Avenue. Торопливо обменялись новостями. «Вам передали книгу?» – «Пока нет. Уже вышла? Поздравляю! А какой тираж сборника?» – «Пятьдесят экземпляров». – «Так мало...» – «Так много. Тридцать книг валяются у меня в шкафу – никому не нужны».

Майя вздохнула: «Там, на небе, Роман, конечно, осуждает меня...»

***

В США зарегистрировано более двух миллионов авторов. Иногда, вспомнив об этом, я не хочу писать. Представляю соревнование огромного количества муравьев.

***

Но все же, в оправдание творчества. Человек сотворен по образу и подобию Божьему. О чем это? Человек – прежде всего – создан демиургом. Творчество помогает эмигранту сохранить в себе тонкий, все уменьшающийся слой духовности.

***

Трагедия эмиграции: она дает свободу; однако часто не открывает, но закрывает мир.

«Что делать мне со своей свободой?». Это спрашивает меня тот же Ефим Петрович Чеповецкий. Ему за девяносто. Но он еще пишет, еще любит застолья. Когда-то о его стихах с восторгом отзывались Самуил Маршак, Лев Кассиль, Михаил Светлов. Когда-то миллионы малышей читали его книжки – их названия на слуху: «Мышонок Мыцик», «Непоседа, Мякиш и Нетак», «Про славную коровну Настурцию Петровну», «Солдат Пешкин и компания»... А мы познакомились с Чеповецким больше сорока лет назад, когда я писал свою первую книгу о «школе Всеволода Иванова». Этот первопроходец русского авангарда 1920-х, оппозиционный классик советской литературы учил молодых писателей прежде всего художественному поиску, вечному сомнению, которое так важно в искусстве. В феврале 1972-го я

опубликовал в «Литературной газете» неизвестные отзывы Иванова о «молодых». Одна из самых интересных рецензий была посвящена творчеству Ефима Чеповецкого. А теперь, сорок пять лет спустя, Е.П. уже не в первый раз настойчиво переспрашивает меня: «Что же делать мне со своей свободой?»

***

Умер Михаил К. – мрачный человек, который помогал многим и многим людям, ни от кого не ожидая благодарности. И, кажется, не получая ее. Никто толком не знал его биографию. Сам М. рассказывал мне: в войну был разведчиком, оказался в лагере (сталинском), после освобождения, стремительно наверстывая упущенное, окончил институт, быстро защитил диссертацию, прославился изобретениями, из-за которых его долго не выпускали на Запад. В его рассказе меня смущала одна деталь: в начале войны М. был совсем молодым, едва ли не юным человеком, однако – тоже стремительно? – получил звание полковника, которое после реабилитации ему не вернули. Американская же судьба М.К. очевидна: он стал университетским профессором, имел аспирантов, создал собственную фирму.

В своей огромной квартире, переполненной антиквариатом, М. кажется мне уставшим путником, случайно попавшим в дорогую гостиницу. Будто между прочим, не придавая значения своему признанию, он замечает: «Мне не с кем разговаривать. Я не смотрю телевизор. В газетах читаю только новости. Мне все и так ясно».

Три раза в неделю М. неизменно посещал дома престарелых, в один из дней – онкологическое отделение Лютеран Джeneral госпиталя. Он рассказывал мне о своих визитах туда, как всегда, невозмутимо и четко: «Лежат, никому не нужные, брошенные детьми. Одно утешение: в России им было бы еще хуже»; «Когда надо, становлюсь переводчиком – с английского, русского, идиша...»; «Обязательно читаю им Священное писание. Слушают с трепетом, а ведь, как правило, ничего не понимают».

Впрочем, к Библии у М. было свое, особое отношение. Он говорил безбоязненно и безапелляционно:

– Тора дана нам инопланетянами. Это известно всем здравомыслящим людям. Инопланетяне – представители Высшего разума. Они и принесли на Землю нравственные законы, по которым должно жить человечество. А как иначе?

Он пылливо, с хитринкой смотрел на меня, как бы призывая к дискуссии о Синайском Откровении. Спорить с М.К. я, разумеется, не стал.

***

Мой старший друг, прекрасный писатель Владимир Ильич Порудоминский говорит о Кельне, где живет уже одиннадцать лет: «Мне здесь неплохо, но этот город никогда не станет моим прошлым. Он не растет во мне в глубину, только – вширь». В.И. уехал из Москвы в Германию вслед за семьями двух своих дочерей. Уехал из той же комнаты, где родился семьдесят семь лет назад. (15 мая 2005 г.)

***

11 сентября 2001-го. Лас Вегас. Мы решили встретиться здесь с моим университетским другом Эмилом Горештером и его женой Диной. Накануне, десятого сентября, – чудесный вечер четвером. Утром – звонок Эмиля: «Включите телевизор».

Смотрю, как рушатся в Нью-Йорке башни-близнецы, думаю: что это? Неужели конец цивилизации?

Выйдя из своего гостиничного номера, проходим через зал казино. Там – всюду – огромные экраны телевизоров, на которые никто не обращает внимания. Там по-прежнему идет игра. (18 сент., 2001)

***

...Так значит, сны наяву, – переспрашиваю я, радуясь тому, что, кажется, нашел разгадку эмиграции. – Что это такое?

Эфраим Б. произносит вдохновенную речь о галуте. Изгнании, в котором евреи пребывают уже тысячелетия и которое наши мудрецы считали сном.

***

«Когда возвратит Господь из плена детей Сиона, [все пережитое] покажется нам сном». Эту песню пели левиим, стоя на ступенях в Храме.

***

Почему же галут – сон? Здесь соединяются вдруг противоположные явления. Ложь неожиданно принимает вид правды. Происходят затмения разума (хасиды и это считают сном).

О том же долгие годы размышлял, настойчиво убеждая учеников в очевидной для него истине, Георгий Гурджиев.

***

Оказалось, в мои блокноты уже давно входят сны наяву, точнее – люди из снов.

***

Профессии эмигрантов неожиданны. Моти Ш. рассказывает о своем друге Боре (тоже нелегал, уехал сейчас из Чикаго в Нью-Йорк):

-Как вы думаете, что предложили Боре? Продавать тапочки для собак! Причем, не в какой-нибудь маленькой лавочке, а на огромной плазе...

Моти – израильтянин. Бритая голова, голубые лукавые глаза. По-моему, его невозможно смутить, зато сам Моти часто старается смутить собеседника своим нагловатым взглядом. Родился и окончил школу в Москве, репатриировался в Израиль, получил в Иерусалимском университете степень бакалавра политологии, говорит на трех языках – русском, иврите, английском. Стал нелегалом в Чикаго – после того, как ему отказали в учебной визе. Жизнь: запущенная квартира с несколькими соседями, румейтами, случайные подработки. Почему не уезжает в Израиль или Россию? Моти не ответит на этот вопрос. Понимает: жизнь ускользает, течет мимо. Но он и не пытается ничего исправить. Ему нравится это состояние вечной неопределенности, открытости судьбе. С восторгом Моти рассказывает о своей последней работе. Он возит на машине врача, который навещает больных стариков на дому (кстати, таких врачей в США встретишь почему-то редко). Пока доктор беседует с пациентом, Моти, развалившись в машине и улыбаясь на этот раз собственным мыслям, перебирает в уме варианты будущей жизни.

***

Я звоню ему и – он приезжает. Деловитый, спокойный. С рулеткой и калькулятором вышагивает по квартире. Его не смущают особые обстоятельства нашего ремонта: мы с женой хотим покрасить стены и потолки, но, придавленные усталостью, решаем не отодвигать шкафы, не снимать полки с книгами, не перекладывать в коробки посуду и бумаги. «Назовем это косметическим ремонтом», – сразу все поняв, с улыбкой говорит Сергей. Он обращается ко мне без заискивания, но и без едва скрытого самоуверенного хамства, чем грешат русские мастера. Называет цену чуть выше той, что я собирался заплатить. А я и не спорю, уже знаю: надо взять его, он – свой.

Работает Сергей тихо, почти не отвлекая меня вопросами. Я сижу с ноутбуком на кухне, уже покрашенной в прошлом году, делаю очередной номер журнала. В полдень нахожу в холодильнике приготовленный женой обед, приглашаю Сергея к столу. Он отказывается, достает из синей сумки что-то свое. Однако соглашается выпить чаю с конфетами. За чаем, отвечая на мои вопросы, спокойно сообщает, что находится в стране нелегально. Конечно, я понимаю логику его смелости: в Америке тебя пока еще никто не арестует за такое признание, зато – кто знает – может, я чем-нибудь помогу ему.

Незаметно разглядываю Сергея, невольно подсчитываю: ему лет тридцать пять, из них восемь – он в Чикаго. Пшеничные, аккуратно подстриженные волосы, маленькие, но всегда какие-то теплые, тигриного цвета глаза, прямой нос, большие руки, которым, я уже убедился, все под силу. Одет не совсем парбочему, словно в расчете, что его увидит кто-то, чье мнение дорого ему: подогнанные в ателье по фигуре джинсы, серая фланелевая рубашка. Удивительно: в конце дня Сергей выглядит столь же опрятно, почти элегантно.

Чем он притягивает меня? Именно этим своим спокойствием, которое лучше назвать ощущением свободы и которое я никак не могу понять. Вроде бы, Сергею надо спешить обратно в Россию, надо торопиться жить, а не готовиться к жизни. Под Тамбовом осталась Аня, жена, дети – мальчик и девочка. Перспектив в Америке никаких, а ему так легко здесь дышится. Отсылает раз в месяц деньги через Western Union, показывает мне фотографию двухэтажного дома, построенного по его проекту. И молчит об отъезде.

Мне хочется иногда видиться с Сергеем. И причины находятся. То поломается дверка шкафа в прихожей, то рассыпется на отдельные части кресло-качалка китайского производства. Он исправляет все умело, быстро, а потом мы завтракаем (или обедаем) и говорим за жизнь. Сергей не хочет брать с меня деньги. Мы ведь теперь, если не друзья, то приятели. Но, прощаясь, неизменно вкладываю купюры в карман его куртки. И он смиряется, побежденный доводом: «Если не возьмете, я не смогу обратиться к вам в следующий раз».

Конечно, я вскоре узнаю причину его нелогичного оптимизма. «Надо как-нибудь познакомить вас Ритой», – говорит Сергей. Они оба живут в так называемой украинской деревне, в четырехквартирном доме. У каждого, разумеется, своя комната,

но они – вместе. Уже шесть лет. О Рите больше ни слова. Зато рассказывает Сергей об их коммуне нелегалов. «Я там как бы за старосту». Легко представляю их нередкие застолья по праздникам и дняхам («Нас как никак пятнадцать человек»), их несентиментальную заботу друг о друге, без которой не прожить: нелегалам, к примеру, не так просто лечиться, найти бесплатный госпиталь. Их печальные проводы: время от времени кто-нибудь берет билет в один конец, хотя часто уже не представляет себе другой жизни, кроме этой странной вольницы.

«Что вы делаете по воскресеньям?» – спрашиваю однажды, когда Сергей приходит ко мне в понедельник. Почему-то мне кажется: он хочет, чтобы я спросил его об этом.

Он тем не менее смущается, даже краснеет: «Целый день мы в постели. И не устаем нисколько». Глаза его загораются – обычная, немного смешная мужская гордость. «И знаете, иногда, просыпаясь, забываю, где я. Тогда мне кажется: я все еще в своем поселке, в первый сладкий год после нашей свадьбы с женой».

С Ритой мы так и не познакомимся. Только увижу ее в августе – на видео, в телефоне Сергея. Она скажет ему об отъезде за день до вылета. «Раньше не смогла. Не решилась. И я не виню ее. В Калининграде у старшего сына Риты – свадьба». На посадку она идет, ни разу не оглянувшись. Маленькая, будто замороженная, в модном летнем костюме, очень привлекательная даже в безысходном своем отчаянии. (2016, дек.)

***

Радость забвения. Тема эссе, которое уже несколько лет хочу написать, а потом вдруг понимаю: мысль эта стала почти очевидной для многих.

Как известно, принятие смерти, согласие с ней – один из этапов на последнем пути человека. Но, оказывается, можно смиренно принять и свое беспамятство. И даже – обрести в этом состоянии радость.

...В четверг ко мне приходят Юра и Фира. Смущены и безмятежны – одновременно. Они хотят рассказать о своем недавнем, таком необычном для них выборе. «Вы знаете, – говорит Фира, – в конце семидесятых Юрочку таскали на

допросы в КГБ. Да, как антисоветчика и диссидента. Потом все, вроде бы, утихло, утряслось. Но многие юрочкины рукописи, арестованные органами, так и остались у них. И вот, представьте, недавно нас отыскал один молодой исследователь из Молдовы. И – ошарашил новостью! Он обнаружил в архиве КГБ пьесу Юры. Что за пьеса? Из жизни Древнего Рима. Но пронизана, как было принято в ту пору в либеральной литературе, современными аллюзиями. Пьеса – гениальная! – твердит нам по телефону молодой человек. – Надо ее публиковать. И он будто бы уже договорился с редакцией какого-то сборника. А мы – в растерянности. Юрочка утверждает, что он вообще никогда не писал пьес. Меня же в те годы еще не было рядом с ним. Может быть, это путаница, какая-то гэбэшная подстава? Словом, мы решили отказаться от этой публикации. Зачем? Что изменит она в нашей жизни?»

Из окна вижу: они идут по Devon Avenue, как всегда, неторопливо. Юра, словно вернувшись в детство, боится отпустить руку жены. И великая радость забвения, впервые сознательно выбранная и принятая их душами, делает их счастливыми.

***

Многие возмущаются пошлостью, она пронизывает в эмиграции все. Но пошлость – единственная, неизменная почва эмиграции.

***

Русский ресторан с характерным для эмиграции претенциозным названием – «Живаго» – поставили возле кладбища. В ресторане всегда есть посетители: после похорон сюда идут люди – помянуть. Мне это нравится. Вспоминая покойного, человек думает, конечно же, о себе. Мол, ты и сам, дорогой, не вечен. А что сделал, что успел? Приспособивался, лгал. Закопал свой талант – так глубоко, что и не отыскать. Впереди же, как у всех, – земляная яма, обложенная цементными плитами. Но побеждает в этих размышлениях подрюмку водки все же подлая радость: ты еще жив, жив!

***

Мне всегда очень жаль русских врачей в Америке. Путь их предопределен и труден. Приезжают с дипломами российских мединститутов, когда им уже за сорок. Сдают – естественно, на английском – экзамены, подтверждающие диплом. Учатся

несколько лет в резидентуре (но попробуй туда попасть!). А ведь им надо еще успеть стать миллионерами.

***

«И твои кишки шлепаются на асфальт», – пишет о первых днях эмиграции Дина Рубина. В конце августа и в сентябре 1996-го асфальт в Чикаго плавится от жары. Наша прошлая жизнь куда-то бесследно проваливается – будто и не было. А новая жизнь никак не начнется...

Все, как у всех. «Депрессия наползает постепенно. Мир становится темным». Это Ольга Г. Хотя сейчас она делится со мной радостью: «...я сейчас – будто заново родилась. Будто кто-то снял с головы темный мешок». (1 мая 2007 г.). Надолго ли?

***

Саша Г. признается: «А за рулем машины я пою. Как ни странно, это всего две песни. «Окурочек» Юза Алешковского и «А ну-ка, парень, подними повыше ворот... » Часто пою даже тогда, когда мы едем вдвоем с женой. Ее это раздражает: годами – одно и то же». Задумывался ли кто-нибудь о том, что произведения на тюремно-лагерную тему важны для эмигрантов как своеобразная психотерапия? В пору глухой тоски я перечитываю самые безотрадные рассказы Варлама Шаламова.

***

Эмиграция – сон? Откроешь глаза и – ничего уже нет. Как, в сущности, мало осталось от русской литературной эмиграции 20-30 годов прошлого века. До нас дошли самые яркие имена, многие из которых были известны еще в дореволюционной России. А сколько молодых талантливых голосов мы так и не услышали. Их творчество осталось горьким упоминанием – в чужих письмах и дневниках. Говорю об этом с литературоведом Олегом Коростелевым. Он сотворил чудо: реконструируя жизнь литературной эмиграции 20-годов, сделал не меньше, чем целый научный институт. И все-таки провалы литературной памяти огромны. Часто – необратимы. Один из наивных вопросов, который задаю Коростелеву: как сделать, чтобы подобное не повторилось? (См. нашу беседу: журнал «Чайка», 2016, 10 июня)

***

За пятнадцать минут до закрытия русского книжного магазина на пороге появляется старуха. На голове у нее – белая панاما (привет из далекого пионерского детства). В руке – большая соломенная кошелка: с такой моя бабушка отправлялась на рынок. Старуха, видно, здесь не впервые: сразу проходит к

полке, где стоят книги по эзотерике. Что-то напряженно ищет, торопливо проглядывая оглавления книг.

-Могу ли я вам помочь? – обращается к ней продавщица.

-Нет, я сама, – решительно выговаривает старуха. Однако смотрит на часы и, поняв, что приехала слишком поздно, вынуждена и впрямь обратиться за помощью: «Мне нужна книга о том, как изменить судьбу».

Смешно? Вряд ли. Опять та же, характерная для эмиграции тема – перемена судьбы. (2008, апр.)

***

Отвечая на вопросы издающегося в Германии журнала «Крещатик. Перекресток», который в 2017-м отмечал юбилей, вспоминаю вдруг о том, как после переезда в Чикаго с удивлением и радостью насчитал в городе 21 магазин русской книги. Пять из них располагались совсем близко от моего дома. Как ни странно, у каждого магазина было свое лицо. В одном продавались последние новинки, доставленные из Москвы самолетом. Хозяйка другого, выпускница Литинститута, не думая о прибыли, заказывала российские и переводные издания, пронизанные духом эксперимента. В третий меня притягивали монографии по искусству, альбомы репродукций художников. Однако уверен: самым удивительным был Дом русской книги. Здесь среди картин и гравюр, собраний сочинений, множества редких изданий меня всегда ждали неожиданные находки. И почти о каждой книге вдохновенно, словно читая стихи, рассказывал, если у вас было настроение спросить, гостеприимный владелец этого праздничного царства, писатель и режиссер из Одессы Илья Рудяк. Я часто приходил «на огонек» Ильи Эзравича: поговорить, подышать особым воздухом – нет, не книжной пыли, воздухом русской культуры. Кстати, сюда так любил приезжать великий книголюб Евгений Евтушенко.

...Все эти магазины давно вышли из бизнеса. Их хозяйева, в основном наивные идеалисты, разорились. Сейчас книги на русском продаются в Чикаго в трех киосках: один примостился в «русском гастрономе», два – в «русских аптеках».

Конечно, постоянно закрываются и американские книжные магазины. Дворцы в несколько этажей, куда человек нередко приходит на целый день. Книги и журналы здесь можно не только смотреть, но и читать. Здесь можно выпить с друзьями

кофе, даже перекусить. И снова отважно путешествовать по книжному морю. Только вот путешественников – все меньше.

Уезжая в Америку, я с болью прощался со своей библиотекой, которую с не понятной мне самому страстью собирал с двенадцати лет. Разумеется, эти чувства испытали многие. А сейчас мы прощаемся с Читателем книги. Он уходит с пугающей быстротой. Мне все чаще кажется: эмигрантские издания читают только их авторы. (2017, дек.)

***

Нашествие гадалок, ясновидящих, потомственных колдунов. Сибирский шаман Аюн-батыр излечивает от бесплодия во время индивидуальных сеансов. Контактер с космосом Бонифатий меняет вашу судьбу... Моя приятельница М.К. была у контактера на приеме. «Он вам помог?» – «Очень! И мне повело: я купила право обращаться к Бонифатию в любое время, без очереди. Могу звонить ему, получать его советы в любой трудной для себя ситуации.»

«Сколько это стоило вам?» М.К. мнется, не очень-то хочет говорить, да и не принято это на Западе. Но она вспоминает о нашей дружбе. Потому все же роняет: «Пять тысяч».

Деньги достались М.К. не по наследству. Моя искренняя симпатия к этой грузной, уже состарившейся, все еще красивой женщине связана ее мужественным сопротивлением эмиграции. Приехала в Америку в пятьдесят. Без английского. С тяжело больным мужем и двумя девочками-подростками. Объясняла мне когда-то: «Одна – дочь мужа от первого брака, вторая – общая; муж через год умер, надо было быстро решаться на что-то...» Решилась, как многие – убирать чужие квартиры. Одновременно учила английский, стала водить машину, сдала экзамен, подтверждающий ее квалификацию химика-лаборанта (правда, в прошлой жизни она была химиком-исследователем, заведующей большой лабораторией), считала каждый доллар, выучила дочек, купила хорошую квартиру.

М.К. не идиотка. Но она одинока: у дочек – своя жизнь. А у нее обнаружили рак. И она перед выбором: делать операцию или пока подождать. Контактер – сладкий молодой мужчина с решительным взглядом – советует то, что М.К. хочет услышать: ждать. После консилиума врачей операцию М.К. все-таки делает. «Общаетесь ли вы с Бонифатием?» – спрашиваю несколько месяцев спустя. «С ним стало трудно связываться», –

говорит М.К. без осуждения. Может быть, думая при этом о высших силах, которые еще вмешаются в ее жизнь.

***

На обложке русскоязычного чикагского еженедельника – портрет священника в церковном облачении. А в кавычках бьются его слова: «Прошу прощенья у всех!» Михаил Ц., священник Апостольской православной церкви, дает интервью журналисту. И горячо кается в грехах. В 1978-м, в Киеве, он только мечтал стать священником, но зато стал агентом КГБ. М.Ц. сам предложил свой псевдоним – Атос. (Псевдоним не случаен: будущий батюшка был фехтовальщиком, мастером спорта). Расставшись с КГБ и попав в США, М.Ц. ощутил в себе другое призвание. Он начал изготавливать международные водительские права для нелегалов-мексиканцев. Но однажды «нагрязнул спецназ и меня объявили чуть ли не крестным отцом русской мафии в Чикаго... Вышел из тюрьмы под залог, а затем был условный срок». Все это – уже давно, двадцать лет назад. Теперь его голос дрожит: «...я хотел бы сегодня попросить прощения у всех за свои грехи и ошибки». Но нет, это еще не все. М.Ц. напоследок сделает подарок читателям: «В Чикаго я единственный священник, который, учитывая наши «военно-полевые условия», может принять исповедь по телефону... конечно же, совершенно бесплатно». (Апр., 2018)

***

Предчувствует ли человек свою смерть? Ответ очевиден. Сразу вспоминаю множество историй. Но расскажу только одну, собственную.

Как и все, не раз слышу о нападениях грабителей в «неблагополучных» районах Чикаго. Советы бывалых людей: ни в коем случае нельзя спорить, убегать, сопротивляться, звать на помощь... Надо отдать все, что можешь и что потребуют. А лучше всего – имей в кармане небольшую сумму денег (вдруг перед тобой наркоман с помутненным рассудком? Он, не задумываясь, выстрелит или ударит).

Минувшей субботой иду из синагоги домой. Около часа дня. С утра был дождь, а теперь – сухо и чуть морозно. Иду, думаю: «Вот и прошла жизнь... Нет, не так... Это ушла неопределенность юности и молодости. Теперь все впереди ясно. Не ясно одно: каким будет конец и когда он наступит...»

Говорят, когда души спускаются в этот мир для того, чтобы облечься в плоть, точная дата нашего ухода отсюда уже

определена. Как определена и миссия, с которой мы приходим. Конечно, Всевышний дает человеку выбор: маршрут нашего земного пути во многом зависит от нас самих. Но последняя дата неизменна.

Такие вот банальные мысли...

Идти мне минут пятнадцать. Неожиданно в одном из переулков (около стройки, где возводятся скромные двухмиллионные особняки) догоняют меня два афроамериканца. Лет восемнадцати. Прилично одеты. Один забегает вперед, протягивает мне руку: «Гуд шабес!»

И тут же, с другой – угрожающей – интонацией: «Давай деньги... Быстро... Иначе буду стрелять».

Опускает руку в карман куртки, вынимает оттуда револьвер, снова прячет его, наставляя на меня дуло через куртку.

Почему я спокоен? Может, потому что тут же вспоминаю свои размышления – всего несколько минут назад. Неужели Всевышний именно так готовил меня к смерти?

«У меня нет денег». Это правда. В шаббат евреям не полагается брать в руки денежные купюры.

Парни оглядываются. На улице по-прежнему – ни души.

-Я считаю до трех и буду стрелять... Раз... два...

Он считает до восьми. А я жду выстрела. Неужели это, действительно, все?

Словно по чей-то подсказке, вдруг снимаю с себя новое итальянское пальто:

-Это вам!

Поняв, что денег у меня действительно нет и проигнорировав мое пальто, они разворачиваются и – уходят.

Четыре дня спустя все это по-прежнему выглядит странно.

Странно: в шаббат в нашем районе, где живут в основном ортодоксальные евреи, на улице не было прохожих (а в синагогах как раз закончились службы). Странно то, что они появились здесь. И то, что безмолвно ушли.

Это была репетиция ухода или только сон наяву?

Илья Прозоров (дебют)

Таллинн, Эстония

Конец августа

Было далеко полночь, когда Надежда Андреевна вошла в вагон-ресторан. Редкие вспышки станционных фонарей мелькали в темных окнах и отражались на хромированных ободках ламп, стройным рядом поселившихся под потолком. Дружной дробью постукивали стыки рельс, передавая друг другу эстафету. Иногда, где-то очень далеко, будто на другом краю земли гудел протяжный ночной гудок локомотива, напоминающий о присутствии себя любимого.

Вагон-ресторан был пуст и неуютен. В самом конце вагона горел тусклый свет и был слышен звон посуды, изредка прерываемый знакомыми напевами из современных радиохитов. Эти радиохиты каждый раз вызывали отвращение у Надежды Андреевны, потому здесь она была гостем не частым. Аккуратно двигаясь между столов, Надежда Андреевна прислушивалась к настроению звона посуды, который становился все громче и не сулил ничего доброго. Но это был единственный шанс для Надежды Андреевны, и она была готова на все. Поезд подскочил на стрелке, затрясся нервной дрожью и заскрипел всеми тысячами металлических и неметаллических деталей, из которых был сделан. Стрелка хорошо была известна Надежде Андреевне, это был своего рода знак, что пора торопиться. Она еще раз проиграла всю будущую сцену в голове, хотя четко знала, что ничего в ее голове придуманное в жизни не становится явью. Надежда Андреевна посмотрела в окно. Сквозь темноту она научилась угадывать скорость поезда, и сейчас скорость быстро падала, намекая Надежде Андреевне, что надо действовать. Она завернула за желтую дверь с надписью «посторонним запрещено» и взгляд ее остановился на

огромной, широкой спине в белой футболке. Футболка была насквозь мокрая и источала неприятный запах, который распространялся на все маленькое отделение кухни.

– Ритка, – чуть слышно сказала Надежда Андреевна, топнув при этом ногой, чтобы как-то обозначить свое присутствие.

На это чуть слышное «Ритка» обернулась толстая женщина, в малиновом фартуке и с огромной бородавкой на одном из многочисленных подбородков. Каждый раз Надежда Андреевна пыталась сосчитать эти подбородки, но что-то ее всегда отвлекало от этого важного занятия.

– Ах, Надька, напугала, дура. Я из-за тебя так всю посуду побую.

Заскрипели, запищали тормоза. За окнами началась настоящая светомузыка из станционных огней. Надежда Андреевна заволновалась.

– Ритка, милая. Выручай! Продай бутылку, а?

– Я бы, может, и продала, раскупили все давно.

– Ритка, я знаю у тебя в загашнике есть. Продай, а...

– Ты глухая? Я же тебе сказала – нету. В одиннадцатом какая-то пьянка глобальная. Все скупили...

Действительно, разговор с Риткой происходил совсем не так, как Надежда Андреевна себе его представляла. Обычно Ритка срывалась на истошный крик, мучительную матерную брань, которую не каждый выдержит, топала своими опухшими ногами, но быстро продавала то, о чем ее так настойчиво просили. Видимо, водка действительно закончилась, раз Ритка вошла в глухую оборону. Однако у Надежды Андреевны выбора не было. Она решила во что бы то ни стало достать так ей необходимую бутылку. Даже если Ритка попросит за это золотые и бриллиантовые горы.

– Ритка...Риточка. С меня помада. «Макс Фантом». Американская, Ритка!

– «Макс Фактор», дура.

– Ритка, продай, а? Одной бутылкой меньше, одной больше.

Ритка глубоко вдохнула, и медленно, глядя прямо в лицо Надежде Андреевне, проговорила:

– Что я буду продавать клиентам с одиннадцатого? У меня между прочим три рыла дома, которых кормить надо. Сережа так работу и не нашел.

– Да я твоему Сереже десять таких бутылок куплю.

– Ишь, еще чего вздумала, чужого мужика поить. Хрен тебе, дорогуша. Помадку свою себе знаешь куда засунь!

И Ритка смешным жестом показала, куда надо засунуть помаду. Надежде Андреевне захотелось реветь горькими слезами и бить Ритку по ее потному, жирному лицу. Но Надежда Андреевна никогда не била людей и не умела их бить. В детстве Надежду Андреевну нещадно колотили отец и брат. Оба прожигали жизнь на самом дне бутылки и не церемонились со своими дамами. Поэтому сначала померла от побоев мать Надежды Андреевны, а следом за нею, от тех же самых побоев в могилу шагнула жена брата, измученная в довесок его изменами и шантажом. Надежда Андреевна, перед тем как покинуть отчий дом, получила свою порцию пьяных тумачков, которые покрыли ее нежную кожу фиолетовыми и желтыми пятнами. До тридцати лет она вздрагивала от каждого неаккуратного движения ее собеседника, чуя в нем непредсказуемую скрытую опасность, умудрялась избегать конфликтов на работе, где каждый день был наполнен недовольными и пьяными пассажирами плацкарта, возмнившими себя гостями европейского гранд-экспресса.

Надежда Андреевна все это время держала сжатую в кулаке пятисотрублевую купюру. Настало время для тяжелой артиллерии, настало время разжать кулак и протянуть Ритке в лицо измятую, мокрую синюю бумажку.

– Ритка. У меня вот пятьсот есть, больше пока дать не могу. В город вернемся, отдам.

Все это Надежда Андреевна проговорила скороговоркою.

– Я сказала нет. Вас таких за целый рейс тысячи, и все на один лад «Риитка, Риточка, Ритуулечка».

Надежда Андреевна глубоко вдохнула, посмотрела на лампочку, сдержала водопадный поток слез, потом опять глубоко вдохнула, потом все же пустила маленькую слезу для театральности и громко, четко произнесла главное заклинание, которое уничтожило и расколело непробиваемую Ритку.

– Пятьсот сейчас. Пятьсот в городе. Тушь. Клянусь, в городе отдам. Итого тысяча с тушью.

– Заколебали вы меня, прости господи.

Ритка закрыла кран, вытерла мокрые руки об себя. В морозилке, которую открыла Ритка, обыкновенная толстая баба хабалистого разлива, дослужившаяся до смотрительницы вагона-ресторана (своего уровня мечты), лежали шесть

одинаковых бутылок водки, аккуратно уложенные штабелями. Надежда Андреевна не удивилась, потому что знала, что водка у Ритки есть. У Ритки мог закончиться яблочный сок для изжоги, позавчерашний оливье для поноса, начатый кем-то жульен для ночных свиданий с туалетом, но водка...водка у Ритки никогда бы не закончилась. Ритка с трепетом вынула бутылку, нежно сняла легкую изморозь рукой и протянула Надежде Андреевне.

– Держи. Но только спрячь, а то увидят, поползут сюда как муравьи на ночь глядя.

Надежда Андреевна засунула бутылку в рукав, хотела Ритку поцеловать, но та только отвернулась. Смятая пятисотенная купюра уже грелась в риткином кармане, ожидая своего скорейшего подселения в кошелек к своим таким же измятым братьям и сестрам.

Со смешно вздутым рукавом, служившим временным убежищем для ноль-семьдесят пять, Надежда Андреевна бегом бежала из вагона-ресторана. Машинисту оставалось недолгих сто тридцать метров, чтобы намертво приковать поезд к станции. Надежда Андреевна проявляла невероятные способности, пробираясь сквозь плацкартное царство сновидений, со свисающими ногами и руками, с отвратительными запахами и нечеловеческим храпом. Она слышала, как задела ногой стеклянную банку, и та по всей вероятности лопнула, но Надежда Андреевна не остановилась. Она конечно остановится в любое другое время, но только не сейчас, когда бутылка обжигает холодом и решается ее судьба-судьбинушка; судьба взрослой, сорокапятилетней дамы, без высшего образования, с двумя задолженностями в банке, с частой мигренью и зубными болями в нижних восьмерках, с некрасивой родинкой на спине и потерянной связью с дочерью, рано покинувшей однокомнатную материнскую берлогу хрущевки-пятиэтажки. Поезд остановился.

Станция Вилюково, где поезд делал свою плановую получасовую остановку, была редким захолустьем, куда модернизация (остановочных пунктов) от главной железнодорожной конторы страны еще не добралась. Платформа давно не отвечала требованиям безопасного передвижения пассажиров, была максимально низкой и более походила на протоптанную в поле тропинку. Станцию Вилюково можно было причислить к местам, где профессия стрелочника доживала свои последние дни. Во всей огромной стране ручные

стрелки давно были переведены на автоматику, но только не в Вилюково, которое находилось в подчинении района, ставшего известным благодаря самодуру-чиновнику, сумевшему поругаться со всем вышестоящим руководством. Чиновнику самодурство сошло с рук, но в наказание бюджет урезали больше, чем на половину, и оставшихся средств едва хватало, чтобы оплатить обучение чиновничьих детей, которые получали по второму высшему образованию в лучших университетах Москвы. Вилюково находилось на отшибе района, и никому до него не было дела. Вилюкинцы потихоньку умирали от запоев и инфарктов, благословляя своих потомков на то же самое. Железная дорога давала основную работу небольшой части населения Вилюково, тем, кто работать еще хотел и мог, кто еще не совсем потерял рассудок от паленой водки.

Одним из таких счастливиц был татарин Эдик, потомственный путевой обходчик. Эдик считался правильным алкоголиком, человеком, который вовремя пьет и вовремя умеет остановиться. Но так, чтобы остановиться навсегда, Эдик, конечно, не умел. Его отец-обходчик всю жизнь проходил в оранжевой жилетке и не снимал ее даже дома, а иногда и вовсе в ней спал. Отец Эдика погиб, когда сыну было восемь лет, уснув пьяным на рельсах длинной кривой перед въездом на станцию. Грузеный товарняк протащил отца несколько километров, и если бы не жилетка с номерным знаком, его еще долго не могли бы опознать. Вскоре после этого, скончалась и мать Эдика, утонув пьяной в реке, купаясь на рассвете со своим любовником-пчеловодом, носившим рубашку наизнанку. За это в Вилюково его прозвали «шиворот-навыворот». Пчеловода потом посадили за продажу государственных ульев, а Эдика забрала к себе тетка Ника (Вероника).

Эдик был холостяк. В квартире тетки Эдику отвели самую маленькую комнату, окна которой выходили аккуратно на станцию, и Эдик мог по гудкам опознать каждый поезд. Стены комнаты были увешаны выцветшими плакатами забытых псевдозвезд из 90-ых. Здесь Наталья Орейро нежно подмигивала глазом, приглашая к себе в Аргентину; еще худой Сережа Жуков из группы «Руки Вверх» пытался сделать умное лицо; вечно молодая группа Scooter в верхнем углу стены рекламировала свой новый-старый альбом. Под чугунной батареей стояла бутылочная армия Балтик семерок, во главе с литровыми водочными генералами, сплошь покрытыми вековой пылью.

Убираться в комнате Эдик не любил, а тетя сюда не заходила уже несколько лет. Еще у Эдика в трехлитровой банке жила полевая мышь. Ее Эдик нашел под старыми рельсами у склада, застрявшую в куске шланга. Мышка жалобно пищала, и это не могло не подействовать на уже подвыпившего Эдика. Как известно, пьяные гораздо сентиментальнее трезвых.

Эдик очень ждал этот ночной поезд, на котором работала Ритка. Ритка ждала прибытие поезда не меньше Эдика. Перед ее прибытием Эдик обязательно брился, стриг ногти на руках и ногах, выдергивал редкие татарские волосы из ноздрей. Надежда Андреевна это знала и это ценила.

Бутылка водки, с таким трудом добытая Надеждой Андреевной, предназначалась Эдику, потомственному обходчику. Ее он выпьет в могильной тишине своего склада, где хранился весь рабочий инвентарь. Как иногда хотелось Эдику, чтобы и Надежда Андреевна выпила с ним рюмашечку, сидя на промасленной шпале и щурясь от вечернего солнца. У шпалы всегда росла сочная земляника, перебивающая запах мазута.

Встречи их были короткими и резкими. Поезд стоял в Вилуково двадцать минут и Эдик спешил успеть все. Они закрывались в купе проводника, где Эдик кусал каждый ее палец, жадно нюхал волосы, сопровождал это все нечеловеческими рычанием и поцелуями, впивался в Надежду Андреевну своими крепкими рабочими руками, не хотел уходить и обещал броситься под ближайший товарняк. Она теряла с ним контроль времени, терялась сама, зажмуривала глаза и в ужасе представляла, как слышит их возню в купе весь плацкартный вагон. Они успевали уложиться в двадцать минут, успевали сделать невозможное. И обстоятельства всегда благоволили им в виде ночной стоянки поезда, когда весь вагон спал мертвым сном.

Сейчас Эдик и Надежда Андреевна стояли друг перед другом и молчали. Молчали под шипение тормозов и удары молотков по буксам. Это обходчики играли свою суровую мужскую песню.

– Принесла?

– Принесла.

Он всегда так начинал разговор, не здоровался, не улыбался, переминался с ноги на ногу и все поглядывал в начало состава, где одиноко горел синей точкой маневровый семафор.

– Держи...

Надежда Андреевна протянула Эдику бутылку водки, завернутую в газету. Это чтобы Эдику не холодно было держать холодную бутылку. Он, конечно, увидел это, он заметил, но он не подал виду, что заметил. Бутылка провалилась в глубокий карман рабочей куртки, чтобы разбудить там горсть семечек и пачку сигарет «Космос». Эдик опять глядел вдаль, на синий семафор, на постукивающих обходчиков. Надежда Андреевна смотрела на него, на его нерусский профиль, на его замазанные и грязные руки, на его манеру постоянно хлопать себя по животу, и любила его сейчас. Любила и понимала, что любит. Здесь, на платформе забытой станции Вилюково, этим двум людям не надо было ничего объяснять друг другу, не надо было строить драму, играть роли. Надежда Андреевна не могла больше ждать, время шло, скоро поезд тронется в путь.

– Пойдем, – тихо сказала она и кивнула в сторону вагона.

Как она была беззащитна сейчас, как нежна в этом «пойдем». Эдик, топорный и жесткий по натуре, сжимался весь внутри, словно комок. Слезы его были наготове, были готовы хлынуть мощным потоком из красных глаз и упасть на землю. Он вспомнил отца, вспомнил их поездки на рыбалку в дырявой плоскодонке, как он крючком зацепил большой палец отца и был выпорот за это. Вот и мать пролетела перед Эдиком, несчастная и прожившая жизнь зря. Эдик не хотел думать об этом.

– Станцию переводят на автоматику. Нашу ПЧ закрывают, а участок отдают под крыло райцентра.

Эдик знал, что говорил. Еще неделю назад на станции повесили приказ о расформировании путевой части станции Вилюково. Дальнейшая судьба работников станции не была интересна руководству железных дорог, и многие были в отчаянии, не зная, куда деваться дальше. Эдик себе места не находил, он ничего больше не умел делать, он знал всю жизнь только вот эти рельсы, этот трехкилометровый участок станции с тремя путями, с выходными семафорами и покосившимися километровыми столбами, с длинной кривой при въезде, где трагически погиб его отец. Эдик понимал, что это конец, финал его еще относительно молодой жизни. Конец у всех был один – водка.

– Ничего страшного, Эдик. Подумаешь, с кем не бывает. Поехали со мной?

Надежда Андреевна сама не знала, что говорила. Она не сможет прокормить их двоих. Погрязшая с ног до головы в

долгах, она сводила концы с концами, сгорала на работе, никогда не конфликтовала с пассажирами, чтобы не дай бог не выгнали с работы. Был случай, когда Надежда Андреевна принесла переслащенный чай пьяному пассажиру, огромному армянину с ужасным запахом изо рта. Армянин силой затащил Надежду Андреевну в свое купе и наказал ее за чай. Даже тогда она смолчала, проглотила и не сказала начальнику поезда о случившемся. А через месяц взяла отгулы, пошла делать аборт и застряла в больнице еще на трое суток от потери крови и сил. Когда руководство узнало о случившемся, Надежду Андреевну вызвали к начальству и приказали молчать. Армянин имел какие-то серьезные связи наверху. А она и так молчала.

– Эдик, ты слышишь? Давай я заберу тебя с собой. Устроишься проводником. Будем вместе ездить на одном маршруте, а? Эдик, а?

Эдик молчал. Он не мог себя даже представить в роли услужливого мальчика, разносящего по вагону белье и чай, чистящего туалеты от бумаги и подметающего тамбур от окурков. Нет, конечно, он не будет работать проводником. Может, попробовать найти работу в районном депо? Но там с позапрошлой весны сокращения.

– Я никуда не поеду. Останусь здесь. А ты будешь приезжать.

В этот раз они не закрывались в купе. Когда пришло время прощаться, Надежда Андреевна поцеловала Эдика в щеку и виновато улыбнулась. Потом он помог ей подняться по крутым ступенькам в вагон, она подняла подножку поезда и поезд быстро растворился в ночном тумане.

Они условились встретиться на обратном пути, когда Надежда Андреевна поедет пассажиром обратно домой. Через несколько дней в назначенный час, когда вагон как и всегда в это время, спал, она вышла, закутанная в свой плащ на платформу. Платформа была пуста. Надежда Андреевна вытащила свою старую, кнопчную Нокию и посмотрела на зеленый экранчик: три минуты первого ночи. Она вслушивалась в любой шорох, впивалась глазами в силуэты на станции, но ничего похожего на Эдика не было и близко. Она не плакала, не металась по платформе и не звала на помощь. Она стояла ровно, даже смиренно, смотрела вдаль, где одиноко горел семафор. Надежда Андреевна кое-что поняла: этот семафор будет гореть здесь до тех пор, пока будут ходить поезда. Он горел уже очень давно, и страшно представить, сколько таких людских взглядов он видел

на своем веку. Надежда Андреевна залезла обратно в вагон, тихонько пробралась на свою верхнюю койку и мгновенно уснула. Где-то очень далеко, будто на другом краю земли, гудел протяжный ночной гудок локомотива. Как всегда. Поезд тронулся, быстро набрал скорость и исчез со станции Виллюково, как фантом. Как всегда. Одиноко горел семафор, освещающий сказочным синим пламенем станционные пути. Был уже конец августа, и было прохладно. И все было здесь как много лет назад.

Николай Боков

Париж, Франция

Ванна ветра

Муниципальный бассейн радовал необыкновенно свежей и прозрачной водой, хотя, конечно, и в других она не мутная, но тут в прозрачности было что-то океаническое. В том ли причина, что бассейн назван именем писателя Монтерлана? А он жил в прошлом двадцатом веке в шестнадцатом округе, самом чистом, ухоженном, богатом районе Парижа, как говорят, буржуазном? И буржуа больше других любят литературу? И чистую воду. И пляж океана в Бьяррице.

Был открыт и солярий, обычно закрытый под предлогом возможной угрозы теракта, – сокращены два слова в одно, будто времени нет произнести их раздельно, нужно сказать побыстрее, чтоб не успеть испугаться!

Посетитель бросился в прозрачную воду и плавал.

Сначала он плыл на спине, а возвращался по той же водной дорожке кролем.

И – растянулся на солнце.

И так наслаждался чередованием жара и холода, жара и дрёмы, лучей и воды.

Плесканье и восклицанья плывущих доносились до загорающего. Краем глаза он наблюдал разнообразие тел, – мускулистых ли, желающих похудеть, осторожной беременной женщины, загорелых или белых мучнистых – безвылазно городских.

Как на ладони – все стадии плоти, от нежной лолиты до еще живого старика, – смирись, запасайся, мой друг, благодушием, потом будешь его расходовать экономно в других обстоятельствах жизни.

Касание кожи послеполуденным солнцем ожесточалось, переставало приятствовать, и он в тень перебрался. Ветерок обвеивал тело, он думал о нем, о временности владения им, точнее, о дозволенном пользовании; иногда беспокойном: тревожило и самое легкое недомогание, – какой-нибудь взболмошный зуб, не говоря уж о потемнении внезапном в глазах. Но сегодня, сейчас стояла уверенность в вечном довольстве. Он размышлял о строках стихотворения, переводил так и этак, уточняя смысл, довольный совпадением своих ощущений – и строк:

легкий, о легкий
пробежал ветерок
и легко улетел
и что я подумал, не знаю,
и узнать не стремлюсь.

Не странно ли думать об этом... спустя столько лет, столько зим... спустя век... спустя рукава... а впрочем, так ли он передал:

Léger, léger, très léger
Un vent très léger passe
Et s'en va toujours très léger.
Et je ne sais pas ce que je pense
Ni ne cherche à le savoir.

В марте четырнадцатого – в столетии прошлом – записано прочитываемое им сейчас, в мае восемнадцатого, – совсем в другом месте, среди хаоса звуков воды, голосов, улицы города и безмолвия неба! Эта капля жизни – поэзии – собрана тем

далеким, исчезнувшим, – и вот она, пять коротеньких строк. Определить бы поэзию, напечатать рецепт ее в книге! Невозможно – в отличие от салата и супа, хотя и не прерывается деятельность определения, повсюду ученые стараются выразить чудное мгновенье в параграфах.

Немногие могут о ней рассказать или даже создать поэзию усилием сердца, а точнее, услышать ее растворенную в воздухе – присутствующую. Свойство сердца поэта – собрать ее и сгустить до ощутимых нами количеств, – подобно пчеле, труд которой он подносит ко рту ложечкой меда утром, на завтрак.

Но что это? Поэт, дав вкусить, затем делает заявление? Политическое, антицерковное даже. Как странно! Приготовить почву, а вместо цветка небесного посадить там столбик владельца.

«Со мною так не получится! прочь!» А в юности принял бы, не понимая еще, что в напитке чудесном кристалл растворяется яда, и выпил бы, и потом бы смотрел с удивлением в зеркало, – в зеркало жестов и поступков близких, они ведь пили меня, полностью мне доверяя, не видя подвоха, не умея определить вещества, примешавшегося к любви! Не понимал и я ничего.

В чем же разница того и теперь? Иные тревожатся признаками собирающегося дождя. Я же спокойно открываю зонтик или разворачиваю плащ.

Ванна ветра! Мне нравится так выразиться, поскольку воздух упруг, он меня оmyвает подобно волне, воде, но с большею деликатностью, с ног он не валит, его материальность умеренна и угрожающей не становится здесь, в тени обрамляющих солярий сосен.

Мне нравится соединение предмета быта, ванны, и свободного воздуха».

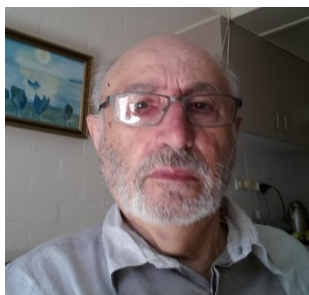
Время длинных строчек. Время коротких строк. Время многоточия.

Время отсутствия.

Наум Белог

Мельбурн, Австралия

Свадьба. Из Одесских историй

Светлой памяти Жени Белоголовской

Это было в середине шестидесятых. Я жил в Одессе, большом, веселом городе на берегу Чёрного моря. Мне было тогда двадцать два года, и в один прекрасный летний вечер я встретил девушку. Её звали Соня, и я влюбился в неё с первого взгляда.

Мы были очень разными. Я был длинный и худой. Всё моё тело состояло из странных остроугольных треугольников. Ко мне было опасно прикоснуться: лопатки, плечи, колени и локти – всё это могло уколоть и причинить боль. В этом плане я, наверное, был скопирован моими родителями с Пикассовской картины кубистического периода.

Соня была прямой противоположностью мне. Все в ней имело мягкие, закругленные формы. У нее были темные с рыжеватым отливом волосы и глаза как маслины. Но не те дикие серовато-зелёные, которые растут на склонах Ланжерона и Аркадии, а те настоящие – греческие, в которых горело страстное солнце Средиземноморского юга. Её щеки были цвета спелого персика и пахли чем-то приятным, напоминавшим мне ещё довоенное детство. Я думаю, что Ренуар писал свои портреты с девушек, похожих на Соню.

Что еще разнило нас? Я был неисправимый мечтатель, полный идеями, которые выплескивались из меня ежедневно, как ежедневно выпекают хлеб или доят коров. Соня была реалисткой и пыталась смотреть на мир, отбросив розовые очки, которыми я пользовался частенько. Мы были разными, но в нас

обоих созревала любовь. Она созревала, как созревает абрикос в пропитанном зноем июне. Тяжелый, сочный плод уже был готов сорваться с ветки...

Рис. Margarita Krivitsky

Мы видели друг друга каждый вечер. Обычно мы встречались в парке недалеко от дома, где жила Соня. В парке, кроме нас, не было ни души. Только вдалеке, где-то глубоко внизу шумело море. Над нами было черное небо, покрытое звездами, которые залегли недвижно, как залегают уставшие овцы на пропекшемся полуденным зноем лугу. Из меня сыпались истории, одна неправдоподобнее другой. Одни – пришли из моих снов, другие – я придумывал, сидя рядом с ней. Я читал ей свои стихи, перемешивая их со стихами знаменитых поэтов. Я врал без зазрения совести о моих грандиозных проектах и о книгах, которые будут напечатаны скоро. Я смотрел ей в глаза и не чувствовал угрызения совести за своё враньё.

Октябрьские ночи становились холоднее. Ветер с Севера по вечерам приносил в город туман и дожди. В один из таких вечеров, промокшие, мы прибежали к Соне домой. Вид у нас

был, как говорили в Одессе, «на море и обратно». Сониная мама долго глядела на нас и потом, глубоко вздохнув, сказала:

– Послушайте, дети. Я думала, думала, и вот, что я вам скажу. Хватит вам на холоде торчать. Ещё какую-нибудь хворобу поймаете. Вот эта комнатка – так она будет ваша. Она маленькая, всего шесть метров, но, как говорится, – в тесноте, да не в обиде.

В тот же вечер мы решили, что свадьба будет в конце декабря. Все одобряли мой выбор, кроме нашей соседки Ханы, которая, поймав маму за рукав, шептала ей в ухо:

– Это, конечно, не моё дело, мадам Гуревич, но надо быть последним шмоком, чтобы лезть из одной бедности в другую. Тысяча извинений, соседка.

Роль главного заготовителя взял на себя Сонин отчим Яша. Яша был в своих ранних восьмидесятых, но здоровья и энергии в нем было – хоть отбавляй, и это вопреки тому, что он отсидел десять лет в лагерях.

Яша был высокий, с маленькой головой, покрытой серым, густым ежиком волос, и большим, круглым, как раздутый до предела резиновый шар, животом, пришипленным к низу его груди. Наиболее выдающейся частью его лица был, конечно, его нос. Это был не просто большой и мясистый нос. Этот нос улавливал даже малейший намёк на появление где бы то ни было в городе дефицитного продукта. Как хорошо тренированная собака-ищейка, Яша появлялся в магазине и, как правило, был в числе первых в очереди. Он имел особый талант, силы и выносливость, позволявшие ему выстаивать иногда в изнуряюще длинных очередях, при этом давая отпор всем, кто покушался втиснуться до него, нарушая правила игры. Можно сказать, что он был настоящим волшебником, потому что купить в то время в магазине что-либо, и особенно, купить гуся на свадьбу – было всё равно, что достать розу с Северного Полюса.

Яша привык брать быка за рога, поэтому, когда по дому разнесся слух, что на Дерibasовской «выкинули» гусей, он, несмотря на то, что до свадьбы было еще далеко, решил брать их – пока дают. Было ещё темно, когда Яша первым трамваем уехал за покупками в центр города, и было уже темно, когда он возвратился. Он привез домой в своём огромном саквояже три красавца – три золотых, набитых кишками и салом, откормленных гуся. Яша был очень горд собою.

Люба, Сониная мама, была тихой женщиной, и она считала, что Яша был прав, когда он взял быка за рога. Она никогда не спорила с ним, но в тот раз уверенность мужа не передалась ей и чувство тревоги, как змея, вползла в её сердце. Дело в том, что, по причине бедности, холодильник в то время был для наших семейств так же недостижим, как недостижимы звезды в небе, и гусей вывесили за окном на свежем морозном воздухе. Будучи вовсе не религиозной, Люба, тем не менее, день и ночь просила Бога продержаться мороз подольше, чтобы гуси, висевшие за окном, могли дотянуть до того момента, когда Сониная тётя Фира возьмётся за них. Люба просила Бога, и Бог обещал хранить холод так долго, как он сможет.

Медленно и счастливо мы приближались к свадьбе. Но, как это часто бывает, неприятности ударяют без предупреждения. Неожиданно ветер, дувший с севера, поменял направление, и массы теплого воздуха с юга ворвались в наш город. Туман и непрекращающийся день и ночь дождь превратили город в мрачное, серое чудовище. Это был удар, которого никто не ожидал, и всех больше он был для Любы и для Яши. Продукты, висевшие за окном, конечно не продержатся еще десять дней. Люба была в слезах и пила валерианку, а Яша грозился убить главного метеоролога города.

Только один человек был спокоен и по-прежнему улыбался. Это была моя тетя Рахиль. Как она призналась потом – она не спала всю ночь, но зато на следующее утро она ни свет ни заря появилась у Любы с замечательной идеей. Вот что она сказала прежде, чем переступила порог:

– Что вы себе делаете вырванные годы с ерунды? Так мы сыграем свадьбу на неделю раньше. А ищем паровоз! А не дай Бог, отравить гостей с вонючими гусями – будет красиво?

После непродолжительных дебатов Рахилина идея была принята, и мы попросили наших гостей прийти на неделю раньше. Свадьба должна была состояться в воскресенье, в нашей квартире, состоящей из двух небольших комнат на втором этаже старого, обшарпанного дома. Мама одолжила столы, стулья и посуду у соседей и родственников. Потом целый божий день вся родня перетаскивала приготовленную еду от Сони к нам, меся грязь на тротуарах, затопленных растаявшим снегом.

В воскресенье, когда холодное чахоточное солнце нырнуло за хибары Пересыпи и темнота грохнулась на землю, повалили

гости. Родственники расселись в большей комнате, и каждый имел тарелку, вилку и стакан. Друзья и соседи, оказавшиеся в маленькой комнате, не все имели такое счастье. Несколько человек оказались без стаканов для выпивки, и им срочно, во избежание волнений, принесли пол-литровые алюминиевые кружки. Родственники, более привилегированные гости, имели на своем столе два гуся, но зато вторая комната, по недосмотру Яши, имела больше бутылок водки, что могло привести к беспорядкам в ближайшем будущем. Но в тот момент все как будто были настроены мирно и ждали тоста. Они ждали пять минут, потом еще пять. Но как долго голодный человек мог терпеть?

Первым не выдержал напряжения мой двоюродный брат Сашка, у которого была кличка «Без пол-литра не разберешься». Он вскочил со стула и закричал:

-Кого еще мы ждем, громадяне ? Пора выпить за наших молодых!

Его жена, известная на весь город парикмахерша Клава, большой как лопата рукой посадила мужа на место:

-Стыд на тебя. Неужели ты не знаешь, кого мы ждём?

Большинство гостей знало, что дядя Сема готовил тост последние две недели, и готовы были ждать еще две минуты, но не более. Тишина уже не сулила ничего хорошего, и, когда раздались голодные голоса: -Дядя Сема! Дядя Сема! Тост, тост, – зажатый между столом и подоконником Сема начал свой тост. Он начал издали, с революции, когда его дядя сражался с контрреволюционерами, а потом сам в 1937 году стал врагом народа и исчез навсегда, как исчезла краковская колбаса при Хрущеве. Когда Сема плавно входил в тему войны с Гитлером, гости уже были готовы громить все и всех, особенно те, кто был во второй комнате. Они не хотели ждать, пока племянник великого революционера приступит к рассказу о том, как было тяжело в те времена найти раввина, чтобы сделать обрезание нынешнему жениху.

-Довольно! Остановите его, или я за себя не ручаюсь! – стонал сосед Изя, старый холостяк, контуженный на войне.

Дядя Сема был образованный человек, и он не подозревал, что животное начало в человеке так опережает духовное. То, что он услышал от Изя, подкосило старого марксиста-ленинца. Сема почувствовал себя очень плохо. Его жена Ида, чувствовавшая его боль, как свою, пыталась дать ему таблетку

валидола, которую всегда хранила в своём кармане. Сидевший рядом Миша, краснощёкий гигант, бывший майор НКВД, а в то время заведовавший гастрономом, заметил Идины намерения:

-Идочка, это не поможет. Я дам ему что-то получше, – и он налил Семе стаканчик водки.

Потом Миша перехватил инициативу. Еврей-богатырь держал стакан, полный водки, у своего сердца. Он оглядел гостей с высоты своих почти двух метров и, повернув голову в нашу сторону, прогремел:

-Давайте выпьем за детей! Будем здоровы – и они вместе с нами. Лехаим! Горько!

Рис. Margarita Krivitsky

С того момента водка полилась, словно река в половодье. Все пили многократно за Сонечку, за меня, за родителей и всех родственников – присутствующих и отсутствующих. Дело дошло до того, что мой начальник по работе Фима Лебединский предложил выпить за товарища Ташмана, который починил заводскую печь. И все с удовольствием выпили за никому не известного товарища с красивой еврейской фамилией. Я тоже выпил за Ташмана, потому что, после множества тостов в честь

молодоженов, мне уже было всё равно, за кого пить. Дело в том, что мой стакан никогда не был пустым. Он постоянно наполнялся чьей-то очень заботливой рукой, несмотря на протесты Сонечки.

Не помню, в какой момент ощущение времени и пространства исчезло из моего сознания. Сонечка тоже исчезла, и я заметил, что моё тело не имеет веса. Будучи невесомой пылинкой, я был готов взлететь.

Протрезвел я на промерзшем балконе. Рядом со мной, заслоняя небо, стоял, как мне тогда показалось, еще более громадный, чем, когда он произносил тост за молодоженов, бывший майор НКВД Миша. Он потрепал меня по плечу, потом поднял, как пылинку, и понес в комнату, где гремела во всю мощь свадьба. Он нес меня и выговаривал:

– Ну, ты дал, герой. Не умеешь пить, не берись. Если бы я не хватился вовремя, ты бы, не дай Бог, отморозил себе кое-что. А оно еще тебе очень пригодится.

И он засмеялся. Мощное ха-ха-ха ударило мне в лицо вместе с запахами вина, винегрета и селедки. Он опустил меня перед Соней.

– Вот привел тебе твоего муженька. Принимай в целости и сохранности.

Соня сидела на том же самом месте, где я покинул ее. Она была бледна, и глаза были в слезах. Рядом с ней, как часовой, стоял отчим Яша.

– Это у тебя называется любовь навеки? – встретила меня Соня.

Что я мог ей сказать? Я молчал.

– Ты можешь освободить меня от этого кошмара?

– Конечно, могу. Бежим отсюда.

В город неожиданно возвратилась зима. Большие хлопья снега, как искрящиеся белые розы, падали на землю. Холодная черная тишина висела над домами. Только одно окно было освещено. За ним бились волны пьяной веселости. Вдруг окно отворилось. Сашкина

голова высунулась из него, и прокричала с высоты:

– Горько! Горько! Го-орько-о!

Через минуту его голова исчезла, а пьяное разухабистое эхо еще долго висело над спящим городом.

Валерий Бохов

Москва, Россия

В электричке

«Успеть бы! Опаздываю! Состав проходящий. Могу не успеть. Надо ещё поднажать». С этой мыслью «Надо ещё поднажать» я влетел в последний момент в электропоезд. Влетел и двери сразу захлопнулись. Это была электричка «Серпухов – Москва», а сел я в неё на станции Чехов, возвращаясь с дачи домой. «Ещё бы местечко нашлось бы, а то наломался я за день».

Смотрю, есть желанное местечко. На одной лавочке два полицейских и благообразный мужчина интеллигентного вида со шкиперской бородкой. Интеллигент сидит у окна. А напротив этой троицы расположились, как позже выяснилось, бабушка и внук лет двенадцати – четырнадцати. И одно место – свободное. На него я и сел. Свой рюкзак я снял и положил на колени.

Электричка тронулась и хочешь ли ты отдохнуть или нет, но назойливые коробейники накрывают вас голосами, усиленными микрофонами. Вот и этот запел:

– Книги! Красочно иллюстрированные книги! Напрямую от издательства! Без посредников!

Женщина, сидящая рядом со мной, засуетилась:

– Тебе нужна какая-то книга, Митя? Нужна? А то на лето много чего задали...

– Бабушка! Мне бы про художников что-нибудь... – Что же тебе выбрать, я не смогу понять, – бабушка явно была растеряна.

– Вы не волнуйтесь, бабуся! – вступил в разговор мужчина с бородкой. – Я помогу выбрать. Я сам художник! По образованию

я преподаватель живописи и рисунка. Не волнуйтесь! Ты рисуешь, малыш?

– Рисую. Я даже на школьную выставку рисунок подготовил. Благообразный мужчина взял инициативу в свои руки, когда к нам подошёл продавец книг:

– У вас, милейший, есть книги по искусству? Что-нибудь о рисовальщиках, о живописцах? – Нет! К сожалению, сегодня не захватил. Когда продавец отошёл, мужчина спросил, обращаясь к мальчику:

– А что ты рисуешь, Митя, – натюрморты, пейзажи, портреты?

– Я всё подряд рисую. И ещё разные бытовые сценки...

– На твоём месте я попросил бы старших купить тебе блокнотик. А в нём делать наброски людей, пейзажей... Всего, что тебе интересно. Скажем, едешь в электричке – и рисуешь... людей, дома за окошком, деревья...

– У меня уже есть альбомчик. Но я... стесняюсь на людях рисовать.

– А вот от стеснительности надо избавляться. А ты рисунку где-то учишься?

– Нет. Я сам по себе рисую. У меня есть несколько учебников по рисованию.

– Скажите, а ему не поздно начать рисовать? А то мы хотели заниматься балетом. Нам сказали, что он стар для балета. Хотели устроиться в кружок танцев на льду. Нам сказали, что поздно пришли. – Беспомощно спросила бабушка.

– Это бывает по-разному. Сейчас я постараюсь вам ответить. В разных возрастах люди приступали к рисованию.

Марк Шагал, который не признавал ни пропорций, ни светотени, рисовал с раннего детства. А вот Василий Кандинский до 30 лет и не думал об искусстве. Он работал юристом. Но увидев картину «Стог сена» Клода Моне, он всё бросил. Поехал учиться живописи. Поль Сезанн начал рисовать в 15 лет. Анри Матисс – в 20. Также в 20 лет начал обучаться Василий Суриков, прибыв в столицу с обозом из Красноярска. Винсент Ван Гог начал в 22 года, а Поль Гоген в 25. Михаил Врубель поступил в Академию Художеств в 24 года, после того как получил специальность юриста и отслужил в армии. Так что, сами видите, что ваш Митя ещё не стар для занятий живописью.

Но ваш вопрос невольно затронул ещё один, скорее всего, философский аспект – некое соотношение физической жизни художника и его творческой жизни. Вот тот же Шагал говорил,

что жизнь провёл в предощущении чуда. А вот Ван Гог, приведу дословно, утверждал, что «заплатил жизнью за свою работу, и она стоила мне половины моего рассудка».

– Пожалуйста, скажите, отличаются ли рисовальщики от живописцев? – Митя заинтересованно смотрел на красноречивого собеседника.

– Я тебе так на это отвечу. Рисунок – это графика в монохrome с тональными соотношениями, плюс карандаш или перо. Рисунок – это контур, линия, силуэт.. Живопись же – это пестрота красок и кисть. Причём краски – это масло, темпера, акварель...

Ты, кстати, чем рисуешь? – Акварелью. – Хорошо. Помни, что акварель следует приобретать только питерской фабрики. Все другие акварели плохи. И знай, что в Москве есть школа современного акварелиста мирового уровня Сергея Андряки. Продолжу пояснение о рисовальщике и живописце.

В рисунке карандаш может и не участвовать, если его заменяет, например, что-то из этого: соус, уголь, сангина... Примерами высококлассных рисовальщиков могут быть гравюры Дюрера, филигранные рисунки Нади Рушевой, зарисовки Ван Гога. Тебе, Митя, знакомы эти имена?

– Имена эти я знаю, но их творчества не знаю. Помню только картинки Нади.

– Понятно. Ещё нагонишь, если захочешь. Должен тебе сказать, что масса больших живописцев являются и великолепными рисовальщиками. Вот несколько фамилий: Серов, Репин, Иван Крамской. У них и силуэты, например, прекрасные, и живопись.

Ещё что тебе хочу сказать. Рисуй, ходи на выставки художников. Это в Москве Третьяковская галерея, Пушкинский музей изобразительного искусства...

Проси родителей, чтобы покупали тебе альбомы и книги художников и о художниках. Существуют дневники, письма, тексты, принадлежащие Микеланджело, Леонардо, Делакруа, Винсенту Ван Гог, Кандинскому. Эти вещи – своеобразные автопортреты. Они описывают авторов, окружение их, взгляды на искусство...

Читать надо и великих писателей. Художественная литература позволит сформировать твой внутренний мир. Чем больше ты читаешь, тем этот мир будет богаче.

Объявили, что следующая остановка Подольск.

Полицейские встали.

– Ну, что? Наговорился? Пошли, художник! – это один из людей в форме обратился к художнику.

Тот поднялся, приподнял шляпу в знак прощания. Первым пошёл полицейский, который скомандовал идти. А следом и другой. У последнего от запястья шла тонкая цепочка к руке благообразного мужчины.

Уходя он бросил пассажирам:

– Извините. Жизнь вмешалась в нашу беседу.

Как-то нехорошо было произнесено полицейским слово «художник», нехорошо. Первый раз я видел, что заключённого везли на общественном транспорте.

За что его? Что он натворил? – эти вопросы долго мучили меня. Но ответов у меня не было.

Юлия Вертела

Санкт-Петербург, Россия

Кебабная

Недалеко от хостела в приграничном с Россией финском городке работала маленькая кебабная. Обсаженная красивыми золотистыми каннами, она была излюблена русскими приезжими за уют и низкие цены.

Однажды и я зашла туда перекусить, и продавец кебабов – смуглый выходец с Ближнего Востока – примагнитил меня с такой неистовой силой, как в Лувре магнитит всех та самая Джоконда, нарисованная да Винчи.

Но что там Джоконда по сравнению с лицом продавца кебабов! Его лицо было произведением искусства. Глаза, нос, брови... Он густо покраснел, я тоже.

Заказав еду, с трепыхающимся сердцем я потащила свою тарелку к столику.

Кебабщик был похож на моего бывшего возлюбленного. Та же смоль курчавых волос – только собраны они были в большой хвост на макушке.

Я ела и всё время оборачивалась на кебабщика. Из-за своих кастрюль он тоже поглядывал на меня.

Вечером ноги сами понесли меня обратно в кебабную.

И мой прекрасный продавец, конечно, сразу понял, что я пришла совсем не за кебабом.

Неделю я ходила наслаждаться видом мужчины с волосами, похожими на чёрные волны южных морей...

Так продолжалось, пока я не поняла, что вспоминать бывших возлюбленных – накладно.

И кебабщику башню начало сносить – он уже, улыбаясь, ожидал меня у входа на порожках. И среди жёлтых канн смотрелся как восточный принц с серьгами в ушах и пальмой смоляных волос на макушке. Наверное, он думал, что намерения мои серьёзнее, чем просто поглядеть друг на друга.

А мне-то было интересно словно в Лувре – он был моей Джокондой. Ах! Жаль, постеры с кебабщиков не делают.

Но приходите сюда – куда уж дальше, неприлично...

Кебабы надо было срочно прекращать.

И я стала ходить обедать в Макдональдс.

Но вечерами из окошка хостела я видела мою кебабаную – мой Лувр, и канн золотились, и где-то там была моя прекрасно-безымянная Джоконда... На улочке, название которой я не запомню.

Часть 10. Поэзия

Федор Толстой. Из изящных натюрмортов

Михаил Мейлах
Страсбург, Франция

Из тюремной тетради

Петербургской поэтики пленник
и Парнаса российского гость,
с молчаливою Музой, изменник,
месяцами немотствуя врозь;

петербургской поэтики данник –
легкий пепел по ветру развей
над зырянской тайгой, изгнанник,
оглянись – пред тобою Рифей:

не твоей ли он стражник неволи,
евразийский стоглавый дракон,
о котором в тридцатые, что ли,
не смолчал старина Арагон,

– что ура, мол, Урал, стерегущий
пуще тайны смарагдовых гор,
сердоликов и яхонтов пуще
входы-выходы каторжных нор.

Но когда отступает все это,
пред тобою является вдруг
незабытый, воспетый, всепетый

из лазоревой мглы Петербург.

Трижды умерший и не воскресший,
трижды вдовый, он все-таки жив,
но я вижу яснее и резче
чем имперское чудо – залив,

низкий берег закраины дальней,
до которой как будто – рукой...
и столичности провинциальной
безмятежно-трезвящий покой;

вавилонского ив многострочья
в мертвых водах плакучую ложь;
темной зелени белою ночью
словно вдруг подконвойную дрожь.

И над островом, городом, садом,
в легкий купол столкнув облака,
пьет незримого света громада
от воздушной свободы стиха.

...Пленник, данник, изгнанник, изменник,
в нутр рифейский сходящий Орфей!
Хлеб горчит, крутоваты ступени,
выпит мед, воздух пуст... соловей

не поет... Что ж, простимся...
– минута,
и раздвинут во времени щель
трубадуры и обэриуты,
Хармс, Введенский, Арнаут Даниэль*.

1985

*Арнаут Даниэль – провансальский трубадур XII века
(прим. редактора)

Ксения Хрусталева
Москва, Россия
(дебют)

Ф

66-й сонет Шекспира

в переводе Ксении Хрусталевой

Я чаю смерть: доколе видеть мне,
Что просит благородный подаянья,
Что вечно лишь бесчестный на коне
И веру предают без покаянья,

Поют хвалы тому, в ком нет заслуг,
Невинный цвет рукой срывают грубой,
Припишут совершенному недуг
И силу сгубят слабостью беззубой,

Обрубят мысль, речённую творцом,
Отправят ум ко блажи в услуженье,
И честного пока зовут глупцом,
Добро у зла на рабском положеньи.

Ушел бы я от этой суеты...
Любимый мой, но с кем же будешь ты?

Знакомьтесь: Ксения Хрусталева, молодая переводчица
Шекспира

Ирина Чайковская: Ксения, откуда вы, сколько вам лет, где вы учились? Почему вы решили переводить Шекспира?

Ксения Хрусталева. Мне 22 года. Родилась в Москве. Заканчиваю МГИМО, по специальности я востоковед со знанием японского и английского языков. Считаю, что самых сильных преподавателей встретила не на основной профессиональной стезе, а в сфере перевода. Поэтому, собственно, и увлеклась переводом в разных его проявлениях. Шекспира полюбила еще в школе, но тогда у меня не было ни теоретических знаний, ни практических навыков, ни даже мысли о художественных переводах. Позже, уже в институте, прибавилось знаний – пришло и желание заниматься тем, чем занимаюсь сейчас.

ИЧ. Вам не кажется, что переводчиков у сонетов Шекспира слишком много? Не знаю, как на других языках, но на русском их явно "перебор". Почему? Что привлекает? Что привлекло лично вас?

КХ. Переводчиков сонетов и вправду много. Но такая тяга к произведению меня не удивляет. Гораздо больше удивило бы, если бы все тянулось к поэзии сомнительного содержания и художественной ценности. Возможно, причиной интереса является отсутствие «научного», то есть адекватного перевода на русский язык. Каждый пытается создать какую-то свою концепцию перевода – и в итоге получается личная интерпретация, а не Шекспир. Каждый последующий переводчик критикует предыдущего, пишет новый перевод – и снова не достигает цели. Есть версия, что созданные переводы – это «гумус» для последующего, более совершенного. Я склонна придерживаться этого взгляда. Если сравнить переводы Гербеля и Финкеля, то прогресс просто налицо.

В сонетах очень много привлекательного: загадочность адресатов, очень личная манера изложения, глубина религиозных, исторических, литературных аллюзий, метафоричность, актуальность: классика на то и классика, что ее темы не устаревают. Меня глубоко привлекла тема бессмертия, которая, на мой взгляд, самая яркая в сонетах.

ИЧ. Что вы хотите делать дальше? Продолжить работу над сонетами? Перейти к другим произведениям Шекспира? Уйти от Шекспира к другим авторам? Есть у вас планы не переводческой, а самостоятельной творческой работы?

КХ. Мне хотелось бы написать полный перевод сонетов, который будет как минимум не хуже предыдущих. Издать книгу. В планах написать диссертацию по аллюзиям у Шекспира.

Пару лет назад я переводила Уайльда, Йейтса, а также (в меньшей степени) некоторых немецкоязычных поэтов, начиная с Гёте и заканчивая Целаном. Потом – то ли из-за проблем с публикациями, то ли из-за потери спортивного интереса к переводу не очень близких мне авторов – я стала заниматься только «близким» автором. Свои стихи я также писала и пишу, но мало что из них опубликовано (если опубликовано, то в основном в конкурсных альманахах). Помимо творческой (очень привлекательной) стези мне интересна также научная и педагогическая деятельность.

ИЧ. Судя по последней строчке сонета, где у вас "любимый мой", вы, в отличие, от очень многих русских переводчиков, считаете, что автор сонетов обращался к мужчине. У Маршака в этом месте «милый друг», что возможно при обращении как к мужчине, так и женщине. У Пастернака – нейтральное «друг». Вы предпочли определенность...

КХ. Я абсолютно убеждена, что 120 сонетов из 154 были обращены к мужчине. Об этом убедительно пишут большинство западных исследователей. В России же эта тема табуируется. Мне случалось сталкиваться с тем, что редакторы вычеркивают из статей предложения, которые хоть как-то намекают на нетрадиционные сексуальные отношения. Не знаю, как другим авторам, но лично мне приходилось исправлять собственный материал, заменяя слово «возлюбленный» на более нейтральное – «друг», «адресат». Насколько я могу судить, единственный перевод, который, пожалуй, «перешагнул» через это табу – это перевод С.Трухтанова, преподавателя МГУ.

ИЧ. Недавно появился необычный перевод шекспировских сонетов переводчика из Америки Анатолия Либермана, в нем каламбурно обыгрываются имя Вильям и слово will, обозначавшее в шекспировские времена половые органы. Ал считает, что сонеты Шекспира были переполнены непристойностями. Так ли это? По русским переводам этого не скажешь..

КХ. Я понимаю, о чем вы говорите. Если верить исследованию Katherine Duncan-Jones, которая написала блестящую книгу по сонетам, Анатолий Либерман абсолютно прав. В первых двадцати сонетах, посвященных продолжению рода, часто

обыгрывается тема близости с невинной девушкой во имя рождения ребенка. В последующих сонетах есть множество намёков на многочисленные любовные связи адресата. Чтобы не слишком углубляясь сейчас в эту тему, приведу в пример 20-ый сонет, в котором возлюбленный автора изначально задумывался природой как женщина. Затем природа из ревности якобы добавила ту часть тела, которая сделала его более пригодным для того, чтобы приносить удовлетворение женщинам, а не мужчинам. И автор, расстроенный этим обстоятельством, смиряется: так уж и быть, пусть им достанется его тело, а мне – его любовь. (But since she pricked thee out for women's pleasure, mine be thy love and thy love's use their treasure).

В сонетах очень много не только непристойных деталей (не вполне очевидных, если не читать комментарии исследователей), но и обвинений адресата в предательстве, промискуитете, эгоизме, жадности и т.д. Порой складывается впечатление, что и прекрасный юноша, и смуглая дама, появляющаяся под конец цикла, – абсолютно не те персонажи, которые заслуживают любви и поклонения. Однако русские переводчики подняли эти фигуры до небес, «причесали» оригинальный текст, придумав своего, идеального Шекспира.

ИЧ. В чем-то они не промахнулись. Красота этих сонетов вошла в наше сознание. А вот теперь доходит очередь и до Шекспира в его полный рост. Скажите, Ксения, помогает ли вам японский язык в вашей работе? Японский для вас – довесок к английскому?.

КХ. Японский язык – официально мой первый иностранный язык. Я специализируюсь на международных отношениях в Восточной Азии и пишу диплом по безопасности в этом регионе. Несколько месяцев прожила в Японии, будучи стажёром в университете города Сидзуока. Я не знаю, как сложится в будущем моя профессиональная жизнь, но пока я в большей степени работала как переводчик (с английским языком), и как аналитик. Японский язык – это не помощь в чем-то и не довесок к чему-то. Это просто моя другая жизнь, которая отличается от поэзии в худшую сторону.

«Завет» Редьярда Киплинга

Перевод с английского

If you can keep your head when all about you
Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
But make allowance for their doubting too;

If you can wait and not be tired by waiting,
Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated, don't give way to hating,
And yet don't look too good, nor talk too wise:

If you can dream – and not make dreams your master;
If you can think – and not make thoughts your aim;
If you can meet with Triumph and Disaster
And treat those two impostors just the same;

If you can bear to hear the truth you've spoken
Twisted by knaves to make a trap for fools,
Or watch the things you gave your life to, broken,
And stoop and build 'em up with worn-out tools:

If you can make one heap of all your winnings
And risk it on one turn of pitch-and-toss,
And lose, and start again at your beginnings
And never breathe a word about your loss;

If you can force your heart and nerve and sinew
To serve your turn long after they are gone,
And so hold on when there is nothing in you
Except the Will which says to them: 'Hold on!'

If you can talk with crowds and keep your virtue,
Or walk with Kings – nor lose the common touch,
If neither foes nor loving friends can hurt you,
If all men count with you, but none too much;

If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run,
Yours is the Earth and everything that's in it,
And – which is more – you'll be a Man, my son!

Будь стойким, если пленник наваждений
За трезвый ум винить тебя готов,
И верь в себя под градом злых суждений,
Не сбросив их, однако, со счетов;

Жди часа своего без утомленья,
Отвергни ложь, замаранный лжецом;
Когда клянут – беги от озлобленья,
Не выходя святым и мудрецом;

Мечтай, у грёз не будучи вассалом,
И мыслям дай не править, а вести;
Готовым будь с триумфом и провалом
Столкнуться, чтобы всё перенести:

Крепиться, если силой толкованья
Плут истину корёжит пред глупцом,
И тяжкий труд, что сгнил до основанья,
Начать с нуля изношенным резцом;

Умей рискнуть и, волю дав азарту,
За что радел, идя за пядью пядь,
Утратить враз, поставив всё на карту,
И в этот час лица не потерять;

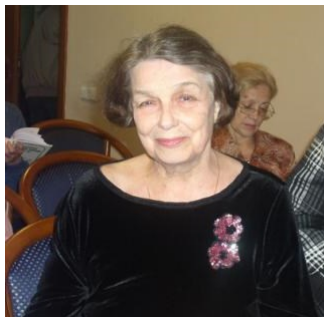
Свой дух, и нерв, и связки сухожилий
Пришпорь, когда ничто их не берёт,
Когда свой век давно они отжили
И Воля лишь твердит им всем: «Вперед!»

Храни же честь, беседуя с толпою,
И будь простым в ряду царевых свит.
Пусть друг и враг считаются с тобою,
А слово их вреда не причинит;

Когда умеешь счет вести мгновеньям,
Чтоб ценностью наполнить жизни бег,
Тогда ты, царь над всем земным твореньем,
По праву носишь имя – Человек!

Валентина Синкевич
Филадельфия, США

Пение

Ирине Чайковской

Сегодня среда иль опять воскресенье?
хотя все равно что за день или час –
Только бы длилось высокое пение:
Анна Нетребко и волной Хворостовского бас.

Это они поднимают на гребне
чувств, и звуков, и мыслей, и слов,
это они зовут к воскресной обедне,
сдвинув быта тяжелый засов.

Это в доме, когда и темно, и тихо, и пусто -
видишь и слышишь кромешную тьму –
Хворостовский вдруг запоеет в тишине
по-земному весоמו и густо,
и Анна небесною трелью ответит ему –
или мне?

Филадельфия, ноябрь 2015

Галина Ицкович

Нью-Йорк, США

Из Билли Коллинза

(с англ.) Гранд Централ – Grand Central

Билли Коллинз был дважды избран поэтом-лауреатом Библиотеки Конгресса. Также ему принадлежат титулы поэта-лауреата штата Нью-Йорк и титул Литературный Лев. Билли Коллинз живет и работает в Нью-Йорке. Он – автор десяти сборников поэзии

Гранд Централ

Город вращается вокруг восьми миллионов
центров вселенной³⁹
и вокруг золотых часов
в неподвижной точке среди вокзала.
Подними глаза над движущимся роєм
и увидишь, как кружит время
под звездным сводом, и узнаешь
точно, где ты и когда.

Grand Central

by Billy Collins

---

³⁹ Нью Йорк – город восьми миллионов центров вселенной, т. е. 8 млн. жителей (прим. переводчика)

The city orbits around eight million
centers of the universe
and turns around the golden clock
at the still point of this place.
Lift up your eyes from the moving hive
and you will see time circling
under a vault of stars and know
just when and where you are.

Борис Лихтенфельд
С-Петербург, США

Прямой наводкой

1. Вместо эпитафии

Вотще мечтать о песнях рая,
от отвращения умирая,
чураясь правильных орбит.
Но пусть не покоробит лиру
врождённая враждебность миру
и ангелов не оскорбит!

Когда в сердцах, когда от сердца,
когда как взрывчатое скерцо
в постылых гаммах бытия –

о, Ненависть! – ты виртуозней
импровизатора всех козней:
прекрасна музыка твоя!

Коль в воздухе зависла, то и
рушь все основы, все устои,
режь слух и разбивай скрижаль!
Отрадны старому неряхе
все эти диссонансы, крахи –
и самого себя не жаль.

2. **Vox Populi**

Да на хрена вы нам нужны,
кто у кормила и кормушки!
Гребите вволю из казны!
Мы не должны вам ни полушки.

На подковёрную борьбу
кремлёвских банкформирований
плевать нам, видели в гробу
мы ваш питомник тараканий!

Что в ящике ни изрекли б –
всё блеф и лажа; что ни рожа –
мелькает, как рекламный клип,
с гламурной задницею схожа.

Сосите скважины свои,
друг друга избирайте сами,
дуря широкие слои,
что без мозгов, но с голосами!

Пускайте миру пыль в глаза:
единство дивное какое!
Считайте наши *против – за!*
Оставьте только нас в покое!

Саша Немировский

Сан-Франциско, США

Пане

Иногда, спотыкаясь о запах вареного кофе,
Я попадаю в наше обычное утро.
Глушилка борется с радиостанцией «Немецкая Волна»,
Твой набитый портфель,
Темнота
За окном.
За обрывом подоконника косо летящая пудра
Снега. До дна
Обжигающий легкие морозный вздох. Пешком,
Торопливо догонять трамвай,
И успеть ввалиться, подтянувшись за поручень.
Стукнуться в расстояния между сумками
И прочими
Вещами. (В духоте толпы сразу теплее).
Варежкой отскрябанный край
Непрозрачных стекол в морозном рисунке.
И смотреть, смотреть как ночь становится посветлее.

На завтрак делались бутерброды
Иногда ленивые вареники
Со сливочным маслом.
Я входил в садик как в непогоду,
Съездившись от детской вражды, ожидая ненастья.
Глушилка хрипела «Голосом Америки».
Кофе прыснул,
Шипя, заливал конфорку.
И бесконечная жизнь не имела смысла.

Сейчас, когда взгляд упирается в переборку
Авиалайнера,
Летящего над Атлантикой,
Я понимаю тебя гораздо больше.
Мы жили в рамках, следуя правилам,
Глупым, как стало понятно намного позже.
Романтика
Оставалась уделом книжек,
Собранных в домашние библиотеки,
Так, что обоев на стенах было не видно.
Что-то все-таки из нас вышло.
При взгляде в прошлое, по крайней мере, не стыдно.

Мне, наверное, уже никуда не деться.
Не сойти с вектора, начатого морозной ночью.
Я прохожу площадью.
Я вкладываю записку в стену.
Калифорнийскому солнцу не озарить детства
Как на твою любовь не поставить цену.

05/03/16

Николай Боков

Париж, Франция

Ты ленилась вставать

Ты ленилась вставать и ссылалась на то,
что суббота,
Что не топлено в доме, и ветер гудит за окном.
И звучала одна в твоём голосе бархатном нота,
И ей вторил послушно медлительный дом.

В память предков любезных окна гладили
ветви деревьев.
Пес дремал у порога, соседями данный взаймы.
Жизни прошлой и пошлой обрывки, отрепья
Мы засыпали снегом свободной и чистой зимы.

Этот миг, эта пядь бытия нам подарены небом:
Мирный скрип половиц и пыланье поленьев
в печи.
Из колонки водой и пахучим коричневым хлебом
И ладонью на сердце мою старую боль залечи.

Валерий Скобло

С.-Петербург, Россия

Память. Дело Зильберберга

Зильберберг Л.Я. Род. 7.10.1901, г.Аккерман, еврей, б/п, обр.высшее, инженер з-да «Электроприбор». Арест. 1.11.1933. Приговорен 28.02.1934 по обв. в шпионаже к ВМН. Расстрелян 19.04.1934. Реабилитирован 6.03.1957.

Вот коротко о деле Зильберберга.
Такой мужик работал в той конторе,
Где я служил (но через сорок лет).
Потом его убили – расстреляли:
Сказали, что шпион – и пулю в череп.
А правых нет... и виноватых нет.

Похитил, вроде, он чертеж секретный...
И сигуранцей или дефензивой
Был завербован, среди прочих лиц.
Все это вскрылось: органы не дремлют,
Не дремлют, не дремали и не будут...
Ежовых не снимают рукавиц!

Он был еврей, но вряд ли это важно,
В крутой разборке все быстрее крутились
Такие жернова... Игра в лото.
Кем сам себя он числил, я не знаю,
Но, видимо, как все, перед расстрелом
Об этом вспомнил. Ну и что?.. И что?..

Все это с ним случилось в 33-м,

А приговор... расстрел – в 34-м,
Весной, в апреле... Солнце... благодать...
Еще до выселений и Ежова...
До кировского дела и "поток"..."...
И лучше бы мне этого не знать.

А был бы он немножко поумнее,
И выгадал бы лет семь-восемь жизни...
И чем ему наскучил Аккерман?
А, может, обошлось бы... Все бывает.
Глядел бы он на солнышко и море.
Я там бывал... О, как хорош лиман!

Потом в 40-м и в той же фирме
Служил отец мой... Боже! с ним случилась
Такая же история... Чертеж!
Но суд советский и нарком Лаврентий
Его простили... и чертеж нашелся...
И скажет кто: Где правда здесь, где ложь?

Отец покойный не любил про это:
Репрессии, войну, космополитов -
Про все эти прошедшие года...
А если бы другой достался номер
Ему в лото кровавой мясорубки,
Кто эти строчки бы писал тогда?

А Зильберберг прощен был много позже,
В ту «оттепель»... Ошибка, значит, вышла...
Ягода, Сталин... прочая фигня.
Все умерли. Но если бы я думал,
Что смерть равняет правых и виновных,
Не прожил бы на свете даже дня.

Передо мной – сухие документы,
Промокшие от слез и чьей-то крови,
Их уберу пока что от внучат.
И что сказать, по совести – не знаю.
Удачливые менеджеры знают.
Они об этом знают... Но молчат.

Саша Зеленская
Швейцария

Не снимай пальто (дебют)

Памяти Энны Дедовой

Не снимай пальто,
Не включай и свет,
Пусть решат все что
Нас и дома нет.

Посидим в тиши,
Поглядим в окно,
Ближких две души,
Как давным-давно.

А за тем окном,
Где то свет, то мгла,
Как в кино немом,
Наша жизнь прошла.

Людмила Свирская

Прага, Чехия

В Лондоне. Я не сильная женщина

Как жадно солнце иней с крыльев лижет,
Молниеносно сглатывая тьму!
Летела – чтобы стать к тебе поближе.
Казалось: раз – и за руку возьму.
Я в Лондоне? Да ладно! Я ли это?
На Трафальгарской площади стою,
На миг чужой историей задета...
Как будто репетирую свою.

Я в Лондоне? Да ладно! Одолела
Свою мечту в сто сорок этажей!
По городу иду, как королева:
Ты так хотел, о лучший из мужей.
Я в Лондоне! И здесь нельзя иначе.
Диктует королевская земля
Свои законы счастья и удачи.
Я королева. Но без короля.

А ты со мной. Невидим и неслышен.
Как Лондон, ироничен твой прищур.
Туман хвостом цепляется за крыши,
И кажется, что счастья – чересчур
Мне выпало за эти двое суток

(Я от него отвыкла, знаешь ты)...

Здесь главное – не потерять рассудок
От этой невозможной красоты.

***

Я не сильная женщина, нет, не сильная
(Как и все мы) – здесь нет ни стыда, ни гордости.
Просто в сердце – камера морозильная:
Знай морозь и радости в ней, и горести,
И смешную девочку с белым бантиком,
На меня теперешнюю – похожую,
И любовь, и лирику, и романтику
(Для чего оно – это всё?) заморожу я.

Потому что нет больше сил – оплакивать
И наивно верить, что время вылечит...
Доползу, чтобы счет предъявить оплаченный.
И неважно, кто потом сердце выключит.

Татьяна Парсанова

Наро-Фоминск, Россия

Не цветами – лебедой. Выключаю разум...

Не цветами – лебедой
Зарастает поле.
Стала я твоей бедой,
Милый, поневоле.

Неба ситец голубой
Насурьмился грозно.
Ах, зачем же мы с тобой
Встретились так поздно?!

Мыслей горьких остриё –
Никуда не деться.
Спрячу имя я твоё
В тайничок, под сердце.

Сыпет густо на лицо
Мне слезинки лето.
А на пальчик мой кольцо...
Не тобой надето.

***

Выключаю разум. Пусть исполнится
Всё, что проклиналось сгоряча.
Примеряю звание «любовница»,
Как одежду с барского плеча.

Распрощалась с гордостью. Покорная...
Эшафот ли... Жизнь ли... Быть... Не быть...
Мне теперь душою обнажённую
В унисон с дождями голосить.

Сердце ранят, как шипы терновника,
Непростые правила твои.

На другой вершине треугольника –
Вне закона...
Просто – по любви.

Зоя Бобкова

Гатчина, Россия

Зазнобило ветром изо всех-то щелей и щёлочек

Зазнобило ветром изо всех-то щелей и щёлочек,
Заплескалось бельё парусом на гудящих распорках.

Вот девчонка, курногая и щербатая,
С разноцветной чёлочкой
Кинулась отыскивать своего милого
По близлежащим моргам.

И тут его нет, и там не заметили,
Значит, живой ещё,
где-то, выходит, мотается,
Время своё заколдованное
проводит с «этими»,
С такими «расхорошими»,
грешит и не кается.

Нету милого, нет!
И весна-то вокруг, не весенняя,
Сердце голубем подбитым
в груди трепыхается,
И растут со дня на день
отчаяние и сомнение.
Двери хлопают. Снова не он.
Как же тут не отчаяться!

Колдовской сумятицей тихий вечер узится...
И, кажется, без милого обрушатся в доме стены.
В первый ты, девочка, оказалась узницей
Крепости измены.

Михаил Синельников

Москва, Россия

Серебряный век

«Печатаю эти мои личные (апрельские, – Ред.) тезисы...»

В.И. Ленин

Кудрявый Бальмонт, Клюев лысый,
Ахматовой суровый взор
И в снежном вихре Блок с актрисой
Несущийся во весь опор.
О, ветер вьюжный, нежный, сладкий!
Но резко брошен поперёк
Из гимназической тетрадки
Небрежно вырванный листок.
И эти режущие строки
Апрельского факсимиле
Выносят приговор жестокий
Промчавшимся навеселе.
Давно уж выцвели чернила...
А в чёрный утекло пролом
Всё то, что время осенило
Своим серебряным крылом.
2017

Лариса Миллер

Москва, Россия

А вдруг Господь меня читает

А вдруг Господь меня читает
И чувства нежные питает
К стишкам, которые пишу.
А вдруг я всё ещё дышу
Лишь потому, что сам Создатель
Мой очень преданный читатель.

Борис Марковский

Корбах, Германия

Прощай, просодия ветвей

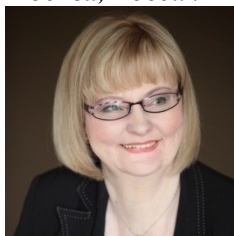
Прощай, просодия ветвей!
Мне больше музыки не надо.
Над бедной родиной моей
звучит мелодия распада.

Прощай, забытая свирель,
я слышу музыку иную,
она за тридевять земель
колеблет ось и твердь земную.

Татьяна Белянчикова

Москва, Россия

Меркуцио

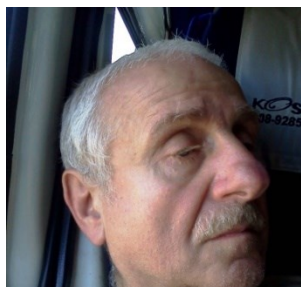
плавленное солнце,
мечет равнодушно

свой смертельный крап.
Честь свою уронит
тот, кто не дерётся,
остальных задушит
королева Маб.
Белая ворона,
он еще смеётся.
Скалится Вероны
плавленное солнце.
Он веселый очень,
он вражды не хочет,
он достоин ночи,
ржавой, вечной ночи!
Свой душевный панцирь
беззаботно скинув,
он, похоже, плюнул
на фамильный вой.
Он пока не сдался –
тот, кто держит спину
на камнях сутулых
звонкой мостовой.
Это время грубо,
это время глупо,
и сминает губы
едкий комментарий.
Если не ударил –
знай, тебя ударят,
ни на что другое
мира не хватает.
Как невыносима
точка в старой пьесе,
режиссерских линий
жертвенный итог.
Он уйдет красиво,
дерзок, но невесел,
мой нежнейший циник,
мой ранимый бог.

Виктор Голков

Израиль

Встреча

Постучала тревожно в калитку мою: «Отвори!»
Я поднялся с постели под жалобный скрип половицы.
В темноте моих близких белели расплывчато лица,
за окном разгорался осколок осенней зари.

Двор, засыпанный листьями, не торопясь пересечь,
я под ветками шёл, беспричинно внушавшими жалость.
Мне казалось: она к деревянной калитке прижалась,
в тёмно-серой косынке, как будто сползающей с плеч.

Заметалась душа в непонятной и жгучей тоске .
Различил я, как тлеет болезненный, странный румянец.
И на прежнюю жизнь оглянулся я, как иностранец,
на полоску чужой, безымянной земли вдалеке.

Кто она, эта женщина? Раньше её не встречал,
но почувствовал – глянет, и в пропасть за ней побреду я.
Протянула ладонь – стало жутко – такую худую,
и не в силах ответить, беспомощно я промолчал.

Цепенели в низинах холодные топи болот.
Грибовидный туман выростал из коричневых пашен.
Сбит на скорую руку, предутренним светом окрашен,
начинал своё плаванье новой судьбы моей плот.

Валентин Нервин

Воронеж, Россия

Отчего я сегодня с утра

Отчего я сегодня с утра
заплутал у полоні печалі? –
даже спирт не идет на ура,
даже мысли во мне одичали.
То ли шапка на воре горит,
то ли дух по этапу восходит,
но постылая плоть говорит,
а пытливая кровь колобродит.
За душой – не копеечный флирт,
не пустая вода из-под крана,
а живой, неразбавленный спирт
из граненого злого стакана.
Разлетаемся... Et cetera,
по закону всемирной печали.
Не о том ли сегодня с утра
перелетные птицы кричали?

***

По дороге на Черную речку

*Александр Сергеевич Пушкин – замечательный русский поэт.
Из учебника по литературе*

По дороге на Черную речку
начались Окаянные дни.
Не гаси поминальную свечку,
заодно и меня помяни.
От Воронежа до Магадана,
дорогая Отчизна, пора
помянуть Александра, Ивана,
Михаила, Бориса, Петра...
Мы хлебнули из пушкинской кружки
и до срока сошли в Интернет.

Александр Сергеевич Пушкин –
замечательный русский поэт.

Евгений Сливкин

США

И осталось от города Питера

И осталось от города Питера
прежних времен
интеллигентных пятеро
белоперых ворон,

с видом значительным
птиц одного круга
державшихся на почтительном
расстоянии друг от друга.

Хвост волоча, как наволочку,
разодранную на полосы,
ходят они вразвалочку
по полису, словно по лесу.

Не сомневаясь – надо ли,
выжить во всю пытаются,
и с достоинством падалью
день изо дня питаются.

Июль 2017

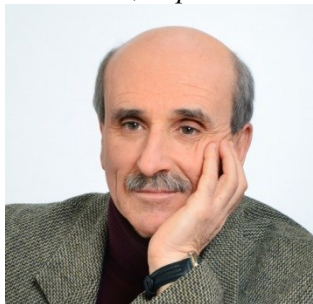
Пациент

Как на стезе земной да без анестезии!
Такую боль терпеть – не выдержишь всерьез.
А Бог на всех один, особенно в России,
Он – Яхве, Он – Аллах... Он общий, как наркоз.
Прилажены ко ртам дыхательные трубки,
а вентиль под рукой: открыл – и хлынет газ;
с шипением змеи и ворковней голубки
во внутрь он потечет и вмиг заполнит вас.
И вся-то маята, предсмертная забота –
придет ли благодать от закиси азота!
Летучий десфлюран! Светящийся ксенон!
Какую взвесь вдохнуть? Какой обнять баллон?
Но даже под ножом –
молитвенную позу
и просветленный взгляд по направленью вверх
не практикует Тот, кто вышел из наркоза
и принял... не грехи, но эту боль – за всех.
И в рабском, как сказал один поэт, обличье,
оставив позади смятенный медконвой,
Воскресший Пациент идет страной больничной,
и руки в первый раз не держит за спиной.

Владимир Спектор

Бад-Зоден, Германия

Запах «Красной Москвы»

Запах «Красной Москвы» -
середина двадцатого века.
Время – «после войны».
Время движется только вперёд.
На углу возле рынка –
С весёлым баяном калека.
Он танцует без ног,
он без голоса песни поёт...

Это – в памяти всё у меня,
У всего поколенья.
Мы друг друга в толпе
Мимоходом легко узнаём.
По глазам, в коих время
мелькает незваную тенью
И по запаху «Красной Москвы»
В подсознание своём...

Юрий Хейфец

Москва, Россия

Необратимость событий лишь кажется таковой

Необратимость событий лишь кажется таковой:
Попроси прощенья у матери. Молча прости отца.
Невзначай поцелуй жену. Соседу кивни головой.
Начни сначала молитву, непрочтённую до конца.
Вернись к любимому делу, что денег не принесло.
Возьми специально отпуск, чтоб съездить, куда хотел.
Попробуй понять искусство как бывшее ремесло,
Которому надоело скопление бездушных тел.
Заметь, не прошу тебя я вдруг взять – поменять жильё,
Город, страну, планету, Вселенную и жену:
К таким дешёвым приёмам прибегает одно жульё,
Кричащее: «Вижу небо – пусть даже иду ко дну!» –
Необратимость событий есть вредная сказка, друг:
Ведь то, что зовётся временем, в самом тебе и течёт –
Оно то квадратом кажется, то напоминает круг,
Но кто сам себе хозяин, а кто – из племени слуг,
Когданибудь, да решится – пусть медленно, а не вдруг –
И лучше изведать счастье, чем впасть в роковой испуг.
И в этом стоит, по-моему, себе отдавать отчёт.

23.11.17.

Александр Шиварг

Лондон, Англия

Листопад

Александр Шиварг написал это стихотворение в 1940 году, когда в Китай вошли японцы, посадившие его в концлагерь на 3 года, пока он не сбежал оттуда. Все его студенческие стихи были уничтожены. И вот – почти через 80 лет Шура их вспоминает (прустовская история!), наблюдая за листьями на ветру. В голове выскочило прекрасное слово «листопад», стало вертеться, подобно листьям, и стих всплыл. Шура мне сразу позвонил и попросил напечатать на компе. Такой вот наш мозг – свинья-копилка. К счастью!

(Лейла Александер-Гарретт, Лондон)

Не уйти от злой осенней грусти
Погибать, так погибать запоем,
Сердце, ты исчерпанное хрустни,
И рассыпья золотой листвою.
По дорогам пыльным и далеким
Пронесись ты жалобно, как ветер.
Пусть услышат твой тоскливый окрик
Все сердца грустящие на свете.
По дубравам будто бы заснувшим,
Где проказой золотой пылая,
Старый лес грустит о всем минувшем,
С каждым днем все больше забывая.

О, рассыпья золотистым хламом,
Хлам ненужный, скудный хлам поэта.
Ветер сунет ключья по карманам,
И в сыром тумане сгинет лето
Над безмолвно плачущей рекою.
С лебединым вздохом лето сгинет,
И под вечер дряхлой рукою
Ночь старуха шаль свою накинёт.

И уже по лету не скучая,
будто осень ничего не значит,
В желтом листопаде утопая,
Твой хозяин даже не заплачет.

1940 год

Владимир Ханан

Израиль

***Если сможешь представить –
представь себе эту беду***

Если сможешь представить – представь себе эту беду:
Ветошь старого тела, толпу у небесного склада,
Или как через Волгу ходил по сиротскому льду,
Задыхаясь от коклюша – аж до ворот Волголага.
Рядом с хмурым татаринном в красной резине галош,

Мужиком на подшипниках в сказочном кресле военном,
И Тарзана с Чапаем представь сквозь тотальную ложь
Кинофильмов и книжек – взросленьем моим постепенным.

Если сможешь отметить – отметь каждодневный рояль,
Глинку, Черни с Клименти, и рядышком маму на стуле
С офицерским ремнём, что страшнее вредительской пули...
Раз-два-три, раз-два-три... А за пулю хотя бы медаль.
А в придачу к роялю лихой пионерский отряд
Под моим руководством, со сборами металлолома,
А помимо всего – написание первого тома
Неизбежных стихов... Неизбежных, тебе говорят!

Если сможешь забыть – позабудь сабантуй у стола,
Где Ильич на простенке, как мог, заменял Богоматерь,
И густой самогонки струя из бутылки текла,
Чьей-то пьяной рукой опрокинутой прямо на скатерть.
А в соседней квартире компанию тёртых ребят,
Где мне в вену вкатили какую-то дрянь из аптеки,
А ещё одноклассницу в свадебной робе до пят
Не с тобой, а с другим, и как в старом романе – навеки.

Если сможешь запомнить – запомни, как школьник, подряд:
Волжский лёд в полыньях, царскосельскую зернь листопада,
Новогодних каникул сухой белоснежный наряд
И в дождливую осень сырые дворы Ленинграда.
Стихотворцев-друзей непризнанием спаянный круг,
Культопоходы в Прибалтику в общем, как воздух, вагоне,
И как фото на память – кольцо обнимающих рук
Под прощальный гудок на почти опустевшем перроне.

Елена Кутина

Ташкент, Узбекистан

Знаешь, там, за плечом Моны Лизы...

Знаешь, там, за плечом Моны Лизы – такая печаль,
Бесконечная нежность зелёного и голубого...
То ли льётся река в гобеленово-сонную даль,
То ли кто-то разлил молоко на границе земного

И небесного мира, и ласковый этот разлив
Все трагедии скроет своим милосердным сфумато.
Ничего, ничего, только шёлковый шёпот олив...
Никогда, никогда... Но оливы шептали: когда-то...

Это небо Италии было когда-то для нас,
И по этой реке мы с тобою когда-то уплыли
– В тот единственный, истинный, вечность питающий час...
Леонардо не мог отвести очарованных глаз...
И в улыбке загадочной бледные губы застыли...

Марина Мичурина

Бостон, США

Ты выбрал меня

Каждый выбирает для себя ... (Ю. Левитанский)
В.Л.

Ты выбрал меня с уверенностью
диктатора,
Ты выбрал меня, как граф цыганку
из табора,
Как выбирают скорость пред полным
стопором,
Как пилот принимает решение, вонзаясь
штопором...
Ну почему же я? Ведь столько
возможностей!
Ну почему меня? Миллионы
сложностей...
Что ты нашел во мне такое
хорошее,
Что затмевает боль, усталость
и прошлое?
Предпочитая в общении уровень
лёгкости,
Мы швыряем друг в друга шутки
и колкости,
Но почему же я вижу все время:
не ладится!-
Между тоном твоим и глазами -
Такая разница ....
Ходим кругами, боясь сказать
ненужное,
Страх ошибиться – чувство весьма
недужное,
Но ты не знаешь, что гордость свою
выпоров,
Я не могу устоять пред твоим
выбором!

Ирина Рувинская

Иерусалим, Израиль

***Два стихотворения. Возле дома,
который снесли. Привычка эта,
словно сеть***

Возле дома, который снесли,
возле сада, который срубили,
те, которые нами были,
всё стоят в июньской пыли.

В яркой той, неостывшей дали,
сколько б годы снегов ни валили,
всё стоят и стоят
в июньской пыли
те, которые
нами были.

***

Привычка эта, словно сеть,
но между «напевать» и «петь»
ясна граница,
и, может,
лучше не уметь,
чем научиться?

Елена Литинская

Нью-Йорк, США

В моей гостиной все как двадцать лет назад

В моей гостиной всё как двадцать лет назад.
Застыла мебель в неподвижности покорной.
Минуты, месяцы, года бегут, спешат,
мелькают, как в кино, под щёлканье попкорна.

О как мне разрешить извечный сей конфликт
меж бегом времени и косностью пространства?
Вертеть то в профиль, то анфас жилища лик
и время обуздать, стреножить постоянством?

Wall-unit – мощное хранилище вещей –
посуды, книг и сувенирных безделушек.
И чажну я над ними, словно царь Кощей
над златом. Ну а голос памяти всё глуше.

Уже не помню я, когда, в какой стране
да и зачем иное или то купила.
И напроць монстр-саркофаг прижат к стене.
Врос в пол и в потолок и сдвинуть не под силу.

Зависла я, как шар, в пространстве временнОм.
И в небо не хочу, и не желаю в землю.
Но властно тикает упрямый метроном,
моим желаниям не внемля.

Часть 11. Детский альбом

Д. Шгеренберг. Аниська. 1927.

Вадим Чирков

Нью-Йорк, США

Три коротких сказки

Волшебное колечко

Это было не так давно – в детстве.

Шёл я как-то, шёл – не помню, откуда, не помню, конечно, куда, не помню уже, зачем – но только увидел вдруг на земле кольцо. Медное кольцо величиной с тогдашнюю мою, пятилетнего мальчишки, ладонь. Игрушка что надо! И стал я играть кольцом так и эдак, эдак и так... И вот догадался бросить его на землю плашмя, как бы целясь попасть на случайный колышек.

Кажется, я произнёс при этом какое-то подсобное слово.

Кольцо послушно упало в трёх шагах от меня. Я подошёл, чтобы взять его, и увидел в середине кольца 15-копеечную монетку. Вот так да! Что бы это значило? И я бросил кольцо ещё раз. И снова в середине его оказалась монетка.

Кольцо волшебное! Ура! Теперь я богач! Брошу его десять, а то и больше раз, и можно будет купить всё, что захочу! Всё, всё, всё! Например, мороженое.

И я кинул кольцо в третий раз. Подошёл к нему – а кольца-то и нет! Нет волшебного колечка. Потерялось!

Искал я его, искал, на коленках ползал, всю траву прошарил, всю землю перерыл, а колечка так и не нашёл. Куда оно исчезло, почему – долго не знал. Думал: раз оно волшебное, могло само по себе пропасть. Потом как-то подумал иначе: а может, дело вовсе не в кольце? А в том слове, которое я проговорил раз и другой, когда его бросал? А в третий раз поспешил и слова не

сказал. А ведь именно оно и могло быть волшебным! И не только монетку мне дать, а что угодно!

И стал я с тех пор искать волшебное слово. Где оно может находиться? Где, скорее всего, скрывается?

Конечно, в сказке! Потому что в сказке всё немного не так, как мы привыкли видеть, а значит, и чудо где-то рядом...

Как ручей простудил горло

Случилось однажды так, что Ручей простудил горло. Может, он хлебнул холодной воды из родника, а может, его прохватил сквозняк. Ручей охрип, осип, стал кашлять и чихать. А остановиться, чтобы полечиться, он, как вы сами понимаете, не мог.

Обвязал Ручей горло лопухом, а лопух тут же сорвало каким-то кустом. И Ручей понесся во всю прыть отыскивать доктора.

Петляет Ручей по лесу, спрашивает у всех про доктора. Припетлял к озеру. А на берегу озера по колено в воде стоит Цапля. Наклонит шею, лягушку – цап! Лягушка – ля! – и нет её.

Ручей остановился, откашлялся, чихнул, фыркнул и спрашивает у Цапли:

-Ты, случайно, не доктор?

-Доктор, – отвечает ему Цапля, – разве ты сам не видишь? Вот мой градусник, – Цапля потрясла длинным носом. – Что с тобой?

-Горло болит. Полечи меня.

-Хорошо, – согласилась Цапля и сунула нос в Ручей.

-Ага, – сказала она через минуту, – у тебя, кажется, простуда.

А ну-ка покажи язык!

Ручей высунул язык.

-Все ясно, – сказала Цапля, – я прописываю тебе солнечные ванны и покой...

Ручей поблагодарил Цаплю. Он влился в озеро и разлегся на поверхности, где тепло.

А через три дня он вылезился и побежал дальше.

Слыхали, какой у него снова звонкий голос?

Лысый жёлудь

Жёлудь родился в шапке. Рос Жёлудь, и шапка росла. Вырос он, потрогал шапку, видит – как раз. Будто на него шита. И красивая. Барашковая. Жаль, зеркала нет, поглядеться бы.

Решил Жёлудь прогуляться, чтобы и другие на шапку посмотрели. Только сделал шаг по листу и -ух! – выпал из шапки. Летит вниз.

Бац! – упал.

-Лысый! Лысый! – крикнул кто-то.

Схватился Жёлудь за голову – верно, лысый. Совсем голая голова.

-Кто сказал: лысый? – спросил Жёлудь сердито.

-Я. – на пенёчке стоял маленький Жёлуденок в шапке с длинной кисточкой.

-Друг мой, – наставительно ответил ему Лысый Жёлудь, – вы просто плохо воспитаны. Я пришел в гости, а шапку оставил на вешалке. Гляньте-ка наверх. – И правда, осенний дуб был похож на вешалку – всюду на ветках висели шапки.

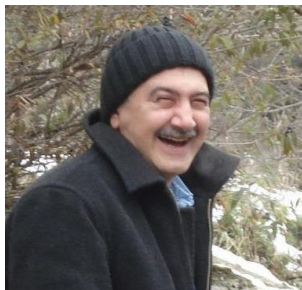
-Нас ждут, – крикнул Лысый Жёлудь, – идемте, господа!

Из-под травы и жёлтых листьев встали остальные жёлуди. Они отерли лысины, погладили себя по бокам, взяли за руки и пошли. Не знаю, к кому они направились, но думаю, что тот, кто пригласил их в гости, тоже был очень воспитанный че... я хотел сказать, жёлудь.

Александр Ралот

Краснодар, Россия

Тарелочки

В Краснодаре жаркое лето тысяча девятьсот шестьдесят первого года. Мы, а это я и мой закадычный друг и сосед Юрка, выпросили у своих мам старые покрывала и прочие тряпки. Знаете, зачем? Да для шалаша, конечно же. Строим его прямо посередине дороги. Потому как удобно. Трава кусачая здесь не растёт. Редкие полторки ездят не по нашей грунтовке, а там далеко. По асфальтированной улице с мудрёным названием

Индустриальная. Так что наше сооружение может помешать только конюху дяде Ване. Да и то вряд ли. Даже если добродушный сосед будет возвращаться, как говорит его жена, на бровях, то бишь спать в бричке, то уж его каурая лошадь Нюрка сооружение заметит и точно и аккуратно объедет. Проверено. Когда наши родители в ночную смену уходят, так и спать в нём остаёмся. Лежим себе, смотрим сквозь дырки в покрывалах на звездное небо и мечтаем. Вот вырастим и все, как один, станем космонавтами или, на худой конец, лётчиками. Будем пролетать над нашими Горогородами и махать сверху таким же, как и мы, пацанам. Здорово.

- Юрка, ты чего такой угрюмый? От мамки подзатыльник поимел? Или школьное задание на лето в заброшенном портфеле отыскал?

- Санька. Я в кино хочу. «Морозко» посмотреть. А ей для родного сына гривенника жалко.

- Так и мне тоже денюжку не дали. Батя сказал, получка только через неделю. Что бы раньше с протянутой рукой на глаза не появлялся. Я же не куксюсь. Терплю.

- А если за неделю все наши киношку посмотрят и её увезут в другой кинотеатр, что делать будем?

- Вот проблема. Значит в него сходим. Что нам стоит!

- Ну, как ты не понимаешь? В «Смене» нас с тобой все тётеньки контролёрши знают. И босиком пускают. А в других кинотеатрах без обуви никак нельзя. Враз заругают. Сам же знаешь, сандалии родители только к школе достанут, чтобы зазря обувь до поры, до времени не убивали.

- Жучка. На, лопай, трудяга, – раздалось из-за плетня. Это моя мать вышла покормить всеобщую любимицу. Старую собаку, исправно с утра до ночи гонявшую воробьёв от кормушки с куриным кормом.

- Юрка! Эврика!

- Что ты такое сказал? Как ты меня обозвал? Это я эврика? А в ухо не хочешь?

- Эх, ты дружбан. Не любишь книжки читать. А зря. Потому и не знаешь, что «эврика» по-гречески означает: нашел или придумал. И никакое это не оскорбление. Так сам великий Архимед кричал, когда что-нибудь нужное человечеству изобретал.

- Ну и чё? Ты прямо сейчас что-то гениальное изобрёл? Робота, который вместо тебя бечевку к палке привязывать будет и покрывало натягивать? Вот умора.

- Не Юрка, я не то изобрёл. Я придумал, как нам денег на кино раздобыть.

- Тоже мне придумщик. У меня с утра два «клапана» на щеглов поставлены. Толку-то. Даже если поймаю птицу. Её у меня фиг кто купит. наших городских этим не удивишь. А к «центральному» идти продавать, так можно и по шее схлопотать и вообще без «клапана» остаться.

- Да знаю я всё это. У меня другая идея сейчас родилась. Слухай сюда.

Стрельбище за шелковой рощей знаешь?

- Ну!

- Да не ну. Совсем даже не ну. Там взрослые дядьки по тарелкам из ружей палят.

Юрка усиленно чесал выцветшую на ярком солнце, не стриженную до осени шевелюру – и ничего не понимал.

- Так вот. Они же не всегда в эти тарелочки попадают. Некоторые целёхонькими улетают в кусты.

- И чё?

-А то. Мы с тобой этих тарелочек наберём.

- И чё?

- У меня Жулька. У тебя Шарик. У Серёги Тарзан. Всем собакам новые миски нужны. Глядишь, кто из пацанов для своего любимца гривенника и не пожалеет. Им красивая чёрная тарелочка, а нам с тобой киносеанс в «Смене». Отец говорит, что за границей это называется бизнес.

- Саня, ты, конечно, пацан башковитый, спору нет. Только больше этого буржуйское слова не произноси. Бо не сдержусь - и в ухо дам. Потому как у меня с этими гадами разговор короткий. Не посмотрю, что ты мне друг. Чё уставился? Пошли не стрельбище. Шалаш никуда не денется. Потом достроим. Мне джуге Шарика порадовать хочется. Из новой тарелки, сам же знаешь, любая похлёбка втрое вкуснее.

***

«Ружья в пол! Стволы в землю! Я кому сказал! Прекратить стрельбу! Мать вашу! Люди на линии огня! Тащите этих гольцов сюда. Лично уши драть буду!»

Репродуктор на смотровой вышке умолк. На стрельбище наступила не предвещающая ничего хорошего тишина.

- Саня, ну их, эти тарелочки. Бежим отседова. Поймают – уши надерут, это ещё полбеды. А ежели отцам расскажут? Тогда, сам знаешь, есть стоя придётся.

Но было поздно. От старенького, выдавшего виды УАЗика ещё ни одному пацану удрать не удавалось.

***

- Вам что, жить надоело? Какого... вас под пули понесло?- здоровенный мужик, в линялом военном кителе, держал каждого из нас за шиворот.

- Та, та, тарелочки, – глотая слёзы, пробормотал я. Для со... со... собачек наших. Им есть не из чего. С земли всё подбирают. С пылью, грязью едят.

- Степаныч, ты это слышал? Кабысдохов им жалко. А жизни своей не жалко? Скажите спасибо, что я не ваш батя. – Голос мужика изменился. И мне показалось, что в нём появились какие-то тёплые нотки.

- Значит так, мелюзга! Марш за Степанычем! Он вам выдаст по пачке тарелочек. На всех собак хватит. Но если я хоть раз увижу вас на стрельбище, тогда... Самолично расстреляю, как тарелочки! Понятно? Марш, с глаз моих долой, пока я снова не осерчал.

***

Мама, смотри, что я нашей Жучке принёс! Дай скорее кусочек хлебца – я её из новой тарелочки покормлю. Глянь, как она хвостом виляет! Понимает. Подарку радуется.

***

Через час в нашу холобуду ввалился злой как чёрт Юрка. В руках он держал что-то бесформенное, но блестящее.

- На, держи на память. Хорошо, что пацанам не продали. Тогда уж точно огребли бы по полной.

-Юр, что это?

- Та-ре-ло-чка, – нараспев и с издёвкой произнёс дружбан. – Но-ва-я. Хорошо, что вовремя заметил и отобрал у Шарика. Помнишь, ты мне рассказывал про дядюшку Римуса и его сказки? Так вот, ещё немного – и мой пёс, как тот кролик, из-за этой смолы себе всю пасть испоганил бы.

***

Вечером в импровизированное жилище заглянул мой старший брат Илья, учащийся Фабрично-заводского училища. Из потёртой кожаной сумки достал пару огурцов и ломоть хлеба.

- Лопайте, робинзоны. Чего приуныли? Выкладывайте, в чём проблема?

Хрустя сочным овощем, Юрка поведал ему о нашем походе на стрельбище и дальнейших событиях. А как же иначе! Ведь не чужой человек. Не выдаст.

***

- Значит так, соложата. Есть такая наука химия. Вы её в старших классах проходить будете. В общем тарелочки эти делают из битума, смолы, по-вашему. И ещё обрабатывают чем-то, чтобы хрупкой становилась и на мелкие кусочки разлеталась, когда в неё пуля попадёт. На нашем жарком кубанском солнце смола плавится.

- Как мороженое, – перебил я брата.

- Примерно. Только медленнее, конечно. Короче. Мой вам совет. Отнесите эти ваши тарелочки туда, откуда взяли. Пусть спортсмены на них тренируются и медали для нашей страны завоёвывают.

- А как же кино? «Морозко»? - Юрка не сдержался и хлюпнул носом.

Илья полез в карман и достал две монетки. - Держите. Это вам от меня за смелость. Но только помните, что она, без ума, зовётся безрассудством.

Олег Лузанов

Курск, Россия

Дед Мороз

В обычной квартире жил да был самый обычный мальчик. Хотя не такой уж и обычный. Во-первых, он был уже почти взрослый – четыре года. Согласитесь, солидный возраст. Мальчик даже начинал о невесте подумывать, тем более что была одна на примете: он с ней рядом на утреннике сидел и даже в танце за руки держал, когда парами кружились. Во-вторых, мальчик занимался ответственным делом – посещал детский сад. И ведь как посещал – профессионально ходил, не капризничал и строго по положенным дням. И не просто так, чтобы отметить, вовсе нет, он ведь и кашу ел, и кисель, и спать после обеда ложился. Поэтому мальчик был очень ловкий и сильный. Это в-третьих. Оно ведь всегда так, кто кашу ест и не капризничает, всегда будет сильнее того, кто от каши отказывается и плакса.

Мальчика звали Ваня. Не Ванюша или Ванечка, а Ваня. Ну, ещё Иван Александрович. Это дедушка так называл иногда, когда какой-нибудь серьёзный вопрос обсуждали. Вот например, недавно затеяли разговор.

– Зачем мне этот Дед Мороз? – первый начал Ваня, когда разбросав игрушки по полу, построив и разломав башню из разноцветных соединяющихся деталей, нарисовав в альбоме синим карандашом динозавра с длинной шеей и рыбу с длинным хвостом, причём и шея и хвост многократно и странными спиралями окружали похожие круглые тела так, что фигуры скорее напоминали посиневших от холода осьминогов, стоял и

раздумывал, что лучше, мяч зафутболить в коридор или пазл собрать.

– Он же снова игрушки будет дарить, – продолжал Ваня. – А куда мне? Их вон сколько.

И мальчик широким движением рукой обвёл комнату. Действительно, игрушек было очень много, почти как в магазине. Здесь были и роботы, и машинки, и самолёты, и целые стада очень похожих на настоящих разнообразных животных, кубики, пистолеты, мячи... Что тут говорить об огромном количестве динозавров: разного размера и цвета, шевелящихся и нет, умеющих говорить и молчаливо раскрывающих зубастые пасти. К динозаврам Ваня испытывал особую любовь и каждого знал по имени. Этот стегозавр, этот паразауролоф, тот диплодок. Паренёк легко отличал трицератопса от анкилозавра, вот он был какой образованный. А если открыть дверцы шкафов, на полках рядами стояли разноцветные с красивыми картинками книжки.

– А ты думаешь, что Дед Мороз подарит тебе игрушки? – поинтересовался дедушка, который сидел на диване и отдыхал после игры в догонялки.

Ваня повернулся и задумчиво посмотрел на деда, но ничего не ответил.

– Может быть, к тебе Дед Мороз совсем не придёт, – не унимался дедушка, намекая, что мальчик иногда, мягко говоря, не очень слушался и шалил больше, чем было нужно.

– Я вообще-то и не хочу, чтобы он приходил, – заявил Иван Александрович.

Что он думал в этот момент, дедушка, конечно, не мог знать. То ли побаивался, что Дед Мороз за непослушание мог немного заморозить, то ли опасался, что всем расскажет, кто люстру в большой комнате разбил, то ли ещё какая-то мыслишка была.

Последний раз, на прошлый Новый год, уж очень пристально взглядывался Ваня в костюм и фигуру Деда Мороза. И хотя парнишка на всякий случай залез на руки к маме и даже лицо спрятал у неё в волосах, но оттуда всё же выглядывал любопытным голубым глазом и потрогал-таки волшебный посох, когда Дед Мороз подошёл чуть ближе, стараясь услышать приготовленное для этой встречи стихотворение про ёлочку и зайчика. Стихотворение Ваня ему рассказывать не стал и всё присматривался, как шапка надета и откуда борода растёт.

Странная такая борода, неестественно белая и густая, у других дедушек Ваня такой не видел.

Как бы то ни было, но в положенное время родители украсили большую пушистую ёлку, которую принёс и установил папа. Ваня тоже помогал, не мог же он оставаться в стороне, когда столько красивых шариков должны были занять свои места на иголках душистой ёлочки. Когда погасили свет и включили гирлянду, Ваня даже запрыгал, хлопая в ладоши – до того ему понравилась переливающаяся разноцветными огнями, многократно отражёнными серебристыми нитями дождика и шарами, ёлка. В комнате сразу всё изменилось, словно все оказались в сказочной пещере со множеством сокровищ и тайн. У Вани тут же улучшилось настроение, хотя оно у него и так было хорошее, но в волшебной комнате хотелось быть намного лучше, чем он был до этого.

Целых два дня Ваня вёл себя образцово: играл в спокойные игры, рисовал или рассматривал книжки. Читать мальчик тоже умел, все буквы. Однажды он переспорил дедушку, который указывал на нарисованного леопарда и говорил, что это пантера:

– Какая же это пантера, если это леопард, – горячился юный знаток природы.

– Самая настоящая пантера, – убеждал дедушка. – Вот смотри, что написано. Пэ, а, эн, тэ...

Дедушка забыл надеть очки и водил пальцем по буквам под рисунком, подслеповато прищуриваясь.

– Как же это может быть пантера, если здесь ле-о-пард, – возмущался дедом внук и начал называть, – Лэ, е, о...

И ведь верно, присмотревшись, дед признал правоту: паренёк – то буквы называл точно. В споре победила дружба, старый и малый сошлись на том, что и леопард похож на пантеру, и пантера – это леопард, только другой окраски.

Сам праздник Нового года Ване в этот раз почти понравился: в детском саду все вместе принимали участие в утреннике, надели костюмы, танцевали, играли в игры, которые затеяли Белочка, Снегурочка и Дракоша. Правда, Ваня видел, что это тётеньки такие, но было интересно. А вот Дед Мороз огорчил, это тоже оказалась тётенька. Она старалась говорить низким голосом и ходить вразвалочку, словно медведь, но это было сначала неожиданно, а потом очень смешно. Такого Деда Мороза Ваня совсем не боялся, он же не волшебник и борода,

вон, чуть не соскочила, когда тётенька-Дед крикнула: «Ёлочка гори!» – и взмахнула руками, от чего борода сдвинулась на бок, открыв гладкую щёку.

– Понарошечный какой-то этот дед, – подумал Ваня.

Но зато ёлка, огни, веселье – всё было настоящее.

Через несколько дней, после обеда, когда вся семья находилась дома, в домофон позвонили.

– Наверное, Дед Мороз пришёл, – с улыбкой сказал папа и пошёл открывать дверь.

Все собрались в коридоре, ожидая того, кто должен появиться. Наконец, прожужжал лифт и в открытую дверь вошёл Дед Мороз. Ваня стоял ближе всех и лучше всех видел. Вот это был Дед. Ростом выше папы, в красной шубе, в красной же шапке, с красным мешком. Он был о-очень большой и от него веяло морозом, как будто дверь на балкон открыли. Это точно была не тётенька. Ваня, раскрыв глаза и шаря взглядом по всей фигуре вошедшего, старался разглядеть все подробности: как борода прикреплена, какие на нём ботинки, какие брюки. Но ничего не заметил, ни резинки, ни верёвочки, и брюки были из бархатистого красного материала, и красные сапоги с загнутыми носками переливались узорами. Когда Дед Мороз шёл, на каждый его шаг раздавался звук, словно... Ваня слышал такой звук, когда взрослые за столом поздравляли друг друга, соединяя фужеры с напитками.

– Здравствуйте, – густым басом сказал Дед Мороз, из-под густых бровей оглядывая всю семью и чуть дольше задержав взгляд на мальчике.

– Здравствуй, Дедушка Мороз, – хором ответили взрослые.

Ваня молчал, он думал.

– Здравствуй, мальчик... Ваня, – с расстановкой проговорил Дед Мороз, обращаясь к пареньку.

Но Ваня снова не ответил.

– Давайте пройдем в комнату, – решила разрядить обстановку бабушка, – сядем, Ваня стишок расскажет.

– Ваня, поздоровайся с Дедом Морозом, – подтолкнула сына мама, – он же к тебе пришёл.

– Отчего же, – пророкотал Дед Мороз, – я ко всем. Праздник ведь для всех, и для маленьких, и для больших.

И в этот момент Ваня решил, он шагнул вперёд и сильно дёрнул Деда Мороза за бороду. Ему подумалось, что лучше сразу понять, кто перед ним.

– Ох, ах, а, – вскрикнули все вместе, а громче всех Дед Мороз, борода которого вовсе не собиралась отрываться.

Ваня тоже почувствовал, что с бородой что-то не то и дёрнул ещё раз.

– Ваня, прекрати, – Дед Мороз придержал парнишку, который собирался оторвать волосяной покров с его лица, – не нужно, борода настоящая. И я тоже настоящий.

Паренёк отпустил белые пряди и отступил, недоумённо хлопая глазами. Надо заметить, что и взрослые озадачились.

– Вот это да, – проговорил папа, ни к кому не обращаясь, но как инженер с большим опытом, понимающий, что усилий сына должно было хватить на любую артистическую бороду, как бы крепко её ни привязывали или приклеивали. – Настоящая?

Дед Мороз посмотрел на него с хитринкой:

– А ты, Саша, как я помню, не очень-то в меня верил, даже когда маленьким был. Куда вы тут приглашали пройти, что мы всё в коридоре?

И первым прошагал в комнату мимо опешивших взрослых.

– Ну, что делать с вами будем? – усевшись на диван, обратился сразу ко всем волшебник.

– Мы договаривались... в фирме..., – робко начала мама.

– В фирме? Хорошо. Не буду спорить, давайте по очереди. Вам так проще будет, – остановил её взмахом руки Дед Мороз. – И вот что, ты, Катя, не волнуйся. А ведь ты в меня долго верила, хотя и побаивалась.

Мороз встал и начал стаскивать рукавицу, а на оголившейся ладони выростал большой хрустальный шар с маленькой деревней внутри.

– Да, у меня был такой, – улыбнулась мама, – только маленький.

– Это тебе, – протянул шар волшебник. – Возьми двумя руками.

Мама Катя приняла подарок и словно засветилась от удовольствия.

– Это шар хорошего настроения, пока он с тобой...

– Всем моим любимым всегда будет радостно, – закончила Катя.

Ваня почувствовал, как от шара тёплый ветерок начал поглаживать лицо и шею, как летом, и даже цветами запахло.

– Саша, подойди, – Дед Мороз вытянул руку ладонью вниз.

Папа шагнул вперёд и протянул свою, тоже ладонью вниз. Когда руки соприкоснулись у Александра на руке оказался темный гладкий браслет.

– Браслет правильных знаний, – пояснил волшебник в ответ на вопросительный взгляд. – Ты сможешь понимать, как сделать, чтобы было правильно. Но никогда не доказывай ничего тем, кто не хочет тебя слышать.

Ваня протянул руку, коснулся темного ободка и вдруг понял, как починить оторванную ногу у сломанного робота.

– Теперь с вами, – волшебник повернулся к оцепеневшим с растерянными улыбками дедушке и бабушке. – Что, не думали, что доведётся свидетелься?

Дед Мороз засунул руку себе в рукав шубы и достал сначала зеркальце и затем расчёску.

– Смотрите в зеркало и расчёсывайте волосы перед сном. И обязательно сидя с прямой спиной. Можете по очереди. Кто первый, а кто второй – значения не имеет. А эффект... узнаете, – волшебник подмигнул.

Ваня удивился, потому что увидел, как дедушка тоже подмигнул, но бабушке, а бабушке опустила глаза и слегка покраснела:

– Спасибо, – с лёгкой улыбкой поблагодарила она и прижала подарок к груди.

– Теперь самое трудное, – Мороз снова сел на диван и посмотрел на мальчика. – Подойдешь?

Ваня смело приблизился и выжидательно смотрел на Деда Мороза.

– Значит, тебе игрушек не нужно?

– Нет, у меня много, пусть другим детям будут, кто хочет.

– Так, это я понял, – кивнул волшебник. – А что же ты хочешь?

Мальчик растерялся от такого прямого вопроса. Чуть нахмурился, стараясь вспомнить свои желания, но оказалось, что особо и желать-то нечего, родители и дедушка с бабушкой делали и давали всё, что он хотел. Ваня обернулся и увидел, что взрослые внимательно смотрят на него, ожидая его ответственного и самостоятельного решения, может быть самого важного в жизни: мама с шаром хорошего настроения, папа, поглаживающий браслет знаний, дедушка и бабушка – все с улыбками и теплотой во взглядах.

– А можно, чтобы было, как во сне? – решил мальчик.

– Давай попробуем, – провёл рукой по его голове Дед Мороз.
– Это ты про какой?

– Который тот, где у меня было два сердца, – чётко проговорил Ваня.

Дед Мороз ещё несколько раз провёл по его голове:

– О, никогда не встречал такого. Так ты желаешь...

– Мне снилось, что мама подарила мне своё сердце, а я ей своё. Пусть у меня будет два сердца. Когда моей маме или папе будет нужно, я одно сердце выну и им отдам.

В комнате стало так тихо, что, казалось, было слышно, как падает снег в хрустальном шаре.

– Ваня, сыночек, – бросилась обниматься мама.

– Внучек, – потянулась к глазам смахнуть влагу бабушка.

– Вот парень даёт, – переглянулись мужчины.

– Что ж, мне пора, – Дед Мороз встал, тряхнув колокольчиками на засветившимся на верхушке посохом, повернулся так, чтобы полы шубы на мгновение укрыли Ваню всего, шагнул в дверной проём и исчез.

В том месте, где он растаял, в воздухе оседала сверкающая пыльца, закручиваясь в небольшую воронку. Сильно запахло хвоей, мандаринами и ещё чем-то... сказочным.

Ваня побежал в коридор, чтобы найти волшебника там.

– Здравствуйте, – от лифта к двери уверенно подходил Дед Мороз.

Всё как положено: шуба синяя, шапка синяя в звёздах, посох, борода, сапоги зимние, мешок с подарками и брюки... тёмно-коричневые, обычные.

Виолетта Гребельник

Рим, Италия

За что мы любим лето

За что мы любим лето?
За то, что вдаль влечёт.
Торопится планета
По радуге на взлёт.

Ей длинный день в подмогу,
Распахнут небосвод.
– Скорей, скорей в дорогу.
Июнь ребят зовёт.

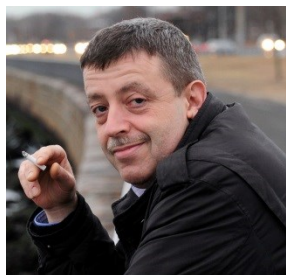
На речку, в лес, на море –
Открытия вершить,
На луговом просторе
Как бабочка парить.

За что мы любим лето?
За беззаботность дней
От робкого рассвета
И до ночных огней.

Владимир Резник

Нью-Йорк, США

Бумка

Теперь уже все мои знакомые знают, что у меня в морозилке живёт полярный медведь. Небольшой такой, сантиметров тридцать, но взрослый – не медвежонок. Я долго скрывал это, но потом мне надоело каждый раз выдумывать объяснения, откуда и почему у меня всегда найдётся мороженое для гостей – и я стал говорить всем правду. Не все, конечно, верили – а мне-то что? Не веришь – не ешь свежеприготовленное, нежнейшее, облитое молочным шоколадом мороженое, обёрнутое в серебряную фольгу с фирменным знаком: белым медведем в голубом круге. Бумка – так зовут моего жильца – утверждает, что это портрет его бабушки, который и изобрёл этот рецепт. Ну, бабушка это или бабушка, по рисунку я определить не могу, но мороженое очень вкусное и я страшно рад тому, что однажды вечером, открыв морозилку, чтобы достать и приготовить себе на ужин последнее, что там оставалось – рыбные палочки, – увидел там Бумку. Он уютно свернулся калачиком на нижней полке, и, когда я, открыв дверцу, уставился на него – приоткрыл один блестящий коричневый глаз и молча посмотрел на меня. Я, не говоря ни слова, смотрел на него. Так прошла целая минута. Потом Бумка закрыл глаз, зевнул во всю пасть и сонно пробормотал: «Ну, если сказать ничего не хочешь, то закрой, пожалуйста, дверцу – а то жарко очень». Так мы и познакомились. Да, кстати, рыбных палочек в морозилке не оказалось – Бумка их съел, а мне пришлось поужинать булкой и сладким чаем. С тех пор мы так и живём: я покупаю ему рыбные палочки – его любимое

лакомство, а он мне готовит мороженое. Молоко, шоколад и сахар, конечно, покупаю я. Есть ещё пара секретных ингредиентов, которые я тоже приношу, но Бумка категорически запретил мне о них кому бы то ни было рассказывать. Иногда он исчезает, говорит, что пойдёт погулять и пообщаться с родственниками, но всегда оставляет мне запас: пять – шесть брикетов пломбира. Его нет неделю, другую, и я уже начинаю волноваться, не случилось ли чего – и просматриваю разделы происшествий во всех газетах, но потом он появляется – и я вздыхаю с облегчением.

Жить с ним не просто: он оставляет следы мокрых лап на паркете; капризничает, если рыбные палочки оказываются не той фирмы; возмущается, когда я раз в месяц пытаюсь разморозить и почистить холодильник. А ещё требует выключить отопление – и мне приходится заворачиваться в толстый плед, когда мы с ним вечером усаживаемся у телевизора, – забирает у меня пульт и переключает на каналы, где показывают животных. Ничего другого смотреть он не хочет. Впрочем, однажды, случайно, включив какое-то популярное телешоу, он громко смеялся, а после сказал, что такое он уже раз видел в клетке у марышек, когда недолго жил в зоопарке.

А ещё иногда, в холодные зимние ночи, когда все собачники уже увели своих любимцев спать в их нагретые у хозяйских ног постели, мы с Бумкой выходим погулять. Мы идём рядом и тихо беседуем безо всяких поводков и ошейников: ведь мы равны, мы друзья.

А почему «Бумка» – ведь на самом деле, белые медведи обходятся без имён – да потому, что сейчас каждый, кто заведёт себе белого медведя, так обязательно назовёт его Умкой. Вот я и решил назвать своего иначе, тем более что он так смешно бумкает в морозилке: напевает себе что-то под нос, когда готовит мороженое, – ну, просто настоящий Бумка!

Часть 12. Юмор

Николай Акимов. Портрет дирижера оркестра

Евгений Обухов

Дедовск, Московская область, Россия

Страшное существо

Кот у Евстифеева – просто страшное существо. Не в том смысле, что, например, ночами орёт или всех царапает без разбора. Он наводит ужас на Евсея Игоревича своим даром предсказывать ход мировой истории. Да так, что тот всерьёз считает всех остальных животных созданными на Земле, а вот котов – космическими пришельцами, тоненькой ветвью какой-то великой внеземной цивилизации... Так врачам и рассказывает.

В общем, как-то раз для общего образования Евсей Игоревич купил в электричке и прилепил на стену в коридоре огромную карту континентов со всеми городами и странами. Мол, сколько раз за день из кухни в комнаты без пользы хожу – а тут тебе карта. Глядишь, походя самообразуюсь, буду знать, где Белиз находится и велика ли хвалёная пустыня Гоби...

На другой день кот, дефилируя мимо, вдруг встал на задние лапы и царапнул карту в районе Японии, кусочек отодрал. Евстифеев махнул на кота полотенцем, поднял кусочек, чтобы приклеить обратно на место и прочитал: «Фукусима». А вечером по телевизору сообщение...

Евсей Игоревич сперва значения не придавал. Так, хмыкнул по поводу совпадения. Но дня через три эта скотина подпрыгнула и деранула в районе Мексики. И тут же сообщение: землетрясение девять баллов, столько-то жертв, столько-то разрушений. Тогда уж Евстифеев задумался.

А этот злыдень – шарк в районе Персидского залива. Через час по всем каналам: о-па, война! Выдрал клоч из Большого Барьерного рифа – наутро диктор кадры комментирует: лайнер напоролся и затонул, в воде три тыщи народу. А то подбежал и

с самого низа всю Антарктиду когтищами исполосовал. Вечером на экране дядька с бородой: мол, катастрофа, потепление, айсберги тают, пингвинам жить негде, а Европу затопит к чертям собачьим...

Тут-то и дотюмкал Евстифеев: страшная скотина в доме живёт, мистическая. Захотел от греха карту со стены соскрести, так кот увидал и бегом в кабинет, к глобусу. Евсей Игоревич аж передёрнулся весь: брысь! Нет уж, лучше пусть континенты частями, чем планету целиком. Избавиться от кота? Ещё не легче, это хуже десятка Фукусим – скотину ведь тёща для семейного счастья подарила, и если только узнает... Уж лучше пусть торнадо с оползнями, тем более, что они где-то далеко, а эта – в соседнем районе...

Так и терпел Евстифеев, только наблюдал, как безжалостное животное о карту когти точит. А там уж каждый день сыпалось: погода, климат, взрывы, войны, дома рушатся, наводнения пучатся, эпидемии на огромных территориях с три царапки величиной.

Вчера же кот подпрыгнул и когтём точно город Речинск подцепил. Евстифеев аж помертвел весь и говорит Лидке: «Ну, всё. Мы же в Речинске живём!». А котяра уселся перед ними на пол и так с любопытством смотрит: что, мол, предпримите?

А они сами не знают. Сидят растерянные в постели, простынками укрывшись, головами крутят, через окно на улицу выглядывают, прислушиваются. Чего ждать? Газ рванет? Метеорит шархнет? Может, пустоты какие под городом, и время пришло половине улиц провалиться?..

Евстифеев успокаивает: «Ты, Лидочка, если вдруг, то главное – не это... не того... не пугайся!». А у самого руки ледяные...

Так и просидели часа два, как окаменели. И вдруг в двери ключ – шурр, шурр... В общем, жена Евстифеева на два дня раньше из санатория вернулась, не понравилось, что ли, или мистика какая вмешалась... А тут – он сидит в спальне с рыжей с этой, с Лидкой...

Что там было – куда цунами с землетрясениями, и близко не похоже!

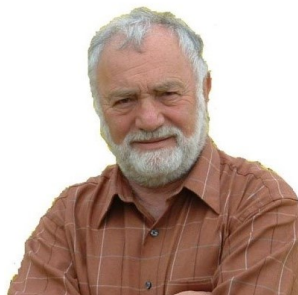
Один кот из спальни на кухню сумел улизнуть, только оглянулся на бегу и посмотрел на хозяина с укоризной: «Я ж тебя предупреддал!»

Вот и лежи, рассуждай про котов, пока из травматологии не выписали...

Александр Матлин

Нью-Йорк, США

Войти в реку времени

Странные шутки, господа, преподносит нам старость. По какой-то мистической причине, чем старше мы становимся, тем чаще воспоминания уносят нас в далёкую, давно исчезнувшую молодость. Мы начинаем с умилением вспоминать те события и тех людей, которые всю предыдущую жизнь нас совершенно не интересовали. И чем дальше, тем ярче и сочнее становятся эти бессмысленные воспоминания. До тех пор, когда память замирает, угасает и уже не хранит более не только событий прошедшей жизни, но и собственного имени. Похоже, что Всевышний напоследок одаряет наш мозг радостью перед тем, как его убить. Как последнее сладкое угощение перед казнью.

Не так давно, без всякой на то причины, вдруг явилась мне в воспоминаниях любовь моей ранней молодости, девушка по имени Фаня. Было нам тогда по семнадцать лет, и любовь, как положено, бушевала с необузданной страстью, с клятвами, слезами, учащенным сердцебиением и многочасовыми выяснениями отношений. В общем – любовь – как любовь, ничего оригинального. А может, и страсти никакой не было, а была просто незрелая, бурлящая гормонами юность. Роман этот кончился довольно быстро, как только на горизонте появилась новая мишень страсти. И с тех пор я никогда не видел Фаню и ничего про неё не знал.

Но вот сейчас Фаня мелькнула у меня в воспоминаниях и тут же исчезла. И я бы не стал об этом говорить, если бы вскоре не

случилось удивительное и настолько маловероятное событие, что его можно приравнять к чуду.

Заклучалось оно в том, что мой друг детства Боб прислал мне имейл. На самом деле он, конечно, не Боб, а просто Боря Шапиро. Друг не только детства, но и юности, того самого времени, когда у меня был роман с Фаней, а у него – с её подругой, и нашей самой большой радостью было танцевать танго и фокстрот под патефон у кого-нибудь дома, если, по счастью, родители уходили в театр. Так вот, Боб, копаясь от старческого любопытства в интернете, находит и присылает мне нечто такое, от чего у меня перехватывает дыхание. Это нечто есть выдержка из московской телефонной книги, всего одна строчка, в которой обозначены фамилия, имя и отчество моей бывшей подруги Фани. Там же с хамской бестактностью указана дата её рождения, которую я помню, и прилагаются её адрес и номер телефона. Не иначе, как моё случайно вспыхнувшее воспоминание о Фане породило этот космический феномен.

Судите сами. Какова вероятность того, что Фаня живёт на этом свете? Маленькая. До нашего возраста доживают немногие, особенно в России. Впрочем, какова вероятность того, что она живёт в России? Ещё меньше. Фаня еврейка, а большинство евреев покинули свою тошнотворную родину и переселились кто куда мог. И, наконец, какова вероятность того, что Фаня, добравшись до восьмидесяти с хорошим довеском, не только живёт на свете, и не только живёт в России, но ещё и носит свою девичью фамилию, под которой она делила со мной отроческую любовь? Тут уж эта искомая вероятность настолько приближается к нулю, что её даже противно принимать всерьёз.

И вот, представьте, я узнаю, что Фаня жива и живёт в Москве под своей девственной фамилией, и меня парализует шок. Что бы вы сделали на моём месте, дорогой читатель? Ну, хорошо, наверно, приняли бы валиум или что-нибудь такое же успокаивающее, а что дальше?

А дальше вот что: у меня появляется зудящее желание позвонить Фане. Конечно, я подсознательно понимаю, что на самом деле я хочу позвонить не ей, а в свою далёкую, полузабытую юность. Несколько дней я пытаюсь сочинить первую фразу и, наконец, так и не придумав ничего сногшибательного, набираю московский номер телефона.

– Слушаю – отвечает низкий старушечий голос, и меня охватывает озноб.

– Фаина Моисеевна? – говорю я сдавленным голосом.

– Ну да, это я, а что? – В её голосе звучит недовольство.

– Вы знаете, кто с вами говорит?

– Интересно, откуда я могу это знать? Я что, по-вашему, должна знать все голоса в Москве? Вот, прямо, народ какой пошёл. Сами звонят и сами ещё спрашивают, кто звонит. Если скажете, кто звонит, тогда я, может, буду знать, кто звонит. А так – откуда я могу знать, кто звонит?

Дождавшись окончания монолога, я говорю:

– Фаина Моисеевна, это ваш старый знакомый. Пожалуйста, не удивляйтесь и не вешайте трубку.

Я называю себя по имени-фамилии и делаю паузу.

– Фаня, ты меня помнишь?

– А чего, конечно, помню – говорит Фаня, не проявляя эмоций.
– Как не помнить. Ты моя первая любовь. Как сейчас помню, мы встречались на Гоголевском бульваре. Ты носил серое пальто, перелицованное из какой-то старой шинели. А у меня была меховая шапочка с красным бантиком, которая тебе очень нравилась. А ты чего звонишь? Может, хочешь зайти?

– Фаня, – говорю я, – мы с тобой не виделись и ничего не знали друг о друге больше шестидесяти лет. Расскажи мне, как ты прожила жизнь.

– А чего рассказывать? Как жила, так и живу. Квартира есть. Пенсия есть. Внуков нет, и не надо. На кой они нужны, только кормить их и убирать за ними. Где ты взял мой телефон?

– Твой телефон нашёл наш общий друг Боб Шапиро. Помнишь Боба? Он жив, здоров, живёт в Израиле, у него двое детей и четыре внука. Мы с ним часто говорим по Скайпу. В прошлом году мы с женой были у него в Израиле.

– Конечно, помню – говорит Фаня. – Сволочь он, твой Боб. Можешь не передавать ему привет. Он всегда лез ко мне под юбку, когда ты не видел.

– Подумать только! – удивляюсь я. – Что он там потерял?

– Откуда я знаю? Это ты у него спроси. Да он уж и сам, небось, теперь не помнит, зачем лез. А ещё у вас был третий друг, Толя, кажется. Или Гена.

– Правильно. Его звали Лёва. Он умер пять лет назад.

– Тоже сволочь порядочная – говорит Фаня.

– Что, тоже под юбку лез?

– Конечно. Куда ему ещё лазить?

– Странно. А где был я в то время, когда они к тебе под юбку лазили?

– А ты выходил в коридор позвонить свой маме и сказать, что придёшь домой поздно, так как у тебя много уроков задано на завтра.

– Фаня, неужели ты помнишь мою маму?

– Ну, вот ещё. Нет, конечно. Я и свою-то маму с трудом вспоминаю. Сволочь она была. Меня к тебе на свидание после восьми вечера не пускала. А сама, как только отец уедет в командировку, так хвост трубой и бегаёт до ночи чёрт знает где. Но это даже неплохо было: тогда ко мне приходил ты со своими дружками, и мы устраивали танцы. Моя любимая пластинка была «Я помню лунную рапсодию». Помнишь?

– Конечно. Лещенко пел. Или Вадим Козин.

– Я помню лунную рапсо-о-о-одию – пар-рам-пам-пам – и соловьиную мело-о-о-одию, – запела Фаня фальшиво, но с придыханием. Дальше она, к счастью, не помнила слов.

– Фаня, – говорю я. – у тебя, кажется, был брат. Он жив?

– Он сволочь, – мрачно говорит Фаня.

– Почему?

– Потому что сволочь. А ещё брат называется.

– Понятно. Ты замужем?

– Была когда-то. Но это был неудачный брак. Мой муж оказался большая сволочь. О семье не заботился, а только и думал, как бы кого на стороне трахнуть. Лучше бы я за тебя вышла. Хотя, ты тоже, небось, хорош...

– Почему ты так думаешь? – обижаюсь я.

– Что ж я, не знаю, что ли? Все вы одинаковые. Ну ладно. Расскажи о себе что-нибудь.

– Окей, – говорю я с готовностью. – Я женат уже шестьдесят лет. У нас две взрослые дочери и три...

– У меня тоже взрослая дочь, – говорит Фаня. – Сволочь она.

– Как? И дочь тоже сволочь?

– Конечно. А кто же она ещё? Мать сидит одна в своей конуре, сама должна убираться, таскать продукты из магазина, по врачам ездить, а она даже не побеспокоится хотя бы позвонить и узнать, жива ли мать. Ну, не сволочь ли?

– Фаня, – говорю я с максимально возможной деликатностью, – у тебя что, все сволочи?

– Конечно, – соглашается Фаня. – И ты тоже сволочь. Звонишь раз в шестьдесят лет. Я уж о себе не говорю, я знаю, что тебе на меня наплевать. Но хоть бы раз поинтересовался, как поживает твоя дочь.

– О чём ты говоришь, Фаня?

– Сам знаешь, о чём. От кого, ты думаешь, у меня дочка? От тебя.

У меня спина покрывается ледяным потом. На несколько секунд я перестаю соображать. Наконец, я беру себя в руки и говорю, стараясь не выдавать шока:

– Фаня, ты что-то путаешь. Как твоя дочка может быть от меня? У нас с тобой даже секса не было.

– Был, конечно. Ты, наверно, забыл.

– Я ничего не забыл. Не было никакого секса. Ты всё время говорила: вот поженимся, тогда...

– Был, был секс, – убеждённо сказала Фаня. Ты просто не заметил.

– Подожди. В каком году родилась твоя дочь?

– Ну, в шестьдесят втором. Какое это имеет значение?

Я вздыхаю с облегчением.

– Такое, что мы с тобой последний раз виделись в пятьдесят седьмом году. На Гоголевском бульваре. Я тебе сообщил, что женился. Даже паспорт показал. И ты поносила меня последними словами. А потом расплакалась, и мы расстались. И больше никогда не виделись. Ты помнишь это?

– Да, припоминаю, было что-то такое – говорит Фаня задумавшись. – Когда, ты говоришь, это было? В пятьдесят седьмом? Ну, значит, дочка не от тебя. Это я немного перепутала. Но ты всё равно сволочь. Нет того, чтобы зайти, поинтересоваться, как я живу, принести чего-нибудь полезного для здоровья.

– Фаня, как я могу зайти? Я же в Америке.

– Где, где?

– В Америке, Фаня. В Соединённых Штатах. За океаном.

– Ты что, всерьёз? Что ты делаешь в Америке?

– Живу. Я уехал из Советского Союза больше сорока лет назад. Вот с тех пор и живу в Америке, в штате Нью-Джерси.

– Ты с ума сошёл! – говорит Фаня. В её голосе звучит тревога пополам с неверием. – Как ты можешь там жить? Там же преступность на каждом шагу! Я слышала, ваше пресловутое ЦРУ там бесчинствует, шпионит за всеми с утра до вечера! Кроме того, вы всё время хотите уничтожить нашу страну!

– Ну что ты, Фаня! Зачем нам её уничтожать?

– Известно зачем. От зависти. Вам завидно, как мы живём: свободно, радостно. Продуктов в магазинах полно. Отдыхаем, где хотим: хотим – в Турции, хотим – на Кипре. Теперь даже в Крыму можем отдыхать.

Я начинаю лихорадочно соображать, как бы поскорее закончить этот разговор. На выручку приходит сама Фаня.

– Так ты что, из Америки звонишь? Это же дорого, небось?

– Да, Фаня, страшно дорого. Я даже заём в банке взял, чтобы тебе позвонить. Не знаю, как теперь расплачусь.

– Тогда заканчиваем, – великодушно говорит Фаня. – Ну, ты давай, держись там. И звони, не пропадай.

– Хорошо, Фаня. Ты тоже держись. Будь здорова. Я обязательно позвоню, – говорю я и про себя уточняю:

– Обязательно позвоню через шестьдесят лет.

Я кладу трубку, и мне на ум приходит старая банальная мудрость: нельзя войти два раза в одну и ту же реку. И я понимаю, что это неправда. На самом деле можно войти.

Только нужно ли?

Рисунки Вальдемара Крюгера

Григорий Яблонский

Сент-Луис, США

Есть такая партия! Новое о Владимире Ильиче Ленине

Посвящается 148-й годовщине рождения Владимира Ильича Ленина

Веские причины побудили меня начать этот цикл «Правдивых историй». В нынешнее время, когда захлёстывает половодье информации, состоящей в основном из

разнообразных сплетен, необычайно трудно отличить правду от лжи. Надо долго и упорно тренироваться!

А есть и приятный идиотизм, согревающий душу. Его тоже надо уметь выделить.

Сочетание правды, лжи и приятного идиотизма создаёт качественный информационный продукт.

Ленин... Владимир Ильич Ленин (1870-1924). Имя Ленина навсегда вошло в мировую историю. О Ленине спорили и спорят с яростью. Совсем недавно демократ Лев Шлосберг и государственный Максим Шевченко битый час обсуждали Ленина в эфире «Эха Москвы» и не сдвинулись ни на йоту.

Кто-то называет Ленина величайшим и хладнокровнейшим преступником XX-го века, предшественником Сталина и Гитлера. Кому-то хочется распространять нелепейшие выдумки, вроде того, что Ленин умер от венерического заболевания. А то ещё, начиная с 1990-го года, по русскому телевидению стала гулять бредовая ложь, выдуманная питерским забулдыгой Сергеем Курехиным: «Ленин – гриб!». Какой гриб, что за гриб?... Шампиньон?.. И ведь находились легковёрные люди, даже среди ветеранов партии, которые поверили этой чудовищной брехне.

«Такие люди, как Ленин, обновляют совесть человечества». Эти слова Альберта Эйнштейна были процитированы недавно политиком Геннадием Алексеевичем Зюгановым. Так один гений оценивал другого.

Чтобы выяснить истину в этой сумятице мыслей и суждений, надо понять, как Ленин относился к женщинам. Именно этим мерится масштаб великого человека. Есть одно яркое высказывание, приписываемое Владимиру Ильичу.

«Каждая кухарка может управлять государством»

Видно, как высоко Владимир Ильич оценивает способность женщин, прежде всего кухарок, управлять государством.

Недавно Зюганов передал это высказывание по-другому:

«Ленин был прав, утверждая, что даже кухарка, умная и добропорядочная, сможет управлять государством лучше, чем воры и пьяницы».

Кажется, Геннадий Алексеевич немного подправил Владимира Ильича. Не всякая кухарка может управлять государством, а только «умная и добропорядочная». И не просто управлять, а управлять «лучше, чем воры и пьяницы».

Что же на самом деле сказал Ленин?

В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» (сентябрь-октябрь 1917 г.) Ленин пишет:

«Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством».

То есть Владимир Ильич выражает важную мысль, что кухарка и чернорабочий в принципе способны управлять государством, но не сейчас.

Им надо помогать.

В недавно вышедшем новом издании «Воспоминаний о Ленине» Надежды Константиновны Крупской («Варгиус», 2015) приведена масса реальных примеров, как Ленин не на словах, а на деле помогал женщинам, причём всем, а не только кухаркам.

В своё время эти «Воспоминания» были белой вороной среди бесконечного потока безудержных восхвалений покойного вождя. Конечно, Ленин у Крупской – это до мозга костей политик, до предела сфокусированный на своей идее.

Вот Ленин в молочной санатории знакомится с солдатом швейцарской армии. «Парень был довольно славный. Владимир Ильич ходил вокруг него, как кот около сала, заводил с ним

несколько раз разговор о грабительском характере войны, парень не возражал, но не клевало». Очевидно, что Владимир Ильич хотел распропагандировать швейцарского солдата, не более того.

Подымаются Ленин и Крупская на швейцарскую гору. Альпийские луга...Эдельвейсы и рододендроны...Красота неопишуемая, а Владимир Ильич: «Ну и сволочи, какие же они сволочи!» – Кто, Володя? – Большевики, конечно.

Крупская по-доброму посмеивается: «Заснёшь, увидишь во сне большевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадёт вся конспирация» – это она о переезде в plombированном вагоне, когда Владимир Ильич хотел притвориться немым.

Но так или иначе Ленин в «Воспоминаниях» – простой человек, не «простой как правда», а реально простой: ходил в пивнушки, собирал белые грибы, горные сапоги чистил сам, не любил цветы, ездил на велосипеде, велосипед крали...

Новое издание «Воспоминаний о Ленине» 2015 года избежало когтей сталинской цензуры. Здесь масса удивительных человеческих деталей, опущенных в предыдущих изданиях.

Оказывается, у Владимира Ильича, помимо всепоглощающей революционной деятельности, было и любимое побочное занятие, то, что называется «хобби». И это хобби напрямую связано с помощью женщинам.

Ленин любил стирать бельё.

Это его влекло и постоянно интересовало. Этим он занимался в редкие часы отдыха в Швейцарии – в Женеве в 1908-м году, в Берне в 1914-1915-м и в Цюрихе в 1916-м. Стирал он и вручную, и на стиральных машинах, немецких, механических, и на американских, электрических, только что в Швейцарии появившихся.

Во всех швейцарских квартирах, в которых они жили, стиральные машины уже были, – и в женевском пансионе, и в Берне на улочке Дистальвег, и в Цюрихе – у фрау Прелог и у Каммереров, и, наконец, в молочном санатории кантона Сен-Галле – но электричество было не всюду и подавалось не всегда, а электрические машины Владимиру Ильичу нравились всё-таки больше.

– Вхожу я в ванную комнату, – пишет Надежда Константиновна, – и вижу: стоит Ильич, окружённый облаком пара, и стирает носки и кальсоны. Носки он стирал вручную,

говорил, что на стиральных машинах они прилипают к другим вещам или к стенкам. Заодно он стирал и кальсоны, немного меня стесняясь. Оглянется Ильич, видит, что я улыбаюсь и говорит: «Как ты думаешь, Надюша, что я делаю?»

– Стираешь, – говорю.

– А что стираю?

– Носки, ну...кальсоны

– Нет, Наденька, я стираю грани между физическим и умственным трудом.

А в работе на стиральных машинах Владимир Ильич достиг совершенства. Более того, он стал ходить к друзьям и знакомым, учил их простейшим навыкам ручной и машинной стирки. Многие близкие друзья жили в Берне совсем рядом. Инесса Арманд – наискосок, Зиновьевы – в пяти минутах, а Шкловские – в десяти. Владимир Ильич ходил к ним часто и иногда – в охотку – обстирывал. Даже во время циммервальдской и кинтальской конференций находил время для постирушек. А вот развешивать бельё не любил, хотя иногда и приходилось. Позже, когда Ильич жил с Зиновьевым в Разливе в шалаше, единственное, о чём он жалел – что там не было машины, чтобы стирать бельё.

– И вот, – вспоминает Надежда Константиновна, – стоит Ильич около стиральной машины, вытаскивает из сушки одну вещь за другой, складывает их аккуратно и бережно. Рубашку – к рубашке, наволочку – к наволочке... Стопку за стопкой откладывает...А потом собирает всё бельё в высокую белоснежную колонну и протягивает мне её с ликующим возгласом:

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ !

Сергей Кузнецов

Б.Вашингтон, США

Байки. То-то было весело при Тоталитаризме. Из жизни советских писателей ⁴⁰

Корней Иванович Чуковский обожал собак. Опасаясь, однако, что те взаимностью не ответят да и цапнут, близко к себе не допускал. Случалось, несётся на Чуковского крупный пёс – другой бы со страху окочурился! Но крупному, в свою очередь, детскому писателю всё нипочём: встанет на четвереньки, и давай гавкать! Животное перепугается, в сторону отскочит, шерсть дыбом, – только насовсем не исчезнет: носом воздух нюхать начнёт, хвостом вертеть. Так и станут друзьями.

***

Корней Иванович Чуковский взаправду Корнейчуков был, Николай. Но когда уж Советская власть в полную силу вошла и намертво укрепилась, возникло у него сомнение: не подумает ли неискушённый читатель, будто Герой Социалистического Труда,

---

⁴⁰ В сокращении. Полную версию можно прочитать на сайте журнала <https://www.chayka.org/node/8228>

знаменитый писатель Корнейчук, по-родственному покровительство ему оказывает? Тогда и поменял фамилию⁴¹.

***

Советские писатели ужасно нервничали всегда, переживали: как чтоб не посадили их, пуще того – не расстреляли. Напишет писатель какое-нибудь отличное произведение, методом социалистического реализма, отнесёт в редакцию, а после дрожит, прислушивается: не за ним ли пришли. Один только Войнович никого не боялся. Так с ним даже связываться не стали: выслали за границу – и поминай, как звали.

***

Константин Паустовский самозабвенно любил природу. Заприметит, который из кустов понарядней, стульчик свой пододвинет впритык – и сидит, любит, глаз не оторвёт. Туда ему, под куст, и кушать подавали. Целый роман мог написать о капле росы, как покойно лежит ей на зелёном, трепещущем листе, как прихотливо преломляется в капле рыжий солнечный лучик. Если не роман, так уж, по меньшей мере, средних размеров повесть.

***

Константин Паустовский страстно любил природу. Все шедевры свои травам и деревьям посвятил, птицам да зверушкам. Рыбам тоже, конечно. Эдак оно в ту пору куда безопаснее было.

***

Владимира Войновича многие почитатели его таланта заслуженно называли крупным русским писателем. А великим – не называли. Оттого завидовал Солженицыну. Толстому же вовсе не завидовал, потому что тот давно уж как помер.

***

---

⁴¹ Редакция ловит автора баек на анахронизме – Чуковский поменял фамилию до революции. Но сам жанр байки предполагает подобные отклонения от истины.

Александр Исаевич Солженицын к евреям сперва довольно сносно относился. Но в зрелом уже возрасте угораздило классика на еврейке пожениться – и пошло-поехало! Сидят, бывало, рядышком на диване, супруга бороду ему гребнем чешет и приговаривает: «Ах ты, мой юдофобушко!»

***

Сергей Островой боготворил жену свою Надю, арфистку. Придут, бывало, в гости, возьмётся он супругу представлять: «Знакомьтесь, – говорит, – это моя жена, бывшая жена сына Алексей Толстого!»

***

Алексей Николаевич Арбузов очень любил евреев, но, будучи человеком умудрённым, тщательно это скрывал. Пройдёт во дворе мимо Якова Хелемского и не поздоровается.

***

Алексей Николаевич Арбузов очень любил евреев, но, будучи человеком умудрённым, тщательно это скрывал. Любимую дочь, Варвару, за еврея скрытно отдал. А лучшую свою пьесу так и назвал: «Таня». В память незабвенного творения Алтер Ребе⁴².

***

Сергей Островой боготворил жену свою Надю, арфистку. Бывало, сосед-писатель, польстить желая человеку, начнёт нахваливать: какая, мол, жена у тебя красивая! Сергей Островой сдержанно отвечает, но с достоинством: «Старик, ты её ещё голой не видел!»

***

Аркадий Васильев в Союзе Писателей служил, секретарём парткома. Для души подрядился ещё общественным обвинителем выступать, на процессе Синявского с Даниэлем. А чтоб соседи-писатели не слишком уж его опасались, вот чего

---

⁴² Алтер Ребе – Раби Шнеур-Залман бар-Барух из Ляд (*Алтер Ребе*, идиш רבי אלטער רבי — Старый ребе;) — каббалист, основатель хасидского движения Хабад. Автор основополагающей книги этого учения, именуемой «Таня» (прим. ред.)

удумал. Как пойдёт погулять – прихватит непременно пирожок с капустой, да лифтёрше и подаст (у них там при каждом подъезде по лифтёру держали, для остротки). А то и бутерброд с ветчинкой. Добрейший был человек!

***

Аркадий Васильев в Союзе Писателей служил, секретарём парткома. Для души подрядился ещё общественным обвинителем выступать, на процессе Синявского с Даниэлем. Родная дочь его, Груня, в новые уже времена, в знаменитую писательницу проросла, Дарью Донцову. Только одно с другим никакого решительно касательства не имеет!

***

Алексей Николаевич Арбузов очень любил евреев. Когда в кооперативный дом переехали, по улице 2-й Аэропортовской, он так дело поставил, чтоб на одной с ним площадке другие два драматурга прописались – оба евреи. В той квартире, что сбоку – Андрей Кузнецов (но также еврей), напротив – Александр Штейн. Так и жили. Сойдутся, бывало, свои – закручинится Алексей Николаевич, загрустит: «Жаль, – говорит, – по три только квартиры на этаже».

***

Рабкин Борис был писатель не то, чтобы очень крупный. Членом Группкома Драматургов состоял: не принимали, беднягу, в Союз Писателей. Это он уж посмертно в люди выбился, как внучка его, Жукова Дарья, замуж пошла за того самого Абрамовича. А в старую пору, до всяких ещё Абрамовичей, вступился за Рабкина сам А.П.Штейн, член приёмной комиссии СП. «Следует нашей комиссии, – это он указание такое высказывает, – человека принять! Сколько лет корпел, сколько пьес выдал на гора!» Ему: «Александр Петрович, пьесы-то рабкинские слабоваты, не больно талантливы». А Штейн им: «Друзья, разве у нас Союз талантливых писателей? У нас, как-никак, Союз советских писателей!» Приняли Рабкина...

***

Дмитрий Щеглов, тоже драматург был такой, отличался неискоренимым патриотизмом. Берёт он как-то слово на

собрании писательского кооператива и возмущается: «С чего это, – вопрошает, – все наши писатели окрестили своих питомцев иностранными именами? Только и слышишь во дворе: «Долли, ко мне! Молли, место» (а это, впрямь, эрдель был у Дорохова, Долли, а Молли – Мацкина спаниель). Встаёт тогда Алексей Николаевич Арбузов, который очень любил евреев, но скрывал, и Щеглову наперекор: «Все, – возражает, – да не все! Мою, например, таксу, Яшкой кличут!» Засмеялись писатели, захопавали: «Вот, – думают, – лучший советский драматург русское имя дал своему любимцу!» Вы-то уж, конечно, всё поняли...

***

Алексей Николаевич Арбузов очень любил евреев. Сидит, как водится, у себя в кабинете, сочиняет знаменитую драму: «Мой бедный Марат». А сам песенки русские распевает, на особый только манер:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь в синагогу
В старомодном, ветхом шушуне.
Или так вот:

У ворот, ворот, ворот,
Да ворот батюшкиных,
Разгулялися ребята, распотешилися.
Ай, Дунай, мой Дунай,
Весёлый мой Дунай,
Барух Ата Адонай...

***

Александр Альфредович Бек обожал косить под сумасшедшего. Встретит во дворе Якова Хелемского и давай кричать: «Здравствуй, здравствуй, Яков Козловский!»

***

Александр Альфредович Бек обожал косить под сумасшедшего. И столь удачно выходило у него, даже не разберёшь: может, и впрямь с ума человек свихнулся. В тогдашнюю пору оно ведь как: того посадили, этого расстреляли, ежели уж который в ссылку угодил – под звездою, считай, родился. Вот и мыслит Бек: «Буду лучше сам

эпатировать, чем меня – этапировать». А с полоумного – чего взять? Никакой тебе справедливости: все, понимаешь, отдуваются, с одного только Бека – словно с гуся вода.

***

Валерий Тур закончил школу для дефективных с золотой медалью. Вскорости литератором стал, членом трёх творческих союзов: писателей, кинематографистов и журналистов. Вот как Советская власть заботилась о подрастающем поколении!

***

Александр Альфредович Бек обожал косить под сумасшедшего. Приезжает он однажды на Трубопрокатный завод, перед трудящимися выступать. Встречает его главный инженер, выводит на сцену, там у них полон зал рабочих набился. Инженер и объявляет: «А сейчас, товарищи, перед вами выступит писатель Александр Блок». До того растерялся Бек, все стихи Блоковы позабыл начисто.

***

Драматург Самуил Алёшин был человек железной воли. По три часа в день упражнялся физической культурой, водой ледяною закаливался (а нужды в том не было никакой: горячую воду у них на две недели в году всего только и отключали, хорошо жили). В большой комнате шведскую стенку учредил. Встанет подле той стенки на голову и стоит по сорок минут кряду. Туда ему, в перевороченную голову, сюжеты для пьес и приходили.

***

Вызывает Самуила Алёшина лично товарищ Фурцева, министр культуры СССР, член Президиума ЦК КПСС. «Так мол и так, глядел ваш спектакль сам Никита Сергеевич, да только вот один эпизодишко не шибко ему показался. Необходимо, – распоряжается, – срочнейшим образом эпизод этот переписать!» (А в тогдашнюю пору за такие дела больше уж не расстреливали). Другой бы писатель вмиг по ковру распластался: «Слушш-ссс, Вашш-сство!». Но не таков был драматург Самуил Алёшин, человек железной воли! «Извините, – отвечает, – Екатерина Алексеевна, но как министру вынужден вам отказать». Та аж пятнами пошла. Он паузу выдержал и

продолжает: «Однако же как красивой женщине за счастье почту уступить». После в любимцах у ней ходил.

***

Драматург Самуил Алёшин был человек железной воли. Свезло ему как-то за границей побывать (пустили, наконец), посмотрелся там всякого, воротился на родину, размышляет: «А ну как прихватит меня на чужбине аппендицит? Помру ведь, покуда до дому довезут!» Явился к врачу, требует: вырезать ему аппендицит начисто, раз и навсегда! Хирург, ясное дело, упираться, артачиться: здорового-то кому охота кромсать? Да нешто Алёшина пересилишь? Вырезали у него, лежит себе в отдельной палате, на белых простынках, выздоравливает. Едва на поправку пошёл – лёгкое левое задумал убрать: чтоб, значит, рака там не приключилось (а он, Алёшин, даже и не курил никогда). Но тут уж доктора все в кучу сбились – и наотрез! Так и остался при обоих лёгких.

***

Сколь ни любил Алексей Николаевич Арбузов евреев, с одним рассорился-таки вчистую: с Александром Галичем. До войны ещё накропали они вдвоём пьесу, да всё никак славы поделить не могли. Разругались вусмерть. Наперёд будет молодым писателям наука: соавтора выбирать – это тебе не жену! Литературное наследие – это, брат, на века!

***

Он, Александр Галич, даже и сам, без Арбузова, выучился хорошие советские пьесы писать, методом социалистического реализма. Отдельные пьесы у него и в театре шли. Но стоило лишь ему, Галичу, покреститься, – всё, конец правильным пьесам, давай, заместо них, куплетики антисоветские, запрещённые, рифмовать. Не зря, видать, говорили предки-славяне: конь лечёный, что вор прощёный, что жид крещёный.

***

Александр Шаров человек был горделивый. Не знал ещё тогда, что сыну его, Володьке, Букера по литературе присудят. Оттого и гордился собственными своими сказками.

***

Александр Шаров человек был горделивый. Ухо с ним надлежало держать остро. Скажешь по неосторожности: селёdochка, дескать, с лучком вкусная, – обидится, что не его хвалят.

***

Советская власть советских же своих писателей сильно привечала (тех, что уцелели). И за дело! Если какой писатель почище других выслуживался, власть восхвалял, – становился он Засракой (звание, то бишь, получал заслуженного работника культуры). Который мастер пера на двух фронтах отличиться сумел, идеологически по содержанию, художественно по форме, – тут выше бери: Лаурой делали (лауреатом, стало быть: кого – Сталинской, а кого так и Ленинской). Ну а коли уж он, сверх всех прочих заслуг, преданный был без меры, и словом доказавший, и делом, навроде Симонова или какого-нибудь там Катаева, – тот до самой аж до Гертруды (Героя Социалистического Труда) мог дослужиться! Со всеми, сами понимаете, обильно вытекающими последствиями...

***

Гуляет Александр Галич по двору: шапка на нём бобровая, поступь вальяжная, гитара в бархатном футляре, – что твой барин. Поджидает, кто бы в гости пригласил. Позовут – начнёт песенки свои антисоветские, запрещённые, распевать: негромко, конечно, чтоб соседи не наступали. Там его, в гостях, и накормят, и выпить поднесут.

***

Другие писатели попросятся нарочно к тому же хозяину: песенок галичевских, запрещённых, отведать. Как льготы да привилегии от Советской власти принимать – в очередь, понимаешь, выстраиваются, локтем один другого садануть норовят. А как втихаря над нею, над властью своей, поехидничать – это завсегда пожалуйста!

***

Аплодируют писатели, Галича славят, – негромко, конечно, чтоб соседи не наступали. Один только Александр Шаров,

человек горделивый, мрачнее тучи: чего это Галича хвалят, а его нет?

***

Соломон Апт переводил с немецкого роман Томаса Манна «Иосиф и его братья». Придут гости к супруге его (Соломона, то есть, а не Иосифа), Стариковой Екатерине, пикантнейшей дамочке, из дворян, – так чтоб непременно ботинки долой, и мимо Соломонова кабинета по ковру, да на цыпочках. Год проходит, другой, третий – всё на цыпочках да на цыпочках. И то сказать: полторы тыщи страниц, за неделю, поди, не переведёшь!

***

Советские писатели – они, вперёд всего, за жизнь свою менжевались, но также и за художественные произведения. Публиковать-то страшновато бывало, а и выкинуть жалко. Взять того же Липкина Семёна: просидит всю ночь напролёт, составит хороший, длиннющий стих, перепишет к рассвету столбиком, набело, – и занывает до лучших времён. Разве только если акына какого на русский переведёт, – тогда не опасался печатать. Вот и у дружка своего, у Василия Гроссмана, захомотал он как-то раз самую наиважнейшую рукопись, да и притырил до поры. Очень впоследствии пришлось та рукопись к делу.

***

Соломон Апт переводил с немецкого роман Томаса Манна «Иосиф и его братья». Полдня, бывало, пропереводит, притомится. Нелёгкое оно занятие-то, русский с иностранным беспрерывно сличать. Передых требуется. Вызовет отпрыска своего, Сашку, спрашивает: «Скажи-ка, Сашка, как чтоб стать человеку крабом?» Тот, хоть биологией увлекался, – ни бум-бум. «А вот как, – это Соломон разъясняет, – встать раком и пойти боком». Отошлёт отпрыска – и снова за немца.

***

Надежда Давыдовна Вольпин также переводчицей служила: с какого хошь языка – всё на русский. Из себя престарелая старушонка: 80, после 90, затем уж и вовсе 95. Вообразить даже не представлялось, как всего-то семьдесят годочков назад,

зеленоглазая да озорная, прижила она сынка от великого русского поэта, – забулдыги, впрочем, и подкулачника, – от Сергея Есенина. Сынок тот, ясное дело, дослужился, конечно, до профессора. Однако ж, доверие не полностью оправдал: то ли в декаденты подался, то ли в диссиденты. Вот и отгадай наперёд, от кого детишек-то заводить.

***

На литературном вечере восторженная одна почитательница вопрос предлагает, волнуясь и с придыханием: «Скажите, – говорит, – это правда, что вы лично общались с самим Сергеем Есениным?» «Нет, – Надежда Давыдовна в ответ, – только по телефону».

***

Этажом выше, в аккурат над Аптами, проживал Адамов Аркадий, мастер милицейского детектива. Отец его, Адамов Георгий, тоже в старые времена детективами пробавлялся, подводными только («Тайна двух океанов» – слышали, небось). И сын адамовский, Юрка, как созрел, взялся так же само за детективы: одно слово, династия. Сызмальства-то он, Юрка, всё больше по подводной линии унаследовал. Добром дело не кончилось: грохнул на паркет здоровенный, десятиведерный аквариум. У них ведь, у детективщиков, как: учинят сперва, не подумавши, криминал, а после всю книжку расхлёбывают.

***

Худо дело: хлещет у Аптов с потолка, куда там Ниагарскому водопаду. Хозяйка, Старикова Екатерина, пикантнейшая дамочка, из дворян, – та, натурально, в крик. А Соломон Апт переводил тогда с немецкого роман Томаса Манна «Иосиф и его братья», ему сосредоточенности своей никак потерять было невозможно. Призывает отпрыска и указывает, хладнокровнейшим голосом: «Беги, – говорит, – Сашка, наверх, к другу своему Юрке, передай: если хоть раз ещё он, засранец, на нас прольётся, стану я тогда писать фонтаном в потолок». С той самой поры не было протечек.

***

Илья Зиновьевич Гордон отображал в своём творчестве редкий пласт советской социалистической действительности: жизнь евреев-колхозников. Романы да рассказы публиковал он на отмирающем языке идиш. Целому свету желала показать Советская власть: есть в нашем государстве, стране пролетарского интернационализма, литература на всех братских языках, – даже и на таком лядашем, как идиш!

***

Супругу Гордонову, Берту Борисовну, женщину солидную, прозвали за глаза «Большой Бертой». Это, значит, чтоб от «Малой Берты» отличать, от Берты Михайловны Бляхман, опаснейшего человека (врачом-онкологом трудилась, в Литфондовской поликлинике). Большая Берта, если чем и выстреливала, так это мужниными произведениями: с идиш переводила на русский, да издавали потом всё по новой. Поговаривали, правда, будто это сам Илья Зиновьевич на обоих языках творит, наподобие Набокова, а женино имя после вставляет, – чтоб подзаработала себе на пенсию. Изобретательный народ, без меня знаете...

***

Всю войну прошагал Илья Зиновьевич Гордон, орденов с медалями – полна грудь. А по видимости – маленький такой, кругленький местечковый еврей. В бакалее расплачивается за покупки, – вытянет горсть мелочи, а там, с пятаками и копейками вперемешку, – шурупчики всякие, резиночки, гвоздики. Это он по дороге подберёт, да в карман припрячет: сгодятся в хозяйстве!

***

Поэт Виктор Урин являл собою пример убеждённого интернационалиста (язык не повернётся высказать: космополита). Первого сына Сенгором нарёк, о чём телеграмму известил Президента Сенегала, Почётного Председателя Социалистического Интернационала Леопольда Седара Сенгора. Спустя недолгое время, тормозит у их подъезда чёрный Джип, и двое чёрных сотрудников Сенегальского посольства торжественно вручают Урину благодарственное письмо Сенгора вкуче с массивным золотым ожерельем.

***

Второго сына интернационалист Виктор Урин Фиделем Кастро назвал, о чём телеграммой известил вождя Кубинской революции. Спустя недолгое (как, впрочем, и весьма отдалённое) время, Урин получил хрен.

***

Вызывают Илью Зиновьевича Гордона в партком секции прозаиков: так мол и так, сведения поступили, что ударились вы в православие. «Никак, товарищ Гордон, с партией надумали распрощаться?» «Смешная, конечно, шуточка, – Гордон вздыхает. – Если б уж я к религии какой прибился, я бы, наверное, выбрал-таки себе иудаизм». «Этого ещё не хватало! – отмахиваются, – насчёт иудаизма не было, слава те Господи, донесений. А шутками здесь и не пахнет, дело серьёзное. Показали верные люди: вы, товарищ Гордон, когда из подъезда своего выходите, креститесь во всю грудь!» Пригорюнился Илья Зиновьевич, призадумался. «Ага, – просиял наконец, – дошло! Это ведь я, шлимазл, всегда так проверяюсь: не забыл ли авторучку, на месте ль партбилет, на мне ли шляпа, и застёгнута ли ширинка».

***

Зорин Леонид был вундеркинд. У них там, в Баку, вундеркиндов – что в поле цветов: Каспаров Гарик, Гусман Юлик, Ростропович Мстислав Леопольдович. А Зорина – того Горький сам привечал. Посадит, бывало, мальчонку на колени, а будущий Зорин давай стихи свои вслух декламировать, с выражением и с чувством. Классик пролетарской литературы по головке ребёночка погладит, усами пощекочет, и, сходя в гроб, благословит.

***

Зорин Леонид был вундеркинд. Только оно ведь как сказано: кого Господь одарил щедро, в другом в чём обделить может. Не пофартило Зорину со здоровьем. Сойдутся, бывало, писатели во дворе, о футболе беседу ведут, о политике (осторожно, конечно, чтоб соседи не настучали). Об искусстве: каждый норовит книжкой своей новой хвастануть. Один Зорин печальный стоит, безрадостный. Спросят – давай тихим голосом на болезни жаловаться. В особенности лёгкие Зорина донимали, спина,

живот, поясница, прямая кишка, почки, простата и мочевого пузыря. Другие писатели повздыхают, посочувствуют, и разойдутся.

***

Виктор Сергеевич Розов обладал сильнейшим родственным чувством. Когда ещё в трёхкомнатной прописаны были, переселил к себе насовсем тещу (мать, стало быть, жены своей, Надежды Варфаломеевны), Соню, тещину сестру (тётку, то есть, Надежды Варфаломеевны), Олега, Сониного сына (жениного, значит, двоюродного). Своих детишек двое. Ступить уж некуда, а Розов, что ни день, – нового родственника разыщет, да жить приволочёт.

***

Подымается Виктор Сергеевич Розов со своего 3-го этажа к Алексею Николаевичу Арбузову (который очень любил евреев, но скрывал), на 7-й. «Слышь, – говорит, – Лёха, оба мы с тобою, как ни крути, крупнейшие советские драматурги. Давай, – говорит, – на пару шедевр мировой накатаем!» А тот ему: «Не, Витёк, не пойдёт. Вдвоём только детей делать сподручно». (Вы уж догадались, поди, с чего Арбузов заартачился). Так и осталась не написанной лучшая советская драма...

Сведения об авторах

Лиана Алавердова (Баку). Окончила исторический факультет Азербайджанского Гос. Университета. Работала в Институте философии и права АН Азербайджана. Стихи, эссе, статьи, переводы с английского и азербайджанского языков публиковались в Азербайджане, России и США. Живет в Нью-Йорке, заведует библиотекой Kings Bay (Бруклин).

Лейла Александер-Гарретт (р. Узбекистан). Писатель, переводчик со шведского и английского. Работала переводчицей и ассистентом на фильме Тарковского «Жертвоприношение» в Швеции. Автор книги «Андрей Тарковский: собиратель снов» (М, Аст, «Астрель», 2009). Живет в Лондоне.

Нина Аловерт (р. Ленинград). Окончила исторический факультет Ленинградского университета. Специалист в области балета и балетной фотографии. С 1977 года живет в Америке. Внештатный балетный критик и фотограф журналов Dance Magazine, Ballet Review, Point, журнала «Балет» (Москва), русскоязычных газет в Америке. Принимала участие в составлении «Международного балетного словаря» (Лондон, «Сент-Джеймс Пресс», 1994), справочника «Кто есть кто в современном мире», Москва, 2003. Автор книг и альбомов. Имеет международные премии и награды. Несколько замечательных фотографий Нины Аловерт украсили обложки Альманахов ЧАЙКА.

Лев Альтмарк (р. 1953, Брянск). Окончил Институт транспортного машиностроения, работал инженером, учителем, журналистом. В 1990 году поступил в Литературный институт им. Горького на семинар А.И. Приставкина. После окончания института в 1995 году переехал в Израиль (Беер-Шев). Публикации в журналах «Юность», «Дружба народов», «Нева», «Новый Ренессанс», «Российский колокол». Выпустил семь поэтических сборников и одиннадцать книг прозы (включая переводы и переиздания). Живет в Израиле.

Анастасия Антонова. Студентка-журналистка Пермского университета.

Семен Белкин. Окончил Ленинградский институт иностранных языков и Ленинградский кораблестроительный институт. Более 40 лет проработал в институте по проектированию рыболовных судов. Неоднократно выходил в море на промысловых судах, участвовал в длительных рейсах в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Автор более десяти книг о кораблях и море. В ЧАЙКЕ публикуется как писатель-маринист и историк морского дела. С 2008 года живет в США.

Наум Белог (Одесса). Первое стихотворение написал в 1943 году. В то же время начал рисовать. С тех пор продолжал заниматься этим. Работал инженером в СКБ. Изобретал новые машины. В 1987 году эмигрировал в Австралию. Продолжал работать инженером до 2008 года. Выйдя на пенсию, начал выставляться в австралийских галереях и писать рассказы, вначале на английском, а потом на русском. Печатался в Австралии, Израиле и Америке.

Анна Белокопытова (Аннет Бове) (р. Свободный Амурской области). После окончания ВТУ им. Щукина работала в качестве сценариста, координатора работы жюри театрального фестиваля «Золотая маска». В 2006 году иммигрировала в Испанию. С 2006 по 2015 – специальный корреспондент газеты «МК. Испания». Переводчик с испанского. Автор ряда повестей и многочисленных рассказов.

Кира Белостоцкая (Москва). Окончила Радиотехнический факультет Московского Энергетического института. С 1958 года работает в ОКБ МЭИ. Защитила кандидатскую диссертацию. Прошла все должности от инженера до начальника лаборатории. Имеет почётные звания: «Заслуженный создатель космической техники», «Заслуженный испытатель космической техники», «Ветеран космонавтики России». Живет в Москве.

Татьяна Белянчикова. Родилась и живет в Москве. Много лет проработала менеджером в коммерческом банке, сейчас на тренерской работе – преподает банковское дело в ВУЗе. Автор четырех поэтических сборников, публикаций в литературных журналах и альманахах. Призер и победитель ряда поэтических конкурсов в рунете. Пишет тексты песен для исполнителей различных жанров.

Лев Бердников (р. 1956, Москва). Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской Государственной Библиотеки. С 1990 г. – в Лос-Анджелесе. Автор 7 книг и многочисленных публикаций. Зам. главного редактора журнала «Слово/Word» (США). Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси. Историческая публицистика». Живет в США.

Адольф Берлин. Окончил Львовский политехнический институт. Работал в Научно-исследовательском и проектном институте химии в Армении (г. Ванадзор, бывший Кировакан). Занимался научной работой и преподавал во Львовском политехническом институте, – затем Государственном университете «Львовская политехника»; доктор химических наук, профессор, автор монографии, 55 изобретений и более 170 публикаций в научных журналах США,

Западной Европы, СССР, России и Украины. Стихотворения и проза опубликованы в Миннеаполисе, Сан-Франциско, Нью-Йорке и на интернете. Живет в Миннеаполисе (США).

Зоя Бобкова (р. Чита). Поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей России (СПб отделение) и член Союза журналистов СПб и Ленобласти. Главный редактор газеты «Приневский край» Ленобласти. Автор более двадцати книг стихов и прозы. Автор надписи на памятнике «Примирение», установленном в Санкт-Петербурге. Печаталась во многих изданиях и коллективных альманахах. Лауреат фестиваля песни «На берегах Невы» и к 300-летию СПб. Живёт в Гатчине.

Николай Боков (1945, Москва —2019, Париж). Русский поэт и прозаик, работавший во Франции. В 1969 году окончил философский факультет МГУ. В 1970 году там же поступил в аспирантуру, но в 1972 году, по требованию КГБ, был отчислен. В 1975 году иммигрировал во Францию. Работал в газете «Русская мысль», издавал журнал «Ковчег». Получил премию Дельмас-Института Франции, с 2001 – член французского ПЕН-клуба. До последних дней жизни был активным автором и членом редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат диплома журнала ЧАЙКА за 2019 год – посмертно.

Валерий Бохов (р. 1941, Москва). По образованию инженер – экономист. В 1966 г. окончил Московский инженерно-экономический институт им. С.Орджоникидзе, машиностроительный факультет. Работал в различных НИИ. С 1993 года по 2013 год – в системе ФНС России. Публикуется в периодических изданиях и сборниках. Живет в Москве.

Александр Булгаков (1961, Челябинск). Окончил Челябинский политехнический институт, инженер-технолог машиностроительного производства. Публиковался в журналах: «Родина», «Уральский следопыт» и «Край Смоленский». Член Международной гильдии писателей. Живет и работает в Челябинске.

Юлия Вертела (Царское Село) Окончила биологический факультет Ленинградского государственного университета. Член Союза писателей России. Автор книг прозы «Бери и рисуй» (СПб.: Вести, 2008), «Интенсивная терапия» (М.: АСТ, 2011). Лауреат премии журнала «Нева» за лучшее произведение 2010 года в номинации «Дебют». Живет в Царском Селе.

Лев Визен. Окончил Московский Горный институт. Первый сборник очерков – «Дела студенческие» – был выпущен «Молодой гвардией» в 1960-м. В 1964-м в ЖЗЛ вышла его книга «Хосе Марти» – единственная беллетризованная биография национального героя Кубы. В 1975-м – спецкор «Нового Времени» во Вьетнаме. С 1978-го – в Канаде. Работал на стройке, стелил паркет, водил такси и

рефрижераторы. Ушел в бизнес. Олигархом не стал, но полной независимости добился. Живет в Виктории, Канада. Постоянный автор раздела «Война и репрессии» Альманаха ЧАЙКА.

Игорь Волошин (р. 1955, Киев). Окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта. В 1991 году эмигрировал в США. Периодически публикуется в русскоязычных изданиях с очерками о национальных парках Америки, о Чикаго и о малоизвестных, но необычных личностях в истории США. Работает инженером. В ЧАЙКЕ публикует очерки о забытых еврейских художниках Чикаго. Живет в Чикаго.

Анатолий Валюженич. Известный исследователь жизни Маяковского и семьи Бриков. Заслуженный энергетик СНГ. С середины 1960-х углубленно занят историко-литературной темой «Маяковский и его окружение». Автор книг «О.М.Брик: Материалы к биографии», «Лиля Брик – жена командира. 1930 – 1937», двухтомника «Пятнадцать лет после Маяковского». Член Оргкомитета «Бриковских чтений», международных научных конференций, проведенных в Москве в 2010 и 2013 гг. Живет в Астане, Казахстан.

Сергей Голлербах (р. 1923, Детское (Царское) Село). Живописец, график, художественный критик и литератор. В 1942 г. был вывезен немцами на работы в Германию. С 1946 по 1949 учился в Мюнхенской академии художеств, в которой учились многие русские художники. Член Американской академии художеств. Автор книг: «Заметки художника» (1983), «Свет прямой и отраженный» (2003), «Нью-Йоркский блокнот» (2013). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Летом 2018 года стал дипломантом журнала ЧАЙКА за серию мемуарных очерков. С 1949 года живет и работает в Нью-Йорке.

Виктор Голков (р. 1954, Кишинев). Выпускник МЭИ. Эмигрировал в Израиль в 1992 г. Печатается в периодических журналах и сборниках. Входил в короткий список 9-го Волошинского конкурса 2011 г. в номинации «поэзия», в длинный список Бунинской поэтической премии 2012 г., в длинный список премии «Живая литература» 2012 г. Победитель конкурса Национальной литературной сети 2003 г. (номинация «поэзия»). Живет в Азуре, Израиль.

Борис Голубицкий. Режиссер, заслуженный деятель искусств России. С 1987 по 2012 художественный руководитель Орловского Государственного академического театра имени И.С.Тургенева. Преподает в Российском Государственном институте сценических искусств (С.-Петербург). Живет в Санкт-Петербурге.

Михаил Голубовский (р.1939), генетик, историк и популяризатор науки, эссеист. Учился на кафедре генетики Ленинградского университета, доктор биол.наук. Работал в Академгородке (Новосибирск), С. Петербурге, во Франции, Австралии, разных университетах США. Автор книги: «Век генетики: эволюция идей и понятий» (СПб. 2000). Публикации в журналах «Природа», «Химия и жизнь», «Атом», «Звезда» (премия за лучшую публикацию 2002 г.), «Нева», «Вестник», «Мосты», альманаха «Образы жизни» (Сан-Франциско). Проживает близ Беркли, Калифорния.

Лев Гуревич (р. 1945, Москва) Публиковался в журналах «СЛОВО/WORD», «Эмигрантская лира», «Гостиная», «КольцоА», «МИШПОХА», русскоязычных газетах Германии. В ЧАЙКЕ публикует очерки о интересных судьбах художников и ученых. Живет в Германии.

Виолетта Гребельник (Киев). Окончила Киевский медицинский институт, медицинский факультет Римского университета «La Sapienza», кандидат медицинских наук по неврологии. Работает врачом в частной клинике. В свободное время играет на фортепиано и пишет очерки и стихи. Неоднократный победитель зимних и летних творческих конкурсов журнала ЧАЙКА для детей. Живет в Риме.

Юлия Добровольская (1917, Нижний Новгород-2016, Милан) – профессор, переводчик с итальянского, автор учебников и словарей, а также книги мемуаров «Постскриптум». На протяжении многих лет была автором журнала ЧАЙКА.

Ольга Дунаевская. Родилась в Москве. Филолог, журналист. Окончила факультет журналистики МГУ. Кандидат филологических наук, член Союза журналистов Москвы и Международного союза журналистов. Автор рассказов и прозаического цикла для подростков. Преподает в режиме онлайн финансы и экономику в университетах США и Европы.

Саша Зеленская (р. Ленинград). С 1990 года живет за пределами России - сначала в Швеции, а затем в США и Швейцарии. Окончила Стокгольмский Университет по специальности «радиационная биология», защитила диссертацию по медицине в Каролинском университетском госпитале в Стокгольме. В настоящее время работает в фармацевтической промышленности. Дебютировала со стихами в журнале ЧАЙКА. Живет во Франции.

Юлий Зыслин (р. Москва). Коллекционер и культуролог автор четырёх сборников стихов, двух книг прозы, десятков эссе, статей и репортажей, опубликованных в России, США, Украине, Израиле, 25-ти концертных и телевизионных музыкально-поэтических программ и сотен песен на стихи более 50-ти русских поэтов.

Основатель «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» (1997), «Вашингтонской аллеи русских поэтов, композиторов и художников» (2003). Лауреат журнала ЧАЙКА за 2018 год. С 1996 года живёт в США (Б. Вашингтон).

Галина Ицкович – поэт, переводчик с английского. Переводит американскую поэзию XX–XXI вв. Стихи и переводы побеждали в интернет-конкурсах на сайте «Стихи.ру», на конкурсе переводов в журнале «Эмигрантская лира» (2013). Первое место в номинации «Зрительские симпатии» на Открытом Чемпионате Германии по русской словесности (2013). Дипломы поэтических конкурсов «Лужарская полночь» (2013), «Эмигрантская лира» (2014). Член редколлегии онлайн-журнала «Окна». Живет в Нью-Йорке.

Борис Казинец (р. Москва). Народный артист Грузии, актер Тбилисского русского академического драмтеатра им. Грибоедова, художественный руководитель театра «Русской Классики», штат Мэриленд. Живет в Б.Вашингтоне, США.

Даша Кашина (р. Киев). Окончила Институт русского языка им. А.Пушкина в Москве. Русскоязычный журналист на Украине, печатается в российских изданиях, дебютировала и постоянно печатается в журнале ЧАЙКА. Ведет рубрику «Калейдоскоп новостей». Автор книги «Папа», в которую вошли ее интервью с детьми известных людей. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2018 год в номинации «журналистика». Живет в Киеве.

Итана Карпишпан (р. Ленинград). Инженер-электрик. Жила в Иерусалиме, Израиль. В настоящее время живет в Роквилле, штат Мэриленд (США). Как автор воспоминаний дебютировала в журнале ЧАЙКА.

Наум Клейман (р. 1948, Винница). Окончил Московский Автомеханический институт в 1971 году. Работал 3 года в Виннице инженером, затем в Главном Архитектурном Управлении. Принимал активное участие в качестве ведущего инженера в проектировании правительственных объектов, а также объектов Олимпиады 80. В 1998 году уехал с семьей в США. Прошёл путь от чертёжника до ведущего инженера. Последние 10 лет работал в «General Dynamics». В настоящее время живет в штате Мичиган.

Сергей Кузнецов (р. 1952, Москва). Закончил Биофак МГУ, работал в НИИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи АМН СССР. В конце 80-х написал несколько пьес, одна из которых, «...И Аз воздам», с 1990 по 1994 г. шла в Малом театре в Москве. С 1992 года живет в США, работает в Национальном Институте Здоровья. Живет в Большом Вашингтоне.

Григорий Куперштейн. Родился в Одессе. Окончил музыкальную школу по классу скрипки с серебряной медалью, а

консерваторию с отличием. С 1977 года живет в США. Окончил Джульярд и получил звания бакалавра и мастера музыки. С 1980 года работает в группе первых скрипок в Балтиморском симфоническом оркестре.

Никита Кривошеин (р. 1934, Париж). Русский переводчик и писатель, общественный и политический деятель русской эмиграции. Окончил Московский институт иностранных языков. В 1957 года был арестован КГБ за напечатанную в газете «Le Monde» статью о вторжении советских войск в Венгрию. После освобождения с 1960 по 1970 годы работал литературным и синхронным переводчиком. Работал в журнале «Новое время». В 1971 году вернулся во Францию. Живет в Париже.

Самуил Кур. Родился, жил, работал в Белоруссии. Педагог-математик по образованию. С 1996-го в Сан-Франциско. Поэт, прозаик, эссеист. Книги поэзии и прозы выходили в Минске. Публикации – в журналах, альманахах и других периодических изданиях России, Беларуси, США, а также в сети. Член редакционного совета еженедельника «Кстати» (Сан-Франциско).

Елена Кутина (р.Ташкент, Узбекистан). Поэт, дебютировала в журнале ЧАЙКА. Живет в Узбекистане.

Серафима Липтева. Счастливое детство на Кавказе – Школа в Москве с золотой медалью - Журфак МГУ – Дальний Восток – Москва – Сидней – вот «этапы большого пути» автора заметок «Из блокнота журналиста», сборников коротких повестей, рассказов, очерков, сказок, написанных по разные стороны от земного экватора.

Елена Литинская (р. Москва). Выпускница филологического факультета МГУ. Занималась поэтическим переводом с чешского. Автор шести книг стихов и прозы. Публикации в журналах и газетах: «Новый мир», «Новый журнал», «Слово/ Word», «День и ночь», «Зарубежные записки», «Дети Ра», «Зинзивер», «Гостиная», «Ковчег», «Алеф», «Работница», «Литературная газета», «Поэтоград» и др. Её произведения выходят в сборниках и альманахах. Президент Бруклинского клуба русской поэзии, заместитель главного редактора литературного журнала «Гостиная». С 1979 года живет в Нью-Йорке.

Борис Лихтенфельд (р. 1950, Ленинград). Окончил Электротехнический институт. Публиковал стихи и статьи в самиздате, с 2000-х годов – в журналах «Звезда», «Нева», «Арион», «Волга», «Дети Ра», «Зинзивер», «Слово/Word», «Крещатик». Автор книг: «Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда» (2000) и «Метазой» (2011).

Олег Лузанов (р. 1964). Автор трёх сборников поэзии и двух сборников прозы: «О серьёзном и весёлом» (стихи), «Жуки

Момбасы» (рассказы), «Парадоксы и факты» (стихи), «Разнообразно об обычном» (рассказы), «Поэтический гардероб» (стихи). Публиковался в газете «Городские известия», альманахе «Курские перекрёстки», альманахе «Любимый город в сердце моём», альманахе «Современная поэзия и проза Соловьиного края», журнале Seagull Magazine («Чайка», Балтимор, США). Лауреат нескольких литературных конкурсов, в том числе Всероссийского конкурса МВД «Доброе слово» в 2018 году. Живет в Курске (Россия).

Элеонора Мандалян (р. Москва). Журналист, писатель. По образованию скульптор, кандидат наук. С 1994 – в США. Работала литературным редактором в русскоязычном альманахе «Панорама» и вела в нем свою рубрику «Непознанное». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Ведет рубрики «Кинообозрение Элеоноры Мандалян» и «Америка глазами россиянина». Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Лос-Анджелесе.

Борис Марковский (р. 1949, Киев). После окончания школы поступил в Киевский педагогический институт на русский филфак, на котором проучился 3 года, после чего институт бросил. Работал грузчиком, полотором, ювелиром. При советской власти не печатался. В 1994 году уехал жить в Германию на постоянное место жительства. С 1997 года – главный редактор журнала «Крещатик». В 2002 году в издательстве «Алетейя» вышла в свет книга стихов и переводов «Пока живу – надеюсь...».

Вадим Массальский (р. 1964, Одесса). Журналист, писатель, работает на медиа компании «Голос Америки», ф Живет в Александрии, США.

Александр Матлин. Инженер-строитель, специалист по морским портам. В этом качестве проработал почти 40 лет в Америке. Печатается в сетевых журналах «Заметки по Еврейской истории» и «Семь искусств», в еженедельниках «Панорама» (Лос-Анджелес) и других русскоязычных газетах и журналах Северной Америки и Израиля. В 2010 году Москве, в издательстве «Вагриус», вышла книга «На троих с ЦРУ – полное собрание из бранных рассказов и стихов». В апреле 2014 года в Нью-Йорке, в издательстве «MIR Collection» вышла ещё одна книга рассказов «2 = 1». Живет в Нью-Йорке.

Михаил Мейлах. Поэт, филолог, историк искусства, художественный критик, профессор Страсбургского университета. Автор исследований в области русской поэзии и поэзии средневековых трубадуров, переводил их жизнеописания и романы Набокова, издавал и исследовал обнаруженную им в 60-х годах в частном архиве поэзию обэриутов. В начале 80-х годов был арестован за хранение антисоветской литературы и 4 года провёл в

тюрьме и лагерях. Опубликовал воспоминания об Ахматовой и Бродском, а также диалоги с последним.

Лариса Миллер (р. Москва). Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Постоянный участник Альманахов журнала ЧАЙКА. Живет в Москве.

Марина Мичурина. Работала в проекте «Английский нового тысячелетия» (New Millennium English) – учебник английского языка для российских школ, 1999-2005 годы. Стихи публиковались в электронном журнале «Кругозор», в журналах «Контакт» (Бостон) и «Веселые картинки». Издала два сборника поэзии – «За алым парусом вдогонку» и «Дорога в ноябрь. Живет и работает в Бостоне.

Азарий Мессерер (1939-2017). Русский и американский журналист, переводчик, пианист, лектор. Из известной балетной и творческой семьи. Его двоюродная сестра прима-балерина Майя Плисецкая и двоюродные братья Азарий Плисецкий, Михаил Мессерер и художник Борис Мессерер. Его тети: Суламифь Мессерер и Рахиль Мессерер и дядя Асаф Мессерер. В 1981 году эмигрировал в США, где продолжил журналистскую деятельность. Был постоянным автором журнала ЧАЙКА.

Михаил Моргулис (р. 1942, Киев). Русский писатель, основатель и президент организаций «Христианский Мост» и «Духовная Дипломатия», почетный консул Беларуси в США. Встречался с пятью президентами США: Джимми Картером, Рональдом Рейганом, Джорджем Бушем, Биллом Клинтонем и Бараком Обамой, а также с Михаилом Горбачёвым, Александром Лукашенко, Виктором Януковичем, Аскармом Акаевым и другими. Консультировал окружение президента Джорджа Буша-младшего по вопросам, связанным с Украиной, Беларусью, Россией.

Саша Немировский (р. 1963, Москва). Поэт, писатель, путешественник, скалолаз, программист, антрепренер. Печатается в различных литературных альманахах и изданиях в США, Франции и Финляндии. Автор 4 книг стихов: «Без Читателя» (Москва 1996), «Уравнение разлома» (2009), «Система Отсчета» (2012). «На втором круге» (2014). С 1987 пишет стихи в своем собственном стиле «джаз-поэзия». Член СП Петербурга, иностранное отделение. Живет в Калифорнии, США.

Макс Неволошин. В прошлом – учитель. После защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. С 2003 года живёт и работает в Сиднее. В 2015 году вышла книга рассказов в чикагском

издательстве «Bagriy & Company». В этом же году книга попала в лонг-лист премии "НОС".

Валентин Нервин (р.1955). Член Союза российских писателей, автор 12 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им.Н.Лескова (Россия) и им. В.Сосюры (Украина), специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии, 2013), Международной Лермонтовской премии (2014). Стихи переводились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живет в Воронеже.

Евгений Обухов (р.1954). Автор семи сборников прозы, трёх сборников стихов, составитель (либо участник) более сорока коллективных сборников, участник поэтических антологий. Был спецкорреспондентом журнала «Крокодил» (1990-е гг.), ведущим телепередачи «Вокруг смеха» (2002 – 2003 гг.), Главным администратором «Клуба 12 стульев» (т.е., зав. отделом юмора) 16-й полосы «Литературной газеты» (1999 – 2005 гг.). С 2005 до настоящего времени – главный редактор журнала «Филателия». Живет в г. Дедовск Московской области.

Татьяна Парсанова (р. хутор Рябовский Волгоградской обл.) Автор сборника стихов «В унисон с дождями» (Редакционно-издательский дом «Российский писатель» 2018г.). Стихи публиковались в интернет альманахах и журналах: «День и Ночь», «45-я Параллель», «Сетевая словесность», «День литературы», «Артбухта», «Топос», «Великороссь» «Дарьял», «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый Континент» (США), «Созвучие», «Новая Немига литературная» (Белоруссия) и др. В настоящее время живет и работает в Наро-Фоминске.

Елена Пацкина (р. Москва). Окончила Московский авиационный институт по специальности инженер-экономист. Автор нескольких книг стихов («Уходящая натура», «Фотография минуты», «Счастливый дилетант» и др.). Автор серии «Беседы с мудрецами» (более семидесяти персонажей, начиная от Эпикура, Демокрита и других античных авторов до Курта Воннегута, Агаты Кристи и пр.) Многие диалоги из «Воображаемых бесед с мудрецами» печатались в журнале ЧАЙКА.

Анатолий Петрушин (Ленинград). В 1989 году окончил Институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта с присвоением квалификации преподавателя-тренера по боксу. Организовал первый в СССР клуб «Сават». Преподавал айкидо, ударные единоборства, фехтование на канн и бато. В 2006 г. опубликовал книгу «Французский бокс сават – техническая, тактическая и

психологическая подготовка». Дебютировал в журнале «Чайка» (рассказ «Явка с повинной»). Живет в С.-Петербурге.

Григорий Писаревский (р. Харьков). Инженер-электрик. В Америке с 1988 года. Около 25 лет работал в крупных американских компаниях в области информационных технологий. Живет в Нью-Джерси. Является одним из основателей и членом правления клуба «Русских американцев» в своем городке. Печатался в интернет-журнале «Беркович-Заметки», калифорнийском интернет-журнале «Кстати», «Еврейском Мире» и местной газете «Concordian» (на английском языке). Также на английском языке под псевдонимом «Jeff Pierce» опубликовал политический триллер «Hallways of Deserption» (Коридоры Обмана). Пишет для ЧАЙКИ полемические статьи на политические темы. Живет в США.

Лия Припштейн (р. Ленинград). Два года прослужила в Армии Обороны Израиля (ЦАХАЛ). После окончания Еврейского университета в Иерусалиме, вела образовательные проекты в Израиле и бывшем Советском Союзе. Позже получила степень Бизнес Администрейшн (МВА) в Тель-Авивском университете. В настоящее время живёт в штате Нью-Йорк. Пишет по-английски. Рассказы в русском переводе печатались в иерусалимском альманахе «Гнездо» и транслировались по американскому радио NPR.

Илья Прозоров (р. 1987, Таллинн). Писатель, театральный режиссер. С юности профессионально занимался подводным аквалангом (дайвингом), жил и работал в Таиланде, о чем и написал свой первый роман. Окончил режиссерский факультет Театрального института им. Б. Щукина. Свой первый спектакль в качестве режиссера по пьесе Дарио Фо «Свободная пара» поставил на сцене Измаильского драматического театра в Украине. Живет и работает в Эстонии.

Олег Пряничников (р. 1969). Служил в армии, затем освоил множество профессий. Работает на предприятии ВСМПО-АВИСМА. Впервые опубликовал свои юморески в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент», в 1986-ом году. Затем были публикации в журналах «Крокодил», «Чаян», «Вокруг смеха», «Начинающий писатель», «ЛитОгранка», «Союз писателей», в газетах «На смену!», «Уральский рабочий», «Литературная Россия». Автор книжки «Игра длиной в жизнь». Живет в России.

Александр Рабинович (р. 1948, Москва). Доктор физико-математических наук. Сфера научных интересов: нелинейные физические поля, общая теория относительности и космология, нелинейные уравнения математической физики. Автор большого числа научных статей в ведущих российских и зарубежных журналах и двух монографий на русском и английском языках, член

редколлегии американского журнала «Applied Mathematics». Живет в Москве.

Элиэзер Рабинович (р. Москва). Окончил Московский химико-технологический ин-т им. Д.И. Менделеева по специальности «Технология силикатов», кандидат наук. В 1974 году с семьей эмигрировал в Израиль и работал в Израильском Институте Керамики и Силикатов до 1981 года, после чего был приглашен в Bell Laboratories, штат Нью-Джерси, США. Автор и соавтор около ста научных статей и патентов по основной специальности. В ЧАЙКЕ публикует статьи на социальные и политические темы. Живет в Нью-Джерси, США.

Александр Ралот (Александр Петренко). Прозаик, публицист и краевед. Автор пятнадцати электронных книг и десяти бумажных. Все они озвучены профессиональными артистами различных театров СНГ. Член Союза писателей России и межрегионального союза писателей, член правления Южно-Российского творческого объединения «Серебро Слов». Живет в Краснодаре. Неоднократный победитель конкурса творчества детей и для детей журнала ЧАЙКА.

Владимир Резник. Родился в Сибири, жил на Западной Украине – откуда, собственно, и корни семьи, потом в Ленинграде, а из него, превратившегося к тому моменту в Санкт-Петербург, в 1994 году выехал в США. Сейчас живет в Нью-Йорке. Получил хорошее техническое, но так и не пригодившееся в жизни высшее образование. Нет. Не был. Не состоял. Не привлекался. Участвовал, но отделался лёгким испугом. Менял города, страны, профессии, перевоза за собой растущую семью и чемодан с рукописями. Тяжёл стал чемодан. Пора его облегчить... . Лауреат журнала ЧАЙКА за 2017 год в номинации «художественная проза для взрослых и детей».

Семен Резник (р.1938, Москва). Писатель, журналист, историк. Более десяти лет работал редактором серии «Жизнь замечательных людей», в которой вышли его первые книги. Биография академика Н. И. Вавилова была признана «идеологически вредной», только вмешательство крупнейших ученых и международная огласка спасли книгу от уничтожения. Исторические романы «Хаим-да-Марья» и «Кровавая карусель» – о кровавом навете на евреев и Кишиневском погроме – вообще не могли быть изданы, что заставило писателя эмигрировать в США в 1982 году. Автор фундаментальных книг о Вавилове и Солженицыне. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Большом Вашингтоне.

Александр Романов. Родился и живет в Волгограде. Закончил Волгоградскую Архитектурно-строительную академию (сейчас – Университет) в 2000 г. Служил в ВС РФ в 2000-2001 гг. Работал дизайнером. Сейчас архитектор-проектировщик зданий и

сооружений. Писать начал в 2013 году. Как писатель дебютировал в ЧАЙКЕ.

Ирина Роскина. Окончила в 1971 г. романо-германское отделение филологического факультета МГУ. С 1972 г работала в Иностранном отделе Госфильмофонда СССР и по совместительству синхронным переводчиком кинофильмов. В 1990 году переехала в Израиль, где работала в Иерусалимской библиотеке Гуманитарных и Общественных факультетов Еврейского университета. Публикует в журнале произведения и переписку своей матери, литературоведа и редактора Натальи Роскиной, из семейного архива. Пишет мемуарную прозу. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Иерусалиме.

Наталья Роскина (1927–1989, Москва). Автор многочисленных публикаций по русской литературе, редактор, специалист по А.П.Чехову и А.С.Суворину. Была секретарем у Корнея Чуковского. Работала сотрудником в «Литературном наследстве». Ей посвящено знаменитое стихотворение Николая Заболоцкого «Признание» («Зацелована, околдована»).

Ирина Рувинская (р. Кирсанова Тамбовской обл.). Окончила Воронежский госуниверситет (факультет романо-германской филологии). Работала библиотекарем и переводчиком в Харькове. Автор книг стихов «Коммуналка» (1995), «Пока» (1996), «Может, поможет» (2014, шорт-лист Волошинского конкурса в номинации «Лучшая поэтическая книга 2014 года»), «Каланхоэ» (2016), «Буквы» (2018). Стихи вошли в «Антологию современной русской поэзии Украины» (1998), в антологию «Лучшие стихи 2012 года» (2013). Лауреат Поэтического фестиваля памяти У. Ц. Гринберга (2007). Репатрировалась в 1996 году. Работает зам. редактора издательства «Достояние». Живет в Иерусалиме.

Людмила Свирская (р. Алматы, Казахстан). Окончила Алтайский Государственный Университет, факультет филологии и журналистики. Автор 7 стихотворных сборников, изданных в России и Чехии, и многочисленных публикаций в различных изданиях. Стихи переведены на чешский, украинский, английский и каталонский языки. Финалист Всероссийского Тургеневского конкурса (2018), призер международных литературных фестивалей: «Эмигрантская лира», «Русский стиль», «Ганноверские дни поэзии». Победитель конкурса «Пушкин в Британии» - 2018. С 1999 г. живет в Праге.

Михаил Синельников (р. 1946, Ленинград). Известный московский поэт, переводчик, эссеист, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий. Академик Российской академии естественных наук, Петровской

академии и турецкой Академии поэзии. Лауреат Премии Ивана Бунина, Премии Антона Дельвига, Премии Арсения и Андрея Тарковских и еще ряда российских и иностранных премий. Стихи переводились на многие иностранные языки и отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии. В ЧАЙКЕ ведет свой «поэтический» блог. Живет и работает в Москве.

Валентина Синкевич (1926, Киев - 2018, Филадельфия) – поэт, эссеист, автор мемуаров. В годы войны была депортирована в Германию, с 1950 года живет в Америке, в Филадельфии. В течение тридцати лет издавала поэтический Альманах «Встречи» (до 1983 «Перекрестки»).

Александр Сиротин (р. Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер, радиожурналист. Мама Александра Нехамы Сиротина играла в ГОСЕТе Соломона Михоэлса. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва-Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Нью-Йорке.

Валерий Скобло (р. 1947, Ленинград). Поэт, прозаик, публицист. Окончил матмех Ленинградского ун-та. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» и «Записки вашего современника». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной литературной периодике. Премия им. Анны Ахматовой за 2012 г. (номинация «Поэзия» журнала «Юность»). Шорт-лист международного конкурса стихотворного перевода «С севера на восток» – 2013 г. (журнал «Иные берега»). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Санкт-Петербурге.

Евгений Сливкин (р. 1955, Ленинград). Русский поэт. Получил диплом инженера-механика. В 1980 году поступил на заочное отделение Московского Литературного института имени А. М. Горького, а в 1993 году уехал в США и поступил на аспирантуру при кафедре славистики Иллинойского университета, где защитил диссертацию. Преподает в университете города Денвера. Живет в США.

Ольга Соловьева. Окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет. Защитила две кандидатские диссертации – кандидат физико-математических и юридических наук. Интересуется театром, модой и не только. В журнале ЧАЙКА публикует рецензии на современные постановки в питерских театрах, пишет заметки о городе и его жителях в своей постоянной рубрике

«Записки на коленке». Лауреат журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Солунский (р. 1937, Харьков). Физик, доктор физ-мат. наук, профессор. Организатор и лектор русскоязычного поэтического общества в своем штате. В журнале ЧАЙКА ведет рубрику «Поэтический альбом». С 1998 живет в Милуоки, США.

Роман Солодов (р.1944, Москва). Окончил МАИ, затем ВГИК. В России занимался научно-популярным кино, сценарист. В 1991 году эмигрировал в США. Работал на радиостанции «Свобода», получил профессию технолога по радиоизотопной медицине. Автор четырех романов в семи книгах, повестей, рассказов и многочисленных статей. Постоянный автор ЧАЙКИ. Ведет в ЧАЙКЕ раздел политики и социологии. Живет в Нью-Джерси.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). Автор 25 изобретений. Работал журналистом, главным редактором региональной телерадиокомпании, корреспондентом киевской газеты «Магистраль». Член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Постоянный автор журнала ЧАЙКА.

Владимир Темкин (р.1945). Учился в МЭИ, до 1991 года работал в Москве. После переезда в Израиль более 20 лет руководил НИС одной из компаний хайтэка в Израиле, PhD. В 2012 году переехал в Америку, где уже 15 лет работал его сын. Публикуется в московском альманахе ЛЕСНОЙ ОРЕХ, в чикагских изданиях ШАЛОМ и ЗЕМЛЯКИ. Живет в Чикаго, США.

Ольга Трифонова-Тангян (Москва). Окончила английское отделение филфака МГУ, работала в издательстве «Прогресс» и в ИМЛИ, где защитила кандидатскую диссертацию. Является автором-составителем книги А. Нюренберга «Одесса-Париж-Москва» (М., 2010), а также автором ряда мемуарных статей о своем отце писателе Юрии Трифонове. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Дюссельдорфе (Германия).

Соня Тучинская. Родилась и выросла в Ленинграде, инженер-электрик. Работала в Jewish Vocational Services. Потом, в погоне за длинным рублем, перешла в software industry. Рассказы, эссе, публицистика и переводы с английского – в «Звезде», «Неве», «22», «Нота Бене», «Лехаиме», Слово/Word, «Панораме», «Еврейском Мире», «Форвартсе», на сетевом Портале «Заметки по еврейской истории», «7 Искусств». Живет в Сан-Франциско.

Яков Фрейдлин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокибернетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (Handbook of Modern Sensors). Автор книги воспоминаний «Adventures of an Inventor». Недавно опубликовал дебютную книгу художественной прозы на основе рассказов, напечатанных в журнале ЧАЙКА. Постоянный автор журнала. Лауреат премии журнала ЧАЙКА в номинации «художественная проза» за 2017 год. Живет в Сан-Диего (Калифорния).

Лазарь Фрейдгейм. Инженер, кандидат технических наук, автор более 100 научных работ, изобретений, патентов. Работал в ювелирном бизнесе, в туристическом агентстве, в большой фармацевтической фирме. Публикуется в журналах, газетах и интернет-изданиях. С 1991 г. живет в Сан-Диего, Калифорния (США).

Жиль Марк Фужерон (р. 1938). Бывший преподаватель русского языка и доцент Лилльского университета. Доктор наук по лингвистике, автор педагогических пособий по русскому языку. С основания в 2009 г. по 2015 г. преподавал в Русской православной семинарии в Париже.

Ирина Фужерон (Москва). С 1965 года живёт во Франции. Доктор филологических наук. Профессор университета. Сейчас на пенсии. С 1997 г. работает над архивами С.И. Карцевского.

Владимир Ханан (*Ханан Бабинский*) (р. 1945, Ереван). Поэт, прозаик, драматург, представитель так называемого «питерского андеграунда». Автор книг: «Однодневный гость» (2001), «Аура факта» (2002), «Неопределённый артикль» (2002), «Вверх по лестнице, ведущей на подоконник» (2006), «Осенние мотивы Столицы и Провинций» (, 2007), «Возвращение» (2010), «И возвращается ветер...» (2014), а также трехтомника Избранного (Стихотворения, Проза, Пьесы и главы воспоминаний (2016). Живет в Израиле.

Юрий Хейфец (творческий и артистический псевдоним Борис Берг) (р. 1953, Свердловск). Закончил Свердловский медицинский институт. В 2004 году получил второе высшее образование, закончив факультет психологии МГУ. В настоящее время работает врачом в Москве. Стихи и песни пишет с 14 лет, известен в кругу любителей авторской песни. Автор романа «Эпитафия», изданного в 2008 году в виде аудиокниги. Живет в Москве. Как поэт дебютировал в журнале ЧАЙКА.

Ксения Хрусталева (р. 1992, Москва). Магистрантка МГИМО (У) МИД России по специальности – востоковед со знанием

японского и английского языков. В 2012 г стажировалась в университете города Сидзуока (Япония). Член авторского коллектива переводческого журнала «Мосты» и информационно-исследовательского проекта «Русский Шекспир». Как поэт дебютировала в журнале ЧАЙКА.

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих литературно-художеств. журналах и сборниках. Автор многих книг. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА и постоянный консультант при создании Альманахов. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Чикаго.

Вера Чайковская (р. Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Автор художественных альбомов и книг о художниках (Брюллов, Тышлер). В 2019 году изданы две ее книги: «Дух подлинности. Соцреализм и окрестности», (М., Искусство-21 век) и «Анекдоты из пушкинских времен и другие новеллы» (М., Буксмарт). Живет в Москве.

Ирина Чайковская (р. Москва). Писатель, критик, публицист, драматург, кандидат педагогических наук. Область исследований последних 20 лет: Тургенев и его эпоха. Автор четырнадцати книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Вадим Чирков. В прошлом житель Молдовы (Кишинев), детский писатель: сказки, рассказы, приключенческие и фантастические повести. Член СП бывшего СССР, лауреат конкурса им. Марка Алданова «Лучшая повесть Русского Зарубежья», «Новый Журнал» (Нью-Йорк), 2011, «Белогвардеец». С 2000 года живет в Нью-Йорке.

Александр Шиварг (р. 1923, Харбин). В сентябре 1941 года переехал в Гонконг, где учился на медицинском факультете. Был добровольцем в Британской армии, попал в плен. В японском концлагере провел 3 года. После войны учился в Оксфордском

университете на факультете философии, политики и экономики. Работал в Лондоне в рекламной компании, открыл в британской столице первый русский и китайский ресторан. К 95-летию Александра Шварга выходит его первый сборник стихов. Живет в Лондоне.

Александр Эмекчи. В редакцию была прислана рукопись рассказа, найденного дочерью после смерти отца, участника войны.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80 годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University in St. Louis и Saint Louis University, Missouri (США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ. Печатался в различных литературных изданиях. Постоянный автор журнала ЧАЙКА и участник Альманахов. Живет в Сент-Луисе, США.

Бенгт Янгфельдт (р. 1948, Стокгольм, Швеция). Известный шведский писатель, исследователь и переводчик-славист. Хорошо знавший Лию Брик, он впервые полностью опубликовал их с Маяковским переписку. Книга вышла на русском языке в Швеции в 1982 году. В его книге о Маяковском «Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг» (М., 2009) поражает обилие не публиковавшихся ранее материалов. Бенгт Янгфельдт был другом и переводчиком Иосифа Бродского, написал о нем книгу «Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском» (М., 2012). В 2014 году на русском языке вышла книга Янгфельдта «Рауль Валленберг», в которой впервые дана полная биография этого неординарного человека и рассказано о его смерти в тюрьме КГБ. Живет в Стокгольме.